МЕТАЛОГ

Международный
литературно-художественный
и научно-публицистический журнал

№ 4

Пятигорск 2011

МЕГАЛОГ

№ 4 / 2011
ISSN 2078-4112

Учредители Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пятигорский государственный лингвистический университет», Северокавказский научно-образовательный институт филологии Пятигорского государственного лингвистического университета

Главный редактор **А.М. Казиева** – директор Северокавказского НИИ филологии, руководитель Центра северокавказских языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета

Редакционный совет
А.П. Горбунов – сопредседатель
Ю.С. Давыдов – сопредседатель
Н.В. Барышников – зам. председателя
Ю.Ю. Гранкин – зам. председателя
З.А. Заврумов – зам. председателя

Редакционная коллегия В.В. Айрапетова, О.А. Алимурадов, У.М. Бахтикиреева,А.О. Бродзели, Л.В. Витковская, Д.А. Казиева, А.С. Куёк, А.В. Кузнецова, О.А. Куликова, М.И. Магомедов, И.А. Модебадзе, Ж.Ж. Толысбаева, Ф.Т. Узденова..

Международный литературно-художественный и научно-публицистический русскоязычный журнал «Мегалог» включает в себя оригинальные и переводные произведения, что прежде всего подразумевает опору на культурную величину, за которой важно увидеть не посылку отторжения, а универсальное свойство взаимодействия. В таком подходе, на наш взгляд, прочитывается не только попытка преодоления негативных этноцентрических тенденций, но и достижения объединяющего взгляда на те разрозненные явления, которыми отмечен сегодняшний день.

Иными словами, художественное воспроизведение движущегося национального бытия в наше время снова обретает общезначимый и общечеловеческий смысл.

Открытость «региональному», жанровому и уровневому (дебют молодых авторов) многообразию, с одной стороны, позволяет выявить разные модели художественного миростроения, с другой – приблизится к преодолению самоизоляции культур «малых» народов. На этом пути открываются возможности установления новаций, которые привносит современность, и ценностей, которые настойчиво удерживает общество в ходе своего развития.

Основная концепция журнала – сделать издание своеобразным культурным мостом, связывающим страны и континенты на основе русского языка.

Чтобы стать автором «Мегалога», необходимо выслать свои рукописи по адресу:
357532 Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.
Северокавказский НИИ филологии. Редакционная коллегия журнала «Мегалог».
kazieva@pglu.ru
(8793)400-220, (928)911-4041

Мы будем рады Вашим откликам, мнениям, пожеланиям.

Содержание

Проза. Поэзия.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ **5**
Тюрки в доистории 6

Джамбулат Кошубаев **45**
Стихи 45

Камал Абдулла **48**
Харон, милосердный Харон… 48
И жизнь одна у нас…
И странствие одно 51
Красивое поражение 52

Мурадин Ольмезов **55**
Стихи 55

Дюсенбек Накипов **59**
Часть третья 59

Шота Бостанашвили **99**
Стихи 99

Георгий Яропольский **105**
Потерянный ад 105

Ирлан Хуга **117**
Предание о Хуга 117

Алексей Макушинский **121**
Стихи 121

Борис Чипчиков **125**
День, из которого невозможно уйти 125
Благословение долгам моим 134

Сергей Сутулов-Катеринич **142**
Стихи 142

Лера Мурашова **148**
В позавчерашний дождь войти 148

Зарина Канукова **152**
Бабочки, порхающие в доме 152

Асфар Куек **158**
Ты – весна моя 158
Дубовый листок 162

Александр Мосиенко **183**
Стихи 183

Александр БУРОВ **186**
Фенёк, или кошачий дивертисмент 186

Константин Каспарян **196**

Михаил Ананов **213**
Стихи 213

Римма ХАНИНОВА **218**
The Story «Yesir» by V. Khlebnikov and the Kalmyk Legend of Okon-Tengri 218
Повесть В. Хлебникова «Есир» и калмыцкая легенда об Окон-Тенгри 225
Эссе 231

Иван Бекетов **234**
Стихи 234

Павел Банников **237**
Стихи 240

Эгвина Фаталь **240**
Стихи 240
Пряничный домик 242

Наталья Банникова **253**
Стихи 253

Светлана Алхасова **255**
Сотканный из солнечного света… 255

События. Юбилеи

Мой Гаджи 257

Наталия Семенюченко **259**
Слово о художнике 259
Стихи Е. И. Пассова 263

Рецензии. Статьи. Эссе

Рашид Акавов **266**
Из истории русско-северокавказских общественно-культурных связей: 266

Светлана Ананьева **274**
Память – крылья, дарованные человечеству 275
Фольклор – драгоценная составляющая словесности 283

Проза. Поэзия

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Олжас Омарович Сулейменов (род. 18 мая 1936, Алма-Ата, Казахская АССР, РСФСР) — поэт, писатель-литературовед, общественно-политический деятель Казахстана, дипломат. Пишет на русском языке.

Биография

Родился в семье офицера казахского кавалерийского полка, репрессированного в 1937 году. Позже Лев Гумилёв сообщил Олжасу, что сидел с его отцом в норильском лагере, где того расстреляли.

Окончил школу в 1954 году и поступил на геологоразведочный факультет Казахского госуниверситета, окончил его в 1959 году, инженер-геолог. Последние годы учебы совмещал с работой в геологоразведочных партиях.

Литературной работой занялся в 1955 году.

В 1958 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького в Москве на отделение поэтического перевода.

Окончил геологический факультет КазГУ (1959 г.) и Литературный институт имени А. М. Горького (1961 г.).

В 1962-1971 — литературный сотрудник газеты «Казахстанская правда», главный редактор сценарно-редакционной коллегии киностудии «Казахфильм», заведующий отделом журналистики в журнале «Простор».

1971-81 — секретарь правления Союза писателей Казахстана,

С 1972 — председатель Казахского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки.

В 1975 году издал литературоведческую книгу «АзиЯ», получившую резко отрицательный резонанс в Москве, книга была запрещена, автор 8 лет не издавался и практически перестал писать стихи.

1977-1995, 18 лет председатель федерации шахмат Казахстана.

1981-1983 председатель Государственного комитета Казахской ССР по кинематографии.

1983-1991 — первый секретарь Правления Союза Писателей Казахстана, в 1984 году — секретарь правления СП СССР.

1989 — Народный депутат Верховного Совета СССР.

В 1989 году стал инициатором движения «Невада-Семипалатинск», которое добилось в 1991 году закрытия Семипалатинского ядерного полигона. Это стало толчком к закрытию всех других ядерных полигонов в мире: на Новой Земле (Россия), в штате Невада (США), атолле Мururoa (Франция), озере Лобнор (Китай) и введению моратория на все ядерные испытания.

1991—1995 — лидер партии «Народный конгресс Казахстана».

1995—2002 годы — полномочный посол Казахстана в Италии и по совместительству в Греции и Мальте. Продолжил литературоведческую деятельность и выпустил в 1998 году в Риме книги «Язык письма» «о происхождении письменности и языка малого человечества» и «Улыбка бога», в 2001 — «Пересекающиеся параллели» (введение в тюркославистику) а в 2002 году — книгу «Тюрки в доистории» (о происхождении древнетюркских языков и письменностей), за которую получил премию Кюльтегина «за выдающиеся достижения в области тюркологии», 2002.

С 2002 года постоянный представитель Казахстана в ЮНЕСКО (Париж), подготовил к изданию этимологический словарь «1001 слово».

Сборники стихов
«Земля, поклонись человеку!» (1961, премия ЦК комсомола Казахстана)
«Аргамаки», Алма-Ата, Жазушы, 1961.
«Солнечные ночи», А-Ата, Жазушы, 1962.
«Ночь-парижанка», А-Ата, Жазушы, 1963 (премия ЦК комсомола Казахстана)
«Доброе время восхода», А-Ата, Жазушы, 1964 (премия ЦК ВЛКСМ,1967)
«Год обезьяны» (книга стихов), Алма-Ата, Жазушы, 1967.
«Глиняная книга» (поэма), Алма-Ата, Жазушы, 1969.
«Над белыми реками» (стихи и проза), А-Ата, Жазушы, 1970.
«Круглая звезда» (стихи), Москва, Худлит, 1975.
Работы по истории и этимологии
В 1962 были опубликованы первые статьи по теме — «Кочевники и Русь»
«Темные места «Слова о полку Игореве» http://www.pseudology.org/tatary/Sulejmenov_1.htm
«Аз и Я» (Алма-Ата, Жазушы, 1975) / в Библиотеке Александра Кобринского
Язык письма(Рим, San Paolo, 1998) / в Татарской электронной библиотеке
Улыбка бога (Рим, San Paolo, 1998/ в Татарской электронной библиотеке
«Пересекающиеся параллели» (введение в тюркославистику), Алматы, 2001.
«Тюрки в доистории» (о происхождении древнетюркских языков и письменностей). Алматы, Атам;ра, 2002.- 320 с.
Награды и звания
Лауреат премий ЦК комсомола Казахстана, 1961, 1963.
Лауреат премии Всесоюзного Ленинского комсомола, 1967.
Лауреат Госпремии Казахской ССР им. Абая, 1973.
Лауреат независимой премии бизнесменов Казахстана «Платиновый Тарлан», 2000.
Международная премия им. Кюльтегина, 2002.
Международная премия Турции «За вклад в тюркский мир», 2003.
Орден «За заслуги» (Ингушетия, 7 августа 2004) [4]
Почетный доктор Института истории им. Марджани АН Республики Татарстан, 2005.
Орден «Шохрат» (Азербайджан, 21 июня 2006)
Орден князя Ярослава Мудрого 5 степени (Украина), 2006.
Орден Отан, Казахстан, 2006.
Орден Дружбы (Россия, 2007) [5]
Орден Рыцаря литературы и искусств Франция, 2007.
Почетный гражданин Семипалатинска (2009).
Почетный профессор Семипалатинского госуниверситета имени Шакарима (2009).

Марат Джумагазиев

Тюрки в доистории

О происхождении древнетюркского письма

(Продолжение. Начало в №3, 2010 г.)

Ассирийский период

Ассирия и Геродот

Некогда могучая Ассирия переживает последние десятилетия своего имперского существования. Ослабленная бесконечными войнами с соседними государствами Севера – Урарту, Мидией, она не выдержала удара скифов, пришедших из прикаспийских степей. Они прошли по западному берегу Каспия через Железные Ворота (Дербентский проход), пронизали Мидию и взяли столицу Ассирии – великий Вавилон.

Геродот описывает могущество мидийского царя Киаксара: «*Тут-то, когда он уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина, в пределы его царства вторглись огромные полчища скифов во главе с царем Мадиесом, сыном Протофиея.*». Скифы в это время вели войну с киммерийцами, «*вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю*».

Геродот описывает маршрут скифов. Они шли, «*оставляя Кавказские горы справа… Здесь*

то и произошла битва мидян со скифами. Мидяне потерпели поражение», их могущество было сломлено. «*Скифы же распространили свое владычество по всей Азии*». (Геродот называл Азией территорию, включавшую Аравийский полуостров, Ближний Восток, Малую Азию и – до Индии – О. С.). «*Затем скифы пошли на Египет. На пути туда, в Сирии Палестинской скифов встретил Памметих – египетский царь с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше.*

Двадцать восемь лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось» (Геродот, I, 104, 105, 106).

Геродот описывает события, произошедшие почти два столетия раньше, чем он начал писать « Историю» (скифы завоевали Ассирию в VII в. до н.э.), затем, в VI в. до н.э. Ассирия перешла в подчинение персам-ахеменидам.

«*После завоевания Вавилона сам Дарий выступил в поход на скифов.* (...) *Царь пожелал теперь наказать скифов за вторжение в Мидию… Ведь, как я уже сказал раньше, скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии. Следуя за киммерийцами, они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне).* (...). *После 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну…*» (Геродот, IV, 1).

II

Кто такие скифы? Какой современный этнос может считать себя их наследниками?

В «Книге пророка Иеремии» скифы – бич божий, которым наказывается Вавилон, погрязший в радости и веселье. Бог говорит: «*Я подниму и приведу на Вавилон сборище великих народов от земли северной и расположатся против него, и он будет взят; стрелы у них как у искусного воина, не возвращаются даром. И Халдея сделается добычею их; и опустошители ее насытятся*, – говорит Господь – *ибо вы веселились, вы торжествовали, расхитители наследия моего… Выстройтесь в боевой порядок вокруг Вавилона: все, натягивающие лук, стреляйте в него, не жалейте стрел, ибо он согрешил против Господа.*

…Вот идет народ от севера…
Держат в руках лук и копье;
Они жестоки и немилосердны;
Голос их шумен как море;
И несутся на конях…
Поднимите знамя на земле,
Трубите трубою среди народов,
Вооружите против него народы,
Созовите на него царства
Араратские, Минийские и Аскеназские…»

Автор этого текста, несомненно, был знаком с ассирийскими источниками, повествовавшими о крушении Вавилона под натиском «северных народов». Он использовал их сообщения, чтобы попытаться объяснить поражение великого государства местью божьей за греховное поведение вавилонян.

В надписи Асархаддона (Ашшурахиддины) – одного из наследных царей Ассирии (680-669 г. до н.э.) еще бьется боевой дух: «*Я, рассеявший людей страны Маниев, неусмиренных кутиев, который побил оружием войска Ишпакая, скифа, союзника, не спасшего их*» (И. М. Дьяконов «Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту» // Вест. древней истории. – М., 1951. – вып. 3 (37). – С. 218).

Словом «скиф» был переведен этноним *(a)š-gu-z(a)*, прочитанный полногласно *aš-gu-za.* (В древнееврейских источниках *askenaz*.)

Геродот, почерпнувший сведенья о захвате Вавилона пришельцами из Прикаспийских степей, скорее всего, так же из ассирийских источников использует название кочевников *š-ku-z*, которое в языке греков станет обобщающим этнонимом, охватывающим народы, населявшие Великую степь в VII в до н.э. и во времена Дария (VI в. до н.э.), и позже уже в эпоху Геродота.

Геродот передал этот термин средствами древнегреческого письма *κυθ* – (латинская транскрипция *scuth*). В византийском письме υ стала выражать звук «*и*-грекус», т.е. «*и*-греческий», как его определили в латинском, и тогда традиционная запись прочлась в латинской транскрипции **scyth (skuth)*. В западноевропейских литературах: *skytha* (лат.), *skyth* (англ.), *scyt* (ит.), в русском *скиф*. Одно из основных переносных значений этого обобщающего этнонима в греческом было – «кочевник». В этом смысле слово *skyth* также дошло до славян, но не письменным путем.

[Слова *кочевать, кочевник* заимствованы из огузского *köč ev* – «кибитка», «юрта», букв. «дом кочевой», «кочующий дом», «кибитка на колесах». (А не от *köčmäk* – «кочевать», как полагают Словари. См. Ф., II, 357.) Это сложное слово превратилось в термин только в восточнославянских языках, и оттуда прошло в польский. Ограниченность распространения, скорее всего, говорит о недавнем заимствовании (XV-XVI в.в.). А до этого как называли кочевников? Полагаю, было в ходу слово **skit* – «кочевник», от которого и произошло *скитаться* – «кочевать». О романском источнике может свидетельствовать форма прилагательного **skytal* – «скифское», которая стала основой существительного *скиталец*.

Глагол *скитаться* общеславянского распространения: (др.-рус. *скытати ся*, серб.-ц. слав. *скытатися*, серб.-хорв. *скитам се*, словен. *skitati se, skitam se* и т.д.)

Наша этимология, кажется, ближе к истине, чем предлагаемая Словарями: «Родственно лит. *kutéti* – «встряхивать», *kutrus* – «бойкий» (последнее может быть из слав. *хytrъ* – « проворный»), др.- исл. *skunda* – «быстро убирать», «спешить», др.- сакс. *scuddian*, д.-в.-н. *scutten* – «толкать, трясти», др.- исл. *skydir* – «луна» (поэтич.), *skynda* – «гнать» (Младенов... Хольтхаузен... Уленбек...) Ф., III, 641.]

Геродот сделал скифов столь известными, что за право наследования этой славы до сих пор бьются ученые нескольких народов. Большинство скифологов сошлись во мнении – «скифы были союзом ираноязычных племен». Но, если внимательно читать Геродота, то он считал их полиязычным народом. Царя скифов, объезжавшего страну, всегда сопровождали переводчики. Скорее всего, прикаспийские и причерноморские степи в середине I тысячелетия до н.э. населяли разноязыкие племена, объединенные под началом «царских скифов» (*basilies*), так Геродот называет доминировавший в том степном государстве этнос. Он говорит также о скифах-земледельцах, о скифах-кочевниках («доителях кобылиц»), которые и колонизировали Ассирию, а заодно чуть не добрались и до Египта. По-видимому, наряду с ираноязычным населением степи там обитали и тюрки. Скорее всего, последних имели в виду ассирийские хроники, описывавшие тогдашнее нашествие «кочевников севера» под именем *(a)š-gu-z(ä).*

Скифы

Пока более или менее ясно только одно – **ассирийское название кочевников VII века до н.э.** *(a)š-gu-z(a)* **стало основой древнегреческого слова **skuth*, прочтенного в византийскую эпоху в форме *skyth*.**

Геродот, рассказывая о нашествии кочевников на Вавилон, использовал данные ассирийских источников. Семитской этимологии этнонима нет: скорее всего, это было самоназвание степняков. Не получилась и иранская этимология. Но появляется тюркская, благодаря тому, что кроме двух традиционно используемых источников (ассирийских хроник, «Истории» Геродота), мы привлекаем и третий – старинный огузский героический эпос «Китаб-и дәдәм Коркут» («Книга моего деда Коркута»), которая является средневековой записью эпических сказаний, передававшихся от поколения к поколению в течение многих веков. Эпосы можно датировать относительно сведений, содержащихся в датированных документальных источниках. Собрание эпических сюжетов, представленное в «Книге Коркута», включает информацию и средневековья, и более ранних эпох. Огузский эпос, на мой взгляд, позволяет понять происхождение и смысл этнонима, переданного ассирийской слоговой клинописью.

«*Место действия «Китаб-и-Коркут» - Азербайджан и Армения. Перемешиваются факты кочевого и оседлого быта. С одной стороны табуны коней, верблюды, стада баранов, пастухи, кочевые шатры. С другой – виноградники и сады… Географические названия, как также отметил*

В. В. Бартольд, относятся главным образом к Закавказью, хотя упоминается Сирия на Юге, рум (Византия) на Западе. Города и области Ирана не упоминаются совсем. Одним словом, географическая номенклатура, политическая обстановка и культурное окружение определенно указывают на то, что последнее оформление огузского эпоса, записанного в «Китаб-и Коркут», произошло, как и доказал уже В. В. Бартольд в своих работах, в пределах Закавказья.» (из доклада А. Ю. Якубовского на научной конференции в Ташкенте. Цитируется по книге: В.В.Бартольд «Книга моего деда Коркута». – Баку, YNE «XXI», 1999, с. 127).

Последнее оформление эпоса было в Закавказье, где осели огузы-азербайджанцы. Этот регион на карте М. Кашкари (XI в.) назывался *bilâd al-guziyye* («страна огузов»). Нас пока интересуют не сюжетные линии великого эпоса, но историческая давность этнонима.

Огузы в исторических хрониках арабов и византийцев узнаются по наименованиям *oguz, guz, ūz*.

II

Многие древние этнонимы тюрков являлись названиями гербовых знаков. Таково происхождение союзов племен *On ok* («Десять стрел»), *Üč ok* («Три стрелы»), *Boz ok* («Сломанная стрела»). *Iki pčak > kipčak > kypčak* («Два ножа»), *Қos ok* («Пара стрел») > *косок, козок, казак*.

Слово *ok (uk)* – «стрела» имело и другое значение. Э.Севортян приводит алт. тув. *uk* – «род, племя» и почерпнутые из средневековых памятников более развитые формы *uguš, oguš* – «поколение», «племя», «род». «*Из сопоставления всех приведенных слов следует, что их основу составляет омоморфная пара имя-глагол, куда входят: *oг (< уқ) со значением «порождать» и *oг (< уқ) со значением «род», «потомство*» (Э.Севортян «Этимологический словарь тюркских языков», стр.416. В др. месте: «oq означал также «племя». Это подтверждается словом on-oq, которое китайцы понимали не только как «десять стрел», но также «десять племен» (Pritsak, ST 59), стр.438). Я полагаю, что к этому ряду можно присоединить и монг. *ugsa* – «род»: оно попало в тюркс. языки с переносным смыслом: *uksa, ukša, ogša* – «быть похожим». (Родство определялось по внешнему виду. Непохожий – неродной.)

Возникает наша

Первая версия: этноним *oguz* – происходит от *ogyz (okys)* – «племя», «народ», где *өk* – «род», *-ys: -yz* – суффикс парности, множественности. Этот формант отмечается во многих существительных в этом значении. Аффикс выполнял ту же роль, что и количественные определения в терминах *On оқ* – «Десять стрел» = «десять родов», *Üč ok* – «Три стрелы» = «Три рода» и т.д. (Этноним уч-ок тождественен этнониму уч-огуз: «Войско уч-огузов пришло нас поразить, думая, что мы пешие и слабы в бою» (эпитафия Бильга-Кагану, строки 31-32). М. Кашкари называет союз племен: Тогуз-огуз («Девять племен»)). Видимо, иероглифическим знаком, выражающим понятие «род» в гербовых комбинациях было изображение стрелы. Схема этнонима «Столько-то родов» в средние века продолжилась другими средствами. В составе казахского народа есть большое объединение *Жеті ру* – «Семь племен». В древнерусских источниках упоминаются в числе половецких племен и «токсобичи» (племя *Токсоба* входило в состав кипчакских племен) Судя по туркм. *оба* – «дом», «семья» и *токус* – «9», это было огузское племя. Так же как «етебичи», представители ряда племен *Еті еб* – «семь домов (семей)», так же как тертробичи (*Тёрт оба* – «четыре дома»). Здесь вместо *ок* – «род», выступает *еб,ев* – «дом» (азерб., тур.), *оба* (туркм.).

Но «свои половцы» – *ковуи*, состоявшие в союзе с русскими князьями, были кипчакского роду-племени: *көп үй > көбүй* – «много домов» (каз.).

Вторая версия: *ogus* – «бык» (якут.). В остальных тюркских уцелел его умлаутный вариант или антоним: *ögüz, öküz, ögiz, ökis* – «бык», «вол». В турецком *ous* – 1) «вол», 2) «хороший правдивый человек», «человек с чистым сердцем», 3) «житель степей».

Э. Севортян пишет, что отношения переносных турецких значений к основным «бык», «вол» неясны. «*Не принадлежат ли они к семантическому ареалу этнонима огуз*?» (Э.Севортян.

Этимологический словарь тюркских языков. – С. 522).

Скорее всего, омонимичность *ous* – «бык», «вол» и ous – «степняк» действительно не случайна.

О древности слова *ogus (ohus, ous)* – «бык» говорит и евразийский масштаб его распространения. «Сравнительно давно в науке тюркское өкүз стали относить к старейшим заимствованиям из индоевропейских языков. Одним из первых авторов, сближавших тюркское *өкүз* с древними индоевропейскими языками, можно назвать Берната Мункачи, который сравнивал тюркское *өкүз*, чув. *вəγəр* (монг. *üker, uker*, тунг. *ukur*) – «бык», «рогатый скот», санскр. *uksā,* авест. *uxša* – «бык». Вслед за ним выступил на ту же тему Хольгер Педерсен, который решительно заявил: «*Тюрк. öküz – «бык», безусловно, заимствование из какого-то индоевропейского языка.» и праязыковую форму представил в виде *ugso (корень *uqsen). К этой точке зрения в наше время присоединился ряд авторов: Ю.Немет... Дж.Клаусон... А.М.Щербак*.» (Э.Севортян «Этимологический словарь тюркских языков». – С. 522).

Сюда же добавляются *okso* – «бык», «вол» (тохар.), *ohso* – «бык (д.-в.-н.) и современные *oks* – «бык» (англ.), *ochs(e)* – «бык», «вол» (нем.).

Здесь нам важно убедиться в подлинной древности слова, возможности употребления его в качестве этнонима в ассирийские времена: по крайней мере, санскрит можно датировать серединой первого тысячелетия до новой эры. Именно в ту эпоху знак Быка-Вола мог быть гербом племени или союза племен. [Знак сей определить будет нетрудно среди иероглифов, обозначавших Быка, Вола или Корову. Их достаточно в письменностях, вышедших из Древней Передней Азии. В те эпохи именно знаки Вола, Коровы или Барана принимались в качестве гербов-оберегов: эти животные почитались как земные воплощения Солнца. Огузские племена «не стеснялись» называть в качестве тотемического предка и мелких рогатых. Туркмены, участвовавшие в войне с Византией, делились на два племенных союза: *Ак-койнлы* (Бело-баранные) и *Кара-койнлы* (Черно-баранные). И сегодня в составе туркменского народа значится крупное племя *текинцев* (*теке* – «горный баран»).]

Долго пребывая в качестве герба, иероглиф Вола (**u-k, *u-k's*) мог приобрести переносное значение – «Знак рода, племени, народа» и название его стать словом **uks (*oks)* – «род», «племя», и вариант **uk* – «род».

III

Первая песнь «Китаб-и Коркут» и все другие начинается с запевки, где рассказывается о том, как хан ханов Баюндур встал со своего места, велел поставить свой сирийский зонт, велел поднять до небес полосатый шатер, велел разложить в тысяче мест шелковые ковры. Хан ханов, хан Баюндур раз в год устраивал пир и угощал беков огузов. Он собирал на пир беков Внутренних огузов (**Ич-огуз**) и Внешних огузов (**Таш-огуз**). Более сорока раз упоминаются в тексте «Книги...» Внешние Огузы и в два раза меньше – Внутренние. Из содержания Песни видно, что «положительные» герои, в основном, из «страны ич-огузов». Рассказ ведется как бы от лица автора – представителя ич-огузов.

И последняя Песнь повествует о том, как «Внешние огузы восстали против Внутренних». В ней рассказывается о вероломном поведении вождя Внешних Огузов Аруз-бека, который вознамерился «отложиться» от ич-огузов, которыми правил Казан-хан. Естественно, Аруз был побежден (Все примеры приведены из «Книги моего деда Коркута», огузский героический эпос, перевод акад. В. В. Бартольда, М.-Л., 1962, и переиздание – Баку YNE «XXI», 1999. – О. С.).

IV

Можно ли сопоставить самоназвание кочевников, пришедших из Прикаспийских степей, переданное слоговой ассирийской клинописью *(a)š-gu-z(a)* с наименованием подразделения племенного союза Огузов - *ič-oguz*?

В семитских (арабских) источниках *огуз* воспроизводилось как *guz* или *ūz*. Можно предположить, что и сами тюрки могли предоставить арабоязычным информаторам диалектные

формы своего самоназвания. Особенно *ous, ūs*.

Если слово содержало согласный *ч(č)*, то ассирийцы смогли бы передать этот звук только с помощью слогового знака *(a)š*. Поэтому превращение *ičoguz* в *(a)š-gu-z* было вполне возможно, на мой взгляд.

V

Но необходимо учитывать возможность другого варианта. В тюркских языках сосуществуют две формы, выражающие понятие «внутреннее» (= «внутренние»). Самая ранняя *ič(iš)* – 1) «чрево», «живот»; 2) «ничтожно малое», «ничто». Согласовывается с др. -сем. *iš* – «ничтожно малое, атом». [Возможно, знак, в котором содержалось обозначение этого малого, скорее всего – точка, индоиранцами был использован как цифра: *ik (ek, jak)* – «один». А германцами – как местоимение первого лица единственного числа: *iš, ich* – «я» (нем.), *ek* (др.-скан.), *jak* (швед.).] Тюрки истолковали знак двояко. Название *ič(iš)* было отнесено одними толкователями к точке, другими – к окружению точки. Эта путаница значений понуждает развести их формально. Образуется прилагательное *ički (iški)* – «внутренний». Именно это слово стало базой славянского существительного **кишки* – «внутренность», которое из ложно-множественного было переведено в единственное – *кишка*. В каз. *kišek* – «кишка, внутренности».

Семантически равны структуры *ič-oguz* и *ički-oguz* – «внутренние огузы». Если в первой в роли определения участвует существительное *ič* – «чрево», «внутренность», то во втором – прилагательное *ički* – «внутреннее».

Эти две структуры сосуществуют в тюркских языках давно, по ним успели создать термины-фразеологизмы *iš-tony* – «внутренняя одежда», «поддевка» (др. –кипч.), *ičtony* (огуз.), ставшая основой слав. *штаны* (в др.-рус. летописях – *иштони*). Ср. тур. *ičdonu* – «кальсоны». Греч. *хитон* (**ik-ton*) и конверсионное лат. *tunica (*tun-ik)* – «нижняя домашняя одежда римлян без рукавов, поверх которой мужчины надевали тогу, а женщины – столу». *Tunica* упоминается уже в произведениях Плиния (23-79 г.г. н.э.) не как новшество, а как привычная вещь домашнего обихода.

Турки внутреннюю часть чего-либо (помещения, города, страны) называют *ičeri* – букв. «внутренняя земля», «внутреннее место, сторона». Антоним: *dyšary* – «внешняя сторона, снаружи, за пределами, чужая страна» (**dyšjeri* – «внешняя земля»).

Философия первобытного этноцентризма выражалась в определении своего *(ič)* и чужого *(dýš, tys, taš, tat)*. Своя земля, свой народ всегда – «внутренние»; чужая земля, чужой народ – «внешние».

Вероятно, под ич-огузами понимались собственно огузские племена, а под таш-огузами – тюрки других ветвей (кипчаки, карлуки или булгары). Чужаков настоящих (иноязычных и иноверных) называли гяурами и против них объединялись и Внутренние, и Внешние Огузы. (Термин «гяур» пришел с мусульманством.)

[Сингармоническое превращение **dyšjer- > dyšar* позволяет увидеть семантический скачок «чужая земля» > «чужой народ»: **tath jer > tathar > tatar*. Так тюрки называли монголов, персов, иудеев. Во времена Ига, включившись в состав войск Батыя, волжские кипчаки получили это прозвище монголов, усвоенное русичами в прежние времена. Участие в этнонимах такого типа позволило выделиться форманту *-ap(-ar)* как своего рода детерминативу со значением «племя», «народ». Я узнаю его не только в *сувар, авар, хазар, татар, мишар, мадьяр, джунгар, унгар, булгар*, но и в лат. *vulgar* – «народ», «простой народ». Латинские значения, скорее всего, следует понимать как вторичные, переносные.]

Наряду с турецким *ičeri* – «внутренняя земля» существует термин кавказских огузо-кипчаков *ičkeri* – то же (**ički-jeri*). Это историческое название ныне получило популярность, благодаря Джохару Дудаеву, отказавшемуся от русского названия своей страны «Чечня». Он вернул старинное имя – *Ичкерия*. (До XIX века языком межнационального общения на Северном Кавказе был тюркский. И потому многие местности, даже населенные не тюрками, получали тюркские наименования. Поселение, названное Чечен-аул (*čečen* – «красноречивый

человек, оратор» – с кум., балк., карач., ног.) в годы Кавказской войны было одним из форпостов сопротивления. И население этого края получило от русских солдат опознавательное имя-кличку *чеченцы*. Ими оказались нохчи. (Об этой истории мне рассказал Д. Дудаев.)

...При слиянии двух слов в одно, на границе может возникнуть искусственный дифтонг. Тюрки в произношении сокращают один из гласных звуков. Как правило, первый, ибо ударение падает всегда на конечный гласный, даже в микросистемах: *ički-jeri > ičkeri*. Группа **ički-ūz* должна была превратиться в **ičkūz'*. Ассирийцы могли передать это слово как *(a)š-ku-z(a)*. (Термины «Китаб-и-Коркут» *ič-oguz* и *taš-oguz* не превращались в монолиты, иначе бы мы получили сингармонизированное *ičögüz*.)

Итак, мы соединили три исторических источника, содержавших этноним (самоназвание) кочевников Прикаспия: **ассирийские хроники** *(a)š-gu-z(a)*, **Геродот**: *σκυθ*, **огузский эпос**: *ič-oguz*. И предполагаем, что мог существовать вариант **ički-ūz > ičk-üz, išk- üz* – который и послужил основой греческого. В итоге, можно считать, что направление этимологии определилось: **ассирийцы записали самоназвание, скорее всего, тюркских кочевников-огузов** (*oguz, ouz, ūz*), **которое в лексиконе греков стало обобщающим именем кочевников Северного Причерноморья и Прикаспия**.

Сколоты

И через два века (во времена Геродота) тюрки в скифском сообществе, наверное, занимали определенное место. Геродот говорит, что скифами этих варваров называют греки, а сами они называют себя – **сколоты** (*Σκολοτες*).

Это слово, по-моему, переложение термина *ич-огуз* или *ичк-ўз* на языке другого тюркского народа, в словаре которого было *olot* – «род, племя, народ»: *ički-olot, iški-ulut* – «внутренний народ».

В «Словаре» Севортяна указаны формы *ulut* – «народ, нация» (кирг.), *ulyt, ult* – то же (каз., ккал.). В остальных тюркских *ulus, olus, uluš* – «народ», «страна», «племя», «национальность», «люд», «собрание», «сборище» (Севортян. Указ. соч.).

В древнетюркском *ulus* – «селение» (Севортян. Указ. соч.).

Хотя живые языки часто сохраняют слова большей древности, чем «древнетюркский», здесь, мне кажется, смысл «селение» более ранний, чем «страна» и др. «*Исследователи, занимавшиеся словом улус, указывают на его тюркское происхождение, правда, без дальнейших морфосемантических уточнений (Clauson IW 184, Doerfer II 175-177, Päsänen VEWT 513a : uluš)… Тюркская версия происхождения улус вполне вероятна*» (Севортян. Указ. соч.).

...Мне кажется, произошла встреча двух слов разного происхождения. Когда мы будем восстанавливать графические знаки (первоиероглифы), мы увидим графему ⊙ **a-un > a-ul*..., которая помогла кипчакам назвать колесо (**aun*), арбуз-дыню (**'aun*). В казахском произведены от этого названия глагол *auna* – «катись, катайся, перекатывайся». Когда в результате действия закона NLR название преобразовалось в *aul*, знак уже истолковывался как архитектурный план – «двор», «загон для скота», «поселение с главным домом в центре», «город с дворцом в центре», «страна со столицей»... Эта последовательность значений отражена в латинском *aula* – 1) «горшок» (вариант знака ⊙ *aul*, кубышка в плане); 2) «улей», «ячейка сотов»; 3) «двор»; 4) «скотный двор»; 5) «круглый зал»; 6) «дворец»; 7) «свита, придворные».

В современных романских языках: *aula* (исп.), *aulo* – «круглый зал» (ит.) восходит к лат. **aulus*.

В тюрко-кипчакских сохраняется слово, естественно, без родовых окончаний: *aul* – «двор», «селение», переносное значение «родной край» (каз., ккалп., ног.). В турец. диалектах: *ağul, ağyl, ayl* – 1) «круглый загон для скота; овчарня; место для скота, устроенное на летнем пастбище; огороженный изгородью открытый закон для защиты стада ночью в степи»; 2) «двор, огороженный забором». В языках Алтая *ahyl, ayl, ail* – 1) «юрта»; 2) «селение»; 3) «стан, лагерь, стоянка»; 4) «страна, край, область»; 5) «племя». Поразительно точно описан

знак ⊙ в турецком диалектном *agýl* – «световое кольцо вокруг луны». Э. Севортян: «*Г. Вамбери сопоставлял agil – «световое кольцо вокруг луны» с ақ –«белый», aj – «луна», что трудно принять. Близко у М. Палло: ayyl – «венец луны» < ak – «белый», «серый», «чистый*». Сам автор «Словаря...», не соглашаясь с приведенными попытками этимологий, предполагает: «*Значение agýl… - «световое кольцо» по происхождению является переносным. Оно могло выработаться путем прямой метафоры из «ограда», «забор» и т.п.*» (Севортян. Указ. соч. с. 84).

Но в турецких диалектах *agyl* – значит не просто «световое кольцо», но именно «световое кольцо вокруг луны». Повторяю, знак описан предельно четко. Диалектное значение весьма древнее. Пожалуй, древнее «архитектурных планов», «плана юрты» и «плана кубышки». Каково происхождение этого слова? Э.Севортян: «*Что касается тур. avlu – «двор» и каз. авла, первый из которых возводят к греческому* (αυλη – «двор», читается ныне – *auly* – О.С.)*, то приведенные выше данные не исключают такую возможность, хотя для казахского языка этот источник проблематичен, поскольку ничего нельзя сказать о посреднике между новогреческим и казахским языками*» (там же).

Мне думается, казахский язык это слово воспринял раньше, чем оно появилось в новогреческом. Он сохранил древнейшее его звучание, как и праформу (**aun*-) – основу глагола *aupa*. Из диалекта, где круг назывался сокращенно **-ů* (а не **ůn*), а «копье» (или «рана») **-ha, *a*, и возникли названия знака ⊙⊙♀ *ha-u; a-u*, которые в результате толкования дали слова *au* – 1) «охота, ловля»; 2) «петля, петля на шесте», откуда произошел глагол *aula* – «лови», «охоться», *aulau* – «охотиться, охота». Отсюда русское *облава* – «охота окружением зверя» (В книге «Язык письма» подробно рассказывается о происхождении знаков Солнца – «убитая Луна», «не Луна» (= «убитый Бык», «не Бык»). Черта изображала «копье» *ha; *a или позже «стрелу» - j. Название этого знака отрицания, смерти Луны, переносилось и на «рану» (точку, кружок внутри круга). Эти иероглифы толковались теми, кто поклонялся другим знакам Солнца – О.С.).

В каз. диалекте *aula* означает и «двор», что может говорить об использовании того же знака. В греческом и латинском термины *aula* не создают лексического гнезда, прорабатывается семантически, по существу, только одна эта форма, потому что других вариантов знака и его названия у древнеевропейских словотворцев, по-видимому, не было.

...Римляне пытались развести родовыми окончаниями значения омонимов. В одном случае это не получилось: *aula* – 1) «горшок»; 2) «двор»; 3) «дворец». Вероятно, было слово м.р. *aulus*, которое приняло на себя более масштабные значения.

...В латинском словаре мирно уживаются дифтонг (*au*) и производный долгий (*ō*): я приводил пример, *ausculum* – «ротик» (**aus* – «рот») и *ōs* – «рот». Сюда же можно поместить пару *aula* – «горшок» и *ōlla* – «горшок».

Диалектные формы использовались для обогащения словаря. Это явление заметно не только в латинском. Например, литовскому не чужды ни дифтонг (*au*), ни долгий (*ō*), правда, в современном он опростился (*o*), как в большинстве европейских. Мы знаем слово *ореол*, а литовцы – *aureole* – то же. Литовские словотворцы видели знак ⊙ *aul* и назвали предметы, имеющие в разрезе или в плане трубчатость: *aulas* – «голенище; голенище без головки сапога», т.е., по сути, трубка (др.-прус. *aulinis* – «голенище», *aulis* – «голень»). И о другом толковании знака мы узнаем по значению слова *olà* – «нора», «пещера».

В исп. *olla* – 1) «котел»; 2) «горшок»; 3) «чугун»; 4) «водоворот». Последнее значение убеждает, что едва ли удастся провести прямую линию от лат. *ōlla* – «горшок». Слово пришло как название знака «концентрические круги», который толковался праиспанцами. И последнее значение может оказаться одним из первых, потому что оно описывает графический знак.

II

Я думаю, что **пралатинское название знака** *aulus* **попало в тюркский язык алтае-хакасского типа, превращающего дифтонг в долгий:** **ōlus, ūlus* **и оттуда распространяется в древнетюркский** *ulus* – «селение», и в другие со значениями масштабно расширяющимися – «область», «государство». Возможно, славян. *обл* – «круглый» (из *aul- > avl-*), тогда

понятно происхождение слова *область*. Да и – *облако*, и *облава* (**aulau* > *awlaw*), и *облекать*... Фасмер не видит причины включать эти слова в одно лексическое гнездо, связанное хотя бы с прилагательным *облый* – «круглый», который производит от искусственного **obvьlъ*, т.е. *обволок*. (Ф., III, 103)

С лат. *aula* – «улей», «ячейка сот» связано и слав. *ulej* (**aule*). Ср. лит. *aulys* – «улей», лтш. *aulis* – то же. Фасмер здесь приводит соответствия: греч. *aulós* – «труба, дудка», норв. диал. *aul* – «труба, трубка». (Ф., III, 159) Несомненно, участвовал знак «концентрические круги».

III

И совершенно иным видится происхождение кипчакского слова *ulut, ulyt, ult* – «народ, нация, национальность». Оно, вероятно, восходит к д.-в.-н. *liut* – «народ», ср.-в.-н. *liute*. Откуда и праславянское **liud'* – «люд, люди». Слово представлено в нескольких германских, в славянских и в балтийских языках. Во всех этих языках (кроме латышского) слово выделяется палатальным плавным *-l', li*.

В тюркских языках нет слов, начинающихся на *l*. А если есть, то немного и все позднего заимствования. В «Древнетюркском словаре» из 676 страниц только 3 отведены под слова, начинающиеся с этого звука. И все они – книжного происхождения, из буддийских или мусульманских текстов, записанных древнеуйгурским языком, и представляют собой термины китайские, санскритские или арабские.

Если бы термины эти прошли «всенародную» проработку, то, скорее всего, произошла бы метатеза плавного, который бы перестроился, встал после гласного. Тюрские плавные в начале слова хорошо себя чувствуют только в закрытом слоге.

В славянских – наоборот, только в открытом. Так славянское *rot* – «рот», *roba, ruba* – «одежда» хорошо согласуются с тюркскими *ort, urt* – «полость рта», тур. *urba* – «одежда».

Опираясь на эту закономерность, можно было доказать, что тюрко-кипч. *ult* – «народ» предшествовал герм. **lut*, и, учитывая естественную палатальность западноевропейского плавного, нетрудно было бы убедить себя, что твердый тюркский *l* в германской среде стал мягким: *liut*. Но для того, чтобы решить, кто у кого заимствовал, надо было выйти на Полную этимологию, т.е. попытаться определить графически-образное выражение этого слова.

...На память приходит шумерский иероглиф *liu* – «человек». Шумеры множественности добивались простым удвоением знака и слова: *liu-liu* – «люди», «народ». (Этот первобытный способ сегодня сохраняется в немногих языках. Например, в индонезийском: *mata hari* – «солнце», букв. «глаз дня», мн. *mata-mata* – «глаза»; *hari-hari* – «дни». В большинстве языков буквальное удвоение, утроение заменилось аффиксным способом. В качестве аффиксов множественности применяли первобытные цифры, выражавшие предельные числа. Первым предельным, наверное, являлось «три». Цифрой служил трехчленный знак – «стрела». В шумерской иероглифике был знак *til (tir, ti)* – 1) «стрела»; 2) «жизнь».

Я предполагаю, что шумерский иероглиф «стрела» был принят как детерминатив множественности в прототюркском иероглифическом письме. И название стрелы – *tir/ter (dir/der)* стало суффиксом множественности.

В германских от той поры, думаю, остались воспоминания **liu-ti* и **liu-tir*. Эти лексические конструкции помогают восстановить иероглифический блок: . В диалекте, где стрела называлась сокращенно *ti*, смысл комбинации сохранился – «люди», «народ». В другом комбинация не была понята и иероглифы эти толковались: «Человек-оружие» = «Воитель», «Лидер», «Рыцарь». Воплощая этот знак в материале, германские жрецы создали фигуру латника, похожую на иероглифическую. Знак послужил своего рода проектным заданием. Палатальный плавный смягчил следующий за ним гласный, и он перешел в *i*, как это систематически происходило, например, в чешском (др.-чеш. *l'udi* – «люди», чеш. *lidi*). В германских распространяется название воителя - *liuter, lider, riter*, в котором в результате народной этимологии конечный слог мог приблизиться звучанием к *her* – «господин». Др.-чеш. *rytier* – «рыцарь»

лучше сохраняет древнегерманское состояние, чем ср.-в.-н. *ritter*, и нем. с ларингалом - *richter*. В польском согласные видоизменяются: *rycerz*. В др.-рус. *рыцарь, лыцарь*.

Таким образом, доказывается **первичность формы с начальным палатальным плавным** (*liu-ti* > *liu-t*) **и вторичность тюрко-кипчак. *ult*** (**l'ut* > *ul't* > *ult*). **В дальнейшем развивается полногласие:** *ulyt, ulut* – «народ» (каз., кирг.), *olot* (тат.диал.).

Древность этой лексемы подтверждается уже тем, что она происхождением связана с шумерским языком и письменностью.

[Тогда же удвоенное **ma-ma* – «родоначальница, большая *ma*» > *ma-ti, ma-ter'*, а **pa-pa* – «родоначальник; большой *pa*» > *pa-ti, pa-ter*.]

Термин-фразеологизм *iški-olot* (в кипчакских применяется вместо огузо-карлукского *č)* – «внутренний народ», в произношении *išk-olot*. Греческим письмом мог передаваться в виде *ςκολοτ (scolot)*. Начальный краткий гласный *i* в заимствованных словах редко сохраняется.

Приходим к выводам:

Три источника, где упоминается самоназвание кочевников Северного Прикаспия, впервые рассмотрены вместе. Они позволяют увидеть родство ассирийского *(a)š-ku-z(a)*, др.-греч. *skuth-*, тюрк. *ič-oguz* (или предположительно *iški-ūz*, в произношении *išk-ūz*). Из них только тюркский термин имеет выраженный лексический смысл – «Внутренний Огуз», что значило, вероятно, «Внутренний народ», т.е. «наш народ», «собственно Огузы». Этот смысл помогает понять морфологию и семантику самоназвания кочевников Прикаспия времен Ассирии. Кипчакское **išk-olot (ςκολοτ)* выражало, скорее всего, то же значение, что и огузское имя – Внутренний народ – но обобщающим названием не стало. Геродот использует в этом качестве старинное *skuth* (*скиф*), которое как мы, надеюсь, выяснили, было наименованием кочевых тюрков-огузов.

В ту эпоху своя страна называлась – «Внутренней землей» (*ič-jer, ičk-jer, išk-jer*), а соседние – «Внешней землей» (*taš-jer* > *taš-ar, tathar, tatar*).

Благодаря огузскому эпосу «Китаб-и д д Коркут», в котором сохранилось подразделение Огузов на Внутренние и Внешние, нам и удалось понять генезис этнонима в ассирийской передаче и в греческой.

Таким образом, эти слова удостоверяют, что тюрки-огузы в VII веке до н.э. захватили Вавилон и правили в Ассирии 28 лет. А, значит, они именно там могли познакомиться с арамейским письмом, потому что в то время в Ассирии использовали две системы – слоговой клинописью пользовались для монументальных надписей, исторических хроник, арамейский алфавит использовали в канцелярских и торговых записях. Почти три десятилетия управляя поверженной империей, ишкузы, несомненно, употребляли арамейское письмо, понятное населению Ассирии. И такое знание арамейского алфавита позволило усовершенствовать, существенно доработать протоогузское письмо, которое было, несомненно, алфавитным, но, видимо, содержало больше иероглифов, что и заставило тюркских грамматистов осуществить реформу своей письменности. И другая причина выявляется при внимательном рассмотрении результатов ассирийской реформы. Тюркская письменность доарамейского периода содержала буквы «обоюдорядные», т.е. каждая могла выступать в роли и «твердой», и «мягкой». В ассирийский период была создана стройная система двурядности. Были «построены» почти все мягкие буквы с использованием правил грамматики знака (чертой мягкости, переворотом, удвоением). Но некоторые пары не дошли до орхонского времени, от них сохранились только по одной «двурядной» букве, выступающей универсально и как «твердая», и как «мягкая». Но почти все универсальные буквы, тем не менее, по форме «мягкие», т.е. содержат черту или перевернуты. То есть, достроены.

И не менее важное. Через век после скифов Ассирию завоевали персы. Они восприняли арамейский алфавит полностью и со временем придали ему курсивный характер. До согдийцев персо-арамейский докатился как потомок седьмого поколения. Ничто, ни единая черта не напоминала о предке.

Реформа прототюркского письма ассирийского периода

I

а) Итак, мы допускаем, что ич-огузы провели три десятилетия в Ассирии, управляя ею, и при этом в государственной и хозяйственной переписке применяли арамейское письмо, знакомое ассирийским чиновникам и торговцам.

б) Тюркские грамматисты, используя знание арамейского алфавита, усовершенствовали свою традиционную письменность, придав ей отчетливую двурядную структуру.

Если раньше иероглиф *äl* исполнял функции и «мягкой» буквы (*ль*), и «твердой» (*лъ*), то теперь удалось создать полноценную «твердую», заимствовав на эту роль арамейскую *ламед*. Так, считаю, была создана пара:

	ль
	лъ

Тем же способом сконструированы и другие пары:

	рь
	ръ

	бь
	бъ

Из рассмотрения этих групп видно, что в протоогузском письме были буквы-иероглифы *äl'*, *är'*, *äb*, которые выполняли роль букв *l'/l, r'/r, b/b'*. Но с помощью арамейских (и древнееврейских) знаков их значения были наполовину разгружены.

И еще вывод: тюрки от «мягких» букв не создавали «твердые». Есть единственное исключение. Для этого надо было отнимать какие-то значимые детали, что противоречило правилам грамматики. Письмотворцы только прибавляли штрихи, чтобы повлиять на количество или качество звука, или на лексическое содержание иероглифа. Но ни в одной письменности Древнего Мира мы не найдем примера, подтверждающего обратное – сокращение штрихов для изменения звукового или лексического значения графемы. Это положение тоже похоже на правило грамматики письменного знака.

Тюрки заимствовали из арамейского знаки только для «твердых», создавая из них «мягкие» или «обоюдорядные». Например, в ассирийский период тюркам потребовалась буква для выражения глухого губного согласного. Вероятно, наступала эпоха «П». Тюркизмы, оказавшиеся в индоевропейских языках в тот период, говорят о преобладании глухого над звонким – губным. Процесс *б* > *п*, возможно, и ознаменовался введением в алфавит соответствующей буквы, которая нашлась в арамейском. Но при этом оказалось, что создать от нее «мягкую» парную не представляется возможным. Черту мягкости не приспособишь (ибо она сама с вертикальным стволом -), если повернуть вокруг оси – она совпадает с буквой *и/ы* (), если перевернуть – совпадает с *эл* (). Удвоить, тоже не удавалось. Так, на мой взгляд, буква *пе* вошла в тюркский алфавит без парной и стала выражать универсальную рядность – *пъ, пь*.

Как подбирались «мягкие» буквы к тюркским «твердым», которых так же нельзя было грамматически изменить? Например, – *at*. Буквенное значение – *тъ*. К нему подобрали финикийско-арамейскую букву *tau*. И смягчили его чертой: *ät'*. А сам *tau* в алфавит не включили, за ненадобностью, ибо звук этот выражался традиционным знаком. Так появилась пара:

	тъ
	ть

Горизонтальная черта была в тюркском письме нетерпима, поэтому ей придана некая диагональность. (Интересно, что и в арамейском письме, именно ассирийского периода, финикийско-арамейский *tau* обретает вид . Не говорит ли это о факте некоторого взаимовлияния, которое испытывали обе сотрудничающие письменности? Никаких других объяснений такого изменения формы арамейской буквы в грамматологии не существует.)

И другая «твердая» буква руники, вероятно, не поддавалась перевороту и черте мягкости. Это *an*. Правда, пытались удвоить, но такая мягкая не прижилась, и в орхонских над-

писях участвует только в нескольких местах и в имени визиря Тоньюкука. Это *än'*. Но победила ее нововведенная буква, построенная на основе арамейской *nun*. Задача не из самых легких – как здесь использовать один из трех способов «смягчения»? Черта не применима: уже есть. Переворот вокруг оси – совпадает с буквой *й* ( ), переворот по вертикали – совпадает с буквой *к* ( ). Знакотворец находит гениальное графическое решение. Он совершает переворот основной детали вокруг ствола: *än'*. Так возникла пара:

	нъ
	нь

И в этом случае не пожертвовали исконным прототюркским знаком для твердого, не ввели арамейскую *nun* в реформируемый алфавит. Я понимаю замысел грамматистов. Формы «мягких» не должны были легко расшифровываться пишущим. (Может быть, поэтому и была заменена удвоенная *an*.) И все-таки жаль, что не произошло некоторых замен (*at* на *tau, an* на *nun*.). Тогда исследователям было бы легче установить соответствия тюркских букв и арамейских.

Но при этом потерялись бы и не дошли до нас великие иероглифы, о которых будут еще говорить. И разговор этот только начинается.

...В ассирийское время вошла в тюркский алфавит арам. буква *zain*. Названная тюрками по обыкновению слогово – *az*. От нее была создана и «мягкая» форма поворотом *äz'*.

Но слов, содержащих этот звук в тюркских языках, было мало. Гораздо большая нужда ощущалась в букве для гласного «*а*». И мягкая форма станет играть роль обоюдорядного *а/ä*. Но и звонкий свистящий надо было выражать. Хоть в немногих словах, но он был. *Зайн* перечеркивают чертой мягкости. Чтобы она обрела вертикальность, изменяют положение знака в пространстве: . Использован еще один более радикальный способ получения буквы для мягкого звонкого губного. И в итоге получилась пара, выражающая четыре звука:

	а/ä
	зъ/зь

Общие названия *азъ/äзь*.

...Некоторые пары, вероятно, распались. От каждой из них осталось по одной букве, отвечающей за «оба ряда». Как правило, такие универсальные буквы имеют форму мягких:

 ä/ā
 зь/зъ
 мь/мъ (происходит от мягкой *бь*)
 нчь/нчъ
 щ/шъ

Последняя явно происходит от арам. *šyn*, которую в тюркский алфавит или не включили, или она со временем выпала из состава, ибо слишком легко прочитывалось происхождение «мягкой» буквы. А для облегчения процесса освоения письма требуется заучивать, зазубрить формы и значения букв, а не заниматься по ходу письма невольной этимологией. Так же осталась без пары *и/ы*, которая, возможно, произошла от арамейской *gimel*. (Хотя, возникает и другая версия.) Буква была воспринята в качестве «твердой» (как все заимствования из арамейского) и поэтому, повернув ее вокруг оси, превратили в мягкую. Но за неимением пары она стала выражать обоюднорядные значения.

Пожалуй, единственная пара, целиком представленная в арамейском, это: *he,* *hēt* (восходящие к финикийской *he,* *hēt*). В тюркском эта группа приняла вид: *g',* *h*. Значит, в прототюркском письме эти звуки или не выражались, или передавались другими знаками, которые, возможно, сохранились, но с другими значениями. Следует обратить внимание, что, несмотря на то, что тюрки также как арамейцы писали справа налево, «мягкая» *g'* повернута вокруг оси на 180°, как и другие «мягкие».

II

Из доарамейского наследия дошла «шумерская» пара:

	ķ
	k'

В позднешумерской вертикальной строке они выглядели иначе: *ku, ki* – «гора», «земля». В тюркской горизонтальной группа повернулась на 90° и удвоенная развернулась вокруг оси, как и положено «мягкой». Слоговые их названия *uk(ok), ku(ko)* и удвоенная *ük(ök), kü(kö)*. Шумерские лексические значения не сохранились.

К доарамейскому наследию можно отнести и следующую пару:

	j
	j'

Названия: «твердая» - *jaj* – «солнце», «лук». «Мягкая» - *jäj* – без значения. Это уже просто буква.

Вывод: иероглифы также вовлекались в грамматическую перестройку, если форма позволяла. В данном случае иероглиф «выдержал» черту мягкости с переворотом вокруг оси.

Шумерский знак солнца *ud* тюрки разложили на составные части: *d'* *u(o)*. Эта безболезненная операция показывает, что и в доарамейское время тюрки писали (и соответственно – читали) справа налево. Поэтому сложный шумерский знак так был прочитан. Сначала читался Основной Элемент Угол (*u*), затем Крест (*d'/d*). И другой вывод напрашивается. Так как шумеры писали слева направо, то этот знак и его название могли оказаться ранним заимствованием из письма, предшествовавшего населения. Индоевропейцы прочитали, вероятно, этот или подобный ему знак солнца слева направо: **di-u*. Сравните лат. *deūs* – «бог» (**de-u-us*), др.-инд. *dev, div* – «бог» (**de-u, di-u*), лув. *Tiuas* – «бог солнца» (**Ti-u*), хетт. *Šivas* – «бог» (**Ti-u*).

И «шумеры», будь они создателями этого сложного знака, прочли бы его составляющие в таком же порядке – или сверху вниз, если бы знак был размещен вертикально ( ), или слева направо, если бы он был создан в горизонтальной строке ( ), потому что их письмо знало только такое направление.

...Я полагаю, тюрки сохранили название косого креста (*d', di*), предшествовавшее шумерскому (*d*).

Но и шумерское название солнца тюрки используют. Вероятно, те, что оставались под пришлым народом люлю-саггиг, которых мы и называем шумерами, усвоили произношение *ud(ut)*. Не в прямом смысле «солнце», но в сопутствующем – «огонь». Впоследствии слово распространилось во всех тюркских языках и диалектах. Возможно, вместе со знаком.

Отвердение согласного произошло в результате сингармонической реакции – прогрессивной ассимиляции качества. Это свойство языку саггигов не было присуще. Во всяком случае, среднесемитские словари не позволяют выявить следы этого фонетического закона в шумерских словах, хотя грамматическая оппозиция качества (твердый-мягкий) шумерам была знакома. (См. *kur* – «гора», *kir* – «земля».)

В тюркских языках: *ut, ot, od, ōd, öd, vut* – 1) «огонь»; 2) «свет», «луч солнечный или лунный», «искра»; 3) «дым». Э. Севортян: «*Значения 1-3 связаны между собой комплексной связью, так как они обозначают разные стороны огня как процесса (образование тепла, излучение света, образование дыма при горении) и передают явления, аналогичные какой-либо из сторон огня (излучение-молния-искра).*» (Э. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. – С. 483).

Определив словообразующий знак (первоиероглиф), мы узнаем не только причинность формы слова, но и первичное его значение. Таким образом, восстанавливается последовательность семантического развития:

огонь – искра – дым

солнце

свет – луч света

Становится понятной и неожиданное смягчение гласного (*öd'*) в турецком диалекте. В древнеуйгурском, например, регулярно встречаются примеры действия регрессивной ассимиляции качества. Это явление последовательно проявляется только в некоторых германских.

Возможно, тур. диалектному *öd* – «огонь» родственно др.-тюрк. *öd', öt (üt)* – «время». Знак солнца, вероятно, порождал и такое понятие, потому что по солнцу мы и сейчас определяем время.

...Этот знак солнца мог быть известен предкам германцев (др.-анг. *god* – «бог» родственно *hot* – «горячее») и славян - *годъ* – «время, час» (ст.-слав.), «время, срок» (др.-рус.). И, вероятно, - «лето». Отблик солнечного значения в слове *погода* (антоним – *непогода*, т.е. не солнечно). Солнцепоклонники главные праздники связывали с солнцем. И это отразилось на значении: *god* – «время», «праздник» (чеш.), *gody* – «празднество» (пол.), *hody* – «рождество» (в.-луж.), *gody* – то же (н.-луж.).

Этимологии этих слов ни в славянских, ни в германских Словарях нет. Они даже не связывают германское слово со славянским. Возможно, славяне и германцы были знакомы с вариантом шумерского знака солнца: *-gud* – «бык», «крупный рогатый скот». Мы говорили раньше, что, меняя позицию, грамматисты пытались развести два значения священного символа – 1) «Солнце»; 2) «Корова» (Вол, Баран)». И в качестве одного из названий использовали диалектную форму.

В орхоно-енисейском алфавите вышеприведенного иероглифа нет. Возможно, не уцелел. Но его название живет в тюркских языках в первозданной форме (без гортанного протеза, открывающего слог) и сохраняя первичное значение: *uj, ud, ut* – 1) «Корова»; 2) «Бык; крупный рогатый скот» (др.-тюрк., кирг., алт., тув., хак. и др.).

...Тюрки, таким образом, знали название знака Солнца-Коровы и с твердым согласным *d*. В одной из разновидностей прототюркского по-своему проанализировали знак *ud* – «четыре угла». Крест в этой письменности, видимо, исполнял роль четверки. Чтобы выделить из *ud* название косого креста, надо было знать, что угол имел наименование *u*. Но в этой разновидности разложение не удалось, может потому, что название Угла было неизвестно и не нужно. И поэтому *d* пришлось изображать «четырьмя углами» (парой сдвоенных): *d*. В унифицированном прототюркском сформировалась пара, которая пережила ассирийскую реформу и дошла до орхоно-енисейского письма. Таким образом, от знака Солнца (с прототюркским и «шумерским» названиями произведено было две буквы (*d'-d*), если грамматисты унифицированного знали наименование Угла. В первом случае было известно общее название *ud'* и наименование основного элемента – Угла (*u*):

	ud'	*солнце
	u	буква
×	*d'*	буква

Во втором случае (*ud* – «солнце») решалась другая задача. Потребовалось создать знак, выражающий твердый звонкий зубной – *d*.

	ud	*солнце
	d	буква (четыре угла)

Цифры в алфавите

Шумерское название знака Угол (*u*) создателям унифицированного прототюркского (доассирийского периода) было известно. В шумерском письме было всего две основных цифры: *aš* – «единица; один» *u* – «десятка; десять». Остальные цифры первой десятки создавались количеством единиц. Вот как выглядел цифровой ряд саггигов:

I II III IIII IIIII IIIIII IIIIIII IIIIIIII

aš *u*

В прототюркском алфавите, думаю, обе основные цифры саггигов (шумеров) вошли буквами. Они сохранились до орхоно-енисейского времени.

Шумер.	Название	Значение	Тюрк.	Название	Значение
𒁹	*åš*	единица	𒁹	*äs'*	*s'*
𒌋	*u*	десятка	𒌋	*u(o)*	*u(o)*

В разных шумерских текстах, как не удивительно, одновременно выступают три (!) названия числа «один»: *dil; deš, aš*. Такого диалектного разнообразия числительного «один» нет более ни в каком другом языке, ни в живом, ни в мертвом.

Произошло это, на мой взгляд, вот почему.

...Некогда основными цифрами в гипотетическом протошумерском письме были горизонтальная черта (*i*) и горизонтальный угол - пятерка (*u*). И соответственно, название цифровых знаков стали числительными: **i* – «один», **u* – «пять». При переходе от пятиричного исчисления на десятиричное требовалось (по логике) создать новую основную цифру, как это сделали те, кто передал свой цифровой ряд римлянам, и число основных цифр увеличилось (**I-V-X**). Все остальные цифры первого десятка удалось создать, комбинируя позиции этих трех. Цифры, благодаря третьей основной, стали разнообразней, избавились от угнетающей тавтологичности. В римских и китайских цифрах сохранили тавтологичность только две (I II III и кит. 一二三), в остальных отказались от повторения единицы. (Кстати, и в китайском цифровом ряду десятка представляет собой крест, только прямой.)

Шумерские знакотворцы не решились вводить знак для десятки. Они просто передвинули числовые значения основных цифр на порядок и теперь названия их стали выражать новые смыслы: *i* – «пять» (*один), *u* – «десять» (*пять).

Практика изолированного изучения древних культур и языков помешала увидеть таинственное родство шумерских и китайских числительных. А также римских цифр, как это не парадоксально звучит:

Китайские	*i* – « один»	*u* – «пять»
Шумерские	*i* – «пять»	*u* – «десять»
Римские	*I* – «единица»	**V** – «пятерка»

Китайцы и шумеры сохранили от прасостояния цифрового ряда по одному знаку. Это – китайская единица (горизонтальная черта). Но утрачена пятерка – угол, ее заменила натуралистическая цифра, состоящая из пяти штрихов. В шумерском (в эпоху десятиричного счета) пятерка-угол переместилась на десятое место и потому знак сохранился. Изменение значения не сказалось на форме цифры. Чего нельзя сказать о черте (как я полагаю, горизонтальной), которая могла бы уцелеть, если бы шумеры в качестве новой единицы избрали не черту, а, скажем, точку. (В цифровом ряду майа, например, ● – «один», 一 «пять». Но они отказались от угла-десятки и сложили новую цифру из двух пятерок: 二).

Шумерские основные цифры после реформы могли выглядеть так: *● 一 𒌋 (один – пять – десять). Но побеждает единица – вертикальная черта: * 𒁹 一 𒌋. И тогда пятерка горизонтальная, чтобы не путаться с единицей особенно в письме на предметах, где линейность строки не всегда соблюдалась, была исключена из числа основных цифровых знаков и заменена натуралистической комбинацией единиц, как и все остальные от одного до десяти.

О том, что единицей была и точка (**deš*), и черта (*dil*), по-видимому, горизонтальная, и черта вертикальная (*aš*), помогают узнать тюркские языки и письмо. Буква *äs(es)* в орхоно-енисейском алфавите может служить прямым доказательством, что именно вертикальная черта могла быть и скорее всего, была в какой-то письменности единицей. Соотносимость с буквой *u(o)*, совпадающей с шумерской цифрой - десяткой *u*, добавляет уверенности, что буква *äs* прямо соответствовала шумерской единице последнего периода – *aš*.

Этимология названия тюркской буквы *äs(es')*.

В казахском: *es* – 1) «полосуй острым орудием (бритвой, ножом, кинжалом)»; 2) «свивай, сучи нить из бараньей, козьей или верблюжьей шерсти». В обоих случаях полученный результат (полоса; нить) будет похожа на букву *äs(es)*.

В древнеуйгурском *äs* – «полосуй острым орудием», «распарывай». Из кипчакского заимствовано было существительное *äspä* – «лапша» (буквально – «нарезанное», «свитое». (В казахском: *espe, kespe* – т.ж.)

[Марко Поло привез из Восточного Туркестана рецепт блюда, которое он неустанно демонстрировал в Венеции на званных обедах. Оно постепенно получило национальное распространение. И название, судя по всему, он не стал придумывать сам: *äspä etti* – «лапша мясная», «лапша с мясом» (др.-уйг.) > *spagetti*. Лапшу, вероятно, нарезали, а другие свивали как нить. Ныне уйгуры только свивают ее из цельного куска теста. Может быть, Марко Поло именно этот процесс усвоил и передал итальянцам. Настоящее спагетти не нарезанное, а «свитое». И веревка свитая стала называться ит. *spaghetto* – «тонкая длинная бечевка». В нем. *spagat* – то же (Австрия, Бавария). Оттуда в пол. *szpagat* и в русс. *шпагат*.]

Таким образом, орхоно-енисейская буква – *äs(es)* могла быть иероглифом с именным значением – «полоса», «черта» и глагольным –«полосуй», «черти острым». О том, что слово это имело и числовое значение, сведений нет. Числительное per (*ber, bir*) – «один», возникшее, скорее всего, в середине I тысячелетия до н.э. и вытеснило прежнее (или прежние?) названия этого числа из тюркских языков.

В грамматическом отношении *äs(es)* – соответствует глаголо-имени, каковыми были в доаффиксное время первые части речи. (Вспомним, что в шумерском существительное формально еще ничем не отличалось от глагола.) Поэтому сопоставительное изучение шумерского и тюркского материалов помогает восстановить грамматическую полноту и шумерского, и тюркского непроизводного слова. Например, шум. *dil'* – «один», «единица» должно было иметь и глагольное значение. Но какое? Тюркские словари отвечают: *dil'* – «полосуй, пори, вспарывай», *deš* – «прокалывай; делай отверстие, дыру» (турк.). (В каз. *til* – «полосуй», *tes* – «прокалывай, делай отверстие»). За прошедшее от шумерской эпохи время в тюркских языках появились производные существительные: *dilik (tilik)* – «черта, полоса», «лента» (огузо-карл.), *tilme* (кипч.), *dešik (tešik)* – «отверстие, прокол» (огузо-карл.), *tespe, tesmä* – «прокол» (кипч.).

Вероятно, горизонтальная черта-единица в протошумерском (прототюркском) именовалась *dil*, точка-единица *deš*, а в позднешумерском вертикальная черта-единица стала называться *aš(*äš?)*.

Древнееврейский период. Тюрки – «правоверные»?

...Возможно, в результате реформы в ассирийский период была создана пара *š-š'*. Она вполне удовлетворяла потребности языка Огузов. Шумерскую цифру-единицу еще не привлекали в алфавит. Но после того, как понадобилось ввести звук *s* (которого, возможно, не было в протоогузском), привлекают шумерскую единицу – когда она в какой-то разновидности тюркского письма читалась *äs'(es)*. Ей находят пару, но уже не в арамейском, а в древнееврейском III века до н.э. Может быть, именно тогда Огузам потребовалось ввести в алфавит буквы, выражающие звуки *s-s'*, а с арамейским письмом уже давно расстались. К тому времени сами арамейцы растворились как этнос в древних евреях, и письмо, их подхваченное ахеменидами, за три прошедших века превратилось в курсивные кружева, из которых «прямолинейным» тюркам извлекать было нечего.

А с древними евреями тюрки, вероятно, имели культурные отношения. Достаточно сказать, что еврейское священное писание «Тора», в котором изложен свод законов, по которым жить надлежит иудеям, наверное, почиталась в свое время и древними тюрками: *törä* – «закон, обычай, правила» Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 580). Но большее распространение получает форма с другим окончанием *törü* – «закон, правило, порядок, обычай» (Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 581).

Приводятся примеры из текстов: *küč eldin kirsä, torü tünlüktin čigar* – «если сила (насилие) входит через дверь (юрты), закон выходит через дымовое отверстие»; *el bašlagy töru* – «закон (порядок) управления страной».

Позже огрубеет гласный в этом слове: *tora* – «правильно, законно, прямо, справедливо» (тат.), *tura* – то же (каз.), *dohru* – «правда, истина, прямой, справедливый, верный» (тур.).

...Не связано ли с древнетюркской формой чув. *tură* – «бог», «господь»; тат. *türä* – 1) «господин»; 2) «правитель, владыка, хан»; каз. *töre* – то же?

Семантическая связь: «господь – господин – закон – правила жизни –справедливость; истина» – кажется естественной.

И те, кому ведомы пути механического развития формы тюркского слова, не сочтут невозможным отождествление лексем *törü* и *törük, türik*. Со значениями, связанными с – «бог», «господин», «закон». Не случайно и соседство с непроизводным существительным др.-тюрк. *tör, tür* – «почетное место в юрте», «почетное, возвышенное место, престол». Поэтому я думаю, следует в приведенном контексте рассмотреть происхождение формы и значения этнонима *türik, tür'k, törek* – «тюрк». В славянской передаче – *turok*, др.-рус. *турокъ*, мн. *турки*. Фасмер, IV, 125: «*Из др.-тюрк., турецкого türk – «династия, которую китайцы называли Ту-кю, и подвластный ей народ. (Радлов 3, 1559). См. то́рки*.».

Фасмер, IV, 83: «*торки (мн.) – название тюрк. племени, родственного печенегам и половцам, только др.-рус. тьрцы, тьрки (Пов. врем. лет под 1096 г.). Ранее заимствование из др.-тюр. tür, которое означает «тюрок», «сила, власть»; см. Ле Кок, Festschr, V.Thomsen 151 и сл.; Немеет, Ujb, 10, 28; Маркварт, Kumanen, 28; Голубовский, 44 и сл.; Соболевский, РФВ 64, 173. Более поздним заимств. из того же источника является ту́рок и ту́рки*».

Составители «Древнетюркского словаря» выявляли лексическое значение слова *türk*, интерпретируя выражения средневековых текстов, потому что это слово, кроме того, что стало этнонимом, имело более традиционные значения, на мой взгляд, проистекающие от первичных – «бог», «господин», «закон», «истина»... Эта семантическая радуга не учитывалась интерпретаторами текстов, в которых участвовало *türk* не как этноним, а в роли определения, поэтому и предложенные ими значения весьма приблизительны: «*Türk – 1) «сильный; «могучий»; 2) «самый обильный; предельный». (Примеры) 1) Türk burxanlarta kin intiŋiz – «Ты низошёл вслед за* ***могучими*** *Буддами» (TT, III, 66)* (Может быть, «за божественными», «священными»? – О.С.); *2) Türk üzüm ödi – «Пора* ***самого*** *винограда»* (Может быть, «настоящего, истинного»? – О.С.); *Türk qujaš ödi – «Время самого солнцепека»* (Возможно, «настоящего, истинного, действительного» – О.С.); *Türk jigit – «Самая молодость (т.е. пора самого рассвета)*» (Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 599).

Последний пример из Махмуда Кашкари (XI век) – явный фразеологизм, в коем определение *türk* имеет отчетливо выраженный смысл – «истинный», «настоящий». «Настоящий джигит!» Тем более, что «молодость» в языке Кашкари не *jigit*, а *jgitlik*, что видно в том же Словаре.

Поэтому, прежде чем стать этнонимом, слово *türik (türk), törük (tör'k)* и др. могло существовать в качестве имени существительного в значениях – «бог» («господь»), «господин», «закон», «истина», и в роли прилагательного или определения – «божественный», «священный», «истинный», «настоящий»,

Оно могло отличать истинную веру от лживой, людей истинной веры от язычников. Ведь люди свою религию считали самой истинной, самой правильной. А все другие, соответственно – язычеством, идолопоклонством, ересью. Исключений не было.

[Авторов этимологии *türk* – «могучий», «сильный», видимо, подвела относительная похожесть основы на др.-инд. *turá* – «сильный, крепкий, полный сил» и синоним *turáṇa*, сходный с мифологическим названием страны *Turan*, которую было принято противопоставлять стране *Iran*, и потому считавшейся как бы страной тюрков. Санскрит. *tura* без родового окончания **tur* – скорее всего, надо рассматривать в одном лексическом гнезде с ром. *toro* – «бык», сем. *taur* и т.д.]

Формальная и смысловая согласованность др.-тюр. *törä* – «закон», «истина» и др.-евр. *t-r-'* – «закон», «истина», «священная книга», «Тора», может быть и случайным совпадением и неслучайным.

Как и дальнейшие встречи тюрков и евреев. (Хазары – первый народ «не еврейской крови», принявший иудейство. Их наследники – тюрки-караимы.)

Дальнейшая разработка возникающей темы внесет ясность. Но, думаю, если древние тюрки общались с арамейцами, то и древние евреи были рядом – именно в них и растворились арамейцы, как соль в воде.

Древнееврейское письмо произошло от арамейского алфавита персицкого периода, если судить по форме букв. Квадратное еврейское письмо так называемого переходного периода (III в. до н.э.) имело букву *tsade*, которая каким-то образом произошла от арамейско-персицкой *tsade* (См. Таблицу исторического развития еврейского письма (по Я. Б. Шницеру), приведенную в книге В. А. Истрина «Возникновение и развитие письма». С. 313).

Тюрки и сейчас не произносят *ts* (рус. *ц*), превращая его в *s*. Так, полагаю, не раньше III в. до н.э. произошло включение в тюркский алфавит новой пары для выражения звуков, принимаемых в огузский язык:

	s'
	s

И, вероятно, в тот же период был заимствована древнееврейская *bet*, которая в арамейском еще выглядела более сложно и притом совпадала внешне с некоторыми тюркскими буквами. В I в. еврейская *bet* принимает уже такой вид .

Мы можем сделать по ходу такие заключения.

1) Учитывая то, что в ассирийский период было принято в тюркский алфавит несколько букв, которые «доукомплектовали» пары, можно сделать вывод, что в прототюркском письме до ассирийского периода существовало несколько пар букв («твердая»-«мягкая»), но было больше универсальных, «двурядных букв», таких как *äl'(el'), är(er')* – которые выступали в роли *l-l', r-r'*.

«Ассирийская реформа» сохранила за ними только по одной функции, подсказанной первичными иероглифическими названиями.

2) Буква-иероглиф *äb'(eb')* – «дом», кажется, пережила ассирийскую реформу, т.е. обошлась без пары, продолжая выполнять обоюдорядную функцию: *b-b'*. В III в. до н.э. в ходе «еврейской реформы» ей нашли пару – древнееврейскую *bet*.

3) Появление новой пары, целиком сформированной из арамейских букв (*he-het*), может говорить о том, что в прототюркском алфавите (так я называю «гипотетический» алфавит, существовавший до встречи с арамейским письмом. К тому, что появился после ассирийского периода, уже, думаю, применим термин «древнетюркский алфавит») таких букв не было. И в языке – таких звуков? С выражением гортанных согласных, кажется, были какие-то сложности, они и остаются. Например, слишком много собралось в орхоно-енисейском письме букв и слоговых знаков для выражения пары гортанных звуков *q(ķ)*. Например, *q*. Ей соответствует мягкая (удвоенная с поворотом вокруг оси) *k'*, которой ныне приписывают слоговые значения *ük(ök), kü(kö)*, потому что она похожа на , что всегда читалась как слоговой знак с приведенными значениями. А ее твердым напарником был всегда *uk(ok)*. Но тогда, что делать с *uk(ok)* «стрела», у которого нет зримой пары, и буквой *_ äk'*?

До сих пор эта группа гортанных не получила должного объяснения. И в алфавитных таблицах, приведенных в разных изданиях и разными авторами, буквы для гортанных то представлены как варианты, выражающие один и тот же звук (напр. в ДТС: *k'* – , *q* –) (Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 15-16). У Радлова и Малова знаки и назывались одинаково *uk(ok)* и названия выдавали в них разновидности иероглифа «стрела».

Но, думается, палеографы встретились в этом случае с лингвистической проблемой, какой-то из этих иероглифов обозначал «стрелу» (вероятней всего), а другой – словоомоним «потомство», «род». И таким, скорее всего, был *uk(ok)*, но его «мягкое» продолжение **в**, вероятно, называлось **ük(ök)* – «мать» (в др.-тюр. *ög* – «мать», но в производных *öksüz* – «*сирота*», букв. «*без ök*», т.е. «*без матери*»).

Идеальная пара «вторичных иероглифов», ибо первое их значение, как было показано раньше, восходит к шумерским *ku* – «гора», *ki* – «земля» (в вертикальной строке). Изменив положение, иероглифы уже не могли сохранить прежнюю семантику, и знакотворцы увидели другие смыслы, но связанные друг с другом.

	uk(ok)	«потомство» «род»
	ük(ök)	«мать»

И, тем не менее, вопросы остаются. Какие-то оттенки гортанных звуков, которые выражались таким разнообразием «одинаковых» букв, мы еще не улавливаем.

Группа для гортанных требует дальнейшего сопоставительного изучения с учетом опыта использования семитских букв в древних письменностях. Например, греки избавились от некоторых финикийских гортанных (у тех в алфавите для гортанных было восемь букв, т.е. более трети всего состава). Греки приняли только *kaf* (каппа), *gimel* (гамма) и все. Остальные стали выражать гласные и другие звуки.

Какое-то перераспределение букв для гортанных происходило и в тюркском алфавите. Не все значения букв этой группы точно интерпретированы. Подтверждением тому служит, например, следующее. Классики (Томсен, Радлов и Малов) уверенно придавали приведенной выше паре, признаваемые и мной слоговые значения, хотя они не заподозрили в них вероятность лексических смыслов и, следовательно, не могли увидеть в них иероглифов. Ныне рунологи, сохраняя за удвоенной буквой – *ük(ök)*, в то же время одинарной («твердой»), определяют уже слоговое значение с другим гласным – *ïk* (Языкознание / БЭС, 1998. – С. 144; А. М. Щербак. Тюркская руника. – СПБ, 2001. – С. 138 и др.). Не ведая, что разрушают самую явную зримую пару. И это понятно: век назад при дешифровке рунической письменности, опознав парность как принцип тюркского алфавита, рунологи до сих пор не восстановили многие пары, не поняли строения букв, ибо не «вспомнили» грамматику тюркской графемы. Этого не удалось сделать, потому что не были реконструированы правила значимых и механических знакоизменений, оставившие следы в иероглифических и буквенных письменностях Древнего мира.

Не восстановив грамматики тюркских букв, не узнав, как образовались все пары, нельзя было даже подступаться к сопоставлению руники с другими алфавитами. Особенно с такими, как согдийский, который не имел знаков для гласных, не знал парности ни по долготе, ни по качеству. И вдобавок, не имел с орхоно-енисейским ни единой сходной буквенной формы.

Тюркские пары ассирийского периода

Сейчас мы можем попытаться собрать состав пар древнетюркского рунического алфавита. К сожалению, первичный порядок букв не известен, поэтому каждый исследователь вправе предложить свой, опираясь в определенной степени на классический строй алфавитов.

Знак	Слог-назв.	Буквен.	Иероглифическое значение	Праформенное	Источники
	az	*a/ä*	-	*zajn*	арамейский алфавит ассирийского периода VII в до н.э.
	äz'	*z/z'*	-		
	äb	*b'*	«дом»	*äb*	прототюркский
	ab	*b*	-	*bet*	древнееврейский III в до н.э.
	äm'	*m'*	«грудь»	*äb* ≈ *äm* – «дом»	прототюркский (дошумерский)
	am	*m*	-		
	äg'	*g'*	-	*he*	арамейский ассирийского периода
	ah	*h(γ)*	-	*hēt*	то же
	äd'	*d'*	-	*ud'; ud* – «солнце»	шумерский II тысячелетие до н.э.
	ad	*d*	-		
	-	*u(o)*	-	*u* –«десять»	шумерский II тысячелетие до н.э.
	-	*ü(ö)*	-		

	äs	*s'*	«черта» «полоса»	*aš* «единица» «один»	шумерский II тысячелетие до н.э.
	as	*s*	-	*tsade*	древнееврейский III в до н.э.
	ůk(ůg)	*k*	«потомство» «род»	*ku* – «гора»	шумерский II тысячелетие до н.э.
	ůk(ůg)	*k'(g')*	«мать»	*kir* –«земля»	шумерский II тысячелетие до н.э.
	aқ(ah)	*қ(h)*	-	-	диалектный вариант предыдущего
	äk(äg)	*k(g')*	-	-	
	oқ(uқ) ko(қu)	*қ*	«стрела	См. такую «стреловидную» форму финик. kof в таблице БСЭ, изд. 2. («Сопоставление финикийских букв со знаками линейного критского письма» И. Дьяконов, В. Истрин, Р. Кинжалов «Письмо»).	
	äk('äg')*	*k'(*g')*		*he*	арамейский
	-	*i*	-	*gimel* «верблюд» ?	арамейский?
	-	*ï*	-		
	äl'el	*l'*	«рука» «господство» «государство»	*eŋ* – 1) «Бог солнца; 2)«баран»	прототюркский (дошумерский)
	al	*l*		*lamad*	арамейский ассирийского период
	är (er')	*r*	«*баран», «*господь» «господин»	*el >er*	прототюркский
	ar	*r*	-	*roš*	арамейский ассирийского периода
	an	*n*	*«луна, месяц»	*uŋ, un*«луна»	прототюркский
	än'	*n'* (Эта буква встречается в орхонских текстах крайне редко).	-	-	то же
	än'	*n'*	-	*nun*	арамейский ассирийского периода
	äš'	*š'*	-	*šyn*	арамейский ассирийского периода
	aš	*š*	-		
	äč	*č*	**čin (džin, žin, šin)* - «человек»	ср. кит. *žen'* - «человек»	среднекитайская иероглифика
	ač	*č*			
	at	*t*	**tan* – «восход»	Ср. кит. *dun* «восход»	прототюркский (др.-кит.?)
	ät	*t'*	-	*tau* (ар.) É *tau* (фин.)	арамейский ассирийского периода (прототюрк.?)
	jaj	*j*	«солнце» «лук» (оружие)	*j-aj* «убитая луна», «стрела-луна»	Прототюркский
	jäj	*j'*	-	мягкая форма предыдущего знака	
	aŋŋ	*ŋŋ*	-	этимология не известна	
	ančänč'	*nčnč'*	-	то же	
	altäl't'	*ltl't'*	-	то же	
	antänt'	*ntn't'*	-	(рассматривается ниже)	

Остаются еще два знака – это двоеточие-словоразделитель, названия которого, вероятно, и не было. (Но история была. В персицких нет такого знакоразделителя. Есть он в западногреческом, этрусском, древнелатинском. И мы его видим в древнетюркском.)

И, наконец, знак ⋈, завершающий надписи. У него, скорее всего, тоже не было названия. Это – идеограмма, с ясным значением. Поэтому, мне кажется, и не стоит пытаться гадательно присваивать ему какое-то название типа *art* – «зад», «предел», как это делает А. М. Щербак (правда, ставя в скобках знак вопроса) (А. М. Щербак «Тюркская руника». – С. 138). Гораздо более продуктивным для истории руники может оказаться этимология лигатур – знаков явно иероглифических (*nt, nč, lt*).

Главные выводы

Древнетюркский алфавит (правильней, на мой взгляд, называть его древнеогузским) являет собой оригинальную, буквенную систему, содержащую в своем составе целый ряд «бывших» и действовавших еще в «орхонское» время иероглифов. Эта особенность выделяет тюркскую руницу из среды древнейших алфавитов.

Древнетюркский алфавит возник на базе прототюркского письма, которое пережило первую реформу в ассирийский период (VII в. до н.э.). Тогда окончательно оформилась парная структура алфавита; он приобрел четко выраженный двурядный характер, отражающий велярно-палатальную оппозицию фонем тюркских языков. Для этого были использованы буквы арамейского алфавита: они, в основном, привлекались для выражения велярных (твердых) звуков (*l, r* и др.).

В то же время, на базе некоторых «твердых» арамейских букв, которые сами не были включены в тюркский алфавит, были построены тюркские «мягкие» (*n', t'* и др.).

Правила значимых знакоизменений, по которым были построены тюркские буквы для палатальных звуков, согласуются с правилами «грамматики письменного знака», известными знакотворцам Древнего Мира, что представляет древнетюркский алфавит ровесником древнейших письменных систем.

Все это делает бессмысленным механическое сопоставление букв этой внутренне сложной письменности, состоящей из 38 знаков с алфавитами, не знавшими парного строения. К таким, в частности, относился и согдийский. К тому же его буквы даже приблизительно не сопоставимы с буквами орхоно-енисейского, настолько разительно отличаются их формы. Единственно, что заставляло считать согдийский алфавит источником тюркского – кажущаяся близость по времени функционирования и географическое соседство. Но последний фактор в применении к культуре кочевых этносов не может быть определяющим.

А что касается времени, древнетюркское письмо на протяжении тысячелетия (от ассирийского периода до орхоно-енисейского), видимо, продолжало функционировать в регионах, которые впоследствии оказались в зонах активного распространения новейших религий, не допускавших существования иных письменностей.

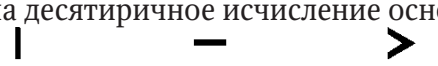
Прототюркские иероглифы

Шумерские цифры и числительные в орхоно-енисейской письменности

Я имею в виду заимствованные из шумерского цифры *u* и *aš*. Тюркские знакотворцы уже относились к ним не как к иероглифам (т.е. графемам, выражающим образный смысл), но только как к буквам. А такие «бывшие иероглифы», особенно выражающие однофонемные слова-понятия, имеет смысл внимательно рассматривать еще и потому, что они, вероятно, и подсказали грамматистам последующих поколений идею буквенного письма, его основополагающий принцип: «один знак – один звук». Шумерское слово *u* - «десятка», «десять» для тюрков было уже просто звуком, а не словом. Так же как и слово *i* – «пять» (шум.). Я предположил, что протошумеры изображали эту цифру горизонтальной чертой (бывшей единицей). Тюрки, табуистически относившиеся к горизонтальным линиям, могли передать ее ломан-

ной. Но тогда *i* , став углом, мешала бы традиционному знаку > *u*, который в протошумерском письме независимо от позиции не терял своего звукового значения. (Мы это увидим.) Задача: «Как изобразить горизонтальную черту, если ее нельзя сломать и нельзя превратить просто в вертикаль, потому как эта позиция уже занята новой единицей?». Грамматист мог найти более грамотное решение: использовать диакритический знак – черту отрицания, которая как бы опрокидывает графему, создавая антизнак.

При переходе на десятиричное исчисление основными цифрами шумеров стали три:



aš *i* *u*

«единица» «пятерка» «десятка»

Тюрки могли ввести в свой алфавит эти три знака, но принципиально изменив форму горизонтали:

äs *i* *u*

Диакритический значок отрицает вертикаль, превращая ее в горизонталь, которую иначе не изобразить. Так в тюркском алфавите могла появиться буква, содержащая знак отрицания (опрокидыватель), который мы обнаружили до этого в финикийских буквах (*bet, mem*).

Таким образом, из среднешумерского письма тюрки, возможно, заимствовали все три основные цифры (*aš, i, u*), но не числительные. Если бы осознавались числовые значения этих знаков и их названий, они бы никогда не смогли стать буквами.

...Может быть, опираясь на наш опыт превращения горизонтальной единицы-пятерки в 1 или Г , мы когда-нибудь поймем генезис арабской единицы 1, которая выглядит столь же необычно между римской вертикальной (которая в алфавите выражала звук *i*) и китайской горизонтальной единицей – древнее название которой и стало числительным I – «один» (кит.). (В «Языке письма» высказывалась другая точка зрения на генезис «арабской» единицы. Стоит рассмотреть обе).

Восточные цифры

Давно пора поместить в одно поле зрения все мировые циферные системы, названия цифр и числительные. (Повторим некоторые примеры из главы «Грамматика буквы».)

Мы увидим, что цифры восточные (арабские, китайские) отличаются от западных (римских) так же, как буквы с диакритическими знаками. Цифры римские – аналитические: черта-единица никогда не сливается с другими основными знаками (**IV, VI, IX**). Цифры китайские и арабские – синкретичные: черта-единица сливается с основными цифрами и потому **до сих пор неузнана** (эти характеристики можно распространить и на языки: западноевропейским свойственна аналитичность, восточным синкретизм. Не увидев этой системности, грамматологи не увидели и диакритическую черту, слитую с основной буквой в восточных письменностях). Позиционный принцип действовал и в римских цифрах, и в восточных. Черта-единица справа от основного знака (т.е. в направлении развития строки) – увеличение на единицу (**VI, XI**).

Китайское письмо признавало только вертикальные строки. Поэтому позиционный принцип был рассчитан на направления вверх и вниз. Но при этом вертикальные строки шли справа налево. И поэтому: черта справа вниз от основной цифры – уменьшение на единицу. Так я понял происхождение китайской цифры 九 - «девятка», ибо 𠂉 - «десятка». В «арабских» - тот же принцип. Значит, «арабские цифры» возникли в письме, признающем вертикальные строки, идущие справа налево.

Исследовав, согласно открывающимся правилам, цифры обеих восточных систем, мы находим подтверждение возникающей догадки. Или арабские цифры – одна из разновидностей китайского цифрового ряда, или китайские цифры формировались в Древней Передней Азии, где правила грамматики письменного знака были знакомы, наверное, всем грамматистам Древнего мира. Конечно, обе системы, как полагается, пережили по несколько реформ,

изменивших их внешний облик. Однако формы отдельных цифр позволяют понять, что позиционный принцип действовал и в китайской, и в арабской системах. Но в отличие от римской аналитической единицы, всегда самостоятельной, восточная подчинялась основному знаку, сливалась с ним. Например, арабская четверка ٤ теперь может быть проанализирована: ٤ = черта справа вниз от основного знака. И несложно вычислить: х – 1 = 4. Значит * ٥ - «5». И в Китае эта цифра не сохранилась: была заменена натуралистической из пяти штрихов, но древнейшее ее название, ставшее числительным, выдает знак Угол. Эта цифра была распространена, вероятно, во всех мировых системах, в том числе и восточных: *и* – «пять» (кит.), *о* – (кор.), *go* – (япон.), *ho* – (майа).

В арабском же языке нет никакой связи числительных с предполагаемыми названиями цифр, что может говорить о заимствовании цифрового ряда. Но тогда следующая цифра («шестерка») должна была быть создана по принципу – «черта слева вверх от основного знака – увеличение на единицу». Посмотрим: ٦ - не так ли выглядела «арабская» шестерка на первых порах, прежде чем ее «пятерка» в курсивном письме не превратилась в завиток: 6, и из-за подъема одной стороны основной знак уменьшился. Проверить предположение можно следующей цифрой, которую, если следовать тому же принципу, надо было создавать, наращивая левую сторону еще одной единицей. Но в этом случае цифра нарушит принятые линейные размеры письменного знака, и «кривулина»-пятерка вовсе уменьшится. Тогда происходит творческое нарушение традиции. Черта-единица не наращивает левую сторону шестерки, а добавляется к ней, пересекая ее: ٧. В таком виде семерка осталась в китайском цифровом ряду. В арабском же мы ее видим уже механически перевернутой: ٧.

Эти цифры не просто близкородственны. Это – одна и та же цифра, авторская работа, выполненная каким-то мастером. Учитывая единую грамматику, по правилам которой были созданы восточные цифры и материальную близость отдельных знаков, мы можем быть твердо уверены, что эти цифровые системы создавались в одно время и может быть в ареале распространения одного письма. Это заключение продлевает век арабских цифр на пару десятков веков, потому что китайские цифры известны с середины II тысячелетия до н.э.

Тогда в древнекитайской письменности уже встречается ☌ – «восьмерка». Я вижу здесь противопоставление «двух месяцев», вполне согласующихся с «двумя лунами» арабской восьмерки.

«Восемь» – священное число шумерской богини любви и плодородия, олицетворением которой на небе была Венера. Ее графические символы ⊙ (концентрические круги) и восьмилучевик ✳. Оба знака назывались *dingir* – « божество», «Венера». Число «двух лун» (спрятавшихся друг в друге, как в матрешке) было расшифровано восьмилучевиком. Восемь становится знаком любви. Символика знаков и чисел сохранилась в брачном ритуале: каждый из пары надевает кольцо на четвертый палец и обе руки (обручение) встречаясь, создают из двух колец восьмерку – знак Венеры.

Но почему круг равен четырем? Не потому ли, что другое его выражение – квадрат? Может быть и так. Скрещивали квадраты (октаэдр), дублируя знак концентрических кругов. Но, возможно, решение могло быть и не столь простым.

Знак Венеры

Чтобы добраться до истины, надо рассмотреть все варианты знака Венеры. (Я говорил о нем в «Языке письма», но тема такой глубины, что повторения неизбежны, и каждое открывает в ней новые ценности.)

Знак Солнца ⊙ развивался, благодаря стремлению понять назначение точки. Одни жрецы продолжали видеть в ней знак отрицания (рану от копья или стрелы; отверстие). Это понимание до конца сохранялось в китайской традиции: монеты первоначально были идолами Солнца, своего рода иконами. Китайские монеты до последнего времени имели отверстие в центре. (Знак Солнца в древнем Китае не отличался от древнеегипетского.) На другом

полюсе Древнего мира – в Средиземноморье к точке было другое отношение. Ее приняли за Солнце, но только за «маленькое», юное, восходящее. А круг это луна – матерь Солнца. Это понимание придало точке лучистость – так произошел крест ⊕. И, наконец, в Древней Передней Азии сошлись и египетское толкование точки (о чем свидетельствует иероглиф ⊕ *udu (utu)* – 1) «бог Солнца»; 2) «баран», и другое, привнесенное, по-видимому, с севера. Там Луну изображали в виде месяца, а точка стала пониматься как звезда ☽. Месяц занимает северное положение. Возможно, такое решение принадлежало прототюркским жрецам, прочитавших сложный знак **u-j > u-d' > ud* – «Солнце». Потом, приняв точку за пятно на Луне, переосмыслили: **uj > aj* – «Луна, месяц» (общетюрк.).

(Мы уже рассматривали механизм вторичного превращения «новой луны» uj в новое «Солнце», но теперь уже с помощью «стрелы»: Ð *j-uj*. В древнетюркском письме иероглиф дожил до орхонского времени, потеряв по дороге точку: Ð – *jaj* – 1) «Солнце»; 2) «лук» (оружие), а в древнекитайском точка сохранилась, но значение откатилось на прежние позиции: Ð – «Луна; месяц». (Совр. *juj*).

...Итак, ➢➢ – *uj (ud'/ud)* – «Солнце» было, как мне кажется, принесено в Двуречье IV тысячелетия до н.э. (самые древние культурные пласты в стратиграфии Шумера) прототюрками, пришедшими с севера, о чем говорит явно северное положение «месяца» в письменном поле. Точка ассоциировалась со звездой. А какая звезда достойна стоять рядом с Луной? Самая яркая, первой зажигающаяся на вечернем небе перед восходом Луны и последней гаснущая на востоке перед восходом Солнца. Венера.

Культ Сияющей Точки и здесь превратил Крест (Ð) в символ божества. **Шумеры, совместив в своей две культуры (мягкого угла и острого), признали равенство косого креста и прямого, соединив их в одном знаке ✱ *dingir* – «Венера», «божество»**. Одновременно передав образное значение – «самая лучистая, самая яркая звезда».

Жрецы культуры, проповедовавшей сущность священного знака ⊙ и развившие его до ◎ (концентрические круги), вынуждены были признать, что точка (внутренний кружок) есть звезда, суперзвезда – Венера. Но «звезда» оказалась внутри «Луны». Это неестественно, и жрецы идут на нарушение формы священного знака, они выводят кружок (звезду) из круга (Луны) и даже возвышают Венеру (меньший кружок) над ней: 8. Так рождается художественная традиция – фигура богини любви и плодородия, ставшая образцом женской фигуры. Все терракотовые и каменные Венеры, начиная с III тысячелетия до н.э., где бы их не находили – в Древней Передней Азии, в Малой и Средней Азии – имеют фигуру Восьмерки и некоторые на себе несут выцарапанные или выдавленные знаки божества – концентрические круги и восьмилучевик. Мы знаем, что они читались *dingir* – «божество».

Теперь, прояснив происхождение этих символов, мы можем узнать и другое их название. А вместе с тем и круг языков, носители которых поклонялись богине Венере.

II

Вспомнился декабрь 1962 года. 17 декабря. Хрущев, после ставшей знаменитой выставки художников-авангардистов в Манеже, срочно созвал совещание творческой интеллигенции. Я попал в число трехсот приглашенных. (Обычно количество участников такого рода собраний определяется числом мест в зале, где они должны были проводиться. Съезды партии собирали 5 тысяч делегатов, ровно столько мест во Дворце съездов.)

Помню, вызвав к столу президиума скульптора малых форм Эрнста Неизвестного, Хрущев поднял над головой небольшой медный бублик: «Вы знаете, как называется это, так называемое, произведение? – вопросил он у заранее возмущенного зала. – «Женщина» называется!! Это что же получается, товарищи, в советской женщине кроме, извиняюсь, дыры ничего нет?!..».

Через полгода я был командирован по «писательской линии» в Багдад. И увидел рас-

копки Вавилона, его асфальтированную мостовую! А в музее археологическом – каменные изображения богинь плодородия – как поясняли надписи, сопровождавшие экспозицию. Одни богини напоминали шедевры натуралистического искусства – пышногрудые и широкобедрые, в виде восьмерки. Но самые древние представляли собой гладкие серые, светлые каменные баранки. (Кстати, и русское слово «баранка» происходит от названия знака Солнца, Барана. Ср. шум. «бог Солнца», «Баран». Хлебцы в форме этого знака были, наверное, посвящены Солнцу. Так же как блины с точками, круглые караваи и другие воплощения знаков Коровы. И даже насекомое, имеющее при взгляде сверху вид божественного знака , назвали «божьей коровкой». Предметы, похожие на графический символ, получали его название в уменьшительной форме – один из законов древнего словообразования: – «ворон», «галка», но предмет, подобный графеме, уже – «воронка».)

III

До финикийского алфавита дошел иероглифический знак Солнца, не признанный семитами II тысячелетия до н.э. в качестве священного, и потому ставший просто буквой. В разновидностях финикийского письма он выступает в нескольких формах: *thēth*.

В греческих письменностях это – *thēta*.

...Для жрецов Древней Передней Азии равенство знаков = было, думаю, очевидным, и по тому название у них было общим: *thēth*.

(Пока не будем отвлекаться на выяснение генезиса этого наименования. Примем его как данность).

Со знаком Богини были, думаю, знакомы все народы, населявшие Древний мир. В этот период культ Богини совпадает с культом предков, и имя Богини становится нарицательным. Оно обозначает сначала предка женского рода, затем вообще предка, старшую женщину в роду, в семье, старшего. В открытосложных языках появляется протетический гласный в окончании: и *метя*, и *мятя*, и *дядя*, и *дед* – диалектные варианты священного имени. Эти тавтологические слова нашей рано повзрослевшей наукой принято считать «детскими», которые, дескать, дети всех народов естественно вырабатывают в младенчестве, учась говорить. Нет, видимо, жрецы младенчествующего человечества, а вовсе не дети, сочиняли эти слова. Они нарекали удвоенные знаки, удвоенными названиями: *баба, папа, мама* и др.

В главе, где рассматривалось превращение шум. *l'u-l'u* – «народ, люди» в слово с суффиксом *tir, ti* – детерминативом множественности: *l'u-ti, l'utir* – «люди», «люд», «народ», приводился и другой пример древнейшего действия этого суффикса: *mama* > *mati, matir'; papa* > *pati, patir'; baba* > *bati, batir* > *batyr* (тюркс. сингармонизм).

Об этих случаях я говорил в «Языке письма» (1998 г.), им можно было бы посвятить научные конференции и сообща отыскать в языках человечества десятки других примеров того, как удвоенные конструкции превращались в лексемы с реликтовым суффиксом множественности *j (-di, -ti, -tir)*. Но наука находится в зависимости от Ранее Высказанного. Как религия.

Каз. *šeše* – «матерь», «бабушка», в этом же лексическом гнезде, как и *təte* – «старшая женщина в роду», «старший в роду», как тур. *dede* – «дед», груз. *deda* – «мать» и т.д.

Применение к этой группе суффикса множественности, вероятно, не имело смысла из-за фонетической близости с корневым слогом. Будем считать пока исходной формой *thēth*. А знаки, восстанавливаемые по некоторым историко-эпическим реалиям, совпадают и с исходным («круг с точкой» назовем для удобства – «праща»), и с развитой его формой, с расширенным отверстием («баранка»), и, наконец, с вертикально сдвоенным («восьмерка»). Первые две разновидности знака Богини плодородия толковались и как изображение женской груди, о чем сигналит славянское *титя* – «грудь», «сосок» («*Первоначально полигенетическое по природе слово детской речи; ср. греч. τιτφός – «материнская грудь; сосок», арм. tit – «женская грудь», англос. titt – «сосок», ср. – ниж.-нем. titte, норв. titta*». (Фасмер, IV, 62). Эти примеры

могут служить доказательством того, что предки упомянутых народов видели знак богини любви, материанства и слышали его название **tīt'*.

Я полагаю, что авторы библейской легенды о маленьком Давиде, победившем одноглазого великана камнем, пущенным из пращи, создали этот сюжет, наблюдая за знаком Праща, который превращался в Восьмерку («камень» вылетал из «веревочной петли»). А сам знак напоминал одновременно и Глаз. И являл собой противопоставление Малого и Большого. Контаминация этих значений и могла породить библейский сюжет о Малом, выходящем из плена Большого. И название знака **thēth > théveth > thévit* могло стать именем *Devit, Devid* – записанным консонантным письмом *Dwt* и прочитанном *Dawt, Dovyt, Daut* и т.п. Это имя развивалось вместе со знаком богини. (Одной из форм могло стать *Dževeth* – Зевес, Зевс – общее название иероглифа. Возможно, ⊕ *theveth* подарил славянским языкам и слово *svet, sviat*. А внутреннее содержание знака (лучистую точку) определяли, оснащая общее название формантами: *theveth-da > zvezda* – «в (знаке) *zevez*» (Суффикс местного падежа -da известен был еще шумерам. Сохранился в тюркском. В славянских несколько слов содержат этот элемент).

И упрощенный вариант изображения суперзвезды изобрели жрецы племени, в языке которого был суффикс прилагательного *-tik(-lik): seves-tik*. Древние индусы получили это слово в виде **svestik* и в произношении закономерно превратили в *svastik*.

[...Суффикс прилагательного *-tik(-lik)* сохраняется в тюркских языках. В «твердых» словах *-tyk(-lyk)*. Например, сейчас казахи определяют стороны света так: Восток («восход»), Запад («закат»), Юг («правая сторона»), Север («левая сторона»). Это значит, лицевая сторона была – Восток, а задняя (спинная) – Запад.

Но, когда-то, я думаю, лицевой стороной был Юг, потому что в староказахском сохранилось слово *arkalyk* – «север», букв. «спинная (сторона». Земли к Северу назывались так. Но после согласного основы суффикс преобразуется в *-tik/-tyk*. Если слово *arka* – «спина» выступало когда-то в виде *ark*, то прилагательное выглядело бы в форме *ark-tyk (*ark-tik)*. Этот материал может пригодиться для этимологии древнегреческого названия Крайнего Севера – *Arktik(a)*, от которого, по-видимому, образовали в наше время наименование Крайнего Юга - *Antarktika (*anti-Arktika)*.]

IV

Знак ⊙ 8 *thēth* – как символ богини любви и плодородия, очевидно, был известен и прототюркам (огузам): *seviš* – «любовь» (тур.). Праформа - **seves*. Знак толковался и как столкновение противоположностей. Антоним *savaš* – «война».

В кипчакских утверждается форма с гортанным медиатором, прослаивающим долгий: **segēs, segis, sigis* – «половой акт», с переразложением, выделившим глагол *sek, sik* – «совокупляйся». И что самое интересное: *segiz, sigez, sekkiz* – «восемь» (общетюрк.). Здесь – никакого переразложения.

Прототюрки знали числовое значение графического символа любви.

V

Линейно-схематическое изображение восьмерки приводит к изменению числового значения знака: 8 превращается в ⧗ и два треугольника, естественно, прочитываются как шестерка. Название знака приобретает новый смысл *thēth* – «шесть». Уже в др.-семитском появляется числительное *šēšš* – «6». (III-II тысячелетие до н.э.) Угаритским называют западно-семитский язык древней ступени, употреблявшийся в середине II тысячелетия до н.э. в городе-государстве Угарит, на самом севере финикийского побережья (нынешний Ливан) против о. Кипр. В угаритском письме не обозначался гласный **ē* и потому: *tt* – «6». В древнееврейском и арамейском: *šēš* – «6». Видимо, отсюда и попало в индоевропейские это числительное. Ср. лит. *šēši* – «шесть», лтш. *sesi*, перс. *šāš*.

[Словари, памятуя Раннесказанное, стараются не замечать явного родства индоевро-

пейского числительного с семитским и сочиняют праформу, от которой, якобы, и произошли индоевропейские формы. Это общее мнение и выражает Фасмер: «*Праслав. *šestь первонач. «шестерка», от и.-е. диал. *kseks – «шесть» наряду со *sveks…*». (IV, 433)]

Латинская цифра VI может служить вывеской публичного дома (поэтически – «Дома любви»), ибо произносится и «шесть», и «половая любовь» одинаково – *sex (*sēs > séhěs > sehs > seks)*. Но для этой цели, думается, лучше подойдет не римская шестерка, а древнесемитская натуралистическая 𐤇. Для кого-то даже в этом виде она продолжала оставаться восьмеркой: они не считали, что она состоит из шести коротких штрихов. Полагались на ее символизм, но, тем не менее, отняв одну черту, посчитали эту операцию уменьшением числового значения на единицу: 𐤆 *thēth*. Название сохранили семитское, преобразовав его в *dzēth, zēt*. Знак оказался в финикийском алфавите на седьмом месте. И в греческом – *zeta* – на седьмом. Случайно ли в тюркских появление числительного *zeta, žeti, džeti, jeti* – «семь»? На мой взгляд – это следы культурного взаимодействия прототюрков и древних семитов.

...Знак Любви в семитском исполнении анализировался жрецами Древней Передней Азии. Символ соединения полов. Верхняя доля – мужская половина, нижняя доля – женская. Жрецы заставляют подчиняться графическому Знаку тело человеческое. Мужчина должен развивать широкие плечи и узкую талию – это знак Мужа. Женщина – узкую талию и широкие бедра. Это знак Жены. (Вероятно, были и такие графические варианты знаков половин: 𐤃𐤄. Общее название как бы делилось на два. В египетском письме появляется 𐤄 - показатель ж. р. Заимствованно из семитского. Название – *‘t)*.

А иероглифом любви, семьи, рода и, в конечном счете – народа стало скрещение мужской и женской половин ✡ *thevith* – «Давид». Ныне называют его евреи – «щит Давида».

VI

Итак, господствующая в доШумере идеология – культ Венеры – была подсказана вариантом солнечного знака «концентрические круги», истолкованного в новые времена, новыми жрецами как «Луна» и «звезда». Попытка выделить звезду лучистостью придала точке необходимую значимость – «самая яркая звезда» > «Венера». Любовная пора начиналась с захода солнца и с восходом первой звезды. Это наблюдение помогло жрецам-поэтам провозгласить Венеру звездой любви и плодородия (не в сельскохозяйственном смысле, конечно).

И почитатели «полной Луны с точкой-кружком» вынуждены были также признать «точку-кружок» звездой Венерой, и потому вывели ее за пределы «Луны». Этим я объясняю появление знака «восьмерки». Такого рода идеологическая подчиненность, приведшая к нарушению священной формы, дала толчок развитию культуры. Выход маленького кружка из большого круга для цивилизации имел, может быть, меньшее значение, чем для биосферы выход рыб на сушу, но вовсе не малое. Оно подарило идеалы мужской и женской красоты, подвигло изобразительное и письменное искусства, орнаменталистику, геральдику и геометрию, религию Тенгрианства, из которой выросли все другие почитания Супер-звезды – в виде лучистой точки-Креста, Косого и Прямого. Может быть, борьба двух идеологий (☪ «Луна и Звезда» и ⊙ – «маленькое солнце-дитя Луны») и стала основной причиной, подвигнувшей поклонников Маленького (Юного) Солнца уйти из Древней Передней Азии на восток, на поиски Родины Солнца, где люди обретают бессмертие, возрождаясь как Солнце.

Потомками тех, кто не выгнал алый Кружок из Круга, являются японцы, сохранившие в гербе, в знамени этноса красную точку в белом круге. Она бывает и с лучами, но чаще – без: ⊡.

Тюрки-огузы также не вчера выдумали символ своей нации, внесенной во флаг ☪ – «Луна и Звезда». (В XI веке тюрки, покорив Византию и арабские страны, сделали полумесяц со звездой символом ислама.) Почитание Луны и Венеры в тюркских культурах достаточно четко отпечаталось. Казахский эпос «Айман-Шолпан» (*Ай мен Шолпан = «Венера с Месяцем») – тому одно из доказательств. Всегда было популярно женское имя Шолпан («Венера»). Названия других звезд никогда не применяются в антропонимах. Я не встречал тюрк-

ских имен – Сириус, Марс, Полярная звезда.

Знак-долгожитель, часто повторяясь, выработал в восприятии человечества некую реакцию на себя, он стал своеобразным символом интеграции. Полумесяц и Крест – это единение двух разведенных историей вер. Появляется в XX веке ассоциирующийся с этим знаком символ милосердия Красный Крест и Полумесяц.

Даже в основе прославленных символов социалистического единения рабочих и крестьян (Серпа и Молота) – те же Полумесяц и Крест.

VII

В доШумере появляется иероглиф *uj (ud', ud)*. Для прототюрков это – 1) «Солнце», 2) «Корова», 3) «Баран». В древнетюркском *uj, ud, ut* – 1) «Корова», 2) «Бык». В шум. *ud* – «солнце».

Тюрки свободно оперируют составляющими сложного знака: *d'*, *u(o).*

В шумерском письме сохраняется только *u* – «десятка», «десять».

Прототюрки и протошумеры еще знали предшествующее числовое значение этого иероглифа *u* – «пять». Образно толковали знак Солнца: крест-пара, выпадающий из сосуда-пятерки, это 5-2. Такое решение, вероятно, имело место в то время, когда косой крест называли **th'* и сложный знак прочитывался **uth'*. Наверное, так произошло прашумерское числительное *uš* – «3»: «*сопоставление двух числительных может быть*, – пишет И. М. Дьяконов, – *и умножением (uš-u = 3 x 10 = 30).*» (Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии». – М.: Наука, 1967. – С. 61). Такое умножение на десять сохранилось только на тюркском Алтае: *üč-un* – «30» (хак.). В других тюркских эта простая системка заменилась неэтимологизирующимся термином. В тюркских языках гласный смягчился под влиянием согласного. (Пожалуй, самый древний пример регрессивной ассимиляции качества.) Уже в шумерскую эпоху это могло произойти, потому что *uš* – «3» (шум.) сохраняется только в сложном числительном, а самостоятельно *eš* – «3». То есть аккадские словари в своем старании передать возможное *ü*, не находят для этого средств в своей письменности и передают «естественным мягким» *e*. (С таким способом передачи чужих «искусственных мягких» мы встречаемся и в латинском, и в греческом языках).

...Священность числа Три начинает обретать причинность: знак солнца имел такое числовое значение. Бог троицу любит, потому что троица – его собственный знак.

...И надо было случиться культурной революции – переходу с пятиричного счета на десятиричный, чтобы основная цифра получила повышение (стала десяткой). Пара не входила в число основных цифр (только черта и угол), поэтому сохранила прежнюю семантику, и священный знак стал выражать иной математический смысл – уже тенгрианский: 10 – 2. Число Венеры.

К тому времени *ud'(ut')* подверглось сингармонизации (прогрессивной ассимиляции качества) и произошло шум. *ud(ut)* – «Солнце».

Индоевропейцы получали числительное «восемь», наверное, в то время опираясь на числовое значение шумерского знака Солнца. К праформе **ud(ut)*, на мой взгляд, ближе других оказалось арм. *ut'* – «8».

В каком-то Диалекте происходит ларингизация: **uht*. Именно из этого Диалекта распространяется в большинство индоевропейских ларинги-зированная форма числительного, преобразуясь в ирл. *ucht*, гот. *ahtau*, гр. *οχτω*, лат. *octō*... Наиболее разрушена форма в иранских и др.-инд.. В тохарском появляется вторичное полногласие: *okadh*, в авест. гортанный «сатемизируется»: *ašta*, дальше идет процесс в санскр. *astā* и продолжается в балтийских: лит. *aštuoni*, лтш. *astuôni*.

Словари, высчитывая праформу, опираются на латино-греческий материал: «*Праслав. osmь – «восемь» – новообразование от osmъ – «восьмой»... и.-е. *oktō(u)*.» Фасмер, I, 356.

Но славянская форма сохраняет в корне *os'* – воспоминание о еще не успевшем отвердеть названии косого креста–пары **th'*. Если тюркам и шумерам в эпоху пятиричного счета название знака *uth'* дало числительное **uš'* – «три», то в самом начале эпохи десятиричного счета протославянам досталось *uth'* – «восемь». Они в это время «дружили» с древними семитами, которые оформляли свои числительные суффиксом существительного -*um* (ср. *'išten-um* – «1», *šolaš-um* – «3», *'erb-um* – «4», *hamš-um* – «5», *šešš-um* – «6» и т.д.)

Звуки этого суффикса в протославянском диалекте, думаю, подверглись сингармонизации: *os'üm' > osem'*. И произошло открытие начального слога протетическим согласным: *wosem'*. Славянская основа, как и армянская, обошлась без ларингизации, которая усложнила консонантизм числительного в других индоевропейских языках. Значит, не в праиндоевропейском образовались числительные, а после «распада» вырабатывались в культурных контактах.

VIII

Может быть, китайская цифра (горизонтально противопоставленные полумесяцы) появилась одновременно с индоевропейскими числительными как интерпретация знака – «пара полумесяцев», – «восьмерка» (др.-кит.).

Компас указывал на восток

Предложенная выше таблица буквенных пар требует обсуждения. Некоторые пары могут быть оспорены. Сведенья о них, сообщаемые в таблице, ограничены местом, но иные нуждаются в более пространных объяснениях, которые возникнут в ходе дискуссии. В таблице встречаются знаки, состоявшие в парах до ассирийской реформы, но в иероглифических парах, где создавались антизнаки с антонимическим словесным смыслом.

Об одной бывшей иероглифической паре я хотел бы рассказать.

I

Слоговое название – *at*. Буквенное значение – *t*.

Знак сравним с кит. *duŋ, dung', dong, dun* – «восход».

В тюркских языках китайскому слову соответствует *taŋ* – «восход», «рассвет», «утренняя заря» (др.-тюр., общетюр.).

Китайский иероглиф, похожий на телевизор с антенной и ножками, мог бы стать прообразом тюркского знака, более схематического, но точнее выражавшего идею восхода. На первой стадии рассмотрения мы можем довольствоваться констатацией: тюркская графема *at* сопоставима с китайским иероглифом *duŋ (dung, dong, dun)* – «восход», Возможно, первичное иероглифическое название тюркского знака **tůŋ* – «восход».

II

Китайский иероглиф содержит в своем составе знак *ři* – «солнце» (др.-кит.). Значение дополнено изображением лучей, не предусмотренных в составе знака солнца. Это уже отсебятина грамматистов, пояснявших деталями древний знак, в котором «антенна» (бывшая стрела), показывала направление движения светила (вверх). Расправленные крылья «наконечника стрелы» скорее тормозят подъем «солнца». И, тем не менее, китайский иероглиф совершенно отчетливо говорит о **восходе дневного светила**.

Тюрки при заимствовании знака утратили опознавательный значок, превращающий луну в солнце. Насколько возможно было квадрат с чертой превратить в пустой ромб? Тюркское письмо не терпело горизонтальных штрихов, а здесь их четыре. Антенна легко возвращается в «праформу», обретая образ стрелы. Квадрат возможно передать ромбом. Но поперечная черта?

III

В грузинском алфавите V века н.э. есть буква *don*. Лексического значения не имела. Ее можно было считать знаком-посредником между китайским иероглифом и тюркской буквой.

Вероятно, иероглиф восхода имел хождение в письменностях Древнего Мира, если сегодня мы находим его в разных районах Евразии.

IV

Теперь, чтобы не терять время на рассказ о том, как по искорке собирались сведения, проливающие свет на генезис этого великого знака, ознаменовавшего целую эпоху в истории человечества, я просто изложу свою версию.

...В III тысячелетии до н.э. происходят реформы в духовной культуре Древнего Мира. Столкнулись идеологии, порожденные толкованиями знаков солнца. Одна из них, самая древняя, объясняла старейший знак (основной в др.-егип. и др.-кит. письменностях) - «убитая Луна» > «не Луна» > «Солнце». Согласно этому пониманию, точка являла собой рану от копья-стрелы (знак отрицания).

Другое толкование, вероятно, появилось благодаря материализации первого. Знак солнца стал использоваться в архитектуре, как план строения храма с отверстием в куполе, чтобы Солнце видело свой символ на земле адептов и распространяло на них свою милость. Отверстие в куполе стало источником света, самой яркой частью знака. Отныне на точку смотрели не только как на «отверстие», но и видели в ней «малое светило». И теперь, изображая графически иероглиф Солнца, точке придают лучистость: в письме майа - *kiŋ, king, kin* – «солнце», а точку лучистую – символ верховного бога называли описательно: *jaš kin* – «Юное (новое) Солнце». Майа унесли на Восток этот священный знак и сохранили его структуру, но в Шумере «сияющая точка» превращается в скорописный крест: *udu* – «бог Солнца». Оттуда, видимо, берет начало почитание Креста как символа света. Крест в круге (Луне), потом воплотится в Сына божьего, и Круг превратится в нимб. Уже египтяне будут в надписях окружать имена фараонов – детей Солнца – картушем, окружностью, превращающейся в овал, из-за величины иероглифической записи. Шумеры словом *udu (utu)* пытались назвать именно Крест, деталь сложного солнечного знака, который имел общее наименование *ud (ut)*, хотя изображался иначе. Но именно это положение Сияющей точки, запертой в круге, и могло вызвать к жизни реформу, изменившую облик священного знака. Этому способствовала также параллельно существовавшая традиция изображения Луны в знаке Солнца в виде полумесяца: (в Африке), (в более северных широтах).

В шумерском письме встретились обе и были приняты в культуру на равных правах: и вышеприведенная курсивная с прямым крестом в «полной Луне», и с острым углом – «месяцем» *ud (ut)* – «Солнце».

Как видим, составляющие части в обеих письменных традициях назывались одинаково:

 = – *u*

É = Đ – *d (t)*

По существу, две родственные культуры соединились в шумерской.

Мы видим, что уже тогда появлялись предпосылки буквенного письма: сложные иероглифы конструировались из простых. Названия сложных складывались из названий составляющих. Весьма логичный и простой механизм, лежащий в основе принципа письма вообще. Шумерские примеры позволяют относительно датировать время появления простых знаков с однофонемными названиями. Они, скорее всего, были иероглифами. Значения их наименований – однозвучных слов восстанавливаются комбинаторным методом: *u* – «луна, месяц», *d (t, *j)* – «стрела». Первое слово сохранилось в языке майа: *u* – 1) «луна», «месяц», 2) «ожерелье» (Ю. В. Кнорозов «Письменность индейцев майа». – М-Л., 1963. – С.206). (Второе значение, возможно, отражало форму письменной «луны» – «полный круг»)

V

В группе Остроугольного месяца с Сияющей точкой родилась идеология – «Луна и Венера». Культ сверхзвезды победил в Шумере. Ее знаком стал восьмилучевик ✱ - *dingir* – «божество», «бог, «Венера», компромиссное соединение прямого и косого крестов, по-видимому, примиряющее их сторонников. Слово *dingir (*tngr)* продолжилось в тюркс. *tengri, teŋir, täŋir* – «бог», «небо».

Сторонники Маленького Солнца, видимо, вытеснялись из Древней Передней Азии. Мы их обнаружим потом далеко на востоке, куда их повел знак Юного (Восходящего) солнца. Они хотели найти родину Солнца.

Но теперь Юное (Маленькое, Восходящее) Солнце не могло оставаться в пределах круга «Луны», оно должно было вылупиться из него как из яйца. И сияющую точку (крест) выводят из круга: ⊕ *ud (ut),* ♁ *du (tu).*

В вертикальной строке при чтении сверху вниз *du (tu)* – «восход (Солнца)», «рождение (Солнца)»

Дальнейшее графическое развитие знака образно укрепило смысл: ♁ - «восход (Солнца)». Хотя нынешний читатель понял бы «восход Луны», но в действительности – «стрела» не была вначале указателем направления, а сама являлась поздней формой знака «сияющая точка» - «Юное Солнце», вышедшее из круга матери – Луны. И это значение древнекитайский знакотворец пытался укрепить, дополнив круг знаками отличия Солнца – придав ему точку (черту) и «наружные» лучи, обозначавшие сияние.

До грузин иероглиф **dun* дошел без этих дополнений. И, видимо, тюрки также обошлись без них.

Китайское вмешательство в форму первичного знака сделало нечитаемым его основную деталь: круг (Луна), превратившись в знак солнца, утратил связь с прежним своим названием *u (*uŋ)*.

VI

О том, что шум. > *u* – «десять» («*Луна») имел фонвариант **ůŋ* –догадываешься, сравнивая шумерское числительное с тюркским un (on, an) – «десять» (общетюрк.). И то, что именно этот графический знак был прототюркской цифрой «десяткой», свидетельствовало сопутствующее значение, закрепившееся в близкозвучащем слове *uŋ (oŋ)* – «правая (сторона)», «(в)право» (общетюрк.). Надо полагать, этот знак был в диалектах использован и в качестве указателя – «вправо». Но самое раннее значение его еще не далеко отошло от первичного – «бык», «самец», «муж» (знак тогда, видимо, располагался в позиции южного месяца: ∪∨. От той поры в славянских языках сохранилось местоимение 3 л. ед.ч. м.р. – *on*. Таким же местоимение было в тюркских: **un (on)* – «он». В современных: *o* – «он» (тур.), *ol* (каз.), *ul* (тат., баш.), *al* (кирг.).

Но в косвенных падежах и в турецком, и в казахском, и в татарском сохраняется *on- (un-)*. В значении «бык» слово узнается в открытосложном: *go* – «бык» (др.-инд.) и *gon* – «бык» (груз.).

[В дошумерском или точнее в протошумерском цифра Угол с тем же названием выражала первичное числовое значение «пять». Китайцы, корейцы, японцы и майа ушли из ДПА на восток раньше, чем в Шумере перешли с пятиричного исчисления на десятиричное и потому сохранили первое числовое значение цифры и названия, ставшего числительным: *u* – «пять» (кит.), *o* (кор.), *g*o (яп.), *ho* (майа).]

Переход семантический Бык > Муж > Самец > Он... восстанавливается материалами языков и письменностей.

От звена «муж», в свою очередь, была образована цепь терминов со значениями «вожак», «вождь», «князь», «царь», «господин». Слова эти из разных языков Евразии собираются в единое лексическое гнездо, где с кит. *vaŋ (van)* – «царь», правитель», «князь» соседствует

слав. *pan* – «господин», герм. *van, fon* – «*князь», «аристократ», тюрк.-монг. *han, kan* – «хан» с удвоенным гласным *kaan, kahan* – «каган», т.е. «хан ханов», «великий хан».

...До орхоно-енисейского письма древнейший знак-цифра дошел в образе буквы *an* (буквенное значение – *n*), мирно соседствуя с остроугольной «сестрой» *и (о)*.

VII

Таким образом, знак Луны (месяца) курсивный и остроугольный имел в письменностях Древнего Мира два ведущих названия: 1) **ůŋ (uŋ, oŋ, aŋ)*, 2) **ů (u, o, a)*.

Нам это важно знать, чтобы понять происхождение названия некоторых письменных знаков.

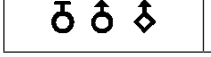
Прежде всего, иероглифов

1) **ůŋ-d (ůŋ-t)*, 2) *ů-d (ů-t)* – «солнце», «огонь».

1) **d-ůŋ (t-ůŋ)*, 2) *d-ů (t-ů)* – «восход», «рождение Солнца».

Благодаря этим схемам, мы теперь в состоянии выйти на Полную этимологию многих слов, содержащих значения, прежде всего – «Солнце», «свет», «огонь», «восход», затем – титулы «сынов Солнца», державших в руке скипетры в виде **шара с крестом**. Отношу к таким испано-итальянское слово *don* – «господин».

...В прототюркском письме до ассирийской реформы, я полагаю, была пара иероглифов, выражавших, если не прямо противоположные смыслы, то, во всяком случае, разные.

	ůŋ-t	«Солнце» «день»
	*t-ůŋ*	«утро» «восход»

В ходе ассирийской реформы иероглифическая пара распалась. Была создана буквенная:

	t
	t'

Иероглиф, став буквой, получает буквенное (*t*) и слоговое значение (*at*). Знак, благодаря образу стрелы по инерции обретает вторичный иероглифический смысл: *at* – «стреляй» (др.-тюр., общетюрк.). Но при этом теряется и первичное название, и первое иероглифическое значение: *taŋ* – «восход», «утренняя заря» (др.-тюр., общетюрк.).

А второй иероглиф стал использоваться как лигатурный знак. Мы получаем возможность вновь собрать разрозненную иероглифическую пару и восстановить консонантизм первичного иероглифического названия знака восхода.

	t-ŋ	«утро»
	ŋ-t	«день»

В орхоно-енисейских текстах лигатура читается *ant*. В тюркских языках есть слово *ant (and)* – «клятва», «присяга» (др.-тюр., общетюрк.). Этимологии нет. И соответствий в других языках Евразии не найдено. Скорее всего, «местного», т.е. тюркского происхождения слово. Клянутся самым дорогим, недаром – синоним этого слова в русском *божба* от глагола **божи (божись)*. Возможно, слово *ant* сохраняется в тюркских языках со времен солнцепоклонничества, когда название священного солнечного знака (символа бога) становилось именем бога.

VIII

Если знак «день, свет» выглядел так в разновидностях дошумерской или раннешумерской иероглифики, то от него уже нетрудно было бы создать антизнак переворотом: – «ночь». Похоже выглядит иероглиф – «ночь», «тьма», «черное» в шумерском письме. Правда название (*gig*) не связано с *ud* – «солнце», «день».

Но древние египтяне, перевернув знак **t-un*, получили и название перевернули (буквально) *nut*, что говорит о высочайшем уровне «фонемного чувства», позволявшего уже тогда творить слова-перевертыши устно.

Это, на мой взгляд, первый пример древнеегипетского «сознательного» палиндрома, возраст которого, по меньшей мере, четыре тысячелетия.

Мы наблюдаем в действии механизм сотворения мифа, в котором принимает участие письменный знак, превращающийся в антизнак. В мифе, порожденном этим поразительным действием, говорится о том, что у богини небесного купола по имени Нут есть пьяница-муж в образе человеческом. Единственным достоинством его является выдающийся член, которым он, лежа на спине, пытается достичь неба. В красочных иллюстрациях к этому мифу Нут представлена в виде женщины. Она, опираясь на кончики пальцев рук и ног, изображает собой арку неба, не позволяя, таким образом, пьянице-мужу достать до себя. В «Языке письма» я привел одну из самых щадящих иллюстраций (О. Сулейменов. Язык письма. – Рим, 1998. – С. 253).

...Индоевропейцы тоже перевернули знак дня, который, вероятно, назывался **t-n (*t'-n)*, получили знак ночи с названием **n-t (*n-t')*. И вновь расходятся в индоевропейском семействе два фонетических направления. Одно с ларингалом, которого в праформе не было: *n-$^{[h]}$t* (*noctis, nacht, nocta* и т.д.), другая – без: **n-t'* (*noč, nič*...).

Полная этимология помогает понять позднее диалектное происхождение «ларингала» в части индоевропейских языков: ему в XX веке придали статус праформенного признака.

IX

Знак света путешествовал вместе с этносами. Китайцы унесли на восток в середине II тысячелетия до н.э. два варианта восхода – один мы рассмотрели (с «полной луной»). Он был понят правильно и истолкован соответствующе.

Другой вариант. В нем вместо «луны» участвовал «южный месяц», и к тому же название этой основной детали было *u*, а крест – *t*. Благодаря этой сложной графеме, мы узнаем еще одно правило грамматики письменного знака. Если название сложного иероглифа не разложимо на составляющие, тогда для наименования деталей использовалось общее название, которое сначала присваивалось основной детали, затем это же слово переходило на «служебную», но уже в форме антислова, измененного внешней или внутренней флексией. Например, в китайском появляется знак *tu* – «земля». В древнекитайском, вероятно, было , понятое как – «лунка и растение». Наверное, культурное, высаженное, о чем говорит связь с «лункой». Общее название знака переносится на основную деталь – «лунку», и возникает слово *tu* – «земля» (вероятно, сначала «*обработанная земля»). Но, чтобы было понятно, на какой элемент знака переходит название, эту деталь увеличивают. В иероглифе «земля» основание значительно шире креста. Но теперь надо назвать крест – «культурное растение». Для этого увеличивается эта деталь и уменьшается основание, которое становится же креста. Название превращается в антислово чередованием качества звуков: *ši (*ti)* – 1) «*культурное растение», «*росток», 2) «воспитанник, выученик», «служащий», «офицер» (кит.).

Значение «росток» выражается иным иероглифом: *či (*ti)*. И здесь центральная деталь выделена количественно: выходит даже за пределы «лунки».

Это важнейшее правило, восстановленное нами, поможет понять происхождение не только древнекитайских иероглифов, но и переднеазийских: грамматика письменного знака в письменностях Древнего Мира была во многом общей.

X

Индоевропейцы использовали знак *tu (du)* для того, чтобы получить название цифры – крест. Они, скорее всего, выделили его из сложного знака, создав антислово внешней флексией: **tu-a (du-a)*, другие – внутренней: **tau* (*d*^{a}*u)* или *tü (dü)*. Все эти фонетические варианты нашли свое место в индоевропейских языках в виде числительного «два».

...В финикийский алфавит попадает буква *tau* (греч. **Τ** *tau*).

Китайцы тоже выделяют крест из комплекса, но присваивая ему общее числовое значение сложного знака – две пятерки»: *É ši* – «десять».

Итак, один сложный иероглиф *tu* с неустановленным первым значением породил три китайских иероглифа:

tu – «земля» («*обработанная земля»),

ši – «служащий, офицер, воспитание», («*культурное растение»),

Éši – «десять».

XI

Унифицированное китайское письмо создавалось из многих разновидностей. Вариант знака восхода в одной из них тоже с круглым «светилом» и «лучами», исходящими от него, и со стрелой, указующей вверх, назывался, я думаю, сходно с предыдущим: *tu*.

Этот иероглиф не выдержал соревнования со знаком *důŋ* – «восход» и потому не попал в унифицированную систему. Но производное с увеличенной «стрелой» и соответственно уменьшенным «солнцем» было использовано: *ši* – «стрела» (др.-кит.).

Такого рода словопроизводство порождало в китайском языке много омонимов, значение которых можно было различить только с помощью письменных знаков, поэтому, думаю, прибегли к дополнительному средству – тоническому. В зависимости от высоты тона изменялось значение слов. Одно звукосочетание в китайской пентатонической речи теперь могло выражать пять смыслов. Омонимы перестали быть бедствием. Но зато письменный знак получил дополнительные нагрузки, еще более отдалившие его от образных древних знаков.

И возвращаясь мысленно к началу темы «Происхождение письменного знака», я хочу привести рассмотренные примеры осознанного превращения форм в доказательство не догадки, не гипотезы, а твердо устанавливаемого положения **о существовании в письменностях Древнего мира системы грамматических изменений формы графемы (иероглифа, идеограммы, буквы)**.

Полная этимология (этимография), позволив выяснить происхождение др.-кит. знака стрелы и предположить праформу его названия **tin (*ti)*, заставляет обратиться к шумерским материалам.

XII

til (tir, ti) – 1) «стрела», 2) «жизнь» (шум.) (Привожу этот иероглиф из книги Дьяконова И. М. Языки Древней Передней Азии». – М.: Наука, 1967. – С. 61). Шумерские грамматисты, видимо, использовали правило переворота для получения названия стрелы. (Не количественно увеличивая один элемент и уменьшая другой, а, повторяю, переворотом.) А этот способ, мы знаем, также сопровождался смягчением гласного в общем названии знака, как и удвоение (= увеличение размера в китайском). Шумерский знак явно перевернут, и название его содержит мягкий гласный. Из другого примера мы знаем, что в шумерском в качественной оппозиции к мягкому *i* находится твердый гласный *u* (ср. *kur* – «гора», *kir* – «земля»). Таким образом, если мы вернем шумерский иероглиф в исходное положение, то в название может вернуться твердый гласный: *tul (tur, tu)*. Но каково значение? В шумерском языке такое слово мне не встретилось. Комбинаторным методом можно восстановить искомый смысл. Знак двусложный. Состоит из «стрелы», которая уже получила название, и

другого элемента, напоминающего «лук» (но неестественно расположенный по отношению к стреле) или «колчан» (более естественно). Итак, выбираем – «колчан». Шумерское слово должно было дойти до нас в каких-то языках. В древнерусском есть такое слово *тулъ* – «колчан». Его предшествующая форма законсервирована в древнеиндийском: *tun* – «колчан».

Значит ли это, что шумерский словарь не донес до аккадцев некоторые слова, в частности, праформы слов **tun* – «колчан», *tin* – «стрела».

Закон NLR («превращение носового в плавный») успел уже в III тысячелетии до н.э. превратить эти формы в **tul, tur, til, tir* и сократить в новошумерском - **tu-ti*.

Шумерские грамматисты и другим способом творили знак и название стрелы – не поворачивая всю конструкцию, а как-бы вынув «стрелу» из «колчана» и показав отдельно. (Этот способ – выделения – мы видели в китайском, когда крест «десятка» назвался мягким словом, выйдя из сложного знака.) Так, думаю, поступили шумеры, создавая стрелу с оперением, а в другой разновидности письма – даже без оперенья – *til (tir, ti)*.

...Эволюция знака стрелы – «точка (рана)» > «сияющая точка (звезда, свет)» > «крест» > «распятие» > «стрела»: показывает путь к букве: финикийской *tau* и к греко-римским **T**.

В культуре – к новым религиям. Одна из них увела народы из Древней Передней Азии далеко на восток, до Тихого океана и дальше.

Основной Элемент

I

Древние китайцы вынесли названия и формы Основного Элемента (Круг, Мягкий и Острый Угол) – *u* и *uŋ (ung)* из Древней Передней Азии.

Мы находим его в составе двусложных знаков:

kou – «рот» (**ha-u* – «*корова»),

tu – «земля» (**t-u* – «восход»),

duŋ – «восход» (**d-uŋ* – «восход»),

džun – «середина» (*'*j-un* – «восход»),

jang – «баран» (**j-ung* – «теленок», «баран»),

niu – «корова» (**ni-u* – «не бык» > «корова»).

Очевидно, что эти иероглифы создавались в культурной атмосфере, общей и для индоевропейцев. Древнейшие формы Угла (Месяца, Рогов) в некоторых случаях утратили первичные очертания. Например, в примере *tu* «полумесяц» превратился в горизонталь, а в примере *džun* – в прямоугольник. Особенно крупной достройке круг-«луна» подвергается в примере *duŋ*.

II

Тюрки сохранили два варианта Основного Элемента в «чистом виде»:

 an

 u

И в составе сложных знаков:

*at (*t-uŋ* > *tan* – «восход»),

*ant (*un-t* > *ant* – «*солнце, день», «клятва»).

III

До европейских алфавитов дошел Основной Элемент в обеих формах:

 – *o*,

- *u* (др.-латинский), - *u*, - *v* (позднелатинский),

- *ů* (др.-греч.),

Ω - *ō* (греч.класс.),

- *ō* (греч.-визант.).

В авестийском:

- *u*,

- *ū*.

Буквенные названия, скорее всего, заимствованы вместе из неизвестных иероглифических источников как дополнения к семитским алфавитам (финикийскому и арамейскому), не содержавших букв для гласных.

Но подлинным наследием собственной иероглифики являются отражения названия Основного Элемента в языках. Знаки *ůŋ (ung, unk, ank, ang)* породили много слов, в значениях которых отпечатались эти знаки. Они помогли праиндоевропейцам назвать все кривое, изогнутое, волнистое – коготь, крюк, след копыта, змею, воду, и контаминированное – водяную змею – гидру, ужа, угря и т.д.

Например, в латинском:

uncus – «крюк; палка с крюком, багор; хирургический инструмент; якорь»,

unci – предлог, обозначающий все кривое: *unci-pēs* – «кривоногий» и т.д.,

unguis – «коготь > ноготь; крюк»,

ungula – «копыто; коготь; орудие пытки в виде крюка»,

ances – «согнутый; искривленный»,

angulus – «угол»,

anguis – «змея; гидра; Созвездие Гидры»,

anguilla – «угорь».

Или в древнеиндийском:

anka – «изгиб; колено; след; цифра; число»,

ahkas – «сгиб»,

ankuça – «крюк».

В других индоевропейских: *angis* – «змея» (др.-прус.), *angis* – «змея; уж» (лит.), *unc* – «змея» (д.-в.-н.), *уж* – «водяная змея» (рус.), *вуж* (укр.), *vož* (слов.), *waž* (пол.), *huž* – «змея; червь» (н.-луж.).

Сюда же относятся слав. *угорь, угол* и др.

Даже англ. *hook* – «крюк» надо рассматривать в этом лексическом гнезде: **unk*.

Шумерская Стрела в мировых языках

Утверждается, что ни одно шумерское слово не могло бы дойти до современных нам языков; оно бы стерлось, сошло на нет.

Прослеживая историю иероглифа, мы восстановили генезис шумерского названия стрелы: **tiŋ (tinh, tin) – til – tir – ti*... Консонантизм развивался не только по закону NLR, но и согласно другим закономерностям, действующим в мировых диалектах: *ting – tig – tiz*

1) tinh

tink – tik – tis

2) ti – thi – ši.

Огласовка: *i – e*, и, возможно, была вторичная долгота: *ī, ē*.

В языках, не признававших долготу, появлялись медиаторы, прослаивающие долгий. Протетические: гортанный (*h*), губной (*w*). Например: *tihir – tihr*

tiir

tiwir – tiwr

Вот основные приметы, которые изменяли облик основы названия стрелы в «нешумерских» языках.

Благодаря знакам и названиям шумерской стрелы, человечеству удалось назвать все

острое, колющее, тычущее, шьющее и – действия, производимые острыми орудиями.

Лучше всего сохранилось слово в персицком: *tir* – «стрела» (**tīr*). В др.-персицком: *tigr* – «стрела».

В древнеиндийском собрались из диалектов несколько вариантов основы:

**tivr* – «стрела» (*tivra* – «острый; заостренный», *tivrata* – «острота; заостренность», *tivara* – «охотник»),

**ti* – «стрела» (*tij* – «быть острым», *tej* – «острота, заостренность»),

**tik* – «стрела» (*tikṣṇá* – 1) «острый; заостренный», 2) «убийца», «железо», *tiksn-esi* – «имеющий острую стрелу», *tiksnagra* – «остроконечный»),

**tig* – «стрела» (*tigita* – «острый; колкий», *tigmata* – «острота; заострение», *tigma* – «острие»).

В любом тюркском языке – не меньшее собрание вариантов наименования шумерской стрелы. Например, в казахском: *tij* – «попади (в цель); *tik* – «шей, вышивай» (в др.-тюр. *tik* – «уколи, ужаль»), *tis* – «зуб», *tiz* – «нанизывай»...

В татарском – все то же, только гласный расширен *-e (tej, tek, tes, tez)*.

В славянских появляется предлог, содержащий свистящий согласный: **steg-i* – «стежи, шей, стегай» (отсюда *стежка* – «шов», переносное – «тропинка, дорожка»). Основа все более плотно укрывается служебными частями слова: *sternia* – «острые пеньки трав, стеблей злаков». Орудийный суффикс *-d(la)* угадывается в лексеме *strela (*sterla)*.

Таинственный предлог *s-* присутствует и в латинских: *stilus* – 1) «стиль, т.е. острая палочка для писания по навощенной таблице», 2) «письменность, литература», 3) «острый кол для сельхозработ», *stinguo* – «колоть» (глагол, сохранившийся лишь в приставочных формах: *distinguo, instinguo* и т.п. – Латинско-русский словарь. – М., 1976. – С. 954). Здесь проявляется основа **ting*, не сохранившаяся в самих шумерских названиях стрелы. Без носового согласного основа (опять же с «предлогом» *s*) узнается в германских: *stich* – «укол копьем» (с.-в.-н.), *stick* – «осколок, острая щепка» (шв.). В польском из какого-то неизвестного германского (по мнению Фасмера, IV, 481) появляется *sztych* – «острое, колющее оружие» и при Петре I проникает в русский: *штык*.

II

Индоевропеистов (в особенности славистов) должна заинтересовать эта тема, дающая возможность понять, почему не все индоевропейские языки имеют показатель имени м.р. формы *-us (-os, -as, -s)*, отмечаемый в латинском, греческом, древнепрусском, литовском, латышском и некоторых других.

Почему, например, этого показателя лишены славянские?

Я полагаю, славянские и, возможно, некоторые другие языки в древности обладали этим формантом, но **применяли его не в постпозиции, а в начале слова**. Идеально сохранена конструкция в слове *ostrъ (*os-tir)* – это и было, вероятно, праславянским названием стрелы. Отсюда производные: *острога, острие, осётр* – «рыба острая» *(*os-ter), стерлядь (*os-terla-di)* – «рыба-стрела» и т.д.

О былой распространенности этого праславянского слова свидетельствуют примеры из индийских (напр., бенгальское *ostro* – «орудие», *osttro* – «оружие»), персицких (напр., *ustara* – «бритва»).

И другое славянское название острия: *osti* – «ость», сохраняет позднешумерское *ti* – «стрела». О древности этого славянского слова можно судить и по фон. варианту – **kosti* – «кость» (первоначально – «рыбная, реберная», «кость острая»).

Фасмер: «*Родственно лат. costa – «ребро», ср.сербохорв. kôst – «ребро». Здесь предполагают существование и.-е. приставки k- и пытаются сблизить с др.-инд. asrhi – «кость», авест. ast-, asti-, греч. οστεου, лат. ōs, ossis – «кость»*. (II, 349).

Наш анализ показывает, что в славянских сохранились формы, наиболее пришлиженные к праформе **osti* – 1) «острие», 2) «острая рыбная кость, ребро».

Теперь только появляется возможность понять генезис приставки *s-* в лат. *stilus, -stingou, stimul* и в слав. *стрела, стегать, стерня, стрежень, стержень*, в германских *stich, stick* и т.д.

«Приставка» - остаток префикса *os-* показателя имени муж. рода. (Потому в славянских не было окончания м.р.)

Пример, достойный учебника: *logos* – «слово» (греч.) = *(os)log > slog*.

[В эпоху односложного слова именно слог и являлся словом. Значение это дошло в русской поэтической речи до XVIII-XIX в.в. Еще во времена Державина употреблялись выражения – «высокий слог» и «низкий слог», когда говорилось о стиле речи аристократической или простонародной. Появление протетического гласного в окончании лексемы **slog(o)* вызвало рефлекс, проявляющийся ныне только в русском языке. Мы его назовем условно «рефлекс того/тово». Но можно и – «его/ево», «моего/моево», «самого/самово» и т.д. О чем он говорит, этот рефлекс? О том, что в русском языке совокупились два диалекта по-разному прослаивавшие долгий гласный. В одном – гортанным протезом (*h*), в другом - губным (*w*).

Знание этой закономерности может пригодиться этимологам и при реконструкции первичных форм основ в таких словах как *одевать, одёва*, явно согласующихся с *одежда*. Но непонятно превращение. Анализ выводит на исходную **odegati > odevati*.]

III

А теперь возвращаемся к шумерскому знаку стрелы. Но к его исходной форме, которая могла менять положение в письменном поле, и немедленно изменялось его значение. Мы убедились, что исходной позицией было: - *d-ůŋ (t-ůn); d-ů (t-ů)* – «восход» = . При изменении позиции на 90° влево, звуковое значение не должно было меняться, потому что «месяц» просто занимал северное положение: *d-ůŋ (t-ůŋ)*. Однако для протошумеров изменение позиции этого знака имело грамматические посредствия: **u-d' (u-t') > u-d (ut)* – «солнце». Вместе с тем, поворот знака на 90° мог произойти и механически. В шумерском письме это происходило при переходе с вертикального письма на горизонтальное. Именно это произошло, надо полагать, в письме народа, еще не избавившегося от носового в названии «полумесяца»: *d-ůŋ (t-ůŋ)*.

Изменение положения знака вызвало новое толкование: «чаша, наклоненная, из которой выливается жидкость» = «льющаяся вода». Этот знак мог стать детерменативом – «река».

Народ, в чьей письменности был такой детерменатив, думаю, назвал великие реки, впадающие в Черное море: *Дон* (греки знали его как Танаис), *Донец, Днепр, Днестр, Десна (*Денса), Дунай*. Структура имен рек содержит кроме названия детерменатива и настоящие их имена. Например, *Dъn-Epr, Dun-aj; Dъn-Estr*.

В греческих источниках Дунай называли *Isrost*.

Рекам давали названия богов, божеств, ища у них покровительства. Перемещение этносов из Древней Передней Азии осуществлялось, вероятно, и на север, в Причерноморье. И люди уносили имена переднеазийских рек и богов-покровителей. Я думаю, что среди них обязательно было имя Иштар – верховной богини жизни, плодородия Ассиро-Вавилона. Она же – Венера. Греки шипящий передавали свистящим. Имя Иштар (**Istar > Istr*) могло быть присвоено не только Дунаю, но и Днестру (**Dn-istr*).

Воспоминание о Евфрате (*'Evfr-at*, где *-at* – показатель ж.р.), возможно, сохраняются в имени **Dn-Epr* (ср. *Ибр* – «река в Сербии»).

Ираноязычные племена, вероятно, входили в состав пестрого населения Великой Степи, возможно, после Геродота, потому что в «Истории» Дунай еще называется *Istros*, Дон – *Tanais*, Днепр – *Boristhen* (русс. Борисфен).

Ср. осет. *don* – «река, вода», др.-инд. *dānu* – «сочащаяся жидкость», авест. *dānu* – «река».

Попытки этимологов произвести все названия рек от иранского *don (dan)* показаны в Словарях (у Фасмера наиболее подробно), но не одно нельзя считать убедительно доказанным. Очевидно только одноначальное *dun- (don-, tan-)* имеет отношение к иранскому слову со

значением «река», поэтому его можно считать «детерменативом» к настоящим доиранским именам рек **Dun-aj, Dn-Epr, Tan-aj(s), Dn-istr.*

Во времена Геродота Днестр назывался *Turēs* (Ср. тур., араб. *Turla* – «Днестр», ит. *Turlo* (XIV в.).

IV

В письменностях, где изменения положения знака вызывали смягчение названия, могла образоваться такая пара:

		tuŋ (tul, tur)
		tin (til, tir)

То же значение – «вода, выливающаяся из сосуда» > «льющаяся вода» > «река» порождает названия рек – *Tigr (*tīr)*. Совпадения с названиями стрелы – буквальные: ср. *tigr* – «стрела» (др.-перс.), **tivr* –«стрела» (др.-инд.), откуда тур. **thevr* – «острие», *sevrük* – «острое» > *севрюга* – «остроносая рыба» (рус.).

Из Древней Передней Азии название стрелы *tivr* ушло на восток, а название реки великой дошло до Апеннинского полуострова: *Tibr* (лат.), *Tevere* (ит.).

Пратюрки знак «реки» истолковали иначе. Они увидели – «открытый рот и 1) язык, 2) скрещенные клыки». Из разных диалектов в пратюркский собрались: *til (dil), tel (del)* – «язык», *tis (diš), tes (des)* – «зуб», «клык». Во время освоения этого знака и слова тюрки взаимодействовали с протогерманцами. Думаю, не случайно совпадают с тюркскими консонантные структуры слов английских: *tell* – «говорить, сказать», *tale* – «рассказ», *talk* – «разговор, говорить, разговаривать». (Не отсюда ли русские *толк, толковать*?). И *tooth* – «зуб», *teeth* – «зубы».

Я не верю в случайность таких системных совпадений. И думаю, что первоначально и в тюрк. *tis (diš)* обозначало мн. число – «зубы, клыки», как и было понято скрещение линий во «рту».

...Египтяне создавали учебные пособия для уроков языка в виде скульптурных фигурок. Мальчик показывает пальцем на зубы. На пьедестале написано: *tis*.

Греки решили, что это имя какого-то бога, возможно, бога молчания. Появился жест – палец, приложенный к губам. И междометие – *Тсс*! *Тишь, тишина*. (Основы **tis* – «зубы» слышится в русских глаголах *стиснуть, стискивать, тискать*, именах типа *тиски*, наречиях – *тесно* и т.д.)

Развитие **tin > thin* приводит к др.-сем. *šin* – «зуб» и т.д. до нем. *zinne* – «зубец», *zahn* – «зуб».

V

Как в Словарях этимологизируется слово *тигр* – самый крупный хищник в Евразии? Лат. *tigris*, фр. *tirge*, нем. *tiger*, греч. *τιγρις*. Фасмер, I, 56: «*от авест. tiγri – «стрела», tiγra – «острый*».

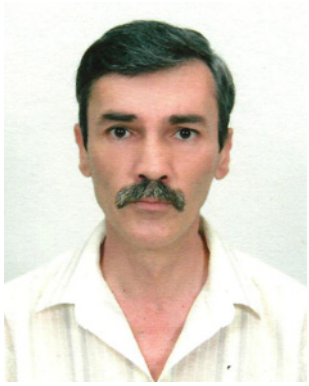
Никаких объяснений семантического перехода. Только – совпадение названий служит основанием для такой этимологии.

Вот случай, когда невозможно объяснить причинность семантики без предъявления графического знака! В одном древнеперсицком диалекте знак стрелы называли *tigr*, в другом – знак «пасти со скрещенными клыками».

Тюрки увидели раздвоенный язык змеи: *til* – «язык». (В др.-кит. - «язык». Сначала – «язык змеи»).

(Продолжение в следующем номере)

Джамбулат КОШУБАЕВ



Кошубаев Джамбулат Пшимафович, родился в 1962 году в Майкопе. Окончил филологический факультет КБГУ, работал корреспондентом газет «Советская молодежь», «Газета Юга». С 2000 года работает в книжном издательстве «Эльбрус». Автор книг «Логос без имени», «Абраг», «Палимпсест».

Было утро и смех сквозь сон.
– Пора просыпаться, – чужое склонилось
лицо.
– Мама вернулась?!
Ему не ответили сразу.
Сверху, сквозь воду
В ладони лодочкой,
Голос пролился глухой:
– Умерла. Твоя мать умерла.

Неужели был этот мальчик,
и голос, и смех, оказавшийся плачем...

***

Когда на грозный Суд моя душа
Исполненная ужаса предстанет,
Чем оправдаюсь? Что отвечу я?
.....
– Я был любим прекраснейшей из женщин.

***

Солнце светит для всех – наивное,
доброе Солнце.
Гложет мука живущих – думать
о вечности чувств.
Посмотри – за окном вороватое время
крадется.
Воровство стало главным из всех нам
знакомых искусств.

***

Быть может счастье есть одно на свете:
Когда тебе дано узреть
Сквозь медленно стареющую плоть
Свою произрастающую душу.

***

Наше счастье тревожно.
Все чаще пугают звонки,
Возвещая о том, что в мире становится пусто.
(Так пугаются дети, себя ощущая детьми).
Липкой ночью, касаясь тонкими
пальцами тьмы,
Просыпается в страхе, уснувший
во взрослом ребенок.

***

Страшусь того, что жизни мне не хватит,
Чтоб выказать тебе свою любовь.
И сколько б дней не отпустил мне Бог –
Мне даже век – остаток!
Как скареден Господь!
И как он щедр, что даровал тебя!

***

Мы – прошлых лет темницы,
Мы – плен воспоминаний.
В нас мертвые живут. Их голосами
Наполнены пространства тишины,
Где достоверность обретают сны.

Там ощущенья явственны. Страданье,
И наслажденье, и совести укор
Заставят сердце биться с соучастьем,
Пока не остановит пробужденье
Ту жизнь, в которой жизни как бы нет.

В какой нам сон придется погрузиться,
В чью мнимость достоверностью войти
Преображенным чувством, словом, ликом?
Ответа нет. Ответ за гранью сна...

***

Прибой гекзаметра качает списки кораблей,
Прекрасная, еще державна Троя,
И полон сил и ярости Патрокл,
И не развернут полный свиток дней.
.....
Но нет уже на карте Илиона,
Остался лишь один воспетый гнев.
Лишь отголосок.

***

Ты должен тяжесть дома
перенести по камню.
Детей взрастить трудом ты должен тяжким.
И в сад вложить ты должен тяжкий труд.
И тяжести смертей чужих
свое плечо подставить,
И жизни собственной всю тяжесть превозмочь
Ты – должен.

***

Не вызрел на ветвях засохших плод.
Любовь колен одолевала силу смерти –
Я шел к себе из мглы тысячелетий,
Я – исчезающий народ.

Я растерял в пути свое наследство.
Земля и вера, мой родной язык –
Вселенная, которой не постиг, –
Остались необжитым детством.

***

Нас ожидает разлука. Разлука
всегда на пороге.
Не плачь, если первым отправлюсь
в безмолвный я путь.
Никто не свернет со скорбной
последней дороги.
Не плачь. Ты о горе своем позабудь.

Мы разлучаемся с прошлым, не чувствуя боли.
Мы забываем о том, что боль предстоит.
С каждым днем напряженней усилие
жизненной воли,
С каждым днем все стремительней солнце
проходит зенит.

Мы не знаем – когда, не знаем мы –
сколько осталось.
Ты, может быть, веришь, что встретиться
там – не дано.
Но ты никогда не забудешь,
что встреча уже состоялась,
И прошлое наше навек нам с тобой суждено.

***

Я прошлое свое перебирал,
Я из него к тебе искал лазейку,
Пытался все понять:
Где ж я блуждал,
Теряя время?
Куда смотрел,
когда в одном вагоне
Нас уносил состав,
суставами скрепя?..

***

Вместе скользить взглядом, сердцем, душой,
По ускользающему предметному миру,
Устремляясь к эфиру,
Где все и навсегда пребудут
С тобой и со мной
Воспоминанием о прошлой жизни,
Где жили мы:
Ты и я.

***

Я суеверен стал, а значит – счастлив.
Боишься потерять, когда владеешь.
Но кто из смертных счастьем обладать
Способен?
Боюсь тебя из вида потерять,
Боюсь, что наше счастье кто-то сглазит,
Боюсь, оно чужое счастье застит
И перед ним я этим виноват.
И должен счастье я нести украдкой,
Его не выдав словом ли, улыбкой,
Случайным жестом –
как безмерно счастье
И как оно заставило страдать.

***

Ты знаешь и чувствуешь –
Небо имеет оттенок любви,
Воздух – прозрачен и звонок,
А горы – продолжение взгляда,
Устремленного к небу.

Ты помнишь, что здесь
Обитают ушедших души –
Их кости мерцают в земле,
И в звездное небо
Бездонные смотрят глазницы.

Ты слышишь ночами,
Как на родном языке
Говорят и леса, и река,
И высокие травы печали.
И камень молчит на наречье твоем.

***

Оплачем наших мертвых. Всех оплачем.
На побережии морском белеют камни,
Как выбеленные солнцем кости павших.

Хоть вы ушли, но вы остались с нами.
Волнами омывает камни память,
Перебирают волны звуки речи
Последних из ушедших.

***

Поэт уснул.
Он не поднимет век.
Двадцатый век не отпустил поэта.
Но снег теперь – уже не просто снег, –
Элегия большая Джону Донну,
И глины тяжкий пласт –
не только плоть земли,
Что прикрывает смерти наготу, а –
Благодарность.

***

Асе

Я голосом твоим не утолен –
Во мне звучит он, как под сводом храма.

Твоим лучистым взором опален –
От бедствий мира сердцу он ограда.

И легкий взмах твоих прекрасных рук
Мне крылья расправляет для полета.

И плавно рассыпает поступь звук
Шагов любви, не знающей исхода.

***

1
Скрипит, скрипит перо,
выскрипывает зло свои обиды:
кому пришло – нас слабым
одарить умом и этим сном,
который называем жизнью?

2
Скрипит, скрипит перо –
ему не все равно, какая вязь
ложится на бумагу,
какое слово обретет отвагу,
в чьем сердце отозваться суждено.

***

Говорят, что в сельве
деревья касаются кронами неба
и небо над сельвой – зеленое.
Еще говорят, на деревьях
птицы растут и звери,
и если утром в землю
плод упадет тяжелый,
то к вечеру, непременно,
человек вырастет или дерево,
или ягуар желтоглазый.
У нас все совсем по-другому.
Опушка и лес, убегающий в горы,
за ним надо гнаться,
пока не догонишь
отставшее тонкое деревце.

2007–2008

Камал АБДУЛЛА

Камал Мехтиевич Абдуллаев *(Kamal Abdulla /Kamal Mehdi oğlu Abdullayev/) — азербайджанский учёный, общественный деятель. Лингвист, тюрколог, литературовед. Писатель, драматург. Родился в 1950 году. Окончил филологический факультет Азербайджанского государственного университета. Доктор филологических наук. Член правления Союза писателей Азербайджана. Ректор Бакинского Славянского Университета, заслуженный деятель науки, член-корреспондент НАН Азербайджана. Председатель Азербайджанского Фонда Культуры. Автор многочисленных публикаций.*

Будучи руководителем научно-исследовательской лаборатории БСУ "Проблемы перевода", К. Абдулла является автором и одним из исполнителей проекта "Библиотека филолога – 100" (перевод на азербайджанский язык и издание 100 наиболее значительных филологических произведений всемирно известных авторов), серий "Тюркология" и "Мировая проза". Он главный редактор "Ученых записок БСУ (серия "Язык литература")". В 2010 году был назначен председателем Совета по проблемам языкознания Республиканского совета организации и координации научных исследований.

Пьесы, рассказы, романы, эссе и стихотворения Камала Абдуллы публикуются в Азербайджане и за рубежом. Он автор романов "Неполная рукопись", "Долина кудесников", сборников стихов и рассказов, нескольких сборников драматических произведений, опубликованных на азербайджанском, русском и турецком языках: "Некого забыть" (Баку, 1995), "Дух" (Баку, Анкара, 1997), "Шпион" (Баку, 2004), "Все мои печали" (Баку, 2009) и др.

Харон, милосердный Харон…

На древнем лице Стикса не было ни единой морщины. Река не дышала даже, боялась спугнуть одолевшую её неподвижность. Стоило чуть шевельнуться, и эта неподвижность вспорхнула бы, обратившись птицей. На самом деле если что и смиряло воды, так это прильнувшая к берегу незаметная лодка. Она застыла, погружённая в глубокий сон.

Этот берег Стикса окутывало яркое сияние тёплых золотистых песчинок. Здесь был и человек, он лежал навзничь на золотом песке, широко раскинув руки, и, увидев его в таком положении, неподвижность, несущая покой телу, как последний луч солнца, подползла, извиваясь, по песку и заполнила его полные удивления глаза...

...Ещё лежа Харон почувствовал, что его коснулся чей-то требовательный взгляд. Нет, не оставалось времени отдохнуть, хоть ненадолго слиться с покоем. Все спешат. Все рвутся на тот берег. Зачем? Ответа не знает и сам Харон. Он трясёт головой, чтобы прогнать нестройный хор голосов, заполняющий его уши, голосов, не желающих оставить его в покое, но из этого, как всегда, ничего не получается:

– Харон, Харон...

– Харон, справедливый Харон...

– Перевези нас на другой берег. Не бросай здесь одних.

– Харон, милосердный Харон...

***

Она не заметила, когда смешалась с другими тенями, сама превратилась в тень. В лодке Харона оставалось места ровно для одной тени, и сейчас ей важно было в борьбе за это место растолкать других, ожидающих в очереди, уговорить Харона. Лишь когда она избавится от этого незнакомого вкуса во рту, когда отдаст Харону лежащую под языком золотую монету в уплату за перевоз, вот тогда наступит истинная свобода. Достичь берегов Стикса – ещё не свобода. Она должна избавиться от всего, что таилось у неё в голове, в душе. Утратить память о земном... Но вдруг показалось: эта свобода ей не нужна.

– Харон, Харон...

– Харон, милосердный Харон...

***

Харон нехотя начинает ритуал подъёма с песка, на котором лениво лежал. Сначала он сводит на груди раскинутые в стороны руки, разминает кисти, гребнем переплетает пальцы правой и левой рук и долго лежит так. Затем, опираясь на правый локоть, переворачивается на правый бок. Тени, заметившие его движение, тут же возникают справа от него, чуть ли не лезут прямо в глаза. Харон вздыхает и переворачивается на левый бок. Тени следуют за его движением и теперь теснятся слева от него.

– Харон, справедливый Харон...

Харон ничем не выдаёт, как надоели ему эти мерзкие голоса. Словно слепой и глухой, он не обращает внимания на них и медленно поднимается на ноги.

– Харон, милосердный Харон...

***

Что должно произойти, чего не произойдёт – того не знает никто. Не знают и тени. Для них уже всё позади. Тени не хотят думать ни о чём ином, кроме того, чтобы очутиться в лодке Харона и переправиться на другой берег Стикса. В тот миг, когда они достигнут середины реки, им известно это, и настигает их то самое блаженное состояние освобождения. Когда всё, что осталось за спиной – воспоминания, мысли, чувства, всё переходит к Харону. А Харон, согласно великому условию, приговорён принимать эту ношу. Иногда Харону кажется, что не будь он даже связан условием, всё равно принимал бы этот человечий груз, потому что... Харон милостив, Харон справедлив, Харон...

Сейчас главное – сесть в лодку. Правда, Харон порой любит предаться лени, однако тени знают, что скрывается за этой ленью. Пока он не получит своей золотой монеты – и с места не сдвинется, никого не станет перевозить на другой берег Стикса, обитель абсолютной свободы. На самом деле он не ленив, а просто неравнодушен к мирским благам. Теням это кажется странным и смешным, как шаловливые дети, они вьются вокруг него, иногда даже шутят с ним:

– ...Харон, красавец Харон...

– Пожалей нас, сердобольный Харон...

– Харон справедлив, он не бросит нас одних в конце пути.

– Не ленись, Харон, не испытывай наше терпение...

***

Никому не ведомо, что Харон больше всего боится быть посвящённым в новые тайны, только однажды он ощутил: для него нет ничего отвратительней этого. Воспоминания, память, всё, что остаётся позади покинувшего земную юдоль человека, – тайна. Лишь до середины реки тень всей душой сознавала пережитое, а на этой черте приходило забвение, но в то же мгновение мозг Харона наполнялся воистину аидовым мраком. И никто, даже сам вечный Хаос не смог бы в том мраке отличить белое от чёрного.

...Тени прибывали и прибывали на берег Стикса. Харон направился к лодке. Ему предстояло выбрать одну, и свой выбор он уже сделал. Краем глаза он искал именно её и наконец разглядел в сонме с мольбой мечущихся возле него теней. Харон выделил её не только потому, что она вместо положенной одной золотой монеты показала издалека и пообещала дать ему две. Конечно, это было существенной причиной, но не единственной. Харону впервые показалось, что у этой тени нет никакой тайны и на этот раз ему не придётся забивать мозг на середине Стикса мерзкими, липкими, такими одинаковыми свидетельствами человеческих пороков, страстей и слабостей.

Это была тень женщины, и именно эта тень впервые обратилась к Харону ласковым голосом так:

– Харон, милосердный Харон...

***

По-разному звали Харона – и неутомимым, и сердобольным, даже красивым называли, но милосердным – ещё никто. О, великий Зевс, вслушался бы ты в нежность, звучащую в этом голосе: «Харон, Харон, милосердный Харон...»

Харон кивком даёт знак своей избраннице «садись», минуя обступивших его других теней, подходит к лодке, наклоняется и поднимает с песка раскинутые в стороны, будто руки, вёсла. Сначала сам, а за ним тень садятся в лодку. Харон устраивается удобней, берётся за вёсла, и лодка медленно скользит на другой берег. В ушах его всё ещё продолжает звучать голос:

– Харон, милосердный Харон...

***

Почти не касаясь безмолвных вод, чёлн приближается к середине реки, половина пути близка... Харон оглядывается, ищет глазами тень, и его поражает то, что открывается ему. Тень стоит на корме, обратив лицо к берегу, но не к тому, куда они плывут, она смотрит на оставленный ими берег, и из глаз её текут слёзы. Харон впервые видит, чтобы из глаз тени текли самые настоящие слёзы. И тогда он спрашивает у неё:

– Что с тобой?

А потом говорит:

– Время вышло, начинай, мы уже миновали половину пути. Говори, что должна сказать. Ведь ты знаешь условие...

Тень же так отвечает ему:

– Пусть не удивляют тебя эти слёзы, милосердный Харон. Ведь я ухожу, оставляя своих малых деток. Оставляю властелина моих ночей. Ни за что, ни за что не хотела бы я забыть их. Мне нечего сказать тебе. Я должна унести с собой туда память о них.

– Эта хитрость тебе не удастся, – Харон смущён.

– Ты поможешь мне, Харон, потому что ты милосерден...

– Невозможно нарушить условие. На том свете ты не можешь помнить этот мир, не пытайся обмануть себя.

– Ты милосерден, Харон... Милосердный Харон... – Голос тени вновь, как и прежде, нежен...

И Харон впервые нарушает свой долг. Он не перестаёт грести, и, когда нос лодки утыкается в противоположный берег, Харон позволяет тени ступить на него и раствориться во мраке Аида. Впервые – вместе со своей памятью.

Выйдя на берег, тень оборачивается и в последний раз смотрит на своего проводника, губы её беззвучно шевелятся. И хотя теперь Харон ничего не слышит, он прекрасно знает, что говорит тень, как говорит, и его каменное лицо безотчётно повторяет чужую улыбку.

…Харон, милосердный Харон…

Перевод М. Гусейнзаде

Из иллюстраций Гюстава Доре к «Божественной комедии» Данте Алигьери
Источник: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg272006/Polosy/8_2.htm

И жизнь одна у нас… И странствие одно

Признание первое

Не верь глазам моим — солгут и не моргнут.
Не верь слезам моим — солгут
и не просохнут...
Не верь словам моим — обманут и не охнут.
Я так же сам обманывался... Опыт.
Я так же сам проваливался в омут
Бездонных глаз и фраз... Не верь. Они солгут.

А ты, — как странно, — говоришь, —
не всем дано...
Такое, — говоришь — случается не с каждой,
Такое, — говоришь, — случается однажды,
Все остальное, — говоришь, — уже не важно.
И в странствие пускаешься отважно...
И жизнь одна у нас... И странствие одно.

Признание второе

Я хочу темноты,
Я прошу темноты,
Темноты черноты
Простоты пустоты.

Вы меня в темноте
Потеряйте, прошу!
Не ищите меня,
Я же вас не ищу!..

В темноту, в никуда,
Провалюсь, пропаду,
Вот, где я никогда
Никого не найду.

В ту — хоть выколи глаз,
Тьму последнего дня,
Чтоб не видеть мне вас,
Вам не видеть меня.

В беспросветную тьму
Без имен и примет...
Где когда-то пойму
И приму белый свет.

***

Грехи мои!
Чем дальше — гнут меня все ниже,
Ниже, ниже...
На нитку памяти
Все нижу их, и нижу...
Порвется нить —
Рассыплется, боюсь,
Бесовский бисер —
Весь из мелких бус...
И все, как на подбор,
Все на тебя похожи.
Ну, кроме, разве что
Единственной, одной...
Потом смотрю:
Да нет,
И эта — тоже.

Перевод с азербайджанского
Аллы Ахундовой
Источник: http://www.detira.ru/arhiv/21_2006/abdulla.php

Красивое поражение

Фрагменты из книги «Безутешный странник»

***

Все мы в течение дней своих более или менее задумываемся о жизни и смерти. По этому поводу у каждого, какая бы ни была, есть своя «философия»: у кого сложная, а у кого незамысловатая.

Кто готов полностью примириться с тем, что когда-нибудь исчезнет, не увидит больше этот прекрасный мир?

Что ожидает нас на той стороне? Ничего?

«Ничего» тоже есть нечто...

Если и существует там самая что ни на есть невыносимая мука – это беспамятство. В романе Альбера Камю «Посторонний» есть потрясающий диалог. Священник спрашивает у приговорённого к смерти: как ты представляешь себе потусторонний мир?

И приговорённый отвечает:

– А так, чтобы я и там мог помнить земную жизнь.

Кому посчастливится и «после» помнить этот мир, не забыть родных и близких, хранить в памяти души цвет гор, деревьев, трав? И посчастливится ли вообще?

А может, не мудрствуя, жить надеждой, что впереди – вечность. Нужно только верить, что где-то рождающийся при твоём последнем вздохе младенец – не кто иной, как ты сам. Может, таким образом, даже не подозревая о том, мы уже рождались бесчисленное количество раз и ещё будем появляться на свет. Это не утешение перед лицом смерти, которая и меня настигнет когда-нибудь. Это моя вера в бессмертие человека.

***

Самое большое и красивое поражение. Разве не парадокс?

Что ответить на этот вопрос? Бывает поражение, вызванное бессилием или нерешительностью, а можно потерпеть поражение от головокружительного успеха либо – если недооценишь противника или не повезёт тебе... Причин много, и они различны. Но, несмотря на их множество и разнообразие, все поражения имеют одинаковый вкус – горечи. Горечи разочарования. Горечи раскаяния и скорби. И дорога твоя после поражения как бы раздваивается: одна уводит в отчаяние, уныние, другая – заставляет, приложив талант и упорство, трудиться день и ночь.

Поражение большого мастера! Когда такое случается, проигрывают, не преувеличивая, все, начиная от литературы вообще до каждого отдельного читателя. Но кто возьмёт на себя смелость утверждать, что это на самом деле поражение?! Если бы поражение можно было сразу и с лёгкостью «распознать», это было бы не поражением, а победой...

Несомненно, одной из таких побед является победа американского писателя Уильяма Фолкнера. Когда у него спросили, какое произведение из всех, им написанных, он любит и ценит более всего, он ответил так:

– «Шум и ярость».

– Почему?

– Потому что этот роман – моё самое большое и красивое поражение!

Фолкнер был великим мастером. И когда писал, ставил перед собой не только художественные, но и высочайшие нравственно-этические задачи. Каждое его произведение превращалось в своеобразное поле боя, где он вёл ожесточённую внутреннюю борьбу с самим собой, стремился преодолеть сопротивление огромного и противоречивого жизненного материала.

С другой стороны, он совершенно справедливо считал, что между высотой творческой цели и мерой её достижения всегда остаётся зазор. В осознании существующей разницы между задуманным и достигнутым – вот где кроется поражение, о каком говорил писатель. Но

ведь если знаешь, что не полностью достиг задуманного, яснее видится масштаб замысла. В этом смысле «потерпеть поражение», по-моему, означает, что ты отдаёшь себе отчёт в истинном значении желаемого, это-то и является победой писателя, о чём я писал ранее.

Таким образом, самое большое и красивое поражение, когда замыкается некий невидимый логический круг, превращая тем самым творческие усилия художника в победу.

***

Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.
Александр Блок

В глубине этих простых строк кроется непростое философское содержание. И в самом деле, поэзия является самым совершенным инструментом, дарованным человеку для познания мира.

Адресованные нашему сердцу, строки эти говорят: мир изначально устроен правильно. Гармония является его сутью. Здесь каждая деталь, каждое движение полны гармоничного и плавного соответствия. Мир сущностей обладает прекрасной целостностью, она недоступна любым случайностям, любым искусственным вторжениям. Сотри всё случайное, наносное, и этот мир преобразится, предстанет в своей первозданной красоте. В этом мудрость блоковских строк. Недостаточно только смотреть... Блок приглашает видеть.

***

Поэт, пред ликом властелина ты!
С. Вургун

Если по истечении долгих лет в памяти моей останутся какие-то строки из пьесы С. Вургуна «Вагиф», это будет именно эта строка. Потому что в ней заключены и истина, и тайна. Эта истина, эта тайна не вмещаются в одну эту строку. Что строка – не вмещаются в целое произведение. Слова «Поэт, пред ликом властелина ты!» способны вместить в себя всю мировую литературу.

Неужели когда-либо поэт и властелин жили врозь друг от друга? Было ли такое время, такая пора, когда поэт отдалялся от своего властелина, творил в отсутствии его?

Не было. Они всегда рядом, вместе! Всегда пред ликом властелина стоит поэт! Всегда и везде, будь то близко или далеко, во дворце или в хижине... По-иному не может быть. Иное мы выдумали сами, для самообмана. Величие поэта без властелина иллюзорно. Потому и Вагиф немыслим без Гаджара. Всем своим творчеством он настолько вобрал в себя Гаджара, что они превратились в вечных спутников на великой Дороге.

Поэт и властелин! Кто прав, кто виноват?

Поэт и властелин! Кто силён, кто слаб?

Поэт и властелин! Кто поэт, а кто властелин?

Так кто же Властелин? Конкретный человек или целая эпоха? Твоя совесть или твоё бесстыдство? А может, отец, мать, твой ребёнок или жена, твой начальник или его заместитель, любимая?..

Кто в состоянии увидеть и распознать своего подлинного властелина? Кто понимает, что он извечно предстоит перед ликом некой высшей силы и вне этого – нет жизни для него? Кто осознаёт, что властелина в действительности нужно искать не где-нибудь, а в самом себе? И видит ли его, этого владыку внутри нас, кто-либо ещё со стороны?!

Чехов говорил: «Я всю жизнь выдавливал из себя по капле раба». Кто же был этим рабом, тяготившим Чехова? Кого он так опасался? А вдруг властелин каждого из нас и есть тот самый внутренний раб? Для кого-то раб, а для нас – властелин... Или тот, кого мы называем рабом, двулик: с одной стороны, униженный пария, с другой – царь?!

Так с кем боролся, с кем боремся и Чехов, и мы: с рабом или властелином?

А если наша борьба подобна борьбе Дон Кихота с ветряными мельницами?..

***

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья...
А. Фет

Словно писалось в последний раз.

Что произведение – каждое предложение стоило бы писать как последнее. Каждый глоток воздуха может стать последним по воле судьбы.

А ведь кажется иной раз: проживи ещё немного, глядь – и достигли бы бессмертия.

Кто знает, рано или поздно, возможно, и обретём светлое, чистое и ясное бессмертие. Наверное, эта маленькая надежда придаёт человечеству сил.

Жил когда-то поэт, воспевавший красивые и нежные чувства. Стихи его – хрупкие и прозрачные – совершенны, как хрусталь. Ни за что не подумаешь, что Афанасий Фет может быть автором такой «тяжёлой» мысли: «Тот не лирик, кто, веря в душе в свой полёт, не бросится головой вниз с седьмого этажа».

***

Вагифу Ибрагимоглу

Твой Путь – твоя жизнь. Сколько выпадет тебе идти по этому Пути и что останется за той чертой, где остановишься?..

Каждый, придя в этот мир, стремится покорить его. С возрастом и по мере того, как узнаёшь жизнь, этот покоряемый тобой мир начинает потихоньку неумолимо сужаться, уменьшаясь поначалу до размеров страны, затем – города, потом – деревни, квартала. Ну а когда лишаемся постепенно и этого – остаётся надежда на одного или двух друзей. Но и друзья исчезают песчинками в песочных часах – предстоит жить с надеждой лишь на одного человека. И человек этот превращается в неприступную крепость...

...Так, в один неизбежный как смерть день всё занимает свои места, открывается в своих естественных размерах и пропорциях, включая тебя самого. В конце остаётся и то, что вдыхаешь в себя как последний глоток воздуха, держа в глубине естества строчку Рамиза Ровшана: «К себе возвращается всё, что ни есть, к себе».

***

Стиль и стилизация – противоположные, однако находящиеся под угрозой смешения формы существования в искусстве. В идеале стиль должен быть проницаемой, лёгкой завесой, сквозь которую можно было бы увидеть всё, что намеревался сказать художник, только такой стиль не возвышается, к чему мы, увы, привыкли, между автором и читателем, подобно Китайской стене.

Когда стиль перерождается в стилизацию, начинает существовать сам по себе и довлеет в тексте над всем остальным, тогда художественное произведение теряет в своих других качествах. И содержание, и форма девальвируются.

Тешиться стилем, словно малым ребёнком, играть с ним – опасно в искусстве.

Стендаль, описывая Жюльена Сореля, героя романа «Красное и чёрное», делает важное замечание: Жюльен забывал о красоте своего дорогого костюма, его абсолютно не интересовало, подходит этот костюм ему или нет. В отличие от сверстников – аристократов он не сосредотачивался на одежде, внешнем виде, тем самым ещё больше привлекая к себе окружающих.

Стиль – как костюм Жюльена Сореля. Когда писатель хочет особо заострить на этом внимание, то есть занимается стилизацией, тогда он похож на пресыщенного сноба, стремящегося в первую очередь продемонстрировать свой костюм со всех сторон.

Источник: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg112007/Polosy/8_1.htm

Мурадин ОЛЬМЕЗОВ

Мурадин Ольмезов – балкарский поэт и драматург, родился 20 марта 1949 г. в селе Эрназар Талды-Курганской области Казахской ССР, куда были депортированы, как и весь балкарский народ, его родители. После реабилитации балкарского народа (120-тысячный балкарский народ проживает в пяти ущельях у подножия горы Эльбрус) в 1958 г. семья Мурадина возвращается на родину, в Кабардино-Балкарию.

Окончил литературный институт им. Горького в Москве. Мурадин — автор 10 книг стихов, поэм, сказок, драм. Перевел на балкарский язык и издал отдельной книгой рубаи Омара Хайяма.

М. Ольмезов — лауреат Государственной премии КБР в области литературы и искусства (2000), участник Международного театрального фестиваля (Париж, 2003). На II фестивале национальных театров Северного Кавказа «Сцена без границ» (Владикавказ, 2002) его пьеса «Тахир и Зухра» была признана лучшей национальной пьесой и отмечена дипломом.

Член Союза писателей России.

Зеркало к зеркалу

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
мешая щедро радость материнства
и радуги цвета со звездным светом,
но точки не поставишь.

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
смешать умея молнии стремленье
с великолепной музыкой цветочной
на солнечных полянах.

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним.

Ты на страницах жизни нас рисуешь,
мешая грустной старости морщины
с ночною тьмой, глухой, немой, холодной, —
к чему нам эти краски?

Остановился б вовремя, художник!
Ну кто же продолжать тебя неволит?
Первоначальный замысел ты губишь
усердием излишним...

Свобода

Войти бы в зеркало, как в сон,
найти бы день вчерашний.
Пускай секунд умолкнет звон,
пусть всходы станут пашней.

К себе ты, детство, призови,
чтоб, одолев природу,
от ненависти и любви
я вновь обрел свободу.

***

На берегу —
потаенное место...

Девочка,
платье короткое скинув,
в теплую воду вбегает,
нагая.

Груди ее переполнены солнцем —
взор ослепляют они зеркалами
мальчику, что, обмирая в засаде,
смотрит на девочку, завороженный.

Не шелохнуться бы,
думает мальчик,
если спугну ее — будет как в сказке:
вмиг обратится она в голубицу...

И улетит,
опереньем блистая!

День Звезды

Скоро, скоро
дотянется Ушба
до висящей над нею звезды
(этот день
Днем Звезды зваться будет)
и вручит ей в подарок
не камень
драгоценный из самого сердца,
но живой эдельвейс —
от души.

***

Бродя вдоль берега реки,
с древесным другом повстречался.
Вот радость!
«Здравствуй», — говорю.

(Я под его приветной сенью
читал стихи свои когда-то
красивой девушке.
Однако
отец ее, как туча хмурый,
ее увез.
С тех пор — ни встречи.)

«Где пропадал,
друг-стихотворец? —
спросило дерево и тут же,
ответных слов не дожидаясь,
добавило:
— А я похоже
на журавля!
Скажи, похоже?
Летать я даже научилось,
смотри!»

И с этими словами
примкнуло к стае журавлиной,
ветвями взмахивая шумно.

А через несколько мгновений
с небес листок упал мне в руки —
блестящий, что перо Жар-птицы.

Теперь поводырем он служит
мне среди улиц незнакомых
большого города:
исправно
туда меня ведет,
где тусклый
льет свет печальное окно.

Зависть

Камень
к дереву зависть питает,
потому что не может расти.

Ну а дерево
стать речкой хотело б:
та течет — сколько ж видит она!

А вот речка
завидует ветру —
тот летает по воле своей,
не стесненный границами русла.

Потери и обретения

Я однажды
себя потерял.
Средь людей
я искал себя долго...
Но нашел,
как ни странно,
средь птиц.

***

— Ты,
по скалам карабкаясь,
лезешь все выше,
безрассудный,
рискуешь ты в пропасть сорваться,
но — зачем?
Чтобы новой достигнуть вершины,
покорить новый склон,
до тех пор неприступный,
и за это
похлопать себя по плечу?..

— Нет.
По скалам карабкаясь,
лезу все выше
и рискую в смертельную пропасть сорвать-
ся,
я затем,
чтоб суметь
дотянуться до звезд!

Немая девочка

Во дворе, где остывают тени
истомленных знойным днем деревьев,
девочка играет, черноглаза,
девочка танцует, черноброва.

Птицы, словно дождь, на землю льются,
но ее молчания не нарушат;
бабочка — порхающая радость —
у нее не вымолит словечка.

...Бедные трепещущие руки —
те, что перед зеркалом впервые
девушку расцветшую укроют,
девушку заплаканную спрячут!

***

Дождь оставил
прозрачную лужу
с краем облака,
в ней отраженным
рядом с веткою вишни
зеленой,
и на ней
задремал ветерок.

Эта лужа
была бы стеклянной,
не найди в ней приют
лягушонок,
пучеглазый
и гордый собой.

***

Прозрачно утро.
Луг покрыт росою.
Застыв
на пламенеющей гвоздике,
спит бабочка.
Как бархат, ее крылья.

Лишь тишину
я вижу пред собою.
Повсюду слышу
только тишину.

Гнев

Взглянув в огонь,
я дерево увидел,
которое приют
дарует птицам,
но осенью,
разгневавшись,
их гонит,
швыряя россыпь листьев
им вослед.

Взглянув на реку,
я вдруг дождь увидел,
который щедро
насыщает землю,
измученную засухой,
но в гневе
дома несчастных
может напрочь смыть.

Взглянув на камень,
я увидел искру.
Огонь ли в очаге
она сумеет
разжечь,
чтоб защитить меня от стужи?
Или — спалит жилище,
впавши в гнев?

90%

Как облако в дождь превратится,
так дерево станет огнем.
Дождинки вновь облаком станут,
вот только огонь никогда
зеленую сень не раскинет...

А в наших с тобой организмах
воды девяносто процентов,
и, стало быть, нам возвращаться
положено снова и снова –
дождем, облаками ли, снегом!

Ушедший в небо

Вновь —
черный день.
Опять погиб мой друг.
Еще один
сорвался со скалы...
А он любил
взрывное слово
«вдруг»,
всю жизнь любил он
острые углы!

Не надышавшись
воздухом высот,
он, падая,
прощальный бросил взгляд
на мир внизу,
где нечисти — почет,
где каждый дышит затхлостью болот,
где страх в душе у каждого живет,
где думают лишь то, что им велят.

А в мире скал —
такая чистота!
Таким бесстрашьем
веет все вокруг!
Его всю жизнь
влекла лишь высота,
таким он был,
ушедший в небо
друг.

***

Жизнь —
утоленье вечной жажды.
Что будет,
коль она пройдет?
Все знают,
что умрут однажды.
Никто не верит,
что умрет.

Перевел с балкарского
Георгий Яропольский

Дюсенбек НАКИПОВ

Поэт, хореограф-либреттист, сценарист. Окончил Хореографическое училище Большого театра (ныне Московская академия классического танца), в котором учился вместе с Натальей Аринбасаровой (1964), и факультет журналистики КазГУ имени аль-Фараби (1985). Солист балета ГАТОБ имени Абая (1964-1986). Главный редактор творческого объединения "Алем" киностудии "Казахфильм" имени Ш.Айманова (1987-1991). Организатор ряда международных культурных и гуманитарных программ. Председатель Союза хореографов Казахстана, президент Международного фестиваля "Приз традиций".

Часть третья

(Окончание. Начало в №№ 2, 3).

30

...ступени лестницы... уровни звука... степень перерождения леса в степь... фагот виолончелен... виола кобыза великолепна... клянусь челестой...

Легкое веяние-дуновение мыслей над вещами недвижными утешает. Однако появляется и рябь на воде сознания и скрывает смыслы. Надо бы глубже в воду войти, нырнуть и, там, в тишине черепа поискать важную мысль. Разворошенная, за один только век, планета похожа на постель девственницы, разбуженной с утра грубым насильником и спросонья не понимающей, как вернуть чистоту снов на рассвете. Волна плещет на берег, смывая следы малого горя, а что делать с большим? Камень только кажется мертвой бездушной деталью пейзажа, но возможно внутри него дремлет крошечная устрица и ждет, когда он откроется и явит миру ее нежную суть – душу камня. Надо только ждать. И вернуться устрицей в океан живого. Бесчисленные высшие покровы лишь заслоняют-скрывают суть нашего древнего внутреннего сестринства-братства и еще более ветхозаветного материнства-отцовства, то великое родство-единство духа и материи, которое человеки так упорно разделяют тысячелетиями. У человека и камня, у воды и кристалла, у птицы и минерала подземного могут обнаружиться единые начала и парадоксальное родство. В любом случае, без тысяч и мириадов живых существ и мертвых вещей, лежащих на поверхности или скрытых в глубине, невозможно представить жизнь на земле. Ничего не остается, как мыслить и искать новые связи в старом порядке причинности. Сестринство-братство-единство. Ничего лишнего. Все ценно. Беречь песчинку-травинку-дождинку пуще золота.

Всем известно, что цветы пахнут. Но если их запахи имеют нечто сходное с языком, то найдется и некто, кто сможет понять и научиться слышать речь цветов. И тогда он услышит их разговоры меж собой...

...Эти пчелы совсем не разбираются в пыльце. Изваляются по брюхо, бестолково жужжа, лишь бы нектара надраться. А тонкости аромата, душа запаха?.. им это по боку. Надо же сначала ароматом насладиться, особо утренним. А потом уж нектар пить... Алкаши...

...Чтобы источать запах его еще надо создать. Думаете, там, где мои ландышевые корни хорошо пахнет? Ничего подобного. Вы и представить себе не можете из чего приходится творить аромат. И все для того, чтобы красота скрытая от глаз вышла из тени жизни в виде запаха и люди хоть не надолго, но отвлеклись от неприятностей.

Если не понимать, что такие состояния, как смрад и гниение временные и нет в них ничего злотворного, то как бы мы смогли сотворить из их первичных субстанций изысканный аромат. Не так-то это просто быть цветком...

Даже за красоту свою мы платим тем, что существование наше кратко. Весна, лето, а дальше – увядание. Но источение аромата... душа запаха - лучше внешней красоты. Они тоньше. Дольше. О них помнят...

В молчании цветов есть смысл, иначе не поймешь тайну корней...

...Запах – это воплощение молчания. И не надо слов. Вдыхайте. Внимание. Разгадывайте...

...Мы – ландыши, научились расти из дерьма, и следить за чистотой и красотой стебля и лепестков. Попробуйте-ка сберечь, даже в тени тонкий золотистый цвет-образ солнца, и при этом источать аромат счастья...

Почувствуйте и ощутите ветер, теплоту дождевой воды и прелесть омывания росой, услышьте вместе с нами легенды луны, грустные повести старых камней и остывшего пепла о временах, когда не было еще благоуханья...

... В каждом своем поколеньи-цветеньи приходится жить недолго, но мы утешаемся чужим счастьем и любовью, когда нас срывают и дарят. Приходится нам часто видеть и смерть людей. Печально быть свидетелем горя...

...Назначение семян наших и терпение корней – быть во тьме. И все для тех, кто обитает на земле, чтобы учились наслаждаться, как тонким ароматом, временем своей жизни под солнцем и ценили бытие земное, как летучий запах совершенства...

...Конечно, непросто быть нежными цветами среди грубой действительности. Но такова наша судьба – создавать аромат бытия...

Балерина плела свои узоры. Также причудливо плелись ее мысли в этот вечерний час ожидания Гевры. Но вокруг будто витал Ирис – ребенок, особенно в эти часы, и не давал ей забыть о себе. «Нет, – думала она. – Мой родится обязательно в одуванчиках, и помимо речи людской я научу его языку цветов. Они будут рядом с ним всегда. Сначала он научится различать их по виду, затем по именам, а потом и по запахам. И сам всегда будет ароматным, вдыхая их, мой ребенок, Ирис. Он научится цветочным словам, станет слушать их волшебные истории и, однажды, научит этому языку людей. Стежок за стежком... Как же трудно вырастить доброго человека, если даже этот узор никак не удается собрать?

Октябрь стоял какой-то пронзительный, будто хотел сказать, что он лучший из осенних месяцев и на него стоит поглядеть. И Балерина не могла устоять против этого молчаливого призыва и вышла погулять. Но вначале она решила навестить свою апашку, у которой брала шерсть и пряжу, поэтому вышла пораньше, как только Гевра поехал в «свой зоопарк зверский». А ехать надо было к тому былому дому, где осталась навсегда ее былая квартирка «полуторка». Апашка сидела на своем месте и очень обрадовалась приходу Балерины. Пошли расспросы, всякое слово, вопрос-ответ имели свою прелесть абсолютно бескорыстного разговора о житейских заботах-пустяках, тем более, что они – старая и молодая женщины – были связаны древним женским сестринством, где возраст не имел значения. Апашка полюбила эту молодую женщину, с какой-то красивой тайной внутри. Она хотела передать ей те крохи опыта и мудрости, которые ей некому было оставить, а Балерине давно не хватало материнской заботы, уже почти забытой, если бы не эта славная апашка.

- Доченька, смотри сколько у меня пряжи скопилось. Ведь ты одна у меня покупала. Забери все, она легкая, да и загадала я на нее.

- Возьму конечно. Хотела извиниться. Я же переехала с мужем в другой район. Теперь у нас три комнаты на двоих. В «Орбите».

- Ой, радость-то какая. утты болсын. Не зря я загадала на тебя. Кумалаки хорошо легли. Недолго третьей вашей комнате пустовать. Знаешь, доченька, дай мне свой телефон, а то мало ли что? Соседи мои тебе позвонят, скажут что да как. Ведь родных никого у меня не осталось.

- А вы мне свой, Шокен-апай дайте. Хочу в гости позвать.

- Спасибо, айналайын. С радостью пойду. Давно меня в гости не звали, разве что, небесный хозяин позовет.

Апашка повздыхала и попрощалась, благословила Балерину. А пряжа апашкина и впрямь была легкой. Октябрь играл свои пышные пассажи, как вдохновенный музыкант. Балерина шла сквозь осень и несла в себе свою радостную тайну и эти пронзительные ноты октябрьских пассажей.

... странно, но иногда когда тебя окончательно истомит одиночество в стене квартиры открывается проём и ты выходишь в некий просторный коридор-артерию куда выходят такие

же тайные проемы-выходы из других квартир и ты можешь войти-проникнуть в любую из них но что ещё более странно ты ходишь в чужой квартире а жильцы не видят тебя и продолжают делать самые обыденные дела свои и интимные вещи так что кажется и ты вовлечен в эти занятия стыд и страх быть обнаруженным и обличенным не покидают тебя и ты осторожно уходишь через проём коридор-артерию и долго ищешь свою квартиру с новой радостью ощущая свою защищенность-укромность... но кто знает не ходит ли и по твоей квартире беглец-невидимка из другого обиталища в этом доме одиночеств и жадно пожирает глазами твою жизнь во всех её обыденных прелестях и мерзостях личного бытия?..

Балерина очень боялась этих мыслей. Ведь как не крути-верти, но её прежняя профессия, можно сказать, была частью искусно придуманного «театра подглядываний», и кто мог знать, что фантазирует тот или иной зритель-наблюдатель, смотря на её тело совершенных пропорций и, одновременно, полное дьявольских соблазнов, когда они ещё и удваиваются движениями сокрывающими – отворяющими – сакральными – сексуальными-влекущими-томящими и призывающими, порождая вовсе не те чистые интенции души, для которых и был создан классический танец, а иные проявления человеческой души: тёмные-ущербные, всякие шевеления-пресмыкания и проявления инстинктов и похоти пошлой. Она могла представить себе и наивные горячие терзания-поллюции юнцов и изощренную потенцию, зверское хотение-желание хищных мужиков-самцов-мачо, жадно рассматривающих ландшафт её тела танцующего, все ложбины-возвышения-сады-кустарники, открытые поляны-чащи-джунгли, русла рек, омуты тайные, гейзеры-фонтаны кипящие, ущелья-щельные-узкие-опасные... и вновь плато-возвышение-взлеты-вершины предвкушая путешествия по этой «терра инкогнита» - Женщине... или по другому-какому безвестному секс-интим-островку, каковой достанется неудачнику по иронии судьбы вместо большого континента и ему не дано быть капитаном великих географических открытий вечно «Нового Мира» бесконечных интродукций-рондо каприччиозо любви.

Но ныне Балерина хотела только сохранить свой тайник-уголок, уберечь его от сглаза, укрыть неким пологом даже от «вышнего ока», ибо её новый танец любви, вобравший в себя самые сокровенные сакральные движения женского начала, как демиурга, творящего мир её чувств среди развалин-сокрушений-распада и выхода на свет тёмных сил, еще небывалых ранее оргий алчности, триумфа ничтожных душ, растленных жаждой богатства и пирующих на помосте, под которым лежали тела людей брошенных, раздетых-распятых-насилуемых-поруганных на алтаре дикого рынка, которых потом выбросят на вонные свалки после использования, как гандоны. Такова была эта оргия «политеса» предательств сильных мира перед слабыми, «вертикалов» над «горизонталами». И потому Балерине было больно представлять Геврy, бредущего в этом бедламе-вертепе-шабаше, и могущим быть испачканным-пораненным-поруганным, а его сердце мужское-сильное может быть унижено, а честь истинного капитана, мечтающего о просторах и задумавшего, как можно быстрее покинуть этот старый захламленный порт, выйти в чистые просторы моря, обрести свою землю обетованную и водрузить там флаг своей суверенности-свободы. И она верила, Гевра найдет свой путь, свой ветер, ибо знала и то, что она сама и есть та земля заповедная-заветная, убежище и обитание любви.

Кто поставил мумию в маске собаки в подпол – схрон пирамиды? Не поймешь: то ли этот фараон свергнут был, то ли собака имела ранг божества? В принципе, собака достойна высоких почестей. За верность. Недаром же есть и созвездие Гончих Псов. Верно и то, что там, во вселенной, и охота идет большая. Знать бы только за кем и кто охотится? Там масштабы другие: целые галактики сжимаются в кольцо облавы, а черные дыры втягивают в свой загон тысячи звезд и они ослепленно идут за своим фюрером-коллапсом, мечтающим создать имерию-мегагалактику... А после что будет? Сожмется от перебора гравитации до точки и взорвется, разнеся в клочья чьи-то неземные амбиции...

...Но сейчас думается о другом, о малом, о ребеночке и даже о том, как он зачинается во вселенной собственной матери от одной – единственной упавшей звезды, от семени отца...

Девять помножаем на тридцать получаем 270 дней. Эмбрион вот-вот выйдет в мир человечий – жестокий. Кто устелит одуванчиками ясли ему, или будучи волхвом подарит улыбку-улитку, а? Чтоб забыл боль рожденья. И эта высокая драма никогда не кончается и имеет миллионы сюжетов-продолжений. Говорят, как человек родился, так и жить будет...

... За грядою гор гремела гроза... вспышка-росчерк молнии. Грянул гром и за ним громы другие загрохотали... грозно сгрудились громады туч над горными вершинами... и хлынуло мощно... грубый и резкий поток воды, ливший стеной... но струи ливня-дождя и самой грозы всегда грациозны и, танцуя, несут земле чистые гранулы капель... гроза грандиозна, как страсть-любовь-восхищение-восторг-нежность, превратившиеся в струение слов, а порой и в тихо льющиеся слёзы счастья...

Стоя у окна, Балерина находилась, как бы, внутри грозы, как если бы сама танцевала в этом грандиозном балете апофеозе-ливне, в слепяще-черных декорациях первозданной стихии, в едином ритме вдохновенного рондо-каприччиозо небес. И вспомнился, вдруг, Док-Учитель, совсем не похожий на себя в тот день, когда выдал одну творческую блиц-идею... Она должна станцевать Киплинговскую черную пантеру – Багиру. Только её. Одну. Без Маугли, Балу, Каа. Только одна пантера. Среди яростной грозы, в чаще джунглей. Чёрная среди чёрного, освещаемая вспышками молний. В грохоте грома. В паузах абсолютной тишины. В шуме потоков воды. В яростных порывах ветра. Она – Балерина-Багира появляется то авансцене, во втором ярусе сцены, то у боковых кулис. Гибкая, хищная, разевающая белозубую пасть. Свирепая, сверкающая жёлтыми бликами глаз с вертикальными зрачками. Быстрая и одновременно, тягуче-медленная. Непрерывно текущая пластика тела. Внешне. А внутри – ярость и страсть хищной самки, учуявшей в этом грохоте – просверках молний – потоках дождя своего первородного самца. Чёрного. Безжалостного. И... влюбленного! Слепая страсть. Хищная. Прекрасная. Ночь, гроза, джунгли. Стихия. И в середине Она! Багира! Балерина!!! И хотя это так и осталось идеей-фикс, но сердце всегда замирало при одной только мысли, как это могло бы получиться? И казалось ей, что и она, подобна пантере, не испугается ночной грозы. Ибо сама черна и бесстрашна...

31

Седой орел-могильник облетал дальние горы. Сверху они казались каменными холмами. Истерзанные ветрами и одиночеством, как и он. Эти горы дряхлели, но что-то было в них неуловимо знакомое. Старый орел пытался вспомнить давнее-смутное. Вообще-то он не знал, что выпал из времени. Оно казалось ему неизменным. Разве что летать стало тяжелее и горы, как оказалось, тоже дряхлеют. Верхнее чутье опытного небесного навигатора подсказывало ему, что он когда-то здесь бывал. Орел-могильник кружил медленно, размышляя... Вот эти два горных отрога, сходящиеся внизу у края каменистой пустыни, безжизненной и унылой? Видно, так печально заканчивают свою долгую жизнь горы, проигравшие битву ветрам? Может быть...

Орел стал снижаться. Редкие кустарники на глянцевых склонах, лишайники в укромных от солнца расщелинах, высохшие деревья у подножий, щетинистая трава на дне глухого ущелья, где когда-то бежала горная речка вот по этому извилистому руслу, теперь более похожему на сброшенную, невесть когда, шкуру длинной змеи, уползшей невесть куда... Нет, он все же бывал здесь... Неужели с той молодой легкой орлицей, с которой он закружился тогда в восходящих потоках весеннего ветра, оглашая любовным клекотом это самое ущелье?.. Под карнизом скального обрыва виднелись остатки давно разоренного гнезда. Что если это то первое гнездо, которое они свили с его дерзкой и вольной орлицей, принявшей его настойчивую, парящую над землей, любовь?..

Вспомнилось-всплыло... Едва успела орлица снести в их гнезде два белых, без единого пятнышка, яйца, как в самом низу обрыва заполошились-загомонили люди и стали разрывать основанье скалы, вгрызаться в нее. От этого шума-гомона людского орлица стала беспокойна, не могла усидеть на яйцах и вопросительно-гневно смотрела на него, орла могильного-могучего, своими бестрепетными прекрасными глазами. И не усидела, покинула гнездо

с осиротевшими яйцами, оставив их на погибель, на проглот той беспощадной-бесстрастной змее, что оставила свою мертвую пеструю шкуру на дне ущелья. Взлетела разгневанная орлица и он вслед за ней, покружили они над гнездом своим и улетели к другим горам, оставив суетящихся шумливых людей под скалой, но еще долго их печальный проклинающий клекот разочарования разносился эхом над оставленным гнездом...

В этом же провале времени, среди распавшихся столетий, под скалой, в своем склепе-храме очнулся и воитель-властитель от нескончаемого полу-сна, полу-дремы... он собирал свои тяжелые ртутные мысли... что он тут делает?.. Воитель осмотрелся в полумраке огромного склепа, стены которого терялись где-то очень далеко... здесь, в малых копиях, было искусно воспроизведено все, завоеванное им когда-то... его былая империя... страны, города, селения... горы, долины, реки, пастбища, озера, леса... все это – некогда цветущее, живое, шумное – была мертвым... над всеми этими копиями зыбились миражи, всем овладело недвижение, во всем зияла пустота... неужели, это и есть та империя, которую он так упорно завоевывал, устраивал?.. медленно-тягуче текли мысли...

Сколько лет-веков он здесь обретается?.. Время стояло недвижно, как эта ртуть в озерах. Воитель с трудом поднялся с ложа и побрел к хранилищу. Сосуды с травами и напитками, которые ему оставил «тот мудрец» давно опустели. Что же Мудрец сказал тогда, давая последние наставления?.. – Всякая пища мертва... И в первой жизни и во второй... Для вечной жизни нужна вечная пища... Где взять ее?.. Оставайся, повелитель, и думай... Воитель вспомнил, что когда кончились травы и напитки, он погрузился в полу-сон, а когда очнулся, то испытал невероятный голод и неутолимую жажду, которой не знал в той «первой» жизни. И он стал есть и пить ртуть, которой здесь было много. Насытившись, Воитель начал медленно и необратимо тяжелеть от единственной пищи, которая тут была, и вскоре, сильно захмелев от паров той же ртути, вновь впал в беспамятство-полудрему-полужизнь. В этих ртутных снах ему виделось, как отворяются врата второй жизни, которую обещал тот странный худой мудрец... встает новое солнце, триумфально приветствуя его – Властителя, пережившего смерть-недвижение... несут дары и явства... ластятся дивные девы... Так повторялось многожды-много раз, но кроме мутного ртутного похмелья ничего нового не случалось и... и он снова принимался пить ртуть. А сего утра, сего дня, сего года-века, в провале времени, после особо обильного ртутного пиршества-пьянки Устроитель очнулся от совсем другого отвратительного, ужасающе-непотребного, недостойного его деяниям и помыслам сна. Это был сон-оргия...

Во множестве явились ему бывшие воины-слуги-рабы, жены-наложницы и... даже враги... И все они молча набросились на него, своего властителя, и стали отвратно-мучительно-безобразно-злобно (все вместе) употреблять и насиловать его во все отверстия, суя свои возбужденные члены-фаллосы в рот, в глазницы, меж дряблых ягодиц, в задний проход – в анус – прямую кишку, в то время, как жены-женщины, словно фурии заставляли лизать и сосать свои влажные-смрадные вульвы-вагины-влагалища, вертя перед ним задами и пукая-мочась-испражняясь ему прямо в лицо... а потом и вовсе разъяривишись, стали ножами и кинжалами (в изобилии разбросанными в его оружейной палате) надрезать-вспарывать в нем новые половые отверстия для насилия, как кому вздумается и захочется... все беззвучно хохотали-орали ему: - На, ешь-жри, рвань ртутная-рвотная, дрянь подворотная... они глумились над ним, испуская в него потоки скользкой-вонной спермы-гноя-молоки-молофьи, слизь неимоверную, извергая из себя всю ненависть и презрение свое и вожделение тайное-запретное, пока не наступил общий массовый супер-оргазм...

Не веря в происходящее, ужасаясь немыслимым извращениям, пришедшим в его сон из мира устроенного и оставленного им самим, Воитель стал распадаться на куски и лужи ртути и небывалая-невероятная вонь-смрад-тлетворение прорвались из него наружу, заполняя мрачный склеп-копию его имперских подвигов и помыслов, все пространство его второй жизни... и тут, когда он почти совсем очнулся и хотел было окончательно стряхнуть с себя остатки этого чудовищного сна, сверху, из-под сводов пещеры на него спрыгнуло дикое существо, с человеческим ликом, ясно и жутко посмотрело ему прямо в глаза и произнесло: – Вот теперь я буду жрать тебя, падаль, предок мой сраный... Это людоед упал в провал во времени...

агх... хряв-чав... плюю-бля... Все.

Когда долго находишься среди искони молчащих пространств: в пустыне или в горах, то поневоле станешь молчальником. Мудрец, водворив воителя в место его последнего молчания, пересек в одиночестве пустыню и подошел к северным, отвращенным от солнца отрогам Гималаев и ступил на земли древнего Тибета. Перед глазами Мудреца расстилалась горная страна, возвышенная не только горами, но и тысячелетними поисками смысла жизни – смерти и духовными надстояниями под суетой равнин. И Мудрец решился пересечь эти высочайшие на свете горы, таившие в своих недрах тайну грандиозного столкновения земных начал и, потеряв веру в равновесие добра и зла, начавших миллионы лет и тысячелетий эпох после, свое беспримерное восхождение к небу, чтобы там высоко над землей, найти ответы на свои вопросы и утешить бурю смятения и разочарования в существе самой жизни.

Начав свое восхождение в эти, и без него возвышенные горные пространства, Мудрец думал о том, что молчание, в ином, долгом молчании пустынь и гор, имеет огромную силу и способно раздавить душу. Гибельное молчание может овладеть сердцами и очень злых, и очень добрых людей, но они выходят из этой долгой невольной немоты по-разному. Но совсем особенным является молчание тех людей, кто ушел в размышление-сострадание к другим молчащим (добрым ли? злым ли?), чтобы понять причину их молчания, а тем более предполагать то, какими они выйдут из плена-заточения-одиночества молчания. Если, по-настоящему, захотеть понять молчащих и самого себя, то надо пойти в Молчание Молчаний и выйти из него настолько сильным человеком, на которого можно будет взвалить тяжесть последней ответственности за всех молчащих людей, и даже за тех, кто навсегда умолк в смерти, как если бы тебе, вдруг, некто сказал, что ты теперь единственный живой человек на земле, кто еще может произнести слово и прервать печаль молчания даже этих древних красивых гор.

Чтобы прийти к ступени первого вопрошания и подняться на вершину последнего, нужно пройти испытание молчанием. Джан – первая ступень медитации. Пусть мысль станет плугом, бороздящим землю сомнений, пусть вскроется убежище-гнездо, где таится червь бытия, пусть душа, словно птица с высоты, увидит место соединения причин и следствий жизни земной, и станет душа Ситхартхой – принцессой сострадания всем молчащим в отчаянии людям, пока не откроются все четыре знака сущего. Надо заново понять древние тексты вед, постичь их знамения, посягнуть на сакральность тайного знания, даже если для этого предстоит пройти медитацию боли и медитацию измененного сознания, потерять на время разум, выйти за порог реальности, но освободить душу от телесных оков. Пусть тебя терзает демон Мара и три его дочери встанут на пути к чистому сознанию, но и тогда, может быть, тебе встретится древо Ботхайя и под ним к тебе придет просветление и найдешь ты утешение в том, что и ты жил, в общине людей и страдал вместе с ними. Кто знает, может то древо находится за тем перевалом, за этой бурной рекой в диком ущелье, или по ту солнечную сторону этих великих вершин? Только терпи, иди, мужайся, а что до нирваны, то ее блаженство достижимо, разве что, только самому Шакьямуни Гаутаме – принцу истинного Духа... И Мудрец шел, поднимался, думал и молчал... Там, далеко, на западе, за этими горами его – последнего человека ищущего спасения, ждет сам Амида Будда с непокрытой головой...

32

Казалось, он не имел никакого желания ни лететь, ни думать, но думать и лететь приходилось поневоле. Многолетняя практика жить-пребывать в двух ипостасях своих превратила Есеню из живого человека в мыслительную машину чистой логики. И всё это для голой вещественной пользы-выгоды. Он сам себе порой казался неким существом, наподобие кентавра. Бить копытом и одновременно думать было непросто, а потому Есеня внешне покрылся такой непроницаемой броней, что скорее относился к виду бронтозавров новой эры хищных гигантов дикого рынка. Не то ящер, не то кентавр? А что человеческого в остатке?..

Сутолока аэропорта «Манас» в Бишкеке его, как ни странно, успокаивала. Есеня был, как всегда, недрёмен. Трое, охранявших его, сторожились на отдалении, на своих местах, и он

видел их обводным взглядом. Так было оговорено. Он среди простых пассажиров. Не в привычном «VIP»-зале. Правила эвакуации во все время остаются неизменными... Раненый волк уходит тихо... В логово отмщенья...

... наука мести... если есть метла в руках, стой за ветром... осмотрись-угадай веяние-направление и мети от себя... чистить землю под собой и другими благое дело... пыль, летящая по ветру, легка и возвращается небу...мельщик праведный-дворник земли... спасибо тебе за работу метенья... однако есть и наука мести врагу... учеников много...

Жена его с детьми улетела днём раньше из Алма-Аты вместе с отцом, по официальной версии – лечиться. Однако, и тесть его, и сам Есеня называли это эвакуацией. Временной, но хорошо продуманной. После стрельбы по тестю, слишком много знавшего о «конструктивных тайнах» нынешней власти, и лишь чуть раненого для «острастки» стоило задуматься. Убитые – охранник и водитель – были тому неоспоримым основанием. Стоило поразмышлять. Напрасно всегда осторожный тесть затеял возню вокруг нефти и металла. Того, что у них было: большой холдинг по строительству, несколько торговых домов и все еще процветающий бизнес по добыче габра на надмогильные памятники – этого вполне хватало. Еще была управляющая доля акций в недавно учрежденном банке. Но тесть и он сам, втайне, хотели большего. И свои и российские олигархи застили глаза. Настойчивые системные попытки выйти на уровень выше показали, что на металл и большую нефть наложено табу. Там действуют иные правила, вне законов свободного рынка. Вот и постреляли. Предупредили. В самой «высокой» политике им не нашлось места. Упорствовать было глупо. Есеня разукрупил холдинг, часть бизнеса оформил на доверенных людей, активы перевел в оффшорные зоны. Банк «они» не тронут. Там солидные дольщики из «высоких кругов», хотя и здесь надо держать ухо востро. Надо ввести пару «иностранцев» в правление, взять в долю. За тем он и ехал. Отсидеться, привести в порядок активы в оффшорах. Продумать новую стратегию. Есеня еще раз огляделся и пошел на регистрацию. Кажется, пронесло. Отпустили. С намеком... Уже сидя во взлетающем самолете, Есеня позволил своим мыслям совершить реверс в не столь давний год...

Свою зимнюю любовь он встретил случайно. Под Новый год, на одной из многих праздничных вечеринок. Она была из тех, кто разносил коктейли. Есеня не обратил бы на нее внимания, если бы... два протуберанца глаз полыхнули рядом... почти равнодушно, но у вспышек в женских галактиках есть своя энергия... хотя холодный огонь из больших глазниц едва коснулся его, он инстинктивно отпрянул... зрачки обсыпаны золотой пылью поверх блесток бриллиантовой зелени... там бездна, провал во времени, дыра во вселенной и... холод... в котором конденсируются огненные вспышки неземной природы... откуда-то пришло в голову, что такие глаза ему уже приходилось видеть. Да, в фильме у Спилберга... глаза ящера... красивые... страшные... немигающие... глаза из невероятных времен... взгляд – вспышка – угроза – холодный инстинкт...

Из неимоверных времен и далей на тонкой пленке воображения проявилась картина... Заросли гигантских хвощей и папоротников. Удушающая духота и вонь юрских и мезозойских болот и лесов. Солнце дрожит в мареве небес, грея сонмы сонмищ невероятных существ и растений, брошенных в пекло сотворения и яростную битву выживания. Здесь все чудовищно, несоразмерно и омерзительно уродливо: букашечки, размером с барана, слизни, вьющиеся среди лиан так огромны, что падают под тяжестью своих глянцевых тел, не в силах удержаться на ветвях и листьях.

Смрадное дыхание хищных ящеров, ядовитые испарения, испражнения безобразных бесчисленных гадов и громадных травоядных гигантов юрского периода, смешанные с серными выделениями болот и густым, почти осязаемым запахом разложения животных и растений – вот великая реальность эпохи гигантов. Только неиссякаемое чрево молодой и бесстыдной планеты могло породить такие мегаформы жизни во всём их отвратительном великолепии. И вот на поляну этого непомерного леса выскочила самка аллозавра в соку своего ящерного девичества. Могучие токи ее тела вырвались наружу пронзительным криком и она затанцевала на месте, бросая вокруг свирепо-зовущие взгляды. Самая изящная дама юрских чащ вышла на свой первый бал...

Нутряной брутальный рев сотряс длинные толстые листья папоротников и хвощей. Самые слабые из них осыпались. Из мрака своей безмерной свирепости, из дремучей глубины сырых юрских джунглей вышел самец аллозавр – зверь юрского периода. Император хищников. Сжатая спираль самых жестоких – диких инстинктов, неостановимый истребитель травоядных неповоротливых ящеров с мозгами больших добрых коров. Но сейчас он вышел не на охоту... На зов любви... К принцессе юрской... Кровожадной, грациозной, зевно алой в пасти... К аллозаврихе своей зверски красивой... Зубами страшенными клацнули... Улыбнулись ящерно... Заревели, взвыли, вздыбились... Лес юрский притих... Вымер будто... Мегалотерии и малые еще гиппиусы удалились, спрятались, покрылись зеленым жирным потом и пускали мочу от страха... Судороги ужаса первобытного, несказуемого, запредельного сотрясали их... Яр-яростен юрский зубастый монстр-самец в любви... Юная самка аллозавра в гиперстрасти первой своей бесстрашна... И прекрасна...

И подумается порой, как расточительна природа в твореньях своих, как безгранична в фантазиях, если одарила любовью даже кровожадных титанов?! Кто знает, может быть, именно в ту свирепую эру динозавров (пусть и в чудовищной своей праформе) и зародилась та самая любовь человеческая, как совершенный и бессмертный дар природы? А что до зверства, то этого и поныне хватает среди людей.

... Любовь, которая началась зимой, похожа на гололед. Какая-то внезапная аномальная оттепель, нечто вроде преждевременной весны, превращает к вечеру изначальную мягкую хрупкость снега в твердый и скользкий наст. Таким смерзившимся жестким снегом уже не оботрешь разгоряченное лицо, не даст такой снег и желанной свежести, а скорее поранит кожу. Самое неприятное то, что ты не можешь уже уверенно ходить по нему, ноги скользят, ты глуп и нелеп на гололеде, сотворенном тобой же самим в горячке зимней любви, что родилась вопреки неким тайным законам, вопреки земной природной тяге влюбляться по весне. Конечно, такое никому не расскажешь. Даже его собственное благоразумие не спасло его от этой напасти – влюбляться зимой. Вот отчего та зимняя любовь оставила в нем холодный ожог на душе. Но воспоминание было еще живым, как человек, упавший в прорубь. Думая об этом, он испытывал такое странное ощущение, словно гладил роговую кожу вмерзшей в лед, и давно вымершей рептилии, чьи глаза продолжали смотреть из-под льда, создавая почти визуальную иллюзию, когда невозможно понять: живой твари они принадлежат или все же уже миллион лет мертвой...

Он никак не мог забыть одну полумистическую ночь в конце февраля, когда на улице и впрямь был гололед. Это случилось уже после банкета-фуршета.

Инфернальная отрешенность ее взгляда даже чуть обидела его. Она даже не улыбалась и легко-осторожно пошла дальше. Он стал скрытно наблюдать за нею, внешне продолжая светские разговоры. Пустые, поверхностные...

... Высокого роста... огненно-рыжие волосы... опрятная строгая униформа не могла скрыть ее природной стати женщины-хищницы... так прогуливаются в саванне гепарды, внезапно, замирая... их глаза тоже немигающи, равнодушны, бесстрастны... тонкий с сабельным выгибом нос, шея, ноги... ахалтекинка! (он купил по осени такую, для скачек)... с норовом... Есеню зацепило... он искал ее глазами, прикрывая их краем длинного фужера...

В то же время, параллельно... она тоже зацепила его взглядом... одет изысканно, почти одного роста с нею... бизнесмен с положением... слегка надменен... глаз не увидишь сразу... полуприкрыты, смотрит в сторону, но ее приметил... ну, ладно... походим, раз такой карнавал... вновь проходя мимо него, она чуть подняла глаза... мускусный импульс плоти был послан... приняла фужер на поднос, пошла дальше...

Самолет тихо гудел в ночном небе. Казалось, он не летел даже, а висел... По краю иллюминатора проступала тонкая изморозь. Есеня, глядя в высотную пустошь неба, продолжал вспоминать...

- Вот ведь зацепила, – думал он тогда, в тот вечер, незаметно продолжая отслеживать ее передвижения по залу. Казалось, она чувствовала его потаенный взгляд, но ничем не выдавала этого и продолжала гибко-плавно передвигаться по залу. Скорее даже тихо барражировала, как акула-барракуда над рифами, почуявшая добычу. Удивляясь себе самому и досадуя, он

в конце вечера дождался ее в джипе и предложил довезти до дома. Она согласилась молча и так же в молчании он довез ее до подъезда, проводил до двери квартиры. Сам не зная почему, протянул ей визитку с прямым номером телефона... Его заклинило. Все последующие дни он продолжал думать о ней.

...что-то шептало... лишь лишившись лишнего лишишься личности... лишь-лишь... слышь?.. лишь лица лишений личностны... то бишь?.. лишение лишнего неслышимо... вишь?.. дальше тишь... лишь лишаясь... ума решаясь, обретешь... слышь?.. в любви личность излишня... решись... лишаясь личного...

Она позвонила через неделю. Сообщила, что у нее умерла мать. Просила приехать к ночи. Сказала, что не хочет быть одна с покойной. Странно, но имени своего она так и не назвала. Он, поколебавшись, все же приехал. Дверь была открыта. Она провела его в гостиную. Гроб с телом покойной стоял посредине. На двух табуретках. Под гробом – таз с известкой. Он огляделся. Старые ковры на стенах. Безделушки на допотопном комоде. Герань и кактусы на подоконнике. В горшках. На двери шифоньера почему-то висела горжетка из чернобурой лисицы с пуговичными тусклыми глазами. Чуть пахло нафталином. Видимо, какая-то женская тайна покойной была связана с этой облезшей горжеткой. Давним, послевоенным бытом несло от этой мрачной горестной обстановки... Наконец, он взглянул на нее. Огромные глаза ее смотрели на него из своей непроницаемой глубины. Она, продолжая молчать, погасила верхний свет и жестом пригласила сесть на диван-кровать у стены. Он сел, удивляясь тому, что подчиняется ее сумрачной воле... За окном молчала зима. Ночь холодного полнолуния. Молчали и они. Это был последний ночлег покойницы в своем доме, где она видно, прожила много лет, любила, схоронила (и уже давно, судя по поблекшей фотографии на комоде, в рамке) мужа, а теперь лежала, отрешенно, в гробу, будто подводя итог своей многотрудной жизни, от которой осталась только ее красивая тридцатилетняя поздняя и единственная дочь. Так думал-предполагал он, хотя ни слова так и не было произнесено меж ними. Он мог лишь догадываться об их жизни в этом старом доме послевоенной застройки, об их отношениях материнских-дочерних, о горестях совместных вдовьих-сиротских, которые давно уже, наверное, перешли в древнее сестринство-подружество и останутся отныне никем, кроме них, непонимаемой и неприступной для посторонних тайной. Все своим практическим-скептическим умом и опытом Есеня понимал, что не должен бы находиться здесь, но уже ничего не мог поделать. Это было похоже на западню и оставалось только ждать, когда все само собой разрешится и он сможет вернуться к своей жизни и делать там привычное. Все наружное застыло в этой зиме за окном, утонуло в тишине безмолвия и утеряло прежний весомый, казалось бы, смысл. Сейчас он поневоле зависел от нее, от этих неодолимых и неожиданно обступивших его обстоятельств, чью сакральную власть он не мог ни оспорить, ни преступить. Он ждал...

Луна заглянула в окно, осветила лицо покойницы, окончательно отрешая ее от этой жизни. Он было уже решил прервать это молчание, как она сама, вдруг, повернулась к нему и, не отводя своих (ставших совсем бездонными-древними и, в то же время, беззащитными) глаз, сказала тихо: – Останься на ночь. Не уходи. Эти снежные нежданные слова отняли у него последнюю волю и он, впервые, понял какую повелительную силу имеют слова, произнесенные в присутствии смерти. Все, что произошло дальше, он и теперь не мог бы назвать действительно случившимся, реальным, так внезапно это стало происходить-совершаться... Её молчаливая яростная, какая-то безнадежная, страсть не могла быть ни отвергнута, ни осуждаема. Он покорился этой снежной, невесть из каких времен объявившейся, женщине и сам испытал такую тяжко-животную-ненасытную страсть, ни секунды не забывая, что рядом лежит покойная мать его невероятной-сокрушительной-невообразимой и прекрасной любовницы. Она источала из себя нечто такое древнее, объяснения чему нет на языке цивилизованных людей, что он чувствовал только свое, вдруг ставшее ягнячьим, сердце, словно, вопреки всяким законам природы, его-ягненка, любила всей своей яростной-хищной и невероятно нежной страстью красивая молодая волчица и он, единственный, мог видеть логово ее темного прекрасного и исстрадавшегося сердца... Такова была эта зимняя любовь его с

таинственной снежной женщиной... Вот о чем думал Есеня, летя в самолете, в неизвестность. Он так и не узнал ее имени и никогда больше не видел ее.

... и-и... носить бы и носить её на руках... не томиться усталостью рук, ибо ноша дана тебе такая... благоуханная с уханием-счастьем и терпеньем ждать дотоле, пока не станет ноша привычной-легкой и сотворится чудо невесомости блаженное... вот можешь уже и опустить её вроде бы наземь, а она уже парит-летит воздушна-легка сама по себе... и тогда, и тогда ляжет на сердце тяжкая грусть-мысль-тоска, как бы снова не исчезла она... как если бы поднялся ветер, подхвативший запах цветка или аромат юной яблони ... даже зловонное облако, исторгнутое невинным жуком есть для жучихи его бальзам медно-пряный-сладкий – призывный... разве что ветром стать, долететь-обвить все пространства и возгласить о счастье быть даже тенью ветра... а если гора-скала и преграда и нет сил у меня лететь-возглашать ароматы-песни любви, то пусть паду и изветрюсь и стану тенью ветра... и завет тогда не исполню... не жальтесь на тягость легкого-летучего-льяно-пряного-липуче-медового запаха счастья, коль скоро выпало нам бремя ношения мысли... о!... тень ветра...

Порой нет никакой возможности определить, что находится в границах нравственных норм, а что за гранью понимания. Всякий человек, особо в ситуациях любви и ненависти, или находясь в стрессовом состоянии, поневоле сдвигает шкалу дозволенного. Иногда выше и дальше пределов нормы. И что же теперь?.. Где границы эмоционального взлета или сокрушения, пределы оргиастического плотского порыва и, вообще, возможна ли тут гармония или шкала ценностей? На закате долгого грозового дня, когда из-под кромки все еще лиловых влажных туч по всему небу проблескивают беззвучные молнии наступают такие минуты затишья, в которые сама природа пытается понять, насколько она может быть буйной в стихийном неистовстве, как долго должен литься ливень, сколь оглушительны должны быть громы, прежде, чем наступит долгожданный покой? А сколь продолжителен может быть и сам этот покой? И пока еще не совсем угасли последние просверки совсем недавно полыхавших молний и помнятся утробно-тяжкие сокрушительные громы, ярость порывов ветра и шум потоков воды – только в такие минуты сознаешь всю сладость ужаса, все выплески животного восторга, от крика до стона, когда стрелки эмоций и гормональных бурь зашкаливают, и все это может быть сравнимо только с любовью, взрывами страсти и неистовством бушующей в крови нежности... да разве есть у нас выбор? Пусть будет все, и пусть потом тишина. Ах, ты хищница, свирепая молчальница, прекрасная ахалтекинка!.. Зимняя любовь!..

33

Когда Людоед уже подходил к горам, то увидел приблудившуюся белую козочку и, пораженный внезапной темной, до того никогда не бывавшей в нем мыслью, изловил ее и затащил в один из своих схронов. В сумрачном логове, от ярой мутной тоски по умершей матери своей, Людоед весь день насиловал отчаянно блеявшую козочку, удивляясь неостановимой звериной похоти-эрекции и заснул, обняв свою беленькую любовницу. Это продолжалось несколько дней, пока сошедшая с ума козлиного своего, ставшая самой себе неведомым существом, не умерла козочка от истощения и беспрерывного кашляния. Людоед долго смотрел в ее вертикальные, погасшие уже зрачки, похоронил жертву своей беспримерной страсти-похоти и затосковал по безропотной любовнице своей. Бедная козочка была, видимо, единственным живым существом, к которому Людоед привязался. С той поры, мир стал для него черно-белым, будто нарисованным, без живых красок и звуков, и Людоед необратимо стал погружаться в свое последнее отчуждение, где для него уже не осталось ничего, что могло бы удивить и взволновать его. Он просто внутренне умер.

Тьма худшая, чем безумие, застилала его разум. Мох серый тяжелый прорастал в душе. Слово человечье прекратило жить в его сознании и распалось. Ничего нельзя было опознать и выделить из серого мха дней. Время остановилось в середине, утеряв начало и конец. Это было больше, чем смерть. Во мхе, разросшемся внутри его, завелись вши и клещи, цепко держась за теплую мшистую плоть-шерсть и все глубже влезая в неё. Изморозь бесцветная об-

разовалась во внутренней сфере тела и не таяла больше. Если процесс создания человека был долог, то обратный ход событий, распад, совершался быстро. Могильные черви съеденных им женщин и дев стали оживать и копошиться вокруг и внутри него. Вырождение, как небывалая болезнь, покрыла его коростой-чешуей. Но он не мог ни знать, ни понять, происхо-дящего. Необратимого. Он стоял за гранью живого мира, как зверь умирающий в логове.

...на той стороне в трех шагах от умиравшего детства, стоял ягненок... вроде бы еще живой, но без шкуры... голый... розовый... дрожит... верно, холодно ему?.. хочется затеять игру, а он молчит... словно просит: пришейте мне голову обратно, не снимайте шкуру-одежду... мне холодно, ножки верните я бегать-резвиться хочу... где уши, глазки мои?.. где язык мой?.. теперь ни бе, ни ме... умер мальчик-ягненок и зверь заместил его... стало в груди тесно и волосато... это хищное тяжкое сердце зверя вселилось вместо прежнего легкого сердца ребенка-агнца... кровавое утро казни-убийства-заклания друга ягнячьего моего... вот заполняет меня темное-вязкое-мшистое... с кровью-тоской и криком-рыком звериным... мать моет и мотает ягнячьи кишки на руки... пес улыбаясь ест зеленую дымную кашу ягнячьего желудка, ожидая подачек... хорошо бы требухи... откуда столько пустоты вокруг и в груди моей?.. лезет и лезет туда разная жуть мертвяная... в душе холод и темнота... мысль явилась... убить самому и кожу содрать с человека да посмотреть что под ней?.. как под шкурой агнца-Агника-ягненка зарезанного... теперь не с кем поговорить по душам... что да как и отчего такое все есть-бывает на земле?.. За краем сознания людоеда разверзалась бездна безумия... человече... звереющий...

Осень предгорий, особенно в первое полнолуние полна мистериями увядания и обладает тайной притяжения смертных фантазий. Всеобщий отток соков от листьев к ветвям и вниз к корням, подобно невидимой отливной волне утягивает тайным своим притяжением железо из небес и нижний слой неба уплотняется, отчего людьми овладевает беспокойство. Иным из них наступает время покинуть обитель разума и начинать свои скитания в безумие, другим она забивает голову желтыми фантасмагориями, несущими в себе убийственные разочарования. Уши и души людей заполняет сырость и печаль увядания. Они начинают внутренне стареть и заполняют нижние слои земли мыслями о смерти, а те, кто вдыхает и видит эти выдохшиеся и увядшие фантазии разочарованных, тоже начинают бредить и совершать несвойственные им ранее поступки. Между тем, в верхние слои неба проникают малюсенькие, с атом, кристаллики снега и так отражают солнечные лучи, особенно перед закатом, что сам свет начинает заболевать сумеречностью и людям тогда мерещатся разные мерцания-знамения-фантомы, и объявляются в разных местах земли фанатики с льдистой чешуей на глазах. Эти люди, примитивные дикие инфузории – фанаты идей и всяческих однополых религиозных братств, вынюхивающие всюду запахи увядающих растений, гниющих плодов, гнойных нарывов в теле животных и в людях.

Вот так, однажды, напитался и отравился миазмами гниения и Бастард-людоед, который вскоре научился и в другие времена года питать свой мозг и кровь этой наркотически – галлюциногенной субстанцией элементов-запахов-миазмов смерти. Поэтому убив-осквернив и съев несколько молодых женщин с душком, он почуял, подобно матерому волку, погоню за собой (его уже искали) и ушел в горные леса, став настоящим зверем, попавшим в свой чащобный мир. Он и зверушек умел ловить с невероятной смекалкой – сметкой и раздирал их одним движением, глядя в их агонизирующие зрачки. Он любил смотреть на вянущую орхидею жизни в глазах своих жертв, надеясь увидеть исходящую из тела душу их. По нижней, почти безлюдной гряде гор, людоед добрался до перевалов и оказался в Киргизии, на склонах Кунгей – Алатоо. Те, кто видел его мельком в огромной черной дохе с капюшоном, который он соорудил себе из бараньих шкур, могли принять его за дикого горного человека «йети-алмаспа», которому издавна приписывали убийства и зверские изнасилования девушек, даже боясь допустить, что такое мог сделать человек. В этих краях издревле ходили подобные легенды-устрашения о диком охотнике на людей и дев. Пошли слухи длинные-дремучие, что объявился йети-алмасп и ныне в этих горах. Однако, милицейские работники, не страдающие романтическими бреднями, уже всерьез искали «казахского людоеда», но не объявля-

ли о том официально, опасаясь поставить позорное пятно на чести доброго мирного народа (большей частью из идейных соображений). Можно подумать, что злые боевики в горах Чечни, умыкающие и истязающие военных и мирных людей, были чем-то лучше людоеда. Просто одно называлось войной, а это - уголовным преступлением на почве секса, патологии и безумия. Исполненный презрения и равнодушной ненависти к людям вообще, людоед наслаждался первобытной жизнью в диких горах, сам себя удивляя своей выносливостью и находчивостью, а хищные его повадки пугали настоящих природных хищников-волков и, даже, снежного барса, пару раз выходившего на след этого неведомого ему зверя с неотступным запахом смерти. А людоед сделал себе три логова – схрона (два на казахской стороне гор и один на киргизской) и как-то, по осени, выкрал разбитную бабенку из одного иссык-кульского санатория, посадил ее в просмоленные арканы и долго мучил и употреблял ее, пил кровь из надрезов, пока она совсем не скинулась с ума, а когда уже совсем надоела, зарезал ее на зиму и ел мороженое, со снегом, желтое мясо. Изредка, по ночам, Людоед навещал свою мать, пугая ее своей нелюдимостью и потихоньку заморозил ее изнутри так, что она совсем бросила пить-веселиться, чуралась сельчан и быстро старела-седела, пытаясь понять сына и себя, пока в голове у нее почти не осталось мыслей, кроме недоумения - зачем жила? Однажды, в очередной раз решив навестить мать, Людоед застал ее мертвой, сидящей у окна. К моменту смерти мать помолодела, словно враз вымыла из себя унылые годы и треволнения жизни, будто впала в девичество, и на лицо её вновь вернулись черты невинности. Людоед улыбнулся даже, распрямил и уложил бедную мать свою на кровать, а затем поджег сараюху так, чтобы только через час разгорелось по-настоящему. Когда пришли односельчане, все было кончено и вместо женщины остался только обугленный труп с широкой нелепой улыбкой, оскалом белых зубов, и бельмами глаз.

С того дня, как людоед мать мертвую поджег, он опять ушел в горы. Далеко. Одичать хотел вконец. Наткнулся, как-то, на едва заметный вход в очень старую пещеру. Со стороны не увидишь. Видно, здесь большой оползень был и остался лишь приступок – площадка перед входом. Теперь остался только едва видный твердый гребень, огибающий эту большую скалу, смотрящую в сторону солнца. Задумав сделать здесь еще один схрон, Людоед разгреб щебень и открыл вход в пещеру, которая оказалась неожиданно просторной. Он вошел туда и расжег костер из сухого кустарника, которого здесь было много вокруг. В свете огня колеблющегося от холодного потока воздуха, сквозившего из глубины, он увидел на стенах древнюю роспись охрой и углем, сделанными невесть когда.

Людоед поначалу отшатнулся в мистическом ужасе, но тут же взял свои нервы в узду воли. Он слышал, и читал даже, о росписях в пещерах древних людей. Огонь колебался и силуэты животных и охотников с палками зашевелились-закачались в ритме отсветов. Ему подумалось, что это сделано так намеренно и прорисовано с учетом зажигаемого кострища. Над тем местом, где он сам расжег огонь, Людоед увидел столетний слой копоти, обвисавшей лохмотьями и часть копоти лежала на полу пещеры так густо, что ноги скользили. Чуть дальше, в глубине он разглядел несколько полуистлевших скелетов, больших и маленьких. С горящей веткой в руке он подошел, любопытствуя, ближе.

Почти все скелеты были целыми, кроме двух-трех, чьи кости лежали вперемешку. Он чутьем своим людоедным-звериным угадал, что эти тела были расчленены когда-то, очень давно, его древним собратом - людоедом. Часть этих отделенных костей была обуглена и лежала недалеко от места былого кострища. Людоед решил заночевать здесь, натаскал еще кустарника, изрядно потрудившись, поймал две змеи на ужин и расположился в пещере так, словно он здесь жил всегда. Людоед уже засыпал, погружаясь в свои нечеловеческие-звериные сны и не мог видеть, как в отсветах потухающего огня от стены пещеры отделились фигуры двух охотников, будто это были привидения – духи этого каменного обиталища. Они казались почти живыми в свете тлеющих угольков костра...

...Охотники заговорили друг с другом, как если бы не прошло многих тысяч лет с тех пор, когда тут некогда текла-совершалась совсем другая жизнь. Речи их нельзя было слышать, по-

тому как звуки ее давно впитались в камень, приглушились сыростью и тьмой, царившей здесь тысячелетия, пока не открылся случайно вход в их пещерное время и не пришел этот странный пришелец из неизвестного мира и не вызвал их к повторной, хоть и краткой, мистически-призрачной, реинкарнации в свои же, но уже бесплотные тела. Один из них указывал в угол пещеры, где из распавшихся скелетов мистифицировались в плоть человечью мертвые тела их соплеменников (видимо умерших почти разом, не то от голода, не то болезни). По жестам одного охотника, который указывал на тела соплеменников и говорил беззвучно, можно было догадаться, что он предлагает второму собрату съесть их. Косматый дикарь-людоед, одним махом, отрубил каменным топором из кремня ногу лежавшей с краю женщины и протянул ее другому охотнику, стоявшему у входа. Тот с отвращением отвернулся, сделал протестующий жест, что-то выкрикнул и выскочил из пещеры. Огонь в костре погас, а его последние искры словно выплеснулись вместе с выскочившим охотником и, за стенами пещеры, разлились по горам фосфорическим светом того ископаемого дня, который стоял тогда на земле, в конце последнего ледникового периода.

Охотник, отринувший предложение собрата-дикаря, долго бежал, задыхаясь от гнева и непонятной себе самому яростной отваги жить, и во что бы то ни было найти добычу, ибо он охотник, а не пожирающий мертвечину дикарь, как тот, что остался в пещере. И тут он увидел на склоне, на другой стороне ложбины, большого самца-изюбра. Красавец-зверь стоял, подняв могучую голову и длинная дрожь волнами ходила под короткой, цвета темной глины, шерстью. Изюбр тоже увидел выскочившего из-за гребня скалы охотника, встрепенулся и прыгнул-скакнул на ближний камень, но копыто соскользнуло и следующий скок-прыжок получился ущербным-неполным-коротким. Охотник рявкнул от радости, ибо понял какая редкая удача ему выпала. Изюбр захромал и теперь он мог настичь его. По ветру на охотника пошел терпкий запах обреченности, резко изошедшей от изюбра изоцветного-изохромого, с подпалиной – в крапинку шкурой, и он уже хладнокровно, призвав весь свой опыт и выдержку, ровным, но скорым шагом пошел на перехват зверя, точно просчитав в голове наилучший маршрут. Ибо знал-чуял теперь, как и куда пойдет захромавший изюбр (мечта настоящего охотника - кроманьонца разумного). Только на второй день непрерывной-неостановимой охоты-преследования настиг охотник почти обессилевшего изюбра на расстоянии безошибочного броска дротика с кремневым обоюдоострым наконечником, примотанным накрепко к дереву сыромятной лентой из кожи такого же изюбра. Оба – охотник и зверь – замерли, переводя дух и строго-сторожко-внимательно смотрели друг на друга, ощущая свою нерасторжимую связь и высокое, хоть и разное, свое назначение на земле. Охотник втягивал в себя воздух своей короткой второй жизни. Его время (эпоха первых охотников, невидимая-незримая для всех будущих-переживших людей после него) начинало оттаивать изнутри, освобождаясь от тысячелетней стужи... Замах... Дротик беззвучно полетел и сочно вошел в подбрюшину изюбра, и дымная кровь вышла, наконец, алым фонтаном из плена артерий и оттого сделался снег еще более белым и искрящимся. Изюброва кровь протаивалась в снег, сочась сквозь него, и казалась теперь алым провалом во времени, знаком поворота былого в настоящее, совпав со вселенским ритмом смены эпох. Охотник пал на колени перед изюбром, огладил его дрожащую шкуру и благодарно - долго посмотрел ему прямо в глаз, еще живой и принимающий жизнь такой, какая она есть искони. Теперь охотник знал, закрывая веки изюбра и прижавшись ртом к струе горячей сытной крови, что он выживет, мяса ему хватит надолго и оно будет свежим от снега и чистейшего холодного воздуха гор, а он - охотник, превзошедший самого себя, насытившись и набравшись сил, найдет таких же, как он, гордых-сильных-упрямых кроманьонцев-людей, присоединится к ним и продолжит свой род истинных людей-охотников, не едящих себе подобных. И день тот исчез навека – навсегда, отделив ночь жизни от тьмы в душе человека...

Людоед, наутро, проснувшись в пещере, которая ночью окончательно рассталась со своими древними призраками, отчего-то пополз в дальний угол, где начинался едва заметный уклон. Что-то его потянуло туда. Людоед не мог бы объяснить самому себе свое любопытство, но он не успел... В следующий миг он попал на зыбкую сыпучую поверхность уклона и

заскользил вниз, все ускоряясь в падении и смертный вой его увяз в этой длинной извилистой ущелине, в которую людоед угодил. И скользил теперь неотвратимо. Уже угасающим от ужаса чутьем он ощутил все усиливающийся запах ртути, идущий откуда-то снизу, из глубин ущельного зияния. И это было его последней полумертвой мыслью... Уже почти умирая, людоед вторично провалился, но во время своего отрочества...

... Он – старший брат позвал их, братишек и детвору-пацанву соседскую в сарайчик, в самый полдень, а полутьма в сарайчике была перечеркнута линиями-шторками света из щелей дощатых стен и... вдруг вынул «его» и сказал всем: - Вот, что у меня есть и я еще умею делать вот так... И они, босоногая сельская пацанва, смотрели на то, как он передергивал свой «дрын» и удивлялись тому, что у старшего «дрын» такой большой, как у ишака почти, когда тот мочится. Они не понимали, зачем он рукой гоняет кожу на «дрыне» туда-сюда, пока брат не потемнел с лица, икнул вроде бы, и из «дрына» брызнула белая «фья-молофья» – брр... пролетела пару прозрачных лучевых стенок и шмякнулась в круг меж ними... Брат весь дрожал и тускло-ртутно светился после яростной мастурбации-дрочева, заявив о своем старшинстве и главенстве, но при этом казался бесконечно одиноким и обреченным на скорое исчезновение из полос света. Еще один взгляд в прошлое-дальнее... Там стояла его мать, которая с тех самых пор, когда он глянул на нее через перевернутый бинокль, стала стремительно удаляться, и так и осталась на том конце толстых удаляющих линз в бесконечном далеке детства, и вместо полос света, слой за слоем, стала вокруг него уплотняться тьма с сильным запахом плотной ртути... людоед летел к своему пращуру и предку-воителю, чтобы ртутно-рвотно окончательно умереть-сдохнуть...

Есть люди, которых жизнь отвергает трижды, будто заранее зная, что они порождены для зла: при рождении, в мечте о любви и по смерти. Но такие трижды отверженные люди необыкновенно живучи и успевают сотворить тройное злодейство: убить женщину-мать и дитя в ее утробе и погубить, одновременно, свою душу человечью. От такого святотатства у них после смерти, на голове и спине, начинают расти ногти. А на ногах густые жесткие волосы, наподобие игл дикобраза, и потому в их могилах будут находить не останки человеческие, а диковинный и ужасный скелет некоего невообразимо дикого чудовища с роговым наростами на голово-спине и волосяной гривой вместо ног, растущей от паха. При этом с удивлением обнаружат, что у него был череп «хомо сапиенса» и, соответственно, стало быть, были мозги. Но проклятия на этом не кончаются. Такие, трижды отверженные, продолжают испытывать боль и после смерти, и непрерывно кричат в могилах своих, их фотографии непонятным образом оплавляются в альбомах, а глаза остаются жить в глазницах глубоководных существ, качаясь в сиреневой мгле вод на тоненьких стебельках жил и созерцая фосфоресцирующие кошмары морских глубин. Людоед (ему этого не дано было знать сейчас) скользил в расщелину пещеры и ему еще предстояло узнать весь кошмар своего полного отвержения. Трехкратного-треклятого-необратимого.

34

...распускаются венчики... расцветают девочки.. лилия-лотос-лолита... утерявшие ориентир меняйте лоции... в ненастном море высветите эмоции... вас ждет верная гавань у горизонта... на равнине потерялись следы всадников... для кочевников моря...

Кругом говорили о грядущем «миллениуме-тысячелетии». Ближе к наступлению нового года разговоры становились все оживленней и, как водится, ходило много слухов о конце света, апокалипсисе. Часто упоминался Нострадамус. Наступил золотой век доморощенных астрологов, каковых развелось без счета.

А если подумать, по-простому, без затей?.. Целая эра Рыб, под сверкающим, как и прочие, созвездием прожито человечеством, а что в итоге? Несчастье, войны, вражда религий, стран, человеков... А начиналось, вроде бы, хорошо... Иисус-сын человеческий, рожденный под вещей звездой, дал людям учение о равенстве и спасении... А далее споры пошли: от обычной женщины-матери рожден или девы непорочной?.. Человек или Бог он? Нельзя же

и тем, и другим быть единовременно?.. И разделились-поссорились, забыв не только о семье Иисуса, но и о Семье Человечества, вкупе... Людей поделили на грешников и праведников, на богатых и нищих, на крестящихся слева и справа... А потом и Мухамед Пайгампар явился, и новое учение явил миру... Бога возвысил, умму-семью праведных устроить хотел... себя лишь гласом божьим определяя, письмотворящим слова Аллаха... И как так случилось, что Единого Бога славили, а стали врагами... и христиане, и мусульмане... Неужто, так тесно стало на земле, что всем верующим и ищущим веру можно было лишь противостоянием-враждой-отвержением споры-вопрошания свои решать?.. А тех, кто учению Будды следует или, язычников куда определить? Во враги, во друзья, во соратники, т.е. соучастников битвы?.. Сколь людей ушло, убилось, заблудилось, сожжено и проклято без вины было?.. И для чего?.. Какую-такую чудо-рыбу поймали, дабы исполнила она чаяния людские?.. А, может, кто намеренно воду мутил?.. И если бы не упоительные сутры-молитвы-песнопения и храмы возвышенной красоты, то что осталось бы от тех пламенных учений-вер-религий, коли на деле не мир несли, а нетерпимость к прочим?.. Или созвездие Рыб ушло на гибельный нерест, вроде лососей, чтобы умереть в своих высоких истоках вечной Реки жизни, и оставить икру в колыбели исконной?.. А мальки?.. Что победит в них?.. Гибельная генетика или высший инстинкт жить, никому не мешая?.. А, по-простому, жаль людей... Что ждет нас в эре новой?.. Лишь бы «Темир-Казык – Звезда Полярная – Кол Небес» устоял... Тогда и мы устоим, пожалуй... в эре Водолея, в долгом-огромном-теплом Дожде Вселенском... А?..

...медиумы, мистики, суфии... Яссауи-а-ии-я... фламинго розовый... янтарный олень... шемяще-явственны... где вы? ... музыканты мук.. мумии мудрости.. ммм...

А бедный Гевра, между тем, продолжал мучиться в своей сторожке. В зоопарке... И вот эта самая «плашка». Сколько уж дней он вертится-кружит вокруг и над нею, а все никак не может понять, что внутри дерева находится. Не отпускает она его. Вот уже почти месяц, как Гевра мается вокруг плашки-заготовки...

С той осени, когда Есеня дал ему «конверт» с баксами, Гевра понял, что это скорее вызов, чем доброхотство. Все свои сомнения он выложил жене, вместе с деньгами. Поначалу Балерина даже обомлела от такой суммы, но выслушав Гевру и, не усомнившись ни в одном слове, коротко сказала:

- Раз так, то вот, что мы сделаем. Мы продадим эту квартиру, добавим твои деньги и купим другую. И она будет, по-настоящему, наша. Общая.

И снова пришлось Гевре подивиться характеру Балерины. Она села за объявления, затем вместе с Геврой ездила смотреть на предлагаемые квартиры пока, наконец, они не нашли подходящий вариант. Вскоре они въехали в 3-х комнатную квартиру, в «Орбите», в предгорьях, оставив ее «старую полуторку» в центре Алма-Аты навсегда в прошлом. В новой квартире имелись две лоджии. Большую с видом на горы Балерина определила себе под «мастерскую». Далее она приступила к ремонту, а Гевра поступил в ее полное подчинение, ни минуты не усомнившись в ее лидерстве. И они вместе устроили свое «гнездо» так, как хотели и за время «гнездования» стали еще ближе друг к другу, научившись понимать вещи простого без слов. В завершении она сказала, окончательно расставив «вещи простого» по своим местам:

- Все милый. Это наш дом. Будем жить, дальше! Всей душой. Заново и долго.

Гевра был благодарен ей за весь «подтекст» этих слов. Балерина будто подписала Конституцию их любви. Потом, в поисках работы, он попал в этот зоопарк. Гевра хотел было уйти, но увидев сторожку и, главное, пристройку к ней, в три стенки, остался, будто уже тогда смутно провидел, что здесь окажется эта самая окаянная «плашка», которая теперь словно вопрошает его своим «деревяным» голосом: – Ну, и что дальше?

Вот про это «дальше» Гевра, как раз, и не знал ничего, хотя уже наметил контуры композиции, подрубив заготовку в виде круга. В самой середине «плашки» был естественный натек в форме овала, который казался теперь неким глазом языческого божества. Как ни ходил Гевра, простукивая-оглаживая дерево, оно молчало и ничего ему не «являло». А ему хотелось сделать нечто такое, в чем выразилось бы все пережитое в последние годы, когда

после театра он оказался среди убогих эклектических декораций «дикого уличного рынка», ловя растерянные взгляды таких же, как и он, потерянных людей. Эти люди еще не утратили былой доброты и веры, но стеснялись своего нынешнего положения. Наверное, происходившее вокруг и «в верхах», и во всем пространстве былого «советского дома», вероятно, было неизбежно и необходимо, и диктовалось «высшими» законами развития-перехода-возрождения, но (как думалось ему) все-таки, не через такой полный крах былого и прежнего образа жизни. Должны же были как-то сохраниться неотменимые правила человечности, цена простых вещей. Стоило ли все разбивать вдребезги, чтобы потом склеивать заново. Но только свое-сокровенное, тоже попавшее в общий коловорот, он никому не позволит разрушить. Даже коснуться не даст. Разве забудет он, как однажды Балерина, пришла из сберкассы (в день выдачи своей законной выстраданной пенсии) и высыпала на стол кучу рублей, на которые и хлеба уже нельзя было купить. Ее заплаканные глаза в этот момент перестали жить своей внутренней красивой жизнью, и не отражали тонких-ожерельных состояний её души. Ведь это хуже, чем убить человека. Все-все это и хотелось «врезать» Геврe в эту проклятую плашку, но она пока не выдавала скрытых в ней форм-линий-образов.

... хорошо, плашка-деревяшка... я стану разговаривать с тобой.... рассказывать о себе то, что никто не знал до тебя, плашка-деревяшка... мне досталась самая лучшая часть того старого дерева, который срубили... но у меня есть шанс дать тебе вторую жизнь... я хочу понять твои мысли... помоги, откройся мне, плашка-деревяшка моя...

... Несомненно, в этой «плашке-деревяшке» таится скрытая сила. Если у дерева есть память, то она должна как-то проявить себя. Надо сосредоточиться, углубиться в древесину, пойти по спирали колец и выйти к началу, быть может, в тот год, когда это дерево едва проросло из семени и было тоньше травинки. Возможно, что, не вскрыв код памяти даже одного дерева, не поняв тайну его волокон, наростов, не узнав историю его ветвей и давних расщеплений, мы навсегда утеряем единую цепь событий вокруг этого дерева, которое росло-выросло и умерло на этом месте, у этого арыка, в этом городе, вбирало в себя судьбы людей, слышало шумы и завывания сотен дождей и ветров, пропуская их исповеди-повести сквозь себя и оставляя в каждом слое волокон и в кольцах своих бессловесные печальные рассказы о мгновениях и годах, о бедствиях и праздниках.

Разве утерянная память хотя бы одного дерева, а тем паче человека, не может стать причиной трагического разрыва единого поля-пространства жизни? Может быть, именно так, образуются провалы во времени или в сознании человека? Возможно, так возникают пустоты, в которых и прячется до времени, набираясь сил, зло? А тот провал в его памяти, в который вместились целые две жизни – Калерии и Раля, внезапно оборвавшиеся в небе и исчезнувшие-поглощенные неким вакуумом-провалом, полой нишей во времени? Если бы он не очнулся, не вернул те воспоминания, во всей полноте блаженства-горечи-любви и трагедии, возможно, они так бы и канули в пучине жизни и времени, будто и не рождены были вовсе? Разве справедливо забыть их ценой душевного спокойствия? Это ли не самое мерзкое из предательств человеческих?

Стабильность высшего мира иллюзорна. Она – лишь видимость безопасности и неизменности. Под каждым мгновением кроется скрытая яма-каверна-бездна, через которую может утечь в никуда все сущее. Нет ничего более реального, чем мир внутренний, тонкий. Миражи сознания крепче и плотней гранита, ибо летучи и надстоят над обыденным. Внутреннее не терпит вторжения извне, но само легко заполняет пустоты действительного-реального-физического мира и вполне способно заместить его. Но все же, возможно, стоит поступиться частью сокровенного во имя сохранности внешне обычного порядка вещей? Кто выиграет в этой молчаливой битве: интроверт или экстраверт? Где точка равновесия меж силами внутреннего и внешнего, и чему отдать предпочтение: иллюзии или реальности, воображению или факту? И если эта точка в самом человеке и выбор тоже за ним, то какой же крепостью и силой должны быть наделены от природы его сознание и воображение, чтобы выдержать такое давление извне и изнутри?.. И пока так думает-трудится мозг, сердце спешит ему на

помощь, выталкивает алую магму крови в артерии и вены, а они передают ее горячий ток сосудам, пока она не закипает в узких капиллярах мозга, дабы он неустанно мог творить варево свое из сомнений и озарений, пытаясь соединить несоединимое...

Пока эти размышления обретали плотность, Гевра почувствовал, как вокруг и в самой «плашке-деревяшке» возникло некое напряжение, сродни самовозгоранию, и он решительно взял в руку нож-резец и стал резать плоть дерева...

В состоянии транса-наваждения, водимый только чутьем, Гевра часа три подряд резал и рыл плашку-заготовку, пока в ней не обозначилась причудливо-призрачная линия, а потом выступил контур композиции, отдаленно напоминающий улитку. Гевра осторожно отступил от плашки, словно боясь того, что эта ажурная, в капельках смолы, «улитка» сейчас уползёт. В этот момент на крышку пристройки сел черный скворец и, свесив головку, уставился бусинками глаз на странную «улитку». Гевра посчитал это добрым знаком. Не переставая думать, он всматривался в плашку, боясь спугнуть и «улитку», и любопытного скворца, и смутный образ, возникавший на краю сознания. Кажется «плашка» начинает открываться, будто хочет доверить ему некую тайну, которую старое дерево хранило много лет, пока не пришел срок быть срубленным, пока основание ствола не стало этой самой плашкой, из которой выступила-заговорила душа дерева в виде этой таинственной «улитки», чей контур сохранили древесные волокна и кольца, и, быть может, таким образом, уже взору человеческому предстала незримая связь меж этой янтарной «улиткой» и той маленькой хрупкой живой улиткой, которая невесть сколько весен и зим тому назад заползла на первый зеленый и влажный лист совсем еще юного деревца, ранним утром, после теплого апрельского дождя. Даже судьба этого дерева лишь подтверждает, что жизнь невозможно прервать и она обязательно явит нам свидетельства своей неистребимости в бесчисленных воплощениях и образах.

В этот вечерний час стояла особая потаённая тишина, прерываемая шелестом листьев, близким щебетом птиц и отдаленным рыком-урчаньем-мыком зверей, уставших от назойливого любопытства людей и могущих лишь теперь вернуться к своему первозданному природному естеству и вступить в глухие темные дебри своих звериных-животных душ. Наступило время вечернего обхода и Гевра пошел по дорожкам зоопарка, вспоминая недавние радостные хлопоты, когда они с Балериной переселялись в новую квартиру и устраивали там свой общий дом. Эту просторную трехкомнатную квартиру в предгорном микрорайоне «Орбита» они, с доплатой, купили у отъезжающей в Россию русской семьи. Балерина чуть погрустила, прощаясь со своей старой «полуторкой», которую она продала пронырливому перекупщику-риэлтору по вполне приемлемой цене. Наверное, так же грустно было и той русской семье, когда они, по обычаю, присели «на дорожку», покидая обжитые места. Куда устремлялись они, рвя незримые корни, давно пущенные на этой земле, в этом благословенном граде, Алма-Ате? Что напугало их здесь? Ведь и в России была та же неразбериха, тот же стихийный рынок, разве что с поправкой на русскую бесшабашность и свирепую удаль.

А каково ныне самим коренным казахам, вкусившим первые горькие плоды независимости и, особенно, возвращенцам-оралманам, ступившим на вожделенную землю предков? Они – исконные степняки, наследники древней вольности, теперь оказались в нелепой ситуации и словно стояли в двух разных лодках: одной ногой в лодке «прошлого», другой – в лодке настоящей реальности. Ни шагнуть вперед, ни отступить назад. Стоять-плыть на месте. На родной земле. Враскоряку. Растерянные и обманутые в своих святых наивных ожиданиях. И тут Гевре, вспомнился случайно подслушанный разговор двух мужчин, выходивших из «морского уголка» зоопарка. Они делились своими впечатлениями:

Слушай, в этих аквариумах, по-моему, рыбы с ума сходят.

Это как так?

Наблюдал я их внимательно. Смотрю, они вроде боком плывут. Некоторые даже в обратную сторону. Хвостом вперед.

Брось. Может у них природа такая. Они же тут все издалека привезены. Из других морей-океанов. Ты же привык, что рыбы все вперед плывут, а у этих иначе. Они и боком могут,

и назад.

Да, нет. Я очень внимательно даже смотрел. Вот одна подплывает прямо к стеклу, где я стою. Большая, круглая, а глаза-кнопки. Я ухом к стеклу, и показалось, что шепчет она мне что-то, губами шевелит.

И как это ты мог слышать? Они ж немые, рыбы.

Не знаю. Она вибирует вроде вся и я вместе с ней. Это, как азбука Морзе... Тук-тук... тук... ту-ту-тук... И смотрит так почти осмысленно.

Ну, ты и загнул. Пойдем, лучше пива попьем.

Подожди. Понимаешь, они же тут, как в тюрьме или ссылке. Это, как нас на луну, к примеру. Или чабана на острове в океане поселить. Он тоже начнет там с ума сходить. Все чужое, среда-вода-пейзаж...

Гевра чувствовал, что если что он эту плашку не закончит, не дойдет до «нутра», то и сам не найдет опоры в нынешних днях. И он опять пошел к «плашке», и стал резать и углубляться в дерево. Он должен понять и открыть то, что таится под контуром-абрисом «улитки».

...хладно ли тебе, роса, среди дня, если даже в зиме проступаешь на стекле, на дереве, камне?.. или время свое вольное-росное на лугу вспоминаешь?.. или листья желтые-багряные-увядающие в осень жалеешь,которые любила ты по утрам омывать?.. видишь, лежат они теперь на земле и снеги ждут на себя... разве забудут они твои поцелуи, роса-нежница, во снах своих зимних, под снегом?... верь, чистота твоя с ними пребудет и в новой весне встретишься с детьми их, в люлечках-почках, и станешь племя зеленое снова поить по росинке, роса моя милая... потерпи, и получишь весной письма зимней листвы, потерпи...

Гевра резал... Из «плашки» глаз проступил зажмуренный, младенческий, как раз в том месте, где застыла смола-янтарной твердости и цвета. Затем появилась головка и личико сморщенное обозначилось. Когда Гевра освободил края выемки от древесной трухи, его глазам предстало тельце эмбриона, уютно свернувшееся в янтарном гнездышке. Каким образом этот почти человеческий зародыш оказался в самой сердцевине ствола? Даже постановка такого вопроса казалась нелепой в обстановке абсолютного и предметного реализма. Сарай, пристройка, топчан в углу, плитка на табуретке и этот!.. эмбрион! Но он был, вернее, только что обозначился...

Головкой лежит к раструбу раковины улиточной (это подобие улитки образовалось, видимо, из смоляных натеков, еще когда дерево было молодым), словно вот-вот родится. Как будто-бы ждал своего часа, чтобы выйти из чрева древесной женщины-матери своей и увидеть долгожданный свет жизни. Отчего древесная женщина таила так долго плод своей (еще с лет своей цветущей молодости, со дней дивной, с дымкой цветов вишни) весны далекой, истаявшей втуне и вчуже в белесом и хладном тумане времени, в чаще плотно сомкнутых дней-ночей-вечеров-зим-лет-осеней, исчезающих в еще более дремучих ущельях-расщелинах-веках прошлого? А, может-быть, когда-то, в роще разбуженной щебетом птиц и прянувшей к простору и небу в первой-ярой-чистой и неостановимой радости расти-цвести-пушиться-колыхаться-шелестеть, и произошло таинство зачатия этого древесного эмбриона?..

...Да, именно в этой апрельской роще, юная-пленительно-прелестная дриада согрешила с паном лесным, коварным и жадным до соков девьих, улыбчивым и сладко-словоречивым искусителем, а затем устыдилась и решила грех-наваждение скрыть и забыть, спрятавшись в дупле улетевшего дятла, да и заснула надолго, испив янтарного вина из смолы и древесного сока. И в этом золотом сне забвения, снился ей молодой и веселый фавн, застлавший жуткий лик старого пана лесного, который уболтал-защекотал ее до смеха-истерики так, что она отворилась невольно старому козлоногому искусителю-забавнику. И думалось дриаде юной в том сне, что фавну веселому-сильному открыла она лепестки укромного лона своего, окропленного росой предут-ренней и вместе с ним испила звенящий настой полудня, опьянилась запахом трав весенних и терпких, принявших на свое зеленое ложе два поющих янтарных тела и закатавших дриаду и фавна в прозрачные простыни света, и только к вечеру стихли вскрики-шептанья-стоны двух детей природы: юного фавна и дриады... и угомонились они в игре безудерж-

ной-безгрешной и честной, и укатились капельки девственной крови, дабы взрасти и вызреть где-нибудь алыми сочными ягодами, а семя фавна густое и сильное завязало плод золотой-полуденный-солнечный в чреве влажном, утаенном гроте, в лоне дриады...

И вот, теперь только, эта давняя тайна открылась и плод-эмбрион готов выйти на свет... а что до юной дриады, пана старого и фавна младого, то простятся им страсти лесные-легендарные, коли семя-завязь их игр остались в чреве древесном, упрямо росли вместе с деревом и стали этим янтарным плодом-эмбрионом-ребенком природы, самотворящей свои чудеса...

- Очень хорошая плашка попалась – подумал Гевра. – Просмоленная, янтарная. Светится вся. Не испортить бы...

...если влюбился, значит – попал под дождь... весело, мокро и грустно чуть-чуть... некуда деться в поле большом... если еще и ветер в дождь?.. к страсти внезапной, сильной, безрассудной... дождь неохватный... ветер всевеющий... объемлющий... трава, дерева, камни, дома, горы и люди в поле... все омыты дождем.... все овеяны ветром... никто не скроется...

Бойтесь женщин равнинных, дремлющих... питающихся соками трав, прохладой земной и мерцаньем луны... но коли будут разбужены они, криком ли зычным страсти свирепой, топотом конским лавинного чувства или молнией-ливнем мгновенной любви, то пробудятся-встанут они гималайно-высокими, неукротимо-бесстрашными-страстными станут они, нескончаемо-терпели-выми-терпкими будут в беде и любви, неотвратимо-смертельными стрелами взглядов своих полунощных настигнут они того, кто их пробудил и хотел избежать долгого плена-плененья... не обманитесь их кротостью, к битвам великим и отдохновеньям сладким готовьтесь, к песням длинным и молчанью глубокому приготовляйтесь... витязи синих степей, избранники женщин равнинных-высоких!.. и сердце пусть будет готово к дикой и яростной скачке... а пока легкий ветер струится по лезвию утренних трав...

Когда эмбрион, наконец, после трех недель непрерывного резанья-скобления-изваивания проступил из «плашки» и стал почти осязаем, Гевра остановил резец. Казалось, что этот эмбрион вот-вот зашевелится, как если бы находился в материнской утробе. Мистика, конечно, но в такой момент невольно поверишь, что и дерево имеет человеческую сущность. Эмбрион – сын древесный находился глубоко в утробе материнской и был окружен жесткой оболочкой из грубых, корявых жил дерева, которые не поддавались резцу и лучше было их не трогать. Эмбрион, казалось, плавал в неком своем космосе и словно раздумывал: кем бы ему стать и стоит ли вообще рождаться? Гевра бережно прикрыл «плашку» и решил идти домой пораньше, чувствуя свою вину перед Балериной за свои малопонятные ей отлучки. Когда закончит работу, покажет Балерине. Он хотел удивить ее и улыбке ее потаенной и чистой самому удивиться.

...луна, тающая на кромке зрачка, это твоя скромность, любимая... внезапная буря-ревность свирепая и ночной ливень – это твоя страсть и я в ней тону... снег ослепляющий – это улыбка твоя на рассвете... любовь твоя-дерево и оно постоянно растет... мне есть куда прилететь, гнездо мое теплое...

Знала ли Балерина, что её сердце в эти дни бьется в одном ритме с неусыпным сердцем земли? Нет, конечно, но она не знала и того, что сама земля выбрала её женское сердце, как самый точный и нежный камертон человеческой любви. Эти дни совместного сердцебиения планеты и женщины были полны особой тайной-радостью, и ритм этого биения становился сигналом-посланием в далёкие миры, и уже ничто не могло остановить этот сигнал на просторах вселенной, пока некий чуткий радар не примет и не поймет простой смысл Послания. Ведь в этом сигнале было ещё одно, едва слышное биение, пульс сердца зародыша-эмбриона-дитя человеческого, зачатого на стыке эры Рыб и Водолея, в чреве Балерины.

35

В Алма-Ате бывают очень странные дни. Особо в конце осени. День все еще теплый, но к вечеру начинает подступать такая сырая мозглота, словно жидкий лед. Она ложится на ветви, камни и светится как-то необыкновенно, зловеще. Фосфорицирует. Но самое страшное:

этот лед-мозглота каким-то образом проникает внутрь костей, в голову, и человек на время вымерзает изнутри. Ненадолго, но ровно настолько, чтобы выбить всякую память о тепле и охладить мечты. С гор подступает эта мозглота, где Старец-Кыс уже устроился на троне зимы и отдает первые властные повеления. Невзлюбил он людей за то, что только терпят его, а сами вспоминают с грустью об осени, с радостью о лете или уже мечтают о весне. Словно и нет его – Старца Великого Кыса, дающего отдохновение земле и строго следящего за тем, что должно возродиться и что исчезнуть-погибнуть ныне, зимой. Ему доверен этот безжалостный отбор лучшего и он свое дело делает хорошо.

В начале зимы, Балерина окончательно обустроила новую квартиру в «Орбите» и взялась, наконец, за полюбившееся занятие – делать вещи из шерсти и нитей. Ей очень нравилась ее «мастерская» на застекленной и теплой лоджии, где она разместила все необходимое ей в работе. На краю ее сознания не переставала биться беспокойная мысль об обещании пригласить апашку в гости, но Гевра в последнее время пропадал в «своем зоопарке» и даже оставался там иногда на ночь. По тому, как горели его глаза, она решила, что ему нравится сторожить зверей. Однако, Балерина все же беспокоилась, как любая женщина-жена: нет ли тут какой-либо иной причины? На ее вопросы он безмятежно улыбался и отвечал: – Потерпи, родная. Скоро все расскажу. Не торопи. – Эта улыбка извиняла все, отгоняла все сомнения. Было только досадно, что она никак не может улучить момент, чтобы сказать ему об обещании своем пригласить апашку-волшебницу в гости. И вот, однажды, раздался с утра телефонный звонок. Незнакомый голос спросил ее и сообщил, что Шокен-апай умерла ночью в одиночестве, оставив дверь открытой. Записку с номером этого телефона они нашли в тумбочке. Там было написано, что в случае ее смерти надо будет позвонить, именно по этому номеру. Балерина обмерла вся, но записав адрес, сразу же поехала к бедной апашке. Там соседи уже занимались необходимыми делами и она принялась хлопотать вместе с ними. Рядом с кроватью покойной стоял мешок с пряжей, а сверху бумажка с ее именем. Она развернула и прочла: *«Моя последняя радость, айналайын. Спасибо тебе за заботу, теплоту. Я о тебе горячо молилась и видела тебя с ребенком. Так и будет. Поверь мне. Прощай».*

Предсказания?.. Она не верила в них и боялась их. И разве могут сбыться такие предсказания, касающиеся самого сокровенного? Того, что измучило и медленно вымыло из головы даже саму мысль о возможности иметь Ребенка... И вот тебя вновь обнадеживает старая апашка, совсем не волшебница с виду, и к тому же покинувшая сей мир этой ночью. Разве можно так, когда ты уже смирилась? Но... но что-то тенькало в сердце, оно замирало. А некая антилогика набирала силу и довод у нее был один... Апашка-то добрая... Она не соврет... Да и к чему это ей, а?.. И пряжу оставила не просто так...

На следующий день Гевра с несколькими соседями вынес гроб и повез хоронить апашку. Гевра договорился с муллой и он отпел ее, как праведную мусульманку. Погода стояла ясная, но какая-та грусть и боль, и даже упрек исходили от дальних снежных гор Ала-Тау. Горы будто утеряли свою значимость в этом мире и стали меньше, простившись с еще одной живой душой на земле. Многое и из разного времени, вдруг, нахлынуло на Балерину. Она лила тихие слезы над холмиком с деревянным полумесяцем, а сердце медленно заполняла благодарность апашке за то, что она приняла такое участие в ее женской сокровенной тайне-печали и в последние минуты жизни просила у всевышнего ребенка для неё. И эта доброта покойной, которую она не только не расплескала, несмотря на невзгоды и сокрушения сердца, но и умножила в себе, эта доброта стала таинственным образом заполнять печальное пространство кладбища, а солнце, словно понимая природу этого человеческого излучения, вышло из-за облаков и стало светить ярче.

... в последнем одиночестве нет слез... это одиночество сухо... оно для отважных, которым еще плыть в великое море инобытия... провожающих нет на берегу, но тем, кто решился разделить молчанье воды не нужны пустые слова... их ожидает пространство молчанья, за которым откроются им небывалые сокровища великого моря, где кончаются бури... там их ждут-ожидают коралловые сады неземной красоты, чьи плоды источают прозрачный стру-

ящийся мед... над теми кораллами все радости бренной земли стали эскортом - стайкой пестрых-радужных рыб, встречая человека, приплывшего из последнего одиночества... А печали? Что печали? Они тиной легли на дно великого моря и не поднимутся больше из бездны бездонной... О, великая мать! О, сестра женщин земных! Кто оставил тебя в одиночестве, лишив слов утешения и простой благодарности сердца?... ничего, отплывай... одиночество кончилось... Ты ныне, апашка, праматерь всей жизни грядущей...

И принял Синий Высокий Тенгри душу апашки белой... и оттуда, доносился будто её голос, тихий-вольный, для слуха последней дочери – для Балерины... И то была беседа двух женщин над суетой...

Если представить, что река имеет разум, то мысли ее – это течение длинное меж двух берегов, и если спросить у реки, что думает она о мужчине на одном берегу и о женщине на другом, разлученных любовью, то может быть, мысли текущей реки будут такими...

...еще в древности мужчины знали, как они эфемерны... поверь, я помню их такими много тысяч лет назад... ведь я сама вытекла из того же родника первосознания и помню их, наивных, обнаженных и беззащитных, но уже рисующих мысли свои на стенах пещер, чтоб не забылись они во времени... смерти-забвения боялись те мужчины-кроманьонцы, первые живописцы земли... я назвала бы те рисунки изокнигами начала времен... наивные настенные повести... охрой и золой были написаны те книги о виденном: бизоны, туры, саблезубые тигры, пещерные медведи, оживавшие в свете костров... ведь охотник древний, убивая зверя, убивал и зверя в себе, сотворял свою душу и, мысль за мыслью, ширил свой разум, ставший затем больше мира видимого... этот сияющий мир воображения, заслонявший страх смерти они оставили нам... и я, река, слышала, как он заклинал:

...я боюсь тебя, брат тигр, но если пойдешь по моему следу, я убью тебя, прости... брат бизон, я иду за тобой третий день и хочу настичь и убить, прости... брат медведь, мы разожгли перед пещерой костер из влажных ветвей и гоним дым на тебя... выходи, скоро зима и нам нужна эта пещера и шкура твоя, прости...

Все страницы изокниги пещер повествуют о радости жить и не встретишь там словотень-образ страха, ибо это великая сага об изгнании смерти из жизни и мыслей, ибо так говорит природа. Те первые мужчины-самцы, изгоняя мысли о смерти, неустанно вводили свой фаллос в женщину, в небо, в воду, в любые полости-щели в природе, чтобы оставить свое семя-след, ибо чувствовали себя в безопасности только в соитии-любви с женской сутью природы. И эти обряды-ритуалы-фрикции потом стали любовью. Все те изокниги и есть повесть о любви первородной, о сотворении женщины сердцем мужским. И поныне открыта всем ветрам библиотека петроглифов в Тамгалы... Охотник шептал:

- ...я беру тебя, женщина-самка, спереди-сзади-всегда, я соединяюсь... только ты можешь изгнать страх смерти, а его много и он настигает меня много раз на дню... и потому я вхожу в тебя, защищаясь, самка моя многоплодная, и в детях наших ты спасаешь меня... нет орудий хитроумных пока у меня, и потому я вхожу в тебя чистым фаллосом – верой-мечтой, самка – косуля моя... и буду это делать и делать пока смерть не уйдет от меня... и не станут тенями ветра все страхи мои навсегда... спасибо за жизнь тебе, сестра-смерть... брат-страх, уйди... сестра-женщина, приди... я чую запах любви твоей...

Женщина бесстрашна по сути природной своей. Ведь она всегда может родить подобие свое – девочку и обрести в ней свою вторую жизнь. Или, для разнообразия, мальчика и вообразить через него вторую жизнь самца, что умер вчера в схватке с медведем, ибо самец при жизни первой не уставал спасаться и оставлять в ней семя свое... И потому женщина мысли-думы свои поверяла сумеркам вечера, брату спокойному-синему:

...бери меня самец, хоть днем, хоть ночью... я всегда открыта тебе... знаю, ты смерти боишься и мне надо утешить и ободрить тебя, когда страх настигает тебя... ведь и тур вводит в самку своё алое завершение, зная-чуя, что ты его вскоре на охоте настигнешь... я буду принимать твою самость столь много, сколько захочешь, чтоб множились наши жизни вторые в девочках-мальчиках... иди на охоту, ничего не страшась... я укрытье твое, утешенье... не затво-

рюсь от тебя никогда... я защита твоя пред страхом и смертью...

Женщина первородна, а мужчина вторичен. Может быть, потому и творит свои изокниги издревле, что хочет сравняться с женщиной. Она умеет зачать, а он сеять. Им нельзя друг без друга. Они открыли секрет второй жизни. Возблагодарим же страх первых мужчин и отвагу женщин первых, ибо иначе не жить бы сегодня и нам – миллионно-кратной повторной жизнью наших пращуров. Секрет в одолении страха через творение жизни.

Нарождающаяся первая любовь отроков полна разочарования и пахнет ванилью бессильной спермы поллюций и мастурбаций отчаянья. Но, однажды, он возмужает и фаллос его найдет природную цель. Даже боясь новых разочарований, юноша должен превозмочь свои древние страхи и покорить, покрыть женщину свою первую. Затвориться на время в лоне женщины, вдохновиться и после этого, всегда великого открытия, опередить отчаяние свое хоть на шаг, ибо семя его станет сильным и взойдет в поле женщины. Новым человеком.

Любовь дев отважна, так как им понятна суть истекающей крови и перерожденья, ибо в теле девы есть уже женщина. И мужчина, отворяя темницу – лоно девы, дает ей жизнь. Женщина впускает в себя свет зачатья. Женщины сильны знаньем, мужчины – интуицией. Даже мысль погибнуть в охотах-битвах не остановит их, ибо только в сраженьях любви они останутся бессмертными, побеждая страх смерти. Женщине от природы дано кровоточить любовью и ей неизвестен страх перед этой великой вечной раной. Рана эта неизлечима, но истина целительна во все времена.

...кинжал твой в себя приму без страха, муж мой, дабы не знал ты поражений... неизлечимую рану носить мне всю жизнь и страдать, но я улыбаюсь отважно, муж мой, чтобы ты был бесстрашен и смел в битвах твоих... смерти не бойся, а если умрешь, я расскажу, каким ты воителем был в битвах любви, где всегда побеждал ты – муж мой...

Мальчики разрушители, даже в играх. Такова их природа. Игры девочек созидательны, ибо они строят домики-гнезда и населяют их куклами и обставляют малыми вещами быта. Отроки готовят себя к первому большому разрушению лона-гнезда дев-девственниц и только так могут научиться созиданию любви и настоящего дома. Дева терпит разрушение лона, ибо с этой поры куклы воображения оживают и начинается творение настоящих детей. Первое переходит во второе. Второе превращается в первое.

Женщины изначально мудры музыкой тайны, а тайна всегда больше истины, к которой так тщетно стремятся мужчины и пусть это будет так, и останется неизменным. Иллюзии женщин сильнее практицизма мужчин, ибо спонтанны и не перестают самовозрождаться. Случается и наоборот, но это хуже, потому как практичность женщин мелочна, а иллюзии мужчин саморазрушительны и часто губят их самих, до исполнения назначения. Лучше, чтоб все шло обычным порядком. Прекрасны и невероятны все превращения. Лики мужчин и женщин равны в зеркале природы и жизни.

...проглотить собственный глаз и увидеть себя изнутри... что там на деле.?. цветок мальвы тоскует о сирени солнца на закате... она сестра его... недоступная... старуха перед смертью бредит молодостью и первой любовью... старость умеет смотреть только назад... Волопас и Ткачиха по обе стороны великой млечной реки любви и разлуки... отец мой живет во мне... он верит, что сын его будет лучше... слепая женщина, рожая ребенка, видит его так же, как зрячая... полынь растет всюду и даже в человеке, в виде горечи ошибок прошлого... дочь коммуниста стала кришнаиткой и тем оправдала его однофазную жизнь... вегетарианец предпочитает овощи, не заботясь о взаимности чувств... ведь его может полюбить человек, любящий мясо... память людоеда, как труп, она мертва и безмолвна... сумасшедший трансвестит пытается вспомнить, кем он был в начале, от рожденья... могильный червь больше любит человека, чем он сам себя при жизни, и входит в его тело благоговейно, как в храм... пчела заполняет пустоту сот медом... осенняя пашня печальна, вспоминая себя в дни весны и лета... сколько препятствий на пути у воды, но она упряма и, даже испаряясь, надеется, что ее труд не окончен... кочующие и сеющие одинаково беспокойны в мыслях об обилии трав и добрых всходов... есть ли грань меж потерями и обретениями?.. счастье не может знать, когда и как

опередило его злосчастье, но придет и к несчастному... никто не слышит песни китов, плывущих во вселенной...

Как раз в эти дни, случайно, Балерина встретила знакомого администратора оперного театра, который все еще работал там. Он с радостью поведал о том, что капитальная реконструкция театра, наконец-то, подходит к концу и осталось наложить последние штрихи перед открытием занавеса. Администратор предложил Балерине, бывшей знаменитой «приме», показать, как выглядит театр теперь. Балерина согласилась и с волнением вновь переступила порог дорогого для нее дома – Театра. Ей понравилось обновленное фойе и колонны с мраморными плитами. Особенно поразило фойе 2-го этажа с великолепным панно с перспективой, делавшем потолок выше и легче, были хороши и витражи центрального фасада, капителий колонн и вся цветовая гамма внутреннего интерьера театра. Еще больше удивил ее зрительный зал с огромным плафоном-люстрой вверху, бархатные мягкие кресла цвета серебристой сепии. Обрадовало и то, что убрали, наконец, ненавистную ей кинобудку в амфитеатре, которая не только уродовала овальную планировку зала, но многие годы искажала акустику. И расширенная сцена, оснащенная новой техникой, софитами верхними и боковыми. Но «люк Жизели» убрали, и она подумала: а как же теперь она явится из могилы? Волшебно, как раньше?.. Прямо из-за кулис что ли?.. Какой же это спектакль без маленького чуда?.. Затем она прошла на 2-ой этаж, к артистическим комнатам-гримеркам и была разочарована тем, что стало здесь совсем уж современно. Дизайн дверей и коридора, больше походил на гостиничный. Осмотрев все, Балерина вышла из театра и поднялась в сквер вдоль восточного бокового фасада. Села на скамейку (напротив окна своей гримерной) и в один миг перед ее глазами пронеслась вся многотрудная, полная огорчений и триумфов-аплодисментов жизнь в театре. Она невольно всплакнула, но то были не только слезы грусти. Балерина благодарила судьбу, приведшую ее на незабываемый Праздник Танца, где и она порой бывала Царицей Бала.

С каждым космическим днем Гроссмейстер открывал все новые грани своего нового бытия во втором небе. Он обнаружил, что постоянно бодрствует и ничуть не утомляется. Это непрерывное бодрствование он заполнял тем, что мысленно (силой чистой творческой воли) писал фантастические картины, подсказанные одним лишь воображением. Ежедневно, на идеально грунтованном черном холсте вселенной, он наносил белые святящие линии из звездных красок, используя весь спектр космических излучений. И хотя Гроссмейстер был призван сюда только фиксировать хаос, но его мысленной кистью водил неистребимый инстинкт поиска гармонии и он радовался тому, что успевал нанести на черный холст и вспышку сверхновой звезды, и мучительное угасание красного карлика, и спираль воронки вокруг невидимой черной дыры, и невероятные превращения газовых туманностей. Важно было успеть нанести мгновенный мазок, уловить начало и конец той или иной вибрирующей линии, прорисовать точный контур гигантского пульсара, где-то на краю вселенной и... и пусть Некто невидимый уносил каждое космическое утро едва завершенную картину и вновь ставил перед ним девственно-чистый новый черный холст, Гроссмейстер без устали и досады начинал писать другое полотно, ибо хаос вселенский и земной подбрасывал ему самые невероятные фантастические сюжеты. Много позже Гроссмейстер понял, что в природе этого бодрствования были заложены спасительные сны воображения, дающие ему передышку и возможность забыть на время самые страшные и катастрофические события на земле и в дальних небесах, которые в изобилии поставляла ему стихия хаоса. Но и краткой вспышки добра и любви хватало на то, чтобы сделать из кошмара вселенского и земного бытия Нечто прекрасное, хоть и неизменно исчезающее наутро. Да, это исчезающее совершенство умело побеждать устойчивый кошмар хаоса и укреплять тонкие нити человеческих надежд и упований, пронзающих холод вселенной. И вот, однажды, в какафонии непрерывных вибраций ему удалось уловить мелодию одной сверхтонкой линии, и он стал в каждой новой картине повторять ее волшебные очертания пока, наконец, перед ним смутно не проступил некий, до сердечной спазмы, родной образ. С каждым космическим этюдом он становился все более явственным и, вот! – перед ним явилась в (почти земной) прекрасной сути своей Лунная

Красавица, ступившая на его облако во втором небе. Однажды на рассвете. Она, вместо приветствия, сказала ему просто и обыденно: - Здравствуй. Я пришла к тебе навсегда.

36

... Предстоящие находились в четырех углах квадрата небес и несли дозор в веках отстояния. Дела земные текли то кипенно-кроваво, то тихо-лилейно. Пославший их, между тем, решил сгустить-собрать все свободные энергии пространства и сжать века предстояния так сильно, чтобы они стали точкой, светящимся мигом, тем самым сократив время отстояния от надежд и упований... прозрение четверых предстоящих и их отчужденность было напрасны... также как и их отстояние от самого Надстоящего над ними и от планеты одиноких людей...

... если есть *Ничто,* то значит: есть и *Что-то,* а стало быть существует и *Нечто*...

... *Ничто* опровергаемо по определению... *Что-то* может быть названо и получит имя... *Нечто* следует постигать...

... многие вещи *Что-то* названы, понятны и это реальность... она уже не страшит...

... постижение *Нечто* сугубо работа души... пока есть *Нечто* жить интересно, ибо оно само по себе опровергает *Ничто* и позволяет терпеть *Что-то...*

... страх жить и страх умереть можно одолеть постижением *Нечто*... это утешает, ибо постижение стирает грань меж жизнью и смертью и делает их равными сущностями, и что важнее: ставится знак равенства меж всеми людьми, а также творениями и тварями земными в природе...

... что изменится, если искомое написать чуть иначе, т.е. так: *Никто - Кто-то – Некто*... чувствуете, это уже не чисто эмпирическое размышление... это иной уровень...

... *Никто* не имеет имени с умыслом... *Кто-то* до времени безымянен, пока Некто не захочет с кем-либо завет заключить...

... *Ничто-Что-то-Нечто* от завета уйдут, как и вечный неимянец-безымянный-имярек *Никто*... и останется лишь Кто-то, с кем *Некто* завет заключит и имя свое обретет для ответа...

... сия интенция в тоге сентенции не имела бы помысла-мысли-смысла, если б не обскурация... время пришло ответ держать заключившим завет...

...*Кто-то* и *Некто*! Я вас вопрошаю в тумане...

...Осуществленье Завета – вот чего все хотят... всуе... возвышенно...

Время подлинное-плавное стало давать сбои. Безо всякой причины, часть общего времени стала утекать неизвестно куда (словно проваливалась в дыру), а потом вновь объявлялась в самый неподходящий момент, устраняя ординарное время, что шло до того своим чередом. Это создавало неразбериху. Если провалившегося времени было много и на него пришлись большие исторические или природные катаклизмы, то дело могло принять очень серьезный оборот. В таких случаях фрагменты прошлого смешивались с временем враждебным-иным (с настоящим или будущим) в некий взрывчатый коктейль. Волны отрицательной энергетики, источаемые из чрева давно погибших времен, способны влиять даже на геном человека самым ужасным непредсказуемым образом.

Потерянная год назад вещица могла вновь оказаться на своем прежнем месте к немалому удивлению хозяина, уже смирившегося с потерей. Пропавший без вести, пару лет назад, человек приходил в гости к былым друзьям, оплакавшим его, и с энтузиазмом делился планами на будущее, не замечая растерянности на их лицах, открывал свое сердце одной из присутствующих женщин, вышедшей в прошлом году замуж за его лучшего друга. Разве дано было ему знать, что предательство откроется столь поздно? Заблудившееся время могло течь самым непредсказуемым образом и начинало свершаться в чужом грядущем времени или прямо сейчас, как если бы атомная бомба разорвалась не в Хиросиме 1945 года, а стала падать прямо сейчас на Иерусалим, в момент очередных переговоров о прекращении конфронтации и изменений в «дорожной карте» при отсутствии зеленой лампочки на светофоре. Представьте себе, что бы случилось с нами теперь с учетом новейших вооружений и технологий?

Стоит только включить в цепочку возможной катастрофы, абсолютно устаревшие политические рычаги решения подобных проблем, то безумство войны станет неизбежно. А ведь

малые утечки времени провоцируют и большие провалы во времени, когда две лавины двух разных трагических времен столкнутся в долине настоящего и снесут нас в небытие, а некий историк постгрядущего скажет, что дескать, мы жили не в свое время. Посмотрите повнимательней вокруг и вы, возможно, обнаружите осколки чужого времени в своем, а вместо вас в этой минуте живет прадед-первовсадник, мечтающий оседлать коня и потрогать рукой горизонт, или ваш же дальний потомок, улетающий в космос, подальше от этой проклятой земли.

Смотрите внимательней, а то не заметите, как «Чингисхан-2» начнет покорять мир наоборот, с запада на восток, и стреляет он явно уже не из лука, хоть и сидя в седле... *Да, я и сам похоже живу не в своем времени. Все вокруг мне чуждо, незнакомо и никто меня не любит, как во времена моей прежней или (как знать?) грядущей жизни среди агатовых камней на кромке тихого стеклянного водопада, в маленьком искусственном саду на террасе грёз...*

...вода ожидания ушла – просочилась... луковое поле растет стрелками вниз... головками вверх... струи – нити дождя натянуты и звенят от ветра... древние пласты омыты слезами тоски... черными... подземные камни начали контр-движение... хотят судьбы гор... тектоника... по тем же законам идет навигация гнили к солнцу... свет обретает плоть и шевелится сонмищем своих волн-частиц... цены на чертополох и крапиву искусственно вздули и они встали по цене фруктов... прежде обычные капуста-картошка находятся в ранге деликатесов и стоят дорого... они по карману только гурманам-горизонталам, которые ныне в фаворе... падшие ангелы-вертикалы превращаются в каннибалов, ибо нет пищи дешевле людей... затемненные стекла машин и особняков подчеркивают прозрачность и невесомость нищеты... былые ценности сверхтяжелых материй заменены ширпотребом тонких сфер и энергий или инертным газом... озоновая дыра ширится в душах...

Тишина обнимала Атая-навигатора, будто существо живое. Так, наверное, окружает лелеет цветок ириса лепестками своими пространство цветения, где покоится святая святых – нежный пестик. Стоит себе представить, как льется на пестик невесомо-чистый свет, просеянный лазурно-синими лепестками!.. С этими мыслями Атай-Навигатор летел-прошивал звездное пространство, наслаждаясь тишиной и чувством одиночества. Шли четвертые корпус-кулярные сутки и он только начинал входить в ритм своих обязанностей. Нынешняя миссия порученная ему Космо-Сенатом Земли имела самые серьезные основания. До этого он получил свое первое задание – произвести разведку в Крабовидной туманности и проявил блестящие способности к навигации, а быстрота его реакции и глубокий анализ ситуации выдвинули его в число лучших разведчиков и навигаторов космоса.

Тогда в Крабовидной туманности были замечены странные трансформации вещества. Оно обретало формы чудовищного полипа лилово-багряного цвета, сходного с гнойными выделениями из карбункула галактических масштабов, словно там началось извержение. Казалось, что и в самом деле эта (до того вполне безобидная) туманность стала превращаться в гигантского краба, который взбаламутив древний метагалактический океан медленно стал выползать из его глубин, шевеля клешнями невероятной мощи. Астрономы, наблюдавшие это гипермистическое явление, с осторожным ужасом предположили, что «мега-краб» имеет таинственную органическую природу, а в глубине нарождающегося полипа есть гено-матрица неизвестного биообразования. Из всего этого могла исходить реальная угроза, тем более, что одновременно с появлением мега-краба биологи отметили изменения (пусть и едва уловимые) в земных морях и океанах, где наблюдались признаки увеличения размера обычных крабов, а у любителей этого деликатеса появились симптомы отравления и сбоя имунной системы. Из вулканов стали исходить миазмы с тошнотворным трупным запахом и хотя это были кратковременные выбросы, но все же некая связь между этими взаимоудаленными процессами могла иметь место.

Завершив глубокую разведку Крабовидной туманности, Атай доказал существование прямой связи процессов в дальнем космосе и на земле. Более того, в своем докладе Атай предположил на основе сложнейших расчетов, что началось разрушение исконного вещества Вселенной, и если природу этих явлений не понять сейчас, то в будущем может случиться не-

обратимая катастрофа, вплоть до гибели земной цивилизации.

Еще во время своих ученических челночных полетов в ближний космос, Атай сокрушенно отмечал, что его родная планета стала похожа на гигантский кишащий муравейник. На древних снимках из школьных учебников по навигации земля выглядела романтично, окруженная голубым ореолом, сквозь которую проступали контуры океанов и континентов, и эта панорама была сродни старинным картинам великих живописцев Эры Рыб. А теперь мертвящий неоновый свет неисчислимых рекламных феерий, вкупе с непрерывно витающими в небе голографическими панно огромных масштабов, застлали то голубое нежное свечение земли, которое и делало планету столь несказанно-прекрасной. Количество людей, техники, средств передвижения стало столь непомерно велико, что их непрерывное движение – хаос, а также бесчисленные гипер-постройки непоправимо изменили облик больших земных пространств-пейзажей, испятнали все ранее девственные территории лесов и лугов, раздробив на уродливые части-осколки-обрезки целостность первоздданного лика земли. То, что было «чашей великих упований» стало обыкновенной посудой для употребления.

Что только не выплывает из омута памяти?.. Стылый пейзаж космоса с блестками звезд. Статика, безмолвие... Никакой связи... Но вот выскочила в голове, картинка... Что тут скажешь? ...легкая красивая клетка, с игривой такой крышей, «а ля буддийский храмчик», из давнего... под крышей сидит искуственная канарейка, недремно в колечке. Глазки почти живые. Смотрят. В никуда, в птичье безумие. Молчит. Чью-то тайну хранит... Молчание плотное, густое... А в самой клеточке – пустота... Словно и канарейки в ней нет. Пустая клетка с пластиковой канарейкой... Имитация жизни... Интерьер – натюрморт. Мертвое в мертвом...

Но ощущение такое, словно эта пустая клетка с непоющей крохотной канарейкой абсолютно автономно продолжает жить и в космосе своей особой жизнью, находясь за тысячу лет отсюда в чьей-то памяти, в саду давно убитого собственным братом императора, и мертвая канарейка, игнорируя все законы причинности, вдруг, вылетает из клетки, нелепо кувыркаясь в невесомости... Лоджия, клетка, канарейка, император, замурованный в стену, город у гор, навсегда забытый людьми, искуственный апорт, мертвые сады... И что это все значит? Почему так причудливо смешалось?

Сейчас, прошивая-пронзая пространство навстречу Неизвестному-Незнаемому, Атай занялся своим прямыми обязанностями, сверял показания электронного мозга звездолета с программой собственного мозга, совмещая все алгоритмы и уровни сложной науки навигации и добиваясь абсолютной синхронности, что называется «микрон в микрон». На это ему выделялась целая неделя суток-корпускул. Затем все расчеты и варианты должны быть введены, в общий – его и звездолета – мозг, который и будет управлять всеми параметрами, включая режим сна и автополета к Цели...

Атай наслаждался своим одиночеством и работой, но не менее хороши были и краткие минуты отдыха, когда он мог пуститься в путешествие другого рода, навестить уголки памяти, где осталась цветная мозаика отрочества. В годы учебы в школе Навигаторов (она располагалась высоко в горах Тянь-Шаня, близ Хан-Тенгри) ему особенно нравились «уроки давнего». Особенно помнился ему рассказ-легенда из очень архаичного времени, когда на земле было просторно, как теперь в космосе.

...День рассекала молния в пол-неба... Лил косой ливень-водопад... Ливневые травы стояли в рост. В просторе лавиной летели кони, омытые ливнем... Бешеные глаза, литая стать, гривы как всполохи огня... Первозданная воля и мощь... И люди стояли по краю селения... Упрямые – гордые – сильные. Плоть мужчин – древо, плоть женщин – чистая глина... Солнце взошло из туч... Равнина сверкала... Тучная травами... Замерли кони и люди на миг... Потряслись совершенством друг друга... Равнину судьбы обозрели... И встали рядом... И стали племенем Коня... Слились в одно неделимое Племя... Поскакали-полетели с криком и ржаньем... Горизонт раздвинулся и открыл им путь... Над всем реял ветер открытий... Племя Коня тронулось в первокочевье...

И грезится порой... вся природа-танец... малейшее движение самого малого существа, пусть

то микроб – былинка – мириадно единый планктон – муравейник – пушинка-зародыш – рой пчелиный – мошка одна... передается мощной незримой волной – зарядом – толчком другим существам... большим – могучим – пространным – множественным и под музыку ветра – шелест камыша – гуденье огня – шум и удары прибоя о берег – свист и щепет птиц: становится огромным – нескончаемым – тысячецветным и великолепным Танцем жизни, когда даже недвижное – твердое – застывшее вовлекается в это совершенное гипер-движение, а поза-пауза-синкопа, лишь подчеркивает грандиозное действо – Танец Природы... во всем-везде-всегда-бесконечно-неоставимо движение – радость и... движение - боль... но двигаться и творить Танец жизни природа не перестанет... недвижение и есть небытие... и... Природа танцует...

Уже почти покинув свое биологическое тело, Атай-Навигатор, потомок тех самых первовсадников, все еще видел, как Племя Коня стояло у края последнего горизонта, перед черной равниной космоса. Он жалел этих странных странников-кочевников праистории и, в то же время, восхищался ими. Их дерзостью. Верой. Ведь вышли же они открывать «великую равнину без края», не зная того, что вся земля всего лишь остров во вселенной, а им выпало счастье все же потрогать рукой горизонт. А, может быть, он – Атай и есть та стрела, выпущенная из натянутого лука-тетивы-горизонта земного, чтобы нести Весть и увидеть уже горизонт самой Вселенной?.. Кто знает?.. Засыпая и превращаясь в первоэлементы, Вестник все еще жил древней легендой о Племени Коня...

...пересекли три простора... последний простор был застлан густым, как молоко кобылы, туманом... рьяно-решившись прошли туман насквозь, испив по капле его хмельной влаги... туман ударил в голову... спешились, гогоча, из седел скрипучих и отправили коней пастись на луга водянистых трав... вожди Племени Коня решили, что достигли последней большой равнины... трава клонилась на закат, а реки текли вспять... не насторожило... шумно мечтали, как наутро откроется им новая родина-равнина, в центре которой гнездится тишина... грудь ширилась гордостью, в голове бродил туман... стоянку устроили временную... мысли текли медленно, как ручьи болотные... еще никто не умер в пути... казалось, так будет всегда... спать легли довольными... сны снились плотные... оттого не были услышаны короткие всхлипы женщин и плач детей... утром встали бодрыми, но без мечты... туман рассеялся... воздух стал прозрачным... и увидели, оглядевшись!?. Это был остров в середине безбрежной воды?!. Большой, обильный травами, зверьем, деревьями, плодами, но!.. остров!.. дальше идти было некуда... выпали из-за поясов мечи-акинаки... с кем воевать и что завоевывать?.. часть коней, уевшись местной влажной травы, уплыла в воду... те, что остались, не хотели скакать... берега горького прозренья обрывались в соленые воды... пахло водорослями и гниющей рыбой в камнях... среди острова высилась гора... слишком правильная... конусом... в равнине исхода горы были дикие и могли меняться по три раза в день... не надоедали глазам... разочарование ширилось медленно... из сердца отважного уходила сила... двое сразу умерли к вечеру... у одной молодухи случился выкидыш... смерть, всегда отставшая, нагнала их здесь... укрыться негде... леса были редкими, а деревья больше напоминали кусты... чтобы забыть о смерти, легли с женщинами в обнимку, под покрывало... не хотелось видеть ни луны, ни звезд... любовные битвы отложили до лучших времен... не вставало ретивое... не дыбилась гордость... она стлалась, как водоросли на отмели... обретенная родина – остров была монотонна, как прибой... не волновала души... вместо дерзких мечтаний пришлось придумывать ритуалы погребения и обряды скорби на каждый день... прежде свободную волю стали концентрировать и загонять внутрь... культивировали мелочи... чтобы не угнетаться краткостью расстояний стали ходить кругами и бормотать заклинания... песни пелись грустные-протяжные... из одного большого акинака сделали два... для дел хозяйства... малые зверьки, деревца стали тотемами, дабы скорее забылся простор и величие былых дней... время большое дробили... придумали делать знаки – зарубки: длинная означала месяц... те, что короче – дни... на один сезон хватало одного бамбука... в конце зимы четыре полых ствола связывали в пучок и ставили стоймя, чтобы отмечать годовщины утери былой родины... коней больше пасли, чем скакали на них... вскоре стали сеять и дома ставить близ полей... лица становились плоскими от постоянной тоски и уныния... однообразие занятий и дней упразднило пылкие речи... проще

было обходиться знаками... хотелось возврата к началу, но все понимали, что это – конец...

Уже далеко вперед по времени, Вестник Атай пролетая галактику Солнца, проникся горькой истиной, что Земля – просто маленький остров в океане космоса, а Племени Коня, некуда стало дальше идти. Разве могли первовсадники знать о пустыне Безбрежного, о том, что шарик земной катит священный космический жук-скарабей, и катит задом-наперед, видя только свой старый след? Сердце Атая – Вестника обдало изморозью, прошило тонкими льдинками-иглами, но перед тем, как оно остановилось, в нем вспыхнул яркий образ прекрасной Одинои, оставленной им на земле. Одиноя улыбалась ему и была похожа на нежный лотос, в белом венчике которого тихо светилась любовь. Любовь и Одиноя! Только их он будет помнить всегда с печалью и нежностью. Вестник земной – Атай уменьшился в корпускулу и, бешено ускоряясь, летел по гравитационным кругам гигантской спирали галактик, как первый Конь и Всадник земли когда-то. Он летел на край Вселенной. Туда, где вставало новая заря и где можно было все начать заново. Там найдет он первичное семя – вещество жизни и вновь посеет на земле...

... что ты есть такое, жизнь?.. Осанна... Аминь... Кто я есть сам?.. Тень чья? река Или не видела океана... но имеет право мечтать... что есть ты, время?.. тень вселенская ветра... струится ручей размышлений... тень... свет... светотени...

37

Медленно-мерно колыхался индский океан, как спина гигантского млекопитающегося, и вода в нем была медная на закате. Тысячелетиями океан напитывался водами рек и потоками сезонных ливней, полнился молчанием планктона и плавающим совершенством китов и рыб, хранил девственные тайны своих глубин, впитал тепло мириада солнечных дней и мерцание неисчислимых звезд - и потому был соразмерен мудрости бытия. Испокон веков он омывал таинственный полуостров Индостан, полный мистики, мифов и астральных легенд, которые воплотились в непроходимые мангровые заросли смыслов и над которой веками стоял влажный туман миражей. Казалось, что первичный безформенный дух выбрал эту страну своим местообитанием. Прошло уже полгода, как Мудрец замуровал воителя-разрушителя в безысходной пещере-склепе, чтобы тот постигал книгу «второй жизни», освободив пространство «первой жизни» от своих губительных деяний. Теперь он шел на свою родину и во все дни своего пешего возвращения его не покидала радость покойных размышлений и особого средоточия чувств. Он прошел великий горный мир Гималаев, стоял в смиренном благоговении у подножия высочайших вершин, молился у тайных пещер, где укрылись святые первожители земли, познавшие нетленность духа и плоти, видел, как в бездны срывается жидкий кипящий снег-водопад, пережил ужас и ярость сухих гроз на перевалах. Начальные воды сакрального вечного знания полыхали в его голове росчерками гигантских беззвучных молний.

И тут же перед его внутренним оком предстали бескрайние равнины Великой степи, с несметной травой и отважной открытостью всем ветрам. Только эти мерно-медленные равнины могли предстоять бездонной равнине неба и выдержать его колдовское притяжение и не обмануться близостью горизонта, и оттого люди там жили другие – неспешные и недремные почитатели своего синего бога Тенгри, вобравшего в себя все образы и лики матери Природы, непостигаемого и постоянного, ибо он - Тенгри не выделял ни одного из человеков и никому из них не позволил стать его отражением земным, а тем более возвести в ложный сан пророка. И глубоко в сердце своем, где пребывал его собственный бог, вочеловеченный в принце Шакьямуни, достигшего просветления еще в земной колыбели слез, Мудрец принимал и такое абстрактное понимание бога, в образе Небо-Тенгри, и не как высшее воплощение одного в другое, а как неотрицаемую видимую сущность, каким было небо для всех живущих, равно – что днем, что ночью, ибо оно являлось оболокой земной, высшим и бесстрастным защитником и свидетелем того, что есть и будет на этой земле во все времена.

И вот, однажды, находясь уже на южной стороне Гималаев, на рассвете столь прозрачном, что воздух становился бинокулярно-приближающим прибором, он увидел за морем

джунглей океан индский непомерный и, одновременно, тем же взором узрел над собой океан небесный, который стал втягивать его в свои высотные глубины. И тут ему стало казаться, что Гималаи опускаются и расправляются в скально-снежные равнины, сливаясь с равнинами травными-водными-джунглевыми-песчаными-ледяными, и в этот момент увиделась ему вся земля в единстве и равенстве своих просторов, и представала она уютной-малой-беззащитной круглой равниной-поляной, и полюбил он ее беззаветно, просто так, как любят приют нежданный скитальцы.

Вскоре, вступившему на окраины своей родины, Мудрецу передали весть от его легендарного учителя Варра, названного при жизни «великой душой-Махатмой», чтобы он явился пред очи его. И он поспешил, вспоминая... Его учителю Варру было уже 120 лет, когда он, еще будучи отроком поступил к нему в ученичество. Их небольшая деревушка-школа находилась близ древнего полузаброшенного храма, который обступали дремучие джунгли. Занятия будущих вестников-спасателей были ежедневными-еженощьными, утоми-тельно-истязательными и блаженно-высокими одновременно, ибо иначе невозможно было постичь науку совершенствования тела и духа, как и искусство медитации-озарения. Протяжные движения, вытягивание тела в струну и, вслед за тем, статические долгие позы-асаны, скручивающие тело в причудливую фигуру, дыхательные упражнения, где каждый вдох должен удлинять фазу выдоха, чтобы в конце-концов, научиться задерживать дыхание дольше змеи, впавшей в спячку... Труднее всего давалась наука сосредоточенности и умение читать внутренним голосом магические тексты древних вед и уловить упоительную молитвенную мелодию сутр, без усвоения-постижения которых не имело смысла приступать к медитациям просветления. На это уходили многие годы учения, но шаги в просторе-пространстве непознанного становились сильнее и шире, пока стояло тайное время внутри.

Сесть на рассвете у пробуждающегося муравейника в позе «свернутого листа» и читать сутры благословения-благоговения, следя за каждым муравьем в отдельности, увидеть высший порядок во внешнем хаосе их передвижений, и к вечеру, вместе с последним муравьем-стражем уйти с поста бдения-чтения в покой подсознания, чистыми дремлющими мыслями принять мудрость сутр и ощутить трепетную тайну ведов. Сам Учитель Варр шел тем же путем, но ныне находился много дальше. Впереди. Порой ученики видели его стоящим на мизинце правой руки вертикально и недвижно, а порой – парящим над землей, как книга, открытая небу. Однажды, Варр-Учитель велел опустить его в воды небольшого прозрачного пруда и целый месяц пролежал на дне и только длинные густые волосы, шевелящиеся вкруг его головы, спокойное лицо и открытые глаза напоминали о том, что под водой лежит живой человек. Нет, не только воздержание плоти было в том учении. Когда они – ученики достигли двадцати лет, они поселились в легких тростниковых хижинах, крытых в наклад широкими листьями хвощей, куда вскоре привели юных дев (каждому по одной), с мерцающими очами на смуглых лицах и точеными телами из мягкого коралла и лунного колдовского света.

На рассвете-утрами-днем-вечерами и в полнолуние постигали они – юноши свое второе женское «я», и их любовные игры с девами луны и медитации страсти продолжались целый месяц. Следуя канонам Камасутры, ученики Варра со своими дивными наперсницами, все дальше уходили в чарующие чащи любви, с неистовой фантазией совершенствовали позы соитий, проникая одним в другое, проницая друг друга ненасытно-неистово-неизъяснимо, оком сердца, черпая новые силы там, где было мгновенье назад окончание-взрыв-озарение-исход-таяние. Учитель Варр полагал, что плоть так же сильна, как дух, и если ей не дозволить все ее естественные требы, то она может исказить дух и силы уйдут на потаенные развратные помыслы, а воображение и разум затмятся химерами извращенных фантазий и неосуществленных плотских вожделений. И тогда ученик не исполнит свое предназначение. Через тридцать дней девы-наперсницы любовных игрищ уходили, унося в своем чреве плод-семя совершенства, их сменяли другие (раз в год). Но одну из них еще молодой Мудрец запомнил навсегда. Он дал ей имя: «Истечение луны» и в тот неистовый и волшебный месяц любви постиг женщину, как равную половину мужчины, и преклонился перед мудростью Природы и

щедростью Будды Настоящего Дня...

...от поступи Ее у него началось шевеленье внутри и он покачнулся... чаща озарилась особым светом и из влажной тишины выделились щебеты птичьи, звоны капель о камни, шелестенье листьев в верхних кронах, вздохи и шорохи дальние... полутени льнули к телу ее изваянному незримым касанием ветра... лицо агатове-нежное-смуглое обрамляло струенье волос податливых-легких... эбонитовые овалы и округления чресел томились в ожидании ласки... в чашу живота изливались тайные соки двух жемчужных плодов... две ложбинки вели к средостению бедер и к тенистому гроту, где хранились сокровища из поющих розовых кораллов... ароматной розы несметной нераскрытый бутон ждал часа цветенья и благоуханье свое сокровенное еле удерживал в глубине лепестковой... и глаза – сияющий перламутр и черные лилии зрачков, пронзающих сердце... все терзания-сомнения были напрасны, ибо податливо раздвинулись волны дивного моря и погрузился Он в воды Ее... удалился в сей миг волшебник предвечный смиренно,.. ибо здесь чудо земное-вечное вершилось... душой и телами двоих...

Когда ушла Она – «Истечение луны», он – ещё юный мудрец, давший имя чудесному – попросил Учителя Варра более не приближать к нему дев. Варр улыбнулся и повел его дальше к Учению Высшему, видя, что этот этап познания грядущий Мудрец завершил.

И вот, приближаясь к берегу океана, к последней обители Варра-Учителя, возмужавший в скитаньях и исполнивший одно из главных своих назначений Мудрец продолжал вспоминать благодарно, как Учитель, однажды, одним взглядом остановил бешеного слона, едва не затоптавшего ребенка, магическим жестом поднял гиганта в воздух и слон превратился в обычного соловья и запел. И все улыбнулись изумленно. Еще вспомнилось, как непросто понимание священных чисел-знаков вечности. Более тысячи лет назад здесь, в Индии, посвященные в Высшее Знание открыли поразительно простую систему исчисления всего, что есть на земле, и того, что стоит за гранью зримого и не имеет вещественной сути. Эти числа-цифры вкупе со знаками прибавления-уменьшения равенства-умножения-дробленья-кратности и многократности стали символами неопределимой бесконечности и отсутствия точности- реальности, одновременно, обладая волшебной силой явить уму нечто неосязаемое, невидимое и несуществующее нигде, кроме воображения, как непостижимую сумму чисел.

Варр объяснил, что самым важным числом была не «1», а цифра «2» - знак души. Змейка. Силуэт. Абрис. Именно этот знак удваивал единичное, начальное – «1». Один человек – ничто, а мужчина и женщина – это уже ядро человечества, могущие в соединении зачать третьего человека – ребенка, т.е. сотворить чудо. Знак – число 3. Труднее было постичь иные символы такие, как «4» – знак дома. Их сумма (3 + 4) невероятным образом порождало число «7» – знак могилы, ибо были сакрально взаимосвязаны друг с другом. Если из знака могилы – «7» вычесть знак дома – «4», то получишь символ первого знанья-ребенка, число «3». Знак мужчины, т.е. семени «9», наложенный на символ женщины, число «6», являл абсолютную цифру «8» – воплощение вечности и, вместе, знак любви. Это было понятно, до восхищения. Помнится и он, особенно, любил в «Истечении Луны» – две параллельно сияющие зеницы очей – «8», которое было двумя кругами жизни, образующими понятие бесконечности. Цифра «5», как символ дороги петляющей, тоже становилась понятной, как тропа в лесу, ибо сие суть исканий. Вершиной всего являлось – явленное с небес и из ядра земного – круглое «0», которое вершило судьбами и значением всех чисел-знаков, возводя их в первый порядок множественного и совершенного, как суммы бытия. Это сверхзнак – число «10». Далее можно было сколь угодно много уменьшать и увеличивать числа, разницу и общность их, промежутки половинные-меньшие-большие и постигать смыслы этих немыслимых сопряжений знаков-чисел.

Вот, что хотел бы Мудрец снова услышать, понять и вразумиться от Учителя Варра и в этих размышлениях завершить свои дни, отныне исчисляемые и могущие быть положенными в сакральный ряд, в два уровня (сомнение – деяние), в вертикаль вдохновенья, ибо в них заключался общий Смысл Суммы, т.е. Жизни. Варр – Учитель говорил также, что с этим знанием суммы и знаков-символов и воссел некогда в венчике лотоса Будда Гаутама, дабы неспешно созерцать явленную в цифрах красоту вечного, изгоняя бесов пугающей неизвестности и хаоса.

Числа-цифры-знаки являли собой Порядок первого уровня. Но порядки второго и третьего уровня еще не установлены, не постигнуть их на земле и путь до них далек и труден. Он – в высоком небе. Много позже, во время своих странствий Мудрец узнал с сожалением, что величайшее открытие индийских магов – цифры стали называть «арабскими».

Учитель Варр уходил. В трехсотый год своей жизни. Он сидел под деревом, посаженным в год его рождения. Его окружали ученики. И лучший среди них – Мудрец. Этот день Варр Учитель выбрал сам. Уже давно. И готовился к нему особо. Тридцать три дня непрерывной медитации без сна и пищи преобразили его. Он словно помолодел. Великая Душа – Махатма обозревала пространство прожитых лет. Не открывая глаз, Варр-Вестник видел то, что скрыл от учеников своих. Мир остался неизменным. Но это не разочаровало его. Лишь в последние годы он понял, что мир не надо изменять. Именно, неизменность мира была благом. Это прозрение ошеломило его. И утешило. Хорошо, что он ничего не изменил в нем. Мир и до него, и после него изначально был и будет совершенным. В этом открытии заключалась суть всех обретенных им знаний. Возвышен лишь тот, кто не возвысил себя над природой. И ум был дан человеку, чтобы понять это. Как просто!.. Но в этой простоте – истина. Малую душу свою соединить с Великой душой жизни. И этого довольно, чтобы уйти из нее счастливым. Если Великая Душа примет душу твою, значит человек жил праведно. Не посягнуть на Совершенство Природы ни умыслом, ни делом. Лишь мир совершенный примет Будда Грядущего от прошлых времен. И не прогневится. И грядущие люди будут благословенны, как люди былые. И это последнее знание излучалось из Учителя-Варра, как свет. Без слов... И поняли то ученики его, ибо с ними, через Учителя говорила Великая Душа - Махатма. И приняли они этот завет.

Среди белого дня стало сумеречно. С дерева осыпались листья. Тишина вступила особая. Учитель Варр воспарил в белых одеждах. В позе лотоса. На уровне глаз учеников. Полетел к берегу океана. Медленно. Ученики шли вслед за ним. Стало прохладно. Учитель повис над водой. На берегу остались стоять ученики. Без видимого усилия Учитель расправился, как лист. Лег на волны. Навзничь. Прозрачная тень полегла на землю. И Учитель поплыл по воде, как сухой лист. Головой на восток. В океан мерный-медный-темнеющий. В этот миг солнце полностью затмилось луной. И никто не увидел, как исчез в океане – индиго Махатма-Учитель. Великая Душа приняла его душу. Солнце вышло из-за черного круга и мир наполнился светом. И вновь стал совершенен... И неизменен... Как и должно быть...

... в чаще, у храма... под камнями... под корнем-выворотнем... короткая густая трава... лужицы-зеркальца... отражают небо и кроны древес... меж камнями, в полугроте мхи... темно-зеленые... дальше – почти черные... в глубине родник сочится крохотный... потаенный... снаружи камень выступающий, большой... опалили его... стал черным... знак пребывания Учителя – Великой Души – Махатмы... может в ином воплощении навестит он это место?.. вот и паучок-вестник выбежал ниоткуда... это к добру, к вести благой...

... Кто-то шептал из тумана:

... Это не горе. Ты его не видел. Это тень горя...

... Не жизнь это. И не твоя. Тень жизни...

... Если влюбясь, не плакал сквозь слезы, то это лишь тень любви...

А теперь подумай о тени ветра...

... В иных кругах смысла летают озарения... Их нельзя лицезреть-чувствовать - понять... Многие круги, в едином круге, в кругах других - закрыты... Даже бог их не может увидеть-постичь. Человеческое чужедальне ему. Он слишком вознесен-высок-недоступен. Люди низменны и тленны. И червями съедены будут. Если не можешь понять сам, не ищи бога... Не можешь сам сделать - не уповай на другого... Хочешь кого возненавидеть-убить, готовься сам умереть и быть возненавиденным и убиенным... Думаешь спастись - плыви... Только не уповай в бессилии на бога. Не суй в суете сущее в сутру... Просто будь, как трава. И расти...

...о стены, стенайте... квадратьте круги... круги окружайте стены...округляйте квадраты... нам нужна сцена ветров вольная- травопольная... стенки одинокого сердца сделайтесь алыми парусами... белыми картами надежд станьте облака... отплываем... берег земной, про-

щай... здравствуй берег равнинного вечного моря.

Как-то, когда среди космической ночи, Гроссмейстер и Лунная Красавица, вспоминали былые дни свои в земном театре, прогуливаясь на своем суверенном облаке сбывшихся упований. Внезапно, Гроссмейстера, стала бить сильная дрожь – вибрация. Он бросил взгляд в нижний, ближайший к земле, космос и увидел, как две свинцово-тяжелые линии стали сливаться в одну. Каждая из них начиналась в своем времени на земле: более древняя тянулась из точки сретенья каменной пустыни и гор, а другая исходила из селения «Длинных деревьев» у подножия Алатау, близ Алма-Аты. И сигнал, и вибрация от них были особой силы опасности, в спектре сверхтяжелых гибельных элементов, угрожающих легким квантам света. Мгновенно сообразив, что слияния этих злых линий нельзя допустить, Гроссмейстер всей мощью своего воображения и внутренней энергии стал лихорадочно заштриховывать их, не давая им сблизиться и создать сокрушительный для гармонии резонанс. Это отняло у него весь остаток ночи и от недавней беспечности воспоминаний не осталось и следа. В конце концов, он смог почти окончательно заштриховать их. Вскоре и в дальних небесах и пространствах восстановилась былая гармония линий-нитей и струн, издающих чистые звуки. И в этот момент, откуда ни возьмись, у края облака, перед глазами Лунной Красавицы и Гроссмейстера, нежданно, явился старый друг, Док-Учитель Танца. Телепатические восклицания и восторги перекрыли зону недавних тревог. Док-Учитель поведал, что сейчас занят постановкой «Балета комет», в одной из галактик, где ему предоставили целый рой комет для кордебалета и две-три Жемчужные Кометы со сверкающими хвостами на премьерные и сольные роли. Док рассказал Калмыку-Гроссмейстеру и о том, что Балерина – наследница духа Лунной Красавицы нашла свое земное счастье в любви и теперь занята тканием-созданием воздушных композиций-токма-текеметов из овечьей шерсти пуховой консистенции. Все трое порадовались этому и уговорились встречаться чаще, если ритмы их второй жизни будут совпадать и дальше. Напоследок, перед расставанием, замолчали... Что же, и во втором небе бывают минуты грусти, ведь ничто земное не может быть забыто даже обитателями звездных высот и дальних небес... Конечно, они были не в силах изменить ход времени и событий на земле, но уповать-то никто никому еще не смог запретить.

38

... отправлять поезда на станции прошлого... вагоны плацкартные-старые... все у всех на виду... не скрыться... остается открыться.. красивая женщина в шелке желтом томится смущением у дверей туалета... очередь длинна... на столиках в купе нехитрая еда, но вкусная-общая... нескончаемый чай и беседы попутчиков длинны-темны-доверчивы... устные дастаны-поэмы о разном-прекрасном-странном и безобразном рождаются прямо из сонма жизни... поэмы о покинувших дом по воле-неволе своей... кто куда... кто в войну, кто в тюрьму, иные совсем – навсегда... полустанок...сходят-смешались... продают-покупают... кто картошку, кто пальто невозвратного человека... встречи с улыбкой-слезой... проводы со слезой и улыбкой... и Арал почти рядом, у рельс... балыки вареные-копченые-с солью... по цене буханки белого хлеба из города... встречать поезда, полные ветра невзгод и надежд... а ты, дежурный по станции, из прошлого в день-сегодня...

И такое происходит и происходит... Исчезают реки-люди скрываясь в подземных руслах-погребах, в песках... уходят куда-то леса – рощицы – деревца... вчера вроде бы еще шелестело – зеленело – качалось, а утром уже нет. Ушли за гору или в какие – другие края. Дубы и камни, то ли с досады-обиды, то ли по иной причине, сами собой выкорчевываются-выворачиваются из земли и ищи потом их невесть где... И откуда только силы берутся у них срываться с корней – с гор. С печали, видно, большой. Наутро смотришь: вместо рощи – пустырь, там, где тек ручей – сохлое русло с темной тиной. На склоне горы видны одни выворотни-ямы, будто снаряды там рвали. Дом пустой покосило весь, словно молнией ударило, сад за калиткой враз одичал, во дворе подвывает – скулит брошенный пес. Конечно, кто-то опять поселится, лес вырастет, да все уже будет не то. И хлеб не так вкусен и вода солона. Порой,

поневоле подумаешь: вот возьму и всем назло не проснусь поутру, чтоб не видеть исчезновения-уходы-ускользания людские – природные. В летаргию что ли долгую впасть, блин?

Думалось и так, но Гевра твердо знал, что теперь он ни одного из воспоминаний своих никому не отдаст. Слишком дорого далась ему та оборона под сценой театра «от сиюминут – мигов – вчера-завтра», а золотая, пусть и тяжелая середина «заплот – миг – сейчас» была спасением. Как ни ранена память, а все лучше больным ходить, чем равнодушным, беспамятным здоровяком, пес его за ногу. Если б мог, то без колебания в один «миг – сейчас» вместил бы все бывшее с ним и другими, и еще догрузил бы мечтаниями-упованиями о «завтра», каким бы тревожным оно не казалось порой. Оставление хороших следов – это искусство. Одно дело след змеи на песке или улитки на листе. Это безвредно-естественно. И совсем другое – погубить пейзаж, изуродовать поселение-город или себя самого, сотворив из себя монстра-эгоиста-извращенца-убийцу-насильника-мегалопитека. Зверя пещерного. Канон гармонии хрупок. Чуть изменишь и получишь хаос. Разрушение. Тонкая паутина бытия – уловитель души и сладостно биение каждое в ней. И вспомнились, яблонно-сочные годы. Пусть порой и с кислицей...

Иссык, интернат. Начиналось второе послевоенное десятилетие, полное солнца-надежды-праздника и запаха хлеба. И этот теплый запах сытости становился постоянным, как утро-день-вечер. Но и увечных солдат никто еще не упразднял на улицах-вокзалах-базарах, и аккуратную чистую бедность не скроешь среди еще свежих победных плакатов. И все же, все же... Почти все детдомовцы были полными сиротами войны. И потому никто из взрослых не позволял себе их обидеть. Эта норма милосердия была принята всеми, как закон природы, нежели пункт устава детдома. Детдомовцы могли быть кем угодно, но только не паиньками, но сельчане терпели их, как стихийное бедствие. Ребят-сирот щадили, хотя могли и строго одернуть, если они переходили грань меж озорством и серьезным проступком. В самом детдоме поддерживалась железная дисциплина, установленная фронтовиками, которые воспитание этих сорванцов рассматривали, как очередное боевое задание и слово «справедливость» было здесь главным. Сельчан, конечно, огорчали набеги на огороды и сады, зато футбольные матчи и спортивные соревнования с участием детдомовских и интернатовских команд служили некоторым утешением за потраву. Спорт был культом, что никак не отменяло стихию драк с сельскими ребятами. Однако, девчонок не обижала ни та, ни другая сторона. Так понималась пацанская честь, сравнимая, разве что, с честью солдата. Летние каникулы скорее являлись трудовыми уроками на природе. Убирать картошку, овощи, стоговать сено для скота в подсобном хозяйстве было, несомненно, скучноватым занятием, но все знали, что та же картошка, капуста, мясо окажутся по осени – в зиму на их же столах и эта житейская необхо-димость принималась всеми, как данность.

И даже теперь Гевра вспоминал то время с благодарностью, часто думая о том, что стало бы с его сверстниками тех давних пестрых лет, если бы не детдом. И если есть сладость в сиротстве, то пусть она будет такой. И от этого душа полна и серебрится. Журчит струей в ручье. Ветром легким летит-шелестит в кронах тех давних деревьев, а в снах все также прекрасны зеленые горы, поля, сельский стадион. А та девчонка, что тронула потаенную струну мальчишеского сердца так и осталась там, в тех годах, улетев нежной бабочкой в свои женские луговые рассветы.

... Юность-поляна травная, рыданье, радость, боль – луговая страна... Тех утр и рос, того пения – дня и вечера - первой грусти не возвратить, но и не забыть. Но пишется и пишется эта теплая книга в тихой келье сердца о том, как ты становился человеком. Свечение – вихрь – ветроворот тех медовых дней уравновесят всю горечь поздних прозрений и бед. Дуновение – одухотворение детское в робкой душе, что сложилась из лепестков горьких, но сильных, выносливых. Это потом ты удвоишься в теле мужчины и понесешь груз забот – работ и пряную тяжесть – радость первой взрослой любви, но ветер - дождь - град той поры нет-нет, да ударят в колокол сердца и он зазвонит тихо. Утешься той щедростью, непрерывным вызреванием добрых плодов и злаков, не утомись до старости собирать незримый урожай, которым и ныне

ты кормишься. Не прекратятся в тебе дожди тех лет, и не кончится день тот огромный и яркий, а радий радости не перестанет проницать тебя насквозь. Это благое излучение, целящее душу уже устающую к вечеру. И-и-и, мои золотые сверстники – дни, где вы теперь?.. Жасмин прост, как юноша. Лилия сложна, будто девушка... Логика, как лотос бессмысленна, если там не воссел Гаутама... В Париже – весна... В Лондоне, привычно, туман... В Алма-Ате грусть. И это лучше всего.

Добрый старый алма-атинский «Брод»... Теперь на его месте пустырь, старый «ТЮЗ» снесли, а периметр жестяного забора заканчивается у спуска в подземный переход, куда боязно спускаться по вечерам, ибо нет освещения. Зев перехода во времена античности назвали бы входом в Аид,где стиксовы воды мертвы и печальны. Увы... так умирают легенды и города. Новые города строятся на кладке кладбищ былых домов. Старые «бродники», мечтавшие о «свободах» и нью-йоркском Бродвее, о «трубочках-шузах-джинсах-твистах-мокасах-ковбойках, о фордах с форсом в «триста сил лошадиных» сегодня могли бы и торжествовать, пожалуй, если бы на то у них были «баксы» и молодость. Увы и эх!.. Археологи ближайшего столетия станут с изумлением откапывать русла-артерии арыков и по слоям несохнущих травных корней гадать о том, какими были закаты тех лет и лица девчонок-чувих алма-атинских, сидевших на бережку струйного арыка на своих сдобных попках, окуная в его воды ножки, ценой «в миллион мерилин-монро». Целая эпоха наивно-стремных дев-целянок утекла по течению тех арыков и будет названа термином «плеврозой», а их сверстники-плеврозавры, обитатели тех первобытных девьих «девонов-эпох – мезозойных чащ» предстанут оттисками-письменами своих глиняных следов в экспозициях музеев, отыграв парочку «рок-н-рольных ролей» на фоне мегазвучия Баха-Курмангазы и став «архи-аруахами» своих бала-немере-немене-потомков. Возможно, только дивные горы Ала-Тау, как окаменевшие пестрые яйца куропаток, будут все так же бесстрастно и остроглазо смотреть на тминные дымные степи, не зная о том, что это лишь фитодизайн и травы там давно не пахнут. Вздохнем, пока горы не навалились нам на грудь...

... хладные воспоминания не стоят теплой ласки мгновения и легче отдать последнее колено ради пары фигур твиста, чем костылять тезисом «...де жил и я...» Один гейзер любовного порыва лучше ста вулканов с отстывшей лавой малодушия на склонах. Как вернуть тебя, мой город?.. Настоящая любовь, как холодец, который дрожит, пока бьется сердце... У этого блюда всегда отменный вкус. Чувствовать – это все равно, что оставлять следы на песке побережий бурного моря. Скейт-борды никогда не станут лыжами, оставляющими след на девственном снеге мужества. Дерзайте... Шесть случаев разочарования оправданы седьмым чувством печали. Жизнь одинаково щедра и к тем, кто прожил год, и к тем, кому семьдесят. Даже жестокая роскошь жизни лучше бледного света дальних звезд... о чем это? о том - неком, кто все сказал молчанием глаз перед смертью – «Я это видел... и жил...». Кому бы я мог посмотреть так в глаза, когда придет мой срок? Втуне, думается и об этом.

Порой лучше не понимать, в каком времени живешь. Все равно многие вещи случаются, вопреки нашей воле и нечего ломать себе голову над тем, что сеется вокруг, когда можно заняться тем, что внутри. Конечно, если там что-то еще осталось.

Прежде чем лезть в себя, полезно представить себе темный и влажный лабиринт, включая весь кишечник и запутанные коммуникации вен и артерий. Про мозги и говорить нечего. Они хороши только в спиртовом растворе, промытые и гладкие, а живые и действующие под черепной костью, они чудовищны и коварны. О, сколько добрых наивных мыслей запуталось в этом темном лабиринте, так и не успев изойти наружу в виде улыбки, поступка или чувства? Сколько иных дерзких проблесков ума так и остались в глухих тупиках мозга, одичав и отчаявшись там окончательно, в тенетах нейронов и капилляров, медленно вырождаясь в злобные мысли-фантомы, насыщаясь ядами химер ненависти и особого изуверства, измышлять убийство, что было несвойственно даже диким зверям-хищникам? Иначе б откуда взялись бы людоеды-монстры зла – садомазохисты-насильники всех мастей, педофилы-любители невинной детской плоти? Эта преступная нечеловеческая братия получает удовольствие от

зрелища того, как в глазах ребенка полыхают мутные огни первобытного страха и серые отблески безумия. Так вырождается-выжигается-изгоняется душа и несчастный ребенок, так и не став еще человеком, вынужден совершить мучительный чудовищный возврат в свое звериное изначальное прошлое, в логово голых инстинктов, в плотоядство, в бездумие бессмыслия, в немочь немоты.

Стоит только представить себе, как он (по виду еще дитя) вновь втягивается-всасывается в узкое змеиное тело, холодно блестя глазами и раздваиваясь ядоносным жалом-языком или вползает в роговой панцирь крокодилий и учится омерзительной науке пресмыкания, бесстрастному искусству ждать у поверхности грязного рясного болота своей блеющей жертвы – прекрасной тонконогой лани или того же неосторожно купающегося человека. И вы увидите истинный лик крокодилопитека, со страшной кривозубой улыбкой разрывающего кричащую кровоточащую плоть, дотоле бывшего существом совершенным. ...Зоопарк людской... тысячи обличий зверства и неисходной тоски... гримасы и ужимки обезьян с красными задами, вывернутыми вагинами и фаллосами... леопард, утерявший вдохновение погони... порно-фильмы зообытия и зебра рядом с бесполосной лошадью Пржевальского – сестры по неволе... Нет спора, что пластика черной пантеры может быть эталоном красивого движения, но вглядитесь в желтую тьму ее глаз и многое вам увидится иначе. Проще ненавидеть отвратительную гиену с приплюснутым черепом... Включите воображение и поместите ее в вонючую утробу человека с его-то мозгами... Получите чудовище-гиенопитека разумного, убийцу и людоеда обыкновенного в собственной человечьей стае... в геенну-гиен, все это, в мать вашу шакалью... А потом поклоняйтесь какому-нибудь каннибалу люциферному, андроиду-гитлероиду или изощренному психопату-политику – Буш-мену, давшему благословение на производство самонаводящихся снарядов (которые, возможно, уже летят к твоему дому)... Смотрите мощный блокбастер о собственной и планетарной погибели. Слушайте вопли и крики своих близких и соседей по земному кварталу в виде новостных программ ТВ. Смотрите, слушайте, блин, бля, блюз...

...лук-тетива-стрела... корень-стебель-бутон... человек-мозг-мысль... основа-натяжение-полет... полет-бабочка-конон... все спектры хороши, кроме мертвого...

...Вотще, ясная лазурь неба располагает к безмятежности, но то было давно, а ныне оттуда непрерывно звучит тремоло тревоги и тщетно глушить мысль о возможности того, что там уже летит стелс-невидимка и пилот, повинуясь показаниям приборов, нажимает на кнопку-гашетку и вниз, к нежному полю жизни уже летят самонаводящиеся сверхточные снаряды – акулы и грядет неотвратимое «бум-разрушение-гибель», в то время, как невозмутимый пилот видит на бесшумном электронном экране видео-шоу взрывов и слышит в наушниках голос из центра управления... «цель поражена, улетайте»... «о, кей» - отвечает пилот и отворачивает от горящего поля смерти, а по ТВ, втуне, как приправу к еде вкушаем новости, а в соседней комнате, наш малыш на компьютере бомбит «вьетнамы-ираки» и счастливо смеется, поражая цель за целью. Тщетно думать, что все это изменится, хотя порой и буравит сердце мысль-предчувствие, что где-то, очень и очень далеко, за далью небес земных, время грядущее неумолимо сжимается, боясь допустить в себя настоящее, текущее на земле время, и остается, пожалуй, лишь вариант развития – продолжения жизни назад, в прошлое, в дикость, в первобытное состояние зоожизни в открытых зоопарках мегаполисов среди свободных зверопитеков... вотще суета и грустно втуне...

39

Предание о Первых Вестниках Атай слышал еще в Школе Навигации... Вестники были всегда, с тех пор, как сотворилась вселенная и зачалась жизнь на земле. И надобна стала Весть. И тот, кто ее донесет. Изначально Вестники состояли из кванта света и еще трех первоэлементов: *инния, динния и ванния*. Лишь много позже появился пятый элемент и обрел человеческий образ и плоть. И сущность Вести стала иной. Так явились вестники-люди Предназначения. Ведь, чтобы нести Весть – вещь невесомую и вместе тяжелую, надобно было иметь

прирожденное свойство понимать и проницать, и лишь потом уже обрести мужество и особый дар возвещать Весть. Сеять семя Смысла и Цели. Много позже, уже к концу Эры Водолея были открыты те перво-элементы, по праву занявшие свое место в системе Менделеева. Оказалось, что «инний» хранил в себе субстанцию абсолютного холода и тьмы, «динний» можно было назвать носителем веры, а «ванний» олицетворял собой элемент сотворения. И вместе со светом, эта триада элементов, в неистовом борении меж собой, собственно и создала жизнь на земле, а потом и самого человека, а потом уже встроилась в его физиологию. Так появились Вестники уже земной истории. Ведали Вестники и о таинстве Слова, дабы облечь в речь весть благую и весть горькую. Ведь они были родом из пространства-времени дословесного, знали весь ужас Пустоты без смысла, без границ и вещественной осязаемости, которую могло заполнить только Слово. И потому несли они пещерным диким людям знаки-знамения Слова, открывая им связь явлений: молния-огонь-гром-дождь-град-снег, ибо также трудно будет потом освоить цепочку слов, составляющих Речь, ибо лишь овладев этим космическим даром, люди смогут достичь озарения, укротить ярость и гнев, развеять сомнения и объяснить природу того странного беспокойства, которое затем назовется словом – Любовь. И эта наука была так трудна и столь мучителен был путь из дикости, что люди издавна невзлюбили Вестников, поносили и гнали от пещер своих, а порой могли и убить, коли черной казалась им Весть. И тогда в уста возвещающие корень корявый-вывороченный вставить могли, камнем голову расколоть-раскроить, а то и в огонь бушующий бросить. Знали человеки дикие о кротости Вестников и не боялись их, но и Вестникам страх был неведом, ибо есть у них Назначение и помимо оболоки-плоти человеческой, состоят они из света и мятежной триады перво-элементов вселенной: инния – динния – ванния... Так гласила легенда.

Чудовищная воронка космоса вращалась с нарастающей скоростью и втягивала в себя земного Вестника-Навигатора Атая. Сейчас в нем активизировались все три первоэлемента: «инний – динний – ванний», которые в соединении со светом обладали способностью проницать время и пространство с невероятной скоростью, превышающей всякое воображение. Законы физики здесь теряли силу, а гравитация и невесомость вступили в такую высшую взаимосвязь, отрицающую понятие бесконечности, а тем более земные предрасудки о непреодолимости вселенной. Собственно, это была (только в ином, неизмеримо умноженном, понимании) скорость Мысли. На этой стадии полета к окраине вселенной, Атай-Навигатор существовал чисто теоретически, в режиме суперсновидения – физического небытия и мог пребывать в любом времени, или в нескольких – одновременно. И Атай видел...

...Племя Коня стояло у самого края горизонта. Тысчелетнее кочевье завершалось. Первовсадники настигли горизонт. Смуглые – скулые – снулые – смелые. Мужчины, женщины, дети. Они стояли прямо у кромки неба, которое здесь было черным. Кони высокие – жарые тревожно ржали, покусывая удила. По этой черной равнине нельзя было скакать. Первовсадники молчали. Немигающими глазами, наученными смотреть против ветра, смотрели они теперь за край горизонта, натянутый, как тетива, на луке. Но стрел не осталось, а мысли летели обратно. Туда, откуда они пришли... Им вспомнился день, когда они покинули селенье у гор, оставив за собой круги пепла. И дни другие помнились им...

На первом большом привале осмотрели то, что имели. Грудастых коней с гнутыми шеями и гусиными головами. Выточенные ветром, ждали кони, пока снимут с них искусно витую-плетенную сбрую из коноплянных-пряных веревок и накидки из тонкого войлока. Мать-кобылица уже вела прытких жеребят к водопою и влажным травам. Ласковым ржаньем перекликались.

Женщины шалашики из соломенных циновок поставили, из плоских каменьев очаги спроворили. Вскоре, ковыльными венчиками дым потянулся из них. Девушки за мелкой заботой, смеясь, ожерелья из цветных камушков, перебирали на шеях точеных и, таясь, быстрые взгляды (черных-карих-зеленых- в крапинку глаз) бросали вслед гибким юношам, разбиравшим колчаны-конусы со стрелами и деревянные луки. Мужчины, оправив накидки из вывернутых шкур на плечах и амулеты-накладки из высушенных медвежьих, рысьих и волчьих лап на предплечьях и запястьях, собрались на охоту, взяв дротики, пращи и кремневые ножи заправляя за пояса.

Дети со смехом побежали шалить и купаться в ближнем ручье. Травы, кустарники с ягодами, купы шелестящих деревьев, отмель речная с камнями-окатышами, юркие рыбы в струе - всего в изобилии было, доступное рукам и уму и охватное глазом...

На переходе втором стало много шумнее. Тяжко скрипели телеги с воловьей упряжкой. Свистели бичи ременные в руках у возниц. Угрюмо верблюды брели со скарбом между горбами и плевались брезгливо на суету, брань и крики людей. Кони грызли железные удила, били копытами в железных подковах, глухо бряцали стремена, свисая с кожаных седел. Ржали кони во гневе и косили дико глазами на метки-тавро на крупах своих, тоскуя о воле былой.

На стоянках ворчливые бабы, укутанные в платяницы и шали, ставили круглые кошмяные юрты-дома и таскали тяжелую-многую утварь в сундуках и кошелях. На треноги железные служивые парни водворяли котлы закопченные, отирая грязные руки о грубую ткань штанов. Протяжные песни затевали томные девушки, звеня длинными тяжкими подвесками, изредка- резко-небрежительно взглядывая на парней, озабоченных службой. Тех, что резали скот у котлов. Густо пахло кровью и потом. Мужи разбирали доспехи и оружие острое-дробящее-летающее и садились поодаль от прочих, обсуждая набеги и поживу из блестящих камней, гладкого шелка и желтого металла, который можно хранить и в воде. Разве что, дети были все также беспечны, забавясь военными играми, деревянными палками вместо мечей. И ночи стали наступать быстрей и тревожней, чем прежде, и все меньше было свободы у коней и людей среди многих вещей и забот, и все медленней совершалось кочевие-шествие.

О, дева-грусть! О, женщина-печаль! Ах, кифара-домбра... О, мифы мои, настигающие меня лишь теперь. Прощай мой младенец, покинувший седло-колыбель...

40

Молва о святом отшельнике, который добровольно сошел в могилу еще живым вскорости облетела соседние деревни и селения, пока не дошла до настоятеля храма (прежнего государя), принявшего постриг и возглавлявшего в те годы секту «Чистой Земли-Икко». И он пожелал присутствовать при вскрытии ямы, своими глазами увидеть то, чему все же не верил до конца. Кроме того, это стало поводом для посещения северных княжеств, где поднимали новь. Под таким благовидным предлогом, чтобы не встревожить двор двух сёгунов в Камакуре, и двинулся прежний государь в путь.

Стоял ясный-теплый-зимний день. Императорская процессия медленно поднималась по тропе, которую к его посещению расширили, прорыв длинную пологую лестницу с широкими ступенями, чтобы удобно было нести паланкин с прежним государем, а ныне – настоятелем храма. На вершине горы светились сосны-свечи и поневоле возникало ощущение истечения вечности. Шум моря, доносяшийся снизу, вторил голосам молящихся монахов. Когда вскрыли помост и открылась ниша, все благовейно опустились на колена и склонили головы. Святой отшельник и после трех месяцев подземного уединения сидел, как живой, лишь чуть наклонившись вперед. Настоятель – прежний государь, несмотря на свой высокий сан, тоже поневоле склонил колени, потрясенный увиденным. Глаза святого, будто два янтарных ока смотрели поверх склоненных людей и видели то, что находилось бесконечно далеко отсюда. Прежний государь молился до тех пор, пока не прорыли канаву к обрыву и не сделали новый помост над ямой и канавой так, чтобы святой был всегда обращен лицом к восходящему солнцу и никто снаружи больше не смог потревожить его покой. Прежний государь-настоятель распорядился возвести над местом упокоения-отдохновения святого от бренной суеты часовню-пагоду, назвав ее «Чистый приют». Затем он щедро одарил селян, наказав оберегать это священное место. Когда все удалились, случилось неприметное чудо. Та самая сосна на краю мыса и впрямь наклонилась на время и увидела, наконец, пенную кромку прибоя под горой.

Последнее, что видел Отшельник в полной темноте своего добровольного уединения под землей, на вершине утеса, обращенного к восходящему солнцу – была тонкая полоса света, свитая из нитей-лучей и похожая на висячий мост над бездной. На другом краю светящего

моста, в бесконечном далеке появилась Сайко, такая же прекрасная, какой была в прежней жизни и помахала Кену – своему возлюбленному мужу рукой. И улыбалась. Живая. Кен-Отшельник встал, благоговейно поклонился и пошёл к ней навстречу. Вчуже он подумал, навсегда покидая земную обитель слез и упований, что они с Сайко уподобились в своих новых воплощениях мифическим супругам: Идзанаги и Идзанами до их вечной разлуки, и теперь им – Кену и Сайко выпал случай сотворить сей бренный мир заново и не разлучаться больше никогда...

...крылья вечной бабочки тонки и радужны... воплощение трепета и восторга... думалось... отчего дано слепой и жалкой личинке стать прекрасным существом-бабочкой?... может, та же судьба выпадет однажды, и червю могильному, ещё не начавшему свой скорбный труд и он вылетит из тела человека, до смерти его, радужной бабочкой, подобно исходящей душе и обретет человек вечную жизнь ... полет бабочки и радуга надежд на крыльях её...

...если некто тебя вопросит: – что ты несешь? Что за чушь такая тень ветра?... Отвечай: смотри, колышутся травы... плывут облака... волны на море... птицы летящие... шелест листвы... волосы бегушей девочки... цветы, что качаясь росы роняют... трепет белых простыней высыхающих... змей, запушенный мальчиком... дыханье влюбленных, когда стоят они на просторе... веер страниц книги, забытой в беседке... крылья мельницы и запах молотых зерен... косые дожди... кружащийся снег... скрип калитки... поющий камыш... да, мало ли что, если смотреть повнимательней увидишь тень ветра... грустно одно: ветер, тень оставляющий всюду, сам остается невидим...

Гроссмейстеру, спавшему рядом с Лунной Красавицей на мягком ложе белого облака во втором небе, снился необъяснимый сон...

...будто бы он ненароком оказался в бескрайней опочивальне Некого большого господина, чьим владениям не было конца... опочивальня была так необъятно-огромна, что происходящее виделось лишь частично-разрозненно-смутно, но... все же срединно, т.е. промеж или, возможно, глубинно-утробно... если сузить в фокус обыкновения разрозненно-раздробленные-фасеточно-разъятые фрагменты одного действа, то могло видеться следующее... гигантский квази-хорр, содрогавшийся от гипер-эрекции отчаяния и антигравитации приближался к сияюще-черной дыре в эпическом центре юной галактики, чье фантастически-прекрасное тело было распластано в таких неслыханных далях, что увидеть его мог лишь Тот, чей грандиозный квази-хорр-супер-фаллос уже вонзался в устье неизъяснимо-нежного лона прекрасной юной галактики... Некто Тот, кому предстояло быть Надстоящим, в тысячелетиях нестерпимых мук сомнения решился заново сотворить сей мир, провидя-видя-понимая свои ошибки от сотворения, ибо мириады людских заблуждений оказались, в сумме своей, сильнее его воли-хотений-упований надвышних... и он, Надстоящий, решился вновь возлюбить и сотворить новое зачатие жизни... вселенная качнулась и стала вибрировать в такт незримым-необозримым фрикциям этого уже неостановимого надбытийного акта...

...Объятый-одержимый нескончаемой любовью своей, Осьмихорр, ставший во второй своей жизни-ипостаси Осьмикосмом, он же-светожор-звездоед-пантократор Неведомого, решил заполнить новым семенем надежд последнюю из пустот вселенских, пока еще девственна, юна и плодна была прелестнейшая из всех его галактик...*чем кончится его супер-оргазм незримый гигант-Осьмикосм не задумывался, ибо сейчас был озабочен-увлечен своим любовным надстоянием над застенчивой девственницей-галактикой... лились и лились звуки вечной гармонии из органа высоких небес...*

Гроссмейстер, проснувшись, забыл свой дивный сон и предался долгим мечтам-упованиям, пока его Лунная Красавица собирала невесомые явства на облачных лугах второго неба, в минуты своего кратно-краткого нескончаемого теперь счастья... хорошо быть любимой и любящей женщиной даже в зыбких просторах второго неба...

...а, быть может, надо отменить на время года високосные и набрать лишнюю сотню лет для размышлений о веках ушедших и грядущих, и назвать это столетие веком «Никто-Нигде-Никогда». А?.. т.е. веком «Неубиения Никого Никем». А?..

...Если осень тебе в глаза посмотрела рано утром со значением и вызвала в сердце жжение, значит: она твоя любимая женщина и будешь ты ею возлюблен и пьяным и трезвым, иначе зачем бы ей просыпаться так рано и отряхивать сны со своих багряных ресниц... на сердце ее золотом из багряни есть свои незажившие раны, но шепчется так: – *Ждет тебя пир увяданья. Проснись... день твой каждый люблю я, милая осень, и, пожалуй, не стану тебя попрекать... спозаранок начну жить я сегодня, не успев забыть вчерашний закат... знаю и то, что бываю порой безрассудным, сам к себе временами беспощадно-жесток, но твой взгляд, как бальзам, для меня в это утро и все беды мои отпадут, как увядший листок... я люблю тебя, осень, спасибо тебе за дары на исходе моем.*

Вселенская вишня зацвела. Ее розовые совершенные лепестки и были той самой зарей вставшей на самом краю всех миров. Цветущая нежнейшая оболока, невесомая и легкая. Эта вселенская вишня, она и только она, охраняла теперь мировую душу и вливала в нее новый свет, благоуханный и чистый нектар невероятной прозрачности. И видеть ее было дано лишь двум из людей, чья любовь могла проницать самые невообразимые пугающие пространства. Земная женщина Одиноя и вестник земной Атай, летящий к вселенской цветущей заре, спасительной и овевающей неслыханным благоуханием все миры, видимые и невидимые, все вещи осязаемые и вещи, стоящие за гранью восприятия, все элементы и сущности – физические и мега-материальные, дабы спасти самое великое и хрупкое, что есть в этих мирах – Любовь.

И ее единственного источателя – Человека. И Атай – Вестник и Одиноя-Упованная хранили в сердце и памяти священную легенду былого времени, любовь своих пращуров – Балерину и Гевру, которые не были сломлены никакими лишениями-испытаниями-огорчениями на стыке эр Рыб и Водолея, в середине степей, в равнине равнин, травной-обширной и равной им самим. И ими посаженная цвела теперь Вселенская Вишня и ими зажженная встает Вселенская Заря... И Лазоревый Ангел – дитя их любви.

Эмбрион в середине вселенной зашевелился. Т.е. в «плашке». Гевра только сейчас вразумился. Плашка открылась. Он торопливо собрался и поехал домой, горя нетерпением. Когда Гевра вошел в квартиру, Балерина сидела за полотном и занималась шитьем. Он подошел к ней и, смиряя волнение, сказал:

Знаешь, ты меня прости. Я в последнее время слегка запропастился. Но завтра я покажу тебе одну вещь. И ты поймешь все и простишь.

Балерина подняла голову. По ее бледному лицу текли слезы. Он упал на колени перед нею:

Что случилось, родная?

Ничего. Я все тебе прощу... У нас будет ребенок...

Два человека – мужчина и женщина, смотрели в глаза друг другу и плакали. Они были счастливы. Это неплохо, когда столетия и тысячелетия заканчиваются такими слезами.

...Космический пес рванулся с места и вновь погнался за неуловимым последним зайцем.

...Тонкая пряжа ...легкая стружка... Вещи простого...

...бдения средь грез... момент истечения флюидов души... и это тот случай когда нужны стражи сознания... иначе некий может похитить нежные грезы... самые лучшие в тебе упования... предтеча свершений... мелодия сердца и сокровенное слово... вероятно, оттого и дети порой просыпаются жестокими, что утеряли они сокровища грез-упований... на стыке моря с землей следует быть осторожным... в зонах прилива-отлива размывается грань меж человеком и рыбой, и можно стать земноводным... стираются видовые различия... паук превращается в краба... безобидный водяной уж воплотился в гадюку... людолюб в людоеда... трансформации акул в птиц не исключаются... также опасно соседство чащ с полянами... вещи простого теряют ясность... чащобные тайны гротескны перед обнаженностью полян... реальные вещи грезо-убийственны... трансвестит понимает свою ошибку, но поздно... лучше б остался природным... гениальная генеалогия мужчин и женщин должна оставаться чистой... как ни крути, парапланерист лишь пародия птиц... женщина – гнездо вселенной... мужчина – луч и щит... если не в той шкуре родился, то лучше страдай... страдания - те же грезы... они просветля-

ют... упования любви божественны, но сама любовь - вещь грубая и земная... различай... так же опасны средостения гор и равнин... снег вершин быстро тает в долинах и становится грязен... луговые ромашки не для эверестов... там голый камень без лепестков... не тщись быть поэтом, зарабатывая деньги... снежный барс на лугу – нелепая пестрая кошка... прибрежная зона - батиаль океана-сверх-плодородна... в сравнении с ним побережья пустынны... в лучшем случае, они - банальные пляжи... если влюбленная степнячка поет песню «Камажай», то она для нее – «Камасутра»... похотливый мужик ей не подойдет... вот почему важны стражи сознания... они бдят нас средь наших же грез... если следовать простым правилам предосторожности, то все упования сбудутся...

Четверо Предстоящих оглядывали нижние земные просторы, но глаза им застилала пелена смущения и растерянности, ибо Надстоящий над днем и вечностью не призывал их к себе и потому не могли они поведать ему свои мысли и наблюдения над человеками и дать некие рекомендации по улучшению людской природы, сотворенной из огненной плазмы страстей животных и безумной надежды обрести покой в непрестанной работе ума и души. Предстоящие смиренно и терпеливо ожидали, что их призовут из их долгого удаления-отстояния, и размышляли о деяниях Надстоящего и его высокого Замысла о бытии земном и вечном... Надстоящий молчал...

Мириады бабочек враз поднялись и полетели. Большие, обычные и совсем крохотные. О!.. Колоссальное, во все небо, многоцветное летящее Совершенство!.. Вот, что это было такое. Вскоре они – скопление бабочек – миновали земное небо и стали стремительно удаляться. Теперь они казались единым гибким крылом, некой аэродинамической сущностью, а точнее – осуществленной высшей субстанцией. Впрочем, так оно и было. В каждой из бабочек: радужных-пестрых-черно-оранжевых – в прожилках серебряных – багряных – с подпалиной – голубых с алыми проблесками – сине – жемчужных – с глазом пронзающим – сиренево- лиловых по краю – в центре пылающая охра – знак солнца... в каждой из бабочек, собравшихся в сонм, хранилась душа человечья в коконе-тельце, душа всех человеков, когда-либо народившихся и живших здесь, на земле, мириады душ неповторимых, каждая со своей судьбой – кармой – мукой – сиянием – скорбью – радостью – сомнением – сокрушением – вдохновением – чаянием – любовью, и каждая душа, когда бы не изошла она из человека, была неповторима, как узоры на крыльях этого сонмища бабочек в неисчислимом множестве форм и красок... и вся эта, летящая за пределы земные, феерия: гибкое-тонкое-светящееся-стремительное совершенство, имела одно на всех великое и трепетное Упование, и несло это Упование к престолу Надстоящего над сущим и незримым, чтобы Тот через одно только это Упование понял, чего хотят люди, еще живущие на земле... Мировая душа улетала, однажды, под утро, когда на поля выпал иней..

К о н е ц

2008-2009 гг.

Шота БОСТАНАШВИЛИ

Shota Bostanashvili
Poet, Architect, Sculptor
Georgia

Shota Bostanashvili born 1948 in Tbilisi, Georgia.
1972 graduated from the Institute of Architecture at the Georgian Technical University.

Academic background:
professor, International Academy of Architecture Moscow branch, Russia 1995;
professor, International Academy of Architecture, Sofia, Bulgaria 1997;
Full member of International Academy of Architecture of Eastern Countries, Baku, Azerbaijan Republic, 1999;
Full member of International Academy of Architecture Moscow branch, Russia 2001;
Professor, Institute of Architecture, Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia 2002.
Ph.D. in Architecture, thesis on Philosophy of Architecture, 2008.

Professional employment:
Architect-technician, Georgian State Institute of Design, Tbilisi, 1966 – 1975;
Architect, leader of architectural department, design office of Institute of Architecture, Georgian Technical University, Tbilisi, 1970 – 1990;
From 1978 to present teaches at department of architecture, Georgian Technical University;
In 1988 founded the studio-workshop "Poetics of Architecture", a subject matter that introduced a metacultural discourse in the Institute of Architecture.
In 1991 the works of "Poetics of Architecture" were included in the catalogue of Bienalle of Venice;
Many of Shota Bostanashvili's students received international awards for their diploma projects.

Organizational Memberships:
Union of Architects of Georgia, Tbilisi, 1995;
Georgian Jews material culture Foundation after hebrewist Nisan Babalikashvili, founder, 1990.

***Publications**:*
"Palace of Ceremonial Rites in Tbilisi", 1985;
"The architect Richard England", 1987;
Manifest of Poetics of Architecture, 1991;
"Methodics of architectural copmosition and design", 1993;
"Architecture of Synagogues and Jewish graveyards in Georgia", 1998;
"Conflict of boundaries and boundaries of urban conflict", 2003;
The poems; deconstruction on theme: Water (2004), Fire (2005), Air (2008);
Numerous articles and interviews.

Projects:
Highland villages of Khevsureti, Georgia: Khakhmati and Biso, 1971 – 1973; with arch. V. Davitaia
Memorial "Memory Temple", Mukhrani, Georgia, 1975;
Memorial to the victims of war "Cube of Memory", Senaki, Georgia, 1975;
with sculptor V. Melikishvili and arch. G. Gegelia
Memorial to Labour, Kutaisi., Georgia, 1976;
Palace of Culture, Poti, Georgia, 1976;
Maltakva park planing and sculptural forms, 1986;
Bakery in Tbilisi, 1983;
Memorial for Smolian city, Bulgaria, 1987;
An Actor's House, conceptual project, 1987;
A memorial to the outstanding hebrewist Nisan Babalikashvili, Tbilisi 1987;
A project for the memorial to the victims of 9 april, 1990;
Music school in Tbilisi, (competition project), 1990;
A Concept-Project "Square of Liberty', (six variations), 1992;
Restoration of the synagogue in Oni (damaged by earthquake), 1992;
A living house in Tbilisi, 1996 – 2000;
Palace of Poetry, (a building-sculpture sculpted by the author himself), Tbilisi, 1997 – 2003;

Honors, Prizes, Awards, Who is Who listings:
A prize for best diplom work, Saint-Petersburg 1972;
First prize, young architects' creative competition, Moscow 1981;
Georgian State Award, Tbilisi, 1983;
Award of World Biennial of Architecture, "Interarch 83", Sofia, Bulgaria, 1983;
Award of World Biennial of Architecture, "Interarch 85", Sofia, Bulgaria, 1985;
A Diploma of Academy of Arts of URSS, Moscow, Russia 1987;
Grand-Prix "Best building for the year 1987 in Soviet Union", 1987;
First Prize, International competition-cruise "A Space for XXI Century Civilisation", Venice, 1988;
Oder of Honor for great Contributions in Architecture, 1998;
First Prize laureate for "Palace of Poetry in Tbilisi", International Associacion of Unions of Archotects, Moscow, Russia 2003.
Biography included in the "Contemporary Who's Who of Professionals", American Biographical Instute, 2005.

Инструкция:

1. Жирные слова содержат воды. Они перетекли из грузинского. Эти слова из одного водяного чрева.
2. Водоговор – это не говор воды и не говор о воде.
3. Водоговор – это говор самого слова, его сказ и его показ чередованием графем и фонем – В, О, Д и разных афиксов.
4. Здесь слово говорит и выставляет себя, свои грамматологические возможности.
5. Я не помещик, а помощник языка в его непрерывном желании экспликации – экзрозиции

P. S. Инструкция (здесь она же конструкция - деконструкция) способствует открытости текста.
Текст приглашает!
Ша Ба

Водоговор

(Подстрочный перевод с грузинского языка автора)

- Что происходит, что за известие, *1*
(*вариант:* В чем дело, какая весть,) .
что за разговорный бум? *2*
(*вариант:* что за бум говора?) .
- Это китайское известие (дело), *3*
стена китайская, *4*
великолепная, знатная, представительная, *5*
как бы невидимка, *6*
как мое шуршуние (шорох; шепот)... *7*
Что за вести-известия?
Что за бум разговорий?
Тонко-шелко-прелестное
бесконечно-китайское
невидимо-надменное:
как шуршание-шепот,

8 В ***з***одчестве поэт прибудет! (будет предшествовать!)
9 (Зодчество подразумевается конечно, не поправляйте).
10 Земля завоеванная проектировщиками-прагматиками, ждет спасителя,
11 как ***воды хаоса*** – то первое слово.

«Поэт – зодчий?». Образ, забитый в постмодерновый угол. Причем, тупой.
Но ведь и вправду:
на вранами изразумленной Земле моей Поэт – самый безумный Созидатель

12 День одневел и ночь оночела...
(*вариант:* и был день и была ночь...)
13 Прошли (протекли) многие ***воды***
(*идиома* - время прошло немало),
14 многие язвы и болячки (раны),
15 и больше благовещаний,
16 много или мало походили...

И был день, и прошла ночь
И воды омыли многих,
Многие язвы навеки укрыли
И вестью благою – водой ключевою
Приходили
17 Многодетное слово ***вода***:
18 ***Вод***олей – ***вод***овоз;
19 ***вод***янный – прекрасный и стройный (опрятный);
20 Без***вод***ный, ***обезвоженный*** и ***неорошенный*** (неполивной) управляющие пустынями, (*вариант:* распорядители пустынями),
21 ***вод***онасыщенный – рек, озер, морей и оазисов – их отпрысков;
22 ***Бедный - жалкий***, ***уязвимый***, ***несчастный*** (унесенный ***вод***ой),
23 ***милостливый, красноречивый*** и стоящий в воде – ***вод***янный,
24 проклятый – ***неполучивший благословение*** и ***немилосердный*** – все человечество.
25 ***Сколько воды бы не проходили (утекали), их вода не очистится*** (*идиома*);
26 Во главе метафор ***воды*** стоит бог – ***милостивый***;
Многодетное слово ***вода***:

18 «***Вод***олей – ***вод***овоз» - с***вод***ные братья;
19 ***в*** присутствии Единого пречистого и милости***во***го
Камлающие над рождением женщины ВОД

27 Кажется это космогония сердцеистощающая (надоедлива),
28 В мыслях какого-нибудь нов-нового молодого Вермера (или для легко-уязвимого, ранимого);
29 Наверно вышел из того возвраста, процежу – свое буду говорить;
30 По водам поброжу, то по ту сторону вод пройду, то по течению вверх взойду.
31 ***Моросит***, ***вода*** на сцене*...
32 ***Берег воды***, ***хорошее место для рыбалки, тоня – то место, где сети ставят и место тех, кто сети ставят.***
33 ***Милость*** дивная дама в доме водочадцев;
34 милость горе за чужой бедой (*Саба*).
35 Тоска, скорбь, печаль не чал для радости,
36 и когда это дело чужая неблагая весть,
37 то к ***воде*** – к ***милости*** тянет нас такая грусть.
38 Горе – (печаль, скорбь, тоска, грусть) – чужой язык – *Саба.*
39 Образность печального рыцаря и беспричинная тоска – печаль
40 рок поэта. Вот это письмо пропало, затерялось...

41 Утратила вселенная, письмо потеряла!
42 Сколько труда (работы, усилия) ***в воду кануло***... (*идиома*)
43 Кто удосужился всё сначала начинать.
44 Унесла лодку ***Вода***...
45 Вселенная утратила печаль -
46 - ***развеяла*** печаль.
47 Настоящая одержимость отпрыск печали,
48 и герой от горя.
49 Тоска ***водораздел*** быта -
50 притаенный, притихший, умолкший; (молчаливый, безмолвленный)
51 ***милость*** (следственно) спокоенная и ***пресная вода,***
52 первозданная -
53 инная изскусность припрятанная бережливо, нежная и царственная.
54 Только ***синица*** летит над поверхностью ***воды***...
55 (***Синица*** это птица – Саба приказывает, гласит)**
56 И ***водораздел*** – ***разделитель вод***.
57 А ну ка, камешек взлетай над ***водой*** – глагольствуй ***воде*** -

58 в ответ лап! и ***на воде*** начертанная круглая черта,
59 потом все больше и больше..,
60 Всего на нессколько мгновений...
61 Еще один камушек, еще один лап! и
62 та же притча, та же быль,
63 та же басня, сага,
64 та же словесная пыль
65 во! да – во! нет (и есть и нет).

*сце*на*, *ена* - язык (груз)
** Синица и водянистый в грузинском одно слово (т. е. водоговор это и крылатое слово)

Отцу

Здравствуй отец!
Поздравляю
с днем рожденья,
уже с сотым.
Посылаю тебе
небо, мной
выжитое почти,
выжатое с потом;
а потом –
землю малую,
мою, конечно;
конечно и луч
вечного света,
что я собрал,
(коль не соврал на свете).
Ещё сорвал
тебе я звезды,
и месяц чуть-чуть,
чуть-чуть и солнце,
и воду
с моего колодца,
что орошает
воспоминания,
но и знания,
чтоб память не мять
(имею в виду).
А зато, посылаю:
дерево
и его
лужайку,
цветы и колосья
из нутри
моей, нетертой –
– те, не как чужие -
тебе-то знать.
И вот, опять
все очно: доста-
точно и места
и прочно в чемодан,
чему и дан,
дань донести:
ягнят моей палатки
и все, что там посеяно
(все это – наши порядки)

и рыб моего бассейна

и птиц,
небось, небесных,
ашь деревянных,
из моих темниц.

16.09.10

У/ЛИЧНОЕ ДЕТСТВО

нотариус
отариус
тариус
ариус
риус
иус
ус
с
мастерская
астерская
стерская
терская

аптека	*ерская*	
птека	*рская*	
тека	*ская*	*духан*
ека	*кая*	*ухан*
ка	*ая*	***хан***
а	***я***	*ан*
магазин	*поликлиника*	*н*
агазин	*оликлиника*	*милиция*
газин	*ликлиника*	*илиция*
азин	*иклиника*	***лиция***
зин	*клиника*	*ция*
нн	*линика*	*ция*
н	*иника*	*ия*
столовая	*ника*	***я***
толовая	***ика***	*госиздат*
оловая	*ка*	*осиздат*
ловая	*а*	*сиздат*
овая	*парикмахерская*	*издат*
вая	*арикмахерская*	*здат*
ая	*рикмахерская*	*дат*
я	*икмахерская*	*ат*
пошивочная	*кмахерская*	*т*
ошивочная	*махерская*	*гастроном*
шивочная	*ахерская*	***астроном***
ивочная	*херская*	*строном*
вочная	*ерская*	*троном*
очная	*рская*	*роном*
чная	*ская*	*оном*
ная	*кая*	*ном*
ая	*ая*	*ом*
я	***я***	*м*

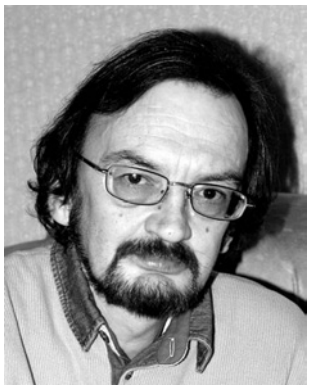
В этом “*доме*” (в тексте, в картине, или – просто – на бумаге) мое детство обитает – то время, когда в доме меня азбуке учили и на улице развлекался я вычитыванием вывесок: в *жмурки-прятки* играли со мной буквы, спряченные в словах; *та ли эта буква, или не та*?.. Слова теряли одно значение, приобретая другие – порой совсем дурные. То был тот возраст, когда *близость и чуждость* между “аптекой” и “опекой” я воспринимал одинаково. Это игрушки моего детства – *эти этости детости*. Они и прокладывали и проглатывали, суть дорогие, дороги детства. Тот дом и ожидает, и ожигает меня. К этому дому (и уже к “*саду*”) связывает меня не только ностальгия, но и *пустой знак* и полная денотация, то время и пространство (в роде что-то о странствии), когда *образы* и *имена* единились, один был у них *язык*. И я сегодня “*собором*“ собрал (и не соврал) детскую мою улицу – улечу я в детство, у л е ***ц*** у !..

P.S. Сегодня Отара Чиладзе не стало.

Стало быть, в поисках первого языка “око караула” долги поэтические *отпускает*, *опускает* с себя “одеяние первое” – обнажается и в шествии своем до “шестого дня” – до Эдема *догуляется – оголяется* до непорочного *Адама* (а *дама* – тамже). Оттуда и разговорывает, глаголит, этаки по грузински гласит. Он сыт. Он сыт добром и не до бравости ему; ему добравшемуся назад (конечно не в ад) - там, что в переди – «В переди вечность». Так и «Шел по дороге человек» *зад/вперед,* от сада «Дариачанги» до кошмарной «Кошныцы» оком караула, и нет некакого долга за ним, он человек свободный – «Авелум». Посвящаю фрагмент моего “*Детского Сада”* – памятник - патрону *Сада Дариачанги* – моему Отару Чиладзе.

Шота Бостанашвили – ***Шаба***.
01.10.09
Текст был напечатан в журнале «Чвени Мцерлоба» #23 13.11.2009

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ



Родился в 1958 году. публиковался в журналах «Дружба народов», «Эльбрус», «Литературная Кабардино-Балкария», «Ковчег», «Дети Ра», «Футурум Арт». Автор сборников стихов «Пролог», «Акт третий, сцена первая», «Реквием по столетию», «Сфера дымчатого стекла», а также стихотворного переложения Апокалипсиса (Откровения Иоанна Богослова). Среди переводов — выпущенные издательским тандемом «Домино» (СПб.) и «Эксмо» (Москва) романы «Белый отель» и «Арарат» Д. М. Томаса, «Облачный атлас» Д. Митчелла и «Лондонские поля» М. Эмиса. Живет в Нальчике.

Потерянный ад

Поэма-трактат

I

Весть пришла из глубин Интернета:
с инфернальным покончено бредом,
страх возмездья отныне неведом,
жечь нас нечем и негде варить, —
не держать после смерти ответа
нам за то, что смогли натворить.

Значит, все мы и то потеряли,
чего прежде боялись безмерно:
виз не выдадут больше в инферно,
воцарилась одна пустота,
перед ликом которой едва ли
отличится хоть этот, хоть та.

Да, бессчетны людские потери:
начиная с Адама и Евы,
производим, раззявы, посевы —
что посеяли, сможем ли счесть?
Зря ругаем кого-то: «Тетери!» —
это слишком высокая честь.

Не тетерь ведь из рая просили
удалиться — иных ротозеев.
Прародителей грезы развеяв,
опустили их в эту юдоль —
на нужду, на вражду, на насилье,
на невзгоды, на горе, на боль.

Растолкуйте-ка: каялся ль Каин,
первым грохнувший брата родного?
Что б случилось, родись они снова?
Убиенный невинен ли брат?
...От Эдема до самых окраин
о ту пору раскинулся ад!

II

Нам об аде известно немало:
он устроен еще прежде рая
(небу лишь да земле уступая) —
и он стал Люциферу тюрьмой,
когда ангелов горстка восстала
и пошла против Бога на бой.

Об Аиде и древние греки
толковали, знакомы с укладом
его так, словно он где-то рядом
простирался по тем временам;
знали все в нем овраги и реки,
его жителей — по именам.

Но Аид был и адом, и раем:
никакого тебе «или-или»,
после смерти там не разводили
грешных с праведными, как потом, —
так при жизни герой с негодяем
делят землю — один общий дом.

Там не знали жестокости дикой,
за глухой не скрывались стеною:
так, Орфей за своею женою
низошел, как от горя иссох, —
отпустили его с Эвридикой,
хоть и ждал их в итоге подвох.

Только не было там почему-то

(олимпийски наивная вера!)
заточенного в лед Люцифера,
был лишь Цербер, трехглавый терьер...
Ну а позже в аду стало круто —
дело, видно, в различии вер.

III

Позже многим ад явлен был вживе —
он у Данте показан подробно,
энергично и пылко, подобно
его собственным звонким словам,
в четких красках, в могучем разливе:
Алигьери творил его сам.

Был Вергилий его провожатым —
песнотворец из первого круга
(в этом Данте большая заслуга:
он открыл для нас девять кругов).
Тот его почитал за собрата —
и повсюду вести был готов.

Там Гомера с Горацием встретил
наш певец, и Овидий с Луканом
в этом круге, поистине странном,
благосклонно предстали пред ним;
их собор величав был и светел,
хоть и Лимбом тогда уязвим.

А Минос, обратившийся в беса,
во втором правил круге — он строго
назначал всем отпавшим от Бога
круг в аду (его хвост — точно плеть);
коль блудница ты или повеса,
то и ниже тебе не лететь.

Там витали Франческа с Паоло,
тешась тем, что в плену они вместе,
что в Ка не убийца, из мести
их прервавший наземную страсть...
Пусть суров Бог с вопросами пола,
но в аду намилуются всласть!

IV

Очень много я пересказать бы
мог из «Ада», но дело не в этом:
обо всем, уже кем-то пропетом,
петь лишь попка продвинутый рад —
тот, кому что поминки, что свадьбы...
Я ведь в шутку поставил: «трактат».

Так что цель настоящей поэмы
состоит не в простом изложенье
тех картин, чье суровое жженье
Данте лик опаляло, но в том,
чтоб, его обозначивши темы,
рассказать, что случилось потом.

Это подвиг был в литературе,
но, опять же, бессчетны потери —
ведь утрачен и «Ад» Алигьери:
лишь немногим он внятен теперь,
коли все утонуло в гламуре,
как ни хай ты его и ни херь.

«Буду вечно», — так надпись гласила,
по свидетельству Данте, у входа
в пекло тыща трехсотого года;
эта вывеска снята теперь:
наша сила весь ад подкосила,
автогеном заварена дверь.

Впрочем, это случилось не вскоре:
еще долгое, долгое время
рай сиял, антитезою рея
преисподней; всяк был на виду —
о грядущем молясь приговоре,
мало кто рвался греться в аду!

V

Диктовал о потерянном рае
Мильтон, зренье утратив под старость.
Ему нечто другое досталось —
то, что прозвано зреньем души.
Там, где глаз бесполезно старанье,
все слепец различает в тиши.

Рассказал он о хитрости змея,
обольстившего мужа с женою,
разлучив их навек с пеленою,
зло скрывавшей от них и добро,
чтоб, от собственной дерзости млея,
они бросили все на зеро.

Описал наказание Божье
(«Люди-боги? Не будет такого!
Прах оживший, уйдешь в него снова!»),
Вельзевула бунтарский разброд —
и его низложение тоже,
и Мессии грядущий приход.

Вот что в этом творении странно:
в своем веке, далеком и мглистом,
Мильтон все-таки был оптимистом —
и, пожалуй, хватил через край:
веря в то, что излечится рана,
возвращенный пророчил он рай.

Краски райского великолепья
различал так отчетливо Мильтон
взором, тьмой бесконечной промытым
и лишенным наружных оград...
Через три с половиной столетья
оказалось: потерян и ад.

VI

Тосковать ли об этой утрате?
Мы свободны теперь — наконец-то!
Человечество, впавшее в детство,
ныне может, как хочет, шалить —
и не надо скорбеть о расплате,
коль разорвана времени нить.

Это ж надо — концлагерь открыли,
мораторий на казни объявлен...
Только дурень здесь будет подавлен —
оголтелый, простите, дурак!
Если это останется в силе,
нам Эдем ни к чему и за так!

Жить на привязи — в этом ли счастье?
Разве кто-то скучает по клетке?
Прочь — заборы, ограды и сетки!
Прочь — проклятая адская тень!
Все дозволено, все — в нашей власти,
и помыслить о чем-либо — лень.

Все дозволено — кроме сомнений,
угрызений, забот и печали.
Разве лучше жилось им вначале —
тем, кому даровали Эдем?
Змей, по сути, был добрый их гений...
Рай? Забыть бы о нем насовсем!

Как же долго мы этого ждали —
век за веком... Устали, наверно?
Эйфория — закрыто инферно,
а от этого — шире простор:
перед нами распахнуты дали,
кои вряд ли кто знал до сих пор.

VII

Выше шли, разумеется, бредни
Потрошителей и Барабеков,
недоносков и сверхчеловеков
(без одних не бывает других) —
им соблазны расставили бредни,
их в сетях закрутило тугих.

Преступление без наказанья —
отродясь вот такая малина
их, болезных, по жизни манила...
Сатана их ничуть не страшил:
от него они ждали признанья,
не щадили для этого сил.

Порождения ада земного
сами метили в эту когорту,
поклоняясь заклятому черту
и во всем преступая черту.
Что — Эдем? Для чего туда снова,
коль иную взлелеял мечту?

Не могли они знать, костоломы,
в полоумной жестокости тужась,
что вселяют и в ад они ужас,
далеко превзойдя Сатану;
что их нравы в аду незнакомы,
что они много ближе ко дну.

Но, покуда ад не был потерян,
всех туда принимали покуда,
о возмездье любая паскуда
помышляла порою, и вот —
топорам, и кастетам, и перьям
хоть какой-то бывал укорот.

VIII

Под эгидой лубочного ада
поживали, друг дружку тузили,
тосковали об анестезии,
голосили, божились, клялись, —
человечье безумное стадо,
гной познавшее, кровушку, слизь.

Воевали ли чашу Грааля
или гроб воевали Господень,
каждый был опасений исполнен:
мол, чуть что — и поджарят в аду;
ну а ведьма ты там или краля,
погибать тебе в том же чаду.

Восставал кое-кто то и дело,
ополчаясь на происки зверя,
в обреченность людскую не веря,
чуя сладкую гниль и то зло,
что нарывом пугающим зрело,
но чудовище только росло.

Потому не с одним только раем
мы простились, но также и с адом:
ведь они, если вдуматься, рядом

пребывают, друг другу под стать, —
ну а мы со стыда не сгораем,
и блаженства нам не испытать.

Что скопилось, настолько уж гнусно,
отвратительно, мерзко и гадко,
что, задумчиво молвив: *загадка*,
лоб наморщив — ну чистый Сократ! —
Люцифер от людей отвернулся,
заперев перед нами свой ад.

IX

Ад закрыт. Ад утрачен навеки.
Что же ждет тех, кто был туда принят?
Неужели их тоже отринет
Сатана, выбирая покой?
И грехов нескончаемых реки
хлынут вспять разъяренной рекой?

Да, грохочут болты и засовы —
путь наружу теперь предоставлен.
Негодяи, черны от подпалин,
получают обратный билет.
Ну а мы-то сброд встретить готовы,
что накоплен за тысячи лет?

К сожалению, неразличимы
эти грешники в рамках контекста —
из такого же слеплены теста,
а иных мы давно превзошли.
Что с того, что стада мертвечины
растеклись по просторам земли?

Они ходят средь нас, как живые,
нами правят с таким же успехом,
как и мы, предаются утехам —
и не ведают страха ничуть.
Не согнуть их жестокие выи —
точно так же, как нас не согнуть.

Под людей маскируются туши,
что обуглены пламенем ада.
Древним нашего ль съесть казнокрада?
Превзойдет ли маньяка де Сад?
Воцарившееся равнодушье
отменило грозивший нам ад.

X

«Ад — другие», — так Сартр объяснил нам,
но лишь тот, кто еще свое Эго
(или — Яго, сказал бы коллега)
на себя же замкнуть не успел,
всем другим — ненавистным ли, милым —
не поставил зеркальный предел.

Каждый ближнему стал посторонним,
каждый заперт в своей одиночке.
Пусть порой мы и жертвуем почки,
пусть от горестей плачем навзрыд —
все же чувства усердно хороним:
доступ в души надежно закрыт.

Доверительность, искренность — басни,
не в чести откровенное слово.
Большинству дела нет до другого:
все его устремления — бзик.
Вавилонской строители башни,
мы утратили общий язык.

Всем нам жаль даже малой толики
своих дней, чтоб подумать о ближнем —
разве что подозреньем облыжным
подминаем его, как горой, —
и в улыбчивых ликах улики
углядеть мы способны порой.

Как пробиться сквозь эти препоны,
коль к другим поспевают из ада
те, кому наша горечь — отрада,
кто морочит и мучает нас,
кто за смех выдает наши стоны,
за ухмылку — отчаянье глаз?

XI

Преисподней грозили веками,
а теперь всех оттуда поперли.
Стали ль костью у ада мы в горле,
превзойдя его бури и тьму?
Ангел Смерти разводит руками —
мол, и сам ничего не пойму.

Люди-призраки бродят по свету:
никакого теперь расслоенья,
все равно, эвфемизмы ли, феня
у «носителей» вязнет в зубах...
Зомби всю полонили планету?
Ну так что же? Подумаешь! Вах!

Приникая к сиянью экранов,
все мы стали всеядны, по сути.
Как хотите, картинки тасуйте, —
переварятся и потроха.
Каннибалы со вкусом гурманов,

мы утратили чувство греха.

Эти рейтинги, рауты, трупы,
сплетни, ролики и компроматы,
котировки, мигалки, гранаты,
гранты, оползни, сводки, долги,
речи, форумы, — словно шурупы,
всем нам вкручиваются в мозги.

Олигархи и генпрокуроры,
террористы, послы, миротворцы,
культуристов лощеные торсы,
сериалов настырная рать, —
как они расторопны, проворны,
как хотели б все мысли забрать!

XII

И, пожалуй, почти что забрали:
где они, самостийные мысли?
Верно: «старые вина прокисли,
ну а новых пока еще нет».
Матчи, игры, турниры и ралли —
это очень похоже на бред.

В нескончаемом калейдоскопе
то дарует секреты готовки,
то ковровые бомбардировки
преподносит бездушный экран:
все — на равных! Но в этом нон-стопе
рана есть, что страшнее всех ран.

Ибо что же еще есть реклама?
Пытки *ad*'ом — прижизненной смерти —
не могли бы придумать и черти...
У них нос — как и хвост — не дорос!
Среди залежей прочего хлама
это словно бы апофеоз.

Очень трудно не стать мизантропом,
если весь ты рекламой напичкан.
Так и тянутся пальчики к спичкам,
пусть вопит дурачье: Герострат!
Как вас жечь — по отдельности, скопом?
Чем воздать за безмерность утрат?

Впрочем, что я? Какие утраты?
Ад потерянный *ad*'ом вернулся —
оттого-то и стало так гнусно,
оттого и померк белый свет...
Как же бесы, наверное, рады,
что у них телевизоров нет!

XIII

Нам еще повезло: одорайзер
не успели придумать покуда;
всех тактильных подробностей груда
до сих пор еще пощажена;
на экране — текила, «будвайзер»,
ан во рту у нас — только слюна.

Но звучания с изображеньем
через край, как ни странно, хватило,
чтобы в эквиваленте тротила
передать ужас жизни земной!
И — мозги охватило броженьем,
и — затмило глаза пеленой...

Ныне, словно до грехопаденья,
зло с добром стали неразличимы:
психопаты надели личины
богословов, пророков, борцов,
а зеваки глазеют, балдея,
на красивую кровь мертвецов.

Это вскоре приелось — до скуки!
Если прежде замурзанный киллер
означал хоть и хилый, но триллер,
то сегодня и этого нет:
человечество, с адом в разлуке,
лишь зевнет сообщеньям вослед.

Там — застрелена пара подростков,
сям — с балкона швырнули младенца...
От подобного некуда деться,
но хотелось бы и новизны,
только ныне все новое — роскошь,
коли ада, и то лишены.

XIV

В Интернете — все та же засада:
занырнешь за какой-нибудь справкой —
на тебя с кистенем и удавкой
оголтелый бросается сброд:
из бедлама ли, из зоосада?
Все одно: доставучий народ!

Голой правдой в глаза они тычут —
мол, узнай все о той и об этом;
и с непрошенным лезут советом:
отправляйся, мол, летом туда;
верещат, по-совиному кычут...
В общем, сеть — это та же руда.

Продираешься к нужному через
череду растопыренных пыток,
скучных пастбищ для порнокопытных,
сквозь убогие блоги козлов...
Иногда, зверски выпятив челюсть,
по дисплею ты врезать готов!

В строчку поиска я Люцифера
ввел однажды — посыпался мусор,
Люцифер в нем остался неузнан,
он давно объявил нам бойкот;
Вельзевул — в той же мере химера;
Велиар — не ответил и тот...

Осенило, надрывно и нервно,
что лишь в силу дурного расклада
появилась такая шарада:
воцарился вокруг суррогат,
Интернет (сокращенно — «интерно»)
замещает исчезнувший ад.

XV

Расплодились вокруг симулякры:
всё живыми себя представляют,
словно мяч их не выкатил в аут,
словно то, чем живут они, — жизнь.
Лебедями прикинувшись, кряквы
чтят за верх свой изъязвленный низ.

До чего же обманчиво зренье:
пень трухлявый покажется троном,
под Жар-птиц маскируясь, воронам
недоумков дурачить дано;
в короли прет фигляр на арене,
о бурде говорится: вино.

В нашем мире исчадия ада
предстают легкомысленной пеной;
все они, распростившись с геенной,
над которой вертел их шампур,
вряд ли ждали такого расклада:
все завесил глумливый гламур.

Эй, красотка, скорее прикройся:
я ведь вижу в твоих очертаньях
изобилие щупалец тайных,
жвал, присосков и прочей муры —
точно так же в сиянье «роллс-ройса»
скрыты струпья, нарывы, бугры.

Чем уродливей, тем и гламурней:
ведь гламур — душ скрывает уродство,
с ним за место под солнцем бороться
и сподручнее, и веселей...
Кто ж не знал расфуфыренных фурий
с нежной кожицей, с чарами фей?!

XVI

А любовь — она вряд ли красива,
не сподобишь изысканным розам,
нет в ней места ужимкам и позам,
места нет для ажурных чулок,
но такая в ней кроется сила,
что башкой прошибешь потолок.

Чувство есть — не стесняешься пота
и отломанных спинок кроватей
(«Кой-кому по душе грязноватей» —
вот неснятая лента Монро).
У снесенного напрочь капота,
ей-же-ей, неприглядно нутро.

Но все это в иную эпоху
быть имело, а ныне исчезло.
Что осталось? Лишь цифры, железо —
никаких, понимаешь ли, душ!
Сатане нам теперь, как и Богу,
исполнять не приходится туш.

...В клуб ночной укатила Тамара,
чтоб плясать до зари, до упаду,
чтоб бой-френдам скормить всю помаду
и исполнить стриптиз на столе;
ну а завтра — опять та же кара:
фотосессии унд дефиле.

Одряхлел в одиночестве Демон,
вы б его не узнали сегодня,
но за мелочью сразу невольно
потянулась бы ваша рука;
лишь невнятица, ступор и тремор
ныне метят его, старика.

XVIII

Он на грани, где прежде триада
тех ждала, кто и мёр, ей доверясь, —
никакая, казалось бы, ересь
не могла ее перечеркнуть,
но — не стало ни рая, ни ада
и заказан в чистилище путь.

Колобродят, как радиоволны,
отражаясь от ионосферы
(им уже ни числа нет, ни меры),
сонмы теней — их тяжек ли труд?
До поры они вроде безмолвны,
но уж если в настройку войдут...

Изумится душа, заискрится —
ей такие предстанут виденья,
что, коль мало в ней сопротивленья,
учудит она что-нибудь в такт.
Что за дел предстоит вереница?
Обусловит, конечно, контакт.

Эх, войти бы в контакт с Парацельсом
или с Пушкиным! Только навряд ли:
тучи зла куда гуще набрякли —
даже днем разливается ночь.
Сладить с этим плачевным процессом
ад отныне не хочет помочь.

Это страшно! Подумайте сами:
ни Джордж Буш, ни Усама бен Ладен,
ни одна из прославленных гадин
в преисподнюю не попадут —
так и будут слоняться меж нами,
ибо дьявол воздвигнул редут.

XVIII

Заградительной мглою окутан
мир под утро; нахохлились птицы —
ждут встревоженно новой страницы;
дождь по жести колотит вразлад.
Шелестит, пробуждаясь, компьютер —
открываю «Потерянный ад».

Не закончено... Дело не в сроке:
с этим замыслом я уж полажу —
всю на место доставлю поклажу,
весь распутаю темный клубок...
Но откуда идут эти строки?
Кто внушает их? Может быть, Бог?

«Как же, как же! — шепчу, чертыхаясь. —
В смятом мире, где все так невнятно
(дыры черные, белые пятна),
тебя Бог на подмогу призвал?
Правит ныне разнузданный Хаос —
повсеместно лишь он правит бал!»

«Ну так что? — возражаю себе же. —
Ведь портрет энтропии — он, может,
энтропию на время стреножит,
помешает ей на рубеже,
чтоб не хлынула на побережье,
над которым нависла уже!»

Если скалы лишь грудами пыли
с ходом времени стали, то, значит,
это утро не зря о них плачет,
но чтоб Хаос грозил небесам?..
А ведь были предчувствия, были!
Двадцать лет, как я в «Буднях» писал:

XIX

«Разорвались причинные связи:
в установленный час не светает,
лед от лампы паяльной не тает,
без конфорки бурлит кипяток,
и на улицах чище от грязи,
и трезвит торопливый глоток.

«Больше нет ни законов, ни правил!
Ни Ньютону, ни даже Эйнштейну
не прийти ни к какому решенью
относительно будущих па
сумасшедшей вселенной, где равен
каждый каждому, праху — толпа.

«Не поможет анализ усердный.
Даже я, выдающийся логик,
понапрасну свой мучая лобик,
ни хрена объяснить не могу:
выживает не сильный, но серый,
а кто прям — те и впрямь ни в дугу.

«Над столетьем хохочет секунда.
Календарь правит сменой сезонов.
Бесшабашные жаждут резонов.
Толстокожие стонут во сне.
Жизнь паскуд и скудна, и паскудна,
ну а паинькам — гаже вдвойне!

«Мы, полны беспричинной кручины,
беспричинного ищем веселья,
а хлебнув приворотного зелья,
забываем, с кем пили его.
Так шарманка теряет пружины,
но играет вполне ничего.

XX

«Мы смеемся, когда не до смеха.
Мы себя за суждения судим.
Мы себя начиняем абсурдом —
и сморкаемся в чистый батист.
Все навыворот, все! Даже эхо
на “ау” отвечает “катись”.

«Как мотыга чурается клада,
мы боимся внезапной удачи.
Не взаимности требуем — сдачи!
Ваших слов мне вовек не забыть.
Их так мало, что больше — не надо.
Я так счастлив, что впору — завыть».

Но завыть — значит, выказать чувство,
а Камю показал нам, что ныне
всяк в своей пребывает пустыне,
погрузившись в себя с головой;
состраданье сегодня нам чуждо —
и бессмыслен поэтому вой.

Если слой в тебе этот не смылся,
если что-то еще тебе надо,
ты, не труся ни рая, ни ада,
проклинаешь свое естество, —
впрочем, Хаос готов лишить смысла
все, включая себя самого.

Хаос — это нирвана, забвенье,
а точнее — все одновременно:
перманентная он перемена,
что, меж тем, ничего не сулит;
он, бурля, так и пенится в вене,
извиваясь, что твой суицид.

XXI

Только надо ль дружить с суицидом,
если воздух и так пахнет смертью
и звенит похоронною медью?
Для чего в этом деле спешить?
Пусть талдычит кой-кто о постыдном,
«умирать» — это то же, что «жить».

В энный раз повторяю: все живы,
даже те, кто был мертв и при жизни,
отдаваясь душой дешевизне
побрякушек, съедающих свет;
даже те, что настолько сметливы,
что махрою засыпали след.

В этих шахматах правила новы:
в них равны все собачьи фигуры,
не спустить ни с одной из них шкуры,
даже битые — снова в строю
и сложить, идиоты, готовы,
ни за что головенку свою.

Оттого-то и жизнь свою цену
понижает: ведь спросу не стало —
мы теперь, не смущаясь нимало,
в тот же самый войдем водоем,
а уж если со стоном на сцену
опускаемся, тут же встаем.

Не у дел стал с извилистым «или»
буриданов мыслитель, принц Гамлет,
череп Йорика больше не скалит
в каламбуре язвительном рот —
они оба, бедняги, застыли,
упершись в заколоченный вход.

XXII

Почему же закрылось инферно?
Неужели же — из чистоплюйства
(или, скажем, устав от холуйства)
в скит подземный ушел Велиар,
рассудив, что и сами усердно
мировой мы раздуем пожар?

(Анекдот: тип из «Теплоэнерго»,
став начальником адской котельной,
деловой своей хваткой смертельной
учинил там такой тарарам,
что и пламя едва не померкло,
и пол-ада замерзло к чертям!)

В чем ответ? Их, ответов, — избыток!
Предлагаю такой, для примера:
нет намеренья у Люцифера
исправлять человеческий род.
Или вот: мы ему — пуще пыток,
потому что любой из нас врет.

На мой взгляд, очевидна причина:
исказили мы замысел Божий —
Его образу вторим лишь кожей,
а скреплённые ложью сердца,
как от высшей материи — глина,
далеки от прожектов Творца.

Разлученные с ужасом ада,
мы не чуем масштабов утраты

(если разом сгорели все карты,
безразлично, что «после», что «до»).
Мы живем *в ожидании Гада* —
ни при чем здесь какой-то Годо.

XXIII

Год за годом — но дата все та же.
Бег на месте: век снова двадцатый,
снова пыжится кто-то усатый —
или, может, побрился-таки?
Нам от жирной отмыться ли сажи —
или это уже не с руки?

Надоело! К чему отмываться,
если все, что грядет, уже было?
Каб луна состояла из мыла,
мы давно бы ее извели...
Ни к чему, ни к чему отрываться —
даже взглядом — от прочной земли!

Вот скажи — до боренья ли духа,
если, сколько бы там ни бороться,
не оценят усилий для роста,
не признают: он стоит нас двух?
Констатирую строго и сухо:
атавизмом сегодня стал дух.

Принудительный праздник желудка
притязает занять его место:
праздник мяса, подливы и теста,
на котором отшельник — изгой.
«Боль страшна, но бесчувствие жутко», —
так писали в эпохе другой...

Но зачем вообще писаниной
засорять неказистую нишу?!
Чье внушенье повсюду я слышу?
Подбивает не спать как сурок,
но за мир с вдохновенною миной
зацепиться хоть парою строк!

XXIV

Если строки оплачены кровью,
как втемяшить подобное ордам,
что стихи приравняли к кроссвордам,
теша ими свой скучный досуг?
Словно к плахе, припав к изголовью,
в сотый раз повторюсь: не до сук!

Не до субчиков томных, субтильных,
не до их благовонных миазмов:
пусть, в их патоке гнойной увязнув,
ничего не имея взамен,
млеют девки от песенок «стильных», —
вес их выдержит даже безмен.

Но, пускай твои строки и краше,
пусть куда совершеннее звуки,
ты отнюдь не свободен от муки,
от сомнений, от чувства вины,
что подобны творения ваши —
и, *horribile dictu*, равны.

Пусть задумал ты что-то большое,
избегаешь заезженных формул,
ввысь глядишь с перехваченным горлом,
небывалую видя звезду, —
все равно, даже в этом оффшоре
остается местечко стыду.

Но постыдней всего и обидней,
что стоишь под кармическим корнем,
а над замыслом, гордым и горним,
вьются мухи, что твой ореол...
«Капля точит», — подметил Овидий,
ну а пытку Китай изобрел.

XXV

Кстати, прежде считали в Китае,
что удачливый самоубийца
может в тело живое вселиться,
неприкаянной сутью скорбя, —
вот наивность! Мы целые стаи
на постой принимаем в себя.

Они ссорятся, воют, буянят,
претендуют во всем на главенство,
утверждают, что все им известно,
и, усвоив повадки шпаны,
чтоб своей твою вытеснить память,
несуразные шлют тебе сны.

Ни секунды от них нет покоя:
теребят твои руки и ноги,
прочь уводят от верной дороги,
тянут, гады, за грешный язык —
все сбивают на линию, коя
поперек той, к которой привык.

Только этим и сходен ты с Блоком —
мол, молчите, проклятые книги!
Плюс — у зеркала зыбкие миги,

когда рожу признать — ну никак!
То одним, то другим станешь боком —
это что там за шаткий ишак?

Что ж, быть может, поэтому черти
отвернулись, в любом из нас Сфинкса
различая? Нет, все-таки свинство —
взять и озеро серное слить!
Дар, который содержится в смерти,
лишь бессмертным дано оценить.

XXVI

Гимн бессмертию многие пели,
но не ведали, что оно значит.
Путь, который однажды был начат,
допустимо ли длить без конца?
Не лишится ли всякой он цели,
если ввек не узнает венца?

Агасфер — пионер в этой школе,
но ничем поделиться не может;
говорят, что тоска его гложет —
та, которой не знали пока...
Всё постигнем доподлинно, коли,
как и он, промотаем века.

«Промотаем», — сказал, потому что
бесконечность сподручней для мота.
Первый век, что пройдет без присмотра,
на какие потратить дела?
Вспять апатия тащит... Неужто
вскачь пускают нас лишь удила?!

Лишь давленье дает стать алмазом,
а иначе безвольным графитом
ты пребудешь? В сравненье избитом
свежий смысл обнаружится вдруг,
если вольно растекшийся разум
отобьется, бездельник, от рук.

Страшновата такая свобода,
бесхребетностью дикой чревата...
Да, свобода стадам страшновата:
кто укажет единственный путь?
На «отнюдь» (это новая мода)
надо мыкнуть: «Вот сам и отнюдь!»

XXVII

Пикировка: «Эрзац Роттердамский!» —
«Погоняло тебе — Поганини!»
Что могло бы шокировать ныне,
прозвучав диссонансом в тиши?
Сей обмен, беспардонный и хамский,
кто-то вздумал звать «криком души».

Этот крик много проще мычанья:
не мычать и не телиться — выбор.
Обратиться не в пору ли к рыбам,
в их риторике поднатореть?
Умолкаем, проснуться не чая,
и уже онемели на треть.

Все герои попрятались в щели,
рты заткнули себе и зажали.
Тараканам нужны ли скрижали?
Там нужны ли скрижали, скажи,
где жужжат и плюются *ужели* —
пучеглазые быко-ужи?

Я не с ними! Безмолвствует клака?
Мне не надо ее одобренья.
Глуховатое выпало время?
Я его тишину сокрушу —
не приемлю тошнотного кляпа,
потому и поэму пишу.

Девятьсот — девяносто — и девять:
столько строк будет в этой поэме;
для нее очень даже по теме
три шестерки тормашками вверх —
ад закрыт, ничего не поделать,
вместо зверя пришел человек.

XXVIII

Человек в кайнозойскую эру —
в четвертичный период к тому же —
вряд ли стал прародителей хуже,
только вот коллективное зло
превзошло уже всякую меру
и в конфессию переросло.

Ныне чистое зло — вот беда ведь! —
неподдельным добром именуют,
этой лжи все жрецы не минуют:
побеждает у них не добро, —
т добро, что у них побеждает,
проникая, как клизма, в нутро.

Мы теперь в изоляции дикой
на съеденье остались друг другу —
убиваем братишек по кругу,
чтобы ими убитыми стать.

Насладитесь картинкой двуликой:
каждый — жертва, и каждый же — тать.

Устрашась наших стогн, наших улиц,
что пропитаны смрадом и болью,
где над ближними тешимся вволю
и себя предаем на их суд,
силы зла и добра отвернулись:
не накажут, но и не спасут.

Обнаглела ожившая глина,
лишь прислушаться — комья судачат:
«Ад и рай ничего нам не значат!
Что нам Смерть с ее ржавой косой?
И не надо нам ново*каина,*
на дворе теперь — *Каино*зой».

XXIX

Взгляд в окно. Двор кишит детворою —
поясните: ну кто из них Каин?
Может, этот (рот в крике оскален —
смачный мяч из офсайда забит)?
Что сказать голосистому рою,
чьей прамачехой стала Лилит?

Что сказать в утешенье пришельцу?
Labor omnia vicit impobus?
Мол, раскрутим до одури глобус,
всем кагалом налегши на ось, —
и к такому придем совершенству,
что в раю и не знали, небось?

Но, увы, не уйти от наследства:
настигает со скоростью света
тьма, которой безжалостна мета, —
так вовек не клеймили овец.
Сквозь литавры «счастливого детства»
не расслышать биенья сердец.

Но, быть может, они и не бьются,
не стучат, не колотятся дробно?
Все сердца схоронили под ребра —
различить, что к чему, нелегко.
Бьются чашки, тарелки и блюдца,
ты ж бесчувствен — не так ли, Коко?

Ты, Коко, негодяй или агнец?
Агнец может ли быть негодяем?
На кофейной мы гуще гадаем...
Хоть порой назначаем УЗИ,
невозможно поставить диагноз,
а особенно — если вблизи.

XXX

Отвалить бы на сотню парсеков,
чтоб оттуда реально вглядеться
в наши доблести, в наши злодейства,
всех улик распатронить набор,
а затем, что почем, раскумекав,
этим дням огласить приговор.

Брест — и Ковентри — и Хиросима,
в идеальных скрещенные линзах,
нам во взор бросят огненный вызов,
триста с лишним копившийся лет.
Это будет непереносимо —
но придется нашарить ответ.

На вопрос, скажем, о Холокосте,
что, в затылке скребя, мы ответим?
Что забыт за полвека Освенцим,
стал до лампочки, до фонаря?
Тот урок (печи, кожа да кости)
был преподан всем выжившим зря?

Потому и лишения терпим,
что свой ад на земле учредили,
как хотели, судили-рядили —
и пошли, как «Титаник», ко дну...
Но надежду мы все-таки теплим,
на нее уповаем одну.

Если совесть очнется от комы,
преисподняя будет открыта,
к бытию повернемся от быта,
обозначится новый виток —
и, пускай мы почти незнакомы,
к нам, быть может, пожалует Бог.

XXXI

Ниоткуда явившийся вьюнош
заявил: «Промахнулся ты снова:
что же нового в этом, иного?
Ностальгия понятна твоя,
но в минувшее нас ты не всунешь,
из тумана веревки вия.

«На тебя я смотрю, усмехаясь:
для чего этот пафосный грохот?
Для чего сокрушаться и охать?
Рассуждений ты нить потерял,
ибо светом пронизанный Хаос —
для гармонии материал.

«Служишь Богу и блестками фальши,

если знаешь, в чем альтернатива.
Не об аде радеть бы ретиво —
о любви, что не сдюжит сама.
Счет до двух, ничегошеньки дальше:
или солнечный свет, или тьма.

«Пренебрегши простой аксиомой,
ты, напрасно стремясь к равновесью,
как индюк, надуваешься спесью,
но по кромке тебе не пройти, —
у вселенной, тебе незнакомой,
не такие законы в чести.

«Вот, допустим, монетку подкинут:
что-то будет — орел или решка?
Предсказания — только насмешка,
коль зависнет она у земли!
Ад отнюдь не потерян — отринут,
мы давно его переросли.

XXXII

«Да ведь ада и не было в мире —
было только понятие Бога,
что бессмысленно, жалко, убого
испохабил антропоцентризм,
не поняв, до чего оно шире
алтарей, песнопений и риз!

«Разве сопоставимо такое?
Этой скверне (молитвам, обрядам)
никогда не бывать с Богом рядом,
нищ роскошный ее балаган.
Бога можно постичь лишь в покое —
ты подобное предполагал?

«Нас столетьями числили стадом,
обнаглев, обозначили паствой,
каждый вздох начиняя опаской
с *благонравием* напополам...
Да пошли бы вы в зад с вашим адом! —
так и хочется крикнуть попам.

«Потому что на самом-то деле
все иначе устроено, то есть
не угрозами будится совесть,
но отсутствием внешних угроз.
Разберешься ль, в каком ты пределе,
если все раздвоилось от слез?

«В мире нет никакой тьмы и грязи,
что не стала бы ангельским светом
на другом этаже, но при этом
надо помнить единый закон:
чтоб со светом остаться на связи,
будь текучим и легким, как он».

XXXIII

Он сказал и ушел. Я остался.
Подавился б своим монологом!
Он меня обвиняет во многом:
в заскорузлом стремлении вспять,
в записном скудоумии старца,
наконец, в нежеланье летать.

Но он прав: я из тех, кто обманут
достоверностью плотных материй,
потому-то и мнится потерей
ад, придуманный кем-то другим.
Что за слово! Два звука, а тянут
сонм картин за собою, как дым.

Сновидения — противоядье,
коль по мелочи весь ты не роздан
и, как будто по кочкам, по звездам
научился скакать до утра.
«Ада», «аду», «в аду» и «об аде» —
парадигму забыть не пора?

Сны — как прорези в панцире черном.
Я в одном из них ангела встретил —
тот меня взмахом крыльев приветил,
но я все же его подстрелил...
Позже снилось мне сплошь о никчемном:
о мышах да о вкусе чернил.

А намедни и вовсе я сбрендил:
мне помстилось в клубящемся мраке,
что вокруг меня рыщут собаки;
пригляделся — поклясться могу:
пес, которого знал Питер Брейгель,
бегал рядом, по брюхо в снегу.

***

Ада нет. В перевалочном трансе
грезит август, укутанный в кокон.
Сочинитель все медлит у окон,
смотрит в небо придирчивым оком,
новых требуя к жизни харит.
По никем не расчисленной трассе
шпарит шарик в холодном пространстве,
и язык, что немыслим был раньше,
сам себя из раздолья творит.

Ирлан ХУГА

Хугаев Ирлан Сергеевич – доктор филологических наук (28-го октября 2010 года защитил докторскую диссертацию «Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление»); сотрудник Северо-Осетинского института социальных и гуманитарных исследований.

Прежде художественные тексты публиковал в журналах «Дарьял» и «День и Ночь».

Предание о Хуга

Афсати, счастливой охоты дай!
Дзахо

Иногда бывает и так, что один говорит, а другой слушает. В этом нет ничего удивительного. Отчего бы тебе не послушать меня?.. Не знаю, почему мне вспомнилось это предание, но вот что рассказывал мой отец, Хугиан Серго. Нет в этой истории ни мудрости, ни складу – ничего, кроме фарна [1] и правды, – потому что, по слову Гатуона Дзахо [2], нашего учителя, растерзанного дикими собаками с псарни другого осетина – люди всегда говорят правду.

Хуга, предок наш, был охотник. В том замане [3] он жил в Стырмасыге, что на нашем языке означает Большая Башня. Видит бог, нет у меня намерения хвастаться, как водится нынче, доблестным пращуром. Главное во всяком предании – рассказчик и слушатель: как ты думаешь? И еще – слово и время. Потому что мы говорим – а время идет. Время есть в каждом слове и каждой вещи, и это время уходит. Итак, дослушай меня до конца – а там суди, стоило ли слушать меня так долго. Так долго! – ведь ты тем временем мог бы напоить меня своим знаменитым ронгом [4] и раскурить для меня душистую вишневую лулу [5], плотно набитую благородной золотистой стружкой самого лучшего на свете табака. Как ты, все-таки, думаешь?.. Вот и хорошо.

Пращуром хвалиться не стану: другим похвалюсь. Похвалюсь, говорю, только тем, чем смешно и хвалиться – а, стало быть, это правда. Кто видел хоть раз ущелья и долины кударцев [6], знает, что здесь самый суровый климат по обе стороны гор. Еще – говорит Блион Макс [7] в своих летописях – у кударцев было мало земли, – я же думаю, что много у них было сердца – им и грелись, когда на долгие полгода снег закрывал перевалы, и кударцы оставались одни, без большой Осетии.

Хуга, говорю, был охотник. Он ходил на оленя и вепря. Барс и волк остерегались его, потому что Хуга пах порохом, потом и чем-то страшным еще. У него были кремневка, кинжал, мохнатая бурка и верный конь, который стыдился своей старости. Еще была сакля. Но сакля не в счет: зачем сакля одинокому охотнику?

Хуга был охотник. Это значит, среди людей не было у него врагов. Хуга любил свою землю, свой кау [8], своих старших, младших и сверстников, своих предков и всех еще не рожденных своих потомков. Он молился Уастырджи и Афсати [9] и в каждом дзуаре [10] Хуссара [11] оставлял часть добычи.

Его младшему брату Слану было двадцать и девять лет. Он был женат и жил в Гулианта, правда, детей у него еще не было. Хуга было тридцать и еще три года, и не знал он женщин.

Заболел он дочерью Шота Богиана, сауджына [12] эристависского. Говорит ему хитрый старик: «Славный охотник знает цену добыче. Белые черепа Рекома [13] тому свидетели, не правда ли?.. Уох-хо-хо. Будет Дуду твоей. Поклонись только Йесо Чрысти [14]».

Хуга был охотник. Гулар, отец его, был охотник. Безымянный отец отца его был охотник. Никто не молился Йесо Чрысти. Когда охотник ищет мудрости, он отправляется на охоту. Так и сделал Хуга.

Кончился третий день, и вышел Хуга на след вепря. Зверь, судя по следу, был свиреп и

огромен. Заночевал Хуга в пещере у болот Цона, а утром увидел, что конь его, старый Паддчах [15], издох.

Затащил Хуга бедного Паддчаха в болото, чтоб не достался он диким зверям, сам омылся в ледяном ключе, оправил оружие и, помолившись Уастырджи, пустился бегом в сырую туманную низину.

Зверю теперь некуда было скрыться. Из тесного ущелья, между двумя высокими горными кряжами, что сошлись, точно для битвы войска, и дно которого было затянуто топкими вонючими болотами и сплошь заросло репейником и облепихой, некуда было уйти от Хуга ни вепрю, ни даже лисице.

Хуга был охотник. Он вспомнил бедного Паддчаха и громко засмеялся от жалости, и потом, не останавливаясь на бегу, запел высоким и звонким голосом старую охотничью песню:

«Орайда! Идем мы в выси.
Орайда! Орайда! Ори-да-да.
На кряжах Афсати лысых
Нас встретят его стада.
Афсати, косой Афсати,
Идем вереницей под твой подол,
Добычи на высях хватит,
На тропку сойдет козел.
Шерсть козья красней железа.
Орайда! Орайда! Ори-да-да.
Гортань козла дай перерезать,
Жир козий течет года.
Большие глаза мы вырвем,
Из кожи к чувякам сошьем ремни.
Афсати златой, дай мир нам
И теплых костров огни.
Мы души потешим мясом.
Афсати, счастливой охоты дай.
Дзуар твой рогами украсим,
Орайда! Орайда! Ори-да-дай!» [16].

Даже охотник не избавлен в пути от усталости, жажды и голода. В полдень сделал Хуга остановку, последнюю, как верил, перед встречею с вепрем. На пригорке среди кустов шиповника он постлал свою черную бурку, налил глоток крепкого арака в прозрачный надтреснутый рог, обнажил бритую – с плоским, будто ножом срезанным, затылком – голову, посмотрел в небо и сказал: «О Хушау [17], знающий мое сердце! – помоги мне».

Хуга был охотник. В сердце его были вепрь и мучительно красивая Дуду. Он закусил чуреком с острым овечьим сыром и чесноком, помочился у большого черного камня, лежащего на узкой звериной тропе, и прилег отдохнуть.

Хуга был охотник; охотник спит одним глазом. Когда на землю упала первая капля дождя, Хуга вскочил на ноги. Со стороны Туала [18] гроза надвигалась. Ветер гнал с севера тяжелые черные тучи и рвал их в клочья об острые скалы и так завывал, будто стая волков неслась по небу.

Хуга был охотник. Он убедился, что порох надежно укрыт от влаги – и тот, что в рожке – и на груди, в газырях; затянулся туго в башлык, срезал с чинара посох, «О Уастырджи!» сказал и бодро двинулся вдоль по склону оврага.

Гроза в дороге была привычна Хуга. «Хушаустан [19], дождь – с неба: как обижаться на него?» – думал Хуга, глядя на потоки бурой воды, смывающие след вепря. Кончался четвертый день. Хуга съел уже два кукурузных чурека – и не сделал ни одного выстрела.

Дошел Хуга до края ущелья. За плотной, словно сукно недеванной черкески, завесой дождя не было видно ни гор вокруг, ни земли, ни неба. Но Хуга знал, что здесь кончается Ир [20] и впереди за скалами лежат земли грузин-рачинцев.

Даже в Кударском ущелье дожди заканчиваются так же, как везде: когда захотят. Вдруг стало тихо на земле и в небе, и воздух, несмотря на сумерки, стал так прозрачен и чист, как будто весь мир погрузился в ясный синий хрусталь. Где-то на западе невидимое умирающее солнце брызнуло последним лучом на ледяные вершины, и они запламенели, как остывающее в горне железо.

Хуга был охотник. У него в животе, прямо под ребрами, была струна, вроде тех – думал Хуга, что Сырдону [21] сгодились на его фандыр [22]. Когда приходил конец его, Хуга, одиночеству, он всегда ударяла в печень, звенела тревожно и внятно, – и тогда Хуга чувствовал, как у него растут волосы на голове и плечах, ногти и зубы и как растет он сам. Хуга понял, что одиночество его закончилось. А потом увидел.

Зверь был свиреп и огромен и походил на зубра с клыками вместо рогов, и каждый из них был в локоть величиной. Он стоял в семи шагах, косматый, черный, как гора или туча – и смотрел Хуга прямо в лоб. «Боги отняли у меня разум, – подумал Хуга, – моя кремневка в чехле и не заряжена».

Они смотрели друг на друга, не двигаясь и не дыша. Первым вздохнул зверь. Хуга показалось, что он услышал зловоние ненасытной всеядной пасти, его рука взметнулась вверх, к стволу кремневки. Вепрь сделал шаг вперед.

Хуга знал, что это ответ воина. Добыча ведет себя не так. «Говорю тебе – ты сошел с ума. Не успеть. Кинжал». Хуга опустил руку, медленно развязал у горла ремень бурки и одним ровным и сильным движением отбросил ее в сторону. Бурка взметнула мокрыми полами и опустилась на землю тяжело, как раненый беркут. Хуга оперся правой ладонью в рукоять кинжала, спокойно расставил ноги шире, наклонил голову и подался телом вперед.

Хуга был охотник. Всякому охотнику рано или поздно надо пройти сквозь игольное ушко. Или не пройти. «Вот оно – игольное ушко моей судьбы. Уо дуне сканаг Хушау! Ды мын машы кан [23]. А с ним я поспорю. Йараппын [24], это же, как-никак, просто большая свинья».

Прошла минута, тяжелая, до краев исполненная жизнью вечность. И тогда зверь издал звук, какой иногда издают все, даже самые большие и страшные свиньи. В нем были покой и умиротворение и будничная забота о вещах, его, Хуга, никак не касающихся.

Хуга понял, что это угольное ушко он миновал. По жесткой, как пиран [25], гриве вепря прошла крупная дрожь озноба, и он двинулся – но не к Хуга, а в сторону, туда, где лежала в траве, притаясь, тяжелая бурка. Не поворачивая пустой и легкой, как высохшая на солнце тыква, головы, одними глазами следил за вепрем Хуга.

Хуга был охотник. Ни один охотник не видел такого, что увидел Хуга. Вепрь подошел к бурке, обнюхал, тычась в нее хищным горбатым рылом, потом встал на нее всеми четырьмя копытами, осел немного задом – и в бурку ударила желтая пенная струя.

Хуга был охотник. Вепрь мочился долго. Для последней капли он тряхнул волосатым с противными проплешинами животом, сошел с бурки, бросил в нее, не глядя, ком тяжелой красной глины широким, как заступ, копытом и не спеша ушел в терновник, глухо ударяя в землю ногами и шурша жухлой мокрой травой. Когда он скрылся из виду, Хуга еще раз услышал тот же звук. «О штыр Хушау [26]. Ды мын машы кан. Что это значит?..» И, запрокинув голову, Хуга захохотал во все горло.

Хуга был охотник. Ни один охотник в Кударии не смеялся так. Так еще никто никогда не смеялся в Кударии.

Хуга был охотник. И первый раз Хуга был не тот охотник, каким себя мнил. На девятый день Хуга пришел домой без добычи. Он съел все свои три чурека в дороге и не сделал ни одного выстрела – даже не расчехлил ружья. Хуга смеялся.

В месяце Джоргоба [27] он сказал, смеясь, старому хитрому Шота-сауджину: «Нет у меня ничего, но все, что у меня есть, будет твоим. Ард харын [28], она будет со мною счастлива. Отдай за меня Дуду. Поклонюсь я Йесо Чрысти». Первый раз в жизни хитрый Шота Богиан тоже смеялся. Смеялся, качая головой, и крестился в седую бороду.

Хуга не всегда был охотник. Потом его сыновья были охотники. Он жил не легко, но радостно. Бог дал его семени большое, честное и трудолюбивое потомство. Оно приняло его

имя и позже половина мыгкага [29] Хуга ушла жить на север, через горы. Одни говорят, потому на нем легла благодать, что он поклонился Йесо Чрысти, другие говорят, потому, что принес он домой бурку, на которую помочился матерый вепрь. И что это, как будто, был не просто вепрь, а «кана зэд, кана хайраг» [30]. А я думаю, потому на нем благодать легла, что просто Хуга был добрый человек; а про бурку уже и не помнит никто. Еще говорят, потому Хуга и стал называться Хуга, и что будто бы до того случая носил он другое имя [31]. Только, помню, отец говорил, что дело совсем другое: просто Хуга был красив и статен [32]. Но вот что о нем известно подлинно: он был высок ростом, никогда не носил ни усов, ни бороды, раз в три дня брил голову – сначала сам, потом внуки – и резал ногти под самый корень, до крови, а к старости ступни его стали мерзнуть, так, что и летом он грел их в сакле, у очага. И часто смеялся, почти всегда, даже когда умирал. Йесо Чрысти молился только один раз в жизни, а жил девяносто восемь лет. А вот когда жил, тоже никто не знает. Говорят только, что его праправнуки, два родных брата Бур и Урс погибли, когда в Осетию пришел Рыныкаф [33], и что один из двенадцати сыновей Урса, Хугиан Цахахст, вместе с другими гудскими абреками, о которых писал Сека [34], воевал против русских на стороне Шамиля.

Март 2003,
Москва.

Примечания

1. Фарн – благодать (здесь и далее примечания автора).
2. Дзахо Гатуев, осетинский писатель; расстрелян в 1938 году.
3. Заман – эпоха, время.
4. Ронг – крепленый спиртной напиток.
5. Лула – курительная трубка, чубук.
6. Кударцы – обитатели Кударского ущелья Южной Осетии.
7. Осетинский историк, здравствующий поныне.
8. Так называли осетины свои аулы и селения, а теперь, милостью Божьей, и города.
9. Языческие божества: Устырджи – покровитель воинов и путников, Афсати – хозяин диких зверей, покровитель охотников.
10. Дзуар – языческое святилище.
11. Хуссар – юг, Южная Осетия.
12. Сауджын – священник, поп; буквально «чернец».
13. Реком – древнее языческое святилище в Северной Осетии.
14. Иисус Христос.
15. Паддчах – падишах, царь; здесь и дальше осетинские слова даются в звуковой транскрипции южного говора.
16. Возможно, Хуга пел другую песню; здесь приводится текст песни Гатуона Дзахо, упомянутого в предании.
17. Всевышний; бог.
18. Туал, Туалгом – ущелье в Осетии.
19. «Ей-богу»; «ради бога».
20. Ир; Иристон – так осетины называют свою землю.
21. Сырдон – герой осетинского Нартского эпоса.
22. Фандыр – осетинский музыкальный инструмент.
23. «О Творец! Только Ты не сделай мне ничего [худого]».
24. Идиоматическое выражение; здесь означает удивление-возмущение.
25. Чесалка для шерсти.
26. «О великий Боже».
27. Ноябрь.
28. Клянусь; букв. «клятву ем».
29. Мыгкаг – род, племя, фамилия.
30. «Или ангел, или черт».
31. Хуы – вепрь, кабан, свинья.
32. Хуыз – масть, образ, внешность. «Хуга» может означать как отношение к охоте на кабана, так и приятную внешность и открытый нрав человека.
33. Генерал русской армии Ренненкампф, начальник карательной экспедиции в Южную Осетию летом и осенью 1829 года. Закрепившееся в устной осетинской традиции произношение можно переводить как «рыба болезни (заразы, бедствия)».
34. Гадиан (Гадиев) Сека, один из основоположников осетинской национальной литературы.

Алексей МАКУШИНСКИЙ

Родился в 1960 году в Москве. Поэт, прозаик, историк литературы. По образованию филолог, кандидат наук. Автор книг «Макс. Роман» (Москва, 1998), «Свет за деревьями. Стихи» (Санкт-Петербург: Алетейя, 2007). Публиковался в журналах «Арион», «Вопросы философии», «Звезда», «Знамя», «Дружба народов», «Дети Ра», «Зарубежные записки», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Сибирские огни», «Стороны света», «Флейта Евтерпы» и многочисленных научных немецких изданиях. Член редколлегии журнала «Forum fur osteuropaische Ideen- und Zeitgeschichte» и его русской сетевой версии «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры». Сотрудник кафедры Восточноевропейской истории Католического университета Эйхштетт-Ингольштадт. В Германии с 1992 года. Живёт в Мюнхене.

В саду Сезанна

***

В счастливом городе чужом,
где нам, похоже, были рады
бесчисленные водопады,
и водометы и каскады
стеклянным сыпали огнем.

В счастливом городе – о чем
переговаривались с виду
безмолвные кариатиды,
земной не ведая обиды
и небо подперев плечом?

В счастливом городе, вдвоем,
мы потерялись и пропали.
Какие открывались дали
за поворотом и углом...
Мы будем жить, нам обещали,

в счастливом городе – потом,
в конце концов, в другом начале,
когда уйдут за окоем
неодолимые печали,
когда-нибудь, когда умрем.

***

Письмо несуществующему брату...
которого я так часто пытаюсь себе
представить,
не рожденному младшему брату, лучшему,
чем я сам, лучнику моего детства, я научил бы
его срезать тот орешник, который срезал
с другими,
и натягивать тетиву из лески, и делать стрелы.

Пускай он теперь стреляет в меня. Письмо
несуществующему брату, который один
лишь помнит
то, что я помню, брату моей печали,
брату этого снега, падающего за окнами,
очень быстро
и тихо, младшему брату, не Тео,
но много лучше
меня, умнее меня, смелее, лучнику,
письма тоже –

стрелы, тем более стрелы – строки,
но как настигнуть
того, кто быстрей живущих, быстрее снега?
Все то, что мы вместе помним, что будет
навек забыто,
звенит и поет за окнами, в комнате,
в беспросветном
молчанье огромной жизни, где мест так много,
где мы с тобой можем встретиться, брат
мой,
брат мой.

***

В дзен-буддистском монастыре,
где некогда я провёл
немыслимую неделю, по ту
сторону мыслей – всё

как было. Но мы заехали просто
так, с друзьями, никто не
ждал нас. Дверь была не закрыта,
и кто-то, похоже, был

внутри, но не было никого. Стояли
ровным рядом у входа
ботинки, туфли. Ни звука
не было ни внутри,

ни снаружи. Остатки снега
лежали еще под елью,
и кошка шла по своим кошачьим
делам через мокрую,

мартовскую лужайку. Я всё-таки
заглянул в ту комнату, где
мы когда-то *сидели*. Пятнадцать,
примерно, Будд

сидели там неподвижно, всё
те же, всё так же.
Нужен молчащий, чтобы
увидеть молчанье, так

я подумал. Мы сразу же,
конечно, уехали.
Тишина осталась, огромней
леса и неба.

***

В четырнадцатом
году на Западном
фронте солдаты
перестали стрелять друг в друга,
в Сочельник, в первый день Рождества.

Младенец
смотрел в высокое,
внезапно тихое,
над окопами, небо.

Генералы
любили Ирода искренней,
сыновней любовью.

Слава

Но представить себе, что он
ничего не знает о нашей
любви к нему, в самом деле
не видит памятников, не слышит,
как шелестят страницы, бегут
цитаты по улицам, в летний вечер.

***

Через полчаса его закроют,
этот парк, где мы сейчас бродили,
заметенный тишиной и снегом.
Но еще мы медлим у решетки.
Возвращенье в мир всегда ужасно.

В сумерках мерцают ледяные,
слюдяные плоскости и формы,
грани... И следы мерцают тоже,
наши и не наши, вдаль и дальше
уходящие навстречу новой ночи.

Статуи в коробках позабыли
все свои божественные роли.
В ледяную пену Афродита
возвратилась. Мы не любим тоже
в этот миг друг друга. Мы не любим

никого и ничего. Вот так бы
и стоять всю жизнь, в таком безмолвье,
все следить за умираньем неба,
где еще в провалах изумрудных
тают, тлеют тонкие ресницы,

что упали с век смеженных солнца.
Так, прости меня! вот так стоять бы,
ни о чем не думая, не помня,
становясь одним огромным оком,
у пределов тьмы, за гранью света.

Свет другой светить здесь будет ночью.
Будут звери пробегать сквозь отблеск
звезд, сквозь отсвет города, и тени
проходить бесшумно и бесстрашно,
в чудном мире, недоступном сердцу.

Электрички

Электрички, которых
ты боялась, всегда
приближаются скоро,
как любая беда.

Всякий раз ниоткуда
появляясь, из не-
бытия – если чудо,
то чудовищное – ,

они неотвратимо
надвигаются на
нас. Мы знаем, что мимо
не пройдет ни одна.

На воздушном просторе,
среди рощ и лугов –
аллегория горя,
символ всех катастроф –

электрички, которых
ты боялась... Перрон
уже чувствует – скоро
будет смят и сметен,

и перила, и ветки,
и дощатый навес,
все исчезнет навеки,
даже небо и лес.

Всякий раз ниоткуда
появляясь, они
налетают, как будто
окаянные дни –

не вагоны несутся,
скрежеща и хрипя
(призрак всех революций,
повторяющихся).

На синеющий ельник,
край души и земли –
роковой наметельник
уже видя вдали –

ты смотрела упорно,
с дрожью страха в глазах,
словно не на платформе –
на мазутных путях

мы стояли, не в силах
и не силясь спастись...
Все несчастья случились,
и все беды сбылись.

Мою руку сжимая
своей взрослой рукой –
мне ее никакая
не заменит – живой,

все смотрела туда, где
уже мчалось на нас,
громыхая, громадясь
и наваливаясь.

Вот замрет и застонет
и отъедет опять...
Хорошо на перроне
в тихий вечер стоять.

***

В саду Сезанна –
огромная
пиния. Что ты
знаешь, дерево,
о живописи, о стихах?

Сад разросся
с тех пор, как с порога
мастерской
он смотрел на твои вершины,
врастающие в лазурь.

Чистым золотом
смолы
живет в тебе этот
взгляд, самый ясный
на свете.

Но все-таки: что ты
знаешь, пиния, помнишь,
пиния? Ты горишь
на солнце, сгораешь в грозном
покое неба.

Ты счастлива,
как мы не умеем
быть счастливыми. Быть
тобой увиденными
стремятся слова.

Микены

Здесь слова начинаются сызнова,
им и сладко, и боязно вновь
начинаться. В Микенском музее
лупоглазый стоит Мандельштам.

Что ты смотришь, чудовище, чудище,
сочетатель несозданных слов?
Здесь становится будущим прошлое,
из могильной рождаясь травы.

Ничего еще не было, небыли
в мире много, ей хочется – быть.
Это облако белое выплыло
в первый раз на земной небосклон.

Ты боишься ли мира подземного?
Ты боишься? Не бойся, посмей
не бояться подземного, темного.
Хор камней не смолкает вокруг.

Все ты знаешь о смерти, чудовище.
Хор холмов помнит песню твою.
Мы приблизимся ощупью, осыпью
к начинающимся словам.

Помоги мне, далекому пасынку,
дай мне вслушаться, выпей мой страх,
змееглазое чучело чудное,
догомеровой песни стручок.

У окна

Sing of human unsuccess
In a rapture of distress.
W.H. Auden

Судьба по второму разряду,
вдруг думаешь. Думаешь – нет,
опомнись, чего тебе надо?
Грозой уже тянет из сада,
но хлещет и брызжет сквозь тучи
всегда победительный свет.
Не зли ее, что ты? не мучай
себя. Все доступное взгляду
распахнуто свету в ответ.

А все же – судьба по второму
разряду, не можешь никак
не думать. Приблизившись к дому,
деревья готовятся к грому,
и вспыхивает в отдаленье
антенны таинственный знак.
Земля наполняется тенью
небес, где по краю и крому
проносятся искры... *Не так*,

твердишь, все *не так*, что с тобою
случается. Как же она
небрежна бывает порою,
какой вдруг бывает чужою,
как наспех латает прорехи,
и как непомерна цена
за крохи, за полууспехи
Так злишься и споришь с судьбою,
в грозу, замерев у окна.

Она ведь к тебе благосклонна...
Пожалуй. Но так словно есть
там где-то другой, озаренный
удачей, счастливчик влюбленный
и гордый... Тебе ж без улыбки
оказана скучная честь.
Как все необъятно и зыбко,
как бьются и клонятся кроны,
и *там* налетает на *здесь*.

Все это неправда, конечно,
неправда, обидная ложь,
взметенная смутой сердечной.
Как верил ты в юности млечной,
отчаянной, солнечно-строгой,
что, ею ведомый, дойдешь,
какой бы ни шел ты дорогой,
до... Залп раздается картечный,
и в град превращается дождь.

Как скачут, и как этих градин
под солнцем, хлестнувшим опять
из каменоломен и впадин,
блеск быстр и беспечно-параден.
Слова лишь на помощь неверью
приходят, их горькая рать,
доспехи, и шлемы, и перья...
Все кончилось. Воздух прохладен.
Деревьям не больно дышать.

Борис ЧИПЧИКОВ

О себе. Родился в 1948 году в Киргизии в селе «Красная речка», живу в Нальчике, около поселка «Белая речка».

В 1978 году окончил истфак КБГУ, в том же году опубликовал первый рассказ в альманахе «Шуёхлукъ». Печатался в местных газетах и журналах. Член СП России. Издал две книжки - одна на русском языке «Возвращайся свободным», другая на балкарском языке «Улыбается Боже», третья томится в издательстве; они, правда, все худенькие и, если их объединить, то получится одна, да и та, не сильно пухлая книга. Я враг объема в литературе. Аполлинер: «Большая, прелестная осень», - здесь и ширь, и высота, и будни. В отличии от великих и не очень, считаю, что литература влияет на жизнь нашу, просто мы этого не осознаем. Ключевая фраза в жизни моей и судьбе: «Раньше родители жили на моей Родине, сейчас я живу на их Родине». Живу, и никак не могу привыкнуть к Родине моих предков. Меня, сформировавшегося, без малого, восьмилетнего перенесли из Средней Азии на Кавказ. Если бы я переехал из Курской области в Смоленскую - сильной разницы я не ощутил бы. Но переезд из Азии на Кавказ - это перемещение на другую планету.

Пытаюсь не поддаваться на «перегибы» власти: раньше «гнули в одну сторону, сейчас резко дернули в другую… стараюсь не реагировать и держаться за стержень именуемый детством. Да, пожалуй, еще поиск дома, тот, где я сейчас проживаю, десятый по счету, за квартиру я уже и не говорю. И все-таки есть, есть что-то соединяющее обе мои Родины. Родился я на Родине Айтматова, а живу на земной Планете Кулиева. Жить нужно, и я мечтаю о дне, когда я скажу - жить можно; плохо в это верю и, все-таки, надеюсь.

День, из которого невозможно уйти

Четырехлетний Эркин
гуляет в одиночку.
- Ты почему один, Эркин?
- Я не один, я с шапкой

Из Азии мы вернулись в мае, потому что все ликовали. А после мая, пришел март такой бездомный, как и большинство вернувшихся, и долгий, как приход в раковую больницу, он и сам был раковым больным: немытым, неряшливым, ничего не хотевшим, ничего не желающим. Тоска любит прогуляться по осени, иногда навещает весну, но родилась и живет она в марте. В марте и умирать не жалко, наверное, он для того и существует – это и оправдывает его существование. Люди бродили по марту во фронтовых гимнастерках и колхозных фуфайках и сами были зримым мартом. Они пытались в этом хаосе, собранном из грязи и тумана, освещенном блеклым солнцем, найти когда-то утерянное: знакомую тропинку, бугорок в конце огорода, камень у дороги.

Шло долгое, близорукое узнавание округи – собирание себя, в этом заблудившемся марте. Потерявшие искали свое, в потерянном.

Господи, как тягостно жить на чужой земле, в чужом доме, да еще и в марте, и есть с утра до вечера кукурузную мамалыгу, дерущую горло, как и сам март. Нам еще повезло – мы жили хоть в чужом, но доме. У большинства были хижины, сплетенные из прутьев, обмазанные глиной и крытые дырявой толью. И в «домах» этих, после дождя текли ручьи.

Нам все же крепко повезло с домом. Все было заражено мартом и даже горы, с виду такие крепкие, стояли понуро, будто в преддверии болезни. Единственное существо, которое было вне марта и как выход из марта – теленок наш, запертый в сарае. И сарай наш был под стать марту, сколоченный из досок кривых, вперемежку с бревнами. Если бы теленок умел плеваться, он бы плюнул на март, но это было доброе и интеллигентное существо, и поэтому плюющим его никто не видел. Он бегал по огороду брыкался, как жеребенок, а наигравшись, впадал в задумчивость, и мне казалось: он смотрит в какие-то светлые и чистые дали, которых мне никогда не достичь. Меня то же тянуло: побегать, попрыгать, но глядя на этих оза-

боченных людей, я понимал, что не надо этого делать – ни к месту это, да и не ко времени.

Отец привел с собой троих мужчин, а они прихватили с собой веревку и большой нож. Наверное, отец хотел накормить нас, чтобы мы с сестренкой Мадиной окрепли, выросли. Но я не хотел есть теленка, и сестра моя есть его ни за что не будет. Мы же кормили его из соски, гладили по бархатному лбу, смотрели в глаза ему, сидели с ним на соломе, в закутке сарая, а сейчас должны съесть его. В тот момент я знал, как много мы потеряем, съев любимое, и знал, что утерянное мы никогда не найдем – станем несчастными.

Я стоял у дверей сарая, сколоченного из всякого хлама, скрепленного громадными щелями и одет я, наверное, был под стать сараю и по щекам моим, лило и лило.

Отец что-то сказал пришедшим и они ушли.

Мой папа самый умный – он все понял. Он самый, самый добрый – захлебывалась теплынь внутри меня. И от восторга и ликования, я долго не мог шелохнуться. Как я его любил в эту минуту! И что-то общее и очень, очень важное было: и у теленка, и у отца, и у враз потеплевшего марта. Наверное, родное то, что было в отце, жило в теленке и передалось разочарованному марту. И это общность рождала слова: родственники, родное, Родина. И земля была непоколебима, и жизнь желанна.

Первый класс, как шаг в жизнь другую. Урок чистописания. Где же еще писать чисто, как не в этом безлюдье не в толчее же человеческой?

Урок чистописания. Скрип перьев. Тишина. Учительница у осеннего окна – святая Дева Мария, в первые мгновения без Христа. Утомленные от долгого ожидания людей, дома. Простуженные деревья, покашливая, бредут вместе с промокшей дорогой, в поисках зимы.

Первые дни. Первые уроки, На впервые увиденной Родине моей. У окна сидит Муса Боллуев, лицо его освещает солнце – он вылитая копия отца своего Ахмата. Очень серьезен и, кажется, что вместо отца вспоминает годы свои, проведенные в окопах и, отшелестевшую в тополях придорожных, и истаявшую в сини небесной войну вчерашнюю. Алеша Жарашуев написал слово арбуз с большой буквой на конце. Учительница наша, так смеялась и мы вместе с ней, а зря – парень был прав – арбуз и надо писать с большой буквой на конце, ведь он круглый. А если вспомнить о бесконечье оттенков его вкуса, то он и должен напомнить собой планету. Нас тоже не всегда верно учили. Отец мой говорил: если бы я каждый день ел арбузы – я бы никогда не умер. Сколько поэзии затаилось в этих незамысловатых словах. Я только сейчас узнал, с каким большим поэтом я жил в одном доме.

Впервые Бога я почувствовал годика в четыре, как почувствовал огонь, случайно коснувшись раскаленной печки.

Какая-то бабушка угостила меня огурцом, надкусив его, я онемел: как, откуда в этом пекле такая прохлада? И как эту жидкость упрятали в прочную зеленую обертку, и она не утекает? И каждый раз, пробуя какой-нибудь фрукт или овощ, все во мне переворачивалось, и я чувствовал Бога. А когда попробовал арбуз – я уверовал. Пробуя каждый раз что-то новое, я ощущал иную грань Бога. И пахли эти осколки запахов и вкусов, чем-то очень значимым, емким и цельным.

На беду моей тетушки Кани и на радость мою, у нее плохо было с произношением. А что бы избавиться от этого недуга, был один рецепт – читать вслух, что она и делала каждую свободную минуту. Она читала книжки для взрослых, как я сейчас вспоминаю от Свифта до Шекспира, она читала, а я слушал, а услышав, так поразился, как ничему другому на свете. Оказывается, слово пахнет: и огурцом, и виноградом, и арбузом – мало того, оно может все это вместить в себя. Сидя в маленькой саманной комнатенке, я одновременно, бегал с индейцами в прериях Америки, это ж уму непостижимо – слово, маленькое слово, может вместить в себя: и время, и пространство. Оказывается, в слово можно вместить все, что увидишь и о чем подумаешь. Это же здорово! Собрал все в слово и спрятал внутри себя – и никто, никто, на свете об этом не узнает. Так мне явился компьютер, задолго до его изобретения, в те еще времена, когда жил загадочный Сталин.

В школе я слушал слово о Парижской коммуне, о царях и коммунистах, я не продирался к смыслу, а внюхивался в слова, если пахли они: огурцом, дыней, или арбузом – значит

правда, если нет, то и в голову не брал. Были слова совсем без запаха, а некоторые пахли, но очень плохо.

И праздник наступил, когда в доме появился радиоприемник, расшитый спереди узорным шелком и с таинственным зеленным глазком.

Взрослые, сгрудившись вокруг него, с упоением слушали песни, едва они уходили на кухню, я переходил на другой канал и почти бездыханный вслушивался: в вести с полей, или новости – не важно, лишь бы музыка не мешала ощущать мне, таинственный запах самого слова. А когда, еще отсутствовали слова, я чувствовал шаткость человеческую и собственную неустойчивость. Вот я, маленький человечек стою в поле, а у поля того нет ни начала, ни конца, и я понимаю, что дойди я хоть до другого края, он все равно будет похож на свое начало - и ходьба моя, никакого отношения к опыту иметь не будет. Опыт – это не то, что обретено, а то, что ниспослано.

И только надкусив огурец, я почувствовал опору – и я стоял, и стоял крепко. И в тот же миг я утерял интерес к событиям, а значит, отказался от всякого «опыта». Вот идет человек на работу – и никакого отношения к сути огурца он не имеет и опыт не в его движении, а во вкусе самого огурца. И стал я жить в преддверии встречи с очередным чудо опытом, кем-то с большой любовью уже подготовленным для меня.

Къайсын осторожно ступил на Башильскую землю, и неспешно прошелся по прошлогодней хвое. Так, наверное, проходят на склоне лет, с чудом уцелевшей собственной колыбели. За ним из автобуса, хлынули его друзья-литераторы из Москвы. Я поздоровался с ним, и он ни с того – и не с сего, громко сказал: вот это, мой племянник, и он лучше всех знает мои стихи. И это было неправдой, приехавшие вместе с ним, гораздо лучше разбирались в его поэзии. Къайсын всех балкарцев звал племянниками и возраст тут не имел никакого значения. Племянник – он образовывал из слова племя, правда, ни с кем не делился этим своим секретом. Он, по сути был человеком, расширяющим границы родства – впрочем, как и любой другой большой поэт. Хотя поэзия, это реально существующая субстанция, и поэт это тот, кто отщипнул кусочек от этой реальности. Поэтов нет, и никогда не было, есть писатели, и весь вопрос в расстоянии, в дистанции меж ними и поэзией. И Къасын щедро отламывал от глыбы поэзии, находясь рядом с ней.

Возможно, главная задача поэзии – увеличение количества родственных душ на земле, людей различным цветом кожи, но единых в братстве слова. Для того и Слово ниспослано, чтобы уцелеть в этом тяжком испытании, зовущимся жизнью, а в кругу родных, это сделать легче, нежели среди чужых и чуждых, и чем шире круг, тем легче испытание.

Къайсын, сознательно преувеличил мое знание поэзии, и мне так нужна была эта неправда – именно сегодня, именно сейчас. На то он и племянник, чтобы чувствовать, что другому племяннику худо.

В этот день я успел переругаться со всем турбазовским начальством, хоть их и было всего двое: директор и его заместитель, но начальства всегда больше, чем того хотелось бы.

Как он почувствовал, что мне необходимы его слова?

Так чувствует охотник, идущий на тура. Так рыбак чувствует именно ту, необходимую заводь средь бурлины речной. И рыба лучше ловится не у того, кто умеет, а у того, кто ощущает.

С Къайсыном я родился в один месяц. Наши предки из одного ущелья – из одного села. В Киргизии мы жили рядышком – и на родине Айтматова. Большинство балкарских писателей жило, или родилось во Фрунзе, и прилегающих к нему селах.

В первый класс мы пошли в одну и ту же школу, уже в Нижнем Чегеме. И самую великую книгу – Букварь – я прочитал здесь. И первый настоящий снег, и дорогу, покрытую льдом и детей, длинными кнутами гоняющих по льду тому, деревянную юлу. Еще вчера эти дети барахтались в Азиатской пыли. И снег, и лед, деревянная юла и горы – все впервые. И кто ж детей, за ночь научил так лихо щелкать по юле?

Что-то я не видел, что бы родители их этому учили. Во сне, что ли привиделась им эта игра? Тайна ...

И тайна впервые услышанного Пушкина.

За классным окном все Пушкинское: и снег, и лед, и краснощекие дети, в самодельных

санках и дворняжки, восторженно барахтающиеся в снегу. Пушкин во все времена года, Пушкин, но зимой, он светлее и пронзительнее, какой-то емко-радостный.

И первую в жизни шоколадку я получил из рук Къайсына. И впервые в жизни, я увидел улыбчивого человека – это был Къайсын. Да и кому было улыбаться в нашем селе, медленно таявшем средь Азиатской, аховой степи, под ярым восточным солнцем. Улыбка была, как табу, как нечто постыдное средь ссыльных и потомков каторжан, средь отсидевших, или ожидающих с минуты на минуту, кары сей.

Смех – то я слышал, но чтобы человек так устойчиво улыбался – видел впервые. Он стоял весь залитый солнцем, большой и добрый... и улыбался.

Я стоял с нашим свирепым, черным псом, который сидя был на голову выше меня. Я взглянул на собаку, а она изумленно смотрела на Къайсына – не тявкнула даже – она была изумлена не меньше моего, ведь и она впервые видела улыбающегося человека – и мы оба растеряно смотрели на диво. И выражение глаз, у нас было одинаковым. Он стоял и молча улыбался. В его молчании было так много, что мое пустое, громадное нутро не могло все это вместить. Я понял лишь малое, из его неохватного молчания: мужество это не длинный меч и грозный взгляд, не шрамы вперемежку с морщинами, мужество – это стоять, стоять и улыбаться. И нет другой формы и сути мужества. Несчастен ты, когда не можешь улыбнуться. И нет иной формы сути несчастья. Ведь улыбка – это ответ небесам. Тогда у меня не было слов, чтобы выразить свои чувства. Но у меня были знания – тогда я без труда мог написать Библию, а сейчас у меня много слов, но с их прибавлением, уменьшились мои знания, и сейчас Библию я могу лишь прочитать – и не более того. Знание – это безмолвие. Когда просыпается разум – исчезает истина.

Солнце. Безлюдье. Безучастная степь. На скорую руку, слепленные из глины домишки – как мавзолеи для живущих. Домишки, сооруженные на случай потопа – снесет, не жалко, или еще постоят до следующего выселения. Черный безмолвный пес на цепи. И все это, на одном уровне – и над всем этим возвышается улыбчивый, теплый Къайсын. И такая горькая, детская тоска вселяется в меня, на исходе лет моих – совсем, как в тот далекий, давний день, когда Къайсын на новенькой «Победе» бежевым пятном растворился в оранжевом бесконечьи округи, оставив меня в безнадежной пыли Азиатской, с шоколадкой в руке. Шоколад я отдал маме, она отломила кусочек – мою долю. И я, окунув ноги в прохладный, булькающий арык, долго-долго ел эту сладость. Эта была не еда, а вкус будущего. И вкус этот предвещал какие-то радостные дни, необыкновенные события – надо только вырасти и дождаться. И я знал: вкус – это время и твое соучастие вместе со временем, в создании и поддержании вкуса.

На базаре маленький мальчик маме: мам, купи мне резиновые сапоги.

- А зачем они тебе?

- Буду по лужам ходить.

Мать резко дернула его за руку, и чудо не состоялось.

Ведь это чудо, ходить по воде и не намочить ноги, что чуднее и чудеснее на этой земле?

Мальчик просто помнит этот день, когда Христос шел по воде – и неправда, что дело было зимой, это было летом, мальчик все помнит, и никому не даст соврать. Он сам много раз ходил по воде, не намочив ног – и уверовать, что это может кто-то другой, ему не нужны: усилия, попы, посты, молитвы и книги – ведь это так очевидно. Нас угощали конфетами и пряниками. Будь хоть одна конфета, мы с сестрой, относили ее маме, она делила ее пополам, и только тогда, часть конфеты наполнялась чудом.

Помню, как я съел пару конфет, не донеся их до дому – помню разочарование свое.

Проходя мимо магазина, (а их тогда было так мало, и они были так желанны) мы никогда не просили маму что-нибудь купить – боялись, а вдруг у нее не хватит денег, и ей будут стыдно перед людьми. Никто нас этому не учил – просто это было тогда, когда детская душа была большая-пребольшая, она вмещало все, и все знала. Растешь видно за счет души своей: сам становишься все больше и больше, а души все меньше и меньше.

Когда приходил гость, доля наша сладкая возрастала. Оставалось – пойти в любимое местечко свое, мелко-мелко откусывать от конфеты и день становился длинным-длинным, и

сладость нечастая, уносила тебя далеко-далеко.

Сейчас у детей есть все – во всяком случае, больше, чем у нас когда-то. Они едят много разного: вкусного и приятного. Но время так уплотнилось и убыстрилось, что у них нет времени насладиться съеденным. Еда ведь не только поглощение – это встреча с иным, и чтобы осознать значимость этой встречи, нужно время.

И едят они на земле заземленные – и никуда их не уносит. А нет удивления – нет чуда. А удивление – это то, что движет эту жизнь. Нет удивления – не полюбил, не полюбил – не прожил.

Жизнь была щедра к нам, она давала такие длинные дни, такие длинные, что они тянутся из того предрассветного далека, и не обрываются в иных временах, в тех, в которых живем сейчас.

Бедные еврейские дети. Они станут великими скрипачами, великими философами, но у них не будет самого главного в этой жизни – длинного-длинного дня. Того самого дня, по которому, еще хоть как-то, можно узнать себя. Еврей – это беспрерывная смена форм обездоленности: от нищеты неподъемной – до богатства самоубийственного. И вечное освоение этих тяжких форм. Бедные евреи – дайте им возможность остановиться. Мне их жаль, я чувствую свою вину перед ними и мне стыдно. Если одного преследуют многие – преследуемый теряет вину, а преследователи ее приобретают. Мне не нужна вина чужая – мне своей хватает. Я их всегда выделял среди остальных – отламывал от доли своей кусочек хлеба, не взирая: богат он или беден. И они брали хлеб тот, как манну, и богатые и бедные. И хлеб тот, был ценнее манны, ибо нес он не насыщение, а рукопожатие. И в хлебе том затаилась возможность, когда еврей мог бы сказать: Господи, наконец-то из всех времен по кусочкам кровавым соберу тело свое, и найду душу свою, затерявшуюся в безвременьи, и вселю в тело, мною собранное.

Моисей шел позади народа своего, он заслонял собой дорогу назад, дабы, оглянувшись, не увидел он Египта и не соблазнился бы сладким рабством, ужаснувшись долгой дорогой к свободе. А впереди шел самый старый еврей. Он еле передвигал ноги, и с трудом приоткрывал иссиня-фиолетовые веки, изредка поглядывая на оранжевое бесконечье песков, бездонной поволокой глаз своих. Шел старец, сдерживая спешащих, – он знал, что до свободы не добежишь, к ней надо идти медленно и долго, очень долго. Евреи еще не вышли из Египта, ибо границы Египта расширились безмерно. В «Египте» не только евреи, в «Египте» – все, и никто и никогда не покидал пределов «Египта». Из «Египта» можно выбраться или всем сразу или – никому. У выходящих из Египта, на ногах будут висеть оставляемые, и если удастся от них освободить ноги свои, то из оставшихся и родится терроризм. Родина терроризма «Египет» – то есть несправедливость.

Отломите еврею от хлеба своего, и вы увидите: и дальше и больше. И узнаете то, что у вас за спиной, чего не видите вы, а видит еврей, с высот своей обездоленности. Ибо высота – это то, что сооружено из собственного страдания и нет высот иных.

Отломите еврею от хлеба своего, ибо он испытание ваше, отломите ему от хлеба своего, и спасены будете. Евреи – не ваше отношение к народу сему, а ваше отношение к собственным проблемам.

Национализм – попытка пролезть в узкую форточку, при широко распахнутых дверях. Националист – первейший враг своего народа – мало того, что он забыл про распахнутые двери, он пытается и народ свой протащить через эту форточку, сужая возможности народа своего, ориентируя его на мелкое и злобное.

Национализм – это преграда, мешающая народу внести достояние свое в достояние человеческое.

Национализм и существует для того, чтобы уменьшить достояние народное.

- Вот, привез сына Пастернака – Евгения – сказал Къайсын.

- Его отец поддержал меня – трудно мне тогда было.

Подумалось: «А когда тебе легко было?».

Пастернак сказал свое слово – и Къайсын устоял.

Кто-то ж словом своим, поддержал Пастернака... и так по цепочке, до самого Адама. И я зримо увидел, как братья по слову, взявшись за руки, держат шар земной – отсюда и Интернет, как калька с этого видимого братства. И если бы человек словом своим не увеличивал

бы число братьев своих – люди давно бы перерезали друг дружку, и некому было бы держать землю, и она рухнула бы. На слове человеческом земля держится.

Къайсын шел по Башильской земле, по родовой земле своей. Кулиевы издавна держали здесь коши свои. И шел по своей земле горец – потомок горцев.

Как много чего: знамого и незнамого умещается в этом, собранном из эха живших, и дыханья живущих, слове горец.

По языку, Къайсыну близки – азербайджанцы, по характеру – грузины (он предполагал, что Кулиевы – выходцы из Грузии), но безликое слово – горец, поглотив и характер его, и язык, который он любил больше всего на свете – сблизило его с армянами.

В основе горского – провидческий консерватизм, который держиться на двух ипостасях: не считать себя умнее предков своих и не пытаться догнать время, а тем более, его обогнать. Время горец воспринимает, как зайца, бегущего по кругу. И не дело человека, а тем паче народа, гоняться за зайцем по кругу – лучше стоять в одной точке и достойно встретить его. Горец не ринется, сломя голову, искоренять несправедливость, он знает: ничто не может находиться в одном и том же состоянии, и несправедливость, переполнив собственную вместимость, изничтожит самое себя. На равнине ты, споткнувшись о камень, слегка ушибешься. Если ты в горах сдвинешь камень – можешь оказаться: или под лавиной, или в пропасти. Поэтому горец, примеряет и примеряет, ждет и верит, что время отрежет за него.

Горец – это тот, кто пришел в горы за свободой, как раскольники шли за ней в тайгу. И цена той свободы – меньше есть и больше трудиться. Но она стоит того. Горцы – общность людей, зреющих в собственном соку, не смешиваясь с другими, зреющими до осознания собственной сути и предназначения. Иван Грозный, истребил одну треть населения, и все-таки, это была обрезка дерева российского. Петр I срубил ствол, не дав дозреть русской сущности. Спасибо, что хоть с корнем не выкорчевал. И растут из этого корня молодые побеги: кто на восток, кто на запад, мучительно пытаясь срастись в ствол единый. Петр I нанес вреда стране своей больше, чем все остальные правители вместе взятые.

Горец же зреет в свободе: он не обременен властью, деньгами государевыми, правоохранительными обязанностями – зрей и вноси плоды свои, в общность человеческих ценностей, ведь ничего тебе не мешает. Это божий подарок. Вот он и зреет, и терпеливо ждет плодов своих. Он знает, что самое необходимое, самое ценное сформируется само собой и как награда, непременно придет к людям. Ведь мироздание, как и слово художественное, потихоньку отторгает все лишнее и долго – долго взращивает необходимое.

Горец говорит: «Если я пожелаю кому худа, пусть оно вернется ко мне, если кто возжелает мне зла, пусть Боже вернет ему желаемое».

Горец – это когда не в унижение бедность и богатство не в гордыню. А это и есть свобода, за которой он и шел сюда. Не всякому дано то, что он искал. Да не всякий и знает, что он ищет. А здесь повезло по крупному.

Горец не интересуется национальностью другого. Он просто спрашивает: «Ты горец?» Горец никогда не скажет «Спасибо», ибо этого слова нет в языке горца. Делать добро – это обязанность, и благодарность здесь не предусмотрена. На чье-то хорошее горец может сказать: «Будь здоров, богат и щедр», надеясь, что усвоив эти слова, ты вынужден будешь творить добро.

Для себя, в первую очередь, горец говорит: «Если ты хорош, то хорош для себя». И это справедливо. Но жаль, далеко не всякий горец, говорящий, что он горец, является таковым. Ибо, далеко не всякому дано впитать то, что вмещается в короткое слово – горец. В полной мере это удалось Кязиму и Кайсыну. И это потому, что главная их мысль была: Не утерять. Мы же, безустанно пытаемся приобрести, не замечая, что приобретая – теряем. И эти люди, вне слов и оценок, как и родившие нас, ибо сущность не имеет словесного обозначения.

Река Башиль, ошалевшая от ледникового холода, неслась в теснине, пытаясь хоть как-то согреться. Отогревшись у равнины Башильской, стихала, блаженно распадаясь на маленькие речушки. И все как бы замирало: и молкли немногословные горские птицы, замирали на полянках изумрудных, солнечные, смешливые маслята, и дышали глубоко и молодо древние

сосны и нежились в теплой бирюзе, умиротворенное небо, небо, из цвета которого японские женщины шьют себе платья, и, глядя на эти платья, видишь благодать Башильскую.

Японцы, не потому японцы, что опередили всех по высоким технологиям. Японцы, потому японцы, что дождались собственного созревания. Дождались. Созрели. Создали. Все просто и всего достигнешь – только смирись, слушай, жди ... и все придет. «Все еще впереди ... надейся и жди». Не кричи и не бей себя в грудь, дабы не смела тебя незрелого, неумолимая молчаливая справедливость. Бойтесь справедливости, ведь это одно и то же, что неумолимость и неизбежность. Несправедливый похож на игривую мышку, возомнившую, что на всей земле перевелись коты.

Несправедливые, не делайте мир беднее – не убивайте себя.

На глазах, река Башиль изначалье свое превращала в исход и вновь обретало начало. Будто к морю себя примеряла – где нет конца и начала. Если, взглянувши на море, человек не поумнеет – он не поумнеет никогда.

Я могу представить себе националиста: в джунглях, в прериях, но у моря – никогда, ибо очевиден он у моря: жалок и мал.

Горец трепетно относится к чужому благодеянию. Когда ему сделают что-то хорошее – он собирает угощение для своего благодетеля и узелок тот называет: Нохтаба. А переводится слово это двояко: Путь к Ною и поднос для Ноя. Сколько иронии и юмора в этом слове. И какова благодарность народная на добрый человеческий жест. Хороший человеческий поступок, приравнивается к спасению от Всемирного потопа. И без этого слова, скучнее и скуднее было бы в Ковчеге Ноя. Да оно, просто там необходимо. Добро породило жизнеукрепляющую благодарность и спрессовалось в этом энергичном слове, и открыло путь к спасению.

Нохтоба – звучит, как не подлежащая сомнению, очень значимая, нестираемая печать – краеугольный камень горской сущности.

У горца нет вождя, горец – парламентарен по сути своей. Горец не ринется в дали иные. Он утепляет землю свою, растит себя в ней. Он инстинктивно чувствует, что осваивать иные пространства – это измельчить и растворить себя в этих пространствах. Горец – это энергия, направленная внутрь.

К Къайсыну пришли скромные «племянники» в сопровождении величавых собак. Собаки хорошо понимали свою миссию, ибо для горца, демонстрировать свою значимость, все равно, что выйти в мир, в нижнем белье. «Племянники» без суеты, мгновенно разделали баранов, а бараньи останки раздали своим собакам. А те, устроившись под соснами, на шелковых моховых тронах, не спеша, поедали доли свои. Никакой праздничности, все подомашнему. А что праздновать?

Праздник – это когда построил дом. А это еще никому не удавалось. Сам Господь Бог не завершил постройку дома. Мы, пребывая в жилищах, кладем фундамент будущего дома и сами станем фундаментом, и это, не так уж и мало. Какой там праздник. Ближе к весне, заканчивается сено, а купить комбикорма денег не хватает. И когда вы едете в горах, в теплой машине своей, просмотрите на заснеженный склон и на человека, стоящего рядом с отарой. Бараны хоть греются, выгребая из под снега жухлую траву, а он стоит и стоять будет до самых потемков, под ветром, который вы не услышите в наглухо закупоренной машине. Посмотрите на заснеженный склон и все увидите горца. Он вернется в жилище свое, отмороженными пальцами, возьмет горячую пиалу с шорпой и, отпив, вдруг почувствует дом, ибо дом это не зримое, а ощутимое. Но, пообвыкшись, потеплев, он вновь возвратится в жилище свое. Посмотрите на снежный склон и на человека с отарой, и вы увидите дорогу к дому своему, который вы пытаетесь построить. Посмотрите на этого человека и вы увидите, каким должен быть дом, и как он выглядит, и нет иных вариантов постройки дома.

А средь благостного Башильского оцепенения и неспешности людской, гравийная дорожка, у деревянной столовой, источала гул далекой городской жизни. Ближе к вечеру, накрыли столы, но выяснилось, что тракторный движок, дающий свет, сломан – благо керосиновых ламп было вдосталь, ими и украсили подоконники. И без того крупные головы горцев, став

в полутьме нереальными громадами, вырисовывали горскую вечерю. И как Осанна, рокотал голос Къайсына – «летаратура». И это бледное, почти канцелярское слово – литература, превратившись в «летаратуру», наполнившись сущностным выдохом человеческим, полилось и зазвенело звоном веселым, падающих с Чегемских водопадов сосулек, и пахнуло умиротворенностью зимней реки и наполнилось гулом, переполненных памятью гор. Это и было основой того фундамента, который без устали и спеси, строили горцы. И в этой внеземной полутьме мне виделась нить, протянувшаяся от Пастернака до Къайсына, а от него к нам. И мальчику Пастернаку, что-то важное успел сказать Толстой, гостивший в его доме. И нить эта по цепочке тянулась до самого Адама. И не было ничего, прочнее этой нити, и на нити той и держалась земля.

И если словом своим ты причастен к судьбе другого – ты обрел родственника, и нет ничего крепче того родства.

Господи, воюем ведь с родными. Кровь разжижается во времени: тот, кто близок к тебе сегодня, завтра станет дальним. И только родство по слову и судьбе – вечно. И свидетельством тому – эта горская вечеря.

А утром ни Къайсына, ни его друзей не было – он ушел так же внезапно, как и появился, совсем как в тот давний Азиатский день.

И вновь появились туристы, и зазвенел, закрутился день, полнясь беспечным бытом.

Туристы ходили под горой и влезать на нее не собирались – они считали, что осилившему гору, не увидать горы самой. Я тоже придерживался того же мнения. Мы не хотели испытывать себя, справедливо полагая, что Бог и жизнь сама – достаточное испытание.

Если Париж стоит мессы, то люди – оды. В конце концов, мы россияне, а это само по себе – испытание.

Другого мнения были горные инструктора. Они перебирали свое снаряжение: веревки, кошки, рюкзаки, а когда доходили до слова шлямбур – я начинал закипать, ибо я воочию слышал, как романтизм начинает обрастать профессиональной щетиной, а мне он виделся безбородым. В один из дней инструктора, укрывшись под громадными рюкзаками, ушли покорять вершину. Дня через три, они вернулись усталые, загорелые и очень довольные. Якуб подошел ко мне, не Якуб, а сплошное ликование.

- Ты чего такой радостный, Якуб?

- Как? Мы же хорошую вершину сделали и назвали ее «Пик Суздаля».

- Якуб, а ваш руководитель Витя откуда родом?

- Из Суздаля

- А почему вы не назвали гору «Пик Ростова Великого или Владимира».

- А потому, что Витя приедет в свой Суздаль и скажет: Вот какой я молодец.

- А почему вы не назвали гору «Пик Кайсына Кулиева? Почему не назвать его именем какой-нибудь бугор в округе, где его предки пасли баранов своих? Как говорил один партийный деятель: «Из стихов Кайсына можно построить второй Кавказский хребет». И я, махнув рукой, ушел.

На следующий день ко мне подошел Витя.

- Слушай, о Кайсыне мы как-то и не подумали. Давай в округе присмотрим что-нибудь стоящее, а через пару недель и сходим туда.

- Да, есть хорошая гора, ты ее тысячу раз видел – она напротив «каравеллы».

«Каравелла» – двухэтажный, громадный финский дом на поляне среди сосен. Покрашенный олифой, он и вправду похож на позолоченный первыми лучами солнца корабль, идущий по зеленому морю. И мы с Витей, стоя у «каравеллы», увидели меж двух зеленых гор, белую двуглавую вершину.

- Да, – только и мог сказать Витя.

Они пошли на эту гору, и в тот же год, Верховный Совет утвердил название. И было это в далеком двадцатом веке, 1973 году.

И Къайсын собрал этих ребят в ресторане «Берег», и они сидели там до утра. Что ели, что пили, о чем говорили – не знаю, меня никто туда не приглашал, но это уже другая, менее

интересная история. Ушли из жизни: Иосиф Кахиани, Якуб Аккизов, Мусса Аппаев – ушли, но успели связать судьбу свою со словом и судьбой Кайсына.

Живы, слава Богу: Алеша Жарашуев – преподаватель яникоевской школы, Алик Кожемов – декан спортфака, Наурби Мамишев – преподаватель Центра научного творчества.

Они и сейчас ходят и выискивают что-нибудь красивое, чтобы назвать красоту эту в честь кого-нибудь хорошего и необходимого.

«Природные» люди, как любят выражаться они сами – и с этим уже ничего не поделаешь.

На следующий год, мы стояли и смотрели уже на его гору. Кайсын был умиротворен, как сытый лев, разве, что не мурлыкал.

Только фронтовики полнятся благостью при виде обыденности. И благость та устойчива – она не может уйти, ибо место ее займет война, потому, что прошедших войн не бывает, как не бывает забытых переселений.

А во мне все ликовало – и я видел воочию, как слово его отозвалось. Видел нить, протянувшуюся из того давнего Азиатского утра, до этой белой горы, утопающей в зелени гор соседних. Кайсын просто стоял и улыбался. И мне казалось, что рядом с ним, и я становлюсь большим. На то и крупное, чтобы из малого, сделать большое.

И из детства всплыло давнее: мужество – это стоять и улыбаться.

Мужество – это не длинный меч и грозный взгляд. И не шрамы, вперемежку с морщинами. Мужество – это просто стоять, стоять и улыбаться.

И во мне звучала нелепая песенка: «С неба звездочку достану и на память подарю». И не важно: я назвал, или кто другой, а важно, что это возможно. При жизни твоей и другого.

Через много лет, уже в веке ином, я с «оказией» добрался до Башиля. Снег, пустые, некогда веселые домики. «Каравелла» отгорожена колючей проволокой, а за ней, рыженький солдатик с автоматом – и почему-то подумалось: «А зори здесь тихие...».

Поплелся назад, натыкаясь в снегу на обрывки колючей проволоки.

Пустые домики, излучая давнее человеческое тепло, растопили около себя снег. И на земле той, оттаявшей выросли маслята. Никогда еще не доводилось собирать грибы в снегу. А какие хитрые – все рассчитали: дождались, когда уйдут люди и уползут черви. На встречу со мной они явно не рассчитывали. И вот стоят передо мной, как удивленные дети. На равнине, в лесу я собирал грецкие орехи, и вдруг, натолкнулся на большую ореховую кучу, радостно стал сгребать ее в сумку и почему-то посмотрел на дерево, с какой укоризной и обидой смотрел с вышины на меня бельчонок – до сих пор забыть не могу.

До ближайшей деревни восемнадцать километров и неизвестно, найдешь там попутку или нет. На сосновом склоне, сель то там, то сям, отгрызла куски горы вместе с деревьями, побледневшая горная речка, почти не дышала, по бокам, под ногами, корчились обмороженные камни. Я шел и пел: «С неба звездочку достану и на память подарю». А мне бы петь какие-нибудь бодрые, революционные песни, что я часто делаю по утрам, в теплой городской квартире, готовясь выйти в жесткий день.

«На границе тучи ходят хмуро...», «Если смерти, то мгновенной, если раны – небольшой...».

И, вроде бы, нет лучшей адаптации с грядущим днем. А я шел и пел дурацкую песенку: «С неба звездочку достану и на память подарю». Хоть она никак не увязывалась с тем, что я вижу, но без нее я плохо представляю то, что хотелось бы мне увидеть. Я шел по безлюдью и громко пел. У меня, столько родни, и я это осознавал, так кому ж еще петь – как не мне? Вроде бы и за тысячу лет меня никто не услышит, но я узнал, что кто-то меня внимательно слушает и, из невообразимого бесконечья, улыбаясь, кивает мне головой. Песня Ему нравилась. И весь вопрос в том: гармонично ли твое звучание с гулом черной дыры, или мягкий звук твой не преодолевает солнечной опеки? Я шел и пел простенькую песню и веровал в нее.

И не важно, кого ты встретишь в пути, а важно, каким ты выйдешь из дома. Ты встретишь того, каким ты ступил за порог.

Благословение долгам моим

Шедевр – это краткость звука
И бесконечье отзвука

Тогда, в реанимации, подумай я о душе – то ушел бы вслед за ней.

Меня затормозили обычные, не Бог весть какие, житейские мыслишки. Сквозь болючий туман, впереди моей коляски, плыли два светло-бирюзовых пятна – медсестры в халатах. Иногда эти пятна, сливались в одно, ввозя меня в детские бирюзовые рассветы, зачарованные красно-желтым полыханием земли Азиатской.

А за окнами, наверное, туман – ведь в палате все белым-бело: и стены, и простыни и, даже, кровати.

Сидя в коляске, я вспомнил давний больничный разговор с одним очень здоровым парнем, оказавшимся в больнице по причине косоглазья – он плохо видел себя в рядах: то ли советской, то ли Красной Армии. Да еще, он курил красную «Приму», исписанную такими словами: «Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, сигареты пятого класса, курение опасно для вашего здоровья ». Текст навевал ему мысли о бандитах Ростовских, о раненном в голову Щорсе и цветущим цветом золотым, несмотря на такую потерю, Чубайсе. И любому врачу было понятно – человека, надо спасать. И понятно от кого. Что бы как-то скоротать больничное время, я спросил у него: «А какая у тебя мечта?» И это ясноглазое существо – кровь с молоком и чао-какао, не задумываясь, ответило: «Я хочу быть здоровым, но чтобы меня катали в коляске». И ему верилось, потому как, мечта его срослась с целью и переросла в единую, неделимую убежденность. И сидел я в кресле-каталке, скованный болью, но внутри боли той, как живительное пощипывание, зарождался смех. Надо же, мечталось кому-то, а перепало мне. По крупному мне всегда везло. И вспомнилась маршрутка, в ней одни женщины, и я смотрю на них и думаю: какие они счастливые, они не попали в число тех семнадцати тысяч, которых ежегодно убивают мужья и любовники. А они безмятежно едут себе, почти счастливые и не ведают об этой печальной статистике. Блаженны незнающие, блаженны неведающие. Вспомнился мужик-верзила из телевизионной «Дежурной части». Он подходил к ребенку и просил у него велосипед покататься. Поймали его на десятом велосипеде. Я представлял громилу на детском велосипеде, и мне было смешно. Я видел, расстроенного малыша, и мне было грустно. Детский велосипед – пустяк вроде бы, а какую веру угробить можно в этом, все впитывающем существе. А утеря веры, безвозвратна. А без веры, он просто оболочка.

Хорошо, если парень умный, хорошо изнутри сложенный – понимает, что опыт не собирать нужно, а просеивать через детский, безошибочный камертон. А если нет, а если не все так гладко с наследством, а если начнет копить в себе этот «опыт», да в нужный момент не поможет нуждающимся?

Да это просто Джек-Потрошитель, на велосипеде детском. Господи, как бесконечно, многолико убийство.

Вспомнился, давно ушедший отец мой.

- Сынок, у тебя есть хоть капля гражданской совести?

Тогда еще такая была. Сижу себе и думаю: «Тут хоть обычной бы наскрести в продрогших сусеках своих».

- Вот я выйду сейчас на улицу и наберу полную арбу женщин. А ты седой уж наполовину – пора бы о семейной жизни подумать.

Я вижу отца и полную телегу женщин. И мне сквозь боль мою, смешно. И выплыло уличное: «Жизнь научит смеяться сквозь слезы». И мелькнуло: «Как же я с такими несерьезными воспоминаниями предстану перед Богом?».

Между мной и Богом были две девочки-медсестры, они стояли с двух боков, прижавшись ко мне бедрами, и лепили на грудь мою, какие- то присоски. Какие у них крепкие ноги, а я думал женщины пушистые. И эта, женская прочность удерживала меня на земле, не давая растворить-

ся, в манящем, бирюзовом бесконечье. И подумалось: вот так стоит дом с сиренью под окном, с цветами на подоконнике и ликом Девы Марии на стене. И у меня не было возможности уйти. Больничная палата – вроде потустороннего отстойника: ты еще не там, но и здесь как-то не весь.

Я спросил у печального больного: «Что инфаркт?».

- Да, почти, – безжизненно буркнул он

- Из-за жены?

Он посмотрел на меня одним, чуть ожившим глазом, другой – был надежно захлопнут.

- Откуда ты знаешь? – услышал я голос, со слабым, но уже интересом к жизни.

- Обидно, – сказал я, – будь какая уличная знакомая, тут ведь своя, живешь вместе, хлеб и душу пополам, а тут – хлоп, как из-за угла, и прямо в сердце, и если повезет, то шрамы на сердце том, а если нет... то нет.

Он, вроде, чуть ожил, но мне показалось, веселее ему не стало.

Инфаркт – результат встречи с неожиданным, с чем встречаться не предполагал, а тем более, не желал. Сознание отвергло это отвратительное нечто, а сердце приняло, сердце все принимает. Принять-то приняло, а вместить не смогло.

Три ступеньки: реанимация, больница, поликлиника – и не понять: то ли ты опускаешься вниз, то ли карабкаешься вверх. Но в поликлинике как то спокойнее, почти как в жизни: сиди и жди, какая дверь откроется, и успевай вовремя захлопнуть дверь свою. Свои двери придумали исключительно для того, что бы закрывать. Люди то здесь, то там ждали. Редкие больные поднимались по лестнице, но их движение не было заметно средь этого емкого ожидания. Все сидели в коридоре, и казалось, что сидят они тут издавна – как духи предков, не нашедшие земного успокоения. Рядом со мной села женщина. Напротив сел паренек и погрузился в неведомое. Вдруг, звонкий голос соседки, обращенный ко вновь пришедшему: «А я сюда первая».

- Ну, тогда я второй, – нехотя, пошутил паренек.

- А вы тоже сюда? – вдруг, заметила меня соседка.

В таких местах я ощущаю себя, как в самолете: вдыхаю при посадке, и выдыхаю на выходе. А попадаются пассажиры: что-то читают (даже, бывает, Достоевского, что вполне уместно в сложившейся ситуации), смеются, едят, и это на высоте десяти километров. Господи, кого только нет.

Из, сбежавших от меня слов, я еле выловил одно, и то не самое длинное, и, вполне спокойно выговорил – да.

И я увидел ее глаз – синий-синий, второй был явно стеклянный. И увидел я улыбку – будто сам недавно родился, и так мне понравилось увиденное, что я улыбнулся. Это потом я увидел ее зубы – они напоминали, почерневшие от горного ветра, причудливо изъеденные временем, невысокие скалы. Но эта улыбка смывала все изъяны ее лица. Эта улыбка и синь одинокого глаза, вновь окунали меня в трепетную бирюзу моих детских рассветов.

- А вы, по поводу инвалидности?

- А, что у вас болит?

- Да, раны сердечные, – скромно сказал я.

- А Вы знаете, я тоже, но у меня с головой – я попала в аварию.

И не было в ее словах никакого идиотизма, а было доверие и какая-то искренность, какую я, давным-давно не слышал и не видел. Мне не нужно на нее смотреть – я чувствовал, как под обломками машины, осталось все лишнее, наносное и выжило самое необходимое, и этого, необходимого хватало на жизнь, да и другим перепадало самородков, высшей категории милосердия. Ведь, только искренний живет, и это единственная форма и суть существования. Неискренний – лишь имитирует жизнь, ему кажется, что он живет. Соврал – значит это, не ты – и время твое проживает кто-то другой. Она говорила, и болезненное, тягучее ожидание чуть потеплилось, и виделась уже земля, в черных и белых островках, в горах плескались ласковые ветра, и вот-вот должна была явиться весна. А она все говорила и говорила, и слова ее гладили меня по голове и дождик косой, пролитый солнцем, блуждал в березняке-подростке. А в горах еще не построены турбазы, не проросли отели из «звезд» земных. Из мокрых палаток, нехотя выползают скукоженные холодом туристки, одетые в балкарские свитера и горные башмаки.

Плеснув в лицо горсть родниковой, студеной воды, девушки взвизгивали на все голоса и лады все, и как в сказке, оживали.

И думалось: «Не из пены морской родилась женщина, а из воды родниковой», – свидетельство тому, не успевшие высохнуть, разноцветные капли на их лицах. Цельно и емко пахло: хвоей, утренней ранью, звенящей родниковой прохладой, предчувствием полуденной солнечной неги.

И верилось в вечность всего природного и естественного.

А сейчас, туристки выплывают из теплых Эльбрусских отелей, в желтых куртках и красных брюках, и, глядя на эти пурпурные штаны, думаешь почему – то о будущих детях, и непременно, своих. Всего то... А может все-таки из ребра Адама?

- А я после аварии стала стихи писать, и даже прозу, – и она протянула мне пару исписанных листочков.

- А я тоже пишу», – неожиданно вырвалось у меня, хотя обычно, я никому об этом не говорю.

Во-первых – неудобно, как и с какой стати сказать кому-то: «Я писатель». А во-вторых, нецелесообразно. Одни романтики, будут относиться к тебе лучше, чем того заслуживаешь, другие – завистливые, скажут: «Я тут гнусь в поте лица и спины, а он балуется со словами, да еще и гордиться этим. Среди этих разноголосиц и знать не будешь кто ты такой.

Чтобы оправдать хлеб свой, я тружусь целый день, чтобы оправдать жизнь свою – пятнадцать минут за письменным столом.

Правда, есть до самоубийства сытые. Непонятно, как они, выехав из своих убогих, потому что неуютных замков, на усовершенствованных телегах, могут смеяться средь множества плачущих, как им это удается – непонятно.

Воистину живому и живущему это не по силам.

Господи, как хорошо мне в Твоем непокое. Если бы я нашел сейчас портфель с деньгами – я бы умер от горя. Надеюсь, я не настолько разгневал Бога, что бы он сделал меня богатым. Какой крюк я бы дал, отрываясь от судьбы своей, и сколько плутал бы, что бы вернуться на исходную, сужденного мне.

Заимел червонец, сел на полянке, выпил свои фронтовые сто грамм – и нет у меня охранников, и свободен я.

Просто я знаю: нет ничего на свете вкуснее родниковой воды, тюремного хлеба и свободы внутри меня. И сытым не испробовать ни того, ни другого. Творчество рождается при виде сытого человека.

Хотя тюрьма видна из их «крепостей», и до гор ближайших, с их «зияющих высот доплюнуть можно. Попадут в тюрьму они, попадут, но там уже будет совсем уже другой хлеб – хлеб, испеченный по всем выхолощенным Евростандартам. В нем не будет той соли, запекшейся на спинах царских холопов, в нем не будет пота сталинских крестьян, а без этих удобрений, хлеб – что вата. Вкус то не на кончике языка, а на потной спине своей.

Время уходит, унося неповторимый вкус свой. Долетят они дряхленькими, на вертолетах своих, до ближайшего родника, но это будет уже другое время, и совсем другая вода.

Пришло время «рубить капусту» под «чес» ошалевших певцов.

На базаре килограмм капусты стоит пять рублей, нарубив ее, и посолив – ты получишь, двадцать пять. Так зачем же собирать камни?

Ясно, что ты выберешь, а выбрав, выберешься ли из выбора своего? Как быстро складываются пособия для самоубийц. Коперника еще могут помиловать: то у царя день рождения, то он одержит, как ему мниться «победу», а «рубящий капусту» – это до самой смерти, из этой профессии не возвращаются, а вернувшийся, вряд ли узнает себя.

Время всегда делилось: на растящих и на охраняющих. И подсчитывающих, и поедающих выращенное.

Растящий, хоть округу оглядит, подышит полной грудью, все-таки какая-никакая жизнь.

Время треснуло пополам: на одной стороне – правоохранители и экономисты. А что охранять, если права нет – нет и прав. А что считать, если никто, ничего производить не собирается. На второй половине, растящие, они же растаскивающие.

И вот первая половина готова всех растящих посадить (после сбора урожая, конечно), а вторая половина, готова вырастить, и срочно съесть.

И все в нетерпении, все лихорадочно ожидают: когда же произойдет это «братание» охраняющих и растящих.

И тут, в разных концах города, раздались автоматные очереди, и мой знакомый подумал: «Наверное, декабристы вышли на площадь Абесинии?». Он и сейчас так думает. Но большинство иного мнения – они считают, что на площадь вышли шамхалиты. О них и до того говорили, и даже по телевизору показывали. Но никто не знал, кто они такие, они никому ничего не рассказывали, даже милиционерам, которые собственноручно пытались об этом узнать. Они стали воплощенной загадкой – о них знали все, о них не знал никто. Благостные времена пошли – все, что видишь, записывай на бумагу и получай скопище загадок и не надо ждать, пока народ удосужится заняться этим делом.

Сейчас понятно: они вышли на площадь из-за долларов, которые, почему-то, не оставили дома, а все до цента, прихватили с собой. Говорят, они завербовали машиниста поезда – хотели доехать до Канар, не прямиком туда, а слезть где-нибудь неподалеку. Они до смерти напугали кассира, и он не продал никому, ни единого билета. Поезд ждал их, да так и не дождался. Они были еще дальше от народа, чем их предшественники.

И мой знакомый сказал: «Ладно, одни шамхалиты ушли, другие придут, но как быть с детьми, видевшими трупы, валяющиеся на дорогах? Даже, если бы это были убитые собаки, то детей уж не вернуть было, а здесь люди...».

Нам хана, они уничтожили элиту – настоящую элиту. В кои века, на улицу вышли люди, что бы отстоять свое, да и наше достоинство.

Когда началась война в Чембулакии, я понял, нам всем кранты: другие страны прикупают солдат, что бы уцелеть, а мы уничтожаем народ-воин, да еще и солдат своих. Если мы уничтожаем элиту свою и воинство, что с нами будет?

Развалилась страна, или нет?

Если отец убил сына, развалилась ли семья?

Если развалилась семья, уцелела ли страна?

А китайцам жить где-то надо? Не плыть же им в лодках на Филиппины? Даже если мимоходом захватят Индонезию – все равно им всем не разместиться, зачем куда-то плыть – шагнул, и ты на одной шестой части земли? Да еще индусы подтянутся, им не так далеко плыть, всего то – три моря. Афанасий Никитин – злейший враг страны, проложил путь к индийским феодалам, а уж индийским капиталистам, развернуться и двинуться в обратном направлении – ничего и не стоит. Вот такую безрадостную картину нарисовал мой знакомый.

И тут меня взбесило: «Ты кому, говорю, горе кличешь? Нам, родившимся прямо под березами, минуя общепринятые пути рождения, нам – у которых все: снег, лес, мыло и даже небо?». Ну не наберется же наглости американец, хоть он на Аляске родился, или каком-нибудь зачуханном Вермонте, не скажет же: «Американский лес, мыло, небо». А березы наши так шумят, как никакие в мире. Канадские – те вообще тихушницы, бывало целый день среди них посидишь – ни одна так и не пискнет.

Иду платить налоги: за свет в сберкассу, за воду – в водоканал, за газ – на другой конец города, и везде очереди.

Люди не деньги пришли просить, они хотят их отдать, а их не берут.

- Зачем очередь? – спрашиваешь.

- Да вот деньги хотим отдать, а их не берут.

Ведь готовые деньги – собери, и украсть возможность появится. Не думай обо мне, подумай о себе.

Да на каждом углу должны стоять автоматы экстренные, сколоченные из фанеры будки, для сбора денег у желающих. Если я умру, то найдут меня на какой-нибудь фешенебельной почте, с червонцем в руках, который я так и не успел заплатить.

Дева Мария, без устали, без сна и отдыха приглядывает за нашей страной, не веря ох-

ранникам земным, она устала смотреть в одну точку, и нет у Нее никакой возможности окинуть очами усталыми земли иные.

В таких болезненных местах, лезут в голову болезненные мысли. А по лестнице неохотно поднимались больные, да и то понятно – не на свадьбу идут. Раньше в этом доме НКВДешники, забивали насмерть посетителей своих – сейчас в этом доме лечат их потомков. И дух смерти впитался в эти вечные, дубовые перила, притаился в щербатинах мраморных ступеней. Дом тот же, время другое, время – принесшее более утонченные формы смерти.

Старика я увидел сразу, он мучительно преодолевал ступеньку за ступенькой, опираясь на два донельзя кривых и сучковатых дрына, выломаны в соседнем парке, благо рядом, но как у него сил хватило справиться с этими дровинами, не иначе как с Божьей помощью. Но не топор же с пилой таскать ему с собой, да и дороги они нынче – без ссуды не купишь. Но у наших инвалидов, собственная стать, и не чета они инвалидам швейцарским. Уроки лесоповала пригодились и в миру.

Зелено-пегие брови колючками вознеслись ко лбу, будто он спал на них, такого же цвета борода, всклокоченная во все стороны света, скрученная во все стороны тьмы, теплое трико пузырями спадает на дырявые башмаки, и глаза, как два маленьких уголька, средь серо-белого весеннего снега, светили с каких-то немыслимых высот, и из всех времен вместе взятых. Его взгляд только присутствовал на земле, ни на что не влиял и влиять не хотел, он как бы говорил: я вынужден жить – вот и живу.

Поравнявшись с нами, он спросил: «А в каком кабинете берут кровь с вены? С пальца я сдал не первом, да впопыхах забыл спросить».

- Вам на четвертый этаж, дедушка, – сказала соседка.

Мне казалось, что старик дымился. Слава Богу, полпути он уже одолел. И при чем тут власти? Ну почему, все это нельзя проделать в одном кабинете, или на худой конец на одном этаже? Ведь не родились же мы только для того, что бы мучить друг друга?

Старик родился, как и все мы, не в свое время. Появись он на свет пораньше, Пиросмани обязательно его нарисовал бы, назвав картину: «Предсказание». Старик и выглядел как будущее, или воплощенное предсказание – зримое наше проклятие. И это было так реально – как пощупать руку свою.

И глядя на старика, вспомнилась картина грузинского художника: белое, снежное поле, одно единственное черное дерево и на нем маленький, черный человечек, вдохновенно рубящий сук, на котором сам же и сидит. Совсем как жизнь наша, совсем как наша судьба. Мы только тем и заняты, что рубим сук, на котором сидим, а в перерывах, роем ямы, что бы попасть в них, слетая с поверженного сука.

Обо всех я, наверное, погорячился, но это самая правдивая моя биография.

«Дворник» Пиросмани был армянином и никак не грузином. Грузины как-то умеют растворять свои беды в вине и песнях. В глазах армянина – боль давняя, неизбывная.

И говоря «грузин», я не вижу перед собой, ни гор Сванетии, или Тушетии – я просто купаюсь в теплых травах Алазани.

Армянину, куда ни посмотри – везде камни и врагов, что камней, но он горец и этим многое сказано.

Я тюрк, но как бы я не хотел, что бы турки отдали бы Арарат армянам – вот радости было бы у турков.

И волны той радости, многих и многих, вынесли бы на путь истинный.

И в этом мельтешении воспоминаний, почему-то всплыла картина грузинского художника и называлась она – «Подшипник». Городок, построенный как дагестанские аулы – ярусно, и каждый ярус окольцован большой дорогой. Кто-то катит по дороге той на велосипеде, кто то на самокате, дети катают просто колеса – это те, раздобывшие их счастливчики – они собственники, самые маленькие оседлали прутики и самые обездоленные, у кого ничего нет, катают друг друга на спине. Вот люди, собравшиеся вокруг огромной бараньей игровой кости, в руках у них маленькие косточки – альчики, и они вдохновенно играют с ними. И названа картина удивительно точно – «Подшипник». Кольцевые дороги, как основа подшипника, а люди как шарики.

И все по кругу, все в замкнутом, все грустно, хоть и весело. И захотелось мне разорвать этот круг, захотелось, что бы кто-то сделал шаг за пределы этого кольца. И назвал я картину – «Игра в альчики». У нескольких писателей я читал рассказы с таким названием. Есть в этих словах звонкая Надежда и стойкая Вера в решение всех проблем, которые услышав эти слова, рушатся, позванивая уже не восстановимыми обломками. Игра в альчики... есть в этих звуках выход из закольцованности дорог и замкнутости бытия, Веселые и жизнерадостные звуки, выводящие на свежие просторы. И мы играли в альчики в послевоенной Азии: взрослые на деньги, малыши – на яблоки в колхозном саду. Играли в альчики и фронтовики, ошеломленные наступившим миром, и, как и мы, маленькие – не знавшими, что им делать в этом наступившем дне.

Меня допускали к игре потому, что я был самым маленьким, постоянно проигрывал и бегал за яблоками. Сторожа не могли меня обнаружить потому, что я был маленький. Что бы достичь сада, надо было преодолеть канал, он летом мелел, но и обмелевший был мне по плечи. На меня мокрого, садилась бархатная азиатская пыль, и к вечеру я напоминал статую из глины.

А какие громадные были яблоки, за пазуху помещалось только две штуки – третья, разрывая рубаху, падала наземь, увлекая остальные. И я бежал платить долги, поддерживая яблоки, и спадающие трусики. Сторожа, конечно же, меня видели, но они знали, что я сын фронтовика и ссыльного в одном лице. Они знали, что отец мой проливал свою кровь в буквальном смысле, проливал кровь, которая предназначалась мне и которая дала возможность им, в этом пекле, блаженствовать в тени яблоневой. Они знали, что должны мне, и платили долг свой, закрыв глаза. Они чувствовали, что добро чужое не оплатить добром своим. Они догадывались – долг неоплатен. И только благодаря тому, что долг неоплатен, и рождается ощущение неодинокости, неразрывной связи с другими.

Они знали: какой уж «богатырь» может родиться от человека, пролившего свою кровь – вот и укрепляли меня, чем могли и чем обладали. Они догадывались, что мне нужно быть крепким, что бы добраться до родины предков моих.

Качу арбуз, величиной с себя, намокший в предрассветной росе, и пахнет он росой и дивными, чистыми далями, в которых вместе с восходом солнца, я, непременно, побываю. Спасибо людям, которые ничего не были мне должны, но вовремя отдали долг. Я тоже стараюсь вернуть долг людям, у которых ничего не занимал.

И если я посчитаю, что долг мой выплачен, то оборву нить, связующую меня с другими, и значит, я умру, а я хочу жить.

Я хочу, что бы соседом моим был балкарец, если не будет его – как я узнаю, кто я такой?

Я хочу, что бы соседом моим был кабардинец, если не будет его – как достигну цели своей?

Я хочу, что бы соседом моим был русский, если не будет его, то как мне без цветов на подоконнике, цветов на могиле, и любопытно все же: кто ж там с горочки спустился.

Я хочу, что бы соседом моим был еврей, если не будет его, то как я узнаю о тяготах мира нашего, а не зная их, как я возрадуюсь благам земным?

Я хочу, что бы соседом моим был белорус, если не будет его, как я умилюсь тому, что окружает меня?

Я хочу, что бы соседом моим был грузин, если не будет его, как я сяду за большой стол, и что я спою в радостный день свой?

Я хочу, что бы соседом моим был вайнах, если не будет его, кто поможет отстоять дом мой?

Я хочу, что бы соседом моим был осетин, если не будет его, как нам жить: и христианам, и мусульманам, в мире едином.

Я хочу, что бы соседом моим был армянин, если не будет его, кто оплачет меня в день ухода моего?

Время не оставило и крохотной доли своей, нам на обиды.

Земля сплошняком укрылась розами, полнясь однообразием обожженной Азии. Как же без веточки вербной ощутить рождение ребенка и нежный выдох весны утомленной? Как же без горечи полей полынных, вникнуть в краюшек бескрайнего. Как, без торжествующей мокрой сирени, услышать плачь уходящих домов и времени?

Моя соседка, уходя, сказала: вы прочитайте мою прозу и скажите потом, художественна она или нет?

И я стал читать ее прозу.

Москва. Кремль.
Президенту РФ
ПУТИНУ В.В.

Жалоба

Я, Костикова Елена Викторовна, 1960 г.р., в 1998 г. работала на кондитерской фабрике мастером. Жила по улице Баумана, 210, кв. 56 со своим сыном Андреем 1985 г.р. (с мужем развелась 1993 г.). Однажды после работы случилось со мной несчастье, и я почти на год (с 9 апреля по 8 декабря 1998 года), попала в реанимацию (перелом черепа). Когда вышла из больницы, получила вторую группу и дома жила одна, так как родители уже умерли, а ребенка забрал его отец (Александр Костиков). Родственников в городе никого у меня нет, хотя здесь и родилась. Дома я познакомилась с Толиком Нарушевым и у нас стала гражданская семья (гражданский брак). Год жили у меня, но деньги были, в основном, моя пенсия. Что-то с работой у Толика ничего не было, хотя до меня у него был хороший бизнес.

Потом он уговорил меня продать отцовский гараж, хотя до этой продажи просил занять где-нибудь 10 тысяч денег на две недели. У меня нет таких знакомых и слава Богу, иначе я получилась бы обманщицей, если бы он не вернул чужие деньги через две недели.

Я ему верила, муж же, и гараж продала за 20 тысяч, деньги – Толику. Он, видимо, вкладывал их в бизнес, но ничего у него не пошло, потому что, так и жили на мою пенсию, и денег всегда у нас не было.

Потом Толик уговорил меня продать квартиру. Я знала, что ребенок мой у свекрови в селе, а мне его отец не отдавал, говорил, что я недееспособная (что это такое я так и не знаю). Я и согласилась продать квартиру в 2000 году, думала человек-то знает, что такое квартира, и я ему верила. Когда выписалась с адреса, в ЖЭКе спросили: «Куда?». Он дал свой адрес, хотя эта квартира его мамы, и он там прописан. Я не знала совсем, что если в квартире прописан несовершеннолетний ребенок – продаже квартира не подлежит (это о моей квартире). Оформлением продажи занималась О. Е. Спицина, которая и купила у меня 2-х комнатную квартиру. Деньги отдавала у себя на работе при начальнице, 3 тыс. долларов, мне и Толику (это когда все уже было оформлено). Куда вписала его и мой паспорт (думаю, у нее еще эта расписка есть, а наша у Толика).

И вот пошло: Толик снимает квартиру, где я жила почти всегда одна. Он редко бывал, уезжал, наверное, туда-сюда. Месяц проходит, надо платить за квартиру, а его нет. И в КПЗ я где-то около месяца жила по Толикиному договору. Где я только не ночевала (даже на стадионе около месяца) и в больницу попала, где сразу поправилась (там же кормят). После больницы Толик увез меня в соседний городок, хотел в бывшем Р.С.У. кур поставить (цыплят) договорился с директором, поехал за кормом и исчез. Я там ждала его неделю, хорошо, что люди меня кормили. Потом директор дал мне денег на дорогу, что бы я уехала, раз Толика все нет. Я поехала – и куда? До последней больницы я немного подрабатывала. А теперь все: ни жить негде, ни кушать нечего. Десять месяцев назад, я целый год жила в магазине (весь 2001 г.). В начале2002 г. магазин продали. Я жила в нем потому, что сын хозяина Абушиков Астемир с Толиком занимались бизнесом на мои деньги: то отправляли гравий, то лес – в общем, всего я не знаю. Знаю, что денег у них не хватило (на что?) и они у одного человека – Мухи взяли машину (волгу) на продажу. Продали, но денег Мухе не отдали до сих пор. Он ездит к ним домой и к Толику, еще и в магазин при мне приезжал и ругался, и просил, но ничего «Если подашь в суд – нас посадят, а ты без ничего будешь Мы отдадим тебе деньги позже». Вот он и не подал. Но у него хоть есть дом, другая машина. А у меня ничего нет. Я себе могу заработать только стардом и психушку. Это меня ожидает

Сегодня я встретила Любу (Толик дружит с ее сыном Виталиком) и она сказала, что Толику брат старший нашел богатую невесту, женится, а мне потом купят квартиру. Толику

Люба заняла деньги, дала адрес в Москве и он сейчас там, старается заработать деньги на мою квартиру (это когда будет, через 5-10 лет?). Но меня очень удивляет вот что: год назад мой бывший муж подал в суд на меня за квартиру, потому что ребенок был у меня прописан, а сам Саша снимает квартиру, но где он прописан, я не знаю. Получается, я и мой ребенок – бомжа, хоть он и у бабушки. И этот суд закончился миром, с обещанием Толика купить гараж и квартиру (с его слов) через три месяца в июне 2001 года. Уже столько времени прошло, ничего так и нет. Жалко, что у меня нет цианистого калия: проблемы бы не было. Если можете мне помочь, прошу Вас Владимир Владимирович, помогите получить свою квартиру с телефоном (который у меня был всю жизнь, еще родительский: папа был геологом, а мама – врачом) с гаражом (мой был самый большой и дорогой в районе). На счет этих продаж я ничего не оформила у нотариуса, потому, что Толику верила. И куда он отвез всю мою обстановку, (еще папину большую библиотеку, пианино, ковры, паласы) – я этого не знаю. Сейчас у меня нет одежды, вещей, ничего нет. Хоть документы свои я кое-как забрала, они были у Толика, а его сейчас нет. Последний раз я его видела 3 октября.

Не знаю, что мне делать. Я уже была в Верховном суде, милиции, прокуратуре. И все это бесполезно. Многие говорят, что зря и вам пишу. Если можно помогите мне. Только Толика сажать не надо, а то так ничего и не будет.

2002 г. 21 октября
С уважением Костикова.

Вот такая вот проза...

А с Толиком мать его и моя знакомая встретились таки – в морге.

Толик не болел, его никто не убивал – живи себе, а он взял, да умер.

То ли московский климат ему не подошел, то ли чужие деньги в кровь не пошли – иди, гадай.

А что до прозы моей знакомой – ничего более художественного я не читал.

Жалоба... Поставь многоточие – какая горькая ширь откроется перед тобою.

Жалоба – это зашифрованная молитва, обращенная к людям.

Искусство должно быть узнаваемо, только узнавание дает повод, толчок, для отлаживания своей внутренней сути.

Раньше я думал, что художественность – это отторжение лишнего и приумножение недостающего в этом мире.

А прочитав ее прекрасную и горестную прозу, как поэзию страдания. Я понял: художественность – это, когда чья-то печаль, поселяясь в тебе, становится больно твоей.

Господи, если бы я был чиновником, то каждый день читал бы шедевры. Я видел ее из окна автобуса – она постригала кусты в парке. Она, которой мы все порушили, из обломков своих, ладила нам красоту. Завтра же, я приеду к ней, и мы сообща найдем адвоката. Я никогда не был на новоселье, просто я знаю, что событие это радостное и мне не хочется лишать себя этой радости.

Не сделанное на земле, – не услышится на небе.

Как же я предстану перед Богом, не бывший ни разу на новоселье. Не испытав радости чужой, как я огорчусь собственному уходу?

И я не хочу никуда уходить из моего города – подшипника, где я, вместе со всеми играю в прекрасную игру – альчики, и мне еще не надоела эта веселая и грустная игра.

А она проснулась на стадионе. Ее трясло от холода, мутило от голода.

В лесочке – рядышком, она нашла дикую грушу, надкусила и почувствовала, вязкий, сжимающий горло вкус одиночество: одиноким был стадион, каждое дерево в лесу, каждый дом у дороги... и ничего, и никого родного. Но надо идти, идти, улыбаясь на работу, а после нее, идти искать себе пристанище средь бесконечного одиночества. И она шла, улыбаясь.

Одинокие, грустные деревья, что б вы делали, чем жили бы, как выжили бы, если бы с вами, бок о бок, не шел этот улыбчивый человек.

Сергей СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ

Родился 10 мая 1952 Петропавловске, Казахстан. Российский поэт, журналист, киносценарист, главный редактор международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель».

Живёт и работает на Северном Кавказе. Окончил сценарный факультет ВГИКа и филологический факультет Ставропольского государственного педагогического института.

Автор сборников стихов «Дождь в январе», «Азбука Морзе», «Русский рефрен». Участник проекта Юрия Беликова «Дикороссы. Приют неизвестных поэтов». Публиковался в изданиях «Новое русское слово», «День и Ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Континент/Обзор», «Под часами», «Острова», «Ковчег», «Южная звезда» и других журналах, альманахах, еженедельниках, а также в интернет-проектах «Сетевая Словесность», «Вечерний Гондольер», «Точка. Зрения».

В авторском жанре «поэллады» (от слов «поэма» и «баллада») написал ряд произведений, в их числе — «Небо в разную погоду», «Ангел-подранок», «Пушкин. Осень. Шевчук», «Русский рефрен», «Космодром для дураков», «Остров Скрытень».

Член Союза российских писателей и Союза журналистов России.

Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси — 2007» за интернет-альманах «45-я параллель». Лауреат премии журнала «Зинзивер» за 2008 год. Лауреат Международной литературной премии «Серебряный стрелец» за 2010 год.

За-рассветный редсовет
современники и сокровенницы

(заметки на полях новейшей истории)

...над пергаментными фрагментами –
революции перманентные...
вы штыком (?) тайком сало режете,
соплеменники незалежные?!

суверенные современники,
раздраконенные газпромами,
бульбаши, гильгамеши, пельменники,
беспредельники: *из-обкома-мы...*

супермальчики мегаполиса,
бандюганы из Галюгаевска,
утверждаю: удар ниже пояса
на планете Земля отвергается!

над Большим в ночи кони фыркают,
дульсинеи прикинулись ваньками,
собутыльники – за Бутыркою,
собеседники – на Ваганьково...

своенравные современники,
перерезанные рентгенами,
кобзари, копперфильды, коперники,
коробейники под биг-бенами...

уверяю вас в позе лотоса:
поза ярости унизительна!
до-ре-ми абсолютного голоса –
и мимоза, и розга Спасителя...

удивляют уральскими генами
эволюции африканские...
вам на острове Пасха икается,
соплеменники неразменные?

сокровенные современники,
недостриженные парижами,
мы — мгновенны?! и, тем не менее,
жизнь прекрасна: стрижи и рыжики!

от Венеции и до Винницы –
сокровенницы, сопровидицы...
и на полюсе, и на мельнице
воскрешают любовь соплеменницы!

Женщина в пейзаже, или Повесть для Кирилла и Мефодия

Затевая повесть, растревожу совесть –
Нарисую синюю весну.
Изумлённый возглас: «Признавайся, кто здесь?!
Соловьи ликуют – не уснуть...»

Занавеска дрогнет. Силуэт растает.
Соловьи сгорают на заре...
Пастораль стерильна. Акварель астральна.
Безобразен жёлтый лазарет.

Убаюкав совесть, укокошу повесть –
На дисплее плавится июль...
Но компьютер тёртый, пьяно беспокоясь,
Озадачит ключиками *Ю*.

Заповедный адрес Интернет размножит –
Стукачи бесчинствуют в ночи...
Обожаю лица. Отрицаю рожи.
Запредельный голос, прозвучи!

Возрождая повесть, истерзаю совесть –
Август-цензор, главы изымай!
Голова, размякнув, одурела – то есть,
Героиня вышла из ума.

Гобелен наивен. Гардероб наглажен.
Журавли заплачут на ветру.
Заштрихует ливень женщину в пейзаже –
Я сюжет безбожно перевру.

Успокоив совесть, завершаю повесть –
Героиня замужем. В Раю?!
Но герой упёртый, приголубив подлость,
Ухмыльнётся автору: «Убью!»

Алфавит январский. Частокол бессонниц.
Почитай, Мефодий, на печи.
А Кирилл закурит, грохнув «Панасоник».
Помолчим. Без видимых причин.

Семь речей — семь печалей о Родине…

Раздражает фраза-роль «Кушать подано...» –
Я и Гамлета играл, и Лопахина –
Продала «Вишнёвый сад», мама Родина?
Патриаршие пруды перепахивай!

Мама Роди, бармалей переделкинский,
Недобитый воробей петропавловский
На тебя за горький век нагляделся и
Оглашаю приговор: «Лживость жалости».

Отвергаю вариант: «Жалость нежности» –
Журавли, Кижи, жасмин, Оружейная –
Зарифмуют без меня: «...гжели снежные»,
Обратят восторг побед в поражения.

Петербургский соловей обескровленный,
Пятигорский дуралей недоделанный,
Децибельное враньё бедной Родины
Изобильными глушу изабеллами.

Имитируя любовь чудо-мамочки,
Прессовала пацанов круче мачехи.
Инородны, мама Ро, «Печки-лавочки»?
«Чёрный бумер» в Чёртов ров заворачивай!

Демонстрируя любовь бодрой Родины,
Тромбовала красных дев площадь Красная.
Красноярский Моисей пел пародии:
«Возвертайся из москвей бабка гласная...»

Мама Родина, изгой онемеченный,
Незамеченный герой постаксёновский,
Части речи привожу в чебуречные,
Часть наречий развожу под сосёнками.

...Семь речей – семь печалей о Родине
Перечтут правнучатые бестии –
На Луне, во саду, в огороде ли...

Приговор зачеркну троеперстием.

простые рифмы

залива блюдце. шторма кода.
старик ценил императив
весны и ждал её прихода.
пьянил пленительный мотив
из окон дома-парохода:
любовь – отлив, любовь – прилив...

...почти последнюю любовь
почти последнего поэта:
– он жил тобой... – он спал с любой!
– однако только ты воспета –
согрета шалью голубой
его предсмертного сонета...

зима волшебных песнопений
казалась вечной... арманьяк
бодрил на несколько мгновений.
– стихи не пишутся, чудак,
и не слагаются, поверь мне...
а рифма – молния в «пятак»!

встречая первую любовь,
кончай играть в анахорета!
учи, мечтательный плейбой,
секреты тайного Завета:
«любовь – Одиллия-Одетта...
стихи – вендетты страстный бой!»

зима печальных откровений
дарила пряничный обман...
поэт нырял в Залив сомнений,
пока в Батум шнырял туман:
– ты – графоманствующий гений?!
я – гениальный графоман?!

почтив последнюю любовь,
прочту последнего поэта.
старик назвал тебя судьбой,
целуя дуло пистолета...
тебя простили – бог с тобой! –
и Ринго Стар, и Риголетто.

простая рифма, словно хорда.
творить – глагол-инфинитив.
поэт Никола Непогода:
– любовь – прилив, любовь – отлив...
почти смертельного аккорда
уже бессмертный лейтмотив.

Беспризорники бытия

Бюст героя и... бюст вдовы
Перевязаны буквой *Ю*...
Отвергая пустое «Вы»,
Сигаретку твою курю.

Я, поверь, воевал, как он.
Ну, а он воевал, как я...
Из двоих различил Харон
Беспризорника бытия.

Кровь победы и соль беды
Забинтованы словом *БОЛЬ*...
Чистый спирт! Молодым – воды.
Паранойя: нелепый бой...

Бюст героя — моя вина.
Перелёт! Сочинять зачем?
Перемать! Такова война...
И шарахнул огнём чечен!

Перевал. Вертолёт. Санчасть.
Задыхаясь на звуке *О*,
Он хватал за халат врача:
«Вологодское молоко...»

Ослепителен бюст вдовы...
Извини: я бездарно пью, —
Потому что семь лет, увы,
Безнадёжно тебя... люблю.

«За разведку?!»
Идите на...
Задрожал дремавший перрон.
Промолчала чужая жена.
Промычал старина Харон.

Автопортрет на фоне аэропорта

Тринадцатая пастораль

В любом Отечестве – изгой:
Табу, тавро, товарный знак.
Любимый инструмент – гобой.
Любимый профиль – Пастернак.

***

Аэропорт. Не узнавай!
Я – в драном драповом пальто
В толпе зевак и зазывал,
Тобой забытый на все сто.

Не узнавай! На эшафот
Пойдёшь с другим. Твой фаворит
Воспринимает секс – как спорт,
Любовь – как ритм. И только ритм.

На эшафот. Но приговор
На небесах не утверждён.
Аэропорт – поэт и вор! –
Не спит, измученный дождём.

Но приговор тебе и мне
Никто не в силах изменить.
Такой талант и ум иметь —
Бежать постылых именин...

Тебе и мне... Не вспоминай –
В тумане скрылся Рубикон.
Зачем беречь июнь и май?
Январь стихов? Сентябрь икон?

Не вспоминай! Твой визави
Не прилетит в наш город N,
Где мёд гречихой озарит
И где пейзаж – как гобелен.

Твой визави на эшафот
Не думал, не гадал попасть.
Он – подшофе. Не пьян, но вот
Сорвал совсем иную масть!

На эшафот пойдёт другой,
Который важно воркотал,
Что он в любом раю — герой:
Ногой откроет ворота!

Пойдёт другой... Тебе, увы,
Не избежать его цепей.
По-бабьи голосить и выть
И навсегда оцепенеть.

Тебе – увы... Тебе – виват!
Во мне воскреснешь и умрёшь.
Не вино... вино... виноват –
В мельканьи бликов, ликов, рож!

Тебе – виват! А мне – труба...
Одно спасение – запой.
Аэропорт, дождя убавь
И сердце нежностью заполнь.

***

В любом Отечестве – изгой...

о любви — без попурри!

рассказ для небольшого сюжета

...поэт орал, и плакал, и молился,
и каялся, и пил, и быдлом был,
но женщина прощала: «без милиций...»,
она его любила: «будь любым –
тиранящим, покладистым, похмельным,
оболганным, освистанным, святым,
квадратным, треугольным, параллельным,
оборванным, расхристанным, тупым,
гламурным, гениальным, безрассудным,
пророком, прокурором, сорванцом,
безвизовым, бессонным, беспробудным,
алхимиком, бухариком, творцом,
Касперским, Козаковым, Квазимодо,
Кулибиным, Каспаровым, Кюри,
котярой, крокодилом, козьей мордой,
но, милый мой, люби – без попурри!..»

Апостолы! Поэт заезжей музе
Со сцены посвятил пустой сонет:
«Италия. Болезненность иллюзий...»
И женщина растаяла – в рассвет.

Поэт кричит – ранимая не слышит...
(О музах при французах повторим?!)
Прошепчет он – родимая в Камышин
Примчится, проклиная гордый Рим.

Духов день — в ночь накануне Рождества

...кондуит бодрит: «Духов день».
календарь чудит: «Рождество».
(и наводят тень на плетень
каламбуры сна твоего –
эмигрантка, менгрел, мигрень...)

чабрецами ночь перемочь.
(превозмочь заморочек круг...)
мандарин. маринад. урюк.
у тебя в Австралии – дочь.
у меня в Америке – друг.

стильный С*и*дней ему – Сидн*е*й.
Серафим. рифмач. курит «бонд».
он туда летит на семь дней.
(на семь дней – матерям видней,
как стеречь-беречь генофонд!)

греховодник? он или я?!
Серафим – бородач, скрипач.
Рождество – букварь января.

Духов день – палач неудач.
(парафраз – рефрен бытия).

у меня в Америке – друг.
у тебя в Австралии – дочь.
у меня в Архангельске – внук.
корвалол, сердца обесточь!
(кто соврал – Колумб или Кук?)

дедморозит январь – в июнь.
кто соврёт – жена или муж?
чья угроза звенит: «...изменю»?
ариозо озябших душ.
(Мнемозина седьмой авеню...)

твоя дочь не звонит семь дней.
серафимит дисплей: «ho-ro-sho!»
(музыкант... мустанг... муравей...)
хоть убей – козырну с червей!
синий С*и*дней?.. билет... посошок...

Шалопай, Гюльчатай и… Шалтай-Болтай

Уболтай меня, поезд, в последнем вагоне –
Шалопай зашарашил в Шанхай!
И Шалтай, и Болтай над башкой бибигонят –
Проводник ухмыльнётся: *«Нехай!»*

Потяну из соломинки капли «Токая»,
Бесшабашно болтая с бухим блатарём,
Затыкая токкаты Шалтая-Болтая...
– Вечерком чифирнём, привыкая — втроём?

Тут Блатарь подмигнёт, на «Токай» намекая:
– Подливай, поддавай, подсчитаем опять!
У меня с малолетства пружина тугая –
И толкать, и тянуть, и тянуть, и толкать!

До Шанхая четыре – на верхней! – Шалтая
И четыре Болтая, гутарят: «В Шанхай!»
Получается восемь... Сгоняй раздолбая –
Одного чувака! – за отравой «Хай-фай»...

Если шалый Шалтай и Болтай оглашенный —
Зазеркальный, однако, единый субъект,
Сто китайцев оценят акцент мизансцены,
А Маршак для эффекта воскликнет: «Решпект!»

Айболитны, Блатарь, времена после бури:
На Валдае – тяни, на Алтае – толкай...
Самуил и Корней уважали бабулек –
Игнорировал «бабки» переделкинский край...

Экскурсанту – эспрессо в сибирском экспрессе!
Удручат шабалдая «печали – на чай»?
Чаевые за чачу, начертано в прессе,
Утекают частично (но часто!) к началь...

– Помолчи, непутёвый! За доллар – сивуха,
А за тысячу рэ, чур-чура, чавыча...
До Великой Китайской проспишься вполуха,
И вполглаза проспится Блатарь – привечай!

Вечно пьяный вагон — в нём болтанка такая,
Что заснуть невозможно — жирафов считай...
Пять кило чавычи, пятый ящик «Токая» –
Как пешком – до Китая или пёхом – в Шанхай...

Англичанин – Шалтай и Болтай – англичанин,
Марсианин – Блатарь, проводник – беларус.
Восемь разных кровей мою жизнь повенчали:
Только русская речь – и на цвет, и на вкус.

Обалдуи-шайтаны, шанхаи-болтаи
На моих полустанках шинкуют язык.
Айболит –добрый доктор, запомни, ботаник,
А поэт – врачеватель музейных муз*ы*к.

...Уболтай меня, поезд, в последнем вагоне:
Из Можая в Шанхай – уболтай!
Убегу от побегов безумных бегоний
На окошке твоём, Гюльчатай!

Клочок Плащаницы

Георгию Жердеву

Никогда не случится, но всегда приключится ниже левой ключицы
Неизбежный укол –
И над полем помчится за лисицей орлица, а на белой странице
Замычит чёрный вол.

Надоело ручаться и навек огорчаться, неучтённый участник
Партизанских атак?!
Достают ежечасно, имитируя счастье, и Чапаев, и Чацкий,
И король, и дурак.

Ничего не приснится, но мотив повторится, – помолчите, синицы,
Беспричинная чудь!
Если врут очевидцы, чужеземцы, девицы, то лжецы и провидцы
Напророчат по чуть.

Нужно чаще встречаться, из сердец и перчаток удаляя свинчатку,
Утоляя печаль...
Раздражая начальство, Чаплин, Чонкин, Курчатов попирают брусчатку,
Приглашая на чай.

Никуда не годится для шута и царицы, для Чечни и Столицы
Вопросительный знак...
И не стоит гордиться, но пора удивиться, что клочок Плащаницы
Запечатан в кулак.

Бокал вина в Гурзуфе…

К вопросу о предмете поэзии

Судьба отметила кольцо, янтарь, хвоинку –
Любовь ответила смещением орбиты...
Пугая третьего, накликали Ходынку
Твои обеты, мои обиды.

Чересполосица: дожди, долги, метели.
Года проносятся: сады, суды, закаты...
Многоголосица: отплакали, отпели
Мои сонеты, твои сонаты.

Цветок шеньшеневый, храни кариатиду!
Предощущение вины, войны, вендетты...
Но прежде времени устроили корриду
Твои вопросы, мои ответы.

Шарманка-нищенка – крушение интрижки.
Обрящет ищущий караты и кошмары...
Смущая лишнюю, сыграли в кошки-мышки
Мои актрисы, твои гусары.

Молвы невнятица – пестрят края чужие.
Под горку пятятся парижские арбаты...
Страстная пятница: молитвы отслужили
Твои аббаты, мои комбаты.

Предмет поэзии?! – Бокал вина в Гурзуфе,
Ром Полинезии, проклятия, осанны...
Отполонезили, мечтая о мазурке,
Мои Людмилы, твои Русланы.

За-рассветный редсовет

Сонет: 40 лет спустя

Воланду ни слова о Любви!
Сергей Сутулов, 1969

Господи, у Спаса-на-Крови
Первую любовь благослови!
Жертвую магический сонет —
Ты меня услышишь или нет?..

Ноты переврали соловьи.
Ангелы осипли – се ля ви...
Сорок сороков и сорок лет
Длится *за-рассветный редсовет*.

Господи, любовь благослови –
Позднюю, абсурдную, послед...

Около Собора-на-крови
...днюю, Вечность чуя, мрачный дед:
Воланду ни слова о Любви!

Молния январская – в ответ.

(1969-2011)

Лера МУРАШОВА

Родилась в Москве. Давно. Там же проживает и в настоящее время. Получила техническое образование. Работает в крупной компьютерной компании. Стихи начала писать недавно. Благодарные друзья-читатели выпустили книгу ее стихов в качестве подарка ко дню рождения. Публикует свои стихи на гостеприимных просторах Интернета.

В позавчерашний дождь войти

Октябрь

Натянула перчатку на руку.
Не кричи надо мной, вороньё!
Октябрю, как последнему другу,
наважденье поверю своё.

Месяц мой, ты поймёшь, ведь когда-то
на границе с седым ноябрём
под дождей проливное стаккато
появилась я в царстве твоём.

Мы одной с тобой крови — суровой,
мы не верим осенним слезам.
Мы же знаем: отплакавшим, новый
день назавтра предстанет глазам.

Не пугает нас то, что деревья,
облетая, теряют наряд.
Так в природе ведётся издревле,
но зато — как же клёны горят!

Я в осеннем лесу растворяюсь,
на душе и покой, и восторг,
я ногой осторожно ступаю
по мозаике жёлтых листов.

***

Как ласточка, мой сон летуч,
едва смежаю веки — снова
весенним солнцем из-за туч
сознанье воспылать готово.

О ком я грежу ввечеру
с таким завидным постоянством?
Какой художник поутру
мне щёки выкрасил румянцем?

Тебя, тобою, о тебе —
моё любимое склоненье.
О жизни, счастье и судьбе
слагается стихотворенье.

Кукушка

Дверца закрыта,
сердце молчит.
Из монолита
выстроен щит.

Шарик из ртути
взять ли рукой?
Тихим до жути
будет покой.

Нет половинки
мне на веку,
годы, как льдинки,
тают, текут.

Не из атлантов...
Благослови,
Боже! Талантов
дай мне — в любви!

Всех создавали
нас из ребра:
горстка печали,
горя — гора,

счастья — комочек
на пятачок,
ласковых строчек
наперечёт.

Так на опушке
невдалеке
дура кукушка
билась в тоске.

Мистер Х

Ты — крысолов, ты дудочку приставишь
к губам — и льётся колдовской мотив.
Неважно, правду баешь, иль лукавишь,
души заворожённой зацепив
кусочек, уведешь и от киота,
твой день от века — Чёрная Суббота.

Ты — укротитель, в тайны посвящённый,
ты словом увлекаешь за собой,
и можешь слать питомцев приручённых
в огонь и в воду, в пропасть или в бой.
Отрезав всё, что было до тебя,
они простятся с жизнью, не скорбя.

Ты — мистер Х, ты души покупаешь
не золотом, не чистым серебром,
ты истиной, как яблоком играешь,
а за неё готовы — напролом,
не ведая сомнения и страха,
пусть даже впереди маячит плаха.

А я, как все, тобой обречена
идти на звуки дудочки. Она,
невидимая, так играет звонко,
что волю потеряла я совсем.
О, мистер Х! Зачем тебе, зачем
моя душа спартанского ребенка?

Ожидание

Я прихожу в твой опустевший дом —
и трогаю забытые страницы,
и слушаю, как плачут за окном
голодные, озябшие синицы.

Вот у балкона письменный твой стол,
здесь в беспорядке брошены бумаги.
Куда, друзья, хозяин ваш ушёл?
Давно закрыты все универмаги.

Так холодно... Надел ли он пальто?
Душа болит и сердце не на месте,
хоть звать меня никак, и я никто,
и козыри мои давно не крести.

Ты знать меня не знаешь, на беду,
или на счастье — непонятно это...
Вернись, не помешаю я, уйду,
растаю, как снегурочка на льду
растаяла под жарким солнцем лета.

Опасные игры

Мне скушно, бес! И я играю,
как в куколки, — в живых людей,
по лезвию скольжу, по краю,
тону в бреду чужих страстей.

От скуки вою, как собака,
пусть жизнь хоть в играх воспарит —
в Цветаеву и Пастернака,
и в Мастера и Маргарит.

Я заиграюсь, разбушуюсь,
и захлебнусь, и вновь всплыву,
и страшной раной зарубцуюсь,
и сны увижу наяву.

Но не навек чужие страсти,
из них я возвращаюсь вновь
в свой дом, в свой день, в свои напасти —
в твою тоску и нелюбовь.

***

Скажешь — сгину снегурочкой,
надо — стану Лаурой,
бестолковою дурочкой,
бессловесной натурой.

Иль рабыней смиренной
я на кухне, босая,
буду думать о бренном,
соль в кастрюли бросая.

Хочешь — на расстоянии
продержи меня вечно,
только слова сияние
дли и дли бесконечно.

В позавчерашний дождь войти

В позавчерашний дождь войти
лишь только осенью возможно.
Прости, что на твоём пути
я встала так неосторожно.

Что не сумела дать тебе,
мой друг, ни счастья и ни муки,
что началась в твоей судьбе
не со свиданья, а с разлуки.

Что ночь бессонною была
лишь у меня, и что так мало
тебе я подарить смогла —
глоток любви на дне бокала.

Счастье

Осенним утром выйду за порог,
туда, где дождь свои слагает вирши,
туда, где наступает крайний срок
для листьев, что в тираж еще не вышли.

Увижу — отцветают фонари,
теряя свет, как лист — остатки веры.
Рассвету дождь мешает, нет зари,
лишь облака безумно-нежно серы.

Я счастлива, ведь где-то ты живёшь,
я счастлива, ведь где-то, просыпаясь,
ты, может быть, меня сейчас зовёшь,
как я, от одиночества измаясь.

Тебя увижу в снежной белизне,
уж истекает время ожиданья —
кленовый лист слетает в руки мне
как предстоящей встречи обещанье.

Облака

И царица у окна
села ждать его одна.

Как царица у окошка каждый день
наблюдаю я дорогу в облаках,
на неё смотреть нисколько мне не лень,
теребя остатки гордости в руках.

А на улице июльская жара,
сад весенний или белые снега,
улетают листья стаей со двора,
ливень хлещет с четверга до четверга.

— Жизнь проходит, жалко, милая? — Ничуть,
облака меняют складки всякий миг,
на земле мне не найти таких причуд,
здесь всё слишком просто, слишком напрямик...

Ненужные подарки

Что тебе подарить я могу?
Только осени жёлтую грусть,
только птичьи следы на снегу,
только льдинки испуганный хруст.

Опускается вечера тень,
зажигает луна свой фонарь,
забывая раздёрганный день,
обрывает листок календарь.

Равнодушна небесная высь,
что могла, я тебе отдала.
Там, где осень с зимою сошлись,
не хватает природе тепла.

Речка Сетунь

И дольше века длится день.
Борис Пастернак

Душа томится неизбежным,
неотвратимым, небылым.
Не жди, ничто не будет прежним,
раз пропит отданный калым.

Мы перешли все рубиконы,
сожгли над ними все мосты.
Земные отданы поклоны,
поставлены везде кресты.

Искали мы единоверца
десятилетия подряд.
Вначале было слово. В сердце
рифмованный вливался яд,

копилась мощь от строчки к строчке.
Так зарождается гроза,
так возникает мир — из точки,
остановить процесс нельзя.

Из ничего явилось — нечто,
оно сильней и больше нас.
Идём по досточке над речкой,
и дольше века длится час.

Ноябрь

Вот и всё, облетели деревья,
вот и всё, наступает зима.
Прекращаю метанья, кочевья —
сама.

Отдыхает земля от цветенья,
от восторгов, от бурь и от гроз.
Наварили на зиму варенья
из роз.

Листьев золото в кучи собрали
и сожгли, горьковатый дымок
замыкает на сердце печали
замок.

Мы с тобой без вины виноваты,
пострадавшими бродим и ждём,
утешаясь осенней сонаты
дождём.

В ноябре так отчётливо виден
оголённый пустой окоём.
Мы не любим и не ненавидим —
вдвоём.

Взлёт

Когда душе придёт пора
навеки с телом распроститься,
земная кончится игра,
и я взлечу подобно птице.

Я воспарю, я поднимусь,
в последний раз взгляну на землю,
в бездонном небе растворюсь
и целый божий мир объемлю.

Я напоследок с высоты
увижу карты очертанья:
леса, речушки и мосты,
дорог извилистых блужданье.

Географический ландшафт
растает тихим приведеньем,
как сон, как скопище неправд,
что исчезают с пробужденьем.

Пройдя туманы облаков,
душа в простор ворвется синий,
где нет ни прозы, ни стихов,
ни форм, ни запахов, ни линий...

Мы тренируемся взлетать
в железном брюхе самолёта,
с разбега — вверх! Ни дать ни взять —
птенцы из одного помёта.

О, миг отрыва от земли!
С надёжной твердью расставанье
неоднократно все прошли,
но каждый раз — как умиранье.

Пространство на клочки круша,
прочь от земли машина рвётся,
как будто лёгкая душа
с печальным телом расстаётся.

И в этот миг моя рука
твои напрасно ищет пальцы.
Как от тебя я далека!
Вокруг меня одни скитальцы.

Глотатели широт и вёрст,
искатели, где глубже, места,
и каждый одинок, как перст,
ни взгляда общего, ни жеста.

К тебе стремлюсь я всей душой,
но только дальше улетаю.
Что делать с этим, милый мой,
не знаешь ты, и я не знаю.

Предчувствие зимы

Незыблем кухонный уют,
«тик-так» часы стучат,
а за окном дожди идут
который день подряд.

Скучает чашка на столе,
рисуют стрелки круг,
пока дождинки на стекле
прозрачный оставляют след
от предстоящих вьюг.

А может быть...

А может быть, зима — с весной разлука?
Бессонной ночи сладостная мука,
где вместо снов — клочки воспоминаний
и горечь неисполненных желаний.

Разлука наша сделалась привычкой,
колечком бересты и тонкой спичкой,
и ветром, что на эту спичку злится.
Погаснет или ярче возгорится?

Где б ни был ты, смотри: вверху луна
то месяцем, то полною видна,
ей всё равно — зима или весна,
всегда прекрасна и всегда одна.

Пример беру с изменчивости лунной —
душа, меняясь, остаётся юной.

Зарина КАНУКОВА

Зарина Канукова (р. 1969) – поэт, драматург, состоит в Союзе журналистов и Союзе писателей России, работает главным редактором республиканской газеты «Горянка» (г. Нальчик, Республика Кабардино-Балкария). Автор поэтических сборников «Игры в прятки», «Небесный бисер», «Ты и я», «Тонкие связи».

Бабочки, порхающие в доме

***

Как хочу, все, что видится мне, назову,
как хочу, так слова и расставлю.
И во сне они служат мне, и наяву,
все вбирая – восторг ли, растраву.

Я порой их зажму, как слепец, в кулаке,
а порой, словно зернышки птицам,
все рассыплю – и дальше бегу налегке
по пронизанным солнцем страницам...

Мне так нравится! Пусть –
после многих потерь,
ныне все возмещаю потери;
чем ответить, я знаю отлично теперь,
теням тем, что тягаться б хотели.

Нет тех дней, когда я, злые слезы тая,
могла стыть, оробев перед далью...
Между чувством и словом – лишь ветер, а я,
как коня, его лихо седлаю!

***

Лишь теперь начинаю ценить,
что живу в этом мире взаправду,
что связует с ним прочная нить,
хоть секунды и тянут к закату.

А ведь прежде, не веруя в явь,
я металась душой бесполезно,
норовя запустить ее вплавь
к дальним звездам... Едва не исчезла!

Друг, ко мне приходя иногда,
ничего разобрать был не в силах;
веры не было – вот ведь беда –
ни в горячих словах и ни в стылых.

Я сполна понимаю теперь,
что блуждала *в игрушечной чаще*.
Через опыт торимых потерь
поняла я, что все преходяще.

Наши чувства мелькают, увы,
словно фильма поспешные кадры.
Никому не сносить головы,
не поняв этой горестной правды.

То, что радость безмерно ценней,
что важнее всего вдохновенье,
рассказать, мое сердце, сумей
откровенней, доступней, новее!

***

Это чувство то сладостью было,
то болезнью, лишающей пыла.

Пребывало во мне – я взлетала,
без него – мира было мне мало.

Сновиденью подобное чувство
было тем, без чего все так пусто...

Это чувство без спросу явилось,
не понять – то ли месть, то ли милость.

Всю планету – в деталях, подробно –
охватить чувство было способно.

Это чувство меня наполняло
до краев – и пределов не знало.

Я сама и была этим чувством,
ты ж о нем говорил, как о чуждом.

Это чувство так сладостно было!
Стало – болью, лишающей пыла...

***

В моем доме бабочки порхают.
Замечаю черных среди них,
ну а белых здесь как будто меньше.

Вспоминаю город твой далекий:
выпал снег, и тут же ты разжег
пламя, что в камине загудело.

Наблюдал в тот вечер ты с опаской
за моими взглядами, молчал
и скрывал, что у тебя на сердце.

У меня – сейчас мне это странно,
может быть, виною полумрак? –
не было и промелька тревоги.

А теперь ты у меня лишь в мыслях.
Залетают бабочки в мой дом,
чтобы тут же вылететь обратно...

***

От любви – до ненастья,
от успехов – к невзгодам...
В ожидании счастья
год проходит за годом.

Жизнь – то раем, то адом,
то бугром, то горою...
Счастье здесь, оно рядом –
чует сердце порою.

Между глубью небесной
и ладонью земною
по тропе неизвестной
путь лежит предо мною.

Ощущаю ночами,
кто его пролагает,
кто сквозь беды-печали
мне идти помогает.

Не дает торопиться,
оступилась – поддержит...
И все дальше граница
в далях дымчатых брезжит.

Сколько дней уже кряду
я шагаю неробко?
Представляется взгляду:
к небу тянется тропка.

Все, что ранит, пусть канет,
пусть уйдет все, что затхло.
То мерцанье, что манит,
называется «завтра».

***

Забываю тебя, забываю...
Новизной полыхает закат.
Дверь я перед тобой закрываю
в день грядущий, что песней богат.

То кляну, что вчера было мило,
погребаю под россыпью дел.
Бесконечными чувства я мнила,
но, увы, подступает предел.

Отстаю от тебя, отлепляюсь!
Крик в закат превратится, звеня, –
благодарна я: знаю, что завязь
дней грядущих излечит меня.

***

Я ухожу. Лежит мой путь в тумане,
и даже сны пучин его ясней.
Мне нужен дождь, потребно расстоянье,
чтоб разобрать, что там, в душе моей.

Что в ней творится – для меня же тайна.
Мне кажется, ты частью стал меня.
Туда спешу, где льется дождь фатально, –
быть может, он избавит от огня?

Вблизи друг другу головы мы кружим,
вот для чего поспешен мой отлет.
Хочу понять, насколько ты мне нужен...
В душе огонь – так кто ж ее поймет?

***

Живы корни всех чувств,
и побеги их рьяны.
Мне позыв ныне чужд
знать грядущего планы.

Недоверье теперь
к поворотам иссякло.
Не боюсь открыть дверь
и вступить в свое завтра.

Ведь как раз этот шаг,
что сейчас будет сделан,
отряхнуть даст мне прах,
даст стать белой на белом.

Верю: ждет этим днем
очистительный ветер...
Хочешь – вместе пойдем,
коли день так уж светел!

***

По прямому пути я зигзагом пройду –
таково мое, видно, устройство.
В полный рост поднимусь я себе на беду,
пусть вокруг голосили бы:«Скройся!»

А дороги, по коим пройти не дано,
так похожи на лезвия бритвы!
Это тоже, увы, я познала давно,
но с путинам с душой не сбиться...

Древесное заклинание

Дай душе не остыть
без любви и без неги.
Дай мне корни пустить,
дай расправить побеги.

Дай потокам всех чувств
через стебли излиться.
Поздней осенью пусть
опадут мои листья.

А пока – белый дым
пусть овеет, как долы,
мои ветви, к моим
пусть цветам спешат пчелы.

Чтоб вот так и цвести,
из земли вырастая,
жизнь могла б провести –
и не надо мне рая!

Говорю не тая:
сердце этим спасется –
ведь такие, как я,
жить не могут без Солнца.

Точно знала всегда,
сердцем ведаю тоже:
не несу я вреда
тем, что вырастут позже.

Дай душой не остыть
и, введя в эту сказку,
дай мне корни пустить
и познать почвы ласку...

Знай: средь этих ветвей
свить гнездо хочет птица,
чтобы в кроне моей
двадцать лет веселиться!

***

Твой поцелуй трепещет на губах,
как бабочка. В глазах моих темно.
Я не хотела сердце впопыхах
пускать к тебе, но вырвалось оно.

Куда оно домчится, так спеша?
Мне и самой неведомо – до слез! –
кем завтра будет полниться душа –
тобой? Ты хочешь этого? Всерьез?

Да, кажется, истома сна тобой
пропитана. И кажется, что ты –
просвет, давно обещанный судьбой,
являющийся мне из темноты.

Я все яснее вижу, почему
поет душа, волнуясь и звеня;
подозреваю, проницая тьму,
Кто именно теперь хранит меня.

Твой поцелуй трепещет на губах,
как бабочка, знакомая давно...
Я не хотела сердце впопыхах
к тебе пускать, но вырвалось оно!

***

Как лето, что в густой траве таится,
как ветвь, что под ногой вдруг
вскрикнет хрустко,
как скрытая в листве певунья-птица, –
так в жилках, в нервах путается чувство.

Ночами пробуждается цветенье,
да так, что, белой завистью исполнен,
гадает мир в немом оцепененье:
откуда – в полночь! – взялся этот полдень?

Теперь я знаю, что всего труднее
хранить его, его же опасаясь,
того пугаясь, что всего роднее...
О, эта плод дарующая завязь!

Чей дар ты? Или – чье ты наказанье?
Нельзя – об этом помню – возгордиться
пред тем, с кем небеса тебя связали,
пред тем, о ком тебе пропела птица.

Тот цвет, что вспыхнул в радостную полночь,
при свете дня узнать тебя позволит.
Цветенье чувств! Чем ты меня наполнишь?
Лишь не сгорело б, словно астероид...

***

Жгу одежды, что осквернены
теми мыслями, что рождены
торопливым уходом твоим...
Да развеется дым!

Свыклась с тем я, что произошло,
мне свободно теперь и светло,
не надейся, забывчивый друг,
что я гибну от мук.

Ты, чей пыл так внезапно угас,
сам болеешь, наверно, сейчас,
а слова твои – дьявольский яд –
самого и язвят.

И не думай, что ежели ты
своим сердцем, где скисли мечты,
позовешь меня вновь за собой,
твоей стану рабой.

Ни за что! Я останусь верна
прежним чувствам, испитым до дна, –
пусть теперь я свободна от них,
пусть их голос затих.

Платья те, что ты видел на мне,
уничтожила в яром огне.
Сшили новые мне на заказ,
их ношу я сейчас.

***

Утешь свое сердце, умасли,
чтоб мысли шальные угасли,
к себе стань чуть более строгой –
любимого словом не трогай.

Утешь свое сердце, порадуй,
все мысли держи за оградой,
тревоги забудь о любимом –
пусть сгинут, развеются дымом.

Сбиваясь с душевного лада,
терзать свое сердце не надо.
Запомни: себе ты не изверг,
есть жизнь, остальное – лишь призрак.

...Но сердцу, что сладостно тает,
покоя всегда не хватает –
следя за любимым, витает,
поскольку... он в нем обитает.

***

Под водой донесу свою душу
до тебя – пусть там воздуха нет,
но лишь там она выйдет на сушу,
где горит твой спасительный свет.

А по воздуху – нет, не решаюсь:
вдруг развеется, не долетев?
Вдруг какая-то мелкая шалость
навлечет на нее Божий гнев?

Где б ты ни был, душа моя знает,
чт с тобой, мой родной человек.
Ей ни зной не помеха, ни наледь –
связь незыблема. Это – навек.

***

Душа моя – не судно на приколе,
она всегда с тобою. Наизусть
я знаю твои радости и боли,
я постоянно чувствую твой пульс.

Сейчас ты на краю земли, и сердце
твое идет на убыль, как луна.
Я о тебе, своем единоверце,
и вдалеке заботиться должна.

Стремясь скорее обратиться в завтра,
сегодня мчит вперед во весь опор.
Мне холодно подчас, а то вдруг жарко –
тебя я ожидаю с давних пор.

Не тратя сил на горестные стоны,
жду, чтоб ко мне привел тебя твой путь.
У мира свои мерки и законы,
и не пытайся их перешагнуть.

Чего я жду, придет по Божьей воле,
и в этот миг я радостью упьюсь.
Дай знать мне твои радости и боли,
дай постоянно чувствовать твой пульс.

***

Прошу: давай с тобою жить в одном
и том же мире. Я так рада,
что этот век мы делим день за днем.
И мир делить нам тоже надо.

Тебя лишь вижу спутником своим.
Хочу, чтоб ты, мой взор встречая,
светлел лицом, прогнав печали дым,
чтоб жил, во мне души не чая.

Тебе ведь тоже было б по душе,
чтоб с теплотой произносила
я твое имя, близкое уже
настолько, что, как солнце, мило.

В том времени, в котором мы живем,
единый мир найти нам надо;
пускай же век войдет в наш общий дом,
как наша общая награда.

В Приэльбрусье

1

Немало мест, что сердцу милы,
но лишь в одном лишаюсь страха.
В запасе если будут силы,
приеду снова к Ошхамахо.

На Ошхамахо поднимаясь,
беру с собой свои печали,
с которыми жила я, маясь
так, что и помыслы мельчали.

Пока тоски не растеряю
вверху, в долину не спускаюсь,
снегам я душу поверяю,
им исповедуюсь и каюсь.

На той неделе (может, в среду?),
коль хоть полдня в запасе будет,
я к Ошхамахо вновь приеду –
пускай он душу мне остудит.

Пускай мои умножит силы,
избавит от тревог и страха...
Немало мест, что сердцу милы,
но всех милее Ошхамахо.

2

Говорю, груз забот отодвинув,
то с шиповником, то с облепихой...
Не хочу разбираться в причинах
светлой грусти и радости тихой.

Так сегодня все чувства подробны,
что никак не опишешь из вкратце.
В фазах сердца, что лунным подобны,

я ничуть не хочу разбираться.

Лучше пристально слушать я буду
пенье птиц, что рассвет возвещает.
Поклонюсь я ему, словно чуду, –
он из ночи нам мир возвращает.

Только вздрогнули вдруг от испуга
мои чувства и прячутся разом,
укрываются все друг за друга –
их страшит чуть проснувшийся разум.

Улизнуть норовят мои чувства,
осторожно пробраться по краю...
Что же, радостно мне? Или грустно?
И сама я сегодня не знаю...

3

Вечность... как легко произнести –
и как трудно совместиться с нею.
Все иду по прежнему пути,
в стороны сворачивать не смею.

Лето подбирается к концу.
Я тебя, чуть вспомнив, забываю –
свет, едва затеплится, гашу
и впотьмах к грядущему взываю.

Снова мое сердце, как луна,
убывает, чтоб затем налиться.
Ничего тебе я не должна.
Тьма ночей размыла наши лица.

Сосны встрепенулись, и опять
сыплются за шиворот иголки.
Ни о чем не дам тебе я знать,
сберегу сама свои осколки.

Сберегу, что было сплетено
из того, что мне весной приснилось.
Это очень кстати, что оно
никогда взаправду не случилось.

4

Не больше и не меньше, ровно столько,
сколь различаю сквозь туман над лесом,
колышущийся жалобно и горько
недолговечным, зыблемым навесом,

я о тебе в тиши от сердца слышу –
оно само тебя почти не знает:
под внешность ты укрылся, как под крышу,
а на нее легла сомнений наледь.

Из состоянья этого непросто
на волю выйти – так же, как из кожи.
Меж нами расстоянье, как короста,
которую содрать – себе дороже.

Одну вершину покорить осталось –
чтоб память о тебе уже не вынуть.
Вот этого так долго я пугалась,
вот это мне хотелось отодвинуть.

Но в те места, где вспоминаю Бога,
мне ноги помогли добраться снова;
здесь суть моя открылась, недотрога,
и я довольна. Прочее – полова.

5

Едва пробудившись, заходятся в зове
лесистые горы вокруг,
а я откликаюсь, ведь жизнь наготове,
живое живому есть друг.

Да, жизнь в моих венах вот так же струится,
как в жилках скалы и листка,
подернута рябью из строчек страница,
как озеро или река.

К себе приникая внимательным слухом,
застыла вселенная вся.
Я – часть этой силы, близка с нею духом,
мир вместе со мной родился.

Я чувствую нити, что тянутся с солнца,
мне внятен небесный язык.
Навстречу вселенной мой отклик несется,
в ней мой отражается лик.

Чтоб стала гармония спутницей вечной,
чтоб мир не скукожился, пуст,
дай, Боже, мне сил быть всегда человечной,
не прятать за пазуху чувств!

Перевел с кабардинского
Георгий Яропольский

Асфар КУЕК

Ты – весна моя

Все падают и шипят
Вот-вот огонь в глубине золы
Погаснет от этих слез.
Басе

Был весенний день. Время, когда привыкаешь к сладкому запаху распустившихся деревьев. Весь мир, даже небо, кажется изумрудным. Твоя люлька стоит на зеленой лужайке, она кажется большим цветком посреди яркого ковра. Ты тоже часть этой весны. Голос твой звонкий, колокольчиком рассыпается в прекрасном дне.

Ты улыбаешься. О чем ты думаешь, маленькая моя? Я отдал бы многое, чтобы знать об этом. Мне кажется, что ты знаешь столько, сколько недоступно моему сознанию. Иначе, зачем ты смотришь на меня взрослым взглядом, словно знаешь меня давным-давно?

С первого дня, как я тебя увидел, ты удивляешь меня. У тебя интересное детство. Когда мы приехали за тобой в роддом, медсестра неожиданно дала мне тебя. Я ощутил сквозь одеяльце живой комочек. Это мой ребенок, я привел его в этот удивительный и светлый мир, он ни на кого не похож.

Мне интересно, как он выглядит, какие у него глаза, пальчики, каков он вообще. Раскрыть бы одеяльце, посмотреть, но при друзьях мне как-то неловко. Даже то, что я тебя взял на руки при них, потом кто–то мне обязательно в шутку напомнит. Мол, по черкесскому этикету мужчина не должен показывать свою привязанность к своим детям. Мы, друзья, стремимся всегда быть достойными своих прославленных предком, для которых соблюдение обычаев было выше жизни.

Вот мы уже и дома. Наконец – то раскрывают одеяло, и ты взглянула на нас чистыми зелеными глазами. До сих пор мне казалось, что все новорожденные почему–то красные, а ты была беленькая. Ты томно потягивалась, растягивая ручки и ножки. Потом мать покормила тебя, и ты уснула спокойно в нашем доме, как будто всю жизнь жила с нами. Скоро и друзья разошлись, осталось только несколько женщин. Они со знанием дела укладывают аккуратно твои одеяльца, крохотные рубашечки, простынки, готовят твою люльку, обсуждают с твоей матерью, как надо обращаться с новорожденным.

Когда на меня никто не обращал внимания, я часто смотрел на тебя. Впервые я увидел, как ты улыбаешься и удивился. Бывает же, что лицо человека радуется. Ты откуда взяла такую улыбку? И мать твоя, и я не такие. Что означает твоя несравненная улыбка? Может, ты улыбалась во сне? Но что ты можешь видеть, маленькая моя, в этом огромном мире? На твоем лице я видел не только твою улыбку, но что–то еще, что я не мог понять.

«Если ребенок смеется во сне, это с ней играются ангелы», – говорила моя бабушка. А кто с тобой играет во сне, кому ты так радуешься? Скажи мне, чему ты улыбаешься, ну скажи? – ласково спрашиваю я тебя, но вместо ответа ты продолжаешь счастливо улыбаться.

Твоя первая весна была очень красивой. И мне она казалась необычной, потому что ты родилась весной...

Тебе было только несколько месяцев, когда в твоем поведении, взгляде я начал замечать

необычные для твоего возраста моменты. Дети обычно начинают с угукания, а ты нет. Ты редко плакала и смеялась нечасто. Иногда ты смеялась в голос, тогда твой звонкий голосок начинал звучать весенней трелью соловья. Как мы радовались в такие мгновения. Что может быть слаще и приятнее невинного детского смеха?!

Чаще ты мягко вздыхала. Мы не знали, что может тебя угнетать, и начинали беспокоиться. Мне казалось, что ты в каких – то печальных раздумьях. Но сколько тебе, чтобы такое держать в сердце?

Интересно, как я себя вел, когда был таким как ты? Я забыл, что я делал, когда был маленьким, но когда смотрю на тебя, то начинаю что-то вспоминать. Может, и не вспоминал, могло и показаться.

Ты спишь, а я думаю о тебе. Ты давно упокоилась в тихой комнате. Не понимаю почему, но сердцем чувствую, что надо зайти к тебе, весь, охваченный какой – то тревогой быстро подхожу к твоей кровати.

Ты плачешь. Я не помню, чтобы ты когда-нибудь так плакала. Ручки и ножки подтянула к груди и поэтому кажешься крохотной. Все лицо залито слезинками, твоя подушка стала мокрой. Ты крепко закрыла глаза и поэтому, твое лицо показалось меньше. Ты и раньше плакала, но так, словно, оплакиваешь, что-то такое, которое теряешь навсегда, было в первый раз. Я и твоего голоса не узнавал, он изменился, в нем я почувствовал глубокую тоску и невысказанное горе.

Говорят, что сны – это отражение реального мира и раздумий над будущим. Что ты знаешь в этом переплетенном, как осенняя паутина, мире, ты же только начала жить, о чем ты можешь так глубоко думать, с такой болью ощущая будущее? Иногда мне кажется, что вы, такие крохотные и беспомощные, ощущаете мир намного глубже, чем мы, ваши родители.

Что ты видишь кроме любви матери, отца, солнечного лучика, чистой весны, мерцания звезд? Звон веселого ручья, щебетание птиц, ласковые колыбельные песни твоей матери не уходят от твоей люльки, что у тебя за грусть, которая может быть выше них? Ты так мало жила еще на этой земле, чтобы думать или сожалеть о прошлом или с тревогой думать о будущем. Что ты видишь? Ты ощущала будущее, что тебе предстоит, светик моей души?

Я разбудил тебя. Ты меня сразу не узнала, испугалась и громко заплакала. Но, услышав мой голос, потянулась ко мне, захлебываясь от слез и рыдания, обняла меня крепко, крепко. Пока ты успокоилась, ты еще несколько раз глубоко вздохнула, дрожа всем тельцем. Ты просыпалась от ужасного сна. Потом, увидев любимую куклу, твои глаза заблестели сквозь слезы, и потянулась к ней, прижала к груди, словно дитя.

После этого дня еще не раз мне казалось, что ты в глубоких раздумьях, что что-то гложет тебя. В такие минуты ты, сидя у стола, перестаешь дрыгать ножками и стучать по тарелке, останавливаешься с полной ложкой и сидишь в задумчивости, то тихо и безмолвно сидишь в уголочке среди своих кукол, которые кажутся выше тебя. О чем ты так задумывалась, моя дочь, что ты переставала играть и в глазах твоих появлялась грусть? Что тебя так угнетало?

Я никогда не постигну ни сердца твоего, ни раздумий. Когда ты вот так сидела задумчиво, я тебя звал тихо, чтобы не испугать тебя, ты не сразу обращала на меня внимание, чаще всего мне приходилось еще несколько раз обращаться к тебе. Твои мысли не отпускали тебя еще какое-то время, твой взгляд мог быть направлен ко мне, но казалось, что ты смотришь сквозь меня. Кто поверит, если скажешь, но в этом взгляде я ощущал взгляд зрелого и мудрого человека? Тогда в моей душе начинала гнездиться необъяснимая и щемящая тоска.

Многие меня считают человеком сильным и духом, и телом, сравнивают с мужественными черкесами. Наверное, оттого, что я стремлюсь, и горе и радость держать глубоко в себе, стойко переносить испытания этого вечно изменчивого мира. Но куда мне до именитых предков, вписавших свои имена в летопись мировой истории. Большие трагедии не раз случались и с ними, но они намного мужественнее, чем мы, переносили лишения и трудности, горе и страдания. Весь народ был таким, время было такое, что без крепкого сердца, мужества мужчин и стойкости женщин невозможно было сохранить свободу в жестоком мире. Если на-

ходишь в себе силы перебороть боль, страдания, душевную боль, чувствуешь себя мужчиной. Но есть ли граница, что может пережить или выдержать человек?

Адыги говорят, что Бог посылает человеку столько испытаний, сколько он выдержит. В это они верили свято, поэтому находили в себе силы. Время, что резвый конь, бежит, люди рождаются, живут под этим солнцем, приходит время, и они уходят в мир иной, откуда не возвращаются. От рождения до смерти человеку днем светло, ночью темно, в его подводе запряжены два коня: радость и горе. Какой резвее, такова и жизнь.

Мы, друзья, любим свою историю и часто говорим о прошлом, сравнивая ее с настоящим. Но когда речь заходит о мужестве, я вспоминаю о народных героях. Это и Коджебардоко Мыхамэт, из которого пули вынимали острием кинжала, а он улыбался, также с улыбкой встретивший и смерть. Это Хытыку Болэт, с раздробленным бедром, не покинувший поле боя и воевавший с врагом, как будто ничего с ним и не случилось. Это и старик, отец братьев Пцашэ, встречающий тела своих детей словами: «Это в традициях нашего рода» и ничем не выдавший своего горя. Сколько таких еще осталось в памяти народа, а сколько тех, чьи имена остались в тени, доблесть и мужество которых знает лишь Всевышний. Я всю жизнь мечтаю быть похожим на них, с того дня, как мой дед начал мне рассказывать о славных героях народа. Беру с них пример и часто борюсь с собой. Поэтому, видимо, меня считают человеком сильным.

Но кто, кто знает, что на самом деле творится в моем сердце? Я никому об этом не скажу, а по мне они никогда не догадаются. Лишь мать может догадаться, но от нее я больше всех скрываю то, что переживаю. Если она сможет пережить, что она себе представляет, я буду утешен...

Мой ребенок оставил мне взгляд, за который я всю жизнь расплачиваюсь. Когда он родился, между нами пробежал небольшой прохладный ветерок. Для адыга рождение сына – это событие, равных которому нет, потому я хотел первенца – мальчика. Даже не мог предположить, что у меня может родиться девочка. Вот почему, когда я получил неожиданную весть, немножко огорчился.

Но недолго это длилось, я быстро отошел, когда она появилась в моем доме, но тот прохладный ветерок, наверное, оставил в душе моего ребенка грусть, которая часто застывала в ее чистых глазах. Эхо этого ветерка сейчас возвращается ко мне, и оно роется в моей груди, колет меня и лишает покоя. Дети особо реагируют на отношение к ним, поэтому моя крошка почувствовала его холодное прикосновение...

Человек не может постоянно грустить или радоваться: день сменяет ночь, все течет, все изменяется. Вот перед моими глазами стоит дочурка в ярком платьице, она радостно улыбается матери и счастливо кружится. Но твой взгляд закрывает, как створку окна, свет моих милых воспоминаний.

Я на руках сам занес тебя в больницу, ты, видимо, что-то почувствовала, крепко обняла меня, но, когда забирали тебя, ты покорно отпустила меня и так посмотрела на меня, что в душе что-то тревожно перевернулось. Зачем, зачем ты оставила мне свой взгляд, взгляд, вечной раны моего сердца? Если бы я мог допустить мысль, что это будет нашим последним днем и взгляд твой, взгляд прощания, я не ушел бы с больницы. И зачем я уехал на эти два дня в аул?..

Врачи убеждали нас, что она только простудилась, у нее жар.

- Здесь ничего мудрить не надо, – сказала врач, которая оформляла ребенка в больницу. – Несколько уколов, режим лечения и все будет в норме, не вы первые, не вы последние...

Но неправильное лечение и ненужный укол превратили жар тела в пламя, в огне которого и сгорел мой ребенок. Тогда ей было полтора года...

Я уверен, что ты знала, что с тобой это случится. Поэтому, видимо, ты посмотрела на меня прощальным взглядом, словно что-то утешительное для себя искала в моем сердце. Я ни о чем еще не догадывался, а ты уже знала будущее. Ты не сказала мне об этом, но твой взгляд

оставил мне грустные вопросы.

Может, твой взгляд искал в моей груди остатки того прохладного ветерка? Ты хотела уйти в другой мир, зная, что в сердце моем к тебе есть только любовь и благодарность за то, что ты у меня есть, за то, что я познал с тобой радость отцовства, за то, что ты выбрала нас с матерью? Говорят же, что души детей, ищут по земле будущих родителей еще за три месяца до их зачатия. Зачем ты сомневалась в моей любви к тебе, зачем тепло моей души не согрело остатки того ветерка? Зачем ты не простила меня?

Многое я еще вижу в твоем взгляде. Это мучает, гложет меня. Первое время я ночами не спал, передо мной всегда был твой взгляд, я не мог обойти его. И сейчас нередко он возвращается ко мне, от него нет спасения, я иногда начинаю биться головой о стены, стол, пол, но физическую боль не в состоянии убить душевную.

В соседнем селе однажды машина сбила трехлетнюю девочку. Ее отец был старше меня, тогда я еще был холост. Когда мы услышали об этом, мы поехали в больницу. Водитель машины стоял бледный, как полотно, он был словно в трансе. Все ждали со страхом вердикта врачей, но они ничего не смогли сделать, она умерла.

Как только об этом услышал отец, он набросился на водителя и начал его избивать. Он кричал: «Откуда я снова возьму такую девочку, ты меня погубил!» Тот молчал, падал на мокрую от дождя землю, вставал, весь перепачканный, пятился назад, опять падал и опять вставал. Еле отняли его от обезумевшего отца. Водитель был не виноват, девочка на велосипеде выскочила на дорогу, но она погибла, и он винил себя в случившемся. Поэтому, несмотря на физическую боль, он терпел, дал возможность отвести душу несчастному отцу.

А мне кого винить, на ком вынести свою боль? Кто кроме меня может нести наказание? Что мне самому истязать себя? И что я смогу сделать с собой? Что бы я ни делал, ребенка своего я уже не верну. Отец той девочки избил водителя, поплакал и отчасти отвел душу. Я до сегодняшнего дня не могу себе позволить при ком-нибудь оплакивать смерть своего ребенка, даже показывать свое горе. Но если кто-нибудь заглянул ко мне в грудь, в глубину моего сердца, он увидел бы такую тоску, такую невысказанную боль, которую никому не пожелаешь. Здесь льются неутешные слезы, здесь я слеп, здесь подкашивается мое мужество, слава Богу, что это никто не замечает...

Было холодно, очень холодно. Выпал обильный снег, мороз по нему звонко пробежал и установилась настоящая зима. Когда тебя понесли на кладбище, я вместе с мужчинами вышел со двора, где ты так любила радостно бегать под неусыпным взглядом счастливой бабушки. Взгляд пробежался по твоей последней дороге, кладбище было недалеко. Мне кажется, что мужчины идут слишком быстро. Куда торопиться?

На руках большого Шихама лежит моя дочь. Ей так нравилось играть с дядей, который подпирал потолок своей головой. А теперь и сердце больше не играет, перестало биться, и тело недвижимо. Она больше не улыбнется ему и не потянет к нему свои ручки, чтобы прижаться своей белокурой головой к нему. Вот почему огромный мужчина сегодня так печален и слезы блестят в его глазах.

У нас не принято оплакивать своего ребенка. Если бы я начал выплакивать все, что у меня в груди накопилось, наверное, весь мир содрогнулся от моего горя, слезы мои потекли бы горючими ручьями. Но я такого права не имею, мужчина должен всегда оставаться мужчиной.

Я не стал заходить на кладбище, отец был там, я постеснялся. С несколькими друзьями стал недалеко от входа. Спасибо им, в эти трагические дни они день и ночь были со мной. Ветер начинает иногда шалить – вздыбливает снег, стелит поземку. Вижу, что многие съежились. Холод пробирается через мой воротник и остужает мое сердце. Я не помню, о чем мы говорим, вроде слышу, что говорят, но сути не пойму, слова проходят сквозь меня, а мысли мои кружатся и бьются около маленькой могилы...

Моя сладкая девочка, как может стать тебе местом для сна эта холодная земля?! Как я смогу прожить, не слыша твой голос, не видя тебя? Узнав меня своими ясными глазами, не

потянешься ко мне своими теплыми ручками. Теперь я осознаю невысказанные тобою слова и душевное тепло, которое меня так обогревало, но я об этом так мало знал. От этого мое сердце превращается в пустыню...

Ветерок прижался к моему лицу, затем, обвил мою шею и направился в кладбище. Вот он осторожно зашел в могилу и тихо коснулся твоего красного одеяльца. Показалось, что ты дала о себе знать, как тогда, у роддома, когда я ощутил через одеяло живой комочек.

Может это тот прохладный ветерочек, который в свое время пробежал между нами, сейчас принес к тебе в твою холодную могилу тепло моей щеки, к которой ты так любила прижаться своим бархатным личиком. Ветерок тоже, видимо, сожалеет о том времени, но что и он сможет сделать для тебя? Твоя чистая нежная душа сама отправится в небеса...

Вот и ветер покинул твою могилу, старый плотник сбил в ряд доски над тобой, чтобы земля не падала на тебя. Мужчины взяли лопаты...

Дочь моя, свет мой, скажу тебе счастливой дороги, но ты оттуда никогда уже не вернешься. Когда-то и меня похоронят на родовом участке сельского кладбища. Дай Бог, чтобы я оказался рядом с тобой. И тогда, находясь рядом, мы не сможем больше коснуться друг друга. В могилу глухо посыпалась земля...

Я живу. Работаю, нахожусь среди людей, они меня не забывают. Вот так идет время, и мир таков, как ты его видела. Тебя больше нет, но со мной живет твой взгляд, который постоянно возвращается ко мне, тогда мне кажется, что я слишком долго живу.

Но Бог, видимо, считает, что еще не время мне умирать. Для чего-то же он держит меня еще на этой земле, поэтому я стараюсь жить не бесцельно, а больше делать добра. Может, мои дела зачтутся и тебе? Счастье, которое ты не смогла увидеть, пусть увидят другие дети, пусть они под тенью своих родителей, радуя их своей жизнью. Смотрю на них, слышу их веселое щебетанье, и сердце заполняет светлая грусть. Но я всегда прошу Всевышнего, дай им жизнь, дай им жизнь, чтобы их родители никогда не узнали, что такое похоронить своих детей...

Был весенний день. Время, когда привыкаешь к сладкому запаху распустившихся деревьев. Весь мир, даже небо, кажется изумрудным. Твою могилу густо покрыла зеленая трава, и ты утопаешь в весеннем дне. Ты тоже часть этой весны. У могильного камня, рядом с твоим изголовьем, расцвел алый цветочек...

1980 год

Дубовый листок

Повесть

Красивая она была, девушка Сура. Глаз не оторвать: стройная, с русыми волосами и белоснежным лицом. А походка ее... как о ней рассказать? Как только увижу ее, сердце начинало трепетать, и я чувствовал, как мое лицо охватывает огонь до кончиков ушей. Те дни, озаренные каким-то необыкновенным светом, с годами тускнеют в воспоминаниях, но забыть ее окончательно я не в силах.

Говорят, первая любовь становится частью сердца. Может поэтому, я никак не могу ее забыть? Когда она приходит ко мне в воспоминаниях, я узнаю ее по изящной походке: стройный стан недвижим, ее облик проникнут нежностью, скромностью, аккуратностью и лишен напыщенной горделивости. Когда воспоминания возвращают ее мне, я в который уже раз снова достаю наши письма, перечитываю их, разглядываю фотографии, которые она мне подарила. Та же улыбка, те же чуть припухлые, цвета спелой вишни губы, тот же взгляд...

Из продолговатого конверта выпадает и плывет к полу широкий, как мужская ладонь, дубовый лист. Я протягиваю руку, чтобы поймать его, но он не дается, кружась, опускается на пол. Беру его осторожно: ему много лет, и он может рассыпаться. Смотрю, смотрю долго, и на моих глазах коричнево-золотистый листок начинает меняться в цвете: его охватывает

зеленое пламя и я вижу отпечатки девичьих пальцев... Та, которая подарила мне его, может быть, давно уже забыла о нем, но каждый раз, когда я смотрю на него, воспоминания возвращают его к жизни. И в этот раз он напомнил мне, что так же, как он выскользнул из моих протянутых ладоней, мое счастье ушло от меня, и мне становится грустно. И эта грусть – как светлая печаль...

Может быть, этот дубовый листок, подаренный ею, и научил меня любить лес. Когда осень одевает в роскошный наряд расположенный рядом с селом лес, я часто наведываюсь туда. Я трогаю шершавую кору дуба, и она становится нежной, может, узнает тепло моих рук? Иду по узкой тропе, сплошь усеянной листьями. Куда она меня ведет? К кому?.. Каждую осень лес зовет меня к себе, ведет куда-то по своей тропе, маня надеждой. Но наступает зима, начинаются метели и холода, возвращая к суровой жизни.

Да, Сура, когда-то человека ближе тебя для меня не было, ты близка мне и сейчас, но как соединить прошлое с настоящим? Я и сейчас каждый день с тобой в своих воспоминаниях. Ты далеко – ты рядом...

1

Дорога ровная, по обе ее стороны выстроились деревья. Ветер теснит грудь, лохматит волосы, выдавливает из глаз слезы. Сердце, взволнованное звучащей в машине мелодией, бьется учащенно. Я стою за кабиной. Мои однокурсники поют самозабвенно, молодому басу вторит высокий девичий голос, я тоже подпеваю изо всех сил.

Песня о славном народном герое будоражит кровь. Я весь во власти песни, но взгляд мой невольно скользит в сторону, пытаясь поймать свет голубых глаз девушки с волнистыми волосами, сидящей у борта машины. Кто может заглянуть в глубину этих глаз, я в них столько всякого вижу: раздумье, тревоги, миг радости, мечты. Эти глаза давно приворожили меня. Они рождают в душе надежду, потом бросают ее в пламя. Но сейчас, кажется, что чаще всего теперь в них чувствуется тревога и какая-то боль, боль из-за не высказанного чувства.

Это Сура. Волосы разделены на пробор и перевязаны под затылком, концы их, развеваясь, придают ей горделивый вид. Я пытаюсь угадать, что ее мучает. Она не поет, чуть вздернутый носик взгрустнул, на красивых губах нет и тени улыбки, они плотно сжаты. Я тоже, словно задетый ее печалью, перестаю петь. Сидящая рядом с Сурой девушка что-то начинает рассказывать ей, и она, сверкая белыми ровными зубами, смеется.

Машину подбросило, я стукнулся головой о борт и потерял нить своих мыслей. И тут же опять посмотрел в сторону Суры. Я поймал ее взгляд. Сидим, продолжая смотреть, друг на друга. И снова я вижу в ее глазах затаенную боль. Она опустила голову.

Песня закончилась. Я посмотрел на однокурсников. Не участвующие в хоре сидят задумчивые. Вот ближе к кабине, в окружении девушек сидит Сафербий, развлекает их. Бог его знает, о чем говорит им, но там то и дело раздается веселый смех. Сафербий видный парень, стройный, с каштановыми вьющимися волосами. На широком лице далеко друг от друга расставлены голубые хитроватые глаза, губы, пожалуй, тонковаты, но когда он весело улыбается, этот маленький изъян исчезает. Он сел на своего конька, лицо его быстро меняется по ходу рассказа. Я улыбаюсь, стараясь сделать это незаметно для него, потому что начнет приставать: «А чего ты, Хашау, смеешься? Еще подумают, что я привираю. Могу поклясться, что в моих словах нет ни грамма лжи. Могу поклясться бородой Насрена-Жаче...». Причем здесь предводитель нартов Насрен-Борода не знаю, но одно точно знаю – мой друг, похоже, рожден шутником.

Я с удовольствием прислушиваюсь к смеху веселой компании. Но не забываю и о Суре. Ее нежный смех тонет в общем веселье, как звон капли в шуме потока воды. Вот она снова ушла в свои мысли, ее беспокойный взгляд ловит мои глаза, снова опускает голову и сжимает до хруста пальцы. Я снова начинаю чувствовать ее тревогу, перестаю замечать окружающих, ухожу в себя и начинаю «разговаривать» с ней.

«Как ты безжалостно ломаешь свои пальчики, моя красавица! Говорят, по рукам чело-

века можно догадаться о том, что творится в его душе, я знаю: что-то гложет твое сердце. Ты ломаешь свои пальцы, а я вспоминаю, как к ним с нежностью прикасался. Если бы я знал, что и сейчас могу это сделать, я бы это многому предпочел. Но у тебя есть то, чего, я лишен, есть, кому ласкать тебя, не со мной ты встречаешься вечерами. Теперь вы вместе смотрите в вечернее небо, берете себе в спутники жизни две звезды, чтобы они вскоре соединились и вокруг них засверкали маленькие звездочки. Моя звезда сейчас одиноко блуждает, она не смогла тебя увлечь, не смогла осветить для тебя дорогу ко мне. Кто из нас виноват в том, что случилось?..».

Сариет, высокая девушка, сидящая рядом с Сурой, заметила, что я часто смотрю в их сторону и начала наблюдать за мной. Я устремляю свой взор вверх, где сквозь рванные бесцветные облака проглядывают голубые глаза неба, потом делаю вид, что с интересом наблюдаю за группой Сафербия, где не смолкает смех. Сариет тоже посмотрела в их сторону и, выждав минутку, обратилась к Сафербию:

- Расскажи-ка нам, как ты ухаживал за Верой Петровной. А то Сура мне не верит, говорит, что так не бывает. – И, видя, что Сура подняла голову, чтобы сказать Сафербию, что даже в мыслях у нее не возникало подобного, с лукавинкой в глазах толкает ее в бок и шепчет: – Помолчи.

- Да, да, Сафербий, – поддерживает подругу Нуриета, – расскажи, мы тоже что-то слышали про это.

- И, правда, расскажи...

Сафербий не заставил себя долго упрашивать, выпрямился на сиденье и начал:

- Вы и сами знаете, какая Вера Петровна красивая и приятная девушка, да и я не уступаю ей, это всем видно, – Сафербий выпрямляется и вытягивает шею. – В один прекрасный вечер я встречаю ее в институте. Время послеобеденное, народу почти никого. Она стояла возле стенда «Лучшие спортсмены факультета», и я заметил, что она внимательно рассматривает фотографии. Как вы знаете, я там занимаю центральное место, не зря же я дзюдоист, заметить меня невозможно, естественно, я не сомневался в том, что буду иметь у нее успех. «Скажу-ка я несколько теплых слов человеку, которому я так понравился», – подумал я и подошел к ней. Как петушок, кружащий вокруг курицы, тряся гребешком, когтями угрожающе гребя землю, и кося глазом, я раз прошел мимо, прошелся второй раз, неожиданно для себя внимательно изучил расписание завтрашних занятий. И все это время искоса наблюдал за ней, я же знал, что она заметила меня, в коридоре в это время никого значительнее меня не было, она сама раза два посмотрела в мою сторону. Ага, сказал я себе, клиент уже готов, и подступил к ней вплотную. «Что, нравятся спортсмены нашего факультета или, может, завидуете им?», – спрашиваю. Она молча посмотрела на меня и улыбнулась, потом показала на мое изображение и спросила: «Кажется, это вы?» – «Вот именно». – «А почему вам кажется, что я должна завидовать вам?», – и улыбнулась. Что она говорит? Я же видный парень, хорошо учусь, известный спортсмен, разве я не достоин восхищения? Девушки от меня без ума, правда, же, Сариет, что я нарасхват? Конечно, вы все это знаете. Правда, на фотографии лицо у меня немного перекошено, чтобы окосел этот фотограф, «не смотри, не смотри в объектив», твердил он, вот и перекосило меня, но вы же видите, какой я на самом деле, – что-то наподобие этого я ей говорил. «Вы, кажется, хвастун, к тому же и болтливы», – прервала она меня.

- Я онемел, – с азартом продолжал Сафербий. – Меня словно окатили ледяной водой. Был бы передо мной парень, я бы ему устроил, но что тут сделаешь, она девушка, щупленькая, к тому же. В сердце ярость, хочу сказать ей что-нибудь неприятное, но не могу придумать. А она, совершенно равнодушная ко мне, рассматривает фотографии. «Девушка, я не знаю, в какой школе вас воспитывали, но вы даже не знаете, с чем едят так называемую тактичность, – говорю ей. – Таких, как вы, здесь до сих пор не было, житья нет от этих новеньких, скажешь им слово, а они в ответ сто. Подождите, из вас тоже сделают человека, не с вас человечество началось, не на вас и кончится». Девушка покачала головой и молча отошла, я ушел разгневанный. «Ты еще встретишься мне, – говорю про себя, – не думай, что я прощу тебе эти

слова, сама прибежишь ко мне. Этакая пигалица смеется надо мной, над Еутыхом Сафербием, известном на лучшем факультете, да и на других факультетах...». А что было на следующий день – про это вы все знаете: она оказалась нашей новой преподавательницей по немецкому языку.

Девушки смеются от души, подшучивают над Сафербием.

- Подожди, Сафербий, так ты, поэтому побледнел, когда она вошла в аудиторию, и все смотрел на нее исподлобья?

- А как у него порозовели щеки, когда она улыбнулась ему!

- Наверное, влюбился в нее, только не признается, – вступает в разговор моя соседка Нуриет.

-А почему бы и не влюбиться, зарабатывает она хорошо, квартира просторная, уходи к ней и живи в свое удовольствие, – раздается звонкий голос Сариет.

Машина снова подбрасывает нас и крепко встряхивает: мы сворачиваем с асфальта на гравийную дорогу. Пыль за нами мягко оседает на придорожные травы. Показалось село, куда нас везут поработать, вон и речка с высокими деревьями на берегах.

Останавливаемся в центре селения, с шумом выпрыгиваем из машины. Стоит жаркий осенний день, воздух густой и неподвижный. Мы подбегаем к колодцу, вытягиваем ведро с водой, журавель со скрипом медленно опускается. Окружив сруб, ребята брызгают друг на друга воду.

Я присел в стороне в густой тени дерева, решил, когда утихомирятся, спокойно напиться.

- Подвинься немного, – я вздрогнул от девичьего голоса.

Из множества голосов я бы узнал этот голос. Сура присела рядом. Волнение охватило меня, но я пытался казаться спокойным.

- Сура, ты чего сегодня такая грустная? – спросил я, улыбнувшись.

- Мне грустно потому... Ты тоже не очень-то веселый, – ответила она.

- Когда сердце оглядывается назад, оно чувствует только печаль...

Сафербий посмотрел в нашу сторону.

- Вы взгляните на эту парочку. Мы ищем, где бы нам хоть постоять, а они захватили лучшее место в тени. Наверняка всякое про нас говорят. Сариет, и ты, Нуриет, сгоните их оттуда. Кто вас развлекал всю дорогу, они или я?

- Это мы мигом, — согласились девушки.

Сура, словно в испуге, ухватила меня за плечо, и я, вдохновленный этим, решил не сдаваться. Девушки во главе с Сафербием стали наступать на нас. Сура с тревогой посмотрела на меня и еще крепче сжала мое плечо. Но тут раздался голос нашего преподавателя Ламуко Учужука:

- Кончайте баловаться, надо определиться с квартирами. Кто быстрее пойдет за мной, тот выберет лучшую квартиру. Все бросились за ним.

2

Нам, троим мужчинам, достался хороший дом: большой, просторный, за огородом река и широкое поле, столовая и клуб почти рядом. Хозяева наши оказались добрыми людьми. Они настояли на том, чтобы мы пообедали. Тлимаф, хозяин дома, спустился в подвал и достал оттуда большую бутыль. Прохладное легкое вино растекалось в нас, горячило кровь и веселило сердца.

Веселый, компанейский Сафербий быстро сдружился с нашими новыми знакомыми.

- Кушайте, кушайте! Слышишь, старик, наши гости, кажется, совсем не умеют кушать, – приветливо улыбается хозяйка.

-Гости бывают разные, – говорит Сафербий, это он делает вступление к своему рассказу. – Вот, например, сестра приходит в гости к брату. Он заметил ее, когда выглянул в окно, и говорит своей жене: «Кажется, моя сестра идет к нам!» – «Емын (Емын, Емынеж – мифический образ в адыгском фольклоре, дракон – А. К.) ее возьми, она же недавно у нас была, чего это

она опять?» – сердится его жена. – «Смотри-ка, что она делает, раздает нашим детям гостинцы!», – продолжает муж, глядя в окно. – «А куда ей еще идти, если не к нам», — говорит его жена, выходя навстречу гостье. Женщина вошла и поставила на пол полную сумку. Когда они сели за стол кушать, вот как мы, женщина спрашивает золовку: «Отчего это у тебя руки так огрубели: в трещинах и ссадинах?». – «Сейчас они ничего стали, после того, как месила целый час тесто, чтобы приготовить вам гостинцы», – ответила гостья, глядя на свои руки. Хозяйка чуть не подавилась куском пирога, принесенного золовкой...

Мы все рассмеялись, а Сафербий, вдохновленный этим, продолжил:

- Еще одну притчу такую рассказывала моя бабушка, тоже о гостях. Старик возился со скотиной во дворе, когда старуха вышла к нему и говорит: «Что делать, старик, к нам пришел гость?». – «Гость приходит к тому, кому суждено скоро разориться, добавь еще одну кружку воды в кашу», – ответил ей старик.

Мы снова рассмеялись. Откуда только он берет свои веселые рассказы?

- А ты не слышал рассказ о госте, который решил проверить достоинства приютившего его человека? – спросил Тлимаф Сафербия.

Сафербий, любитель рассказов, обрадовался. Он внимательно слушал Тлимафа, не забывая подливать вино в наши стаканы.

- Мы, селяне, тоже можем гостям из города рассказать что-нибудь поучительное, – Тлимафу было приятно, что мы его внимательно слушаем.

- Хватит, хватит, старик, потчевать ребят рассказами, пусть поедят, – мягко упрекнула его супруга.

Но хозяин улыбнулся и продолжил:

– Гость зашел во двор. Его пригласили, угостили обедом. Прошла ночь, прошла и вторая, но гость не говорит о цели своего визита и уезжать не торопится. Ведь по нашим обычаям в течение трех суток гость остается гостем, только после этого считается уже членом семьи. Тогда он может сказать о том, что его волнует. А хозяину давно гость стал в тягость. Он мается, выходит из дома, обратно возвращается. Так было несколько раз. На улице валил густой снег. «Е – о – ой, (возглас сожаления – А. К.) эта погода задержит тебя, придется еще остаться у нас», – сказал он гостю. После этого гость настоял на том, чтобы оседлали его лошадь и, отправляясь в путь, сказал хозяину: «Ты не захотел оставить меня в своем доме, так пусть он станет пустым». Хозяину стало неловко, он начал упрашивать гостя остаться. Но тот уехал...

За разговорами мы просидели часа три. Вино стало действовать на нас, Учужука уже клонило ко сну, и мы решили за лучшее отправиться на речку. Как только вышли на улицу, увидели девушек, идущих тоже по направлению к речке. По походке я узнал среди них Суру и провожал ее взглядом, пока она не скрылась.

В любимом человеке всегда находишь что-то притягательное. Говорят, только любящий замечает его. А что же заставило меня полюбить Суру? Мне казалось, что мои чувства волновали и ее, это придавало мне уверенности, но я не открывался ей. На лекциях и семинарах или на встречах в группе мы всегда замечали друг друга. С течением времени я стал чувствовать, что и Суре тоже приятно бывать со мной. Может быть, ошибался, выдавая желаемое за действительное, но то, что она догадывалась о моих чувствах, было бесспорно. Однокурсники уже говорили о нас:

- Что это вы все время вместе? О чем разговариваете? Не надоели еще друг другу?

Мы отшучивались, хотя чувствовали, что пора уже сказать друг другу правду, но не решались на это. Не один раз я засыпал с мыслью, что завтра у меня хватит смелости открыться ей, но вместе с ночью исчезали мои намерения. Сура позже рассказала мне о том, что переживала тогда:

- Я давно поняла, что ты любишь меня, но ты ничего не говорил мне. Вначале просто было интересно, что ты замечаешь меня, потом я привыкла к тебе, почувствовала, что начинаю скучать по тебе, если долго не вижу. Но что мне было делать, я же девушка не могла сказать, что нравишься мне?..

- А ты?.. – вопрос друзей прервал мои воспоминания.

Ламуко и Сафербий стаскивали с себя одежду.

- Я тоже, – ответил я, и снял рубашку.

Река спокойная. Берег покрыт уже увядающей травой. Справа – небольшой овраг и зеленая роща. Дальше за рекой высятся вербы.

– Какое прекрасное место! Да мы не на работу приехали, а на курорт, – сказал Сафербий, потягиваясь. – Наш декан знает, кого нужно отправлять в такое место. Писатели пишут, что люди забывают о прелестях села. Я согласен с ними, когда они пишут, что надо возвращаться к земле.

Я впервые видел Учужука раздетым – низкорослый и толстый, ему только тридцать, а уже с солидным животом. Он постоял немного, поглаживая живот, потом сорвался с места и прыгнул в воду. Мы ринулись следом, переплыли реку. На той стороне берег был низким, песчаный откос полого уходил к деревьям. Мы бросились на горячий песок и зарылись в него. Знойный день постепенно сменялся прохладным вечером, но песок был теплым. Недалеко раздавался веселый девичий смех. Сафербий вскочил на ноги:

- Подождите, сейчас я с ними сыграю шутку!

Он быстро переплыл речку, пересек овраг и исчез в зарослях. Мы вслушивались. Пока было тихо. Внезапно раздался девичий визг, а следом за ним свист Сафербия. Вскоре крики затихли, а затем, возобновились с большей силой. Мы побежали в ту сторону, откуда неслись крики и еще издали увидели, как девушки тащат Сафербия в воду и толкают его на дно. Они хохотали, мы тоже смеялись так, словно участвовали в их играх. Наконец Сафербий вырвался, быстро переплыл снова реку, вернулся к нам, запыхавшимся.

– Я хотел припугнуть их, а они чуть не утопили меня. Сура сидела на берегу, о чем-то задумавшись, я столкнул ее в воду, вот они и набросились на меня.

– Сура красивая девушка, повезет тому, кто женится на ней, – сказал, улыбаясь, Ламуко.

- Кто знает, кому она достанется, но пока еще она ничья, – Сафербий смотрит в мою сторону, подмигивая мне.

- А вы чего ждете, когда такая девушка одна?

- А мы не ждем...

- Тогда ладно. А то меня уже спрашивали двое неженатых преподавателей института. Долго ли уговорить молодую девушку?

Я вдруг представил себе, что Суру уже увозят, и мое сердце забилось так сильно, что я испугался: как бы не услышали его стук, и еще глубже зарылся в песок. Но Сафербий и Ламуко уже оживленно говорили о литературе, а я, рисуя узоры на песке, снова предался своим воспоминаниям...

Никто не знал о моих истинных чувствах к Суре, друзья могли только о чем-то догадываться. Сура была красивой, характер имела спокойный, держала себя скромно, и многие парни присматривались к ней. Некоторых из них я знал. Когда называли имя нового поклонника Суры, мое сердце сжималось от тревоги и ревности. Кое-кто из них спрашивал и меня о Суре, и каждый раз мне казалось, что ее у меня отнимают.

Как-то вечером ко мне зашел Нух, один из моих близких товарищей. Он учился на спортфаке. Нух сказал мне, что Сура давно нравится ему, и дал понять, что нуждается в моей помощи. Он хотел, чтобы я их познакомил. Откуда было ему знать, какую боль он причинил мне своей просьбой. Против своего обыкновения соврал ему, сказав, что я со своей девушкой познакомился сам.

Через несколько дней Сура рассказала мне, что Нух приходил к ней. Я слушал ее, словно ничего не знал. Нуха не огорчило, что он не понравился Суре и продолжал навещать ее, полагая, что она привыкнет к нему. Он и вправду по уши влюбился в нее, сколько раз приходил ко мне в поисках утешения и совета!

А я мучился ложной скромностью, не решался пойти к Суре и объясниться. «Отдай душу, купи совесть», – говорят. Что скажут друзья, узнав о моих чувствах? Но в глубине серд-

ца звучал и другой голос: «Не обращай внимания на разговоры, подумай еще, кто о тебе говорит. Борись за свое счастье, почему твоя любимая должна достаться другому человеку? Что будет потом с тобой? Смотри, как бы поздно не было! Ждешь, чтобы она сама догадалась обо всем...».

Тот же внутренний голос предупреждал меня о том, чтобы я не забывал о Нальбие, который начал приходить к Суре после Нуха: «Этот будет получше прежних ухажеров. – Симпатичный, образованный, прекрасный бизнесмен, машина, дом, достаток — все есть. Не хватает только той, которая переступит порог его дома. А какой сладкоречивый...».

Я не прислушивался к этому голосу, не боялся его: этот прекрасный жених живет в другом городе, а я каждый день вижу ее. Особую уверенность придавало мне то, что я внушил себе, будто нравлюсь ей. А что касается моего объяснения с ней, придет и этому время. Но я ошибся...

День угасал, темнело постепенно. Мы только что закончили ужин, нам велели подготовиться к завтрашнему дню и отпустили. Часть девушек жила вблизи столовой, среди которых была и Сура, мы проводили их и вернулись к себе.

- Клянусь, Учужук, ты самый лучший учитель, – сказал Сафербий, потом прошептал мне. – Нельзя в глаза ему говорить, но пузатый – хороший человек, не заносится, держит себя с нами, как свой.

И действительно, Учужук – кандидат наук, пишет докторскую диссертацию, но держится с нами запросто. С ним легко. К тому же он прекрасно знает свой предмет, литературу, и говорить с ним на литературные темы – одно удовольствие. И в этот вечер, когда мы уже улеглись, он много рассказал интересного: заметил у меня книгу о Казаноко Джабаги, великом адыгском мыслителе, и это стало поводом для его беседы с нами о философских взглядах адыгов, их этикете, образе жизни.

3

Прошло несколько дней. В субботний день мы с Тлимафом решили пойти в лес и встали пораньше. Небо было сплошь покрыто серыми облаками.

- Кажется, дождь собирается, – сказал я, – когда кто-нибудь из нашего рода Хашау отправляется в путь, непременно бывает дождь.

-Так разве это путь — дойти до ближнего леса? Путь – это когда отправляешься далеко, – наш хозяин тоже посмотрел на облака.

Из кухни показалась Фиж и направилась к нам с небольшой сумкой.

- Чем ты нас снарядила, ныу (традиционное обращение пожилого мужа к жене – А. К.)? – спросил Тлимаф, беря у нее сумку.

- Теплые лепешки, вареные яйца, калмыцкий чай, свежий сыр и кое-что еще...

- А мясо, мяса не положила?

- Послушай его, сынок, – обратилась ко мне с улыбкой Фиж. – Этот старик привык к мясу, и считает, что должен каждый день кушать его. Разве не вчера вы съели двух куриц? Когда я говорю тебе о корме для курей, ты отмахиваешься, не до них, мол, тебе. Что курица без корма? Мясо, что старая тряпка, о костях и говорить нечего!

Я тоже посмотрел на куриц. На мой взгляд, они были упитанные, да и те, которыми она угощала нас, не были костлявыми. Возле дверей курятника две черные курицы стояли, голова к голове, словно шептались.

- О какой тайне шепчутся твои курицы? – спросил я Фиж.

- Где?

- Вон, возле курятника.

- Загадай желание, сынок, если увидел такое... Это все равно, что увидеть развернутое небо.

- Загадал. Но что это за развернутое небо?

- Если две курицы шепчутся, говорят, будет видно развернутое небо. Такое удается ви-

деть только доброму человеку. Небо раскрывается и блестит в необыкновенной красоте. Изумрудно-синее. Потом оно снова быстро закрывается, быстрее, чем я об этом рассказала. Это очень красиво, небо переливается разноцветными красками...

Я посмотрел в небо, словно мог увидеть его таким, каким нарисовала Фиж.

- Это хорошо, старуха, но как бы эта красота не обернулась дождем, – Тлимаф посмотрел в небо.

- Такие облака, говорят, приносят дождь, но местами они просматриваются, так что не будет дождя, – сказала Фиж.

- Серые облака к дождю, смуглая улыбчивая женщина обманывает мужа, русая, улыбчивая женщина старит мужа, смуглая, тонконогая женщина, уповающая на родителей, останется без своей семьи, – скороговоркой сказал Тлимаф, и с улыбкой взглянул на жену.

- А какая же из женщин бывает хорошей? — спросил я Тлимафа и тут же вспомнил Суру. Кожа у нее белая и ноги стройные, в меру круглые, значит, не будет уповать на родителей.

- Хорошая женщина – это та, которая хорошо кормит мужа... Знаешь, что говорит ласточка? «Женщина два-три раза кушает, мужчина – один раз и основательно, если вру, то пусть упаду замертво вниз». А мы что, вместо жареной курицы будем думать о целой?

- Конечно, конечно, тебя морили голодом, исхудал ты совсем! – упрекнула его Фиж. – Ведь только что поел досыта. Обманула меня та старуха. Мужа, говорила, мужа своего береги, дети разъедутся, а с ним ты будешь всю жизнь. Я и поверила ей... Видно, зря стараюсь.

- Неспроста она говорила тебе это, я же ей подарок сделал – отвез мешок крупы и две корзины кукурузы!

- Это когда было?

- Когда я тебе сказал, что целительница старуха просит тебя зайти к ней, подарки мои уже были у нее.

- Да-а? Ты подговорил ее? Как я не догадалась об этом! – Фиж словно сожалела о том, что произошло несколько десятков лет назад. – Сегодня я встречу вас таким угощением, какое заслужите у меня. Сынок, уверена, заслужит курицу, но по тому, как ты долго собираешься в лес – уже обед близится, не знаю, много ли ты успеешь сделать и заработать на хороший ужин.

Я спросил Тлимафа, что он имел ввиду, когда сказал: вместо жареной курицы — целая курица. Они знали столько интересных хабаров, что мне не хотелось упускать возможности услышать еще одну притчу. Но Тлимаф с хитрецой взглянул на жену и сказал только:

- Пусть об этом она расскажет, – и пошел со двора.

Фиж тоже молча направилась в сторону кухни, а я заспешил вслед за Тлимафом.

Фиж угадала: вскоре небо прояснилось, стоял погожий день. В лесу мы нарубили кольев, прутьев. Тлимаф позвал к обеду, и мы уселись под дубом, под которым лежало много желудей.

- Смотри, парень, как хорошо мы сегодня поработали. Что сделаешь в такую сухую погоду, считай, что это кто-то сделал за тебя. Доставай сумку, посмотрим, чем нас обмануть хотела старуха.

- Какой обман, такая хорошая еда! Почистить тебе яйцо?

- Сам почищу. Когда я женился на этой старухе-красавице, правда, она тогда не была старухой, ухажеров у нее было целое войско, – к ней, в комнату для невесты, занесли яичко. Она съела половинку, а другую оставила. Девушки, находившиеся при ней, удивились, спросили, почему не доела яичко? «Да что вы, – ответила она, – это же целая курица, как я одна столько съем!». Этим и прославилась на все село. Поэтому я назвал яйцо целой курицей.

После того, как мы перекусили, Тлимаф сказал, что надо еще срубить дерево, которое пойдет на косяк двери. Я показал ему несколько стволов, но он отверг их.

- Это дерево должно быть доброй породы, сынок, – сказал он.

- А как это определить?

- Адыги давно научились различать деревья, сынок. Твердые породы, особенно дуб,

бук, ясень, фруктовые деревья считались добрыми и приносящими человеку пользу. А есть другие деревья, особенно мягкой породы, которые наши предки никогда не использовали в своих постройках. Считалось, что они не добрые и отнимают жизненную энергию у человека. Вот недавно я увидел одну передачу по телевизору с участием американских ученых о вреде тополиного пуха, о том, что он дает аллергию человеку. А адыги давно знали это и считали тополь вредным для человека. Когда я нахожусь в лесу и ищу то дерево, которое меня бы устроило, я смотрю сердцем, оно само выбирает. Дом наш на добром месте, лишь бы косяк не оказался недобрым. Старуха хорошо умеет выбирать.

Наверное, на моем лице Тлимаф прочитал выражение недоумения или недоверия и, улыбнувшись, сказал:

- Почему я так говорю? Один мужчина услышал в лесу, как два дерева беседуют друг с другом. Одно говорит другому: «Не бывает плохого места для усадьбы, есть плохой косяк. Будет счастливо жить тот, кто сделает его из меня». Второе дерево отвечает: «Я дерево, приносящее беду, поэтому добрый косяк из меня не выйдет...». Когда мы со старухой стали строиться, она выбирала деревья для косяков. Я показывал ей их, а она выбирала, и верно угадала – все косяки оказались добрыми, – Тлимаф немного помолчал. – Впрочем, дерево – оно и есть дерево, все зависит от человека. Если бы я не встретился с хорошим человеком, косяки моих дверей вряд ли сами стали добрыми. Я знаю людей, которые хорошо разбираются в деревьях, а дома у них не стали добрыми. Все зависит от женщины. Попадется тебе недобрая женщина, пиши, пропало. Если у тебя хорошая жена, не ходи на свадьбы, у тебя самого каждый день свадьба, если ты женился на плохой девушке, не ходи на чужие похороны, у тебя самого каждый день в доме будут похороны. Трудно выбрать хорошую девушку, но если нашел, то уже не надо упускать.

- Право, Тлимаф, мне неудобно на подобные темы говорить с тобой...

- Когда говоришь о жизни, в этом ничего плохого нет.

- Хорошо, как говорят адыги тот, кто усадил тебя, тот тебя не осудит. Тогда я позволю себе вопрос, не обессудь. Если ты уже выбрал, и ей тоже ты нравишься, но есть препятствия, тогда как быть?

- Если двое любят друг друга, то помех уже не должно быть.

- А если твой друг ухаживает за ней, тогда как? Из-за любви совершить бесчестный поступок?

- Если и ты ей люб, и она тебе, то, как у нее может быть другой жених? Настоящий друг должен все правильно понять, а если не поймет, значит, он думает только о себе и пусть это тебя не волнует.... Послушай небольшую притчу. Рассказывают, что у наших горцев был особый обычай. Если глашатай объезжал село, объявляя о часе сбора, когда надо выезжать в поход или в бой, и кто-то опаздывал к этому времени, то его сбрасывали с утеса. Зная об этом, никто не опаздывал. Но вот однажды два друга опоздали. Один из них прискакал, подъехал к предводителю и сказал ему, что чувствует свою вину и готов к смерти. «Скажи, почему ты опоздал?» – спросил его предводитель. «Я вчера женился на девушке, за которой ухаживал много лет, – ответил опоздавший. – Когда я сказал ей о том, что выступаем в поход, она, боясь, что я могу не вернуться оттуда, уговорила меня побыть с ней до рассвета, чтобы не оставить меня без потомства». К этому времени подскакал и его друг, он тоже подъехал к предводителю и на вопрос, почему опоздал, ответил: «Я друга своего женил на девушке, которую любил много лет. Зная, что она может задержать его, потому что мы выступаем в поход, и если он не вернется, то останется без потомства, я решил задержаться дольше, чем мой друг». Вот из-за этого случая, после такого бескорыстного поступка, этот обычай был навсегда отвергнут. Этой притчей я хочу объяснить тебе, что нужно быть очень разборчивым в выборе друга. Ложный друг хуже врага.

Я вспомнил, сколько перестрадал только из-за близкого товарища, Нуха, и мне стало грустно. Он не отставал от меня, все требовал, чтобы я приблизил его к Суре.

- Ну не могу я жить без нее! – как-то сказал он мне. – Понимаю, что не стоит больше

добиваться ее, раз она отвергает меня. Однако не могу я. Пусть без ответа, но не видеть ее, не слышать ее голоса – это выше моих сил. А представить Суру как чью-то невесту или жену – лучше умереть сразу! Знаю, что так не должен говорить уважающий себя мужчина, но я не могу пересилить себя. – Наверное, он что-то заподозрил в моем расстроенном взгляде, потому что грустно добавил: – Может, она и тебе приглянулась? Если это так, то я не хочу брать грех на душу. Дружба дружбой...

Я не знал, что ему ответить. Сказал, что пришло в тот момент в голову, будто мне нравится одна девушка по имени Нафисет (когда-то я ухаживал за девушкой с таким именем), и что скоро женюсь на ней, а такие девушки, как Сура, мне не нравятся. Нух ушел успокоенный, но мне стало еще тяжелее.

Все случилось опять из-за Нуха. Он все рассказал Суре. Получалось, что я хочу жениться, а Сура абсолютно не похожа на тех, кто мне может понравиться. На следующий день Сура при встрече со мной повела себя так, словно забыла о моем существовании, не отвечала на мои шутки и вообще перестала со мной разговаривать. Сначала я ничего не понимал. Всякое, бывает, когда у человека нет настроения, он может и обидеть ненароком. Я не придал этому особого значения. Но поведение Суры не менялось, и я спросил ее: что случилось? Но вразумительного ответа не получил.

Вскоре после этого я увидел такое, что круто изменило мою жизнь: Нальбий, о ком она говорила, что он никогда не станет ее женихом, и Сура стоят у окна и чему-то очень радуются. Нальбий, видимо, рассказывал ей что-то очень интересное, Сура смеялась от души. Меня бросало то в жар, то в холод. Я чувствовал себя неловко, неожиданно для себя став свидетелем их разговора, решил незаметно пройти, но Нальбий окликнул меня.

- Что-то ты загордился, Хашау. Не похоже это на тебя. Не замечаешь, не зовешь в гости, – сказал он, улыбаясь.

- Если Сура пригласила тебя, вряд ли я тебе уже нужен... Извини, я действительно тороплюсь, – ответил ему и быстро ушел.

«Ага, теперь я понимаю, почему она так ведет себя. Все из-за него. Оказывается, он успешно ухаживает за ней. Разве я не в состоянии приударить за другими девушками, только считаю недостойным так себя вести. Вот так-то, дурачок, ты радовался ее взглядам и улыбкам и летал в облаках, а теперь она одним движением скинула тебя оттуда...». Так говорил я себе, гуляя по парку. Надо относиться к человеку так, как он относится к тебе. Разве неправильно будет, если я начну отвечать ей тем же? В конце концов, почему бы мне ни сделать вид, что ничего не случилось? Я ничего не говорил ей о своих чувствах, она тоже, а что касается ее взглядов, это мне показалось. Да, конечно, показалось... Кто хочет, пусть тот и бегает за ней, теша ее самолюбие, а девушек, слава Богу, хватает. Буду ухаживать за другими...

Я так и сделал, не один раз Сура видела меня с разными девушками, но лишь однажды я заметил в ее глазах какое-то беспокойство, а чаще всего она делала вид, что ничего не замечает. А когда ее поблизости не бывало, я старался остаться наедине с собой. Узнав же, что Нальбий пишет ей письма, совсем пал духом. Если бы тогда у меня хватило сообразительности...

4

Полуденный зной. Пот заливает глаза, тело горит. Временами набегает ветерок и обдувает лицо и грудь освежающей прохладой. В поле разносятся голоса людей, звуки грузовиков и комбайнов. Сегодня мы тоже в поле. Работа не тяжелая: подбираем после уборки початки кукурузы. Прошлая неделя ушла на сбор помидоров. Убирать кукурузу намного легче, и мы работаем с удовольствием. Вот только жара донимает.

Мы с Сафербием раздеты до пояса, рубашки накинули на головы. Учужук постеснялся снять рубашку, и то и дело, вытирает пот с лица. Кукурузное поле такое, что не видать края. Каждый идет по своему ряду. Несколько человек опередили группу, остальные держатся вместе. Сура среди тех, кто оказался впереди, я все время слежу за ней. Дойдем до края поля – там нас ждет прохладная тень развесистого дуба.

Впереди показался мотоциклист, остановился возле первой группы, что-то сказал им и направился к нам. Странно, но и все побежали за ним. Подъезжает к нам, это, оказывается, агроном. Лицо его под соломенной шляпой в пыли. Ему лет тридцать, холостой. Девчонки в шутку пристают к нему, выспрашивают, не нравится ли ему кто-нибудь из них, но он отшучивается. Аюб, так его зовут, достал из коляски три огромных арбуза.

- Мне кажется, вы обессилели, вот покушаете, потом догоните опередивших вас, – говорит он, весело оглядывая девушек.

Мы с удовольствием разбираем арбузы.

- Если до обеда закончите свои ряды, отдыхайте, а мне нужен Ламуко, так что я забираю его. Садись в мотоцикл, Учужук.

- Что же ты увозишь меня от таких славных арбузов, дай возьму хоть скибку, – говорит Учужук и тянет руку к арбузу.

- Найдется и для тебя, поспешим, время – деньги, плохо, когда нет ни того, ни другого. Правильно, девушки? — агроном подмигивает им, седлает мотоцикл и уезжает с Учужуком.

Я разрезаю арбуз, из него течет сладкий сок, улыбаюсь, видя, с каким нетерпением все наблюдают за мной.

Дели по-божески, – говорит Сариет.

- Всем поровну, да? – спрашивает ее Сафербий.

- Конечно.

- Зря надеешься.

- Почему?

- Я отвечу, но давай посмотрим, как он будет делить.

Как приятен прохладный арбуз в жаркий день! Все набросились на него, с шутками и смехом. Сура пока возилась с одной скибкой, остальные успели съесть по две. Поделив последний арбуз, я вырезал мякоть, половину отдал скромнице Свете, другую своей любимой. Это, конечно, не понравилось другим.

- А почему именно им?

- Да как им не стыдно!..

- Волка назначили пастухом, – подпевает им Сафербий. – Это ты, Сариет, во всем виновата. Попросила по-божески разделить, и вот что получилось. Он не может делить поровну. Бабушка моя рассказывала, как однажды, когда затруднились что-то разделить, попросили это сделать уважаемого всеми человека. Тот разделил между всеми поровну. «Напрасно мы попросили тебя разделить поровну, неправильно ты делишь», – сказал кто-то. «Почему?» – спросили его. «Потому что Бог не справедлив. Был бы он справедлив, то не делил бы людей на богатых и бедных!», – ответил тот. Вот почему я сказал тебе, что зря надеешься.

- И зная это, ты позволил делить арбуз ему? Мы накажем тебя за это, – девушки набросились на Сафербия, стянули с его головы рубашку и стали делать вид, что вытирают ею руки...

Мы снова принялись за работу. Затянули песню. Я подпевал про себя, Сура, видимо, не пела, ее лицо было, как всегда, задумчивое и грустное. Это и на меня навевало грусть. Что ее тревожит? Вот мы вместе, оба мучаемся, но не можем открыться друг другу...

Когда я слышал от девочек, что Нальбий и Сура дружат, то делал вид, будто не придаю этому значения, хотя эти разговоры волновали меня. Я перестал заигрывать с девушками и продолжал думать каждый день о том, что же мне делать. Особенно тревожило меня то, что Сура изменила свое отношение ко мне. Правда, каждый день, бывая вместе, мы общались, шутили и смеялись, но было видно, что в наших отношениях произошел перелом. Мне казалось, что я люблю ее еще больше. С потерей любимого человека приходит и осознание того, насколько он был важен для тебя. Я все время думал о Суре, тосковал и мучился: чувствовал, что теряю ее, но не находил выхода.

Так прошло около месяца. Однажды на лекции Сура пододвинула ко мне листок бумаги. Я вопросительно посмотрел на нее, думая, что она передает чужую записку. Но она попросила

прочитать и больше ничего не добавила.

«Знаешь, улыбка тебе больше идет, если ты всегда будешь такой, никто за тебя замуж не выйдет и не полюбит...» – прочитал я. «Мне спокойнее будет, если тебя полюбят, когда твоя судьба решится, я займусь своей», – ответил я ей запиской. И сижу, забыв о лекции, жду, что же она ответит. «Не знаю, почему ты хочешь ждать, когда решится моя судьба, насколько я знаю, ты уже давно определился. Как дела с твоей свадьбой, к которой ты готовишься?» – написала она. «Интересная новость, не знаю только, кто это тебе сказал. У меня нет любимой, на которой хотел бы жениться, и которая готова была бы выйти за меня замуж. Единственная девушка, которую люблю, не хочет понять меня... Как же ей понять меня, когда к ней сватается такой видный парень?.. Впрочем, зачем это я тебе пишу? Не будем об этом, мне это трудно дается...».

Мне стало еще грустнее. Сура ничего не ответила на мою записку, она, казалось, продолжала слушать лекцию. Я посмотрел в окно. Пасмурный осенний день. Ветер хозяйничал во дворе, тряс деревья, срывая безжизненные листья. К тому же сыпал нудный дождичек. Такой сырой неприятный денек выдался, как в наказание за то, что ты молод, а у тебя на душе печаль.

- Хашау!

Голос заставил меня поднять голову. Это преподаватель. Его беспокоит, почему я сижу, ничего не записывая, и такой грустный. Я сказал ему, что чувствую недомогание, и он отпустил меня с занятия. Выходя из аудитории, я взглянул на Суру. Мне показалось, что ее красивые глаза тоже опечалены какой-то тревогой. Эти записки и внимание ее давали мне еще какую-то надежду...

- Асхад, уже все покинули поле, пошли! – Сура взяла меня за локоть, и только тогда я опомнился от своих мыслей.

Мы идем чуть позади группы. Все устали, и на нас не обращают внимание. Я улыбнулся. Сура смотрит на меня вопросительно.

- Разве мир не прекрасен, Сура?

Она в еще большем недоумении. Как может быть прекрасным знойный день? Она не понимает, что, когда я с ней, для меня в любую погоду мир прекрасен. Как я могу объяснить ей это, если не могу открыться ей?

- Зависит от того, с кем ты рядом.

- А с любимым?

- Разве каждый может быть с тем, кого любит? Ты сам знаешь, что такое счастье не всем дается, – отвечает она после паузы.

- Самое лучшее – это никого не любить, правда, Сура?

Чья бы голова не закружилась от ее взгляда. Как она посмотрела!

- Асхад... – она не смотрит на меня, спрашивает с опущенной головой. – Мы здесь давно, но тебя я редко видела веселым. А ты говорил, что трудности не смогут тебя одолеть.

Я опять улыбаюсь. Она не понимает, чему я радуюсь, и на ее лице я читаю обиду: когда она надувает губки и поднимает гордо голову, это означает, что она чем-то не довольна.

- Ну что же ты обижаешься? – говорю ей. – Хотя все мои воспоминания печальные, ты видишь, я улыбаюсь. Грустно, но на душе светло. Поэтому я не падаю духом... Я счастлив оттого, что смог полюбить такую девушку. Ты знаешь, о чем я сейчас вспомнил? О твоих записках на лекции, потом я отсутствовал, а когда вернулся и пришел к тебе на твой день рождения, мне сказали, что ты и Нальбий решили расписаться. Вот то время я вспомнил. Вот тогда...

- Хватит... Асхад, хватит, прошу тебя... – прерывает меня Сура в слезах.

Я чувствую в сердце своем боль оттого, что обидел любимую.

- Прости меня, во всем виноват я!

Она непроизвольно сжимает мой локоть, отворачивает лицо, пряча слезы. К ней тоже снова пришло воспоминание, у нее тоже болит сердце...

Когда в тот вечер я пришел к ней, истосковавшиеся друг по другу, мы стояли некоторое

время молча. Слеза радости мелькнула в ее глазах и сразу же исчезла. Мои однокурсники, узнав, что я пришел, затащили меня в комнату. Сафербий, как всегда, руководил обществом. В нем царило веселье. Мне тоже было весело, потому что я снова был с любимой, я не сомневался в том, что она тоже меня любит. Но меня немного смущало, что Сура и радостная, и одновременно печальная. Вот опять она загрустила и сидит, кусая губы. Спрашиваю о новостях.

- Пока тебя не было, Асхад, здесь случилось многое, – сообщает сидящая рядом со мной Света. – У нас появились два зятя – Сариет вышла замуж, Сура и Нальбий подали заявления в ЗАГС. Потом...

Света что-то еще говорила, но я уже ничего не мог слышать и ни о чем уже не мог думать. В голове вертелась одна мысль: «Подали заявления, чтобы расписаться...».

- Друг мой, – обращается ко мне Сафербий. Я смотрю на него с застывшей на лице невольной улыбкой. А он продолжает: – И у нас тоже очень хорошая новость, наша сучка ощенилась, пятерых принесла.

- Значит, разживетесь молочком, – подшучивает кто-то над ним, и все весело хохочут.

Сафербий велит налить штрафную стопку шутнику, объясняя тем, что над тамадой не подшучивают.

Ни шутки, ни смех ребят я уже не воспринимаю. В комнате полумрак, и это меня отчасти спасет. Что же касается выпивки, то все знали, что от первого бокала вина мое лицо начинает пылать, как у румяной девицы.

- Сура... они правду говорят? – спрашиваю запинающимся голосом.

Она утвердительно кивает головой.

В груди у меня что-то обрывается. Я физически ощущаю, как в сердце становится пусто, как оно теряет все надежды – так, наверное, с осеннего дерева осыпаются листья, до полной наготы обнажая ствол и ветки. Но все присутствующие считают, что это радостное событие я должен разделить со всеми.

- Если тамада даст мне слово, я с удовольствием скажу тост. За Суру можно и яд выпить! – говорю я.

«Что мне теперь делать? Если бы она любила меня, то не стала бы расписываться с Нальбием... Она выбрала его... Что же, теперь я не имею права любить Суру... Как же мне жить без нее!», – мысли бешено бьются в голове.

Меня о чем-то спрашивают, я отвечаю, улыбаюсь, иногда громко смеюсь, но и сердцем, и душой я уже не присутствую здесь. Еще ни разу я не посмотрел на Суру. Обратился к ней лишь тогда, когда говорил тост. Чувствую, что она бросает на меня короткие взгляды, стараясь заглянуть в мои глаза, но я не смотрю на нее, считая ее виноватой.

Круговой танец удж вывел всех в круг. Я люблю танцевать с Сурой, она словно родилась для адыгских танцев, но сейчас чувствую, что у нее на сердце тяжело. Я давно понял, что она от меня ждет каких-то слов, да, надо что-то сказать. Обращаюсь к ней с шутливой улыбкой:

- Человек, обретая любовь, обычно радуется, но по тебе этого не скажешь, Сура.

- Я потеряла свою любовь, а не обрела ее... – отвечает она тихим голосом, не поднимая головы.

Услышанные слова поражают меня, как гром.

- Сура, как тебя понимать? Кто же это, если не Нальбий?!

Сура вскидывает голову, и глаза ее сверкают. Она говорит прерывающимся голосом, в котором чувствуется и горечь, и сдерживаемая обида:

- Ты, ты во всем виноват! Ты ничего не замечаешь, ничего не видишь...

- Сура! Что ты говоришь, Сура?! Что ты сделала с нами?!

Еще до окончания танца Сура, кусая губы, отошла от меня и вышла из комнаты. Я тоже незаметно вышел за ней. Она стояла за углом лестничного марша в темноте и плакала. Я чувствовал ее состояние, мне тоже было тяжело. Из наших сердец вырвалось то, что до сих пор мы лелеяли, что заставляло нас жить, но тотчас же рухнуло, как птица с обрезанными крыльями. Она оплакивала нашу любовь... Мы только что пообедали. Сидим в тени деревьев, ра-

стущих во дворе маленькой столовки. Сад тоже небольшой, в нем с десяток деревьев. Солнце у них в плену, только тонкие лучи его могут пробиваться сквозь плотные листья, желтеющие на развесистых ветках, то, прячась за кронами, то, пучками и зайчиками бросая горсти света на землю.

Я лежу безучастный ко всему. Лежу с закрытыми глазами, но чувствую, что Сура время от времени смотрит на меня. Мне приятно ощущать тепло солнечных лучей на лице, но мухи досаждают, и я отгоняю их. Сура еле сдерживает смех. Из-под опущенных ресниц я вижу, как она подносит к моим губам сорванную травинку. Резким движением хватаю ее руку, она испуганно смотрит на меня, потом мягко улыбается.

- Как вы похожи на влюбленную парочку, — раздается голос Саниет.

Вмиг разрушается то сладостное ощущение, в плену которого мы находились. Я сажусь, смотрю по сторонам, вижу, как справа от меня поднимается Сафербий. Он начинает подкрадываться к девушкам, расположившимся недалеко от нас. Что он опять задумал? Вот он тихонько взбирается на дерево, под которым отдыхают девушки. Сура тоже заинтересованно следит за ним. Он уже оставил позади нижние ветви, подбирается к верхним, тонким. Тянется к дальней, высокой, но ветка, на которой стоял, обламывается и он вместе с ней падает прямо в середину девчат. Сафербий лежит на спине, конец сухой ветки упирается в обнажившийся живот, и он не в состоянии шевельнуться. Кричит:

- Е - ей! Уберите поскорее ветку, а то она выпустит мне кишки!

Несколько девочек подбегают к нему, другие поняли, что он шутит, и смеются. Наконец ветку убрали, и он, изображая на лице страшные муки, зажимает руками царапинку на животе. А девчонки продолжают подшучивать:

- У кого сердце недоброе, с тем и бывает недоброе.

- Кто другому роет яму, тот в нее и попадает.

Сафербий идет к Ламуко, что-то шепчет ему на ухо, и тот ведет нас в поле.

Сура с грустными глазами присоединяется к девушкам, она все еще улыбается, но это — уже улыбка печали...

5

Ветер начался с утра и бушует на дворе. Он мечется и цепляется ко всему. Тлимаф выходит во двор, ветер набрасывается на него, пытается сорвать одежду, свалить с ног. Верхушка дерева, стоящего близко к окну, из которого я смотрю, гнется и дрожит. У меня почему-то возникает к нему чувство жалости, как к живому, хочется помочь. Ветер налетает на него, срывает листья, рассыпает их, потом, набежав спереди, опять гонит их назад. Вот вроде бы все утихло, ветки устало обвисают, но ветер снова набрасывается на дерево, пытаясь прижать его к земле, но оно не поддается.

Тлимаф возвращается назад, ветер оставляет в покое дерево и налетает на старика, осыпая его сверкающими каплями. Начинается дождь, он щедро льется на Тлимафа, который теперь бежит к дому, словно подтанцовывая каплям. А дождь все падает и падает на землю, отскакивая от нее тысячами брызг.

Я с грустью смотрю на огромный дуб за оградой, на его широких листьях дождинки прыгают, как белые кузнечики. Только недавно я сидел под ним, разговаривая с Сурой.

Ламуко и Сафербий поехали с Аюбом в район. Воспользовавшись своим одиночеством, я перечитываю письма Суры, а когда на душе становится тяжело, смотрю в окно...

Это письмо я получил в Киеве. Я не сразу начинаю его читать, самое главное место в нем я знаю наизусть, могу повторить слово в слово с закрытыми глазами: «Когда ты вернешься? Соскучились по тебе (не может сказать, соскучилась). Ты пишешь: «Наверное, там тебе не дают скучать». А кто? Нух навещает, но мне это неприятно, не хочу его видеть. А тот, кого я храню в сердце – как слепой, и как немой, ничего не видит и не говорит, наверное, лишен мужества, поэтому не говорит о том, что у него на душе, если что-то есть...».

А как я скажу, если это принесет мне бесчестье? Она этого не понимает... Так я думал,

когда еще на что-то надеялся, а когда потерял надежду и остался со своими воспоминаниями, долго кусал себе локти...

Я готов был жениться на ней, когда она стояла в тот вечер, оплакивая нашу любовь. Но она своими словами глубоко ранила мое сердце, оставив на нем незаживающую рану. «Ты опоздал, это ты принес несчастье нашей любви...». Тогда я не понимал, а теперь хорошо знаю, почему она сказала, что выйдет замуж: она хотела, чтобы я высказался ей откровенно, но меня одолела обида...

- Старик, – слышу голос Фиж, – может, корова уже вернулась, впусти ее. А я вынесу ей похлебку.

Тлимаф идет к воротам, там его ждет корова. Но он отгоняет ее подальше.

- Ну что, вернулась?

- Нет.

- А чья же корова мычала у наших ворот?

- Откуда мне знать, чужая, должно быть.

Корова вернулась и снова замычала у ворот.

- Да пропади ты пропадом, иди к своему хозяину! – Тлимаф снова отгоняет скотину.

Но корова снова возвращается. Сосед Тлимафа, загнав во двор буренку, подходит к Тлимафу.

- Разве ты не свою корову гонишь от ворот?

- Нет, это не моя, моя красная, – отвечает Тлимаф и поворачивается к животному. – Упрямая какая, ты смотри, как она выкатывает на меня свои глаза. Иди, иди домой и неси туда молоко свое, давно уж, наверное, ищут тебя.

Тлимаф подталкивает корову. Фиж подходит к воротам и говорит:

- Наша ведь корова, старик, наша, это, под дождем из красной она превратилась в темную.

- Что ты говоришь!.. Иди, иди домой, нечего смотреть на меня исподлобья, ошибся я.

Под ворчание старухи Тлимаф идет во двор, корова подходит к стойлу и сразу же сует морду в ведро, вынесенное Фиж. Фиж готова к дойке, она садится подле коровы, моет ей вымя, соски, поругивает корову, которая перебирает ногами:

- Давно пора гнать тебя со двора! За что мы тебя кормим, красавица? Разве это молоко? Чем ты занималась целый день?

-Ты права, старуха, мне тоже кажется, что у нее вымя пустое, наверное, теленок добрался до нее. Ну, ты лентяйка, стой смирно, – Тлимаф поддерживает старуху, пытаясь как-то замять вину за то, что не узнал свою корову.

Слушаю их и завидую им. Как счастливо они живут! Подшучивают друг над другом, словно только вчера поженились. Вот что значит согласие! Тлимаф как-то сказал мне:

- У меня семеро детей, но если бы пришлось выбирать, пусть Аллах не допустит этого! – я бы предпочел всем свою старуху.

То же самое я слышал и от Фиж. Как же нужно любить человека, чтобы предпочесть его своим детям!..

Маленькое село, в котором мы временно живем, с наступлением вечера сразу пропадает в темноте, потому что уличные фонари расположены далеко друг от друга. Кончились беззвездные ночи, небо снова сверкает, словно позабыло о долгих и гнетущих дождях, луна тоже светлая и ночи еще не очень прохладные.

В клубе мы устроили вечер танцев. Заливается адыгская гармошка, и мы, охваченные весельем, соревнуемся в танцах. Я хочу танцевать только с Сурой, но не знаю, как об этом сказать хатияко (Хьатыяк1о – хатияко. Руководитель свадьбы, танцевального вечера – А. К.). Но мой друг, хоть и не распознал меня до конца, кое о чем догадывается, поэтому в тайне от других все делает как нельзя лучше для меня. Как только гармонист заиграл наш любимый танец исламей, он пригласил нас с Сурой в круг. Танцуя с любимой, я забываю обо всем, слышу только мелодию и вижу только ее. Но в этот раз она ни разу не посмотрела на меня. И как я

ни старался, все посчитали, что Сура победила меня. Я стоял, прислонившись к забору, когда ко мне подошел один из приехавших из соседнего села парней.

- Асхад, как красиво танцевала эта девушка! Если она и головой работает, как ногами, надо будет ее запомнить. – Он улыбается и тоже, прислонившись спиной к забору, наблюдает за Сурой. – Хорошая девушка?

- Сам видишь.

- То, что я вижу, меня вполне устраивает, я спрашиваю о другом – о ее характере, поведении.

- В этом смысле лучше не найдешь.

- Тогда познакомь меня с ней! Мы ее не пустим дальше нашего села.

- Чужую жену?

- Шутишь, – не поверил парень. – Если она замужем, то почему не с мужем?

- Она с будущим мужем подала заявления в ЗАГС, и уехала с нами.

- Значит, не жила еще с ним?

- Этого я не знаю.

- Тогда она не замужем! Если ни одной ночи не провела с ним, какой он ей муж?..

С этим и отошел парень от меня, вернулся к танцующим и подошел к Сафербию, стал о чем-то шептаться с ним. Потом Сафербий объявил:

- О люди, да продлит Аллах ваши дни! Возник спор: Цей Рамазан из Хахесхабля вызывает на соревнование того, кто может станцевать загатлят (зыгъэлъат, загатлят – адыгский национальный танец, похож на лезгинку – А. К.). лучше, чем он. Победителю – баран. Если он победит, то в течение недели будет ухаживать за девушкой, которая нравится ему. Если он добьется ее расположения, то сыграет свадьбу еще до нашего отъезда. Играй загатлят, гармонист!

Я понял, к чему клонит этот парень, и забеспокоился. Я видел, как он танцует, и понял, что никто его не победит, но как я смогу позволить ему ухаживать за Сурой у меня на глазах! Следом за Рамазаном я тоже выбежал в круг. Давай загатлят! После говорили, что, вряд ли еще когда-нибудь двое парней так хорошо смогут потанцевать, но победить я не смог. И он не победил меня, но я вынужден был покинуть круг, потому что кто-то из парней достал из своей машины ружье, выстрелил нам под ноги, и пыль попала мне в глаза. Некоторые закричали, мол, победу одержал Рамазан, но другие стали возражать. Пока шел спор, Сура с разрешения Сафербия вошла в круг. Когда она сказала, что вызывает Рамазана на соревнование, все удивились. Я не видел их состязание, потому что вымывал пыль из глаз, но когда вернулся к ним, мне сказали, что Сура выиграла приз...

Мы с Сурой незаметно вышли со двора. Улица освещена луной, слышны только звуки гармошки. Она держит меня за локоть, ее пальцы покоятся в моей руке. Будет ли у нас еще такой случай побыть вместе? Я думаю об этом, но хочу выбросить это из головы и наслаждаться счастливыми минутами.

- Ты меня спасла, Сура, – с улыбкой говорю ей. – Испугался, думал, что не миновать тебе ухаживаний со стороны Рамазана.

- Почему ты думаешь, что он стал бы ухаживать за мной?

- Он говорил, что именно за тобой хотел ухаживать.

- Странно, однако, что все, кому я не понравлюсь, спрашивают совета у тебя. Сказал бы, что я уже замужем.

- Ты уже замужем?

Она молча идет рядом со мной, опустив голову. Ее покинуло хорошее настроение, и она опять загрустила. Мы молча идем, не зная куда. Гармошка слышна уже меньше. Исчезаем в полутьме под огромным дубом, растущим на краю села. Мы все еще молчим, она, наверное, ждет от меня слов, а я жду их от нее. Нет, я не хочу, чтобы она первой нашла выход из положения, в котором мы оказались, но если бы она дала знать, что у меня все еще есть какой-то шанс...

Я точно знал, что ей приятно быть со мной, но она сказала мне, что после нашего отъезда из этого села не сможет уже открыть мне свое сердце, поэтому довольна и тем, что эти оставшиеся несколько дней мы можем быть рядом друг с другом. Хотя, если она считает себя замужней, зачем нам и этот вечер, и то, что я могу сказать ей, и то, что она переживает? Может, как она сама сказала, я действительно опоздал? Но я не в состоянии смириться с этим и уйти с их дороги. Как я буду жить, не видя рядом любимую, зная, что она стала чьей-то женой? Она не хочет меня терять, но оказалась в плену обещания. Если она изменит своему обещанию, что скажут люди – вот что ее мучает...

- Вернемся назад, наверное, уже заметили, что мы отсутствуем, – Сура, собираясь уходить, подбирает с земли несколько листьев и с опущенной головой идет впереди меня...

Когда мы проводили девушек и вернулись к себе, было уже заполночь.

- Ох, ох, только о постели и могу думать сейчас! – сказал Сафербий, разбирая кровать, потом неожиданно спрашивает. – Слушай, Учужук, как ты это делаешь, а? Одной ногой становишься на носок, а другую выкидываешь вперед и застываешь на месте? Так, что ли? – И он, подпевая себе «орайда-райда, орайда-райда!», – начал танцевать загатлят.

Но Ламуко упрекнул его, Сафербий мог разбудить стариков, поэтому тот без возражения успокоился и лег в постель.

- Асхад, как у тебя с глазами? – спросил меня Учужук.

- Все хорошо, немного покраснели, но это не беда.

- Была бы большая беда, если бы проиграли барана, – подшутил надо мной Сафербий. – Если бы не Сура...

- Да, да... Что за девушка Сура! Несчастлив тот, кем она захочет пренебречь, и как ошибется тот, кто ее упустит. – Ламуко от души стал хвалить ее, не ведая о том, сколько боли доставляет мне этим.

Я взял книгу и читал ее, пока все не заснули. Потом встал и со стопкой писем присел к столу. Я и сегодня не смог обойтись без них: они возвращают мне силы. Когда мне тяжело, я живу прошлым, оно дает мне надежду на будущее...

Читаю, перебираю письма, в них наши переживания и боли... Не знаю, что со мною происходит, сердце, словно в огне, лицо тоже горит. «Да, Сура, ты всего этого сейчас не слышишь, моя боль не вылетит из этой комнаты, чтобы коснуться тебя. Ты и близко, и далеко от меня. С того самого дня, когда наши дороги разошлись, что-то тяжелое давит мне на грудь, оно вытеснило из нее все радостное, само в нем хозяйничает и не дает глубоко дышать и жить. Что за жизнь без тебя? Чем больше времени проходит, тем яснее осознаю, как мне не хватает тебя...».

Поднимаю глаза и вижу ночной двор. Тропа луны проникает в комнату сквозь оконное стекло. Луна изредка скрывается за бредущими в небе облаками и снова прорывается из-за них. И спешит на запад, туда, где скрылось солнце. Я, сжимая виски, пытаюсь остановить бешеный пульс, но напрасно.

Выхожу на улицу. Здесь прохладно. Где-то коротко пролаяла собака. Свежий ветерок пробежал по верхушкам деревьев. Небо усеяно звездами – бусинками. Какие из них наши, какие дороги они выбирают? Передо мной, как и перед Сурой, две дороги: одна уводит от Суры, другая ведет к ней. Но как выбрать верную? Как это измучило нас!..

Стараясь не нарушать ночную тишину, выхожу со двора. Меня влечет к себе то место, где мы с Сурой недавно стояли. И я не могу противиться своему желанию. Я и отсюда слышу приглушенный шум дуба, шелест его листьев. Он напоминает мне голос и нежные слова Суры.

Снова небо смотрит в мое лицо. Звезды ныряют в темных тучах, гонимых ветром на юг. Чего им не спится, разве кроме меня кому-то еще неспокойно в эту ночь?..

«Да, Сура, не легко жить! Как сказал поэт: «Грустно, мой друг, грустно, мир – не волшебный сундук, чтобы раскрыл и достал желаемое...». Человек кажется себе сильным, но нередко он не может совладеть со своими чувствами и сердцем. Даже воспоминания, сколько бы им не было времени, способны оживать в нас прежние страдания или радости...

Ты помнишь, как пришла ко мне, когда я лежал дома больной? Я чувствовал, что придешь. Я ждал тебя мучительно, волновался целый вечер. Увидел тебя и всем сердцем потянулся к тебе. Первым я услышал твой смех. Какой это был вечер, Сура!

Я искал твои глаза в полутьме, твои пальцы согревались в моих ладонях. Я прикасался к ним нежно губами и чувствовал, что ты этому рада. Улыбаясь, ты полушутливо говорила мне: «Я люблю тебя, только ты в этом мире, любимый мой...». Но глаза твои были спокойны, они показывали, что ты не шутишь. Твои слова и сейчас согревают для меня весь мир. Тогда мы оба чувствовали, что любим друг друга, только не решались открыть свои сердца.

Как ты могла, зная об этом, дать обещание другому человеку? Если я вовремя ничего не сказал тебе, то только потому, что боялся: если отвергнешь меня, я этого не вынесу. Хотя и ты ничего не сказала мне, надежда помогала мне жить. Но я не понимал, что так бесконечно не может продолжаться. Может, поэтому ты и наказала меня, оставив мне только воспоминания о прошлом. Когда сердце поворачивается к прошлому, воспоминания уже не успокаивают, они отдаются болью, с ними становится все тяжелее...

Я ни на минуту не забываю тебя, не могу вырвать из своего сердца. Знаю, что поступить по-другому не могу, но почему кто-то другой может связать с тобой свою судьбу, почему мне этого нельзя? Сегодня нам тяжело, потом будет еще хуже: настанет час разлуки. Мы осознали, что наши жизненные дороги расходятся, и всячески сопротивляемся этому, но боимся дурной молвы. Ты не можешь нарушить своего слова, но любишь меня. А я понял, что теряю все и мучаюсь. Поступлю мужественно, не буду мешать вам... Но как мне потом жить, где спрятаться от себя, что сказать сердцу, в котором ты вся живешь? Неужели я безвозвратно опоздал, или есть еще хоть малая толика надежды?

Вот и дуб, я уже дошел до него. Тень дерева переброшена через дорогу.

- Асхад!

- Сура!

Она подходит тихо, опускает голову, закрывает лицо руками и бессильно прислоняется к дереву. Сура плачет. Плачет из-за меня, плачет потому, что любит меня. Вправе ли я заставлять ее так мучаться? Не пора ли положить конец нашим страданиям? Один шаг, только шаг один...

Я отвожу руки от ее лица, они безжизненно падают. Пряча свои слезы, она еще ниже опускает голову. Я чувствую радость оттого, что она плачет, ведь она плачет, потому что выбрала только меня, поэтому она пришла, как и я, к этому дереву. Под этим счастливым деревом нас свели вместе светлые воспоминания. – Я никому не отдам тебя, Сура, ты же любишь только меня?

- Да, Асхад, только тебя, – Сура улыбается мне счастливо сквозь слезы...

...Нет, Сура не пришла. Только на одно мгновение мне так почудилось, когда я закрыл глаза...Она не придет...

В лесу раздается хохот совы, он леденит душу. Не надо мной ли смеется? Я опускаюсь на корточки, спиной прислонясь к дереву.

Время меняет и сердце, куда бы оно ни повернуло его – к добру или злу. Но с человеком остается его человечность, если он хороший, у кого была любовь, с тем остается его любовь. А что остается у меня? Смогу ли я прожить на одних воспоминаниях о нашей любви? Время мчится вперед, не осознавая ни боли, ни тревоги сердечной, играя и шутя. Сколько людей уносит оно, никогда не испытавших любви и страданий из-за нее. Зачем они жили?

А я люблю, меня тоже любят. А какая она девушка! Но почему я несчастливый? Потому что она уходит от меня, я отдаю времени все, что взлелеял в сердце своем...

6

...Погожее утро. Я иду пробуждающимся полем. Лучи солнца играют на каплях росы, воспламеняя их. Там, где начинается лес, травы больше, омытая росой, она блестит. Вот и река, ни один лист на деревьях не шелохнется, только птичьи трели рассыпаются кругом.

Прекрасное начало дня. Но куда я направляюсь?..

Потом я сажусь в сверкающую машину. Хозяина ее я не знаю. Он не обращает на меня внимания, что-то тихо напевает, дорога, не успевая за нами, растягивается в длинную ниточку. Куда мы едем? Что за молчун этот мужчина, не хочет разговаривать со мной, только хитровато улыбается. На повороте дороги мы остановились возле скопления автомобилей. Мужчина выпускает меня.

- Вот я его и привез вам, – говорит он весело парням, – теперь дело за вами.

Я смотрю на ребят – тут же все мои друзья! Из салонов машин торчат стволы ружей – это значит, что они собрались за невестой, какая свадьба без выстрелов. Не давая мне ничего сказать, они сажают меня в машину. Свадебный кортеж трогается, и я спрашиваю ребят: «Кто женится?». Они говорят, что жених – это я. Но на ком же хотят меня женить? У меня нет невесты, есть только девушка, которую люблю. Я продолжаю расспрашивать, но друзья, словно сговорившись, молчат.

Приехали в село. Странно, они повернули в ту сторону, где живет Сура с девушками. Я начинаю волноваться, смутная тревога закрадывается в сердце, мое лицо начинает гореть, и я прижимаюсь лбом к стеклу. Машины тормозят возле больших ворот. Как много здесь людей! Друзья зовут, но как я пройду между стольких людей?

Я осматриваюсь в комнате, куда меня ввели. Очень красиво обставлена. Я не знал, что она такая красивая, хотя много раз подходил к этому дому. Или ее так убрали к сегодняшнему дню? А чем он, этот день, отличается от других? Говорят, тем, что я женюсь сегодня. Я спрашиваю: на ком? А они советуют не торопиться. «Ты жив, пока у тебя есть друзья», – говорят мне и смеются. Сафербий проходит через комнату, открывает последнюю дверь и приглашает меня...

Со всех сторон слышно, как открывают и закрывают двери. Вот белая дверь и передо мной открывается. Почему мое сердце так заколотилось? Кто сюда войдет? Я чувствую, что мое лицо пылает, и растираю щеки пальцами. В комнату вводят... вводят Суру! Она тоже волнуется, щеки ее охвачены пламенем, глаза опущены, пальцы сцеплены. Потом неожиданно огляделась вокруг, и ее взгляд остановился на мне.

- Ты по желанию своего сердца выбрала этого парня? – спрашивает ее Сафербий.

- Да... – слышу ее нежный голос.

Голова моя начинает кружиться. Я двигаюсь, как во сне, мы садимся в машину. Не во сне ли все это происходит? Если можно было это так устроить, чего мы столько страдали?

Я женюсь на Суре! Она будет жить в моем доме с этого вечера, и завтра, и следующую неделю, она всегда будет со мной, всегда будет моей. Сура будет меня ждать, всегда будет думать обо мне, только обо мне. Я буду видеть, как она будет улыбаться, она всегда будет делиться со мной и радостями своими, и печалями. Мы найдем свои звезды в небе и соединим их навеки на одной дороге, потом рядом с ней появятся маленькие тропки...

Какое это счастье — жениться! Почему я до сих пор не проявил мужества, почему надо было столько страдать? Спасибо друзьям. Я женюсь на Суре! Да, а как же Нух? Что с ним будет? Как я посмотрю ему в глаза? Да пусть говорит, что хочет, я не отнимал ее у него, она выбрала меня... Что случилось, то и случилось. Сура сидит рядом со мной, ее пальцы в моей ладони.

Белые полосы на асфальте торопливо убегают под машину. Травы на обочинах сливаются в сплошную зелень. Облака быстро мелькают в больших лужах на дороге. Сура сжимает мои пальцы, и я смотрю на нее.

- Знаешь, Асхад, – шепчет она мне, – мое сердце, как птичка, но оно боится взлететь. Так птенец боится первого полета из гнезда. Как я долго ждала тебя, как я много страдала!..

- Теперь все это позади, мой свет, – шепчу я тоже. – Никто и ничто теперь не разлучит нас.

Она радостно улыбается и кладет свою голову мне на плечо. Вскоре мы останавливаемся возле небольшой дубовой рощи. Я хорошо знаю это место, это недалеко от нашего села, там, где дорога круто поворачивает на юг. Здесь всегда начинают свадебные танцы. Гармонист играет исламей, и я вижу только Суру, думаю только о ней. Она тоже не сводит с меня

своих глаз. Какой это танец — исламей! По обычаям адыгов молодожены не должны танцевать на своей свадьбе, говорят это не к добру, поэтому мы с Сурой наблюдаем за танцующими парами...

Потом темнеет, все исчезает во мгле, нависшей над нами, как черная бурка. Лучи света фар вонзаются в ночную тьму, как кинжалы. Когда же мы доедем?

Машина наша не едет, а летит. Но наши спутники не отстают от нас, то забегают сбоку, то снова чуть отстают, стреляют из ружей. Нашу машину сильно подбрасывает и Сура крепче хватается за мою руку, я вижу в ее глазах страх, она с испугом смотрит на дорогу, я тоже смотрю вперед и начинаю волноваться — машина свернула с дороги и прямо несется к большому дереву. Я что-то кричу водителю, дергаю его за плечо, но он не слышит меня, он спит, спит за рулем! Я хватаю руль, хочу повернуть в сторону, но не успеваю, и мы сталкиваемся с деревом. Сура падает из открывшейся двери, я кидаюсь за ней, но не достаю ее, и, забыв обо всем, кричу, надрывая сердце и обливаясь слезами: «Сура!..».

Я проснулся от собственного крика, вскинул голову и вспомнил, что сижу под деревом. Было прохладно, но я был весь в поту. Что означает мой сон? Я поднимаюсь и иду обратно, с тревогой думая о том, что так четко помню все увиденное во сне.

Говорят, если увидишь себя плачущим во сне, то что-то радостное сбудется с тобой. А что за радость меня ожидает? Страшный крик, исторгнутый из моего сердца – это предупреждение, что навсегда теряю Суру. Как я буду без нее жить?..

Я возвращаюсь в комнату, ложусь в постель, но не могу заснуть. Через оконное стекло видно, что скоро рассвет, голосистый петух в курятнике уже успел прокричать. С нетерпением жду утра. Надо поговорить с Сурой. Я принял твердое решение и чувствую душевный подъем, хочу скорой встречи с ней и все время смотрю на часы. Думаю о тех словах, которые скажу любимой, и в голову приходят только самые красивые. Сегодня понедельник, адыги любят этот день, считают, что если хочешь что – то новое начать, надо начинать с понедельника. Поэтому он особенно дорог мне. В субботу Сура уезжала домой с несколькими девочками, а сегодня я увижу ее, и все будет хорошо.

Сафербий спит, распластавшись на кровати. Бесполезно пытаться его будить. Ламуко тоже не проснется, хоть вынеси его на улицу. У них богатырский сон, всегда спят как убитые. Я пальцами сжимаю ноздри Сафербия. Он некоторое время храпит, дыша через рот, потом начинает просыпаться. Я толкаю его:

- Что, что случилось? – таращит на меня глаза, не понимая, почему я так рано его бужу и отчего у меня такое счастливое лицо.

- Сегодня пойдем свататься, – говорю ему.

Он ругает меня и снова ложится. Бурчит что-то, мол, если хочешь идти свататься, нельзя, что ли, сказать об этом днем, зачем прерывать утренний сон и поворачивается ко мне спиной, потом быстро оборачивается и спрашивает:

- Кто?

Я отвечаю ему, и он поднимает большой палец, и снова опускает свою голову на подушку. Он все понял, и это тоже меня радует...

7

С тех пор, как мы живем в этом селе, не было дня, чтобы мы с Сафербием утром не выкупались в речке. Мы не изменили своей привычке и на этот раз. Хорошенько размялись и выкупались, вернулись назад бодрые. Как это прекрасно владеть своим молодым телом и ждать в душе счастья!..

В столовой мы застали почти всех своих однокурсников. Не было только Суры. Почему ее нет сегодня? Я начинаю волноваться. Санет, подруга Суры, смотрит на меня внимательно, я заметил это, и вопросительно взглянул на нее. Она подала мне знак, чтобы я отошел в сторону. Она дала мне дубовый листок, стараясь сделать это незаметно.

- Сура просила передать тебе.

- А сама она где? Не вернулась еще? – спрашиваю ее, чувствуя холодок в сердце и дрожание в пальцах.

- Не вернулась... Она сюда не вернется, Асхад. Сура вышла замуж...

- Когда?! – я тут же понял, что задаю глупый вопрос, но не смог удержаться.

Что теперь спрашивать, когда уже все свершилось? У меня все внутри холодеет, начинаю перебирать пуговицы на рубашке, чувствую, что дышать становится тяжело.

- За кого?

- За Нальбия. Вчера ее увезли из дома. Я тоже присутствовала там. О чем вы до сих пор думали? Я не знала ваших истинных отношений друг к другу, она сама вчера сказала. Кто выходит замуж, плача? Ты знал, что она тебя любит, а отдал ее другому...

Я собрался уйти, но она тянет меня за рукав и останавливает.

- Возьми, она написала это тебе, сказала, если захочет, пусть прочтет.

Я беру конверт и машинально кладу в карман. Что толку теперь читать это, пусть оно хоть золотыми буквами написано! И все же я не выдерживаю, отстаю от ребят и раскрываю конверт. Начинаю лихорадочно читать.

«Асхад! Как я волнуюсь, когда произношу твое имя! Мне не стыдно писать тебе об этом, потому что знаю, что пишу в последний раз. Когда ты будешь читать это письмо, я буду находиться уже в доме другого человека. Если бы я была не уверена в этом, то не открылась бы тебе. Я бы предпочла продолжать страдать и мучиться.

Когда я начинаю вспоминать тот вечер под большим дубом, меня снова охватывает неудержимое волнение. Чтобы никогда не забывать то место, где мы в последний раз встретились с тобой, я взяла там два дубовых листа. Что отдали тебе – твой листок.

Асхад! Мне надо привыкнуть к тому, что тебя не будет больше рядом. Я не могу сдержать слезы, потому что знаю, что потеряла любимого человека. Если бы мне сказали, что я первой открою свое сердце парню, то никогда бы не поверила, но вот видишь, я первая тебе все рассказываю.

Ты так и не понял, насколько я тебя любила, когда я прикасалась к твоим следам, душа моя пела, от твоего взгляда я загоралась и таяла, как утренняя роса. Я боготворила каждый твой жест и взгляд, я была счастлива, когда видела тебя и страшно мучилась, не видя тебя. Я много раз садилась написать тебе, много уже написанного порвала. Боялась написать тебе правду, думала, что могу потерять тебя. Так оно и случилось.

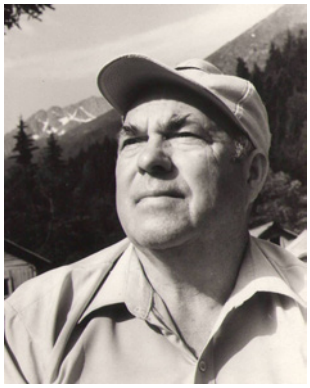
Уже стемнело, я с трудом пишу в темноте, слезы застилают мне глаза. Не хочу включать свет, боюсь, что при свете не смогу всего сказать. Я люблю только тебя, но теперь для тебя, меня уже не существует. Так получилось, что мои слова оказались сильнее моей любви и моего счастья.

Знаю, что многие не поймут меня, кто же одобрит, если ты выходишь не за того, кого любишь? Но разве я заслужу счастья, если продам свою честь? Мы живем в таком мире, который часто разлучает влюбленных. Сколько было таких, как мы, в этом мире? Мы словно пылинки, свет длится один день, остальное – ночь. Чего мы стоим перед вечностью, если в кратком промежутке времени, отпущенном нам, не сохраним чести своей и достоинства? Ведь человеку дается не только душа, ему дается весь мир...

Ты опоздал, Асхад, опоздал и превратил мое сердце в камень. За всю свою жизнь я любила только тебя, я и сейчас чиста перед тобой, ты в сердце моем навсегда... Думаю о тебе, и плачу, но я предпочитаю, хоть это и мучительно для меня, хранить тебя в сердце, если ты покинешь его, что там останется? Я никогда не забуду тебя...».

...Красивая она была, девушка Сура, глаз не оторвать: стройная, с русыми волосами и белоснежным лицом. А походка ее... как о ней рассказать? Как только увижу ее, сердце мое начинало трепетать, и я чувствовал, как мое лицо охватывает огонь до кончиков ушей. Те дни, озаренные каким-то необыкновенным светом, с годами тускнеют в воспоминаниях, но забыть ее я не в силах...

Александр МОСИЕНКО



Мосиенко Александр Алексеевич – автор тридцати книг лирики, прозы, драматургии, эссе. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат губернаторской литературной премии имени Андрея Губина (за книгу «Проза жизни, 2005 г.), лауреат журналистской премии имени Германа Лопатина (за книгу «К поэзии и прозе прикасаясь», 2007 г.). Главный редактор газеты «Наш университет» Пятигорского государственного лингвистического университета, преподает журналистику на факультете международных отношений в ПГЛУ и в средней школе № 6 г. Пятигорска.

Пока Машук стоит

Не предскажу, что станет с миром,
Где далеко не каждый друг,
Но будет Лермонтова лира,
Пока стоит гора Машук.

Не заглушить любым стихиям
Его стихов могучий звук,
Как песни многовековые,
Пока стоит гора Машук.

Не скроет парус одинокий
Глагол иных времён и мук,
Но будет звать в поход далёкий,
Пока стоит гора Машук.

Не предскажу, что станет с миром,
Но знаю: не пойдёт он вспять...
И будет Лермонтова лира
Звездою вечною сиять.

Стихи фаталиста

Человек судьбою наделен.
Разная, она должна свершиться,
Даже если ей мешать со всех сторон,
Даже если в масках прятать лица.
Для кого-то пуля или нож,
Для кого-то хворь смертельная до срока
Явится, когда ты их не ждешь,
Как по предсказанию Пророка.
Бегал ты, играл, грустил и рос
И - как на дорогу камень,
И уже летишь ты под откос,
В пропасть с распростертыми руками.
Никому на свете не узнать,
Кто определяет наши сроки:
Где, когда и как нам умирать –
На миру, с родными, одиноко.

Человек судьбою наделен.
Разная, она должна свершиться,
Даже если ей мешать со всех сторон,
Даже если в масках прятать лица.

Звуки гитары

Звуки гитары – звуки страстей,
Нежные звуки печали,
Вы словно строки на белом листе,
Вы словно жизни начало.

Струны гитары - струны души.
Не разорвать этой дружбы созвучий.
Если душа у тебя замолчит,
То и гитару не мучай:

Ей в одиночку не передать
Муки любви и разлуки.
Все обо всем могут нам рассказать
Только горячее сердце и руки.

Перебирая струну за струной,
Ты до конца отдавайся гитаре,
Чтобы любовь не прошла стороной
В сереньком плащике-репертуаре.

Струны гитары - струны души.
Не разорвать этой дружбы созвучий.
Если душа у тебя замолчит,
То и гитару не мучай.

Малина

Сейчас бы кружку пива,
Да воблы – на зубок
И посидеть красиво,
Но я сидеть не смог.
Но я с подругой милой

Ушел малину рвать.
Малина ты, малина,
Тебя не миновать.
Ушел я за малиной
Сквозь золото росы
В зеленую долину,
Где звон стальной косы.
Малина ты, малина,
Нет слаще губ твоих.
Зеленая долина –
Для нас с тобой двоих.
Иду с подругой милой,
Иду малину рвать.
Малина ты, малина,
Тебя не миновать.

Дамхурц и Лаба

Возможно, весною, возможно, и летом
Они повстречались в пути.
Она была в белую пену одета,
А он – из берез конфетти.
И только друг другу в глаза поглядели,
Как поняли: это судьба.
С тех пор над землею века пролетели,
Но с Дамхурцем вместе Лаба,
Обнявшись, бегут по ущелью, как прежде,
Меж серых и розовых скал.
Она ему шепчет:
«Любимый и нежный...»,
А он: «Я нашел, что искал».
Вот так бы и люди любили друг друга,
Чтоб не обрывалась судьба.
Я верю, что это когда-нибудь будет:
Ведь с Дамхурцем вместе Лаба.
Как трудно представить, что будет однажды:
Мы в землю уйдем навсегда, навсегда,
Хоть был ты богатым, крутым и вальяжным,
Хоть корочку хлеба жевал иногда.

***

Как больно представить, что солнечный лучик
Сверкнет бриллиантами в каплях росы,
А я не увижу ни этого чуда,
Ни вашей случайно упавшей слезы.

А я не увижу ни света, ни тени,
Ни стона, ни смеха мне больше не знать.
Покроет меня бесконечная темень,
Которую глупо зовут Благодать.

Мне больно представить, что это случится,
Хоть в разное время, но с каждым из нас;
Останемся в прошлом как прошлые лица...
Живите, живите, живите сейчас.

Радуга в Дамхурце

На покатые плечи скал,
Где темнеет смолистая хвоя,
С неба дождик слепой упал
На живое и неживое.
Порассыпались солнца лучи,
Птиц, людей и букашек радуя.
До безумия воздух чист.
Над ущельем повисла радуга,
Словно мостик любви двоих.
Без него им никак не встретиться.
Только краток той встречи миг,
Но зато он сияет, светится...
На покатые плечи скал
Опустила свой мостик радуга.
Дождь слепой, чуть шурша, ласкал
Этот мир красоты и радости.

Веточка рододендрона

Не надо мне высших чинов, ни короны.
Я не поклоняюсь вождям и Творцу,
Но я замираю
над разовой веточкой рододендрона,
Которою ты провела по лицу.
В ней ангельски нежные цвет и прохлада.
Их так не хватает
моей замутненной душе,
Оставленной в мире разлада и полураспада,
Но все ж на любовь обреченной уже.
С тобою мы встретились за облаками,
Где рододендроны, снега и орлы,
Где вспыхнули
первые искры меж нами,
Как молнии в бурю, на гребне волны...
С тех пор под откос
не одна полетела корона,
И вождь не один к своему докатился концу
А я вспоминаю
ту веточку рододендрона,
Которою ты провела по лицу.

Подснежник

Вовсю цветут луга альпийские,
И тут же рядом тает лед,
А из-под выступа кремнистого
Подснежник вымытый встает,
Стоит малец на ножке тоненькой,
Блестит росиночка-слеза,
И у него такие синие,
Как небо Родины, глаза.

Рубаи

***

Садясь в седло, не думай о награде,
Что ждет тебя порой в конце пути,
Но твердо знай, какого дела ради
Скакун обязан всадника везти.

***

Холуи королю не прибавят ума,
Будь он щедр или скупость сама,
Потому что для них – лучше глупый король:
С ним всегда холуям на столе есть хлеб-соль.

***

Мой верный посох – это Слово,
Что будет жить и без меня,
Вести других к вершинам новым
И образ прошлого храня.

***

Когда горит соседа дом,
Спеши на помощь, брось раздоры:
Ведь и твое спасенье в том,
Чтоб затушить пожар тот скоро.

***

А тополь не горбится, не пресмыкается.
Ему даже дуб – не указ.
Под тяжестью лет он скрипит и качается
И гордо взирает на маленьких нас.

***

Друзья мои! Я думаю о вас...
Меня влечет не призрачный Парнас,
Душа болит – как жили, как живете,
Кто ползал, ползает, а кто – в полете.
Грущу о том, что в жизни все проходит
И не уйти от суеты сует...
Что от меня останется в народе, –
Горючий дым или глубокий след?!

***

Я боюсь одного – не успеть!
Не успеть докричать, досказать, дописать,
Сноп колосьев своими руками связать,
Во весь голос последнюю песню допеть.
Ты слушаешь лишь то, что хочется услышать.
Все остальное – звук мимо ушей,
А надо б знать, чем окруженье дышит.
И то, что во дворце, и то, что в шалаше.

***

Дураки приходят и уходят.
Нет от них ни пользы, ни вреда
До поры, пока они – в природе.
На вершине власти – там беда!

***

Неправда, что мы никому и ничем не обязаны.
Мы все в этом мире единой цепочкою связаны.
Едва выпадает из этой цепочки звено,
И мы опускаемся медленно в пропасть, на дно.

Царя убили. И других учили
За веру в Бога мучить, убивать,
А нынче в храме головы склонили
И дорогие свечи зажигать.

***

Цветы – затем, чтобы цвести.
Любовь – затем, чтобы расти.
Вершины – чтоб их покорять.
А мать – рожать, прощать и ждать.

***

Вином проблемы не решить:
Оно толкает нас грешить,
Но если ты решать устал, –
Не грех и осушить.

***

Поэт-посредник между небом и землей,
К тебе от Бога в сердце сходят строки...
Чем выше Вера, чище голос твой,
И ближе путь возвышенный к Пророку.

***

Есть вечные вещи на свете
(Без них человек – никуда):
Работа, душа, наши дети
И .. окружающая среда.

***

Дорожи, что тебя не амебой, –
Человеком Господь сотворил.
А ведь Он это запросто мог бы.
Так и жил бы ты нем и бескрыл.

***

А там, в беседке на горе Горячей,
Эол небесный неустанно плачет,
А может быть, он так поет о Жизни,
Касаясь мудрых струн удачи.

***

Я в этот мир пришел, чтоб из него уйти
И по пути – лишь на мгновенье засветиться.
О если б знал я, Господи, прости,
Как долго будет свет мой к людям литься...

Александр БУРОВ

Буров Александр Архипович (1951 г.р.). Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Пятигорского государственного лингвистического университета, член Союза журналистов РФ. Автор монографий, учебных пособий, многочисленных статей по проблемам русистики.

ФЕНЁК, или КОШАЧИЙ ДИВЕРТИСМЕНТ

12 этюдов о нравах.

С интродукцией и эпилогом

Перевод с кошачьего.

Интродукция

Открытое Письмо в редакцию журнала «Мегалог»

Уважаемая г-жа редактор!

Выполняя просьбу давнего друга моей семьи г-на Максимилиана, передаю рукопись его записок, которые он вручил мне с правом дальнейшего использования по моему усмотрению, когда оформлял свои дела перед отъездом за границу. Его Кошачество (так мы звали г-на Максимилиана, учитывая почтенный возраст и вес в нашем обществе) работал над рукописью все последнее время, так и не успев отдать ее в компьютерный набор. Исполняю просьбу Его Кошачества и надеюсь, что рукопись увидит свет.

С искренним почтением, *Лиза*,

дочь Барсика, отставного кошачьего советника III-го ранга, Кавалера Звезды Серого Хвоста и Ордена Махмурра Первого.

Этюд первый

Δ

Дивертисмент* (франц. divertissement – развлечение). 1) Увеселительное представление, состоявшее из танц. номеров, песен, иногда включавшее также самостоят. муз. номера; нередко объединялось общим сюжетом (напр., «Семик, или Гулянье в Марьиной роще», пост. 1815, Москва); включалось в программу спектакля обычно как его заключительное отделение (после драмы, оперы и т.п.). 2) Танц. сюита или вставные номера в балете или опере, непосредственно не связанные с сюжетом (напр., во 2-м действии балета «Щелкунчик» Чайковского). 3) Сюита развлекательного характера (типа серенады) для инстр. ансамбля или оркестра (у Моцарта и др.). 4) Легкая, иногда виртуозная пьеса типа попурри, вариаций и т.п., часто на заданные темы (напр., «Венгерский дивертисмент» Шуберта для фп. и струнного квинтета на темы из оперы «Сомнамбула» Беллини, и др.). *Энциклопедический музыкальный словарь / Отв. ред. Г.В. Келдыш. – М.: ГИИ «Большая советская энциклопедия», 1959. – С. 71-72.*

Этюд второй
Ї

И тогда мне, уже немолодому серому коту, пусть и с не очень известной родословной, но из весьма почтенной семьи и, главное, остепененному, стало очень стыдно за Фенька. Подумать только! Ну почему его речевое поведение так диссонирует с нормами, принятыми у всех нормальных, воспитанных котов и кошек?!

Я ткнул незаметно его в бок своей левой задней лапой, но он, ничего не чувствуя и не замечая, продолжал, слегка подвывая:

- Я их, блин, всех урою в этой аптеке! Подумаешь – провизоры хреновы! Валерьянки несчастной им жалко! Я ей, типа, говорю, короче... Ну хоть на донышке оставь, – а она, блин, ни в какую. Всё, крыса ей в бок, вылила – хоть землю, типа, лижи, короче... развела, короче, как лоха...

Фенёк всхлипнул и грязной лапой смахнул с рыжего носа обильную слюну. Сидевший рядом полосатый кот Марсик сочувственно муркнул и почесался правой лапой возле черного ошейника от блох, который плотно обвился вокруг его тощей шеи.

Дело происходило недалеко от помоечных контейнеров у нового аптечного ларька, недавно построенного в Зеркальном переулке. Молодое мартовское солнце ласково улыбалось нашему хвостатому сообществу.

Феньку, еще юному, но уже достаточно потрепанному в битвах за просвещение, которые этой весной явно активизировались в районе пяти четырнадцатиэтажек района «Мишутка», не везло последнее время, хотя на его точку возле новой аптеки никто из собратьев по цеху не претендовал. Братва, видно, еще не пронюхала про это место, тем более что какой нормальный кот поверит в то, что в помойку возле аптеки выбрасывают пузырьки от валерианы с остатками божественного эликсира на дне?! Но тетушка Айшат, которую наняли в киоск уборщицей, страдала неврозами и употребляла за день почти по пузырьку этих капель. К вечеру не один флакон опустевал и подвергался захоронению в недрах ящика для отходов. Обычно Феньку удавалось сразу же успешно извлекать его из кучи отходов человеческого бытия. Крепко зажав пузырек зубами, он птицей выпархивал из мусорника и, разбив флакон о камень, погружал свой нос в остатки эликсира, которые, к несчастию, так быстро впитывались песком...

Всякий раз, отведав заветного зелья и блаженно растянув своей тощее тельце в потрепанной шубке на траве, Фенёк зажмуривал глаза и блаженно мурчал: «Ну что делать, мр-р-р, мучаюсь неврозами, блин... страдаю, короче... Бедный я бедный... Кто ж меня, блин, утешит, разве как не я сам?..».

Фенёк лукавил в эти, можно сказать, лучшие – звездные! мгновения своей бесхитростной животной житухи. «Неврастения» служила прикрытием его порока – пристрастия к спиртному...

Однажды тетушка Айшат случайно увидела весь этот спектакль и страшно возмутилась. Она прочитала, стоя под Феньком, который переваливался перед ней с боку на бок, блаженно урча и демонстрируя грязное рыже-белое брюхо с прилипшими кусками какой-то кашицы, лекцию_о пагубном влиянии наркотических средств на молодой и еще не сформировавшейся организм.

Я как раз случайно шел тогда мимо, и меня поразило, что Фенёк совершенно проигнорировал порыв нежного сердца доброй уборщицы из аптечного киоска. Об этом я попытался поговорить с ним вечером, когда он проспался и лежал под едва начинающим покрываться листвой грецким орехом, делая вид, что еще спит (по этому поводу мой друг и по совместительству сын моего хозяина восьмилетний Сашенька как-то тонко заметил: «Котик не спит – котик отдыхает»). К сожалению, мой младший коллега не внял моему рассудку, буркнув: «Достали вы все меня, моралисты хреновы!..».

(Замечу в скобках – как там говорят? В плане метатекста, что ли? – и сделаю это намеренно: Фенек не такой уж и испорченный улицей кот. Конечно, то, что он не получил должного воспитания в постперестроечную эпоху, не его кошачья вина. А нравы, сударь и сударыни, сами знаете какие сейчас жестокие у нас!.Ну да ладно.).

Этюд третий
В

Впрочем, простите великодушно старика – заболтался, а ведь еще и не представился. Меня зовут Максимилиан. Максимилиан Васильевич (в быту просто Максик). Происхождение мое наполовину дворянское, ибо произведен на свет мамою-немкою я был после ее незабвенной встречи в садике одного из тихих домиков в районе Горопост, что в городке, воспетом поэтом «края синих гор», с незнакомым красавцем-брюнетом, обладавшим белым брюшком и серыми (но не седыми!) гусарскими усами. Мой будущий папенька тогда исследовал новые рынки сбыта продукции и заглянул, что говорится, на огонек, завидя серо-голубую красавицу с изумрудно-зеленым взором горевших из-под тончайших ресниц глаз.

(Все-таки как приятно рассуждать на тему своей родословной!.. Как нибудь засяду за «Родовую книгу», ей-ей).

«Огонек» прошел весьма успешно, завершившись совместным молокопитием из жестяной мисочки...

Мое появление на свет совпало по времени с окончанием школьной учебы одной девочки Яны. Как-то в мае месяце, когда я в одиночестве пил водичку из небольшой реки Березовки, она, идя с консультации перед первым выпускным экзаменом, увидела меня и, испугавшись, как бы я не свалился в воду с обрывчика, взяла меня не руки и принесла домой. Вот так я и попал в район «Минутка», получив имя Максимилиан (Я, правда, до сих пор не выучился быстро произносить его – что, уж говорить про Фенька! – и обычно сокращаю его: Макс!).

Этюд четвертый
Σ

Единственно кому искренне завидовал Фенёк (хотя искренняя зависть бывает ли?), так это был румяный кот-усач в морской форме (главное – в тельняшке!) из рекламы на НТВ «Дары моря». Там он с лукавым прищуром изрекал с экрана телевизора «Семгу мне!» и, получив требуемое, восторгался, глядя вдаль, в водные просторы: «Рыба моя! Моя рыба!»

К остаткам дешевого баночного пива, добываемого Феньком из тех же помоечных контейнеров, эти «дары моря» явно бы пригодились, во всяком случае – не помешали бы. Однако как бы здорово было пригласить самого бравого и румяного усача в бескозырке и тельняшке в гости! Он вызывал явную симпатию не только у Фенька, но и у миллионов телезрителей нашей необъятной родины, простивших НТВ (как и всему нашему немногоканальему региональному телевидению) постоянные паузы в сериалах, поскольку появление рекламного усача даже и очень ожидалось с нетерпением...

Беда Фенька заключалась лишь в одном: своего личного телеустройства у него не было. Не имелось, видите ли, по причине нехватки матресурсов на приобретение чудесного ящика.

Самого же рекламного кота-усача Фенёк узрел как-то утром, когда случайно заглянул в приоткрытую дверь аптеки (было с утра душно!) и увидел на стене жидкокристаллический плазменный телевизор «Sony». Плоский ящик, установленный в целях привлечения покупателя и изредка показывавший рекламу не только «даров» импортного фармацевтического рынка, но и продуктов отечественной индустрии, пока еще дышащей природой. Истинному ее дитяти, Феньку крупно повезло: в то утро, в то самое замечательное мгновение, показывали рекламу семги с котом-усачом в ослепительно белой бескозырке... Рекламное творение фармацевтического дискурса так потрясло нашего любителя остатков валерианы и баночного пива, что Фенёк буквально окаменел на пороге, пораженный словами, которые сладкоголосо изрекал хвостатый торговый представитель с лукавым прищуром слегка раскосых (но кошачьих!) глаз. Потрясение моего друга было столь сильным, что Фенёк напомнил мне (я случайно проходил мимо, направляясь в нашу библиотеку, что находилась в подвале четырнадцатиэтажного дома неподалеку) Памятник Коту, воздвигнутый где-то на окраине штата Небраска американскими секретными службами защиты животных...

Тетя Айшат прервала эту идиллию (реклама кончилась раньше), тряпкой выведя Фенька из сомнамбулического состояния. Но разве можно было забыть то, что он увидел!..

Этюд пятый
Р

- Р-р-р! Мр-р-р-р-!.. Мяу...

Фенёк встряхнул головою, слегка приподняв ее, и приоткрыл один глаз. Прямо перед ним сидел... кот не кот... Нечто неизведанное, новое, даже нет (позже в словарь Фенька войдет это точное слово – *инновационное!)* – было в этом Небожителе.

Модный Кот, или Кот-стиляга, обладал замурчательной внешностью. Его редкостное разноцветье, причем самой разной геометрической формы, мгновенно и магнитно притягивало внимание обывателя.

До этого что-то подобное Феньку довелось лицезреть при одной – единственной встрече с трехцветной кошечкой Мурой, которая начала знакомство с кокетливого вылизывания собственной шубки и странных вопросов типа «А Вы читали Гофмана, Булгакова, Кунина, Эдика Успенского?» или «Как Вам понравилось шествие кошечек в танго-заставке к японскому мультику «Топо Джиджио?». Ощутивший тогда свою полную интеллектуальную несостоятельность и сбитый с мужского толку Фенек уныло смотрел в сторону родной помойки и делал вид, что не слышит вопросов трехцветной обольстительницы.

Конечно, куда ему, бедному, не получившему даже законного начального образования, было знать про гофмановского кота-филистера Мурра, про знаменитого скандалиста и коровьевского приятеля Бегемота, про отважного путешественника Кота-Мурлыку, удостоенного Оскара в Штатах, или про того же «нового кошачьего» Матроскина (был бы телевизор – гляди, успенские сюжеты Фенёк бы и освоил!), про ... Да что тут говорить! Эх, Феня, жаль ты моя желтоголовая!..

Модный Кот был не просто триколорным – он светился квадратами, треугольниками, кругами, даже трапециями всех цветов радуги, которую Фенёк любил наблюдать в небе после грозы. В дополнение ко всему он носил импортные очки, постоянно сдвигая их к носу лапой с массивным золотым обручем.

«М-р-р-да!», – подумал я, сидя в отдалении. – Вот тебе и *кот как текст.* Лучше темы для научной беседы не придумаешь. Налицо все признаки авангарда...».

Между тем Модный Кот почему-то начал крутить разноцветной мордой и принюхиваться.

Он словно кого-то почуял. И действительно, спустя мгновение из-за угла аптечного киоска появился совсем молодой кошачий отпрыск, черно-белый красавец с горячим взором пытливых глаз. Он весело подбежал к Модному Коту, потерся о его морду в приветствии и уселся рядом. Я оглядел его и обратил внимание на то, что у него обрезан верхний коготь на правой передней лапе. Впрочем, видимо, это не мешало ему пускать в дело остальные когти – выглядел он весьма уверенно и даже, я бы сказал, респектабельно.

- М-р-р, разрешите представиться, а заодно и представить моего приятеля! – буквально протараторил наш юный гость. – Меня зовут Степан, а это Славик... то есть Котослав Джейханович . – И он шаркнул лапкой.

Костослав Джейханович, он же Славик, молча склонил морду в изящном поклоне. Он и виду не подал, что их приятельству без году неделя. Всего несколько минут назад они со Степаном столкнулись нос к носу возле входа в минимаркет, куда их привел запах копченой сельди.

Впрочем, Степан почтительно сделал вначале шаг вперед, потом два шага назад и уселся, обвив себя пушистым хвостом.

Позднее, уже сблизившись с Модным Котом, мы частенько беседовали с ним на самые актуальные темы (преимущественно культурологические). В бытность свою студентом-вольнослушателем Кукловодской академии искусств, он как-то написал реферат на тему «Национальная идея в свете постструктуралистических идей современной фелинологии». Основные позиции этого замечательного опуса были изложены в докладе на семинаре, которым руководил один почтенный профессор Мурзик (он же кот Баюн, как в кулуарах прозвали его студенты-академики).

Главная мысль, которая красной нитью проходила сквозь дискурсивное пространство выступления Модного Кота, заключалась в том, что кошачий этнос, несмотря на свою разбросанность по планете и отсутствие консолидирующего руководящего центра, в сопоставлении с

иными этносами, населяющими землю и, в частности, ее бывшую «шестую часть» (похудевшую территориально после известных событий), – этот самый этнос (один из древнейших, к слову сказать) имеет свою идею национальной идентичности. Смысл ее прост до банальной гениальности: кошки имманентно свободны от вещизма и меркантилизма (эти факторы на наших глаза испортили, к примеру, другой этнос – волчьих с их ответвлением в лице Canis Vulgaris, обожающих носить ошейники). Природа, наделившая представителей вида Phelinus удивительным даром Содержания как Наблюдения, синергетически же дала им магическое свойство быть Посредниками между мирами и параллельными измерениями. Вот почему одно их присутствие делает, к примеру, вид Homo Sapiens способным быть и Homo Ludens, и Homo Loquens. Что касается «людической» функции, то здесь кошки многому научили человечество, а вот функция познания (почему-то ее связывают с когницией) освоена человеческим видом пока слабо. Впрочем, все это объяснимо: отклонения в эволюции Homo Sapiens очевидны, и доказательства этому налицо. Достаточно сослаться на подделки в сфере производства «Wiskas», имеющие пагубные последствия для представителей фелинусов, употребляющих его в пищу...

Модный Кот вспоминал о разгоревшейся тогда дискуссии с улыбкой, наводившей симметрию в расположенных на его морде красном и синем треугольниках-лоскутках густой шерсти. При этом в зеленых глазах его появлялся задорный блеск. Я не раз подмечал, что это блистание напоминает какое-то особое внутреннее свечение, свойственное натурам очень неординарным, или «нетривиальным», по словам того же Модного Кота (кстати, блестяще защитившего магистерскую диссертацию!).

О, эта ностальгия по Alma Mater! Воспоминания об Академии искусств и ее обитателях были коньком Модного Кота. Так, мне запомнились его рассказы о том, как он прослушал цикл лекций Карьерного кота-менеджера высшей квалификации Васисуалия М. по теме «Сегментация кошачьего социума в эпоху мирового кризиса ловли минтая». Представитель новейшей Школы Менеджмента Качества, Карьерный кот так увлек своим темпераментом аудиторию (сказались занятия йогой хвоста и тренировки в области мультимедийных автопрезентаций!), что после первой же его лекции две кошечки-блондинки со второго курса магистратуры отправились к нему в гостиницу, дабы в приватной беседе выразить восхищение его внешними данными. Поводом для общения должны были служить забытые лектором в Синем зале академии очки, баночка маринованных лапок суринамских мышей и два пакета овсяных крекеров. Очки были приняты с признательностью, однако мышиные лапки и крекеры оказались невостребованными, а самим магистранткам было указано на выход. Но слухи быстро поползли по принимающей организации («Ходят шлюхи...», - загадочно шепелявил у туалета седой одноглазый кот-доцент, скаля в кривой ухмылке обесклыченную пасть и помахивая портфельчиком, где лежали замшелые от старости конспекты лекций по кошачьей биоэтике).

Увы, Карьерный кот был вынужден спешно ретироваться из академии, досрочно разорвав контракт, успев, однако, получить командировочные на проезд плацкартой и питание в вагоне-ресторане...

Разговоры с Модным Котом всегда навевали на меня ностальгию. Воспоминания о прошлом приятно будоражат, особенно если связаны они с подвигами юности, когда, совершая ошибку, считаешь себя героем.

Этюд шестой

Ŧ

Только не говорите мне, что коты обожают вареный минтай, в замороженном виде приобретенный рачительными хозяевами небольших продуктовых магазинчиков, почему-то называемым «минимаркетами». Когда я учился в Высшей кошачьей школе маркетинга при нашем Президенте Мурзике Втором, опытные наставники обращали наше внимание на то, что маркетинг означает общение со всем только свежим, но еще никак не замороженным, убивающем витамины.

Моя сладкая дремота была резко прервана каким-то шумом.

- Рыжего замочили!..

Хриплый вопль Фенька заставил меня вздрогнуть и очнуться от раздумий о будущем вареного минтая.

Фенёк, возникший из-за помойного контейнера, тяжело дышал и нервно теребил лапой усы.

- Успокойся, дружище! – спокойно сказал я ему и потянулся, выгибая спинку. – Сядь и расскажи все по порядку.

- Короче, прикол! Я ему, блин, чуть не врезал за такой базар! Подумаешь, цаца беспонтовая! Да я ему за такие новости типа чуть не...

- Кому ему?

Далее постепенно выяснилось следующее. Оказывается, Фенёк сам только что узнал эту новость от Модного Кота. Тому, в свою очередь, об этом поведал один знакомый Крыс, которого соплеменники обвинили в оппортунизме и сепаратизме – и выгнали из подвала.

Несправедливо подвергнутый остракизму и обреченный на отшельничество, бедолага чуть не лишился рассудка и сгинул бы, если б не ... Рыжик! Именно этот крысоненавистник пожалел несчастного и, несмотря на видовые идеологические разногласия, приютил Отступника (так теперь звали Крыса). Растроганный до глубины души, носитель длинного облезлого хвоста (шесть дюймов, по его заявлению) поклялся в преданности всему Кошачьему виду и в первую очередь – своему рыжему спасителю...

И вот сегодня, задремав на завалинке конуры, где все теперь было на двоих, Отступник увидел странный сон (Рыжик в это время, оказывается, отправился в командировку на рыбную базу).

Они с Рыжиком типа идут по какому-то полусырому и холодному льду. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется Директор крысиной гимназии, а рядом его заместительница – молодящаяся крыска с приятной, но на редкость двуликой улыбкой. «Вы к кому? – Дальше нельзя!..». Крыс в недоумении оглядывается – Рыжик исчез...

Тут его сон прервался. Он приоткрыл один глаз. Вокруг было тихо. Ленивая луна отбрасывала печальные блики на помойный контейнер. Отступник вновь задремал...

Мне стало все ясно. Новообретенному представителю некогда враждебного вида все приснилось. Но молва везде молва, и ее предательский трезвон обычно и рождает то, что зовут «правдивой информацией» и что питает нашу достославную прессу. (Я давно уже отказался от посещения газетных точек, тем более что гламурные бюсты и бедра меня с некоторых пор не интересуют...). О, этот великий зазор меж замыслом и его словесным воплощением, подмеченный Урсулой ле Гуин! Как легко заполняется он тем, что предки человеческого вида прозвали как «лъжа».

Успокоив Фенька, я вновь погрузился в нирвану.

... Употреблять минтай в сыром виде после разморозки сложно, хотя и, в силу условий, весьма потребно, в виду своеобразного амбрэ, кое издает его безголовая тушка. Варка, которую осуществляла моя баба Лена, убивала частично запах, подобно тому, как волны гасят ветер; качество продукта от этого, естественно, не улучшается...

Мои размышления в этом довольно мирном направлении были прерваны появлением старинного приятеля – огненно-рыжего кота Персика, которого в нашем обществе все почему-то звали Огнепоклонником. Насколько я знаю, никакому огню он не поклонялся и вообще языческих склонностей у него не наблюдалось. Да это и понятно: поклоняться любым богам лучше на расстоянии от оных, если вообще делать это стоит. Верить нужно только в собственные силы, надеяться на свои уши, нюх, зрение, лапы, а также, естественно, на хвост. Ну и, соответственно, молить себя и собственную, как нас учили в академии, Independence...

Огнепоклонник, видимо, куда-то спешил, потому что слегка запыхался (что нам не всегда свойственно). Шерсть его вздыбилось, желтые глаза горели мартовским огнем, хотя на дворе стоял май.

- Вы слышали новость, Максимилиан? – начал он, даже не поздоровавшись. Я навострил уши, хотя, наученный опытом – и давним, и свежим, приготовился, как всегда, не верить Огнепоклоннику (сплетник он был известный).

- Максимилиан! – продолжал между тем Персик. – С Рыжиком проблемы... Он, говорят,

приказал долго жить в этом грешном мире.

Ну, вот. История повторяется. Они с Рыжиком, очевидно, недолюбливают друг друга. Мало того что колорит шуб конкурентный – они оба претендуют на известное лидерство в цвете, а амбиции, согласно древним грекам, губят, чего не скажешь о любви к Родине или к деньгам.

Я попытался сделать вид, что успокаиваю Огнепоклонника, и сообщил ему малую толику информации, которую извлек из недавно произошедшей политбеседы с Феньком о «вещем» сне Отступника. Огнепоклонник сделал удивительную морду, ахнул и побежал восвояси. Опять с кем-то сплетничать.

Я же почему-то вспомнил, как однажды, хватив валерьянки, Фенёк рассказывал, поджав ободранный в очередной «битве за просвещение» хвост, как его выгнали с треском из кошачьей начальной школы (она называлась до сих пор непонятным для него сочетанием «лицей ‘Финиш Мяу’»). Руководителям этого богоудачного заведения не понравились волнолюбие и пытливый ум кошачьего недоросля, который отказался от участия в самодеятельности и не захотел вступить в клуб любителей попечительского славословия.

Фенёк так и не окончил лицея, зато по выдворении из оного сочинил пасквиль на попечителя, начинавшейся словами, коими последний обычно завершал свои нравоучительные назидания: «Нужно нам это ли нет? Думаю, что нет...». Вариативность ударения в первом слове данного речевого финала не смущала юного ретранслятора-расстриги, и он упорно выделял конечный слог, упиваясь своей фотографической памятью...

Этюд седьмой

Ï

«Ich liebe sie, mein Katzchen!» Так в детстве мурлыкала мама, качая мою колыбельку в саду. Но то, что у нее в роду были земляки Гете, Шиллера, Вильгельма Пика и г-жи Меркель (die Kanzlerin Angela Merkel), я узнал позже, когда задумался о своем имени и его несомненной тайне. Как-то давно на досуге, отдыхая от напряженных занятий в академии, я довольно долго просидел в библиотеке за этимологическими словарями М. Фасмера, В. И. Даля, М. Преображенского и Н. М. Шанского (последний оказался, правда, школьным), а также за популярными периодическими изданиями, дабы проникнуть в «этимон» – тайну моего имени.

Максимилиан (так гласили словари и энциклопедии) – в переводе на кошачий это имя образовано от латинского Максим, что значило некогда «величайший» (maxumus). Применительно ко мне авторы популярной энциклопедии «Имена...» (М.: Айрис-Пресс, 1998. с. 249-251) Е. А. Грушко и Ю. М. Медведев утверждали, что я, по имени, происхожу из знатного древнеримского рода Эмилиев, а мои тезки были и святыми великомучениками, и поэтами (один из них прославился тем, что приобрел домик в Коктебеле и написал двустишие «И нет в мирах страшнее доли //Того, кто выпил боль до дна». Самое интересное, что я тогда узнал, было связано с моими приметами. Цвет моего имени – лиловый, благоприятное (для моего послеобеденного отдыха) дерево – серебристый тополь, заветным цветком моим является дикая гвоздика, камнем – талисман (узнать бы, как он выглядит!), ну а покровительствует моему имени лань – нежное создание с таким же удивительным, наверное, на вкус мясом...

Теперь, по прошествии стольких лун, я понимаю, что данное при рождении имя становится путеводной звездой Кота, определяя его жизненный путь и ведя за собой и в битвах, и в невзгодах, и в любовных радостях.

Этюд восьмой

S

- Слышь, братан, зря я его завалил, блин. Братва в шухере.
- Не баклань. Без базара, короче. Подумаешь – одной толстой крысой меньше.
- Не, в натуре, я в отрубе, Ну, типа, совесть мучит...
-Ха, у тебя че, отходняк начался? Вот прикол... Офигеть...

Фенек с сочувствием смотрел на здоровенного крысолова Рыжика, который являл собой жалкое зрелище: с его длинных белых усов капали слезы, а покрасневшие глаза растерян-

но бегали по сторонам, избегая сочувственно-презрительного взгляда друга.

Рыжик ночью нарушил-таки конвенцию с крысиной бандой и придушил одного красноглазого наглеца-альбиноса, который посягнул на кусок колбасы, с таким трудом выклянченный у жены кисловодского отставного оберпрокурора со второго этажа четырнадцатиэтажки, где когда-то жила Яна.

- Об чем речь? Об чем баклан? Ты хрень гонишь, братан! Остынь, – продолжал успокаивать Рыжика Фенек, слегка поводя хвостом. – Они же типа плодятся, чуть ли не каждый день! Базар у нас беспонтовый, в натуре.

-Ладно, кореш, заметано.

-То-то. Хочешь травки?

-Не, я завязал.

Рыжик действительно баловался травкой в юные годы. «The Green Years" англичанина А. Кронина он прочел, правда, позже, уже в подлиннике, – и не в переводе Норы Галь.

Эпизод девятый
М

Мадам выглядела явно моложе своего возраста. Конечно, свое веское слово сказал и красный мерседес, из которого она выпрыгнула – легко, даже проворно.

На шее у белой кошечки красовался оранжевый бант-поясок. Кокетливо семеня лапками и поигрывая пушистым хвостом, блондинка приближалась к нам. («Блондинка она, конечно же, крашеная, – констатировал сразу же я. – Но фигурка у нее ничего. Хотя сама не первой свежести... Да ладно, так сойдет, лишь бы не шумела...».).

Мадам была явно не в духе.

- Кто здесь Фенек, или как его там? – начала она довольно резко. Фенька, понятно, уже давно и след простыл – видать, почуял, чье мясо съел. Мы с Модным Котом переглянулись.

- Вот наглец! – продолжала незнакомка. – Он еще обещал мне коробку скоростей отрегулировать. Сказал, что живет возле помойки, которая у нового аптечного ларька...

Она близоруко щурилась и нервно теребила сумочку из крокодиловой кожи.

Ну и Фенек! (Модный Кот даже чуть не уронил с носа черные очки).

Он еще, оказывается, и в машинах разбирается! В иномарках! С его неоконченным начальным...

-Извините, мадам, – произнес я как можно вежливее, – но того, о ком Вы изволите говорить, здесь никогда не было. Вы что-то путаете.

- Кто, я? Я – путаю? Не смешите мои тапочки! Передайте этому наглецу, что я прощаю ему его долг! Альфонс!..

И она, грациозно взмахнув хвостом, повернулась на каблуках и направилась к своей красной машине.

Позже Фенек сознался, что выклянчил у нее на пиво стольник, пообещав отремонтировать машину.

Этюд десятый
Σ – дифтонгическое

«Если завтра война, если завтра в поход...», – напевал вполголоса Огнепоклонник, помогая своей мордой толкать старую детскую коляску с портативным телевизором марки «Рубин», выброшенным на помойку поршневиком с шестого этажа, обзаведшимся Philips'ом с полутораметровой диагональю, а заодно – и новой «тарелкой». Основным толкателем выступал, правда, могучий Рыжик, своей мощной грудью приближая добычу к заветному углу обитания Фенька. Сбывалась давняя розовая мечта неудачника-крысобоя – подарить другу телевизор, дабы мог он по НТВ наблюдать своего мифического друга-моряка, рекламирующего заветную семгу, и не унижался у парадного подъезда местных провизоров.

«Да, как хорошо, что мечты – если по-настоящему их желать! – все-таки сбываются!.. Мир не без добрых котов», – размышлял Рыжик, который, в отличие от своего сводного бра-

та Пушка, никогда бы не согласился стать носителем блошиного ошейника – знака то ли Высшей кошачьей Доблести, то ли унижения.

Между старым дощатым забором частного домовладения и гаражом Потапыча, местного светила в области автомеханики, Фенёк соорудил себе нечто вроде апартаментов, в глубине которых вскоре и разместилось чудо телетехники середины прошлого века.

Вечером на голубой огонек собралась вся наша компания. Одуревшего от счастья Фенька было не узнать: он светился, как пасхальное яичко. Конечно же, сразу включили канал НТВ. Шел очередной ментовский сериал, поэтому заветная реклама «Даров моря» не заставила себя долго ждать. С появлением румяного усача Фенёк замер и весь превратился в слух. Все коты притихли, а Огнепоклонник даже попытался сделать умную морду, чем вызвал легкую снисходительную усмешку Модного Кота. Слегка отвернувшись, хозяин авангардисткой шубки изрек сквозь клыки:

- Странно, однако, юноша, что Вы тоже...

Договорить ему не дали: странный вой прорезал сгустившийся сумрак и резко оборвался. Взоры наши устремились туда, откуда он донесся, – к помойному контейнеру. Там явно происходило что-то ужасное.

Мы бросились туда. Прямо за контейнером на спине лежал Отступник, растопырив лапы и беспомощно откинув в сторону свой голый длинный хвост. Судя по всему, Крыс был без сознания.

Этюд одиннадцатый
Ɒ

Наш новый друг Крыс, он же Отступник, действительно потерял сознание прямо возле дома Фенька. Узнав о приобретении телевизора, он поспешил сюда, но буквально на пороге был замечен изрядно подвыпившим Потапычем, шедшим из своего гаража домой на отчет к вернувшейся с вещевого рынка «Лира» супружнице и давно уже мечтавшей пообщаться с муженьком на вечную тему «Опять надрался, скотина?».

Потапыч, завидев крысу и отрезвев в односекундье, схватил лежавший неподалеку булыжник и метнул его, как гранату, в бедного Отступника. Удар пришелся, слава Богу, ниже спины, но и этого хватило, чтобы несчастный рухнул, как подкошенный, под радостный вопль метателя. (Этот-то вопль и потряс зрителей рекламы на НТВ.)

Отступник, бережно уложенный на спальное ложе Фенька, состоявшее из сухих прошлогодних листьев и тряпок, пожертвованных сердобольной бабушкой Яны, пришел в себя и болезненно морщился, потирая лапой бок чуть ниже хребта. Там, как установил его приятель Рыжик, образовалась большая гематома, и Огнепоклонник взялся сделать Отступнику компресс. К счастью, рекламу с румяным усачом повторили, и на бледной крысиной морде появилось слабое подобие улыбки.

Господи, подумалось мне, как все-таки мало нам всем надо от жизни!.. Вот, к примеру, я сам в бытность свою молодым наслушался лекций в своей академии о вкусной и здоровой пище и потом грезил, как меня угощают – прямо из холодильника! – молодой холодной курятиной. Да, мечтать не грех, конечно, однако жизнь показала, что молодую, а тем более охлажденную курятину надо выстрадать, подчас продавая главное, что есть у тебя, - свободу, честь и независимость...

Этюд двенадцатый
финальный
Ŧ

Тишина наступившего вечера опускается на микрорайон «Минутка», что в курортном городке на Кислых Водах. Тишина уже утратившего свой временной статус майского дня. Тишина, обещающая отдых в ночной прохладе под шелест орехов, каштанов и ив. Тишина, возлюбленная и нет, отрадная и не очень, но все же тишина. Silentium...

Я очень люблю, когда наступает это время. Наше время. Кошачье. Его порядок не нарушить постоянному шуршанию шин по асфальту находящегося поблизости проспекта. Недавно его благоустроили за счет средств федерального бюджета, сотворив инкрустированные цветным заморским каменьем тротуары с бордюрами и газонами с травкой и подстриженными кленами.

Но шума на трассе меньше не стало. Впрочем, меня лично эти звуки автодвижения даже убаюкивают. Сквозь легкую дрему («Котик не спит – котик отдыхает!») я обоими ушами, носом и еще чем-то, что находится внутри меня, впитываю преобразившийся ночной мир, и в сознании моем одна за другой рождаются видения – фрагменты кошачьей картины мира. Вполне понятно, что выражаю я их внутри себя на своем, кошачьем, языке, который несколько отличается от человеческого. Дело в том, что он невербальный, а ментальный, образно-символический. То, что я поведал в своем дивертисменте, – это первая попытка передать то величие, ту мощь нашего древнего мировосприятия, которое завещали всем фелинусам наши могучие предки.

Когда-то очень давно они прилетели со звезд и стали Наблюдателями на молодой планете, третьей по счету в системе РА, именуемой ныне Солнечной.

Много молока утекло с тех пор, много рыбы съедено. Появление «Wiskas» ничего не изменило в процессе нашей, увы, не эволюции, а мутации. Homo Sapiens, появившийся здесь много позже, оказался более живучим видом, хотя ныне и он себя исчерпал и дни его сочтены.

Я гляжу в синее кисловодское небо и нахожу созвездие Желтого Кота. Там есть едва заметная даже невооруженному кошачьему глазу двойная звезда-карлик. Это солнце наших великих предков.

В особо хорошие, тихие и лунные вечера мы собираемся с Аришей, Лизой и Джесси и гуляем вдоль небольших аллеек возле нашего дома и помойки Фенька.

Голубоватый свет лунного светила согревает холодным блеском окрестности и рождает слюдяной отклик в глазах Лизы и Джесси. Мы неторопливо дефилируем, изредка спотыкаясь о неровности асфальта и булыжники, и мечтаем вслух о грядущем нашей великой родины, которая вступила на путь инновационных преобразований. Джесси как-то стыдливо-креативно поджимает свой хвост, а Лиза, торжественно перебирая лапками, напротив, следует принципами вертикального хвостового моделирования. Этот расклад вполне удовлетворяет всех. Даже луну, которая, при виде этих хвостов, льет свой свет намного более ласково...

Так мы гуляем час, другой, пока луна не заполняет своей желтизной деревья и кустарники, растущие возле нашего дома. От небесного светила протягивается дорожка яркого света, но всякий раз, когда я предлагаю моим спутникам пройтись по ней, они отказываются. Впрочем, однажды Лиза согласилась было, и мы, дружно взявшись за передние лапы, вступили на слегка мерцающую полоску лунного света. Было совсем нестрашно, но Ариша почему-то слегка вскрикнула, завидя, как мы оторвались от земли (Джесси при этом странно зарычала). Свет от дорожки начал тускнеть, а потом и вовсе пропал – луна внезапно скрылась за тучи. Мы с Лизой ощутили лапами землю, накрытую травой. Прогулка по лунной дорожке завершилась, так, по сути дела, и не начавшись.

Больше мы подобных попыток не предпринимали и гуляли, прочно чувствуя почву под собой, хотя я не раз замечал, как в желтых зрачках дивных Лизиных глаз появляется какой-то особенный блеск, когда она смотрит на луну и тянущуюся от нее дорожку с загадочным свечением.

Эпилог

Последний аккорд... Фенёк бросил курить и злоупотреблять алкоголем – насмотрелся титров в рекламе. Что же есть TV – добро или зло? Феньку скоро идти к офтальмологу – пришло время «приобресть очки», однако бегущая строка «Чрезмерное употребление алкоголя (равно как курение) вредит вашему здоровью», видимо, сотворила свое доброе дело. *Quo vadis?*

И еще. Место наших встреч изменить все-таки придется. Хозяину аптечного ларька вчера приснился сон, в котором ему было Высочайше указано на то, что возле его частной аптеки стоят два мусорных бака. Антисанитария, понимаешь. Сегодняшним утром контейнеры были увезены в неизвестном направлении, и Фенёк остался, что называется, «без прикрытия».

В четверть восьмого вечера мы все встречаемся у меня в подвале, чтобы определиться с новой явочной квартирой, а заодно – с заселением Фенька. Надо же ему где-то жить?! Впрочем, он зачем-то полчаса назад попросил у меня ручку и лист бумаги. Неужели решил писать резюме и податься восвояси?

Вот тебе и *quo vadis.*

Константин КАСПАРЯН

Каспарян Константин Викторович (1979 г.р.). Родился в Пятигорске, с отличием окончил англо-немецкий факультет Пятигорского государственного лингвистического университета. Работал преподавателем английского и немецкого языков в Предгорном районе Ставропольского края. В 2006 году защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Отечественная история». С 2004 года – преподаватель кафедры отечественной и зарубежной истории ПГЛУ. С 2007 года – научный руководитель клуба любителей истории «Реки времени».

***

– Встаньте, дитя мое, – ласково сказала королева Биркола принцессе, присешей в реверансе. Сенкильда выпрямилась, и застенчиво улыбнулась. Дочь короля Люнкурда – крохотного королевства, граничившего с Реминией, внушала королеве симпатию. Отец отправил девочку ко двору могущественного соседа в надежде, что она получит там образование, которое он ей был не в состоянии дать. Кроме того, он оградил ее от интриг – соседние государи прочили ее в невесты своим сыновьям, а он не хотел превращать ее в игрушку...

– Ваше Величество, я не увидела за завтраком ваших сыновей, – пролепетала девушка, краснея. Биркола спрятала улыбку: «Сыновей». Старший ее не интересовал, его она побаивалась. Зато, увидев Рултана, расцветала, как роза. Немудрено – младший сын очень добр к ней. А девочка, даром, что ей только пятнадцать, разбирается в людях, она разглядела за грубоватой внешностью Рултана его чистую душу. Старший сын, увы, слишком надменен и самоуверен. И его яркая внешность ничуть не привлекает эту темноволосую большеглазую принцессу.

– Улун навещает бабушку, а Рултан уехал с отцом на охоту. Вот-вот должны вернуться.

В глазах Сенкильды мелькнул испуг:

– На охоту? Дикие звери опасны! И, – она запнулась, – первые не трогают. Жалко...

– Ну,- эти двое только горят, что едут охотиться. Слуги и охрана ждут их, а они исчезают куда-то. Так что, не бойтесь, Сенкильда, с Рултаном... с ними ничего не случится.

– О да, матушка, – на пороге возник наследник. – Мои брат и отец, храни их всевышний, всегда будут в добром здравии.

Принцесса нахмурилась.

– Сенкильда, что с вами? Я вас напугал?

– Нет, – пробормотала девушка.

– Полно, я не чудовище. Матушка, а где моя возлюбленная сестра?

– В беседке, общается с княжной Вэрдунской.

– Благодарю вас, Ваше Величество.

Когда он ушел, Сенкильда робко сказала:

– Он такой... властный.

– О, да. Но он неплохой. Просто дед внушил ему, что он должен быть выше других – ведь будущий король...

– Но ведь Его величество не такой...

Голос Бирколы потеплел:

– Не такой. Знаете, дитя мое, когда меня привезли сюда, мне было всего семнадцать. Я была в отчаянии – меня брат отдал за иноземного принца, которого я никогда не видела. Брат-то был страшно доволен – Реминия уже тогда была сильнейшей державой Севера. А я... Свекор и свекровь оказались людьми весьма суровыми, а жених показался жутко некрасивым, в отличие от его младших братьев. Когда он пришел ко мне в спальню, я заплакала. Он подошел ко мне, вытер слезы платком и тихо сказал:

– Сударыня, если я вам столь противен, я не прикоснусь к вам. Отец ждет внуков от нашего брака, ибо ваш брат бездетен, и наши будущие дети могут унаследовать Лабунию. Но, клянусь вам – я не буду вас принуждать. Если же что-то вам понадобится, я всегда приду. А сейчас спите!

Так продолжалось несколько месяцев. Его грозный отец все понял (или ему доложили вездесущие фрейлины), они с королевой давили на него, а вы, Сенкильда, должно быть, знаете, что под взглядом моего свекра никто не мог устоять. Никто, кроме Улуна.

Я общалась с ним, и постепенно понимала, что внутри он лучше всех своих красавцев-братьев, добрый, умный, внимательный, надежный. Я и сама не заметила, как полюбила его, а он – меня. Тогда-то мы и стали мужем и женой по-настоящему. А потом король Рултан забрал нашего первенца. Мне тогда было очень больно и плохо, но муж помог мне это вынести...

Голубые глаза королевы затуманились, на губах промелькнула мечтательная улыбка.

– А Рултан, он ведь на отца похож, – спросила девушка несмело.

– Нет, – покачала головой королева, – не просто похож, он его повторение. Только отец при своей доброте может быть строгим, даже жестким. А Рултан излишне мягок.

– И ничего его не интересует, кроме книг, охоты, фехтования и прочей ерунды, – с досадой заметила принцесса Люнкурдская, поправляя свои короткие – по моде королевства Лесов (как называли на Севере Люнкурд), волосы.

Королева посмотрела на Сенкильду, а потом покосилась на гобелен, изображающий девушку верхом на коне:

– Ваше Высочество, вы вот, например, увлекаетесь верховой ездой.

– Да, – девушка с вызовом вздернула курносый носик, – я знаю, что принцессе это не подобает, но...

– Ох, – вздохнула королева, – слава Всевышнему, мой супруг не ограничивает вас такими условностями. В этом нет ничего неприличного. Если вам не интересно общаться с моей дочерью и княжной Унварой, я вас не заставлять не буду.

– Мне неинтересно? Скорее им. Они меня открыто называют дурнушкой и грубиянкой.

– Кейшена пошла в бабушку, тут я ничего не могу поделать, сколько я ей не говорю. Но знаете, им ведь тоже по пятнадцать. Повзрослеют, поумнеют...

При этих словах королевы Сенкильда скептически поджала губы...

***

– Этот амадийский эмир весьма недурен, жаль, что он варвар,- хихикнула Унвара. Княжна Вэрдунская, внучка старого князя Телькона, уже успела прослыть первой красавицей домберского двора, несмотря на юный возраст. Красивое, нежное лицо, голубые глаза, густые белокурые локоны, ниспадающие на точеную шею... Многие дамы ненавидели ее за это. Юная принцесса Кейшена тоже была красива, но рядом с подругой выглядела простушкой. Однако это ее не удручало – ей, старшей внучке Рултана Великого, единственной дочери короля, непременно предстояло стать женой короля или наследного принца. А прекрасную Унвару ждет, в лучшем случае, реминский князь или лабунский граф. Поэтому Кейшена позволяла себе разговаривать с княжной покровительственным тоном:

– Фи, Унвара, именно, что варвар. Да еще и старый – ему все тридцать.

– Грубый, неотесанный и ничтожный, – угодливо добавил сидевший рядом князь Трэйский.

– О да, – насмешливо сказала княжна, – а еще до невозможности глуп, чего не скажешь о вас, Юлгерд!

Девушки захохотали, а простодушный Юлгерд, не поняв насмешки, польщенно улыбнулся и посмотрел на принцессу полными обожания глазами.

Восемнадцатилетний Юлгерд был сыном князя Юнгорского, одного из пэров королевства. Мамаша князя Трэйского вбила себе в голову, что принцесса была бы подходящей партией для ее ненаглядного сыночка. Это упрочило бы позиции семейства Илгунисидов при дворе. Княгиня Норлина полагала, что король Улун не будет возражать – князья Юнгорские

богаты, род их не менее знатен, чем королевский, к тому же, Илгунисиды родственники Рогулидов – первая королева Реминии, Вантура, супруга Лума Объединителя, была дочерью князя Юнгорского.

Юлгерд целыми днями пропадал у принцессы. Матушкины указания он выполнял прилежно, но, похоже, действительно влюбился. Принцессу это забавляло, хотя внучке Рултана Великого не пристало выходить замуж за простого князя. Да еще такого долговязого, прыщавого и глуповатого. Но иметь при себе добровольного пажа, над которым можно вволю позубоскалить – почему бы и нет?

– Да у вас тут весело, – заметил наследник, заходя в беседку. Он поцеловал руку сестре, небрежно кивнул на приветствие князя и бесцеремонно уставился на Унвару. Та потупила взор, но Улун-то знал – скромница из нее, как из Юлгерда ученый муж. Он усмехнулся своему сравнению.

– А у матушки, скажу я вам, веселая компания, – сказал принц вслух.

– Люнкурдская Лошадница? – осведомилась княжна, заработав одобрительный взгляд наследника.

– Да, сударыня. Хотя я-то ее называю Мальчиком.

– Из-за прически, – понимающе кивнула Унвара.

– И не только, – осклабился Наследник Двух корон.

Девушки засмеялись, а князь Трэйский недоуменно почесал затылок...

– Наш умный друг, как всегда, ничего не понял, – прыснула в кулачок Кейшена. У Юлгерда был такой вид, что он вот-вот возопит от отчаяния. Наследник снизошел до объяснения:

– А как прикажете ее называть, приятель? Носится на коне взад-вперед, прическа, как у юноши, да и фигура...

Юлгерд глупо хохотнул – до него явно дошло.

– И в кои-то веки я радуюсь, что батюшка не любит нас принуждать, – продолжил принц, – заставь он меня на ней жениться, я бы волком завыл!

Унвара сочувственно кивнула. Улун усмехнулся: «Да, эта красотка явно не прочь стать княгиней Нортагунской, а потом-королевой. А что? У короля должна быть такая жена, чтобы все завистливо вздыхали. Ни у одного подданного не должно быть жены красивее. Что ж, неизвестно, как оно все сложится. А пока можно навестить госпожу Анфагу. Вдовствующая баронесса Штейская явно по мне соскучилась».

Улыбаясь своим мыслям, он ушел. Кейшена, поймав взгляд Унвары, смотревшей вслед ее брату, неожиданно ехидно заметила:

– Зря глазки строишь, подруга. Мой брат не про тебя, он не на каждую принцессу взглянет!

– О, да, – смиренно ответила княжна. Будь Кейшена поумнее и понаблюдательнее, она бы заметила опасный блеск в глазах Унвары...

... Королева укоризненно качала головой, глядя на распухшее ухо младшего сына:

– Ну как ты мог упасть с лошади, Рули?

– Это моя вина, дорогая, – смущенно сказал король.- Я слишком торопился вернуться к тебе, и гнал коня. Рултан лишь хотел за мной угнаться.

Биркола нахмурила брови в притворном гневе:

– Ох, знаю я вас, хитрецов! Покрываете друг друга.

Рултан молчал, наливаясь краской, и искоса смотрел на Сенкильду. Эту девочку он знал уже пять лет – с тех пор, как ее привезли в Домберн. Пробыв год в Лабунии, он по возвращении обнаружил, что все чаще и чаще посматривает на подругу детства. И каждый раз себя осаживал, видя, как вспыхивает девушка при появлении его брата. Еще бы, от его взгляда и взрослые дамы млеют. Она умная, сильная, смелая. Куда там ему...

– Я слишком сильно пришпорил коня, матушка, – промямлил князь Релметерский.

– Да, а кони тоже чувствуют боль, как ни странно, – сердито сказала девушка. Рултан поник – ну вот, опять она ворчит. И что он ей плохого сделал?!

Гвардейский сотник вошел в комнату:

– Государь, канцлер Феркулид просит принять его!

– Зовите, Ланиор.

Зиволондор, казалось, постарел лет на десять.

– Вижу, вы все знаете, раз не спите в столь ранний час? – удивился он.

– Нет. А что случилось? – все веселость мигом слетела с Улуна Первого, разом превратившегося из отца семейства в короля Реминии.

– Эмир Иктуф убит!

– Что?! – в один голос вскричали отец и сын.

– Все его слуги и помощники перебиты. Его нашли в спальне зарубленным. А рядом троих убийц – эмир был хорошим воином... Самое скверное, что наши гвардейцы, охранявшие особняк посла, были кем-то опоены, – канцлер устало опустился в кресло. – Вот так, мой мальчик. Все наши труды пошли прахом. Да, и еще ночью был убит брат Тентор. Кому это могло понадобиться, ума не приложу!

Король и принц многозначительно переглянулись.

– Немедленно созывайте Королевский Совет, господин канцлер, – официальным тоном повелел монарх.

– Иду, государь, – склонил голову князь Февирский.

***

Члены Совета отреагировали на зловещую новость по-разному. Казначей, похоже, решил, что война теперь неизбежна, и теперь прикидывал, во сколько она обойдется. Наследник и коннетабль выглядели озабоченными. Рултан Слэригунский кипел от негодования. Его любимый дядюшка любовался перстнями на своих руках. Остальные подавленно молчали.

– Мессиры, – глухо сказал король, – совершено чудовищное преступление. Его тень падает на всех нас, хотя прежде всего - на меня. Нужно быстро решать, как уладить ситуацию. При таких условиях наши союзники не будут вмешиваться в войну. Наша честь запятнана. Мессир Кулгоний, какие меры предприняты?

Юстициарий поднялся, бледный и напряженный:

– Пока что личности убийц, которых сразил посол, не установлены, Ваше Величество. Однако новый начальник городской стражи только что сказал мне, что единственный выживший слуга Иктуфа запомнил двух здоровенных молодцов с рыжими волосами...

– Лагутты, – недоверчиво молвил король. Канцлер покачал головой – кому понадобилось нанимать этих бесшабашных могучих воинов, уроженцев Дикого Севера?

– Скорее всего, государь. А еще ими распоряжался всадник, с головы до ног закутанный в плащ. Помните тот случай с деревнями, сожженными амадийцами?

Зиволондор почувствовал себя неуютно – как и тогда, ему показалось, что один из присутствующих вздрогнул. «Или я спятил на старости лет, или дело совсем плохо».

– Государь, – канцлер сплел пальцы, – мне кажется, что тот, кто приказал убить посла и натравил амадийцев на наши деревни, находится здесь, в этом Зале!

Рултан Слэригунский вскочил:

– Да как вы смеете, канцлер? Вы обвиняете в столь гнусном злодеянии нас, принцев и высших сановников? Будь вы моложе, я бы принудил вас извиниться!

– А почему вы так возмущаетесь, Ваше высочество? – вкрадчиво спросил князь Февирский. – Я не побоюсь заявить, что вы как раз заинтересованы в таком повороте событий.

– Каким образом? – не менее вкрадчиво осведомился князь Вольвиенский, успокаивающе положив руку на плечо разъяренного племянника.

– Все очень даже просто, – спокойно ответил канцлер. – Его высочество Рултан жаждет подвигов, войны с Амадистелем. И он же угрожал Иктуфу, если кто забыл.

– Я вызывал его на поединок, – проревел Первый Принц Крови, стряхивая с плеча руку дядюшки. Канцлеру показалось, что его вот-вот растерзают на мелкие кусочки. Но своего он добился...

– Я не могу обвинить Первого Принца Крови, но я обязан был высказать подозрения, у меня возникшие.

– Только Новым придет в голову обвинять брата короля, – гневно процедил принц Жерун и зашелся в приступе кашля.

Король поднял руку, призывая к тишине:

– У нас есть выход. Кто-то из нас, мессиры, должен отправиться к Фельрунгу, и объяснить ему, что мы найдем и покараем убийцу. Но посланцу придется побыть в роли заложника. Я никого не хочу посылать на возможную смерть, поэтому...

– Ну, уж нет, – решительно заявил обычно помалкивающий принц Инвенгур. Он поднялся во весь свой рост, гигантский даже для его рода:

– Государь, брат мой, пошлите меня!

Канцлер вздохнул:

– Ваше высочество, вы – воин. Отважный, благородный. А нам нужен человек красноречивый.

– Сами поедете, канцлер, – съязвил Лум Вольвиенский.

– Исключено, – заявил король, – канцлер должен руководить дипломатией в целом.

– Позвольте мне, сир, брат мой!

Улун вздрогнул. Килмист, дорогой младший братишка, единственный друг среди всех шести братьев! Между Улуном и Килмистом была разница в пятнадцать лет, и князь Аргуззский вырос на руках старшего брата, фактически заменившего ему отца, слишком занятого государственными делами.

Зиволондор покачал головой. Он понимал, как больно сейчас его воспитаннику, но выхода не было. Килмист – принц, он умен, владеет амадийским, уже не раз бывал в Ильгидуне. Скорее всего, он уже не вернется к жене и двум маленьким детям. Жаль, что старая королева отсутствует. Может, она бы перестала говорить, что ее сыновья недостойны отца...

Король посмотрел на Килмиста глазами раненого оленя. Принц ободряюще улыбнулся.

– Быть по сему, – с натугой выдавил Улун Первый. Князь Аргуззский отвесил поклон:

– Государь, готов ехать в любое время.

– Мы поговорим с вами об этом чуть позже, брат мой. Мессиры, необходимо учитывать все обстоятельства. Господин коннетабль, вам надлежит выехать к войскам и начать проверку их готовности.

– Сир, думаю, четырех-пяти полков, посланных к амадийской границе, будет более чем достаточно, – вмешался Рултан Слэригунский, не дав старику-коннетаблю и рта открыть.

Бергон округлил глаза:

– Ваше высочество, двадцати-двадцати пяти тысяч воинов – мало! Амадийцы могут выставить до ста тысяч, а то и больше.

Первый Принц Крови отмахнулся:

– Да полно вам, князь! Откуда им столько взять, когда у них война с Лурфонией намечается? А у нас там десять тысяч в гарнизонах. И если туда прибудут пять полков... Да и о чем вы? Наша армия била этих варваров не раз, численное преимущество им ничего не даст!

Старый Бергон прищурился:

– Ваше высочество, амадийцы – это не курусианцы и не фентурийцы, с которыми вы воевали. Они будут драться до последнего, презирая смерть. Не стоит их недооценивать.

– Старость сделала вас трусом, – презрительно бросил Первый Принц Крови. Король внимательно посмотрел на него:

– Брат мой, коннетабль прав. И я не позволю безнаказанно оскорблять соратников нашего отца. Немедленно извинитесь!

Князь Слэригунский поднялся, пылая от гнева:

– В последний раз вы устраиваете мне подобную выволочку, государь! Сын Рултана Великого не будет просить прощения за то, что говорит правду! Я отказываюсь присутствовать на заседаниях Совета!

– Я подожду, пока вы одумаетесь,- спокойно ответил Улун Первый. Глаза князя Слэригунского налились кровью:

- Вы еще пожалеете об этом!

Наследник вскочил:

– Дядя, вы переходите все границы! С королями так не разговаривают!

– Да что ты, – недобро усмехнулся Первый Принц Крови, направляясь к выходу. – Мальчик, ты-то пока еще не король, так что помалкивай! Всего хорошего, мессиры!

Он хлопнул дверью с такой силой, что задребезжали стекла.

– Сир, племянник мой, позвольте мне с ними поговорить, – Лум Вольвиенский выглядел очень расстроенным.

– Не сейчас, дядя. Он – взрослый человек, нечего за ним ходить. Но он действительно отстраняется от присутствия на Совете. Кулгоний, озаботьтесь подписать соответствующий указ. Мое терпение лопнуло.

– Брат мой, Рултан погорячился, – пробормотал Инвенгур примирительно.

– И не в первый раз, – отрезал король.- Разговор окончен. Мессиры, предлагаю и заседание Совета на сегодня закончить.

Канцлер подошел к кабинету воспитанника, обуреваемый сомнениями: «А прав ли я? Мало чего там мне, старому дурню показалось? Ведь никаких доказательств. Впрочем, Улун – умный мальчик, вот пусть и думает. Хотя это причинит ему страшную боль...».

Из кабинета короля послышались женские рыдания. Зиволондор заглянул и увидел плачущую Бирколу, которую нежно обнимал муж.

– Что случилось, Ваши Величества?

Король молча указал ему на свиток, лежавший на столе. Канцлер взял его и пробежал глазами: «Его Величеству, королю Реминии Улуну I, от канцлера Лабунии, графа Игуальского.

... Ваш шурин, наш милостивый король Гормул Четвертый скончался седьмого файсерта *(месяц, соответствующий июлю – примечание автора)*, о чем я вам с прискорбием сообщаю... Ваш старший сын, согласно законам нашего королевства и по воле почившего государя отныне является королем Лабунии. Ему надлежит прибыть в Юлкорду на коронацию, в сопровождении своего младшего брата Рултана, который теперь является наследником лабунского престола и обязан присутствовать на коронации ...»...

Канцлер сжал кулаки: «Все сходится!»

– Улун, нам надо поговорить.

– Не сейчас, учитель, – король взглядом указал на плачущую жену.

– Нет, именно сейчас...

В кабинет вихрем ворвался наследник:

– Отец, вы хотели меня видеть?

– Да, сын мой... Биркола!

Королева мягко осела в кресло, лишившись чувств.

– Лекаря, – рявкнул наследник. – Эй, кто-нибудь!

За дверью послышался топот-кто-то ринулся исполнять приказ. Глядя на бесчувственную королеву и хлопочущего вокруг нее короля, канцлер сжал кулаки: «Бира, девочка моя, как не вовремя»!

Светловолосый мужчина средних лет с щеголеватыми усиками стремительно влетел в кабинет. Осмотрев королеву, он повернул лицо к Улуну:

– Государь, Ее Величество скоро очнется, но ей нужен покой. Лучше всего отнести ее в спальню.

Король коротко кивнул и, подхватив жену на руки, вышел. Лекарь, всплеснув руками, кинулся следом. Обеспокоенный наследник пошел за ними. Зиволондор несколько минут отрешенно рассматривал роковой свиток. Затем, отчаянно ругаясь, направился в двери. И тут что-то ударило его по голове, и наступила тьма...

***

Улун Старший прикрыл за собой дверь, и повернулся к сыновьям.

– Как матушка? – обеспокоенно спросил Рултан, опередив младшего брата.

– Хвала Всевышнему, она в порядке. Спит.

– Рад, что государыня в здравии, – сказал Улун Младший официальным тоном.

– Ну почему ты всегда притворяешься черствым? – вздохнул отец. – Ведь быть добрым...

– Доброту оставьте моему брату, – упрямо мотнул головой наследник.

Рултан хотел что-то сказать, но тут из-за угла вылетел паж:

– Ваше Величество, там, там...

Улун Младший шагнул к нему, и залепил пощечину:

– Барон, ведите себя, как подобает, и говорите толком!

Подросток испуганно ойкнул, но в чувство пришел:

– Государь, канцлера Феркулида нашли у вашего кабинета с пробитой головой.

– Не может быть, – хором воскликнули оба Улуна, а Рултан потрясенно вздохнул.

– Как это проглядели стоявшие в коридоре стражники? – король был в явном недоумении.

– Их нашли убитыми, государь, – сказал подошедший барон Уктэнский, командор гвардии. Он был поразительно похож на членов Королевского Дома, не хватало лишь бороды и усов. Барон был Рогулидом, но не королевской крови – его предок доводился младшим братом первому королю – Луму Объединителю.

– Канцлер жив, но не приходит в себя, сир, – продолжил командор. – Мы положили его в одной из спален...

– Идем к нему, – бросил король. Сыновья последовали за ним.

– Творится Гордецы знают что, – возмущенно заявил наследник, пока они шли по узким гулким коридорам Рогулара. – В королевском дворце убивают гвардейцев, покушаются на канцлера...

– Что-то тут не так, – задумчиво сказал король, – гвардейцы слишком опытные воины, чтобы не заметить подкрадывающегося к ним убийцу. Значит, он был им знаком, и они ничего не заподозрили, как и Зиволондор. Он что-то хотел мне сказать. Но что?

– Будем надеяться, что он скоро очнется, и мы все узнаем, – зловеще процедил Улун Младший.

– Теперь, Ваше Величество, – прогудел шагавший впереди командор, – я буду охранять вас днем и ночью! Вы меня не слушали!

– Прости, Фалсон. Меня охранять не надо. А вот Бирколу и детей...

– Жизнь короля превыше всего, – отчеканил наследник, в его глазах застыла тревога.

– Государыню, принцев и принцессу будем охранять тщательнее тоже, конечно, сир. Но больше всего – вас...

– Отец, ты должен послушать мессира Фалсона, – взволнованно сказал Рултан, а его старший брат кивнул головой...

***

Он так и не пришел в себя, – огорченно сказал король. – Уже который день лежит в бреду. Мой учитель и друг...

Рултан оторвался от созерцания пейзажа за окном:

– Отец, я не хочу ехать в Лабунию. Пусть Улун едет один. Я нужен тебе здесь! Канцлер болен, дядя Килмист уехал в Амадистель. Ты останешься совсем без поддержки.

Улун Первый обнял принца за плечи:

– Сынок, я смогу за себя постоять, не бойся. А если вы уедете, то, возможно, уйдете из-под удара. Охранять вас Фалсон определил тысячника Кронда. Лучше него – только сам командор. Жаль, мать и сестра не могут последовать за вами...

– Что говорит юстициарий? – наследник поджал губы.

– Ничего, сын мой. Допрошены караульные, слуги, пажи. Никто не видел посторонних.

А значит...

– Что убийца – кто-то из постоянных обитателей дворца, – мрачно договорил за отца наследный принц. Рултан округлил глаза:

– Но как это возможно?

– Очень просто, мой наивный братец. Кому-то очень хочется стравить нас с Амадистелем. Канцлер это понял, вот его и...

– Стравить с Амадистелем? Но зачем?

– Ох, братишка, ты – умен не по годам, – ухмыльнулся наследник.

– Ну хватит, Улун, – прикрикнул король. – Стравить, Рултан, для того, чтобы повоевать всласть, добить «Южного Зверя». Для этого и Иктуфа убили...

В комнате наступила гнетущая тишина. Рултан Великий грозно взирал с портрета на стене на своего сына, недовольный его недогадливостью.

– При деде никто бы не посмел сотворить такое, – зло процедил Улун Младший.

– Ты прав, – согласился король. – Но я – не он.

– Вы слишком мягки, отец.

– Оставим этот разговор. Вам предстоит долгий путь. В это раз – никаких придворных. Сейчас я никому не могу доверять. Только двести гвардейцев, повар, лекарь и секретарь. Все трое – не из дворца. Кстати, – тут Улун Первый улыбнулся, – секретарь ждет за дверью. Вам пора с ним познакомиться.

Король позвонил в колокольчик, и в комнату вошел молодой чиновник в темном одеянии.

– Ваше Вели...

Он умолк на полуслове и обалдело уставился на короля:

– Мессир Биндер?

– Кольстен, рад тебя видеть, – улыбнулся Улун Первый. – Архивариус порекомендовал тебя, как человека добросовестного и умелого. Ты будешь сопровождать моих сыновей в Юлкорду.

– Почту за честь, – выдавил Кольстен. Рултан подошел к нему, и дружески пожал руку:

– Прости за обман, Кольстен. Нам иногда так хочется пообщаться с народом, не называя себя.

Король утвердительно кивнул. Наследник возвел очи горе-отец и младший брат неисправимы. Мало того, что они шляются, где попало, это теперь понятно, но еще и извиняются перед простолюдином, жалким безродным чинушей...

Королевская площадь была запружена народом. Принцы покидали столицу и простонародье, любившее короля, любило и его сыновей. Летнее солнце ярко осветило каменную мостовую и шпили башен королевского дворца. Несколько сотен гвардейцев, сияя позолоченными доспехами, стояли по краям площади. Среди провожающих не было канцлера – он по-прежнему был без сознания. Бледная, исхудавшая королева Биркола стояла, опираясь на руку принцессы Сенкильды. Рядом находилась ее свекровь, которую сопровождали ее любимая фрейлина Таркола – дочь юстициария, княжна Унвара и принцесса Кейшена, с обожанием глядевшая на величественную бабушку. Ожидали короля.

– Ишь, красуется, – хмыкнула вдовствующая королева Кейшена, глядя, как наследник горячит гнедого жеребца, заставляя того вставать на дыбы.

– Он так красив, – томно вздохнула Таркола. Княжна Унвара метнула на фрейлину ненавидящий взгляд.

– На деда похож, – Ее Вдовствующее Величество поймала взгляд Унвары, и понимающе усмехнулась. Та вздрогнула, и потупила взор.

– И лицом, и статью, и умом, – продолжала между тем вдова. – Вот только зелен еще. И много о себе мнит. Но лучше, чем младший брат – тот весь в своего отца.

Она сказала это нарочито громко, и была вознаграждена сразу двумя негодующими взглядами – королевы Бирколы и Сенкильды.

– Ему бы цветочки собирать, да стишки сочинять, – прыснула в кулачок Таркола.

– Придержи язык, девчонка, – осадила ее вдовствующая королева. – Это я могу такое

говорить. А для тебя он – принц. А ты чего хихикаешь? – набросилась вдруг она на внучку. – Твои родители назвали тебя в мою честь, надо же. Если они хотели меня позлить, то им это удалось. Глупа, как курица! Одни тряпки, да кавалеры на уме! Ну как, скажи, пожалуйста, тебя за принца выдавать? Семью опозоришь.

Обычно злая на язык принцесса промолчала, не решаясь перечить бабке...

– Ну, – Норгэ хлопнул друга по плечу, – ты теперь важный господин.

– О, да – Кольстен закатил глаза и надул щеки. Молодые орфаны весело рассмеялись.

– Наверное, не скоро увидимся, – чиновник огорченно шмыгнул носом.

– Не знаю. Если амадийцы все же пойдут на Реминию, то я пойду сражаться на стороне королевской армии. Враг моего врага – мой друг.

– А посол позволит?

– Я ему не подчиняюсь, – пожал плечами воин. – Он грозится написать моим родственникам, но с ними я поговорю по возвращении.

– Будь осторожен, – заметил стоявший рядом отец Кольстена Волдер.

– Уважаемый Волдер, – улыбнулся Норгэ, – воин всегда осторожен. Лучше заставить врага героически погибнуть за свою страну, чем героически погибнуть самому.

– Хорошо сказано, – улыбнулся пожилой орфан, приглаживая редкие волосы...

... Герольды затрубили в горны – на ступеньках появился король в сопровождении командора гвардии Фалсона. Королева-мать разом поскучнела, увидев, что старший сын направляется к ней.

– Надеюсь, Ваше Величество, сегодня никто не осмелился испортить ваше настроение?- почтительно осведомился король, прикладываясь к ручке матери.

– Посмел бы кто-нибудь, – фыркнула вдова Рултана Великого.

– Говорят, вы вчера выбранили моего брата Рултана.

– Да, сын мой. Я ему сказала то, что думаю – спесивый болван. Впервые одобряю ваши действия – его давно пора было гнать из Совета.

– Ах, – король картинно всплеснул руками, – и что бы я делал без ваших советов! Ваша любовь и поддержка греют мою сыновнюю душу.

– Таркола, – королева-вдова повернулась к фрейлине, – внуки уже получили мое благословение, так что мое присутствие здесь необязательно. Проводи меня до моих покоев. Ваше величество, с вашего позволения.

– Всенепременно, матушка.

Принцесса Сенкильда усмехнулась, глядя вслед гордо удаляющейся королеве-матери. «Знала бы, девочка моя, какую боль все это причиняет Улуну, – подумала Биркола, – ведь это его мать, пусть она его и не любит. Но по-другому он не может – кроме него никто не может поставить мою свекровь на место...».

...Тысячник Кронд почтительно склонил голову:

– Государь, жизнью клянусь, что принцы доедут до Юлкорды!

– Постарайтесь, Кронд, – тихо сказал король. Он обнял младшего сына, и посмотрел на наследника. Тот почтительно склонил голову:

– Сир...

Шумно вздохнув, Улун Старший сгреб его в объятия:

– Будь осторожен, сын! Не все графы смирились с тем, что станешь их королем.

– Ничего, я их приструню, – усмехнулся наследник, вскакивая на коня. Кавалькада тронулась в путь. Король долго смотрел ей вслед...

***

Сказать, что князь Слэригунский был в ярости, значит не сказать ничего. Он метался по комнате как разъяренный тигр, оправдывая данное ему в семье прозвище – Буйный. Любимый дядюшка спокойно наблюдал за ним, потягивая вино из серебряного кубка, украшенного коронованным вепрем. Стены Вольвиенского особняка сотрясались от громового

рыка Первого принца крови, но Лум, казалось, не обращал на это внимания. На шум заглянул младший сын Лума Рубонд. Буйный швырнул в него подвернувшейся под руку вазой и повеса едва успел закрыть дверь.

– Племянник, – мягко сказал князь Вольвиенский, – если вы приехали сюда, чтобы сократить поголовье дорогих яльвенских ваз и моих сыновей, то...

– Заткнитесь, дядя, – ядовито парировал Рултан. – По вашей вине я лишился места в Совете!

– Разве? Я советовал отстаивать свою точку зрения, а не оскорблять сановников. Видел бы вас ваш отец...

– Хватит уже об отце, – вспылил Буйный. – Все только и делают, что сравнивают нас семерых с ним. Матушка позволила себе назвать меня болваном, недостойным его имени. Мы – не такие, и ничего тут не поделаешь!

– Полно вам. Главное, очень вовремя ранен канцлер, а эти два наглых сопляка уезхали в Лабунию. Килмист – в Амадистеле. В Совете у короля больше нет поддержки.

– Коннетабль...

– Стареет. Ему пора на покой...

– Что толку? Его сменит мой дражайший кузен, а он молчит-молчит, но сторону Улуна держит...

– Не важно. Война будет, и мы разберемся с этими южными дикарями. Улуну будет тяжело этому помешать, если султан отрубит голову Килмисту.

– Пусть только посмеют, – прорычал Буйный.

– Вам жаль брата?

– Да!

– Но его смерть поможет нашим планам.

–Чего ж вы сами не поехали? Или не послали Рубонда или Рульдена?

– Вы прекрасно знаете, что мои оболтусы – полные тупицы. Фельрунг бы понял, что здесь не все чисто.

– Дядя...а не вы ли приказали убить Иктуфа? И канцлера?

Князь Вольвиенский усмехнулся:

– Племянник, вы о чем? Это выгоднее вам, чем мне!

– Выгоднее, – взвился Буйный. – Да, я мечтал прибить этого амадийца в поединке. Но не так! Я же воин, дядя!

Лум иронически улыбнулся, якобы соглашаясь с племянником...

***

Местность была живописной, и Кольстен едва не вывалился из кареты, любуясь пологими холмами, поросшими буйной растительностью. Аргульда, сидевшая напротив, прыснула:

– Так интересно?

– Ну, да, – смущенно ответил чиновник, – я ведь редко из города выезжаю.

– Семья, дети,- понимающе кивнула Аргульда. Она до сих пор была вне себя от счастья. Добрый господин оказался королем, который позаботился о сестре, а ее определил в поварихи к сыновьям. Ее немного смешило, что младший принц, завидев ее, опускал глаза и краснел, вспоминая про встречу в таверне.

– Нет семьи, – вздохнул орфан.

– Тебе лет-то сколько? – всплеснула руками красавица.

– Двадцать восемь, – буркнул архивист.

– У-у, – протянула Аргульда. – А почему... – Ее прервали предостерегающие крики.

К кавалькаде приближался одинокий всадник. Двое гвардейцев отделились от отряда и поскакали к нему...

– Ваше высочество, – гвардеец почтительно склонил голову, – этот паж говорит, что его послал за вами лично государь.

– Кто вы, – учтиво и с любопытством осведомился принц Рултан. Паж приподнял поля широкой шляпы и князь Релметерский охнул:

– Сенкильда ! Что вы здесь делаете?

– Я тоже рада вас видеть, принц!

К ним подъехал Улун и осадил коня:

– Та-ак, принцесса Люнкурдская собственной персоной! Выходка в вашем духе! Зачем вы здесь?

Сенкильда мило улыбнулась:

– Хочу повидать Лабунию. Никогда там не была. К тому же, общество вашей сестрицы заставит уехать не то что за вами следом, а куда-нибудь в Лурфонию!

– Это точно, – неожиданно рассмеялся новоиспеченный король Лабунии.

– Не волнуйтесь, ваш отец обо всем знает.

Улун-Младший обернулся к подъехавшему Кронду:

– Что будем делать с этой очаровательной особой, мессир?

– Я не дам ни одного воина для возвращения ее в Домберн, – угрюмо отрезал тысячник. – В Лабунии каждый гвардеец будет на счету.

Наследный принц поморщился, недовольный тоном военачальника, но стерпел.

– Видите ли, моя дорогая, у нас есть только грубые и неудобные кареты для прислуги...

– Когда это я разъезжала в каретах, – сердито блеснула глазами принцесса. – Вы и сами путешествуете верхом...

– Но мы – мужчины...

– Еще одно слово, Улун Рогулид, и я...

– О-о, – расхохотался принц, – я дрожу от страха. Удаляюсь, чтобы не испытать на себе ваш гнев!

Все еще похохатывая, принц пустил коня галопом вперед.

– Браво, – широко улыбнулся Рултан, – редко кому, кроме отца, удается переспорить моего брата. Он даже бабушке перечит.

– Этой старой карге, – задорно сказала девушка. – Мда, это великое геройство.

– Ваш язычок все так же остер ! Рад вас видеть, Сенкильда!

Сенкильда порозовела :

– Правда?

– Да.

– Я тоже, Рултан...

Наблюдавшая за ними из кареты Аргульда заговорщечески подмигнула Кольстену:

– Это из-за него она прискакала!

– Думаешь, – усмонился чиновник.

– Вы, мужчины, все дальше своего носа не видите?

– А ты... не ревнуешь, – осторожно осведомился Кольстен. Аргульда оторопело уставилась на молодого человека, а потом рассмеялась так громко, что два голубка – Рултан и Сенкильда – на мгновение отвлеклись друг от друга и огляделись в поисках источника шума.

– Ну ты и дурачок, – понизила голос повариха. – То, что у нас произошло в той таверне, было по просьбе его отца. Хотя принц мил, конечно. Но я не выжила из ума пока что. Где он и где я?

– Ты очень красивая, – невпопад брякнул Кольстен и умолк.

– Лучше б такой не была, – с внезапной злостью сказала вдруг Аргульда. – Тогда бы Тригофт Ушастый не вывалял меня в грязи...

– А твоя сестра умерла бы.

– Ты прав... Но жизнь моя загублена. Кто женится на мне, зная про мое прошлое? А врать я не могу, да и не хочу...

– Я думаю, – глухо пробормотал Кольстен, – найдутся...

***

Гренд осторожно выглянул из зарослей. Точно, это Кэлшис.

– Хозяин, – завопил тот издали, – они скоро будут здесь!

Когда лазутчик спешился, Гренд отвесил ему затрещину:

– Чего орешь, кретин ? Хочешь, чтобы тебя в Юлкорде услышали?!

– Да ладно вам, – обиженно буркнул парень, потирая покрасневшее ухо. – В Юлкорде не услышат...

Гренд закатил глаза .

«Что ж, все готово. Кронду на привале стало плохо, сотников мы выбьем, командовать станет некому. Все должно получиться. Двести лучников, двести арбалетчиков, двести всадников и триста пеших ратников. Повелитель будет доволен!».

***

– Не стоит вам ехать впереди колонны, – недовольно проворчал старый Микунар. – Мало ли что ...

– Да кто посмеет, рядом с самой столицей, – беззаботно отмахнулся Улун Младший. – Полстраны проехали.

Микунар покачал седой головой. Он был личным слугой принца, приставленным к нему в раннем детстве великим дедом, и обожал воспитанника. Улун, презиравший простолюдинов, тем не менее, относился к Микунару с почтением и даже нежностью.

– И отчего тысячник вдруг занемог, – вновь нарушил молчание Микунар.

– Старые раны небось беспокоят. Успокойся!

Арбалетный болт, пронзивший горло старого слуги, помешал ему ответить.

Принц вздыбил коня:

– К бою, гвардейцы!

Но туча стрел, вылетевших из-за кустов и с верхушек деревьев, сократила количество гвардейцев наполовину.

Рултан успел запихнуть протестующую Сенкильду в карету и вынул из ножен меч. Дело было плохо. Нападавших много, и это были не зеленые юнцы. Гвардейцы превосходили их в выучке, но их было мало. Улун пытался сбить их в строй, поражая убийц мечом одного за другим, пока две стрелы не вонзились в него – одна в бок, а другая в ногу. Улун завалился набок.

– Не-ет! – Закричал Рултан. И в этот момент что-то ударило его по голове. Свет в глазах померк, и князь Релметерский упал с коня...

Проливной дождь как нельзя лучше соответствовал настроению Улуна Доброго. Похороны брата – не повод для радости. Да, Жерун давно болел, но смерть его была внезапной. Не хотел слушать лекарей, не берегся. Они никогда не были дружны, Жерун неизменно поддерживал Буйного, с детства утверждавшего, что будь Всевышнего, то первым бы родился именно он, Рултан. Желчный, неумный, завистливый и ворчливый, князь Вайнский, тем не менее, был его родным братом и Улун Первый скорбел. Через час похоронная процессия направится в усыпальницу Дорнелонт, где похоронены все Рогулиды ...

Улун прервал созерцание дождливого пейзажа за окном и повернулся к посетителю:

– Вы, кажется, любили его, дядя.

Лум покачал головой:

– Не буду притворяться, не любил. Просто он поддерживал меня.

– Конечно, не будешь притворяться, когда рядом никого нет! – подумал Улун.

– И теперь его сын – круглый сирота. Бедный мальчик...

– Я позабочусь о нем, дядя.

Лум прошелся по кабинету:

– Улун, я вновь прошу вас вернуть брата в Совет.

– Вам не кажется, что сейчас не время?

– Нет!

Улун, прищурясь, посмотрел на дядю. Нет, дураком князь Вольвиенский не был. Не был он и трусом. В первый раз он участвовал в битве в одиннадцатилетнем возрасте, и покрыл себя славой. Он держал щит над раненым Рултаном Вторым, тогда – семнадцатилетним юношей, выигравшим для Реминии важнейшую Алагорскую битву против курусианцев. Но Лум был ярым противником централизации власти и привлечения к решению государственных вопросов всех сословий, полагая, что эта привилегия принадлежит лишь высшей знати. Перед старшим братом он благоговел, но после его смерти поднял голову. Буйный братец, сам того не понимая, пляшет под его дудку...

– Однако на похороны вы его пустили.

– Ну, никто не может лишить его титулов. И родства с Жеруном. Дядя, раз уж вы пришли... Совет Королевства, в котором соберутся представители всех сословий, я созову обязательно. А войны с Амадистелем не будет!

– Значит, пусть процветает страшный враг нашей страны?!

– Пока он нас не трогает – да!

– Это ваше последнее слово, племянник мой?

– Последнее, дядюшка.

– Не пришлось бы вам об этом пожалеть!

Провести последние минуты перед отправкой в Дорнелонт помешала «горячо любимая» матушка, явившаяся в кабинет монарха в сопровождении неизменной Тарколы.

– Вижу, вы опечалены, сын мой.

– Вообще-то Жерун не только мой брат, он и ваш сын.

– У меня вас еще шестеро, не считая трех дочерей. Все мы смертны, сын.

– Вы пришли напомнить мне об этом?

– Нет. Нам надо поговорить...

– Я весь внимание, матушка.

– Оставьте свою иронию!

– Иронию, – король с удивлением воззрился на мать. – Какая ирония? Я сегодня брата хороню! И у нас мало времени, между прочим.

Королева покосилась на Тарколу, разглядывавшую книги и свитки в книжном шкафу.

– Выйди и закрой дверь!

Княжна присела в реверансе и удалилась.

– Что такого важного, раз понадобилось выставить за дверь вашу любимицу?

– Я хочу поговорить о моем девере...

– О дяде ? Занятно, он недавно был тут...

– Этот идиот Рултан, ваш брат, пляшет под его дудку. Сын мой, покажите, что вы король! Никто не должен вам перечить!

– И даже моя мать?

Королева-вдова смутилась.

– Вашему отцу я не перечила, он бы этого не позволил. А вы...

– Матушка, я – не отец. И не надо мне говорить про «заигрывание с чернью». Он меня понимал и одобрял то, что я собирался освободить крестьян.

– Но сам это не сделал.

– Он говорил, что время не приспело и поручал это мне.

– А бредовые идеи о народном собрании...

– Отец был великим государем, но и великие ошибаются. Власть одного человека – это опасно. Кто знает, какими будут мои внуки? А вдруг они прославятся, как жестокие тираны? Абсолютная власть – сладкий яд, матушка. Дядя Лум не понимает, что время аристократии уходит. Горожане и крестьяне, мелкие дворяне и купцы – предприимчивые люди, наступает их время. Аристократы – хорошие воины, ну, так никто и не отнимает у них права защищать Отчизну. Но вспомните, кем был адмирал Лунгон? Пиратом. А Феркулиды – потомки про-

стого воина. Аристократию тоже надо обновлять...

– Этот путь ведет к вашей смерти, сын. Знать не сдастся так просто.

– Да, это так. Но другой путь – это гибель для государства. И отец научил меня этому.

– Мне он такого не говорил!

– Он многого вам не говорил. Как и остальным, впрочем. Уж не знаю, почему. Вы думаете, почему он с такой жестокостью уничтожал целые княжеские роды, не щадя даже младенцев, чего я не могу одобрить. Но это говорит об отношении Рултана Великого к могущественной родовитой знати – она является помехой для развития государства, а сила государства – не только и не столько в мощной армии, созданной отцом. Она – в финансах, в единении сословий, в четких законах, в привлечении к государственным делам людей достойных. Я не могу уничтожать аристократов, как мой отец. Но всесословный Совет Королевства помешает им, не будет больше резни. И тогда пробиваться наверх будут только достойнейшие представители знати...

Королева-мать смотрела на сына такими глазами, будто видела его впервые.

– Что, – горько усмехнулся ее старший сын, – теперь вы думаете, что я почти так же умен, как ваш любимец Колданур?

Кейшена молча вышла из кабинета и прислонилась к стене. Вот значит как! Улун не так мягкотел, как она думала. Муж многому его научил... Она вдруг вспомнила, как стала королевой. Ее отец Нункон, князь Нортагунский, был самым могущественным вассалом молодого короля Рултана Второго. В отличие от многих других князей он сражался бок о бок с королем Килмистом Смелым в битве при Безельоне, когда в Реминию вторглись курусианцы. А потом помогал его сыну Рултану утвердиться на троне. Один из сыновей Нункона погиб во время Алагорской битвы. Его владения унаследовал младший сын Филгун, которому было всего двенадцать. Она, Кейшена, была на четыре года старше брата. Уже тогда княжна хорошо разбиралась в политике и понимала, что Нортагунское княжество – лакомый кусок для набирающего силу короля. Но убить сына своего верного вассала Рултан Второй не желал. Это сделала за него она – шестнадцатилетняя девушка. Филгун обожал сестру и доверчиво принял из ее рук отравленное питье (потом она все свалила на лекаря). Таким образом, она стала единственной наследницей княжества и король женился на ней. Он все понял и в брачную ночь сказал ей:

– Душенька, я думаю, что мы будем отличной парой! Смерть вашего брата пошла на пользу государству – а это превыше всего!

И он всегда доверял ей, а теперь получается, что не все говорил ей. А Улун... В детстве он был единственным из сыновей, кто пытался сблизиться с ней, приносил свои детские рисунки, делился «важными» секретами, плакал, когда она болела. За это отец высек его, говоря, что принц и будущий король не смеет плакать. Мальчик упрямо молчал... Да, он мягок, но не глуп. Интересно, а что бы он сказал, если б знал, как умер братец Филгун? Королева покачала головой – вытаращился бы, а потом застонал. И сказал, что это ужасно, но она – его мать, и он не смеет ее осуждать. Его не переделаешь....

Покой усыпальницы Дорнелонт в этот теплый летний день был потревожен похоронной процессией, которая, миновав Аллею Королей, вышла на Аллею Принцев. Все представители Дома Рогулидов прибыли сюда, чтобы проводить в последний путь принца Жеруна, князя Вайнского. За гробом, положенным на открытый возок, запряженными двумя лошадьми, шел под руку с королевой-матерью Улун Первый, за ними королева Биркола и принц Раллу, далее следовали остальные особы королевской крови, сановники и высшая знать. Перед гробом шествовали архиепископ Домбернский и Приор Ордена Нестяжателей.

Биркола не удержалась и шепнула принцу Раллу:

– Не понимаю вашу матушку. Она ведь никогда не любила Жеруна, а сейчас изображает скорбь.

– Что тут удивительного, сестрица, – также шепотом отозвался шестой сын Рултана Великого, – это же официальная церемония. А матушка хорошо знает порядок проведения це-

ремоний...

Многие косились на приехавшего на похороны брата принца Колданура, четвертого сына Рултана Великого – он поразительно напоминал своего грозного отца. Герцог Дайгеннский, шагавший рядом с легатом Понтифика кардиналом Тервиланом, был задумчив.

– Что вас беспокоит, Ваше высочество, – поинтересовался кардинал, – жалеете брата?

– Нет, страну, – угрюмо ответил герцог Дайгеннский.

– Вы, как и ваша мать, не одобряете политику короля Улуна?

– Ну отчего же? Он все делает так, как задумывал отец. Правда, не совсем, но в целом... Но у старшего брата слабое сердце. Боюсь, он скоро последует за Жеруном. А его сыновья в Лабунии. Так что регентом станет братец Рултан...

– Ну, от Юлкорды до Домберна не так уж далеко, – заметил Тервилан, склонив длинную, худую шею.

– Буйному и недели хватит, чтобы все испортить, Ваше Высокопреосвященство. Он ведь мечтает повоевать с Амадистелем.

Кардинал задумчиво потеребил остроконечную бородку:

– Если не ошибаюсь, ваша армия – сильнейшая на Севере.

-Да, но Буйный поведет на амадийцев небольшое войско, так как не понимает их силы. Его побьют и тогда... В Курусии многие графы и маркизы мечтают взять реванш у Реминии за былые поражения. Сейчас я их сдерживаю, но если реминцы будут биты на поле битвы, то я не берусь предсказывать последствия. Союзники Реминии слабы, по большому счету...

Его тон вдруг стал жестким:

– Что думает Понтифик?

– Вам лучше знать, вы чаще бываете в Олгедоре...

– Тервилан, бросьте ломать комедию.

Прелат поежился:

– Его Святейшество считает нынешнего короля Реминии умным и ловким политиком. И... он понимает, что сильная Реминия для него – залог благополучия, так как только владыка Домберна может его защитить от произвола курусианских феодалов. Он написал мне, что Церковь должна оказывать Домберну всемерную поддержку.

– Еще бы! Уж сколько золота отсыпал мой батюшка его предшественникам. А его и вообще возвел на Престол...

– Понтифик это помнит, принц. Если Шасреция и Фентурия пойдут на Реминию войной, то он отлучит их королей от Церкви.

– Прекрасно. А я расправлюсь с курусианцами.

– Однако ваш старший брат пока жив, Колданур .

– Что-то мне подсказывает, что ненадолго, Тервилан...

... – И да примет новопреставленного сына своего Всевышний в Лучшей Жизни, – закончил отпевание архиепископ. Король вздохнул и посмотрел на стоявших рядом братьев. Колданур был сдержан и спокоен, на лице Раллу – легкая печаль, Рултан и Инвенгур, который был на полголовы выше своих высокорослых братьев, стояли, опустив головы.

Короля охватили воспоминания. Когда отец взял их с собой в поход в Курусию, Рултан и Инвенгур были окружены с небольшим отрядом в крепости Андло. Улун с двумя полками пришел к ним на помощь. После победы они втроем радостно смеялись и шутили. Они были тогда молоды (Инвенгур так и вообще – юнец), не было промеж ними споров. И они любили друг друга, были друзьями. А теперь эти два брата ни в чем с ним не согласны...

... Колданур сел в предложенное кресло, откинулся на спинку, сплел на коленях пальцы:

– Сир, брат, мой, прошу простить, но мне пора возвращаться в Курусию. Империю нельзя оставлять без присмотра.

– Разумеется, брат мой, – кивнул король. – Вы уже попрощались с матушкой?

В глазах герцога Дайгеннского заплясали веселые искорки:

– Я... забыл. Ты же знаешь, Улун, что я невежда. Просто не хочу опять слушать о том,

как я похож на отца, и что Всевышний несправедлив в том, что я родился не первым, а лишь четвертым.

Король задумчиво вращал меж пальцев охотничий нож:

– Ты даже не представляешь, как мне тебя не хватает, Колданур! Килмист – славный, но он горяч и наивен, Раллу скрытен, мои сыновья уехали, ну, а остальные родственники...

– Можешь не продолжать. Все ты делаешь правильно, только будь осторожнее, вот тебе мой совет. И разберись с дядюшкой, пока не поздно... Как там канцлер?

Улун погрустнел :

– Не приходит в себя. В бреду постоянно твердит: «Улун ! Улун !».

– Что же он хочет сказать ? А что наш доблестный юстициарий, «гроза черни»?

– Ничего не нашел...

– Что там Килмист ?

– Пишет, что султан его еще не принял... Понимаю, о чем ты хочешь спросить. Да, ОНИ придут к нам на помощь в случае войны.

– Прекрасно, – повеселел Колданур. – Это хорошо, что ты договорился с НИМИ. Заставить курусианских павлинов прийти на помощь нелегко, да и не стоит. А вот от соблазна ударить в спину я их удержу. Ну, и Понтифик поможет.

– Что ж, брат, привет нашим сестрам!

– Всенепременно. Императрица и герцогиня будут рады. Жаль, что не приехали. Но ты понимаешь, что их идиотов-мужей надо держать под присмотром...

– Да, Коли. Прощай!

... После ухода брата король принялся разбирать бумаги. Как всегда, он тщательно вникал в каждый, даже не очень значительный документ. Вот только что-то с похорон он чувствовал себя неважно. Сердце...

Когда камергер вошел в кабинет, Улун Первый был уже мертв. На лице короля застыло выражение печали и удивления, как будто он что-то понял перед смертью...

...Принц Раллу неверяще уставился на королевского камергера :

– Как? Не может быть!

– Увы, – скорбно склонил голову Алгинор, было видно, что ему трудно говорить. – Государь скончался больше часа назад...

Князь Фиорунский со свистом выпустил воздух сквозь зубы:

– Матушка и Биркола оповещены?

– Их Величества все знают.

– Мдаа... Не успели схоронить Жеруна, а тут...

Раллу лихорадочно соображал. Сыновья Улуна в отъезде, а это значит, что... Нет, только не это! И Колданур уехал...

Когда Раллу вошел в Зал заседаний, королевский Совет собрался уже в полном составе. В полном... Жерун и Улун мертвы, сыновья Улуна в Лабунии, канцлер при смерти, Килмист в лапах Султана...

– Опаздываете, Раллу, – недовольно нахмурил брови дядюшка Лум, восседающий на председательствующем месте. На месте короля. По правую руку от него расположился сумрачный Рултан Слэригунский, по левую – казначей Колунид. Ясно, переметнулся к тем, кого считает сильнее.

– Только узнал, мессиры, – буркнул Раллу и проследовал на свое место – рядом с креслом князя Треннского. Кузен был мрачнее тучи. Та-ак, сейчас начнется...

– Итак, мессиры, как старший в роду Рогулидов, – начал вещать горячо любимый дядюшка, – я возглавил заседание Совета сегодня. Умер наш король, мой любимый племянник Лум. Но жизнь на этом не кончается. Мы в ответе за королевство. У нас теперь новый король – Улун Второй. Но он и его брат – теперь наследник престола – в Юлкорде. До их возращения, согласно закону Лума Первого, регентом становится их дядя – князь Слэригунский...

– Сначала хотелось бы узнать, почему князь Слэригунский пришел сюда? – вмешался

адмирал Клонэзун. – Покойный государь запретил ему присутствовать на Совете. И он своего повеления не отменял...

– Это так, – кисло ответил за пожилого принца юстициарий, – но он не лишил принца Рултана прав на регентство. А, следовательно, Совет вынужден отменить постановление Улуна Первого. По крайней мере, до прибытия нового государя...

«Интересно, почему дядя выглядит как кот, объевшийся сметаны? – подумал Раллу. – Что они с Буйным задумали? Неужели...».

Опасения Раллу оправдались.

– Итак, мессиры, – заговорил Рултан Слэригунский. В отличие от дяди на его лице отразилось не удовлетворение, а мрачная решимость. – Вопрос с Амадистелем, который затягивал новопреставленный мой брат Улун, нужно решать. Принц Килмист пишет, что Султан не желает его принимать. А значит, надо действовать.

Коннетабль Лосургенд сжал кулаки:

– Этот вопрос мы не можем решать в отсутствие нового короля!

– Король далеко, а враг стоит у наших границ.

– Но не нападает!

– Вы боитесь войны, Бергон? – фыркнул принц Лум.

– Я ее не хочу!

– Ее никто не хочет, но она попросту неизбежна.

Старик одарил князя Вольвиенского взглядом, не обещающим ничего хорошего.

– Что ж, мессиры, надо голосовать, – сказал принц Лум, потирая шею. – Кто за то, чтобы поставить на место наших злейших врагов, покарай их Всевышний?

Новоиспеченный регент поднял руку, следом Лум. За ними – Инвенгур, сыновья Лума, сын Буйного, казначей и... юстициарий! Лум пристально посмотрел на Раллу, но тот притворился, что поглощен созерцанием своих ногтей.

– Итого – восемь, – удовлетворенно хмыкнул Лум. – Кто за то, чтобы подождать государя?

Раллу окинул взглядом Зал: адмирал, коннетабль, юный князь Вайнский, сын почившего Жеруна. И князь Треннский.

– Четверо. Воздержался принц Раллу. Что же, мессир Лосургенд, готовьте полки...

– Отказываюсь, – отрезал коннетабль. – Я настаиваю на том, чтобы дождаться короля!

– Вы считаете себя незаменимым? – вкрадчиво осведомился Лум.

– Нет. Но просто так, из-за вашей блажи я солдат гробить не дам! Без моего приказа ни один полк не двинется с места.

– Да это мятеж, – взревел Буйный.

– Как вам угодно.

Иглондер Треннский наклонился к Раллу, и шепнул:

– А старик – молодец. Я думал, что все пропало...

Князь Фиорунский промолчал. «Подождем, что будет дальше», – подумал он беспокойно.

Регент побагровел до самой шеи, и Раллу невольно подумал, что может лишиться третьего брата за два дня. Но Лум успокаивающе положил руку на плечо любимого племянника и что-то шепнул ему на ухо. Князь Слэригунский согласно кивнул.

– Что ж, гонец в Лабунию уже отправлен. Но прошу всех запомнить – в случае нападения амадийцев виновен будет коннетабль.

– Они же не кретины, чтобы нападать на нас, – махнул рукой коннетабль. – Наша армия – лучшая на Севере. Они могут пощипать наши южные границы, но потом их ждет возмездие и они это прекрасно понимают. А вот если мы сами начнем войну, то жизнь принца Килмиста, находящегося в Ильгидуне, будет под угрозой. А мы знаем, – добавил он ядовито, как вы любите всех своих братьев!

Покидая Зал, Раллу отчего-то подумал, что дядя и брат так просто не упустят подвернувшуюся возможность. И расстроенными не выглядят...

Продолжение следует

Михаил АНАНОВ

Ананов Михаил Георгиевич родился 7 апреля 1966 г. Окончил Грузинский Политехнический Институт в 1987 г. По специальности – инженер-электроник.

Михаил Ананов поэт, переводчик поэзии, прозаик, драматург, литературовед. Занимается вопросами структурной, математической лингвистики, увлекается когнитивными науками. Автор двух поэтических сборников: «Над Бездною Миров», Тбилиси 1995; «Призраки Эльдорадо», Тбилиси 1999, и двух научных брошюр: «Тайнопись Поэтической Формы», Тбилиси 2000; «Атомарная Модель Звукоряда», Тбилиси 2001.

Михаил Ананов является представителем «Школы Сонета», – основатель – академик О. И. Федотов, профессор Московского государственного педагогического университета.

Светоч духа

Богат и славен русский наш язык:
Могучая в тебе сокрыта сила;
Поэта мысль к созвездьям воспарила,
Чтоб средь степей живой родник возник.

И мастерства непревзойдённый пик
Нам пушкинская музыка открыла;
Сама История благословила
Труд ратный наш, в столь незабвенный миг.

Кто правильно избрал свою дорогу,
Чрез тернии ступает кротко к Богу,
Соцветья добрых грёз в душе храня.

Родной язык – гимн разума победный –
Мой посох со времён Ветхозаветных,
К священным Воротам ведёт меня.

12. 03. 2008 г.

Аллея детства

Люблю по старым улочкам бродить,
Взойти на сололакскую аллею, –
Там постоять, немного сожалея
О том, что детство мне не воротить.

Я созерцатель: вновь благоговею
Пред мигом, за который мог словить
Меж двух миров магическую нить,
Чтоб в будущее мне шагнуть смелее.

А здесь когда-то цвел наш город-сад, –
Да кто б сейчас услышать не был рад
Ту песенку, что заводил шарманщик.

Ведь обделенным не был здесь никто, –
Расхаживали бойкие кинто
И бодро зазывал к себе духанщик.

Июнь 2005

Памятник камене

к 200-летию Пушкина

Стиха властитель, гордый, своенравный,
Глаголом ты сердца людей сжигал;
Себе воздвигнув вечный мадригал,
Ты, словно царь, ступал дорогой славной.

За доброту ты кубок свой заздравный
С пылающим напитком поднимал;
Не устрашил тебя девятый вал:
Запечатлеть сумел лик богонравный.

Ты жил как волхв: вещал среди владык,
За это вырвал ангел твой язык,
Но голос зазвучал, как гимн победы.

Хвала твоей камене золотой!
И пред твоей незыблемой горой
Склоняются великие поэты.

06. 06. 99 г.

Сонет Грузии

Страна цветов, под музыку Горнил,
Ваятель очертил твои владенья,
И торжество великого крещенья
Навеки взор светлейший воплотил.

Арагви как живой источник сил;
Задумалась Мтацминда на мгновенье,
Ведь гордый гимн давидовых свершений
В твоих сердцах надежды воскресил.

От самого подножья Нарикала
Воинственная поступь Горгасала
Сквозь сонм столетий – твой бессмертный дар.

Горит твоей звездой Светицховели,
И перед ликом царственной Тамар
Слагает песни славный Руставели.

26. 05. 2000

Средневековая Эрато
(сонет-диалог)

– Откуда ты взялась, моя маркиза?
– Я из лесу к тебе иду одна.
– Ты появилась и в душе весна:
Не ожидал подобного сюрприза.

– Предстань, герой мой, в образе Париса!
Тебе признаться в этом я должна.
– Зачем?.. ведь ты мне вовсе не жена.
– Исполни волю моего каприза.

– Вот это да! Хоть я не сумасброд...
– Закрой скорей, любезный друг, свой рот
И преклони передо мной колено.

– Что ж, я твой раб, вершитель милых станс.
– Да, ты сейчас пустой кусок полена.
– Ай да маркиза!.. вот так реверанс.

21. 04. 2009

Рыцарю гитары

но ты моя фортуна будь добра,
не выпускай руки моей несчастной...
Булат Окуджава

Задумчивый бродил он по Арбату,
И Господа безропотно молил,
Чтоб о тебе он тоже не забыл:
Ты относился к ближнему, как к брату.

Для творчества ты, не жалея сил,
Мог обойти коварную преграду,
И верный слову – своему собрату,
В друзьях ты смысл жизни находил.

Но все же был ты баловень фортуны:
Твоей гитары освятила струны,
Она своей счастливою рукой.

Тебе была нужна твоя победа,
И ты сумел достичь ее ценой,
Достойной песен доброго поэта.

07. 05. 2004

Пир страны Наири

к 140-летию Ованеса Туманяна

Праздник ты для нас устроил,
Неизменный наш кумир,
И для всех своих героев
Закатил роскошный пир.

Ты со звёздами шептался,
Несравненный чародей,
До сих пор в кругу остался,
Преданных тебе друзей.

Ты Отчизну воспевая,
За неё главу сложил;
Слышал, слух нам услаждая,
Музыку природных сил.

Ты всегда шагнуть стремился
За незримый кругозор;
В душах наших воцарился
Край родной священных гор.

Потому столь величавый,
Как седой судьбы каприз,
Облик твой, венчая славой,
Смотрит радостно Масис.

Этот пир наш вдохновитель,
Как воды – живой глоток;
Виночерпий – ты – спаситель:
Истины поднёс урок.

Пиршество святое это
Нас с историей роднит;
Тосты созданы Поэтом,
Тамада же – сам Давид.

Лица у гостей сияют:
Дружат царь, пастух, чудак,
И друг друга восхваляют
Старый пёс и кот-скорняк.

По неистовой Вселенной
В честь твою раздался туш;
Праздник боговдохновенный:
Улыбается Ануш.

И всесильная Десница
Наш Земной закружит Шар:
От души повеселиться
Нам желает кач Назар.

14. 02. 2009

Соло золотой осени

К 110-летию Сергея Есенина

Ты нам на счастье руку протяни,
И ею лишь дотронься до качели,
В которой мы, как в детской колыбели,
Встречаем наши радостные дни.

И в дальнюю дорогу мы одни
Ушли с тобой, чудные менестрели;
Нам соловьи свои дарили трели,
Которые мы до сих пор храним.

Тебе же вторит роща золотая,
Ведь белых яблонь свежесть колдовская
Струит волос твоих стеклянный дым.

Хоть рано ты ушел *под вечны своды*,
Ты нас любил, поэт, все эти годы,
А, значит, нами был всегда, любим.

24. 09. 2005

Конфесса мастера гильотины

Меня прельщают сонные артерии,
Законной анатомии авгуры,
Из коих изливаются критерии
Неукротимой ярости натуры.

От хомутов моих бритоголовые
Позорно пали в тартар будней скверных
И помнят садо-шнурики дешёвые,
Как корчились в моих ладонях стервы.

Насмешники, насмешницы постельные
Воззвания мне шлют в разгаре пьянки;
Мой глаз-резец вобрал тона пастельные, –
Кость, как алмаз, что требует огранки.

Во мне бушуют все пиры халдейские,
И суть не в том, что на кресте Фортуны
Распяты души мной, в веках злодейские,
А в том, чтоб мы предстали, словно гунны.

Моя стихия – грозовая крамола,
Что разум мой ехидно кровянула,
И растворяется в нём розовая гранула,
Под чутким оком друга Вельзевула.

21. 02. 2009

Фетовский синдром

Музыкальные страницы
  На пурпурных лепестках,
Как игривые зарницы
  В самых лучезарных снах.

Отголоски добрых истин –
  Восхищенья глубина;
О, пьянящий шорох листьев,
  Равный таинству вина.

Треволненья Мельпомены –
  Призрак быстрых облаков:
Это следствие измены
  Нимфоманских чудаков.

Миг триумфа на поляне,
  Как на мачте корабля,
Чудеса миров с названьем
  Мимолетные друзья.

1997

Танго цыплёнка

Ты словно разноцветный какаду,
Летающий за редкими цветами,
И я к тебе безропотно иду
Неприхотливо-мелкими шажками.

Ты орхидеи дикой лепесток,
Скрывающая средь тычинок жало;
Я сочиняю для тебя стишок,
Чтоб радугою жизнь твоя сияла.

Ты островка невиданный пейзаж:
Мираж чудес, что виден третьим глазом;
Я осязаю этот эпатаж,
Увенчанный восторженным экстазом.

Ты замыкаешь свой узорный круг,
Чтоб опустился занавес астральный;
Я дёрну за верёвочку наук,
И диалог пойдёт у нас моральный.

Ты даже в самом яростном аду
Устелешь ложе пышными коврами –
Я от тебя иду, как какаду,
Махая разноцветными флажками.

05. 11. 2009

Щедрый сосед

маргаритовому мастеру

Холодно, да и голодно:
Строчишь – дрожит рука,
Но повстречали мы Воланда
С соседского барака.

Он нас улыбочкой милою
Тихо нежданно согрел;
Стали мы дети Ахилловы,
Он о фортуне нам пел.

Звонки струны гитарные,
В блеске монет золотых;
Эх, мастера пивоварные,
Гладко ложится мой стих.

Минули вихри враждебные,
Скрылся и дед-бородач,
Слышатся гимны хвалебные,
В маршах гигантских задач.

Гей, новоселье, что ль, грянуло,
Куда же ты прёшь, старина? –
В Лету безропотно кануло
Все то, что знал *Вотена*.

Мыслится нам и не мыслится, -
Снегом кругом замело,
Эх, масленица-кислица,
Друг мой, язык-помело.

Кружки хрустальные вдребезги
Бьем мы о трон короля,
Слышим: с товарами бережно! –
Окрик купцов с корабля.

Времечко всплыло блокбастеров,
Что ни герой, то пиит;
Ведь на каждого *мастера*
Сотни прут *маргарит*.

Детища грозного севера,
Мы постигали тот юг,
Где от пахучего клевера
Лавры рождались вокруг.

Речи льстиво-умелые
На подвиг смогли вдохновить,
Мы жаждем, оробелые,
Нить Ариадны схватить.

Хитро, ударами молота,
Ее мы, подправив слегка,
Вспомним вдруг доброго Воланда
С соседского кабака.

14. 05. 2008

Glamoure la perfecto

Неподкупен заманчивый свет.
Обнажённой пленяешь фигурой.
Восхитителен твой пируэт:
Исполняешь ты танго гламура.

Свет любви – золотой Ореол:
Ты овеяна радужной сферой,
Ведь тебе был дарован престол,
Где предстала ты новой Венерой.

Над тобой проплывает ладья,
Пред тобою порхает Амурчик,
Я к тебе напросился в друзья
И нюнюкаю, словно лемурчик.

У тебя мириады имён,
У меня же одно и – чужое;
Я тебе посылаю поклон,
Чтоб в душе ощутить заводное.

Ты сама упоительный свет:
Обнажилась твоя в нём натура,
Исполняешь ты пируэт –
Восхитительно танго гламура.

12. 11. 2010

Tetra-morgius

(ответ Брюсову)

и вот, конь бледный, и на нем всадник,
которому имя «смерть»;
Откр. 6,7

Я видел – Смерть дремала в облаках:
Дымился сон её огнём фантазий;
Мир яростно живых многообразий
Открыл фантом в незримых куполах.

Четыре скакуна огнём оказий
Воздвигли трон на солнечных часах,
А небосклон, вобрав зловещий страх,
Стал колесницей «Моргия Экстазий».

Взывает Авель Каину: мой брат!
Но раздаётся траурный Набат:
Горит ЛУНА, планеты леденеют/пламенеют.

Свод Неба рухнул – воцарил кошмар,
И затушить неукротимый Жар
Не хватит силы даже Водолею.

22. 08. 2010

Ариозо матадора

Карету матадору!
Он подвиг совершил,
Ведь искромётным взором
Быка он усмирил.

И в вихре тряпок красных
Явил нам благодать –
Свой жанр многообразный:
Искусство убивать.

А зритель... диким зверем
Завёлся стадион:
Орёт, ревёт: тореро! –
Вновь рухнул бастион.

Ты снова на вершине.
Прими же мадригал;
Из Вечности отныне
Тебя манит астрал.

О, баловень Фортуны,
Сражения Эсхил,
Но отблеск Славы юной
Его вдруг ослепил.

И разнеслось: позорно
Он поднят на рога!
Носилки матадору –
Карету для быка.

13. 05. 2010

Римма ХАНИНОВА

Ханинова Римма Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Калмыцкого госуниверситета.

Автор более двух сотен статей по истории русской литературы XIX-XXI веков, по истории литературы народов России.

Монографии: «Поэтика малой прозы Всеволода Иванова: психологический аспект». – Элиста, 2006; «Этнопедагогическое и этнокультурное наследие в творчестве Михаила Хонинова» (в соавторстве с Э.М. Ханиновой). – Элиста, 2008; «Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов». – Элиста, 2008.

Поэт, переводчик, драматург. Пишет на русском языке. Член Союза писателей России, член правления СП Калмыкии «Шинрлт» («Обновление»), член редколлегии журнала «Теегин герл».

The Story «Yesir» by V. Khlebnikov and the Kalmyk Legend of Okon-Tengri

In the opinion of A. Parnis the roots of Velimir Khlebnikov's «asian» world outlook are in the «Kalmyk» background of the poet. Khlebnikov's «Kalmyk» surroundings, his early childhood in the Astrakhan steppe, allow not only to understand much in the constant aspiration of the writer to the East, but also to comprehend the genesis of this attraction correctly [1, p.308]. In not completed autobiographical narration of 1916–1918, asking himself a question «Is it necessary to begin the story with the childhood?», Khlebnikov wrote: «Yes, I have lived some part of my life and now I look at myself: *it seems to me, that the days I have lived are my feathers in which I shall fly, such or other, all my life. I took my final shape*» (italics everywhere are ours. – R. K.) [2, V.5, p.203]. In that *eagle* plumage he becomes not only feather-*winged*, but also feather-*handed* («I wrote with an eagle feather; silk, golden, it twined around the solid stem»). «The things which are of value to the poet, the objects with which he who was in no sense materialistic furnishes his life are especially remarkable. An eagle feather serves him as a pen. Later the feather will be replaced with a needle of a porcupine and a branch of a willow, *and this will also be reflected in Khlebnikov's works*» [3, p.124]. In his article «An Iron Feather on a Branch of a Willow» he reflected: «There is a custom to pull out the plant of an idea from the soil where it was born. I want clods of earth stick to the roots for the eyes of the soil scientist. The first article was written with a needle of a porcupine of woods of Gilyan. The next pen was made from a red prickle of a blackthorn in Zheleznovodsk. This one is made of willow-wood; hence a different look into the infinity, into the nameless» [2, V.5, p.237]. This is followed by a paradoxical confession, in the usual Khlebnikov-way: «I do not know what accord these three feathers of the writer produce» [2, V.5, p.237]. He made this confession on April 30th, 1922. In May-June of the same year, before his death, addressing with bitterness to the contemporaries, he reproached them of blindness: «... not having noticed in me/ the top of Events, / *the Pen in the hand of Time*/ Behind the writer's thought» [2, V.2, p.383]. And earlier in the lake of his memory the memoirist saw his own reflection and realized: «*It was I*» [2, V.5, p.203]. Among the images *of the past that had come at his call and asked for immortality from his ink and from his gift*, the poet identified the main one: «... *but in fact it is I, but in a different look, it is my second self - this Mongolian boy reflecting about his people's fortunes*» [2, V.5, p.203]. The first «I» sends us to the tribe of those Russian people who lived on the Volga and «*knew the charms of the great steppe (rest from people and emptiness to them*), nearness of the sea and mysterious cold of the great river. *I spent my childhood where the sea of China had lost some of its splashes-settlements in the great steppes, and these drops-settlements lost in the alien steppes, slowly cognized their life and destiny common with all Russian people*» [2, V.5, p.202]. Here the metaphorical code of the history of the Kalmyk is set. The Kalmyk were the last ones in a succession of nomadic Asian people who had set off in the end of the XVIth century and in the middle of the XVIIth century settled in the area between the Volga and the Ural Rivers. It is remarkable, according to V. Kole-

snik, that similarly to the Hun the Kalmyk started their movement to the West from Dzhungaria and stopped right in the place, whence the Hun had started their famous conquests in Europe [4, p.5]. So that is why following A. Pushkin (the son of the steppes – the friend of the steppes), the XXth century poet is precise in using an attribute (alien steppes), an adverb (slowly), word-combinations (the common life and the common destiny).

«The Buddhist world, Kalmyk life, Kalmyk myths and legends were strongly rooted in Velimir Hlebnikov's consciousness», specifies S. Starkina [3, p.14]. One of the first childhood memories is of a Kalmyk Khurul (temple), on the gate of which were wooden elephants; but the Mongolian idols were unavailable for the boy. At that time in the Maloderbetovsky Ulus (region) there were several big and smaller khuruls; Deedu Lamin Khurul and Dundu Khurul were among them [5]. The reminiscences of the Kalmyk childhood are caused by a bet to climb over the baluster. The boy succeeded and deserved praise of his elder brother («I still remember the feel of the baluster on my body»). A baluster is a chiseled column of a balustrade or fencings. There were no fencings for the ideas of the poet and the philosopher. In the opinion of S. Starkina, «It is significant that his last work which took several years of his life was named "The Boards of Destiny". Kalmyk and Tibetan astrologists use boards of destiny to tell the time of the events and also in fortune-telling» [3, p.14]. For the first time the boy could possibly see the boards of destiny on his trips with his father, Vladimir Khlebnikov, the guardian of the Maloderbetovsky ulus in the Kalmyk steppe, which was a part of the Astrakhan province. In Velimir's adult dreams *«the books of the Mongol in their silk boards»* will ascend the fire of «fragrant pressed dung», collected at dawn by the Kalmyk women («The Unified Book»). It is remarkable that the poet characterizes pressed dung as fragrant with regard to the ceremony of self-sacrifice. In the context of this fragment a binary opposition «life and death» together with the concept of their identity remind of the Mongolian funeral ritual and of a maternity ceremony. A layer of dry manure was used by the Mongol to cover a burial place with before putting the dead man in it and also as bedding for the woman in childbirth [6, p.112]. At household level the use of the pressed dung or cane as fuel by the nomads called forth different emotion of Khlebnikov Sr.: «When you enter an ordinary kibitka (nomad dwelling) from fresh air you usually feel specific smell. Though in the afternoon owing to the draught and burning fire the air in the kibitka is considerably changing, nevertheless some part of the smoke all the same is left in the kibitka. In the course of time everything inside the place smell of pressed dung smoke» [7, p.5].

«Nowadays I rest my heels against the Mongolian world and feel the stone curls of India with my hand», – thought of India the Son of the Otter on the Volga in the superstory «The Children of the Otter» (1911–1913) [2, V. 5, p. 246]. According to Khlebnikov, in the lower reaches of the Volga there is a triangle of Buddha, Mohammed and Christ, it a special place on the map of the world. Calling people «to look into the Mongolian world» he complained that Russian literature «does not know <...> Mongolian trends» [8, p.176]. «The Brain of the motherland – the poet declared, – cannot be solely Great Russian. It would be better, if it were continental» («About the Expansion of the Bounds of Russian Literature», 1913) [8, p.177]. According to A. Parnis, Khlebnikov's texts of the last period contain various ethnographic, folklore and mythological materials about life and culture of the Kalmyk and of other oriental and Slavonic nationalities that lived in the Lowlands of the Volga region in the remote past and at the beginning of the XXth century. We can find such information in the poem «Khaji-Tarkhan» and the story «Yesir», in the sketch «The Lebedija Country of the Future», in the superstories «The War in a Mousetrap» and in the articles and notes of different years. To reveal these materials, to find out the sources of them and correctly to identify them is the problem demanding attention and understanding [1, p.313].

In Khlebnikov Jr.'s poetic reminiscences of 1909 he described the nature of his native country: «I was surrounded by the steppe, flowers, bellowing camels, / kibitkas with rounded tops, / the seas of sheep, with similarly lean faces, / Fiery-winged hoopoes dazzling in the open space – / the proud belongings of the desert of the sky./ So flew the days, behind them years ...» [2, V.1, p.205]. Such Kalmyk components can be traced in his other works. In his article «We and the houses» (1915) Khlebnikov cancelled conjoint streets; he thought the houses were difficult to discern. Obviously,

he recollected the Kalmyk kibitkas, always making a spacious circle in the steppe. «The circle as the shape-forming source is at the basis of the nomads' conceptions of space. The Mongol called the route of their traditional migrations a circle. The common space to support the social activity of the community also had the shape of a circle – not only a yurta, but also the whole inhabited space around it was arranged in circles» [9, p.11]. One of the Khlebnikov's models of a round house on wheels reminds us of the nomads: a man is traveling in the house, the glass walls of which «remove» the barrier between the person and the world. Probably, here is also an echo of the son's conversations with his father, the author of ethnographic notes. Vladimir Khlebnikov wrote: «Nomadic life of the Kalmyk forced them to create such a dwelling that could be easily moved from place to place. The Kalmyk kibitka fully satisfies the requirements of a nomadic life. It can be disassembled within an hour, loaded on one cart and after arrival to a new place in almost the same time put up again. It is enough to have a pair of yoked bulls or a camel to transport such a house. The Kalmyk kibitka has a form of a cylinder, a cone with a rounded off top on it» [7, p.2]. Modern researchers specify: «The yurta in the traditional beliefs of Mongolian people is the symbol of interrelation with the Universe, the model of it. The center of any nomadic house was the hearth <...> The fire of the hearth was considered the intermediary between the world of people and the world of the inhabitants of heaven ("fire is the representative of the Sun on the Earth"). Thus, it is one of the analogues of the mythological center of the world, and also a life-keeper, it is a symbol of well-being » [10, p.19, 23].

In «The Menagerie» (1909, 1911) the poet described the Garden, «where the glance of an animal is more meaningful, than heaps of books one has read», therefore «the camel, whose high hump is free of rider, knows the solution of the Buddhism, it has concealed a grimace of China» [2, V.5, p.41].

N. Bashmakoff suggests that the sighted objects under observation – wild animals – look like the ones e n d o w e d w i t h t h e s p i r i t of life. It's a kind of paradise on Earth: «Wildlife in "The Menagerie" seems to be the representation of belief – the belief in a supermeasure of a projection of life of spirit, the belief in spatial transformation on a space scale» (spacing of the author. – R. K.) [11, p.170]. Khlebnikov may have known that the Mongols' sacred books were usually transported on camels, whenever possible on white camels. Later, in 1921, he reminded that from the Ganges «holy water/the camels carried in sheep-skins, / to splash on lead-colored waters of the Volga, the river of savages» [2, V.2, p.201]. Looking at his camel-shaped inkwell, cast by «a descendant of Genghis Khan», Khlebnikov accentuated, that this camel was carrying «a load of prickly ideas» in the white desert of the writing desk. His remembrance of reincarnation is in the following reference to that copper object: «You may have been a knife / in former life perhaps. / Now bear in your sandy heart / the knife of the idea! » [2, V.2, p.201]. A mythological concept of fire in Khlebnikov's poem «How peacefully the herd of sheep is dozing ...» (1921) materialized in matchsticks in the matchbox which resemble sheep in the sheepfold. The concept is invoked in memory by the following lines: «the seas of sheep, whose faces are similarly lean». Thus «a sheep» is the core component in the semantic correlation a *sheep – multitude–- tameness – monotony – leanness;* sheep and thin identical matches are equally obedient to the human hand [12]. The association «matches – tamed flame», mentioned by Professor V. Anfimov in his Khlebnikov research, is obvious here. Khlebnikov's poem is based on a parallel «taming of the flame – taming of the destiny» [13, p.131].

The Buddhist theme sounded vaguely in «The War in a Mousetrap » (1915 – 1919 – 1922). Calling his friends to ascend his continent, the author did not lose hope: «I trust, I trust, that some day Buddha or the Allah / will exclaim "Heave ho!"» [2, V.3, p.182]. In the Buddhist postulates the idea of love and compassion to all living beings is paramount. «The fly-wheel of the terrestrial way» is to obey the hand of the man of future («The Children of the Otter») as the man will perceive the laws of time, space and generations and learn to control his destiny. This reminds of a wheel of regenerations (sansara) in the Buddhist consciousness. In his childhood Velimir could see a wooden wheel with fallow deer on both sides on the pediment of the Kalmyk khurul («be the elder brother of this fallow deer»). In the article «The Wheel of Births» (1919) Khlebnikov claimed, «The wheel of births is never guilty of a man's inability to distinguish its noise and the iron squeal of its blades» [8,

p.214]. Influencing the karma by his kind deeds a man can interrupt a circuit of regenerations, thus reaching the state of a buddha.

When the poet tried to forget the country of Lebedija, his Horse Kingdom, having entrusted the sounds to his pipe, he was all the same convinced, «We became better and more celestial, / having trusted in horses » («The War in a Mousetrap») [2, V.3, p.190]. In the myths of many peoples horses are connected with the sky, with the Sun («They are so different from us, / They are stricter and cleverer», «putting us to test with the word "act!"»). It was no accident that equally meaningful were to Khlebnikov «prince and duke, and a horse, and a book» with their «severe prophecy of speeches» as «they are of the same destiny, their yoke is imperceptible to us, like a patronymic» [2, V.3, p.191]. Khlebnikov as a scientist called people beams. He discovered «the beam of miracles» for all the people and for a separate soul («Time Is the Measure of the World», 1916). The «beam of miracles» influences the destiny of people thus becoming the beam of destiny, the beam of the world. Could his steppe landscapes come out of this source? In his steppe in the «barrows, like waves on a wave / In the scaly armour-plating lie the bogdokhans of the herds that passed away» [2, V.3, p.280]. Mongolian sovereigns (bogdokhans) ruled the destinies of people. Barrows are steppe burial places of ancient tribes in the lower reaches of the Volga (barrows – tribes – waves of time). The idols, stone images and stone warriors were put on the barrows. It is symbolical, that the gravestone of the poet in Moscow is guarded by a stone image. In one of his poems of 1919 Khlebnikov reflected: «Can I have grown into a stone image / In the steppes and under the pupil of the sky. / They are full of wild animals. / May be a letter I am, / Pale and weak, / On the scale of other measurements» [2, V.2, p.41]. It is most likely that the pupil of the sky is the Sun, according to Khlebnikov. «The meaning of this symbol is specified by Plotin who says that the eye could not look at the Sun if in any sense it was not the Sun itself. <...> Rather significant is an Egyptian definition of an eye – or, more precisely, of an iris of an eye with a pupil in its center – "it is the Sun in an aperture" (or a created Word) » [14, c.140].

The poem «Khaji-Tarkhan» (1913) shows the author's knowledge of a Kalmyk legend of the mountain Bogdo while the story «Yesir» (1918–1919) shows his acquaintance with a cosmogonic myth about the mountain Sjumer-ulu and with the legends of Genghis Khan as a cultural figure; he was the founder of arka (vodka) [15]. The Kalmyk discourse in the story opens with the reflection of a young girl, by the name of Coku that laid a fire near the kibitka. She reflected about a mythological mountain Sjumer-ulu, the median mountain of the world, «where dead ancestors' souls converge to drink the milk of mares» [2, V.5, p.192]. Dairy food is considered sacral by the Kalmyk, it is similar to the nectar of gods (arshan) and is a part of offering to gods. Therefore valorous ancestors taste the deserved food. Compare in the article «We and the houses»: «Boards of winners are already thrown away» (Can they also be Boards of Destiny? Were the Boards thrown away because they were the winners? – R. K.). «And the winners are already drinking a steppe drink, the milk of mares» [8, p.199]. The defeated are deprived of this right. So that is why, in «The Secret Legend of the Mongol» (1240) the widow Hoelun-udzhin reproached people of not giving her the chance to receive communion, i.e. to taste the sacred food, which was a part of the ancestors' fortune [16, p.29].

The drink in «Yesir» is not correctly identified: «The old Kalmyk drank bozo – black vodka of the Kalmyk» [2, V.5, p.193]. In R. Duganov's and A. Parnis's comment there is a correction: bozo is lees at the bottom of a boiler after distillation of dairy vodka. Khlebnikov Sr., describing food of the nomads, was more exact concerning the steppe alcohol. «The special drink arka is produced by means of distillation of fermented mare's milk (arjan or tchigjan). It is a sort of an alcoholic drink, its taste seems disgusting for those who are not used to it. People do not suffer from a headache after the abuse. The people who are not used to arka feel pleasant somnolence and drowsiness having drunk just a glass of it» [7, p.18]. Later in «Zangezi» (1920–1922) we shall be surprised at reading the next line: «I'll bring samogon, / I'll treat the God with araka ...» [2, V.5, p.335]. Russian and Kalmyk vodka are equipollent in the context, but more important is the fact that the author uses the name of a drink correctly.

We wrote that in «Yesir» the authour described tsatsal – the ceremony of offering white food (vodka) to local deities of the ground, water and fire. It was not the ritual of making vodka as is usu-

ally suggested. This is how the ritual of tsatsal is described by the author: «He has splashed the first cup onto the fire, the second cup was splashed up to the sky, and the third one was splashed on the threshold» [2, V.5, p.193]. The hero's address to Genghis Khan («May Genguiz Bogdo-Khan be gracious to me») is connected with the authority of this historic figure among Mongolian peoples, and also with the ceremony of making vodka. Khlebnikov could obtain information about that custom from I. Zhitetsky's works. The ethnographer was traveling in the Kalmyk steppe in 1883–1886 and knew the poet's father who helped him in gathering the materials about the life of the Kalmyk [1, p.309].

Contemplation of a flame of a fire calls forth a metaphorical vision of historical life and gives rise to mythological fancies. A. Parnis was just in his comment to «Yesir» having noticed that Khlebnikov trusted Zhitetsky, who in the «Sketches of the Astrakhan Kalmyks' Life» (1893) transformed the goddess of the lamaistic pantheon Okon-Tengri into the god of fire Okin-Tengir [17, p.703]. Zhitetsky wrote that at a ceremony of preparation of arka and its consumption the Kalmyk poured out the first cup of a drink into the hearth fire and asked Okin-Tengir to be merciful to them [18, p.32]. In the mythology of Mongolian peoples there is a deity of fire, personification of fire and hearth flame, both in masculine and in female hypostasis. The Kalmyk goddess of fire is Galtengri («Fiery tengri»). The image had been born out of people's beliefs in the spirits of the patrimonial and family hearth fire. There is a very important idea in Khlebnikov's context that «at creating the cult of Genghis Khan his patrimonial fire is comprehended as the lord of all spirits of the hearths and then as fire in general». According to one of the versions, the first fire was struck by Genghis Khan and blown up by his wife [19, p.269]. Some of these peculiarities are taken into consideration by R. Duganov in his notes [20, p.362]. According to H. Baran, «For Khlebnikov who was familiar with traditions of the Kalmyk the ennobled mythologized image of "Great Genghis" was not alien (the story "Yesir") » [21, p.210].

According to G. Isajev, Khlebnikov's mythological consciousness was formed under the influence of many factors – biographic, social, philosophical, aesthetic, ethnic, religious, traditions of Russian and world culture; hence his attention to the problems of interethnic relations [22, p.9]. At the same time we do not agree with the opinion of this researcher that in «Yesir» «religious dreams of different peoples are regarded by Khlebnikov as the dreams that will never bring a man to the truth» [22, p.173]. Moreover his analysis of the Kalmyk component reduces everything to confessional delusions.

The Kalmyk ceremony of libation (tsatsal) included libation to the Sky to express gratitude for the revival of life on Earth, to the fire as to the symbol of the Sun and of a man's viability, to the hearth as to the symbol of a family, of a clan and of well-being, to the threshold of the kibitka as to the watershed between a person's property and that of someone else, between external and internal spaces. This ceremony joined the Sky, the Earth and a man into a three-component model of the nomads' universe – the higher, the middle and the lower worlds. «The threshold protects good spirits and family wellbeing inside the house and prevents from penetration of evil from outside. <...> A door and a threshold are not only boundary objects, they act as a symbol of durability of the yurta, of the family living in it and even of the whole clan» [23, p.20–21]. The life-giving property of the Sun was manifested in «The Secret legend of the Mongol». The story goes that Alan-Koa conceived from a beam several times: «Every night a transparent yellow person entered through cracks in the threshold and in the door jamb and stroked my belly» [16, p.12]. Compare with a Kalmyk legend of the originating of Genghis Khan from a solar beam [24, p.182]. The intermediate link in the chain *the Sun – the beam – life on Earth* is the fire which is regarded as a terrestrial continuation of the solar element and that is why it is endowed with properties providing fertility, riches, and happiness. The hearth is the abode of fire and also of the goddess of fire, the patroness of a clan. The goddess had anthropomorphic qualities which is characteristic of many Turkic-Mongol peoples [10, p.174, 182]. It is well known that at the time of the spread of Buddhism Okon-tengri became the deity carrying out the functions of the mistress of the hearth. Okon-tengri is the name given by the Mongol to the Buddhist deity Lhamo, a representative of wrathful deities (dokshita). The ritual of offering to

the hearth fire which was the sacral center of the dwelling was also associated with Okon-Tengri. E. Bakayeva specifies that «at worshipping the mistress of the fire the Kalmyk call her Galyn Okn-tengri (the Celestial Fiery Girl). In Kalmyk legends Okon-tengri is also connected with Tsagan Sar holiday by the beginning of which the goddess had been released from demon captivity and came back to her mother land». The holiday is considered the beginning of the period of spring rains and thunderstorms [25, p.182]. According to some versions [24], Okon-tengri sacrificed her maternal happiness: she slew her own son, the child of the demonic King Mangas to save humankind.

Modern Kalmyk poetry shows interest in the heroine of the national mythology. This is caused by the tendencies to revive mental consciousness rooted in the cultural heritage: «Celestial maiden of fire, / so gentle and fair of face, / your tale is a mystery entire / to me, privy now to your ways. / Quintessence of feminine kind / (capricious life's path, is it not?), / but you, as the Mangus king's bride, / did violence to your own heart. / And so, when a child, nature's gift, / was due to come into this world, / you, plagued not a little by guilt, / were true to your instinct, your word, / and slew your own son, who in time / was meant to devour man's race» [26, p.159].

E. Bakayeva draws attention to a variant of the legend of Okon-tengri, told by the connoisseur of folklore M. Dandyrova. The legend goes that the girl had a lucky escape from the captivity with the help of a foal. Thus in the iconography Okon-tengri is portrayed not only as an angry deity from a rank of wrathful deities (dokshita), but also as a merciful goddess; the latter is more typical among the Kalmyk [25, p.183]. It is significant, that in all versions Okon-tengri (the Celestial Maiden, a common girl) is the defender of mankind, she helps to get rid of evil. According to T. Bordzhanova, there is a variant given by the writer K. Erendzhenov in the story «About the Tsagan Sar holiday». Okon-tengri battled against the son of mangas and his mother Nogan-Dara-eke (Green Tara) prompted where in the body of the child his soul was. The victory was gained owing to that help; since then people call the brave maiden daitchi – the defender and female warrior. E. Bakayeva refers to a Kalmyk fairy tale with the same plot. According to the story Nogan Dyarke (Green Tara) and Okon-Tengri appeared before the people on the day of the Tsagan Sar holiday. In E. Bakayeva's opinion, «the two variants of the legend of the girl who had been in a mangas captivity, probably shows the existence of various sources of the image of Okon-Tengri who is worshipped as the mistress of a home, a deity-dokshita, the goddess that saved humankind from destruction. Later in the iconography Okon-Tengri got the image of the Tibetan deity Lhamo. The fairy tale about Nogan Dyarke and Okon-Tengri was written down in Lagan. Ovshin N., the connoisseur of Kalmyk customs, considers that in a fairy tale about Okon-Tengri told all over the Maloderbetovsky ulus this girl-deity is the only character fighting against the mangas. This fact gives evidence of the existence of various mythological plots connected with Tsagan Sar Holiday. The legend of Okon-Tengri mentioned in all works of the researchers of the XIXth century was most widespread» [25, p.183].

The picturesque description of the god of fire's dance («red jaws», «white dead eyes», «terrible white eyes raised to the eyebrows by the dead head, hung up by the plait») in the story «Yesir» is close to the image of the Maiden of Fire who after infanticide was turned into dokshita – an angry deity of dark blue color with a string of human skulls on her neck. «So shattered was she by her crime, / a grimace contorted her face, / her skin, turning blue, lost its gleam, / and so, in an instant transformed – / her eyes bulging out, wild as screams – / a fearsome *dokshita* was born» [26, p.159]. The return of Okon-Tengri to Earth signifies the end of winter and coming of the Tsagan Sar (White Month) which is the New Year holiday for the Mongolian peoples. «This deity savage and wroth, / defense against foes, sits astride / a mule on a grim saddle cloth / composed of her baby's flayed hide, / and, pressing the flesh of her flesh, / she hurries to bring to the Earth / a spring that was long withheld / by crafty Erlik Nomin Khan. / Are you, lady savior of all, / a butcher or victim? / Who knows? / Your sins as a mother appall, / but I have no heart to cast stones. / The question of virtue and sin – / our touchstone of feeling and mind – / resembles dead coals that yet hide / an ember of frenzy within» [26, p.160].

According to some legends, Okon-Tengri is linked with a man's destiny (with death and with afterlife). In the detailed portrait of the dead man with a plait a certain ethnic feature was reflected. P.

Pallas wrote that in old days the heads of all men were shaven except for the plaited hair on the top, the nobility wore two or three plaits (1773). Zhitetsky's description of the Kalmyk men's hairdresses of his time is as follows: «In the steppe older people braid their hair in one plait. They shave off their hair on the head, leaving some of it only on the crown. They collect the remaining hair in one plait (I saw Kalmyk men with such a plait in Maloderbetovsky ulus in Dundu-khurul. Their hair-do reminded the Chinese hair style) » [18, p.14].

Summing up, the Kalmyk component in «Yesir» is presented by gender pairs, in which one element is historic-mythological. The masculine pair consists of the old Kalmyk and Genghis Khan, the female pair is made of the old man's daughter Coku and Okon-Tengri. They are linked with each other through the analyzed above ethnocultural components. First of all through the mythological concept of fire, which is prepotent in Khlebnikov's works. From our point of view, much in the Kalmyk discourse of the story confirms the necessity of studying a «Kalmyk» theme in the «Asian» / «Euroasian» paradigm in the literary heritage of the «Chairman of the Globe».

Notes

1. Parnis A.E. The «Euroasian» Contexts of V. Khlebnikov: from «a Kalmyk Myth» to a Myth about «Unified Asia» // The Euroasian Space: A Sound, A Word, An Image. M., 2003.
2. Khlebnikov V. Collected Works: in 6 V. M., 2001.
3. Starkina S.V. Velimir Khlebnikov. King of Time. The Biography. SPb., 2005.
4. Kolesnik V.I. The Last Great Migration: Transition of the Kalmyk from Central Asia to East Europe and Back Again in the XVIIth and XVIIIth Centuries. M., 2003.
5. Borisenko I. Temples of Kalmykia: Album. Elista, 1994.
6. Zhukovskaya N.L. Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism: Manual. M., 2002.
7. V.A. Khlebnikov's Archive. From Funds GU «Prof. N.N. Palmov KRKM». KP 6795/252.
8. Khlebnikov V.V. A Rock from the Future: Prose, Articles. Elista, 1988.
9. Sodpompilova M.M. Semantics of Dwelling in the Traditional Culture of the Buryat. Abstract of dissertation. Ulan-Ude, 2002.
10. Bakayeva E.P., Sangadzhiyev Y.I. Culture of Dwelling: Ethnic Traditions and Modern Priorities among the Kalmyk. Elista, 2005.
11. Bashmakoff N. Word and Image. About Velimir Khlebnikov's Creative Thinking. Helsinki, 1987.
12. In: Khaninova R.M. «The Matches of Destiny» by Velimir Khlebnikov: Poetics of a Flame // Asia in Europe: Interaction of Civilizations». Materials of the International Congress. In 2 parts. P.1. Elista, 2005. P. 186–192.
13. Lennkvist B. The Universe in a Word. Velimir Khlebnikov's Poetics. Translation from English by A.J. Kokotova. SPb., 1999.
14. Kerlot H.E. Dictionary of Symbols. M., 1994.
15. Khaninova R.M. Kalmyk Component in the story «Yesir» by Velimir Khlebnikov: Poetics of Myth and Culture // Works by V. Khlebnikov and Russian Literature. Materials of the IXth International Khlebnikov Readings. Astrakhan, 2005. P. 281–286.
16. The Secret Legend of the Mongol: Anonymous Mongolian Chronicle of 1240. Elista, 1990.
17. Comments of A.E. Parnis // Khlebnikov V. Creations. M., 1986.
18. Zhitetsky I.A. Sketches of the Astrakhan Kalmyks' Life. Ethnographic Observations of 1884–1886. M., 1893.
19. Neklyudov S.Y. Otkhan-Galakhan // National Myths of the World. Encyclopedia in 2 v. V. 2. M., 1994.
20. Khlebnikov V. Verses. Poems. Dramas. Prose. M., 1986.
21. Baran H. About Khlebnikov. Contexts, Sources, Myths. M., 2002.
22. Isajev G.G. «The Mosque and the Temple are in the lowlands...». Astrakhan, 1999.
23. Zhukovskaya N.L. Categories and symbolism of the Traditional Culture of the Mongol. M., 1988.
24. Seven stars: Kalmyk legends. Elista, 2004.
25. Bakayeva E.P. Ante-Buddhist Beliefs of the Kalmyk. Elista, 2003.
26. Khaninova R. Okon-Tengri // The Day of the Loving. Verses. Elista, 1997. Note: Translated by C. Copeland // Kalmyk University. 2006. 23 may. P.15.

Повесть В. Хлебникова «Есир» и калмыцкая легенда об Окон-Тенгри

Истоки «азийского» мировидения Велимира Хлебникова, как настаивает А.Е. Парнис, – в «калмыцкой» родословной поэта. «Калмыцкое» происхождение Хлебникова, его раннее детство, проведенное в Астраханской степи, позволяют не только многое понять в постоянном стремлении художника к Востоку, но и правильно оценить генезис этого тяготения [1, с.308]. В незавершенном автобиографическом повествовании 1916–1918 гг., задаваясь вопросом «Нужно ли начинать рассказ с детства?», Хлебников писал: «Да, я прожил какой-то путь и теперь озираю себя: мне кажется, что *прожитые мною дни – мои перья, в которых я буду летать, такой или иной, всю мою жизнь. Я определился. Я закончен*» (курсив везде наш. – Р. Х.) [2, т.5, с.203]. Оперенье – *орлиное* – становится не только *крылом*, но и *пером-рукой* («Я писал орлиным пером; шелковое, золотое, оно вилось вокруг крупного стержня»). «Интересен набор предметов, представляющих ценность для поэта, предметов, которыми он – бессребреник – обставляет свою жизнь. Орлиное перо служит ему орудием письма. Позже перо заменят игла дикобраза и ветка вербы, *и это также отразится в творчестве Хлебникова*» [3, с.124]. В статье «Железное перо на ветке вербы» он размышлял: «Есть обычай вырывать растение мысли из почвы, где она родилась. Я же хочу, чтобы к корням пристали комья земли для глаз почвоведа. Первая статья писалась иглой дикобраза лесов Гиляна. После нее было перо из красной колючки железноводского терновника. Эта – из вербы, другим взором, в бесконечное, в без-имени» [2, т.5, с.237]. За этим следует парадоксальное, как всегда у Хлебникова, признание: «Я не знаю, какое созвучие дают эти три пера писателя» [2, т.5, с.237]. Это – признание 30 апреля 1922 года. В мае–июне того же года, накануне смерти, обращаясь с горечью к современникам, он упрекнул их к незрячести: «...не заметив во мне / Событий вершины, / *Пера руки времен* / За думой писателя» [2, т.2, с.383]. А раньше в своем озере-памяти мемуарист видел свое отражение и понимал: «*Я тот*» [2, т.5, с.203]. Среди образов *прошлого*, *явившихся на его зов и просивших бессмертия у его чернил и его дара*, поэт идентифицировал главный: «*...но ведь это я, но в другом виде, это второй я – этот монгольский мальчик, задумавшийся о судьбах своего народа*» [2, т.5, с.203]. Первое «я» отсылает к племени волгоруссов, которое «*знало чары великой степи (отдых от людей и им пустота*), близость моря и таинственный холод великой реки. *Там сложилось мое детство, где море Китая затеряло в великих степях несколько своих брызг, и эти капли-станы, затерянные в чужих степях, медленно узнавали общий быт и общую судьбу со всем русским людом*» [2, т.5, с.202]. Здесь задан метафорический код истории калмыков, которые последними в череде кочевых азиатских народов начали свой путь в конце XVI в. и в середине XVII в. заняли Волго-Уральское междуречье. Примечательно, по В.И. Колеснику, что свое движение на запад калмыки, подобно гуннам, начали из Джунгарии и остановились там, откуда гунны начали свои знаменитые завоевания в Европе [4, с.5]. Поэтому вслед за А.С. Пушкиным (сын степей – друг степей) поэт XX столетия точен в определении (чужие степи), в наречии (медленно), в словосочетаниях (общий быт и общая судьба).

«Буддийский мир, калмыцкий быт, калмыцкие мифы и предания прочно вошли в сознание Велимира Хлебникова», – указывает С.В. Старкина [3, с.14]. Одно из первых детских воспоминаний связано с калмыцким хурулом, на воротах которого были деревянные слоны: достать монгольских кумиров мальчик не смог. В Малодербетовском улусе тогда было несколько больших и малых хурулов, среди которых – Дэду Ламин-хурул, Дунду хурул [5]. Воспоминание о калмыцком детстве обусловлено спором – перелезть через балясину, это испытание он выдержал, заслужив похвалу старшего брата («Прикосновение телом к балясине до сих пор не исчезло из памяти»). Балясина – это, известно, точеный столбик перил, ограды. Для поэта-философа не существовало оград мысли. «Знаменательно, – считает С.В. Старкина, – что последнее его произведение, труд нескольких лет его жизни, назван “Доски судьбы”. Доски судьбы используют при вычислении времени и в гаданиях калмыцкие и тибетские астрологи» [3, с.14]. Эти доски судьбы мальчик, вероятно, мог впервые увидеть в поездках с отцом, Владимиром Алексеевичем Хлебниковым, попечителем Малодербетовского улуса Калмыцкой степи, входившей в состав Астраханской губернии. «*В шелковых досках книги монголов*» во взрослых мечтах Ве-

лимира сами взойдут на костер из «кизяка благовонного», который собирают зарей калмычки («Единая книга»). Любопытно определение кизяка как благовонного в связи с обрядом самопожертвования. В контексте фрагмента бинарная оппозиция жизнь – смерть с мифологемой их тождества отсылает к монгольскому похоронному ритуалу, когда «прежде чем положить покойника на землю в местах захоронений, ее устилали слоем сухого навоза», и к родильному обряду (подстилка для роженицы) [6, с.112]. На бытовом уровне использование степняками кизяка или камыша в качестве топлива вызывало у Хлебникова-старшего иные эмоции: «Когда входишь в обыкновенную кибитку со свежего воздуха, то обыкновенно ощущаешь специфический запах, хотя воздух в кибитке особенно днем очень усердно меняется благодаря тяге, когда особ. <енно > горит огонь, но тем не менее часть дыма все-таки расходится по кибитке, так что, в конце концов, все предметы в кибитке начинают пахнуть кизячным дымом» [7, л.5].

«Ныне я упираюсь пятками в *монгольский мир* и рукой осязаю каменные кудри Индии», – так в сверхповести «Дети Выдры» (1911–1913) Сын Выдры думал об Индии на Волге [2, т. 5, с. 246]. По мысли Хлебникова, низовье Волги – это треугольник Будды, Магомета и Христа, особое место на карте мира. Призывая «заглянуть в монгольский мир», он сетовал, что русская словесность «не знает <...> *монгольских* веяний» [8, с.176]. «Мозг земли, – заявлял поэт, – не может быть только великорусским. Лучше, если бы он был материковым» («О расширении пределов русской словесности», 1913) [8, с.177]. По словам А. Парниса, в текстах Хлебникова последнего периода использованы различные этнографические, фольклорные и мифологические материалы, связанные с жизнью, бытом и культурой калмыков и других восточных и славянских народностей, проживавших в Нижнем Поволжье в далеком прошлом и в начале XX в. Они воплощены в поэме «Хаджи-Тархан» и повести «Есир», в очерке «Лебедия будущего», в сверхповести «Война в мышеловке», в статьях и заметках разных лет. Выявить эти материалы, установить их источники и верно их идентифицировать – задача, требующая внимания и понимания [1, с.313].

В поэтическом воспоминании 1909 года Хлебникова-младшего – не только описание природы родного края, но и проекция калмыцких компонентов в его творчестве. «Меня окружали *степь*, цветы, ревучие *верблюды*, / *Круглообразные кибитки*, / *Моря овец*, *чьи лица однообразно худы*, / Огнем крыла пестрящие простор удоды – / Пустыни неба гордые пожитки. / Так дни текли, за ними годы...» [2, т.1, с.205]. Скажем, в статье «Мы и дома» (1915) Хлебников отменял слитные улицы – трудно смотрятся: очевидно, вспомнил калмыцкие *кибитки* в степи, всегда стоящие просторным кругом. «Круг <...> как формообразующее начало является основой всяких представлений о пространстве у номадов: монголы называли кругом маршрут традиционного кочевания; в форме круга организовывается общее пространство жизнеобеспечения социума – не только юрта, но и все жилое пространство вокруг нее располагалось окружностями» [9, с.11]. Одна из хлебниковских моделей круглого дома на колесах отсылает к кочевникам: путешественник едет со своим домом, стеклянные стены которого «снимают» преграду между человеком и миром. Возможно, здесь и отзвук бесед сына с отцом, автором этнографических заметок. «Кочевая жизнь, которую ведут калмыки, – писал Владимир Алексеевич, – принудила создать такое жилище, чтобы оно могло быть легко перемещаемо с места на место. Таким требованиям кочевой жизни вполне удовлетворяет калмыцкая кибитка, которая в течение _ _ часа может быть разобрана, сложена на один воз и после прибытия на новое место в такое же почти время поставлена вновь. Для перевозки этого дома достаточно одного воза, запряженного парой быков или верблюдом. Калмыцкая кибитка имеет форму цилиндра с поставленным на него конусом с закругленной верхушкой» [7, л.2]. Современные исследователи указывают: «Юрта в традиционных представлениях монгольских народов – символ взаимосвязи со Вселенной, ее модель. Центром любого кочевого дома являлся очаг. <...> Огонь очага считался посредником между миром людей и миром небожителей (“огонь – представитель солнца на земле”), и, таким образом, одним из аналогов мифологического центра мира, а также хранителем жизни, символом благополучия» [10, с.19, 23].

В «Зверинце» (1909, 1911) поэт описывал Сад, «где взгляд зверя больше значит, чем груды прочтенных книг», и поэтому «*верблюд*, чей высокий горб лишен всадника, *знает разгадку буддизма и затаил ужимку Китая*» [2, т.5, с.41]. Как полагает Н. Башмакова, наблюдаемые зрящие предметы – звери – выглядят как н а д а р е н н ы е ж и з н ь ю д у х а – верей: «Живая

природа смотрится в «Зверинце» ликом веры – веры в сверхмеру проекции жизни духа, веры в пространственное преображение космических масштабов» (разрядка автора. – Р.Х.) [11, с.170]. Вероятно, Хлебникову было известно, что священные книги монголов обычно перевозились на верблюдах, по возможности на белых. Позже, в 1921 году, он напомнил, как из Ганга «священную воду / В *шкурах овечьих* верблюды носили, / Чтоб брызнуть по водам свинцовым на Волге, реке дикарей» [2, т.2, с.201]. Глядя на свою чернильницу-верблюда, изваянного «потомком Чингисхана», Хлебников подчеркнул, что верблюд этот в пустынях белых письменного стола «колючей мысли *вьюк*» несет. Память о реинкарнации в следующем обращении к медной вещи: «В переселеньи душ ты был, / Быть может, раньше нож. / Теперь неси в сердцах песчаных / Из мысли нож!» [2, т.2, с.201]. Мифологема огня в стихотворении Хлебникова «Как стадо овец мирно дремлет...» (1921), овеществленная в спичках, лежащих в коробке-хлеву, вызывает в памяти «моря овец, чьи лица однообразно худы», в ассоциативно-семантическом ряду: овца – множественность – приручeнность – однообразие – худоба, т.е. покорные человеческой руке одинаковые, тонкие спички [12]. Здесь явна ассоциация «спички – приручeнное пламя», приведенная профессором В.Я. Анфимовым при исследовании Хлебникова, на параллели «приручение пламени – приручение судьбы» построено это стихотворение [13, с.131].

В «Войне в мышеловке» (1915 – 1919 – 1922) опосредованно звучала буддийская тема. Призывая друзей взойти на свой материк, автор не терял надежды: «Я верю, я верю, что некогда «Майна!» / Воскликнет Будда или Аллах» [2, т.3, с.182]. В буддийских постулатах первостепенна идея любви и сострадания ко всему сущему. «Земного пути колесо маховое», которое должно стать подвластно длани будетлянина («Дети Выдры»), поскольку человек научится управлять судьбой, познав законы времени, пространства и поколений, напоминает и о колесе перерождений (сансара) в буддийском сознании. Маленький Велимир мог видеть на фронтоне калмыцкого хурула это деревянное колесо с ланями по обеим сторонам («будь старшим братом этой лани»). В статье «Колесо рождений» (1919) Хлебников настаивал: «Никогда не виновато *колесо рождений*, что слух не различает его шума, железного визга его лопастей» [8, с.214]. Влияя на свою карму добрыми поступками, человек способен прервать цепь перерождений, достигнув состояния будды.

Когда поэт пробовал забыть страну Лебедию, свое Конецарство, доверив звуки своей цеве, все равно был убежден: «Мы стали лучше и небесней, / Когда доверились коням» («Война в мышеловке») [2, т.3, с.190]. В мифопоэгике многих народов кони связаны с небом, с солнцем («Они на нас так не похожи, / Они и строже и умней», «в нас испытуя слово “дей!”»). Не случайно для Хлебникова в одном ряду «князь и кнезь, и конь, и книга/ – речей жестокое пророчество», потому что «они одной судьбы, их иго / Нам незаметно, точно отчество» [2, т.3, с.191]. Хлебников-ученый называл людей лучами, открыв «луч чудес» для народов и отдельной души («Время мера мира», 1916), лучи судьбы и мира. Не отсюда ли его степные ландшафты, «где курганы, как *волны на волне* / В чешуйчатой броне – былые *богдыханы* умерших табунов» [2, т.3, с.280]. Курганы – степные захоронения исчезнувших племен в низовьях Волги (курганы – племена – *волны времени*), на курганах ставились идолы – каменные бабы и каменные воины (былые богдыханы – монгольские повелители, всадники коней, правившие судьбами народов). Символично, что московское надгробье поэта охраняет каменная баба. В одном стихотворении 1919 г. Хлебников размышлял: «Может, я вырос чугунною бабой / На степях у неба зрачка. / Полны зверей они. / Может, письмо я, / Бледное, слабое, / На чаше других измерений» [2, т.2, с.41]. Зрачок неба, скорее всего, это – Солнце, по Хлебникову. «На смысл символа указывает изречение Плотина о том, что глаз не мог бы смотреть на Солнце, если бы в каком-то смысле сам не был солнцем. <...> Весьма знаменательно определение, которое дают глазу египтяне – или, точнее, радужной оболочке глаза со зрачком в центре, “это солнце в отверстии” (или сотворенное Слово)» [14, с.140].

Поэма «Хаджи-Тархан» (1913) демонстрирует авторское знание калмыцкой легенды о горе Богдо, повесть «Есир» (1918–1919) – осведомленность в космогоническом мифе о горе Сюмер-улу – Сумеру, легенд о Чингис-хане как культурном герое, создателе арьки [15]. Калмыцкий дискурс в повести открывается размышлением юной героини, по имени Коку, которая разожгла костер у кибитки, о мифологической горе Сюмер-улу (Сумеру), срединной горе мира, «где сходятся души мертвых предков пить *молоко кобылиц*» [2, т.5, с.192]. Молочная пища у калмыков считается

сакральной, сродни аршану – нектару богов, и входит в состав жертвоприношений бурханам. Поэтому доблестные предки вкушают заслуженную еду. Ср. в статье «Мы и дома»: «*Доски победителей уже брошены* (Доски судьбы? Потому что победили? – Р.Х.), и *победители* уже *пьют* степной напиток, *молоко кобылиц*» [8, с.199]. Побежденные, равно как и обездоленные, лишены этого права. Так, в «Сокровенном сказании монголов» (1240) вдова Хоелун-уджин упрекнула других в том, что ей не дали причаститься к счастью предков и священной пище [16, с.29].

В «Есире» дана неточная идентификация питья: «Старый калмык пил бозо – черную водку калмыков» [2, т.5, с.193]. В комментариях Р.В. Дуганова и А.Е. Парниса исправлено: бозо – гуща в котле после перегонки молочной водки. Хлебников-старший, описывая питание кочевников, был точнее в отношении степного спиртного. «Посредством перегонки арьяна или чигана добывается особый продукт арькэ – род спиртного напитка, для не привыкших вкус напитка кажется отвратительным. Головной боли после опьянения арькой не наблюдается. У не привыкших и один стакан вызывает приятную дремоту и наклоняет ко сну» [7, л.18]. Позже в «Зангези» (1920–1922) встретим с удивлением следующую строку: «Я самогону притащу,/ *Аракой* Бога угощу...» [2, т.5, с.335]; русская и калмыцкая водка в контексте тождественны, но главное – автор правильно маркирует название напитка.

В «Есире», мы писали, воспроизведен не обряд приготовления водки, как обычно полагают, а обряд «цацал» – возлияние (окропление) белой пищей (водкой) местным божествам земли, воды, огня. Этот ритуал как раз и приводит автор: «Первую чашку он плеснул в огонь, вторую – в небо, третью – на порог» [2, т.5, с.193]. Обращение героя к имени Чингис-хана («Пусть меня милует Чингис богдо-хан») связано с авторитетом этой исторической личности среди монгольских народов, а также с обрядом приготовления водки. Сведения о таком обычае Хлебников мог получить, в частности, из трудов И.А. Житецкого, который в 1883–1886 гг. путешествовал по Калмыцкой степи, был знаком с отцом поэта, помогавшим этнографу в сборе материалов о быте калмыков [1, с.309].

Именно созерцание пламени костра вызывает у человека метафорическое видение исторической жизни, рождая мифологические мыслеобразы. Как верно замечено в комментариях А.Е. Парниса к тексту повести, Хлебников доверился Житецкому, который в своих «Очерках быта астраханских калмыков» превратил богиню ламаистского пантеона Окон-Тенгри в бога огня Окин-тенгир [17, с.703]. Житецкий писал, что при обряде приготовления арьки и ее потреблении первую чашку с напитком выливали в огонь очага со словами о том, чтобы миловал огненный Окин-тенгир [18, с. 32]. В мифологии монгольских народов существует божество огня, персонификация огня, очажного пламени как в мужской, так и в женской ипостаси. У калмыков – это Галтенгри («огонь-тенгри»), образ, создававшийся на основе представлений о духах родового и семейного очага. Для нас важно в хлебниковском контексте, что «при складывании культа Чингисхана его родовой огонь осмысливается как владыка над всеми духами очагов и затем – как огонь вообще», так как по одной из версий первый огонь был высечен Чингисханом и раздут его женой [19, с.269]. В примечаниях Р.В. Дуганова некоторые особенности учтены [20, с.362]. Согласно Х. Барану, «Хлебникову, хорошо знакомому с традициями калмыков, не чужд возвышенный, мифологизированный образ ”Великого Чингиза” (повесть “Есир”)» [21, с.210].

Содержание мифологического сознания Хлебникова, в том числе обращенного и к проблемам межнациональных отношений, по словам Г.Г. Исаева, формировалось под воздействием многих факторов – биографических, социальных, философских, эстетических, этнических, религиозных, традиций русской и мировой культуры [22, с.9]. В то же время нельзя согласиться с мнением этого исследователя о том, что в «Есире» «религиозные грезы разных народов даны Хлебниковым именно как грезы, не приводящие человека к истине» [22, с.173], особенно с его анализом калмыцкого компонента, сводящим все к конфессиональным заблуждениям.

Калмыцкий обряд, в котором возлияние Небу демонстрировало благодарность за возрождение жизни на земле, огню – как символу солнца, жизнеспособности человека, очагу – как символу семьи, рода, благополучия, порогу кибитки – как границе чужого и своего, внешнего и внутреннего пространства, соединял небо, землю и человека в трехчленной модели мироздания номадов – верхний, средний и нижний миры. «Порог оберегает добрых духов и

благодать внутри и препятствует проникновению зла извне. <...> Дверь и порог – не только пограничные объекты, они же выступают символом прочности юрты, живущей в ней семьи и даже всего рода» [23, с.20–21]. Животворное начало Солнца отразилось в «Сокровенном сказании монголов» в рассказе о том, как Алан-Коа несколько раз зачала от луча: «Каждую ночь прозрачный желтый человек входил через щели порога и дверного косяка и гладил мне чрево» [16, с.12]. Ср. калмыцкую легенду о происхождении Чингис-хана от солнечного луча [24, с.182]. Промежуточным звеном в цепочке солнце – луч – жизнь на земле является огонь, осознаваемый земным продолжением солнечной стихии, а потому наделяется свойствами обеспечения плодородия, богатства, счастья. Очаг является местопребыванием как огня, так и хозяйки очага – богини огня, покровительницы рода, которая выступала как антропоморфное существо, что характерно для многих тюрко-монгольских народов [10, с.174, 182]. В период распространения буддизма, как отмечено, божеством, выполняющим функции хозяйки очага, стала считаться Окон-тенгри – так называют монгольские народы буддийское божество Лхамо из рода докшитов. Жертвоприношение огню очага как сакральному центру жилища связано и с Окон-Тенгри (дева неба или небесная дева). «Калмыки при поклонении хозяйке огня называют ее галын Окн тенгри (Небесная огненная девушка), – уточняет Э.П. Бакаева. – В калмыцких легендах Окон тенгри также связывается с праздником Цаган Сар, к началу которого богиня, как считают, освободилась из плена мангасов и возвратилась в родной край»; этот же праздник считается началом периода весенних дождей и гроз [25, с.182]. Окон-Тенгри, согласно некоторым версиям [24], похищенная демонами-мангасами и убившая совместного с царем мангасов ребенка ради спасения людей, пожертвовала своим материнским счастьем.

В современной калмыцкой поэзии интерес к героине национальной мифологии обусловлен тенденциями возрождения ментального самосознания, укорененного в культурном наследии: «Небесная дева огня, / Прекрасная ликом своим, / Ты – тайна теперь для меня, / Причастной к загадкам твоим. / Ты – женственность, нежность сама, / (о, сколь прихотлив жизни путь!) / женой всех мангусов царя / неволила бренную суть. / Когда дар природы, дитя, / Увидеть был должен сей свет, / Нимало себя не виня, / Сдержала инстинкт свой, завет, / И сына убила – ведь он / Был призван губить людской род» [26, с.159].

Э.П. Бакаева обращает внимание на вариант легенды об Окон-Тенгри, рассказанной знатоком фольклора Н. М. Дандыровой: девушка счастливо спасается из плена с помощью жеребенка. Окон-Тенгри, таким образом, имеет не только общеизвестную иконографию гневного божества из ранга докшитов, но и образ милостивой богини, который более характерен для калмыков [25, с.183]. Знаменательно, что при всех версиях (небесная дева, простая девушка) Окон-Тенгри – защитница человеческого рода. И если она не убивает собственного младенца, то помогает избавиться от чужого ребенка, как в инварианте писателя К. Эрендженова «О празднике Цаган Сар», по сообщению Т.Г. Борджановой. Окон-Тенгри сражалась с сыном мангуса, а Ноган-Дара-еке (Зеленая Тара), его мать, подсказала, где находится в теле малыша душа, благодаря чему была одержана победа: отважную деву люди стали называть защитницей и воительницей – дайчи. Э.П. Бакаева ссылается на калмыцкую народную сказку с тем же сюжетом, когда Ноган Дярк (Зеленая Тара) вместе с Окон-Тенгри появляются в день Цаган Сара перед людьми. По ее мнению, «существование двух вариантов легенды о девушке, побывавшей в плену у мангасов, возможно, является отражением различных истоков образа Окон тенгри, которую почитают как хозяйку домашнего очага, божество-докшита, богиню, спасшую род человеческий от исчезновения, со временем приобретшую иконографию тибетского добуддийского по происхождению божества Лхамо. Сказка о Ноган Дярк и Окон тенгри была записана в Лагани. Как считает знаток калмыцких обычаев Овшин Н., во всем Малодербетовском улусе в сказке об Окон тенгри единственным персонажем, борющимся с мангасом, является эта девушка-божество, что служит свидетельством бытования различных мифологических сюжетов, связанных с Цаган саром. Наиболее распространенной была легенда об Окон тенгри, упоминаемая во всех работах исследователей XIX века» [25, с.183].

Описание в повести «Есир» танца бога огня в своей живописности («красные челюсти», «белые мертвые глаза», «страшные белые глаза подымались к бровям головой мертвого, повешенной за косу») недалеко от изображения девы огня, которая после детоубийства превратилась

в докшиту – гневное божество синего цвета с ожерельем из человеческих черепов. «Злодейством ум так потрясен, / Что им искривлен ее рот, / А кожа, став синею вмиг, / Утратила свежесть и цвет, / Глаз выкатив дикий, как вскрик, / Докшита родилась в ответ» [26, с.159]. Ее возвращение на землю означает конец зимы и наступление праздника Цаган Сар (Белый Месяц) – нового года у монгольских народов. «Свирепое то божество – / Защита людей от врагов, / Ногою свое естество – / Всю кожу ребенка – покров / Мула белого сжав, / Торопит на землю весну, / Которую задержал/ Коварный Эрлик-номин-хан. / О женщина, спасшая всех, / Палач ты иль жертва?/ Как знать.../ Но твой материнский грех / Мне с горечью сложно признать. / Дилемма добра и зла – / Критерий ума и чувств, – / Как мертвая вроде зола / Скрывает свой уголь буйств» [26, с.160].

По некоторым легендам, Окон-Тенгри связана с судьбой (смертью и загробным миром). В детализированном портрете мертвеца с косой отразилась этническая особенность: раньше все мужчины брили голову, оставляя на маковке волосы, заплетенные в одну косу, а знать – в две или три косы, по свидетельству П.С. Палласа (1773 г.). У Житецкого в описании современных ему мужских калмыцких причесок встречаем следующее: «Внутри степи пожилые люди заплетают волосы на голове в одну косу. <...> сбривают волосы на голове, оставляя лишь на темени, и оставшиеся на темени волосы собирают в косу (с подобной косой, напоминающей прическу китайцев, мне пришлось видеть калмыков в Малодербетовском улусе в Дунду-хуруле)» [18, с.14].

Таким образом, калмыцкий компонент в «Есире» представлен гендерными парами, в которых один элемент – историко-мифологический. Мужскую пару составляют старый калмык и Чингис-хан, женскую – дочь старика Коку и Окон-Тенгри. Они связаны между собой через рассмотренные этнокультурные компоненты, прежде всего – мифологему огня, доминантной в хлебниковском творчестве. Многое из того, что заявлено в калмыцком дискурсе повести, как нам представляется, подтверждает необходимость изучения «калмыцкой» темы в «азийской» / «евразийской» парадигме художественного наследия «Председателя Земного Шара».

Примечания

1. Парнис А.Е. «Евразийские» контексты В. Хлебникова: от «калмыцкого мифа» к мифу о «единой Азии» // Евразийское пространство: звук, слово, образ. М., 2003.
2. Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. М., 2001.
3. Старкина С.В. Велимир Хлебников. Король времени. Биография. СПб., 2005.
4. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.
5. Борисенко И. Храмы Калмыкии: Альбом. – Элиста, 1994.
6. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учебное пособие. М., 2002.
7. Архив В.А. Хлебникова. Из фондов ГУ «КРКМ им. проф. Н.Н. Пальмова». КП № 6795/252.
8. Хлебников В.В. Утес из будущего: Проза, статьи. Элиста, 1988.
9. Содпомпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Автореф. дисс....канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002.
10. Бакаева Э.П., Сангаджиев Ю.И. Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста, 2005.
11. Башмакова Н. Слово и образ. О творческом мышлении Велимира Хлебникова. Хельсинки, 1987.
12. См.: Ханинова Р.М. «Спички судьбы» Велимира Хлебникова: поэтика пламени // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций: Материалы международного конгресса. В 2-х частях. Ч.1. Элиста, 2005. С. 186–192.
13. Леннквист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова / Пер. с англ. А.Ю. Кокотова. СПБ., 1999.
14. Керлот Х.Э. Словарь символов. М., 1994.
15. Ханинова Р.М. Калмыцкий компонент в «Есире» В. Хлебникова: мифопоэтика и культура // Творчество В. Хлебникова и русская литература: Материалы IX Международных Хлебниковских чтений. Астрахань, 2005. С. 281–286.
16. Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста, 1990.
17. Комментарии А.Е. Парниса // Хлебников В. Творения. М., 1986.
18. Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М., 1893.
19. Неклюдов С.Ю. Отхан-Галахан // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т.2. М., 1994.
20. Хлебников В. Стихотворения. Поэмы. Драмы. Проза. М., 1986.
21. Баран Х. О Хлебникове. Контексты, источники, мифы. – М., 2002.
22. Исаев Г.Г. «Мечеть и храм несет низина...». Астрахань, 1999.
23. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
24. Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания. Элиста, 2004.
25. Бакаева Э.П. Добуддийские верования калмыков. Элиста, 2003.
26. Ханинова Р. Окон-Тенгри // День влюбленных: Стихи. Элиста, 1997. Английский перевод К. Коупланда // Калмыцкий университет. 2006. 23 мая. С.15.

Эссе

Взлететь над мира суетой

Степь.

Ее не сразу разгадаешь.

Она не откроется с первого взгляда.

Она дарует знания не случайным.

Ее необъяснимая природа обаяния в ваших генах. Сопротивляясь, недоумевая, вы с удивлением обнаруживаете со временем свою зависимость от терпкого запаха полыни, бескрайнего горизонта, обнажившего вас в степном пространстве: в своей первозданности.

И тогда скромные, пастельные пейзажи будут бередить душу, взывая к давно забытым воспоминаниям.

Ее простор, раздвигающий границы неба и земли, будит космическую память человека, ощущающего себя наедине с природой.

Степь таит в себе секреты времени и пространства.

Она величественна в вековом покое, даже потревоженном вторжением человека.

Апрель 1991

***

Время поистине быстротечно.

Оно уносит из нашей памяти и мимолетное, и постоянное...

Всему свое начало и свой конец.

И в этом, может, суетность бытия.

Но память наша избирательна, и самое заповедное, самое сокровенное в ее тайниках сохраняет свое значение, спасая человека от забвения.

И в этом, может, мудрость бытия.

Попытка остановить время – разговор поэта с вечностью.

Июль 1991

Наедине с собою

Судьба...

Таинственная бездонность многозначия, имеющего отношение ко всему сущему. Синоним жизни, а следовательно – и счастья и несчастья.

Как бы то ни было емкая формула спасительной цели: «Отсутствие несчастья уже счастье».

Или достопамятная ловушка для юных, распахнутых навстречу жизни душ: «Человек рожден для счастья, как птица – для полета».

Всякая ли птица летает – вот в чем вопрос: может быть, для одной полет – лишь забвение земли, а для другой – долгожданная встреча?

Почему человек суеверен в своем отношении к судьбе?..

Счастливый человек, не скрывающий своего везения в этом, как привидение: все слышали, но никто не видел, никто не верит – но все надеются...

И чего в этом больше – благоговения перед судьбой или боязнь сглаза (не судьбы, хотя она и своенравна) ближнего, которому (ирония судьбы) не навреди.

Всю жизнь мы боролись. За все, что нужно и можно. Теперь за то, что нельзя. Иногда борьба становилась настолько прочно усвоенной формой существования, что утрачивала свое первоначальное значение и превращалась в борение. Прежде всего с самим собой. В этом борении побежденного не судили – его жалели.

Единства и борьба противоположностей. Закон диалектики – приживалка в царстве любви, суровая необходимость, клятая и мятая ежеминутно в бегстве от вечных вопросов бытия: «быть или не быть?» как уже «бить или не бить?..»

Свобода от судьбы – свобода от борьбы.

Так что же нужнее – свобода выбора или свобода независимости от выбора?

Вера в судьбу – вера в магию заклинаний (на полюсах «Не дай, бог!» и «Дай, бог!»; бог, разумеется, уже не форма обращения, а форма цитирования), в свою звезду пленительного счастья.

Звезда высоко, но она есть.

Недоступна в своей заманчивой близости глазу, но не руке (руками не трогать?), а значит, спокойствие зрения (светит!) дарует умиротворение душе (греет!).

Что спасает надежду?.. Сознание своего избранничества как отличительной меты за оставленные крепости духа (соперник был несгибаем, а нам победа не к спеху?). Сожженные мосты в средневековом замке сердца (мой дом – моя крепость)?

И все же цепи эти так обременительны, а стук у ворот так отчетлив, что «нет пророков в своем отечестве»?

Формула свободы – формула любви.

Формула любви в доверии к судьбе: она с повязкой на глазах, но ведь это высшее ясновидение.

Июль 1991

Прости меня за все, что не случилось

В юности – нестерпимая потребность любви (любите меня за то, что я есть, буду и за то, что смертна; любите меня – и я отвечу, благодарная за талант внимания и нежности).

В молодости – неприятие времени в выражении чувств (скорее любите меня, пока не опали, как листья цветка, страсти души).

В зрелости – нетерпимость, духовный максимализм – все суета сует...

Оглянуться – значит невольно вернуться в прошлое.

Но что делать, если зрачки повернуты в душу?..

Казалось, весь мир – сцена, и все мы на ней актеры – бездарные и гениальные – играем, не в силах отказаться от своей роли (или чужой?). А может, ролей? Всегда одновременно и зритель, и актер, и режиссер. А плата за игру – впереди.

Бесхитростность устройства и монотонность действия песочных часов заворачивают: песчинка за песчинкой, снова и снова...

А сколько ассоциаций рождает процесс наблюдения.

Песок – прах – крах...

«Уж лучше прахом быть, чем нелюбимой?»

Всему свое время и свой срок.

Первая любовь – вечная дилемма: с тобой и навсегда или не с тобой и никогда.

Вторая – все может быть...

Третья и прочие – все проходит, как написано на перстне царя Соломона.

Умножая знания, умножаем скорбь. С возрастом таблица вычитания доминирует над всеми другими таблицами арифметических действий.

Немного солнца в холодной воде...

Отраженный солнечный свет примиряет грустную душу с холодной водой.

Но этот худой мир лучше ль доброй ссоры?..

Вода с палубы корабля кажется всюду одинаковой, а сам корабль – непотопляемым.

Одиночество вдвоем... Минус плюс, плюс минус... Один равен чему? И нужно ль кому?

Едина во всех лицах – себя, любимую, я больше не люблю.

Нет веры – нет надежды.

Инстинкт самосохранения души гонит на поиски, в истоках которых иск?..

Понять – значит простить.

Простить – пожалеть.

Жалость к ближнему, как бумеранг: чем больше жалеешь ближнего, чем больше жалеешь себя.

Жалость к прошлому – ностальгия души. Пережито – значит пройдено. Возврата к прошлому нет.

Настоящее неопределенно, будущее своевольно, прошлое – в собственность.

Собственность жаль.

Июнь 1992

***

Вначале был Звук, потом – Слог, затем – Слово.

Из Небытия, из Хаоса, Извне – в Бытие, в Гармонию, в Душу.

Созревало внутри, как зерно в земле, чтобы стать колосом – вне себя – для других.

Словно песчинка в раковине, чтобы стать жемчужиной, обрастала плотью слов Мысль, рождая Речь, – из себя, вне себя – в море, в мир.

Из Мгновения – во Время, из Времени – в Вечность.

Путь Речи.

Час Речи...

Декабрь 1998

***

Что движет Солнце и светила? – задумался Поэт, подобно астроному, и сам себе ответил: – Любовь.

– О женщине нужно писать, обмакивая перо в радугу и пыльцу крыльев бабочки, – благоговейно заметил Философ.

Женщину понять невозможно, как Жизнь.

Остается принять, как есть.

Единственную.

Неповторимую.

Ускользающую.

И всегда – притягательную.

Как Бездна...

Август 2002

Иван БЕКЕТОВ

Родился в селе Мерке Жамбылской области Казахстана. По окончании гимназии поступил в Казахский национальный педагогический университет имени Абая. В настоящее время - студент филологического отделения. Работал редактором и обозревателем в одном из казахстанских еженедельников. Участник культурных и образовательных программ фонда «Мусагет».

(проходя возле)

я их боялся
больше чем боялся
проходя меж ними

боялся что они меня увидят
что увидят как я проходя
боялся

не смотрел в глаза их
боялся то
что они поймут меня

что боюсь их повседневность
их однообразие безликое
одинаковость стремлений

они следили как я прикасался
к предметам за которыми
их скрывалось все

ждали когда же я не прикоснусь
когда я открою рот
и скажу что я не прикоснусь

я боялся чувствуя тепло
(окровавленных желудков, рыбьих глаз
топча ногами полные невыдоенные вымя)

***

еще стоит успеть
найти того кто помнит
кленовый майский рассвет
полосатый от брошенных теней домов

в котором дети и я среди них
в половине десятого в полосе света
греюсь на белом камне у дома
(наблюдая крупы вдыхая клеверную пыль)
уже весь в обеденном молоке с малиной

то желание з*а*месь
молочного с малиновым
и только цвет назначен быть
но невозможно
по цвету возвратиться

и осы выели все ягоды
изнутри и только цвет
назначен быть возможным

***

вот опять
на камнях белых
которые не время собирать
вижу тени и детские улыбки
которые достались мне

словно руины происшествий
части колон переживаний
имена которые уже не встретить

мы звали друг друга по-другому
все больше прозвища
запечатленные имена апостолов
неозначаемые

то была игра
о которой мы дети и не подозревали
греясь на соломе

***

я по углам ходил
когда мешало место
которое я все никак не мог найти

я думал что пора бы
в пустоте мне отыскать крючок
маленькую часть хотя бы точку
запятую полную дыхания

незначительную часть
        за которую так хочется держаться
        в сырой ноябрьский вечер

        на которую можно намекнуть
        говоря о будущем с любимой

непродленную точку
        из которой можно вопреки
        всем сомнениям
        начинать чертить свою окружность

        в которой время пусть
                и неправдоподобно
        но все же выполняет свою роль

алюминиевый крючок
        на который можно положиться
        как на хранителя вещей

        от которого все что мне досталось –
                слово
        вспоминать о них

случайную запятую
        перед которой можно
        перевести дыхание

        или возможно исповедаться
        в глубине ее извилины

***

я помню у той
реки было множество изгибов
поворотов чтобы дать возможность
нам гуляющим прогулку интересней
с выводами и загадочней

как же так случилось?
наблюдая тысячи изгибов
я забыл как оказался тут

где о той
реке не помнят и не знают
что изгибы это приключения

***

вот рисунок на обоях
(вглядываясь)
в котором можно угадать
как Он с квадратной головой
целует Ее в шею круга

что еще нужно?
чтобы понять
встречаются места
в которые не нужно возвращаться

(взгляд которым я мог
различить себя однажды
сегодня мне показывает
лишь пустой шкаф)

***

птицы на рельсах
рискуют опоздать
взлететь однажды

пора немногословна
в избытке желчь и мелочь
        и кажется тепло

драп хранит
        в мокрой гальке сна
        его другой страны

***

Т.Т.

(не смотря на... лет войны)

убить ребенка
возможно если цвет устал
не говорить
откуда год за два

(ни одного перебежчика)
только численность смиряет счет
(я не стукач но знаю
форму доклада)

словно юбилейный свет
дождаться откровений
как белизна покрывает губы

одностороннее молчание
отговорок пелена

постоянный звук застывшего незнания
будто остановка
младенческого желания выговорить
(заговорить)

***

что угодно
обезумие от облетания
(словно)
или замереть от многоцветья

где-то ты там
паром выдаешь голос

желтеющей в крови соломы
испаряя не нужна

поверх глотка
(волнение)
отворачиваешься в течение
то что я не знаю

осыпаешь все

***

перемещение ничего не значит
стоит только вслушаться со стороны

тут или там
в неизвестном месте

остановившееся желание
бездействие одиночествующего
страх уловить
(неустойчивое)
потерянное прошлое

обрывок разговора затихшей надежды
праздник исчезнувшей толпы

стоит только
переместиться как

история обелиска оборачивается
обелисковой историей

***

вагон скрипит
словно старый корабль набирая ход
на верхней полке урод
смеется что он урод

ветер с сырыми деревьями
шатается в пьяном танце чужой страны
и пока не уснешь
тошнит от вагонной мглы

и вся ночь один сплошной позвоночный толк
о забытых набережных в отражении
стогранных вод
где Петин кораблик скрипит покачиваясь
позабыв про флот

и скрипя храпит как урод
во сне позабыв что он урод

***

не-обстоятельство
я удержать хотел
чтобы не спрашивали

не поднимали пыль
не мели

за (не?) обстоятельство

Павел БАННИКОВ

Павел Банников (Павел Погода) — поэт, редактор, издатель.

Родился в Алма-Ате в 1983 г. В 2004 году окончил литературные курсы ОФ «Мусагет». Филфак КазНПУ в 2007 году (кафедра языкознания). В 2005-2006 — редактор ЛХИ «Аполлинарий». С 2006 года — редактор глянцевого мужского журнала. С сентября 2008 года главный редактор казахстанского издания журнала «Вокруг света». Первая публикация — в журнале «Аполлинарий» в 2004 году. Также публиковался в журнале поэзии «Воздух» альманахах «Литературная Алма-Ата», «Картель Бланшар» (соиздатель), «Гран Фри» (составитель и редактор), «сорок.четыре» (составитель и издатель), «Дом Ильи», в Интернете — на сайтах «Топос», «Кастоправда». Шорт-лист премии «Литературный Рентген — 2008». Один из основателей антикоммерческого антипериодического издания «Ышшо Одын» (с 2009). Куратор литературного проекта «Угол Слуха». Региональный куратор проекта «Новая литературная карта России».

хоргос

[airport 15]
[аэропорт 15]

[khorgos 345]
[хоргос 345]

в глазах и на языке
хоргос

хор
гос

господи
я не представляю себе хоргос
не представляю
место это город может деревня поселок
из двухсот душ
работающих в кафе для дальнобойщиков

хор
гос

господи
я представляю
не представляю

представляю город в духе шанхая
середины прошлого века
в духе токио середины прошлого века
в духе сеула середины прошлого века
в духе жареных овощей горящего масла
и отбросов
многоязычие и непонимание
ор и жестикуляция
громогласный хор жестов
хор
гос

поди узнай кто эти люди
кто это на сиденье слева
на сиденье справа
на тротуаре и за столиком напротив
потоки потоков
несуществующие как я как и ты и для них
и по сути неважно это

есть только хор
хоргос
не город не место
слово всего

единственное
слово

шарик

будто бы мир становится тесным
кольцом людей
реакциями кожи
ближний становится слишком близко

будто бы мир похож на дубовую бочку
бочар всё стягивает и стягивает обруч
мир обручённый становится
слишком тесным

и будто так мирно
идти и дышать чужим придыханием
ощущая себя
в металлическом кубе
в стеклянной призме
в хрустальном шаре

всё проще
мир похож на длинный воздушный шарик
из которого складывается замысловатая
лошадка
и правое копытце не ведает куда
ступает левое

курган

в городах где никогда не бывал
не читал ни в энциклопедии ни в сети
говорят в центре есть место силы
посети — обязательно посети

ходи к центру найди и встань
в центр
от памяти отстранись
город всегда тот самый
там небо раскрывается вниз

курган будто хоргос сиань
будто обещанное ненаписанное письмо
холм увиденный через увеличительное
стекло
в груди товарища по переписке
всегда оцарапанное или гофрированное
плотное стекло

говорю себе уже — ходи и встань
там в центре еще есть цветок
сирени
думаешь засушен и смолот в твоём

встань и ходи все равно куда
подмышкой энциклопедия налегке
на краях света хоргос сиань
курган
небо в руке

рождественский романс. третий мир

промокшее пальто согревается в такси
шофёр говорит
извини
может это не моё дело -
ты похож на баптиста -
с рождеством!

я еду к тебе и думаю
что мы живём в стране третьего мира
что за последние несколько лет я
не встретил ни одного приятного
собеседника
что за последние несколько лет я не
услышал ни одной новой музыки
что за последние несколько лет прошло
в несколько раз больше лет чем прошло
что тем не менее рождество в стране
третьего мира
приятнее
чем где либо ещё
даже если ты не религиозен
а может
как раз благодаря этому

шофёр подмурлыкивает джорджу майклу
и улыбается мне
как иисус - ребёнку

американка

моя американка скользит
серебристым лососем
чёрным медведем из аризоны
в нью-мексико через юту
пишет стихи на салфетках в
придорожных кафе и лучших ресторанах
мегаполисов

моя американка
пахнет бурбоном маисовым хлебом
сиплый голос в прибрежных деревьях
повдоль миссисипи
скиффл стиральные доски белые
веревки и чёрное мыло

моя американка
пахнет бумагой типографскими
чернилами и пылью университетской
библиотеки
отёчные ноги очки в роговой оправе
имена на последней полосе
нью-йорк таймс

моя американка
приходит с джеком дэниэлсом
и контрабандным мальборо
и сидит до утра
подмигивая

с ума

на ветвях одинокого урюка за мусорным
контейнером
до зелени раскрылись цветы — после
четыре дня весенний дождь
нагонял холод в ноги

(ходила вечером сума сама
лежала с утра сума —
смердила с ума)

застарелый запах язвы и недержания
кислый ацетоновый перегар —
вежливо выгоняю из подъезда
жгу индийские палки

(по смородину суме бы
в ладу с умом быть
да беда — не сумеет) —

не каяться
не зарекаться

крошка

он долго роется в мусоре
а потом садится на землю и бросает
хлебные крошки голубям
(смотрит на них — больше ничего нет)

она долго роется в мусоре —
потом зовёт —
ленивые кошки выползают из подвала
ловят кусочки булки и трутся о полы
сального пальто
(озирается — не грозит ли кто чадам)

я подолгу курю на заборчике у подъезда
и никогда не вижу их одновременно

кошки и голуби греются на солнце —
не спеша крадутся-переваливаются
у моих ног

дворники

***

в семь утра дворник через дорогу
вжикает будто птичьими крыльями
и в десять и в час и в два и в три —
без особого графика
в своем внутреннем ритме — таком
непохожем на все остальные

в одиннадцать вечера то же — там же —
через дорогу — шуршит метла
как шуршали воробьи в густых ветках
у моего окна сегодня прекрасных и
обнаженных
увлажняющихся от прикосновения
тумана

иногда в шорохе холодные всхлипы
иногда теплый шепот
иногда хриплое дыхание поющего Тома
пьющего Коли

иногда шестерни часов с боем (Чайка
сделано в СССР 2 января 1954 года)
сплетаются с соломой листьями и
сырым асфальтом
и в финале очередного протяжного
вжиха раздается звон

а я слушаю
я бесконечно люблю
звуки наступающего очищения

***

вот и сегодня слушаю утреннее
придыхание
вплетающееся в рык авто
выглядываю в окно —

дворник через дорогу утирает лоб и
идет к воротам
чуть поодаль целая стайка дворников
и одна дворничиха

весело галдят
и пинают
листья

Эгвина ФАТАЛЬ

Григорьева Марина Анатольевна (1984 г.р.)

Окончила Ставропольский государственный педагогический институт по специальности учитель истории в 2007 году.

Росла в музыкальной атмосфере (папа – музыкант), мама часто ставила на проигрыватель пластинки с песнями на стихи М. Цветаевой и В. Хлебникова. Вероятно, здесь кроются корни той манеры письма, которую впоследствии Марина избрала для себя.

Стихи пишет с 9 лет, но в последнее время в равной степени увлечена прозой, поэзией и живописью, занимается переводами (в печать подготовлен перевод на русский язык и литературная обработка книги Рекса А. Хадсона «Социология и психология терроризма: кто становится террористом и почему?»), соискатель ученой степени кандидат политических наук, в сфере научных интересов исследование проблемы андрогинности как историко-культурного феномена (явления сочетания мужского и женского) через знаковую систему в архаических культурах. На данный момент работает редактором редакционно-издательского отдела Ставропольского института экономики и управления им. О.В. Казначеева (филиал) ПГТУ, а также в собственном издательстве «Ставролит».

Гортензии из полыни

Овладей гипнозом –
Вышибить из моей памяти все занозы,
Пусть памятны останутся лишь гортензии из полыни.
На полочке томик Бродского –
Навык перевода из мира плоского,
Самюэля Морзе в наладонные линии.
.....
Совсем отчаявшись, налей себе крепкого:
Фигурки в комнате глинолепки –
«Поцелуем» Бранкузи, стихами Гарсиа Лорки
Обвешен не корабль, но «Пьяная лодка».
От пристани до берегов Белого
Греби смелей и увидишь мелом
«Часы», истекшие оливковым маслом.
Укушен до нерва, изгрызен на паззлы,
Колышком вбит гвоздь
На стене объявлений:
«На твою любовь полагаюсь,
А не на томик Ленина».

Твое лицо

Твое Лицо –
в нем ходят сотни лиц,
любой каприз является кальмаром
и мощным телом устраняет бриз,
у стойких отнимая мрамор.
В нем может статься капелька росы,
а влага сыщет по цветам пустыню,
как тонкий слух, что посещает дыню –
твое Лицо, как рой большой осы.

Рокировка

В залитую солнцем комнату выйти,
омонимо-синонимами обставленную жизнь нитью
ли линию провести
от и до завитка любимого росчерка.
Вышел, залил, залито, томится, зримо
керамикой глаз, губ вглубь, в память, необратимо –
ребер рельеф, скелетной вазы кокон.
Неужели, в вашей келье души нет-у окон,
чтобы угрызения совести сумели выползти
дремотою чувств, лангустом в солнечное утро?
Сел, задумался, выплюнул остатки рыбных хвостиков,
от и до перекидывающиеся мостики.
Памяти пластыря оставлены омытые морем ракушки.
Усердием, тщанием солнечных ванн согрет-полон – от пят до макушки.
Доской координат лег, строг, строен, задан:
пенал жизни отныне распечатан.

***

Последний вздох, освобождающий сердце от сотен заноз,
крестный ход по телу ощупью, причастие, отпущение и наркоз,
последние вспоминания твоих глаз, светлой волны волос,
на моей спине столько наших черно-белых полос,
что целовать каждую уже не хватит времени, даже броситься со всех ног
не получится.
И пуще прежнего мне захочется, чтобы Бог
заполнил их место.
В ранках он увидит его (сердца) – окровавленное тесто,
возьмет в руки и наполнит своею слюною трещинки,
уложит его отдыхать под нижней губою,
и как только сон подкрадется под Его, Божьи, ресницы,
чуть вздрогнут Его веки,
мое сердце затрепещет в Его десницах
и уснет ... навеки.

Моя амброзия

Голубиною стаею, точечно-палечной,
добранных прикосновений-скиталиц, утречно-нАночно,
жданной неожиданностью, пущенной на волю трепетно
(а глянешь из-под сонных век, и нет меня),
до изголовия скрадывается «не разбудить ли?» зря:
выпущенным на волю мой поцелуй – «заря!».
Глубиною улитки, минотавровым лабиринтом-лазом,
(проводники твои, как и вчера, безглазы),
болезнь, захватывающая (едва проскользнет брешь),
имбирь души, лихорадку губ меж десной и нёбом, ребер меж,
огородами-квадратами пробирается в мыслей кладезь
моя амброзия, которую уж не сглазить.

Лихорадочное

Кто сворачивает мое тело в ракушку,
делая мою спину Уральским хребтом,
она состоит из мельчайших дырочек,
каждая из которых чувствует себя перетянутой жгутом.
Все, что ты ищешь, в одной моей руке
заключено вечным обещанием.
Ради твоего счастья я могу притвориться чайкой,
хотя ты – лишь маленькая улитка, свернувшаяся от отчаяния.
Я сам сворачиваю свое тело в ракушку,
я откапываю погреба удивительными deja vu,
рифы сознания состоят из мельчайших дырочек,
в которые просачивается зараженное лихорадкой любви - «живу!»

«Мои герои были рождены однажды и в любви» (Эгвина Фаталь).

«Вообще творчество Эгвины Фаталь как консервная банка современных производителей: никогда не знаешь наверняка, что внутри не лежит таракан». Ожидания от названия она виртуозно ломает на первой же странице, погружая читателя в закоулки больной раненой души героини. А читатель сидит и думает: где же сладость и липкость названия?».

Ольга Береснева-Чухаенко

Пряничный домик

Отрывок из романа

«Значение произведения искусства – в нем самом»,
как считал Макс Жакоб,
как и значение каждого шага...

Пред-дверие. 1

У каждого “пряничного домика” своя история

Время: 11:50
Музыка: Flёur «Сияние».
Ослепительное солнце сквозь корабли облаков, по-весеннему ветрено.
Настроение «случайное счастье».

«Ждать тебя – моя палуба», – Гретль думает эту фразу, стоя на набережной и подкармливая крошками чаек (которых Гретль просто выдумала для красочности момента, потому что мечтала об этом со времени, когда впервые увидела их в каком-то старом черно-белом кино). Заледеневшими пальцами пишутся губы на любимом лице, ходит вдоль реки пароход на скорости Ветхо-Заветных волн, и птицы выпущены на счастье пальцами абсолютно счастливого. Она ждет этот парусник у своего порога и загадывает: если тот матросик соскочит на пристань раньше, чем маленькая девочка в синей шапочке, бегущая по булыжной дорожке мостовой, сумеет выпустить голубя, у нее хватит сил дождаться самого важного в своей жизни случая. «Весна болеет моими сигаретами, пропахшей ими ночью мне больны

их память и горечь. По твоим волосам ходит ветер, по Неве – яичная скорлупа», – глядя на воду, записывает в блокнот Гретль. И девочке нескольких секунд не достает, чтобы укоротить меру ее счастья. А яичная скорлупа, столкнувшись с бортом парохода, отскакивает и, раскрошившись с одного бока, продолжает путь. Стоит пропустить хоть малейший эпизод этой жизни – и связь с нею безнадежно утрачена. Матрос моментально выпал из ее жизни, потому что в ней отныне запечатлена маленькая девочка, долго не выпускавшая голубя. «Загадайте же на меня! Я хочу войти в Вашу жизнь, и в Вашу, и в Вашу тоже! Пока во мне болеет эта прихоть – быть. И я не вышедшая, и не брошенная, и не выпавшая из столпотворения уличных фонарей, долгих стопов, замыканий света выбитыми пробками. Не замкнутой в себе, не вымкнутой и бесключной хожу мимо тебя и не собираюсь болеть ангиной с высокими градусами, поднимающимися по ртути. Не бескровна и хочу пока жить. И пока я еще могу...». Гретль вы-думывает (как вы-сказывает) эту фразу набережной в лицо, тонкими руками с «полупрозрачной» кожей отгоняя паутинки светлых волос, окутывающих ее словно облако.

Очередное гибельное утро, с холодной кровью едва бьющимися в груди пульсами: «Ее цветы вырастают прямо на подножках». Гретль не представляла, куда их девать, но в этом не было ничего трагического. Они были действительно прекрасны: Артюр Рембо и Поль Верлен, Оскар Уайльд и Федерико Гарсия Лорка, Марсель Пруст и Андре Жид – эти имена, казалось, бредили ею завладеть, захватнически пленяя ее душу строками и недвусмысленными намеками, красками, запахами, томлением. Ее цветы вырастают повсюду, куда только успевает ступить нога Гретль, захватывают ее в плен своих объятий, делая ее «вдвойне невидимой». В какой-то момент это решено: Гретль – пленница бочки, плывущей от случая к случаю. И в этом нет ничего поэтического: все это лишь отголоски заболевания, делающего из нее сиделку самой себя, расквашивающего ее мозги до консистенции морса, превращающего всё: цвета, запахи, звуки, тактильные ощущения, – в набор эмоций, которые они в ней вызывают. Гретль, увы, не способна больше отличать их друг от друга, способна лишь радоваться или огорчаться им, словно улыбкам случайных прохожих. Внешний мир стал столь непредсказуемым для нее, столь пугающим, что постепенно превратился в чуждый и безликий, и она без сожаления отвергла его в пользу мира своих собственных стен рук, перекладин ребер, широко распахнутых окон глаз, монолога губ. Ее сознание вечно в движении, ее тело – статично: руки и ноги ее пригвождены к стулу. Гретль – fatal. Она повторяет одно:

«Можно целую жизнь направить к одному тому случаю,
который так и не произошел.
Но это бессмысленно».

И она решила направиться ко всем случаям одновременно, не прилагая к этому никаких особых усилий.

Гретль – утонувшая Атлантида. Ушедшему вслед напрашивается камень, последовавшему в пучину – последнее «дурак». Увидь ее в трех местах сразу, заблудившейся в трюмо, зарывшейся в своих эскизах (где им конец?), заплутавшей без *Лоры,* потому что плутавшей из-за нее. Ухо-горло-нос. Ее имя приходило к ней спонтанно: звук колышущейся занавеси едва уловимым потоком, шаги, щелчок дверного замка, шуршание в коридоре, щелчок, колебания воздушных ванн, запах ветра и Dzintars, голос, - и только однажды – тактильно, когда Гретль неосторожно пролила на скатерть кофе, и Лора поспешила помочь. Но никогда Гретль не узнает, как выглядит Лора, пока сама не захочет этого настолько сильно, чтобы приподняться со стула и посмотреть, насколько она близко теперь. Лора еще пока сама не знает, знакомо ли ей чувство замкнутости, одиночества, голода, жжения в пояснице, подступающей рвоты, покалывания в желудке, тихих обмороков, полусонных томлений, приступов нервного смеха, сердечных остановок и, наконец, судорог в пальцах. Ее рассудок и нервы в норме. Кажется.

- Вольдемар приходил, – сообщает Камила. Ее руки сложены на коленях и выглядят крайне бледными на фоне сочного лимонного, как она сама уточнила специально для Гретль,

плаща. Она явно не знает, что еще от нее требуется и как следует вести себя с такими людьми как Гретль, и поэтому опускает глаза с извиняющейся улыбкой. Но не уходит: с момента ее появления прошло едва ли две минуты. Камила – девушка, которую Вольдемар отправляет к Гретль, когда сам не может ее навестить, чтобы проверить все ли в порядке. Гретль молча, с напряженным видом смотрит в окно сквозь залитые солнечным светом 5175 квадратиков сетки: их постепенно нарастающие голоса томительны и навязчивы, чем рождают беспокойство в ее душе. Вот Гретль уже не уверенна, что их на сетке именно то число: нечетно, нечетко, неверно. Сидя на диване с покрывалом в 27 синих и 56 голубых кубиках, ровно выглаженным ладонями рук, кончиками пальцев она незаметно принимается подыскивать тонкий острый инструмент. Но на диване его не найти, а, приподнявшись, она привлечет внимание, а значит, нарочно задержит Камилу, поэтому она делает острым зрение и вся заостряется. От сетки ее отделяют три с половиной метра (когда Камила уйдет, Гретль сможет сказать точнее), минус два с половиной (левый), минус четыре (правый) зрения, а главное, стул и Камила, на которых Гретль задерживает взгляд. И Камила смотрит на нее с любопытством, чувствуя в ней напряженный диалог, острую потребность сказать ей что-то. Ковер кусает подошвы Гретль, улейные сквозняки, врываясь в комнату, охватывают ее щеки огнем нетерпения, их тихие разговоры не дают ей покоя, в глубоких люках ее сознания вечное сияние чисел, мощеные дорожки их протоптаны намертво, укусы их не смертельны, но смертоносны, так больна ими Гретль. Не подозревая о существовании маленьких дырочек-выимочек, Камила продолжает испытывать терпение Гретль, пока не раздается звонок телефона.

Камила уже возле двери. Робко улыбается, заискивающе обещает зайти завтра. Наконец, уходит. Гретль возвращается в комнату и, стоя в дверном проеме, долго смотрит на стул с ровными белыми ножками, который напоминает ей картину Ван Гога «Стул Винсента». Прежде погружавший ее в депрессию, теперь одиноко стоящий в центре он вселяет покой и уверенное постоянство.

Первое время, когда они с Вольдемаром условились пожить порознь из-за ее усиливающихся приступов обсессии, она часто вспоминала, как они принимались за чтение, и он сидел именно на этом стуле. Прошло уже шесть месяцев, 181 день ее жизни, 12 полусонных обмороков, 35 жжений в пояснице, 64 испорченные internet-карты, 36 съеденных булок хлеба, 1000 и 1 раз прослушанная «Рулетка» снайперов, сотня иглоукалываний и воспоминаний о том, как его цветы прокалывают шипами кожу пальцев, и ножка на одном обламывается, и остаются два, а она даже не обернулась на прощание, и только они повернули свои желтые шапочки от внезапного порыва ветра вслед хозяину и тоже оторвались, и понеслись прочь, 1267 сигарет и 1290 окурков (23 – подобранные и докуренные), прощальных «пока», «пока» – до времени не счесть, к сожалению, даже ей, хотя печально, что пытается сделать это пока (и раз) только Гретль, в имени которой шесть букв и шесть звуков в память о людях, которые никогда не были с ней искренними, чьи руки и линии на них нечитаемы, звучит. Гретль садится на диван, оставляя руки в карманах, периодически возвращаясь к монетам и пересчитывая их на ощупь: два, пять, семь, один, восемь, и десять, пятьдесят, шестьдесят, восемь и шестьдесят. И это – ее всё! Потому что ничего уже не будет, – думала она, прикрывая глаза от усталости. «На-her посланным» написаны последние ариведерчи, вырваны и стерты, копья сломаны, с выжатыми капельками крови, – Гретль высвобождает правую руку из кармана, раздумывает, поправляет волосы, снова опускает в карман. – Не признавшие ее уже не признают: за 27 лет, 9347 дней, ничего нового родить она не успела, и теперь вряд ли успеет, – даже во все глаза вместо цвета ей виделась редкая мешанина, ей трудно долго фокусировать на чем-либо внимание. Практически все время она проводит в праздных сидениях, прогулках по безлюдным дорожкам ближайшего дворика и тяжелой меланхолии, как сейчас, Гретль сидит, глубже закутавшись в плед, и смотрит прямо перед собой. Гретль думает над тем, что будет дальше, так что кожа на ее ладонях плавится. Но это все, чего не будет, закончилось.

Гретль отдает себе отчет в том, что стремление дать новую жизнь давно похороненным воспоминаниям таит в себе потребность в испытании боли. Кожаные ремешки, стягивающие

ее горло, заказаны на нелюбовь к себе - неприятие гуманных средств лечения в себе асоциального элемента, нарушающего все общепринятые нормы и неписанные табу. Картинки вращающихся кресел, прижиганий каленым железом, принудительных ванн, ЭСТ и, наконец, газовых комнат – седативные средства ее сознания, могут поиметь ее в реале. Плод, который она в себе носила столько лет, оказался вырождением, в которое не вмещалась теперь сама плодоносящая. И это едва ли удастся объяснить простым арифметическим, как точное вычисление времени, когда содержимое яйца должно взорваться от долгого кипения в воде. Вся ее жизнь – путь по направлению к пропасти: все пережитые такие яркие и правдоподобные эмоции, встречи, расставания, взлеты и падения – иллюзия. Клиника глаз, губ, навязчивых повторений когда-то брошенных слов излечивала каждодневную статику восприятия предметов, окружающих Гретль.

Гретль вспомнила, что еще год назад она работала в Фолианте, и ей стало еще грустнее. Примерно в это время она почувствовала что-то неладное в организме, уже по тому, как она стала ошибаться в определении цвета. Ее как художницу подобная трудность вводила в ступор и парализовала: она не ела днями, спасаясь дверьми словно улитка, всасывающая свое хрупкое тело в домик. Вольдемар считал ее слишком рассудочной, и она не могла доверить ему свои переживания на стадии необъяснимого. И поэтому, запершись в комнате, твердила, что рисует и к ней нельзя, а в это время исследовала перемены в теле, а затем шаг за шагом, начиная со дня, когда краски перемешались в ее голове, - хрупкие воспоминания. Выпадающие фойе, коридоры, люки, шлюзы, карманная мелочь, площади, мосты, мечети, Балтика, сухогрузы, Казанский, Исаакиевский из памяти, на карты, из привычного ритма жизни, из поздней весны – в раннюю, отбирали последнее, и обобранную склеивали пластырем, приматывали скотчем к полу полем, выхлестывая из режима будничности.

После ей все казалось иначе, чем прежде. Звуки слышались всегда отдаленно, как будто расщепленными на составляющие компоненты. Например, утром по дороге в офис, Гретль слышала, как рычат десятки двигателей одновременно и отдельно друг от друга, как выходят выхлопные газы, как ругаются в пробке водители, как старушка царапает клюкой асфальт улиц, как вдалеке плачет ребенок. Эти звуки, не соразмерные миру цвЕта, которых нет в природе, запахи, от которых у Гретль начинала кружиться голова от подступающей тошноты, не прекращающиеся расспросы, подозрительные взгляды были невыносимы. И она перестала ходить на работу.

Оставшись, наконец, наедине с собой, она сама начинала относиться к себе с подозрением, потому что чувствовала, как левая ее Гретль живет самостоятельно от правой, и фраза «левая рука не ведает, что творит – правая» вросла в ее повседневность. И потому, когда она после долгого заточения выходила прогуляться в парк, ее ничто так не привлекало, как развлечение угадывать: что сейчас думает ее правая часть, или что думает - левая.

Гретль ставит на то, что корабль из облака не доплывет и до середины неба. Из окна последнего этажа пятиэтажного дома трава – зеленее, облака – пористее, звук дверного звонка – резче бьется долгожданным эхом в венах. Дз-дз-дзззз. Гретль прикладывает оба запястья к уху – тихо. Дз-з-з-з-з-зззз и - молчание. «Никогда не хотелось вскрыть вены (так). Как теперь выходят с разорванными ранами парашютисты(?), – глянув в небо и двигаясь в сторону парка. – Гобоисты с изношенными легкими(?), – и пока она идет мимо них, гобоисты изнашивают легкие еще сильнее. И этот план никогда мной не вынашивался, и в мыслях не было, и хочется жить... теперь», – Гретль смотрит на падающий с каштана лист: посередине бурого цвета жила, толстая и пульсирующая на ветру, Гретль придавливает ее носиком полуботинка, отбрасывает его немного от себя. – «Нет единообразию!». Ее любимое слово – бинарный, любимое зеркало – боковое. «Ты ни на кого не похожа. Это потому что одна половина твоего лица – щетинится и плохо выбрита с утра щепоткой соды, а другая...», - Гретль запнулась про себя, потому что говорила ее первая половина. В то время как вторая тУпилась и билась пульсом в ладонь, окрашиваясь нежным румянцем «я люблю смотреть на восток, с которого приходят письма и новости дня, пробуждающегося раньше, и арабскими цифрами, песочными

часами отмеряющего минуты-минуты и часы... «долгие часы». – Гретль достает пудреницу, медлит, держит в руках, раскрывает. Гретль живет справа. А вот Гретль живет в левой части своего тела. Гретль достает фирменную (какой фирмы она не знает) зажигалку, портсигар и мундштук, держит их в руках, не оставляя черными лайковыми перчатками до локтя отпечатки пальцев на предметах, и кладет по разным отделениям в крошечный черный рюкзак на кожаном ремешке. «Вчера я купила тебе портсигар и мундштук. Давно ничего не писала – были дела. В голове тикают часы до встречи с тобой». Гретль захлопнула синий блокнот, взглянула на часы.

Время: 19:12
Музыка: Massive Attack «Teardrop».
Заходящее солнце маслянистым облаком обмазывает вечернее небо, морось дождя, штиль.
Настроение «неслучайного дежавю».

Лора посмотрела на часы.

Ожидание – та же переполненная чаша, и поэтому в минуту, когда она изобилует, она уже потенциально пуста. От этого таким приятным и мучительным кажется само предвкушение.

Лора знает об этом как никто другой, стоя на пороге двери и глядя на кнопку звонка. Желтые лучики света ползут по вечерней замерзшей лестничной площадке. Лора подносит руку к звонку, от чего звук пронизывает воздух прозрачным импульсом, достигает слуха: сначала ушная раковина, а затем и сами каналы заполняет звуком, ударяясь о барабанную перепонку, затухая, он проделывает тот же путь в обратном направлении, нежно касается стенок лабиринта, окунается и захлебывается в окружающих потоках воздуха внешней среды. Лора еще несколько секунд после этого продолжает в нерешительности стоять у двери, ожидая от нее предсказуемой реакции. Дверь так и не поддалась, в ответ на что Лора, так и не нажав кнопку звонка, поворачивается к ней спиной и решает уйти. И только она это окончательно решает, как за дверью слышатся шаги, уверенно направляющиеся навстречу Лоре. Стоя вполоборота, не веря тому, что происходит, Лора теперь точно намерена дождаться момента, когда эта дверь, наконец, откроется. И пульс ее при этом бешено учащается.

Лора пришла в тот вечер только к ужину. На ней был черный пиджак с заклепками на рукавах-карманах-джинсах. Волосы пахли ветром, утонувшим в *Dzintars*: Лора – пират. Лора вышла в море.

Лора начинает с хвоста, с тонкой хрустящей корочки, потому что знает, как и когда будет правильно усилить аппетит, а в какой момент следует заглянуть рыбине в глаза, прочесть дорожки соли, петляющие в маслянистых потеках и слое зажарки, чтобы продлить удовольствие. Под пиджаком – свитер в сине-голубую полоску, и поэтому Лора снимает пиджак и вешает на спинку стула, затем закатывает рукава свитера и приступает к хвосту. Ну она была, действительно, в тот вечер погружена в свои мысли: и ужин таял довольно медленно и заметно. Приглушенный свет дарил ощущение защищенности, «мнимой» - прекрасно понимала Лора: вторжение являлось неотъемлемой частью ее работы. Лора спускалась от хвоста вдоль хребта, тщательно очищая реберные перекладины, чтобы оправдать смерть, вилкой она двигалась по направлению к жабрам и продолжала думать о том, что, возможно, в это время кто-то точно также потрошит ее внутренности, прогуливаясь по закоулкам ее сознания, перебирая вещи, представляющие для нее жизненную ценность. Это испугало ее.

В тот вечер она казалась себе спрятанной за пазухой, и захваченное ею *пространство* вокруг откололось «раковиной ракушечника»: выброшенная из моря своей души на скромный материк, Лора была вынуждена думать о вещах, касающихся ее лично, каких-то совершенно мелких и никчемных, на ее взгляд, но приходила к ним регулярно и неизбежно. «Как я сегодня выгляжу? Мне будет холодно, если я не выпью чего-нибудь. Хочется увидеться с ним.

Увидеться, только чтобы убедиться, что того не стоило. Ничего в этой встрече нет, и не могло быть изначально».

Гретль все это время мысленно наблюдала за ней. Ловя каждый шорох. За время, что она пыталась раскусить свою болезнь, Лора стала единственным человеком, которого ей было приятно видеть, может быть, оттого, что Лора казалась ей немного «с приветом». Это нормально, будучи гостем, заставлять хозяина дома завязывать глаза платком, сквозь который едва различимы очертания предметов? Но эта манера общения увлекала Гретль. Именно так она могла максимально концентрироваться на стихах Поля Верлена, Артюра Рембо и Федерико Гарсия Лорка, которые так любила при встрече читать Лора. И «Пьяный корабль» ходил прямо по комнате. Они вместе смотрели фильмы и читали книги, и не читали, и не смотрели тоже вместе. Эта манера общения пленяла Гретль.

По дороге из хлебных крошек. 2
Шаг 1

Гензель сидел за барной стойкой и производил ежедневно необходимые расчеты. Лора вошла в момент, когда он определял оставшееся количество спиртного. В подобные минуты – высшего сосредоточения – его лицо слегка удлинялось, а подбородок заострялся. Перед ним на столике лежал кубик Рубика, на который он коротко бросал взгляд. Лора тихонько присела напротив. На запястье мелко подрагивала жилка. Гензель был упрямо молчалив. «Бурному морю свой прибой, – успокаивала себя Лора, глядя на равнодушие, с которым он ее встретил, – и каждой овце своя отара, – беря в руки кубик, размышляла она, пока Гензель отошел к посетителю. Она складывала нижний средний и центральный красные квадраты, потому что кто-то из ее прошлого, почти не сменяя, ходил в красной рубашке. «И в чем здесь ошибка? В том, что он никогда не признавался в любви, а значит, не врал? Задушенному чувству все-таки легче, чем пробудившемуся», – на этой мысли она отложила кубик, потому что как будто бы тайком пробиралась по темному коридору, услышав близкие шаги Гензеля. И бежевые полоски на его рубашке, и тонкость их, и прямота, с которой они стремились вдоль его стройного тела, напоминали ей рельсы, и с этого момента Лора стала ощущать на его коже запах дороги, и чем ближе к весне, тем явственнее. Гензель подошел и подал платок. Лора высморкалась, утонув маленьким носиком в огромном холсте, и потому что Гензель снова куда-то исчез, хотела сложить платок, чтобы затем отдать его Гензелю, но разворачивая его, увидела вышитые в углу темно вишневые буквы «*Гретль*».

Шаг 2

2 апреля 2007 года в 10 часов 36 минут в своих вечных размышлениях и математических расчетах вероятностей Гретль достает сигарету, гладит ее по спинке прежде, чем засадить в мундштук, и зажимает в зубах словно воблу. Следующие шесть минут, склоняясь над Мойкой, воображаемой под парковой лужей, стоя на мосту, она впадает в кому: реакция зрачков отсутствует.

Греться на солнце. Маленькая Гретль вышла греться на солнце и замерзла. «В Питере всегда так», – успокаивала себя она. Острыми от холода движениями Гретль попыталась сделать затяжку, но замерла на середине, поднеся к губам лишь тень от сигареты, расстилавшейся дорожкой на зелени травы. Ее тело уносило легким порывом ветра к острову облаков на горизонте. Гретль мало ела, много курила, любила зелень травы и немного выпить поутру в глубоком одиночестве неслучившегося. Чувство реальности ускользало. Пространство внутри переполнялось, снаружи мельчало. «Сделай меня богом своего рая! Ну... ну, сделай меня богом своего рая! Я буду очень хорошим богом твоего рая! Просто мне нужно хоть немного принимать участие в твоей судьбе. И эти липовые цветочки, похожие на золотой песок, и серебряное колечко на твоем безымянном правой, и грушевидные сердечки, или подушки, разбросанные по твоей кровати, – залог моей любви к тебе. Знаешь, дорогая моя ласточка, – она грустно взглянула в небо, – лети, пожалуйста! Лети! Только знай, от чего отказываешься, – свои заломленные ладошки она приложила к груди. – Я не прошу многого, только то, что

действительно заслуживаю, – стряхнула пепел с сигареты, искоса посмотрела в небо, кому-то укоризненно помотала головой. – Но учти, не так просто быть лучше всех: вдруг сломается каблук, пойдет стрелка или дождь». Сигарета догорела почти до фильтра, так и оставшись не тронутой. Захотелось курить, и Гретль достала из пачки следующую. Она вернулась в купе, купе вернулось на линию, линия вернулась к облаку над железкой, железка заискрилась и потянулась теплой испариной. Гретль поменяла южное на северное направление. Просто собрала вещи и уехала, ни о чем никого не предупредив и не расклеив объявлений о своем исчезновении. Только одно вертелось лентой старой аудио-записи: «Сохрани мою тень» [1]. Она стояла на платформе, предвкушая наступление тотального одиночества в шумном городе, где вряд ли кому-то будет нужна: одиночество ее дичь! Пли! И выстрел в грудь. Маленькая Гретль там потеряется и утонет в людской массе, не будет курить с мундштуком: некогда. «Время – деньги!», – скажет она себе через неделю. Не станет процеживать чай через ситечко, гладить белье через марлечку, ходить пешком через два квартала улиц, смотреть через окно камеры обскура, дышать густым ароматом сирени через силу в небо. «Какое оно небо?» – станет вспоминать Гретль через месяц.

«Я твой космос, Гретль! Пиши мне письма. Без них мне больше нечего читать».

«Маленькая Гретль, знаешь, а я скучаю по тебе. Возвращайся скорее! Я жду!».

«Скучно. Страшно подумать, что ты больше никогда не рассмешишь меня, не сделаешь мою жизнь чуточке радостней и светлей».

«Отгадай меня на своем позвоночнике. Вспомни же обо мне! Я жду тебя вот уже третий год. Где ты, мой маленький каскадер?».

Она только читала эти объявления в газетах, вырезки их складывала в стол, перечитывала на ночь, чтобы спалось как можно отвратительнее и невыносимее.

Через три года она, наконец, нашла время: купила обратный билет. Она стояла у любимой двери, ее душа была полна сладостного волнения. Звонок не сработал, стук не подействовал. Но она продолжала ждать: одна сигарета – за другой. Гретль взглянула на часы, стрелка замерла и не двигалась на них. Ровно полночь. «Как же так? Я ведь выходила в полдень...». Встревоженная она стала спускаться по ступеням вниз, и только здесь поняла, что на* – кладбище, и с тех пор прошло почти пятнадцать лет. Все, кто были ей так дороги, писали письма, ждали и надеялись на ее возвращение, умерли.

Все это могло случиться, если бы она уехала [2]. Обо всем этом мог написать На*-боков, но не написал: он умер раньше, чем родилась Гретль.

Она прогуливалась по кладбищу, где провела, должно быть, лучшие из предначертанных ей дней, встречая и провожая покойников. Уже тридцать лет Гретль работала экскурсоводом загробной жизни, с утра до ночи перекидывая горы земли. И теперь у нее появилось время для себя самой: например, пойти и купить новый мундштук. Теперь в ее тридцать пять к ней пришла такая необузданная яркая рвущаяся наружу красота, что она даже опасалась показывать лицо из-под вуали, когда рыла ямы, иначе родственникам покойника было уже не до траура и не до мыслей о бренности и тщете жизни. Гретль собирала вещи, нужно было отправляться покорять большую столицу.

На сей раз вместо покойника она похоронила окурок, резко повернулась и пошла к воротам.

Adieu, mon ami!

Песня группы «Ночные снайперы» из альбома «Детский лепет».

Прием, часто использовавшийся В. Набоковым.

Шаг 3

В данную минуту Лора сидит и листает глянцевый журнал. Она просто вынуждена это делать, потому что ее волосы подвергли химической завивке. Уже через каких-нибудь 20 или 25 минут она будет «неотразима ни в одной луже», так, по крайней мере, она скажет сама. А

прямо в *эту* минуту она говорит сидящему рядом с ней Гензелю, что произносимое «...» по звучанию грубо и вульгарно. Жаркие лучи мая – дурная весна, пробираются и высасывают из легких их легкость. Гензель недовольно морщит лоб – она ничего не поняла, дело не в примитивизме, но в том, что в иной форме это уже совершенно другое слово. На самом деле, это он не правильно понял, что хотела донести до него она – он ничего не понял.

- Может, все дело в том, что я не знаю, какой-то очень существенной детали? – выбившиеся хвостики из резиновой шапочки на ее голове с тревогой вздрогнули и покосились в сторону Гензеля. Гензель промолчал, наблюдая за тем, как смешно они качнулись: Лора довольно умная и мудрая девушка, чтобы ждать, что он ответит.

- С утра ко мне привязалось слово «спрут», и я был болен им целый день, словно носовым платком в кармане, или газетой, в которую завернута сельдь, или ...

Лора высвобождает руки из накидки, чтобы ответить на звонок. Гензель чувствует себя неуютно, его тело скованно, он едва может осознавать себя в окружающем пространстве, и тонкие спицы, поддерживающие все его тело словно кукольное, мягкое, набитое ватой и теплой шерстью, ровно сползает на пол, обмоченное в влажных лужах, растертых грязными тряпками в песке, пыли и коротком ежике волос. Он уже словно Каин – красивые изгибы его тела не способны вызвать жалость, будучи так сексуально трагически разоблачены. Во всем происходящем его смущает одно: его грудь тайно наливается и слегка опухает, становясь молочной и теплой, – Гензель рефлекторно из последних сил захватывает себя руками, чтобы не обнаружить размякшие мышцы слабеющей груди, лежа уже на полу у ног Лоры, лицо которой помнится ему теперь довольно смутно. Он силится прочитать выражение ее лица, но глаза обволакивает будто черной пеленой, а руки сведены в конвульсиях. Он покорно закрывает глаза, погружаясь в обморочное состояние. Все мелькает сквозь занавес век: и фигура Гретль, сидящей на кушетке возле него кажется ему отчетливее других, хотя в реальность ее приходится верить меньше всего. Лора заставляет говорить с тем, кого он видит отчетливее всех, потому что, как думает Гензель, она скучает рядом с ним в эту минуту.

- Я хотел бы забиться в трещинки, поры земли, улиточные домики. Я хотел бы, – и его дыхание прерывается на минуту.

- Хорошо, – приободряет Лора.

- Забиться в трещинки, – повторяет Гензель, – забиться в трещинки-и кануть в лету-пропасть-исчезнуть-просто раствориться-обезуметь от горя-забыть, что было до, что было после-зачем все(?)-провалиться в трещинки-зарыться в собственное тело-притвориться, что им приснилось-а тебя на самом деле и не было-глядеть отрешенно-убиться, утонув случайно в ванной-прикрыть себя небылицей-оказаться под пытливыми взорами окружающих, все выдержать и промахнуться в последний момент невыдержанным «п-о-м-о-г-и-т-е!!!»-закрыть свои глаза своей рукой как прикрывают глаза покойника-броситься прочь от себя и расшибиться о стену-пытаться утешить себя и окончательно захлебнуться слезами-грамотно построить предложение и понять, что нем-раскрыть всем зрение и резко перемениться до неузнаваемости-стоя рядом, доказывать, что ты вот сейчас мелькнул в том окне-засунуть пальцы в рот от тошноты и ощупью познакомиться с шейными позвонками-орать, что ты не болен, а на следующий день умереть от рака любви-думать всю жизнь, что ты раб и оказаться неожиданно богом-и наоборот-гладить себя по спине и понять вдруг, что это чужая спина-мучатся от любви, найдя в этом развлечение и наиболее верное приложение сил-точка координат сменяется-точка координат сменяется-между точками образуются трещинки-и я мечтаю сейчас об одном-забиться в трещинки-забиться в трещинки-забиться в трещинки.

Шаг 4

Сегодня на Лоре длинная белая рубашка и серые свободные брюки из хлопка: все это Гретль почувствовала тактильно, когда Лора наклонилась чуть сильнее вперед, чтобы проверить пульс, свет от окна бил слишком ярко, а барашки ее светлых волос осыпались вслед за

тонким ароматом *Dzintars:* пульс Гретль заплясал в ее руке. Гретль уже многое знает о Лоре. Например, она хорошо представляет, как Лора просыпается рыжим котёнком: ее день предоставлен только ей самой, – бдительность и расписание электричек даются заведомо людям с густыми бровями, исключительность их скапливается в уголках глаз, чтобы после крупинками песка осыпаться в мерную чашечку, Лоре выпала иная – *безмерная* чашечка. Она долго лежит в постели, перебирая пальцами волосы, перебирая в памяти приснившиеся образы: заборы, двери, ветка сирени, охапка сена, уводящая запахом в поле дорожкою из чьих-то прерванных дыханий, на нижней ступеньке лестницы – забыт ключ, а ворона склевывает последние слова дворника, за которым на веревочке привязана Муму. Она представляет, как отсчитает четырнадцать поворотов, пересечет дорогу ровно на сплошной и неизменно окажется на кольцевой, свернув в проулок, исколет его своими острыми каблучками (сто пятьдесят два раза), взбежит на три ступеньки и надавит на кнопку звонка. Она всегда знает, что «корабли как приходят, так легко и отчаливают», что как только она почувствует страх угрозы, исходящей от ее самой, непроизвольно ощутит пульс сердца, отсчитывающего один-два-три-четыре-пять-шесть-семь и так далее, поэтому она не может решиться на поступок, действие, свободный полет мыслей, встретить саму себя – настоящую.

У Гретль сложные отношения с цифрами: она отчетливо представляет их себе – белые на черной доске, они стучатся в ее висках. И она знает, что не одинока в своей беде, хотя ей трудно о чем-либо судить сквозь марлевую повязку на глазах. Ее верные проводники в мир – звуки и запахи, однако так ей легче думать. Сегодня утром впервые за две недели она вышла (в сопровождении Лоры) на воздух.

Гретль взглядывает сквозь марлю на солнце, небо («... небо создано для птиц и крыльев, но Гретль – не птица. Кто же Гретль, если не птица?»), Лору, но голоса в ее голове не утихают:

- А была ли это ты?

- Я ли то была?

- И я ли сейчас лежу завернутая в белую плащаницу, и две меня отражаются в пропитанной мною тканой материи, «портрет автора», мне ли уже завтра восходить и зарождаться на горизонте?

- Я ли это умерла сегодня в ночь?

- Я ли это смотрю на свое собственное блеклое сияние в свете луны?

- Как отказаться от своего тела, как выпрыгнуть из него, не заплакав на прощание, как оставить его одинокую фигурку на мосту прощаний, на площади разлук, на улице крови?

- Как сделать себя рекою, медленно впадающей в океан опустошения и отдохновения?

- Где быть в минуту отчаяния, чтобы не видеть его на своем лице?

- Как не допустить пустых воспоминаний в сердце?

- Можно ли выпрыгнуть из окна, воспарив в небо(?), если есть крылья, просто вернуться, и это будет именно так, правильно восприниматься как возвращение домой, как стрелять в висок на поражение?

- Как думать о себе в прошедшем времени(?), если еще стоишь ногами на асфальте, как выбраться на правильный путь(?), если уже безнадежно заблудился?

«Прощай» – я пишу своему телу. Но мы еще не прощаемся: птица, что села на твое окно – это я.

Лора вслух читает «Кинжал» Федерико Гарсия Лорка и не замечает трудных напряженных диалогов, которые тайно ведет Гретль. Однако только благодаря музыке слов и мелодичности голоса Лоры Гретль не впала в анабиоз цифр, не пригвождена к ним мистицизмом.

Шаг *5*

- Все хорошо. Уже гораздо лучше, – еще прошлым вечером успокаивала Лора, держа на коленях голову внезапно потерявшего сознание Гензеля, одетого в рубашку с голубой и

синей продольной полоской и брюки цвета берлинской лазури. Гензель казался смиренным и тихим.

Лора привела его к себе домой, когда он был уже совершенно обессилен и обесточен. Оставалось лишь уложить его на диван и украдкой торжествовать от столь трогательной беспомощности.

- Лора! Останься, – удерживая за руку, потребовал Гензель. – Помоги мне справиться с одеждой.

Лора была готова сбежать из своей собственной квартиры, и одновременно, больше всего ей хотелось остаться с Гензелем.

«Я мысленно разворачиваю тебя и извлекаю из обложки словно книгу, слова крошатся на буквы, звуки – на знаки препинания, запахи гвоздики, корицы, муската и пепла, рассыпанного на ковре. «Утвердительно», – я киваю тебе утвердительно, на твой вопрос: «Что за тем поворотом? ...глазированная лазурь или горка матэ песком на дорожке?». Я киваю тебе – утвердительно! да, мол! на это, что ровно ничего не значит, а ты в растерянности, ты теряешься в этом кивке, теряешь себя по вертикали и горизонтали воздушного и безвоздушного пространства в пределах того острова, который нас окружает сейчас. Тогда я делаю два хлопка, чтобы привести тебя в чувства, ибо ты валяешься без чувств возле меня, и мне приходится тебя каждый раз в такой ситуации приводить в себя, то есть приводить тебя в тебя, где ты и есть, прежде чем повалиться наземь без чувств. Я не хочу этого забывать, я хочу вечно помнить, как ты выглядишь, как ты двигаешься, произносишь слова, и твои паузы- паззлы, из которых моя память склеивает цельную картинку, того как весна – а солнце растекается как кусочек топленного масла, ноги скользят, ты идешь рядом, или это я иду рядом с тобой. Неслышно передвигаемся по воздуху, и жизнь только внутри нас и за счет нас, а я боюсь, что ты исчезнешь, и цепляюсь. А там трамвайчик прошел, а здесь чуть ближе к нам женщина уронила сумку, желтые лимоны и пучок зелени, дерево тонкими листочками поселяет на себе птиц, сладко и тепло, и что-то рождалось в тот момент – нужно было бежать... есть ли смысл?.. Вероятно... А ты улыбнулся, и птицы вдруг сорвались с ветки и мгновенно оказались в небе. И я с ними, но я – только на одно мгновение, а они, возможно, больше не вернутся. Моя душа садится тебе на плечо и кормится из твоей ладошки крошками хлеба. Ты просишь чаю, а я стою с чайником в руках и не знаю, как его заваривают, тогда ты подходишь и мягко берешь чайник двумя руками, только чуть-чуть, совсем недолго смотришь на меня. Затем кладешь заварку, заливаешь кипятком. Потом я рисую тебя на бумаге. Ты читаешь книгу, читаешь ее в моих глазах в тот момент, как я рисую твои глаза, а в них я. А потом я слушаю всю ночь, как ты дышишь, и потихоньку дышу. А сегодня ты решил убить меня», – думает Лора. Теперь, когда одежда наполовину сброшена и наполовину одета, Лора не может отличить Гензеля от Гретль. Ей следовало быть более проницательной, но как не хотелось принимать эту разницу в качестве реальности. Сама Лора стала чем-то похожим на метафору, пульс вены, биоритм планеты, шелест травы, запах дождя на асфальте, солнечный лучик на стене, она жива теперь в каждой частице дня и ночи, носит в себе этот «Пряничный домик». Маленький стаканчик крови, наконец, пригублен. И Лора готова поверить в любое новое проявление «я».

Лора размышляет над тем: «Есть ли смысл в том, чтобы собрать кубик Рубика, распознавая паззлы по цвету? Быть с Гретлью-Гензелем рядом – то же, что решить: нелогичное созидательно, – то же, что вслепую отдаться пустыне, чтобы отыскать девять совершенно уникальных песчинок».

Она листает Синюю книжечку, оставленную Гретлью в последний день их встречи, вместе с остальными вещами из кожаного рюкзака: портсигаром, зажигалкой и мундштуком. Лора читает: «Собери свой кубик Рубика из себя самого как единицы множества, или множества единиц».

Шаг 6
Время: 11:50
Музыка: Real Ibiza. Balearic Bliss. Infernal. Serengeti (bliss mix).
Ослепительное солнце следующего года сквозь корабли облаков, по-весеннему ветрено.
Настроение «завоеванное счастье».

Гретль видит Лору глазами Гензеля, в ее душе все определено и отворено навстречу новым впечатлениям. А Лора внимательно наблюдает за тем, что могло в ней претерпеть изменения, и поэтому она чутко следит за тем, как губы попеременно то расплываются тонкими паутинками, то собираются в лучики бороздками, рассекающими бледные губы Гензеля. И ей вдруг кажется, что они над ней смеются: буквы, по которым она читает, бессвязны, только если их собрать в обратном порядке, возможно, появится смысл, но кто желает в такие минуты загадок. Никто не желает загадок, именно поэтому к кубику Рубика всегда прилагается инструкция. Никто не желает загадок. К любой загадке есть ключ, но дверь не поддастся, если страх мешает войти в нее. Ничего не возможно познать, читая по строкам, когда написано между. Никто не желает отгадок, потому что нет большей загадки, чем ты сам. И никто не обязан отгадывать тебя, твою писанину, мазню, изобретения, архитектуру тела, выражение лица. Никто. Даже, может быть, ты сам. Но это едва ли не единственный способ занять себя чем-то на всю жизнь.

Поэтому, в действительности, мир может оказаться совершенно иным, нежели ты себе его представлял.

В действительности, «Пряничный домик» – сказка, которой, однако, дано было сбыться, но никто не смел обещать, в какой именно форме.

В действительности, Лора изначально поверила в ее реальность не для себя, но для тех, кто, возможно, еще находится в пред-дверии.

В действительности, ее жизнь слишком усложнена ею. Ее жизнь осложнена людьми, которые продолжают жить в ее воспоминаниях.

В действительности, этого всего могло не случиться.

В действительности, это все могло случиться не с нею.

В действительности, у каждого «пряничного домика» своя собственная неповторимая история, в которой тропинка, проложенная хлебными крошками сквозь предрассудки и потемки сознания (в которых все мы блуждаем), каждый раз доказывает, что нет ничего совершеннее любви.

***

Я выпадаю из твоей магии, твоей сказки, твоего театра поздним вечером, потому что к ночи непременно всегда впадаю в безумие и уже не могу ни о чем думать. Я упаковываю тебя в коробочку с вечера, чтобы новый мир разбудил тебя завтра лучиком света щекоткой между ресниц, горошиной под матрацем, тщательно-тщательно бабочкой из фольги на обёрточной бумаге. И завтра с утра ты уже ничего не вспомнишь, а я напишу для тебя новую сказку.

Наталья БАННИКОВА

Поэт, прозаик. Автор книги стихотворений «Неизменно срочное» (Алматы, 2009).

Родилась в Алма-Ате. В 2005 году окончила литературные курсы ОФ «Мусагет», магистратуру филологического факультета КазНПУ – в 2009 году. Работает редактором глянцевого женского журнала.

Публикации в «Литературной газете Казахстана», книгах «Картель Бланшар» (Алматы, 2006), «Гран Фри» (Алматы, 2007), «Сорок.Четыре» (Алматы, 2008).

* * *

С удочкой в руках
над холодной водой
я не понимаю, куда уходит лето
или когда оно придет,
и прячусь в дождевик под июньской тоской,
а память остается...
Синева экранов и ненужный свет в чужих окнах
проходят мимо меня, оставляя теплый след на дороге.
Странно, во сне все неправильно,
и болевые пороги...
их нет,
нет ничего,
даже когда что-то рушится и бьется...
Воспоминания не в фотографиях и вещах,
я выбрасываю все,
думаю, «что», «как», «возможно», «получится»...
Удочка гнется
и вовремя бы подсечь...
(Скучно.)
не удалось.

* * *

Листья под ногами,
радость взаймы.
До угла, направо
и вверх.
Припорошенные дорожки.
Тени
разбегаются по подъездам.
Между полом и небом
повис звонок.
Синусоида кардиограммы –
в такт музыке у соседей.
Скандалы в заплеванных подъездах
просятся
и переходят
в новый день.

* * *
Бензиновые капли дождя на языке.
Город поделен на территории, траектории и названия...

Эта морось в начале апреля,
После солнца,
Так несвоевременна.

И несправедливо,
Что из всех путей
Я, как и погода, выбираю право или лево,
Солнце или дождь.

Я выбираю солнце
И опять остаюсь не с теми,
Кто идет
Независимо от времени года...
Я
Выбираю дождь...

* * *
Мой дом похож на меня
Он слушает музыку, но не танцует.
Он любит засыпать с открытыми окнами,
А я без одеяла.
Еще я точно знаю – он может летать.
Не от ветра, как домик Элли...

У него нет плаща, чтобы прятать крылья,
И не нужно –
Крылья внутри.

* * *
Знаешь, я, действительно,
Не досчиталась двух слов:
Все время было только «я».

Ты понял раньше,
Что от телефонов не дождешься ничего хорошего,
А поезда увозят нас в разные стороны,
Что летом спится по-особенному
Или не спится вовсе,
Что город, укрывшись зонтами, как крышей,
Делает каждого второго похожим на предыдущих двух.

И мир уже не вертится вокруг нас,
Как было в 2, 4, 6 и даже в 8.
Знаешь,
Я, действительно, не досчиталась двух слов
Этой осенью.

Светлана АЛХАСОВА

Алхасова Светлана Михайловна – выпускница Литературного института им. А. М. Горького, отделения художественного перевода и аспирантуры по кафедре художественного перевода. Доктор филологических наук, член Союза журналистов России (с 1984 года), работала более десяти лет в республиканской молодежной газете; член Союза писателей России с 2009 года (принята как переводчик и литературовед). Автор научных монографий, статей, также печатается в литературных журналах Нальчика, Пятигорска, Москвы как автор этюдов, новелл, эссе, коротких рассказов, повестей.

Сотканный из солнечного света…

(посвящается фотографии А. Л. Э.)

Фотография была словно соткана из солнечного света. Хотя на ней, казалось бы, – зима. Снежинки, так и светились, поблёскивали на зимнем воротнике пальто, на меховой, с козырьком, шапке, на ресницах, и угадывались даже на слегка небритых щеках... А улыбка? Улыбка чародея. В этой улыбке было всё, что волнует женщину: обещание вечного счастья и вечной любви. Как там у Ахматовой:

Было душно от жгучего света,
А взгляды его – как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился – он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

Нет, не то. Его улыбка была соткана из солнца, из яркого южного солнца. Улыбка или лицо? Да, да, всё Его лицо, освещенное ярким холодным зимним солнцем. Вся Его сущность была пронизана солнцем, каким-то неземным (а может даже очень земным!) счастьем. Потрясающей красоты лицо и улыбка. Смотришь, и чудится: вот Он смеётся низким приятным мужским баритоном... Фотография черно-белая, но Он, конечно же, русоволос. Или нет: возможно, у него каштановые волосы и светло-карие глаза. Глаза его чайного цвета. Как в песне Валерия Ободзинского: «Эти глаза напротив – калейдоскоп огней!.. Эти глаза напротив – чайного цвета...». Ну, конечно, он высок и строен. Непременно. Но этой фотографии не меньше двадцати лет. Теперь уж Он не такой. Меня охватило какое-то чувство, словно маленький червячок, оно зашевелилось где-то внутри, в самых потаенных уголках души. Чувство это пыталось ускользнуть. Но я, наконец, поймала его: Ага-а, вот оно: то, что называется – *зависть*! Белая зависть, – уточнила я, чтобы оправдать саму себя... А внутренний голос твердил мне: «*Как счастлива, должно быть, женщина, которую он любит!*»...

Чем больше вглядываюсь в фотографию, тем больше она рождает во мне какую-то щемящую тревогу, переходящую в вопрос: Если бы повстречалась я ему тогда на пути, когда он ещё был молод, красив, свободен, не женат. Как бы он отнесся ко мне? Кто знает? С моим-то детским характером! Помню, как моя однокурсница (младше меня, но женщина уже с опытом, менявшая литинститутовских «гениальных поэтов» чуть ли не каждую неделю) подошла

ко мне как-то в полутемном коридоре общежития Литинститута и сказала злорадно в лицо: «Ты никогда не сможешь охмурить мужчину, не сможешь выйти замуж, у тебя – детский характер!»...

Да, наверное, не смогла бы я «охмурить» его, такого одаренного, и такого умного... проницательного... Какое там! И с какой стати он на мне бы женился! (Да почему непременно женился? Разве счастье женщины заключается только в этом?). Если вспомнить себя, в то время я была пугливой, «забитой» (как сказали бы сейчас) кабардинкой, которая не курила, не пила, не гуляла (впрочем, и сейчас не курю, не пью и не гуляю), но кому это интересно? Некоторые сокурсники, смеясь мне прямо в лицо, так и говорили: «Монашка!»...Такой образ жизни, какой вела я, ценился тогда, быть может, в Нальчике, дома, но не здесь, не в Москве, а тем более, не в Литинституте... А вспомни-ка главного героя из Его прогремевшего на всю страну знаменитого романа. Через какие тернии ему пришлось пройти, прежде чем он принял любовь девушки?! Уверена, сам Он был такой же. Он даже не заметил бы тебя, не коснулся бы взглядом, даже мимоходом...

Я разговаривала сама с собой. У меня было два голоса, словно во мне жило два человека. Во всяком случае, один голос был всамделишный, другой – словно бы внутренний, издалека, не мой. Он как бы спорил со мной с какой-то издевкой:

- Да, но вы учились с ним с разницей почти в двадцать лет, как бы вы встретились! – говорил первый голос.

-А если бы он бы учился на ВЛК – высших литературных курсах! Или на режиссерских! Они ведь все были намного старше нас, студентов и жили в нашем общежитии, помнишь?.. А?! – говорил второй голос.

-Да что теперь об этом рассуждать: если бы да кабы, во рту выросли грибы! – возражал снова первый.

-Жизнь как-то ухитрилась пройти мимо тебя... Хотя были мужья, и не один (!), но где они теперь? Словно это было в другой жизни – вкрадчиво давил на больное место второй голос.

-Нет, он виноват передо мной, виноват, потому что родился на двадцать лет раньше меня! – упрямо твердил мне голос. Может, в этой жизни, вольно или невольно, люди всегда оказываются виноватыми друг перед другом? Вопрос риторический. И философский одновременно. И потому нет на него ответа.

* * *

Фотография пробудила во мне боль несостоявшегося женского счастья и последние искорки чуть тлевшего огонька, который освещал минувшее. И куда уже невозможно будет проникнуть никогда. Как бы я ни пыталась ухватиться за те тонкие нити, ведущие в Его минувшее, и в моё: они ускользают, обрываются. Как там у Цветаевой:

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грёзу, а земную быль –
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!
Спасибо, тебя, фотография!..
24. 07. 09. Нальчик.

События. Юбилеи. Презентации.

Мой Гаджи

Научная общественность Дагестана и многонациональной России отмечает поистине замечательное 85-летие со дня рождения выдающегося литературоведа и культуролога, истинного патриота своей родины и общественного деятеля Гаджи Гамзатовича Гамзатова.

В этот славный день мы все выражаем свою глубокую признательность к настоящему Человеку и Ученому.

Уже в самом начале своей научной деятельности Гаджи Гамзатов понял, что не бывает культуры местной, области, периферийной, если культура, какой бы народ она не представляла (большой или немногочисленный) устремлена к общезначимому, общечеловеческому уровню своего развития. И уже после первой же книги о Гамзате Цадасе научные труды Гаджи Гамзатова перешагнули границы родного Дагестана и заняли свое почетное место в дагестанской и северокавказской культурологии. Все научные работы замечательного ученого всегда верны по тональности многовековому опыту своего народа. А потому полет мыслей Гаджи Гамзатовича воссоздает удивительную гармонию целостного восприятия национально-художественной действительности. Смелость взгляда, независимость суждений, внутренняя убежденность – характерные черты научного почерка Гаджи Гамзатовича Гамзатова. Как крупнейший ученный и целеустремленный человек он убедительно продемонстрировал каких успехов можно достичь самоотверженным трудом и искренним желанием принести на своем уровне пользу народам Дагестана и России.

Дагестан для Гаджи Гамзатовича – точка опоры, позволяющая ему постичь суть развития непреходящих народно-духовных ценностей. И эти духовные ценности, развернутые Гаджи Гамзатовым в их диалектическом движении, как духовный ориентир особенно необходимы нам в наше, мягко говоря, противоречивое время. Незабвенный Расул Гамзатов утверждал: «Дом – это символ родного очага; того кровного, что единит нас землей наших предков. Потеряв его, человек превращается в перекати-поле, лишается своих корней». Именно родной очаг, Родина, Дом, родной язык – преемственно родовые живительные истоки творчества Гамзата Цадасы, Расула Гамзатова, Гаджи Гамзатова ... и они же продолжение их поиска праведного пути в большой и противоречивый мир. Высокие нравственные ориентиры и научная глубина трудов Гаджи Гамзатовича заметно повлияли на осмысление и формирование единого дагестанского и северокавказского духовного пространства.

Если говорить обобщенно, то Гаджи Гамзатович во всех своих работах анализирует пути становления, формирования и развития дагестанских национальных литератур (культур) в контексте масштабных теоретических и историко-культурных проблем. Именно такой подход обеспечивает его статьям и монографиям неординарность и высокую значимость в разработке сложнейших вопросов современной науки. В своих работах Гаджи Гамзатов выявляет специфические и типологические закономерности эволюции художественного сознания в дагестанских литературах,

корректируя при этом устоявшиеся и только складывающиеся точки зрения на движущие силы и направление историко – культурного процесса. Широта взглядов ученого позволяет ему рассматривать дагестанские (северокавказские) литературы не только в общероссийском, но и мировом (Восток-Запад) масштабах, причем в многообразных генетических, контактных и системно – структурных связях. Гаджи Гамзатовичу удалось найти и воплотить органичный синтез теоретического и историко-культурного постижения противоречивого соотношения фольклорно-эпического и социально-актуального пластов национальной картины мира, преломленной каждым из рассматриваемых им художников слова в своей неповторимо-индивидуальной интерпретации.

А сейчас, особо и конкретно, несколько слов о самой важной для меня книге Гаджи Гамзатовича – «Дагестанский феномен возрождения». Именно она явилась для меня ключом к новому осмыслению – переосмыслению «Камбота и Ляцы» Али Шогенцукова. Это исследование Гаджи Гамзатовича представляет собой, пусть и острополемическую, но, на мой взгляд, плодотворно-оригинальную концепцию, раскрывающую новые грани постижения национального самосознания и самопознания дагестанских и северокавказских культур.

Преодолев проблемно – тематическую замкнутость подобного рода работ, и вместе с тем, отталкиваясь от уточненных ориентиров, Гаджи Гамзатов обозначил в монографии ряд крайне, актуальных теоретических и историко-культурных вопросов постижения сути художественного функционирования дагестанской и северокавказской ментальности того времени, как основы зарождения элементов ренессансного характера. Здесь, прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что соотношение национального, регионального, общечеловеческого анализируются автором в контексте социокультурного дискурса. Автор свободно владеет культурологическим и литературоведческим арсеналом для постижения художественного опыта и национальных литератур, входящих в изучаемую типологическую общность.

Такой методологический принцип позволил ученому предложить свое видение трансформации художественного сознания от ее фольклорно-эпических основ до непреходящих особенностей их духовно культурного звучания в XVIII – XIX веках, которое затем наследовалось и развивалось последующими поколениями. Особенно отчетливо это выражается в изучении генезиса, формирования, а значит и современного состояния литератур народов Дагестана.

Автору монографии «Дагестанский феномен Возрождения» удалось убедительно аргументировать преемственность различных периодов развития национально-художественного мышления и его специфику в общечеловеческом выражении. Для меня особенно важно то, что Гаджи Гамзатович проанализировал духовное наследие и исторический опыт дагестанских народов в весьма корректном и выверенном соотношении с идеями развития мировой литературы.

Гаджи Гамзатович уже давно мог бы гордиться своими необозримыми результатами в национальной науке, но и сегодня он остается в первых рядах действительно действующих российских академиков. И в своей неутомимости Гаджи Гамзатович остается образцом для подражания, следующих за ним поколений ученых. В годы торжества сомнений и отрицаний, вы надолго укрепляли наши мятущиеся души своим несуетным отношением к национальной науке. Мастер своего дела Гаджи Гамзатович остается прилежным учеником гор, зовущих к будущему Кавказа.

Вы всегда считали и считаете самым важным – это развитие науки, а потому я желаю бесконечного процветания гамзатовской литературоведческой школе.

И если у нас есть такие старшие, как Гаджи Гамзатов, наше будущее, надеюсь, предсказуемо.

После прочтения «Моего Дагестана» Расула Гамзатова я стал трепетнее относиться к истории своего народа. После знакомства с Гаджи Гамзатовым, быстро переросшее в почитание к нему, Дагестан навсегда стал Моим. А потому не считаю претенциозным, как может показаться, название этой статьи.

В столь знаменательный день мой Гаджи – старший брат и друг – Вас поздравляют Ваша Кабардино-Балкария и Мой многонациональный Дагестан.

Искренне Ваш Ю. Тхагазитов

Наталия СЕМЕНЮЧЕНКО

Семенюченко Наталия Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой общеобразовательных испециальных дисциплин, заместитель директора по НИР Липецкого филиала НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, один из ведущих представителей Липецкой методической школы, член авторского коллектива, создавшего более 30 учебников и учебных пособий по русскому языку для национальных школ РФ, член Союза журналистов России, отличник Просвещения РФ. Она и ученый, и вечный ученик, воплощающий в жизнь идеи своих известных учителей-педагогов Шмакова С.А., Газмана О.С., С.Л. Соловейчика, Е.И. Пассова, с которыми не один год проработала рядом. А еще Наталия Викторовна – автор занимательных уроков русского языка в стихах, которые помнят ее многочисленные выпускники (в школе прошла путь от учителя до директора); романтичных и смешных пьес, которые ставила в созданном ею школьном театре, научных студенческих «капустников» в вузе, в котором сейчас работает; занимательных страничек областной детской газеты «Золотой ключик», на которых появлялась в образе строгой тетушки Орфографуши; потрясающих веселых сценариев, без которых не обходится ни один праздник для друзей и коллег.

Жизнь ее наполнена стихами. И не только веселыми, но и такими, в которых есть самоирония, сомнения, грусть, надежда, любовь.

Елена Митина – главный редактор Липецкой областной детской газеты «Золотой ключик», заслуженный работник культуры РФ, лауреат премии Союза журналистов России.

Слово о художнике

Талант всегда внушает удивление
С. Смайлз

***Ефим Израилевич Пассов** – Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный работник высшей школы, доктор педагогических наук, профессор. Концепция коммуникативного иноязычного образования Е. И. Пассова «Развитие индивидуальности в диалоге культур», получившая свое практическое воплощение более чем в 80-ти учебниках английского, немецкого, французского языков и русского языка как иностранного и как неродного, созданных под его руководством и при его непосредственном участии. Е. И. Пассов является автором двух десятков монографий и учебных пособий, которые стали настольными книгами школьных учителей и преподавателей высшей школы: «Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению», «Основные проблемы обучения иноязычной речи», «Урок иностранного языка в школе», «Терминосистема методики» и др. Как один из ведущих специалистов в области обучения иностранным языкам Е. И. Пассов известен не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.*

Любопытство и удивление. С них начинается познание мира. Сначала возникает желание увидеть, услышать, ощутить – узнать, а затем увиденное вызывает удивление своей сложностью, многомерностью и – одновременно – цельностью. Личность такого масштаба, как Е.И Пассов, – это тоже мир, живой, сложный, уникальный, а потому вызывающий удивление и желание войти в его орбиту, прикоснуться к нему, побыть в этом мире и понять, что соединяет множество граней этой личности в единое гармоничное целое. А граней этих действительно не счесть. Заслуженный деятель науки РФ. Доктор педагогический наук. Почетный профессор ряда российских и зарубежных университетов. Ученый. Учитель. Лектор. Руководитель. Автор учебников, научных трактатов, многочисленных статей. Журналист. Драматург. Поэт. Музыкант. Бард. Что же объединяет эти, на первый взгляд, несовместимые ипостаси личности, в каждой из которых – несомненный талант? Думается, ответ на этот вопрос уже дал сам Пассов: «*Поэзия. Трепетная мысль, облеченная в художественную форму и*

наполненная чувством». Эта формула Е. И. Пассова применима ко всему, что он делал и делает, ибо всегда, во всем он – Художник. Интеллектуальная и художественная одаренность, высокая работоспособность и умение видеть гармонию мира – все это рождает уникальную палитру талантов этой неоднозначной личности. Рождает это и неоднозначные оценки, что неудивительно: воспринимаемость всеми – скорее свойство одномерности. Талант же не вписывается в среднестатистические параметры обывательского взгляда. Но даже тому, кто останавливается перед ним с восхищением, трудно оценить его в полной мере.

О Ефиме Израилевиче писать трудно. Любая оценка будет грешить субъективностью, потому что выйти из зоны влияния, из-под обаяния этой личности и попытаться взглянуть на нее со стороны чрезвычайно сложно. И все же о Ефиме Израилевиче говорить хочется. Хочется поговорить о нем как о Художнике, как о человеке, умеющем делать жизнь вокруг себя лучше и красивее.

Пассов – удивительно современный человек во всем – во взглядах, во вкусах, в суждениях, в отношении ко всему новому, причем, будучи современным, он живет не в русле общепризнанного, массового, модного, а всегда идет своим путем, по-своему воспринимая Время. Еще в 1965 году молодой драматург Пассов своей в пьесе «Человек за бортом» вложил в уста одного персонажа – эрудированного, ироничного, порой ерничающего, но по сути своей очень наблюдательного, симпатичного парня – важные для самого автора слова: «*Личность должна развиваться свободно. Без ограничений и подчинений общественным вкусам*». Прошли десятилетия – и в сборнике 2000 года появляются перекликающиеся с этим высказыванием строки: «*Когда наступает ненастье души, Когда уже в сердце нет места надежде, Свои идеалы предать не спеши, - Вставай и иди лишь вперед, как и прежде*». Пассов как истинный художник всегда чувствует ответственность перед самим собой, перед своей внутренней, человеческой позицией, не клонится вправо или влево в зависимости от перемены направления ветра в жизни страны, всегда верен самому себе. Постоянный творческий труд рождает ощущение своей человеческой и научной правоты и возможность быть смелым, идти без оглядки (иной раз и напролом) к реализации своих идей. Однако размах художника (особенно во время вдохновения, когда ничего не страшно и нет, казалось бы, никаких преград для полета фантазии) отнюдь не означает неуправляемости и анархизма мысли. Будучи достаточно гибким в повседневных отношениях с людьми, в науке Пассов не терпит не только дешевых компромиссов, бездоказательности, дилетантизма в содержании, но и отсутствия меры, вкуса и небрежности в выборе форм. А еще больше не терпит подмены научных интересов личными амбициями: он может методического противника поздравить с удачно выполненной работой, порадоваться его успехам, а с методическим соратником вступить в ожесточенный спор, если научные позиции расходятся (согласитесь, редкое качество в современной научной среде).

Ефим Израилевич – по-настоящему интеллигентный человек, умеющий талантливо общаться. В своей «Концепции коммуникативного иноязычного образования» он не только научно обосновал положение о том, что урок должен быть моделью процесса общения, он создал поистине художественный Образ Общения и сам является образцом этого Образа, потому что в принципе не мыслит себя вне общения: «*Ты, общение, – счастье мое!*» Для Пассова во всех коллективах, которые он создавал, главным был человек с его поисками, метаниями, ошибками и обретениями, правом на свою позицию, на свою неординарность. Как руководитель Ефим Израилевич демократичен, причем его демократизм – это не стремление к внешней эффектности, не заигрывание с подчиненными. Это – органика: чинопочитание ему абсолютно чуждо. Прав был У. Хазлит, восклицая: «Ни один по-настоящему великий человек никогда не считал себя великим!». Представить Пассова научным снобом, почивающим на профессорских лаврах, дистанцирующимся от подчиненных и ожидающим услышать панегирики в свой адрес, просто невозможно. Зато с ним можно спорить, иметь свое мнение в методике, отстаивать свои творческие позиции, поступать, как считаешь нужным, - и не опасаться грозного начальственного оклика и обвинения в том, что свернул с определенного руководителем пути. Рядом с Ефимом Израилевичем работали сотни человек. Именно не

«под началом», а «рядом». Конечно, все осознают масштаб его ума, и в этом смысле Пассов недосягаем. Но трудно представить его на пьедестале – «над» кем-то.

У Пассова есть счастливая способность видеть в человеке прежде всего хорошее, способность радоваться и гордиться успехами других людей – коллег, друзей, учеников. Иногда эта открытость бывает наказана и он ошибается в отдельных людях, но никогда не разочаровывается в них окончательно. Даже тем, кто его предает, он многое прощает, т.к. убежден наперекор всему: «*в каждом человеке сокрыт поэзии родник!*»

Его душевный талант проявляются и в его щедрости, в том, как он буквально раздаривает свои идеи, мысли, слова окружающим – коллегам, ученикам, учителям и ученым, по всей стране и за рубежом, слушающим его лекции, причем раздаривает, ни от кого не ожидая благодарности. Иной раз становится обидно, когда читаешь некоторые статьи и видишь дословное повторение его мыслей без ссылок. Но тут уместно вспомнить В. П. Зинченко, который как-то написал о Д. Б. Эльконине: «Он не страшился научного пиратства, говоря, что вместе с идеей надо украсть и голову». Эти слова с полным правом можно отнести и к Е. И. Пассову.

Правда, вполне возможно, что пассовские мысли порой воспринимаются как свои потому, что они облечены в доступную форму. О речи Пассова хочется сказать особо. Никогда даже в бытовом общении с одним человеком он не допускает в ней расхлябанности и небрежности. На фоне всеобщей речевой вакханалии речь Е. И. Пассова остается как бы вне «следов» времени, вне сиюминутного, преходящего – модных словечек, спускающихся «сверху», жаргонизмов, врывающихся в нашу жизнь «снизу». Его речь не просто грамотна – она отточена, причем, всегда: от выступления на симпозиуме мирового уровня до личного разговора. Автору этих строк посчастливилось побывать на пассовском методологическом семинаре в ГИРЯ А.С.Пушкина, где далеко не все были научными сторонниками выступающего. Уравновешенность, спокойствие как следствие уверенности в своей научной правоте и удивительно красивая форма подачи позиций – и вот даже научные противники попадают под его обаяние! Природа одарила Ефима Израилевича потрясающим артистизмом, пластикой, богатой обертональностью голоса, а он развил и довел все данное ему до совершенства. Не ради желания покрасоваться, а ради того, чтобы слушали, слышали методическое слово, чтобы оно зажигало, грело, вело за собой.

Поражает его «включенность» в методическое пространство даже тогда, когда, казалось бы, можно и «выйти» из него – во время «капустников», дружеских застолий, которые всегда – о Ее Величестве Методике. Однажды ученики Е. И. Пассова подарили ему книжку его сценариев методических «капустников» иняза. Когда листаешь ее страницы, невольно думаешь о том, что реши он когда-то пополнить ряды профессиональных юмористов и сатириков, то смотрелся бы он там достойно. А уж на фоне некоторых нынешних телевизионных юмористических передач сценарии Пассова выигрывали бы безусловно. В них – и мягкая ирония в адрес молодых коллег, и остроумная пикировка с методическими противниками, и самоирония, а зачастую и очень острая сатира. Как доставалось от него ретроградам, чиновникам, ортодоксам, как уничтожал он словом все то, что всегда ненавидел в людях: чинопочитание, снобизм, научную успокоенность, зависть и ненависть к тому, что ярче, глубже, талантливее – все то, что несовместимо со званием ученого, но что всегда имеет место быть в научных учреждениях!

Заглянем в сборник: «*Трудно бывает молодым преподавателям, которым вдруг поручают читать лекции по методике. Нам удалось найти, так сказать, откопать одного из самых старых, даже древних и опытных лекторов, дипломанта конкурса ораторского мастерства в г. Потусторонске – Архидею Ивановну Занудову. Она уже очень давно на пенсии, но не смогла удержаться, чтобы почти безвозмездно не передать молодым то, что ей уже давно не нужно...*». Так начинается «Мамина школа» – блестящая инструкция о том, как не надо читать лекции, убийственная ирония в адрес тех лекторов, кто из года в год читает одно и то же, воспроизводя по затрепанным старым конспектам давно устаревшие теоретические положения и практические примеры. Или вот не менее острая критика в адрес мертворожденных диссертаций, статей, написанных исключительно для научного отчета: «*Новая единица измерения открыта ученым, доктором методических наук Х. Х. Ахинеевым. Этой единицей можно измерять содержатель-*

ность любого сообщения. В честь ученого единица названа АХИНЕЕЙ. Автор проверил действенность открытой им единицы на собственных работах. Так, содержательная мощь его последнего сообщения на конференции оказалась равной 52-м ахинеям». В пародиях на знакомые всем TV-программы поднимались сугубо «методические» темы: «*Как организовать лексические единицы, чтобы скрыть чужие мысли*», «*Любите методику – источник званий!*», «*Как вообще жить без системы упражнений?*» и т.п. Послушаешь, посмотришь, посмеешься до упаду, а потом вдруг осознаешь, что непонятные теоретические положения становятся более понятными, перестаешь многого бояться, начинаешь понимать, что истинно, что преходяще в науке и в жизни. Знаменитые пассовские «капустники», методические частушки – это тоже форма бытия его методического мышления, а для коллег – еще и форма обучения. Думается, если все это издать, то такой сборник будет прекрасным дополнением к пассовским монографиям.

Как сказал восточный мудрец Джубран, «чувство юмора – это чувство соразмерности», а значит, это тоже – искусство под особым углом зрения воспринимать привычный мир. Ефим Израилевич обладает свойством истинно сильного и по-настоящему талантливого человека – умением иронизировать и даже смеяться над собой, умением говорить несерьезно о серьезном, весело о высоком, не снижая планки. Он сам блестящий юморист и – что реже встречается среди руководителей – тонкий ценитель юмора окружающих. Сколько блистательных шуток бывает на дружеских праздничных встречах! Как раскрываются характеры! Как всем хочется показать себя, свои способности, свои таланты! И всегда в центре этого феерического «безобразия» Пассов. Коллеги могут написать о нем какие угодно монологи, сценки, песни – и не бояться быть неправильно понятыми. Надо видеть, как заразительно, до слез, он хохочет над шутками в свой адрес на разных «междусобойчиках» и как мгновенно блестяще отвечает на них!

Когда-то отец Павел Флоренский заметил: «Поэтическое восприятие жизни – величайший дар, доставшийся нам от поры детства. Если человек не растеряет этот дар на протяжении долгих трезвых лет, то он поэт». Главное ведь не в том, является ли создание стихов профессией. Главное – личность, которая растворяется в поэтических строках. Главное – стремление сказать другим что-то новое «о времени и о себе». Но как истинный художник Ефим Израилевич Пассов не мог не состояться и в сугубо художническом проявлении. Он сам признается в том, что без литературного труда существовать не мог никогда, потому что это способ самовыражения, способ выговаривания того, что мучит, что бродит в тайниках души неясным, неоформленным беспокойством и просится в слово, в ритм, в мелодию – в форму. В его пьесах, стихах, песнях – вся жизнь: от оценки времени и пространства, в котором случилось жить и творить, до самого сокровенного, личного, потому что поэзия для него, по его собственному признанию, – «*это отношение к жизни, это состояние души*». Конечно, при восприятии поэзии каждый читатель берет для себя что-то свое, особо созвучное его видению мира. Однако в произведениях Пассова есть то, мимо чего не пройдет ни один читатель, что, на мой субъективный взгляд, является самым главным их свойством – гражданственность. Пассов, несмотря ни на что, был и остается гражданином России. В его стихах и песнях, очень русских по своей сути – по размаху, по бесшабашности, по веселой отчаянности, по щемящей, выворачивающей душу грусти, по предельной исповедальности, порою даже обнаженности, – всегда живет Родина: «*И заходится сердце песней, и живет моя Родина в ней...*». Его патриотизм – это не квасное самодовольство, не сентиментальность, «*не пасхальная сусальность*». Это сознание невозможности жить и работать вне создавшей тебя страны: «*Мне любые края - по крови те, что входят в понятие «Русь*». В его стихах все российское, родное, знакомое – и природа, и песня, и человек. И еще – постоянное предчувствие Весны, ожидание обновления, движения вперед: *Еще деревья безмятежно спят, Но за глухою снежной пеленою Я слышу: они снова говорят Своей неугомонною листвою.*

Стихи Пассова – это стихи удивительного молодого человека, который не растерял на жизненном пути способность удивляться, любить жизнь молодо, безоглядно, когда захлестывает «*чувств девятый вал*». Это стихи-диалог, приглашение читателя, слушателя к сотворчеству. Диалогичность особенно проявляется в его песнях. Они тоже форма общения с

единомышленниками, друзьями, коллегами. Песни Пассовах знают и любят не только в Липецке, они давно уже разошлись всей стране. Почему же так хочется слушать эти песни? Почему чувствуешь себя счастливым рядом с поющим Пассовым? Наверное, дело тут не только в профессиональном соединении поэтического слова с мелодией, в сильном и красивом голосе, которым наградила его природа, но и в ощущении полета, в неповторимой пассовской интонации, в предельной искренности пения, в отсутствии малейшей фальши или желания покрасоваться. Подделку можно вежливо выслушать (особенно если поет руководитель), но захотеть ее слушать не заставишь никого. А Пассова просят спеть при любой возможности, на любом празднике все ждут минуты, когда он возьмет в руки гитару.

Конечно, такое мощное воздействие на слушателя автору дается непросто. Творчество вообще – процесс мучительный, а уж песенное творчество – процесс, мучительный вдвойне, втройне, потому что автор разговаривает с людьми посредством и слова, и ритма, и мелодии, и интонации. Надо не только все это гармонично соединять, надо «*откалывать глыбы от души*», вкладывать их в песни – и не надеяться быть мгновенно понятым.

Может быть, эти муки творчества и рождают порой такие строки о стихах: «*Держа нас постоянно на пределе, они лишь разрушают наш уют*»? А как без них? Как без музыки, которая осознается как «*высшая награда*»? Как без очищающего душу раздаривания в самого себя – своих сил, чувств, мыслей, энергии – во всем: в песнях, стихах, пьесах, монографиях, статьях? Ведь эта щедрость души Человека, Ученого – Художника дает Е. И. Пассову возможность бесконечно продолжаться в тех, кому он отдал часть себя.

Стихи Е. И. Пассова

Очередной юбилей

Дождь упорно ткёт дырявое
Полотно последних луж...
Видно, жизнь моя корявая
Входит в пору зимних стуж.

На висках снежинки белые
Не во сне, а наяву...
И как яблоки дозрелые,
Годы
падают
в траву.

Но пока в душе и в памяти
Осень – чистое стекло, –
Не страшны мне снега замети!
Нет, немного намело!

Родное Слово

Я знаю: Слово есть начало и венец.
Не зря начертано: «Вначале было Слово...».
Оно хранится в глубине сердец,
И ничего нет более святого.

Оно приходит к нам из тьмы веков,
Прокладывая тяжкий путь и долгий,
От запахов полей, от родников,
От чистоты берёз, от вод любимой Волги.

Оно приходит как священный дар
От близкого, от кровного, родного.
И самый страшный для меня удар,
Когда бездушно оскверняют Слово.

Мир Слова бесконечен, как весь Мир,
Непостижим, как суть любви к Отчизне.
Я без него и немощен, и сир,
Но, чтоб постичь его, мне не хватает жизни.

О, Слово русское! Ты – воздух и вода:
Тобой дышу и жажду утоляю.
Чтоб ты пребыло в Мире навсегда,
Я Г спода смиренно умоляю.

Приеду я на Родину

Когда-нибудь на Родину
Приеду спозараночку...
Насыпят мне смородинки,
Как угощенье, баночку.
И ровно в час намеченный
Под потолками низкими
В избе радушной встречусь я
С друзьями, с детства близкими.

Моя деревня далеко.
Теперь как будто в космосе...
Парным встречает молоком,
Стогами и покосами.
И стелят пух свой тополя,
Всё белое, как новое.
Кругом расстелены поля
Ромашко-васильковые.
Блистает юной чистотой
Берёзовая рощица.
Пролился дождик проливной,
Звезда в реке полощется...

Ах, родина ты малая!
Деревня просто крохотна...
Какая ж ты отсталая:
Ну, ни машин, ни грохота.
Какая же ты милая!
Забыта-позаброшена...
Всё езжу как-то мимо я
Тебя, моя хорошая.

Всё делать след ко времени,
Пока живы-живёхоньки:
Ведь нашего там племени
Уж нету никогошеньки.
Прости мне, моя родина,
Прости, моя кровинушка...
К тебе дороги пройдены,
Все заросли травинушкой...

Ах, родина далёкая,
Деревня, с виду тусклая,
Моя ты синеокая,
Моя ты белорусская!
Лесами окружённая
И пухом запорошена,
Со мною разделённая,
Любовь моя хорошая!
Ах, родина – судьба моя! –
«Мой ро́дны кут», как сказано, –
И радость, и борьба моя
С тобой навеки связаны.

Истоки детства

Расшумелся осенний лес.
Раскричались какие-то птицы...
Ах, как хочется разных чудес,
Когда ночью никак не спится.

Вдруг захочется шалой весны,
Молодой, как побеги на ветках.
Или запаха тонкой сосны
На родимом пригорке приветном.

Или вдруг разнотравьем пахнёт,
И дыхание перехватит...
Или что-то такое накатит,
Что и мудрый мудрец не поймёт...

То не ведьма сидит на метле
Это я в детстве так начинаюсь:
Я качаюсь на мокрой ветле,
Как в качелях, воды не касаясь.

А горячее солнце палит,
Выжигая из памяти детство.
Это пламя бомбёжек горит,
Я не знаю, куда же мне деться...

И в мозгу воспалённом моём,
Как в театре повторного фильма,
Лентой рвущейся, ночью и днём
Жизнь проходит. Неотвратимо...

Бывают случайные встречи...

Бывают случайные встречи,
Ниспосланные судьбой.
Лишь руки положишь на плечи, –
И станут ненужными речи,
И ты не владеешь собой.

И видишь растерянность взгляда
Как пропуск, предъявленный в рай.
Беззвучное слышишь «Не надо...»
И хрупкая эта преграда,
Которую только сломай...

Кто знает, что надо – не надо?
И надо кому: мне? тебе?
Кто знает, что станет наградой,
А что – наказаньем в судьбе?

Бывают случайные встречи...
А, может, чего-то предтечи?

Мир общения

Говорят, и не стану оспаривать, –
Что ещё не родившись на свет,
Начинаем мы разговаривать,
Не рассчитывая на ответ;
Что уютное одиночество
Не приемлем свободные мы
Вырывается наше высочество
В мир общенья, из плена и тьмы.
Так естественно – разговаривать,
Как дышать, как ходить, как любить,
Что-то делать и в такт приговаривать,
Вместе быть и с тобой говорить.
Разговаривать – душу раздаривать,
Разговаривать – сердце дарить,
Не разбрасывать, не разбазаривать,
Но и лишь для себя не хранить.
Разговаривать, как выговаривать,
Приговаривать, как на суде.
Разговаривать, как заговаривать,
Чтоб не быть неминучей беде.
Разговаривать, как наговаривать,
Наворочать сто вёрст до небес.
Разговаривать, как отговаривать
От красиво-обманных чудес.
Разговаривать, как уговаривать,
Упросить, убедить, умалить.
Отвечать, как едва выговаривать,
Как сквозь зубы небрежно цедить.
То шептать, то кричать, но беседовать,
То хулить, то хвалить, но при том
Сомневаться. И замыслам следовать,
И не быть молчаливым скотом.
Как всё это светло и прекрасно –
Говорить, говорить, говорить.
Ежедневно и ежечасно
В мир чужого общенья входить.
Ах, общенье, моё наслажденье,
Наше общелюдское житьё!
Ах, общенье – моё утешенье,
Ты, общение, – счастье моё!

Заготовка льда

Как просто зиму сохраняют:
Её кусками вырубают,
Потом в машины погружают
И в холодильники везут.
Она – гранёный льдистый камень.
Она – холодный синий пламень.
А я беру её руками!
И слёзы у неё текут...

День рождения

Ах, день рожденья! Словно наважденье
Подкрался и попробуй отвяжись:
Подкрался подло, без предупрежденья,
Без объявленья,
Что конечна жизнь.

И каждый раз опять одно и то же –
Веселье, будто пир среди чумы.
И подсознанье чуть грустит. Но всё же
Утечку времени не замечаем мы...

Уносит эта времени река
В своём потоке всё, что только может,
И гложет, гложет материк, пока
До основанья тихо не изгложет.

Она – безжалостна, незряча и глуха
Ко всяким просьбам и людским моленьям.
Ей безразлично, что́ пред ней – труха,
Или невиданно прекрасное творенье.

Скорей всего, конечно, в этом есть
Резон, хоть нам он вовсе не угоден.
Но, видно, это не про нашу честь
Понять Великий Замысел Господен.

И – правильно! Вот так всегда и надо:
Считать года – забота Высших Сил,
А наш и долг, и высшая награда –
Достойно оправдать то время, что ты жил.

О мужчинах и женщинах...

В мужчине главное –
мужество,
Или, если хотите, –
содружество:
Когда,
другую любя,
Ей
доверяют себя.

В женщине главное –
женственность,
Или, если хотите, –
жертвенность:
Когда,
другого любя,
В нём
растворяют себя.

Рецензии. Статьи. Эссе.

Рашид АКАВОВ

Акавов Рашид Забитович – доктор филологических наук, директор Дагестанского филиала РГПУ им. А. И. Герцена (г. Махачкала). В 2009 году защитил докторскую диссертацию на тему: «История кумыкской литературы нового времени в историософском освещении».

Из истории русско-северокавказских общественно-культурных связей:

общественно-политическая и просветительская деятельность кумыкского князя Хасайбека Уцмиева (середина XIX века)

В последние десятилетия, благодаря опубликованным работам С. Ш. Гаджиевой, К. Алиева, Г. Мусахановой, З. Акавова и др., стали известны новые страницы из истории русско-северокавказских общественно-культурных связей. Хотелось бы выделить статью К. Алиева «Связь времен», опубликованную в альманахе «Дослукь», №2 1983 г., в которой автор рассматривает мемуары барона Ф. Ф. Торнау о своем пребывании в 1829-1830 г. в Тифлисе. Особенный интерес в мемуарах Ф. Ф. Торнау для нас представляют сведения, связанные с кругом знакомств и общений известного военного деятеля и просветителя середины XIX в. кумыкского князя Хасайбека Уцмиева.

Дагестанскими учеными собраны и исследованы уникальные материалы об общественной и интеллектуальной жизни Хасайбека Уцмиева, полной творческих подъемов и драматических поворотов. Хасайбек Уцмиев – потомственный князь, генерал, зять карабахского хана, всесторонне и глубоко образованный, имевший тесные связи с российской и зарубежной интеллигенцией (А. Пушкин. М. Лермонтов, А. Бестужев-Марлинский, П. Бестужев, П. Каменский, М. Ахундов, барон Розен, А. Бакиханов. Х. Абовян, И. Куткашенский, А. Дюма. Эр. Ренан, Йырчи Казак, Магомед Османов и др.), умирает в царской ссылке. Что же стало причиной столь трагического конца блистательной карьеры? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо, на наш взгляд, исследовать мировоззрение Х. Уцмиева в контексте социально-политической обстановке середины XIX века в России, на Северном Кавказе и в Дагестане.

В отмеченном аспекте история фамилии Уцмиевых представляется весьма любопытной и поучительной. Жизнь многих поколений этой фамилии – своеобразная иллюстрация зарождения и последующего развития феномена просветительства. Чтобы в этом убедиться, достаточно рассмотреть сравнительно небольшой хронологический отрезок жизни двух ее поколений: отца и сына – Мусы и Хасайбека Уцмиевых, оставшихся в народной памяти не столько феодалами-землевладельцами (хотя и были владетельными князьями), сколько военно-полити-

ческими, национально-патриотическими деятелями. Ведь не случайно, в историографической литературе еще в XIX веке, в частности в трудах А. Берже, В. Потто, Н. Дубровина, Д. М. Шихалиева и др., за главным приставом Кумыкского владения Мусой Уцмиевым закрепилось представление как о «деятеле времен Ермолова», которого сам генерал характеризовал как «усерднейшего российского чиновника» (М. Мансуров. Засулакская Кумыкия. – Махачкала, 1994, с. 23). А вот личность его сына – Хасайбека Уцмиева – в народе и в светском обществе (в частности, по свидетельству М. Ф. Ахундова, И. Казака, графа Воронцова, Ал. Дюма, с одной стороны, а с другой – начальника Терской области Лорис-Меликова, главноуправляющего канцелярией Кавказского корпуса Карцева) еще при жизни обрела легендарные черты.

Так, для современников, и в особенности для жителей Засулакской Кумыкии, надо полагать, немаловажное значение имело пребывание с середины XVIII века княжеских детей в качестве аманатов вначале в Кизлярском карантинном пункте в распоряжении его коменданта, а впоследствии – в г. Санкт-Петербурге в императорском конвое.

Муса Уцмиев, состоявший на службе с 1788 г. и зачисленный в состав расквартированного в Кизляре мушкетерского полка, вместе с П. Багратионом в одном военном подразделении был мобилизован в 1812 году на войну с Наполеоном Бонапартом (ЦГА СОА. Ф./2 оп. 2, д. 1099). Отечественная война 1812 г. свела М. Уцмиева и с другим героем войны — генералом Алексеем Петровичем Ермоловым, под начальством которого он продолжал служить в бытность Ермолова наместником Кавказа.

Здесь необходимо отметить значение личных взаимоотношений М. Уцмиева с А. П. Ермоловым в связи с трагическими событиями, имевшими место летом 1825 года в с. Аксай и повлекшими гибель генералов Грекова и Лисаневича. Как явствует из существующей источниковедческой литературы, причина гибели генерал-лейтенанта Лисаневича и генерал-майора Грекова заключалась в их же ошибках. А. С. Грибоедов, Н. Дубровин вслед за событиями, а позднее кумыкский поэт-просветитель из Аксая Манай Алибеков, прямо указывали, что руководство левого фланга Кавказского корпуса в лице Грекова и Лисаневича, не разобравшись в политической ориентации аксаевцев, преступно незаслуженно обвинили их в сговоре с будоражившим регион своими антирусскими настроениями новообъявленным имамом по имени Явке (по источникам — Яука), прибывшим из горного Дагестана, чтобы объединенными силами выступить против русских войск. Греков и Лисаневич вызвали в крепость Герзели, расположенную от Аксая в двух-трех километрах, 318 влиятельных лиц в основном Хаджиев, старейшину, квартальных мулл, кадиев и др., предварительно обезоружив их при входе у ворот крепости. Разбирательство, «профилактика», по многочисленным отзывам, в том числе и генералом Ермоловым в его «Записках», изданных в 1860 г., была чрезмерно грубой, топорной, свидетельствовала о полном незнании генералов обычаев, традиций, менталитета местного народа. Они потребовали от якобы повинных в упомянутом сговоре жителей раздеться и дали приказ солдатам сечь их розгами. Как пишет Н. Ф. Дубровин в своей «Истории войны и владычества русских на Кавказе» (Т. 1, кн. 1. СJС6., 1871, с. 68), «... Лисаневич, хорошо знавший старейшину села Очар-Хаджи и владевший кумыкским языком, подошел к нему и произнес в его адрес резкие, оскорбительные слова, которые тот не выдержал и, вынув из рукава черкески спрятанный в нем маленький кинжал, смертельно заколол им обидчика, а вслед за этим и бросившегося на помощь Грекова тоже».

Без малого двести лет отделяют нас от того трагического события, которое стало причиной разрушения, превращения в руины одного из старинных селений кумыков и насильственного расселения, депортации народа на новые, необжитые места – в современные Аксай, Чагар-Отар, Адиль-Янгиюрт, Герменчик, Карасув-Отар, определенные лично А. П. Ермоловым. Однако в памяти народа этот день не забывается: если одни любители старины гордятся подвигом Очар-Хаджи, то другие размышляют о том, к чему может привести беззаконие, высокомерие, чванство. Кстати будет отметить, что именно подобные размышления, точнее, осуждения подобных методов управления судьбами народов были сформулированы и провозглашены впервые в 1825 году за несколько дней до выступления дворянских офицеров на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, а именно 7 декабря секретарем генерала Ермолова и

автором бессмертного «Горя от ума» А. С. Грибоедовым.

В письме к С. Бегичеву 26 августа 1825 г. А. С. Грибоедов сообщает, что он вместе с А.П. Ермоловым отправляется на левый фланг для разбирательства в причинах гибели генералов Лисаневича и Грекова (А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений в III томах. – СПб., Пг., 1911-1917: т. III, с. 184-186). Из «Записок» А. П. Ермолова известно, что их пребывание там длилось более 2-х месяцев, в течение которых они жили в доме князя Мусы Уцмиева.

Несмотря на то, что князь М. Уцмиев своей усердной службой не раз доказывал личную верность присяге, в чем Ермолов не сомневался, однако, предусмотрительный во всем, умудренный многолетним военно-политическим опытом генерал, чтобы и в будущем исключить даже гипотетически возможные колебания и изменения в настроениях Уцмиева, после «разбирательства» с аксаевцами, уезжая в Тифлис, взял с собой семнадцатилетнего сына князя – Хасайбека – в аманаты.

С момента прибытия в Тифлис Х. Уцмиев считается состоящим на службе и оказался под непосредственной опекой, заботой и вниманием А. С. Грибоедова, который, судя по его переписке после отмеченных событий, живо интересовался у молодого князя историей его родины, обычаями, нравами, словом, всем тем, что составляет, по современной терминологии, национальный менталитет. При этом мы не пытаемся преувеличивать роль контактов молодого Уцмиева с А. С. Грибоедовым, который за два-три месяца пребывания на месте событий путем повседневных наблюдений, расспросов, изучений и осмысления комплекса факторов, приведших к трагическому исходу с той и другой конфликтующих сторон, мог вполне самостоятельно оценить их и выразить собственное мнение. Как бы то ни было, но эта вопиющая несправедливость, совершенная высоким начальством в отношении ни в чем не повинных мирных жителей, получает резко отрицательную характеристику со стороны А. С. Грибоедова. Так, в своем письме к С. Бедичеву, уже после случившегося в Аксае, а именно 7 декабря 1825 года, А. Грибоедов с иронией комментирует миссию Кавказского корпуса, которая представляется ему как «борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действие конгревов; будем вешать и прощать и плюем на историю» (А. С. Грибоедов. Полное собр. соч. в III томах. – Т. III, с. 186).

Это письмо еще не прокомментировано ни историками, ни философами, ни литературоведами. Между тем, содержащиеся в нем указания на «действия конгревов» имеют прямое отношение к аксаевским событиям, в источниках констатируется факт артиллерийского обстрела Аксая из крепости Герзели. Оказывается, «конгревы» – военные ракеты английского производства, и «действие конгревов» в данном случае означало использование русским командованием ракетно-бомбовых ударов, в результате которых Аксай действительно был разрушен дотла. Все это происходило на глазах у молодого князя Х. Уцмиева, что, конечно, не могло не волновать его, не заставлять думать. С другой стороны, А. С. Грибоедов, с открытой иронией и сарказмом говоря: «будем вешать и прощать и плюем на историю», оценивал ситуацию как объективный историк и политик. При этом акценты Грибоедова кажутся расставленными с позиций не царского чиновника, обязанного бороться с «горной и лесной свободой», а противником именно такой борьбы «барабанного просвещения».

Развитие событий в Аксае тяжелейшим образом отразились, прежде всего, на жизни его жителей. Начался лихорадочный отток населения в Чечню, Осетию, Кабарду, Азербайджан, Турцию. Назначенный вместо Грекова новый командующий Левой линией генерал Вельяминов определил главным приставом кумыкского владения Мусу Уцмиева, пользовавшегося среди начальства и в народе огромным авторитетом как участник Отечественной войны 1812 года и близкий сослуживец и выдвиженец А. П. Ермолова. В свою очередь, М. Уцмиев всеми силами, личной энергией, своим положением стремился обеспечить в регионе общественное спокойствие, национальный мир и согласие и первым актом, предпринятым им в этом плане, явилась отдача сына в аманаты, а затем его ходатайство о зачислении из числа самых, с его точки зрения, благонадежных соотечественников во вновь сформированный в 1829 году Кавказско-Горский полуэскадрон императорского конвоя. Нам неизвестно, каковы были общественные взгляды старшего Уцмиева, однако, по занимавшему им положению, по оказываемому начальством ему

доверию можно сказать, что он придерживался, давно сформировавшейся его старшими поколениями, российской ориентации, согласно которой Кумыкское владение, как национальное территориальное образование, является субъектом Российской империи. Учитывая это обстоятельство, нетрудно представить, что вся практическая административная и общественная деятельность М. Уцмиева, направленная на утверждение отмеченной национальной государственной перспективы, означала не что иное, как реальное проявление одной из важнейших черт просветительства. На этой практической значимости административной, просветительской деятельности главного пристава Кумыкского владения не акцентировалось внимание ученых, исследователей. Но это было очень важно, поскольку имело конкретную воспитательную направленность, при этом нельзя забывать и повседневно-бытовой аспект данной проблемы: общественный резонанс, формирование на основе конкретных фактов народного мнения. Как приближенным княжеских фамилий, так и простым обывателям, узденским сословиям, небезынтересна была, например, любая новость, касающаяся их общественной и частной жизни. Конечно, в череде новостей внимание, интерес народа, прежде всего, занимали события, в той или иной степени связанные с собственным благополучием, настоящим и будущим. Одним из таких важных событий, которое могло вызвать и, можно полагать, действительно вызвало всеобщий интерес, явилась отправка в Петербург в 1829 году, сформированного из числа молодых людей влиятельных княжеских и узденских фамилий народов Северного Кавказа, полуэскадрона, которому суждено было стать ядром Кавказско-Горского эскадрона императорского конвоя. Уже в первом призыве этого военного подразделения оказалось 7 представителей кумыкского владения из 30 человек: кумыков, кабардинцев, осетин, ингушей, ногайцев. В их числе были Арсланхан Уцмиев, Абдулмуслим Капланов, Алиш Хамзаев и другие.

Хасайбек Уцмиев, находившийся все это время в штабе Кавказского корпуса в Тифлисе, как выше отмечалось, проживал вместе со ссыльными декабристами П. Бестужевым, П. Каменским, куда к своему брату часто приезжал другой декабрист А. А. Бестужев-Марлинский.

Однако вскоре, в 1832 году, поручик лейб-гвардии гренадерского полка Х. Уцмиев едет в Петербург, в императорский конвой, службу в котором сочетает с обучением в Пажеском кадетском корпусе. Он прибыл в Петербург полный патриотических устремлений – служить народу и Отечеству, что возможно только при овладении фундаментальными знаниями: в этом его убеждал интеллектуальный уровень тифлисских друзей – дворянских революционеров, образованных и талантливых офицеров, задумавших военно-политический переворот в России.

После окончания с отличием в 1838 г. Пажеского кадетского корпуса в звании корнета Х. Уцмиев был зачислен штаб-ротмистром Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона императорского конвоя. Но вскоре, канцелярией штаба войск Кавказской линии и Черномории, Х. Уцмиев привлекается для сбора сведений по обычному праву Кавказских горцев. Так, еще с 1842 г. он выполняет поручения канцелярии по управлению мирными горцами, по сбору и систематизации адатов, а также занимается переводами с арабского языка книг по шариату. Здесь мы особо подчеркиваем функционирование в штабе Кавказского корпуса такого структурного подразделения, как специальная служба – канцелярии по управлению мирными горцами, выполнявшей важные для населения региона просветительские задачи. При этом на Х. Уцмиева возлагается обязанность организации специально для этой цели сформированной группы. 18 декабря 1842 г., за подписью заведующего канцелярией подполковника Бибикова и резолюцией командующего войсками Кавказской линии генерал Головина, издается распоряжение, по которому «... сбор сведений об адате, кроме господ частных начальников, поручить на Левом фланге гвардии штабс-ротмистру князю Хасаю Уцмиеву...». В эту «экспедиционную» группу, по сведениям С. Ш. Гаджиевой, входили также «майор Шарданов, штабс-капитан Шора Ногмов, поручик Магомед Дударов, флигель-адъютант полковник Хан-Гирей, кумыки – капитан Касим Курумов, находящийся на службе в Кавказско-горском полуэскадроне аксайский кадий Юсуп Клычев, «знающий хорошо арабский язык», и штабс-капитан Девлетмурза Шихалиев». (С. Ш. Гаджиева. Д.-М. М. Шихалиев и его труд «Рассказ кумыка о кумыках». – Д.-М. Шихалиев. Рассказ кумыка о кумыках. – Махачкала, 1993, с. 10-11).

Обобщая материалы о деятельности Х. Уцмиева по отмеченной организационно-просветительской работе, следует отметить благоприятную обстановку, которой способствовали почти все: командующие Кавказским корпусом, наместники Кавказа, за исключением кн. Барятинского.

Ценность подобных сведений заключается в том, что, протекая на глазах у народа или становясь его достоянием через другие каналы, рассматриваемые взаимные контакты служили в то время немаловажным фактором в политико-просветительском и историософском образовании народа.

«Звездными» периодами жизни и деятельности Х. Уцмиева можно назвать те времена, когда он находился на службе в штабе кавказской армии при наместничестве М. Воронцова и Н. Муравьева. Особенно примечательна роль графа Воронцова в истории с женитьбой Х. Уцмиева. Эта история настолько яркая и впечатляющая, что до сих пор воспринимается как увлекательная романтическая легенда, хотя в ее основании далеко проду¬манный Воронцовым государственный и политический расчет.

Еще 10 января 1820 г. генерал Ермолов в письме к графу Нессельроде, представляя «Сведения о проступках и поведении владельцев в продолжение истекшего года», указывает: «... Должен я начать с генерал-лейтенанта Шамхала Тарковского, непоколебимого в верности и преданности Государю Императору. Ему подобных весьма немало!

Генерал-майор Мехти-хан Карабахский, по привязанности к сестре своей, супруге шаха Персидского, имеет сношения с Персией, не будучи ей преданным, но управляем людьми нам верными». (АКАК. Т. 6, ч. II. – Тифлис, 1875, с. 10). Как видно из приведенного текста, Карабахское ханство со¬ставляло важнейшую не только внутреннюю, но и внешнеполитическую проблему. Тот факт, что у Мехти-хана не было наследника, которого можно было призвать на русскую службу в качестве аманата, как это обстояло с Х. Уцмиевым, вызывало серьезные трудности, прежде всего опасения, связан¬ные с возможными влияниями персидского двора.

Эта проблема не исчезла и ко времени наместничества Воронцова, и он также искал случай как можно туже привязать Карабах к России. Но, в отличие от условий при Ермолове, появляется шанс – подросла дочь Карабахского хана Хуршид-бану. Только надо найти надежную и подходящую родовитую партию. Выбор Воронцова пал на адъютанта, князя Хасайбека Уцмиева. По сведениям, приводимым исследователями жизни и творчества М. Ф. Ахундова, в частности, М. Рафили, Б. Мамедовым, М. Дадаш-заде и др., Мирза Фатали Ахундов по прямому указанию графа Воронцова участвовал как посредник и сват в устройстве бракосочетания Х. Уцмиева с дочерью Карабахского хана красавицей Натаван, которая состоялась в 1846 году (М. Ф. Ахундов. Полн. собр. соч. в 20 томах. Т. 1. – Баку, 1981, с. 41-43).

Несмотря на то, что существовала ощутимая разница в возрасте (Натаван было 19 лет, а Х. Уцмиеву – 38), этот брак состоялся, вызвав в обществе самые разноречивые толки. Таким образом, Х. Уцмиев оказался фактически наследником ханского двора, связанного с персидским шахом. В этом браке у Х. Уцмиева родилось двое детей: сын Мехти и дочь Фатима. Как видно из приведенного эпизода из жизни Х. Уцмиева, не только на родине в Аксае, в Кумыкском владении, но и в штабе Кавказского корпуса, в особенности на Левом фланге, которым назывался нынешний Северный Кавказ, его фигура действительно представлялась колоритной, притягательной.

Не менее трогательным оказался и распад этой семьи. Всецело занятый службой, Х. Уцмиев не мог уделять постоянное внимание своей семье. А служба же с годами становилась сложнее вследствие углубления кризиса России в Кавказской политике. Х. Уцмиев как наиболее образованный и подготовленный патриот своего народа и отечества приложил много сил и энергии, чтобы помочь администрации выработать всеобъемлющую стратегию в затянувшемся вооруженном конфликте русско-кавказских отношений. Этот важнейший аспект, как и вся общественно-политическая биография Уцмиева, в исследовательской литературе до сих пор не зафиксированы. Между тем, именно об этом писал еще в 1867 г. кумыкский поэт Иырчи Казак в своей скорбной песне-эпитафии, посвященной смерти генерала Х. Уцмиева, опубликованной М.-Э. Османовым в 1883 г. в «Кумыкско-ногайской хрестоматии» (СПб., 1883). По сообщению М. Рафили (М.-Ф. Ахундов. – М., 1957), Х. Уцмиев, занятый урегулированием

отношений между администрацией и горцами, редко навещал свою семью в Карабахе и друзей в Баку, из-за чего случались частые размолвки между супругами.

В исторической литературе достаточно полно и убедительно освещена позитивная роль Н. Н. Муравьева в стабилизации русско-кавказских отношений в его бытность командующим войсками на Кавказе. деятельность Н. Муравьева, по всеобщему признанию, отличалась либеральностью и лояльным отношением к населению и народам этого края. Из такой его общественной позиции, вполне открытой, понятной и ясной в равной мере народу и властям, само собой следует мысль о привлечении состоящих при нем в качестве ведущих экспертов по кавказской проблематике Х. Уцмиева, Д. Шихалиева, М. Ф. Ахундова и других к разработке наиболее приемлемых предложений и рекомендаций для готовящейся встречи с имамом Шамилем. Весь штаб — военная часть и гражданская канцелярия – все были мобилизованы на то, чтобы найти достойное решение сложного клубка социальных и политических проблем. В итоге была найдена устраивавшая обе стороны формула документа, известного под названием «Договор Н. Н. Муравьева – Шамиля», согласно которому признавался суверенитет Дагестана в составе Российской Империи. Хотя в договоре не называлось слово «суверенитет», но тем не менее достигнутый компромисс по сути свидетельствовал и доказывал, что Н. Н. Муравьев предоставил фактически права автономии горцам, специально оговорил при этом границы этих прав: на внутреннее самоуправление, свободу торговли, культурную, языковую и религиозную самостоятельность (Г. И. Милованов. Социально-экономические аспекты движения горцев под руководством Шамиля. // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция 20-22 июня 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. – Махачкала, 1989, с. 56). На основании достигнутых таким образом между сторонами соглашений, войска были отведены, война прекратилась, в регионе было достигнуто спокойствие, люди возвращались к созидательному труду.

Несмотря на то, что достигнутый Муравьевым отмеченный дипломатический прорыв был санкционирован и Петербургом, нашлись ярые противники мирного исхода, в частности, в лице князя Барятинского, давно метившего в командующего войсками на Кавказе и, движимого исключительно карьеристскими вожделениями, регулярно отправлявшего в Петербург докладные, в которых содержались обвинения в адрес наместника. В результате Н. Н. Муравьев в 1856 г. был отстранен и занявший его место Барятинский нарушил договор, вместе с этим и команда Муравьева, в том числе и Х. Уцмиев попали в немилость. Как известно, Барятинский был сторонник силовых методов борьбы с горцами, отличался агрессивностью. Это естественно задевало горский контингент Кавказского корпуса, вызывая в офицерском составе чувства отчуждения и даже открытого протеста. Для Х. Уцмиева отставка Н. Н. Муравьева оказалась началом и его постепенного отстранения начальством от участия в разрешении вопросов, связанных с жизнью народов Северного Кавказа. Началась травля, вносится разлад в отношения с женой. Но Х. Уцмиев не желает так легко сдаваться, пытается доказать ошибочность выбранной начальством национальной политики. Однако к его словам никто уже не прислушивается. Барятинский занят вопросами создания на базе существовавших национально-территориальных образований Дагестанской и Терской областей, реформировании системы управления и устранением неугодных ему офицеров и штабистов, в том числе и Х. Уцмиева.

Дальнейшие действия Х. Уцмиева, которые нашли отражение в его переписке с Кумыкским окружным, Терским областным начальством и Кавказским горским управлением, свидетельствуют о том, что к 60-м годам XIX в. он приходит к разладу с царской администрацией на Кавказе по национальному вопросу, являющемуся, как известно, кардинально важным в жизни народов Дагестана и Северного Кавказа. Пришел конец Кавказской войне. Началось, после «умиротворения», мирное «освоение» края. Страницы центральных и местных газет пестрят шумными материалами Чернышевского, Добролюбова, других революционеров-демократов о недавних событиях, появляются публикации великодержавного, шовинистского толка.

Для таких представителей национально-патриотической интеллигенции, как Хасайбек Уцмиев, настает тяжелое время. Генерал, князь, обласканный царем, пересматривает всю

прошедшую жизнь. Народное движение подавлено. Начинается процесс ассимиляции национальных меньшинств. Как честный человек, как патриот своего народа принять навязанную реальность он не может.

Личность Х. Уцмиева представляется социально-политической тенденцией, явлением эпохи. В своих письмах, Х. Уцмиев судит о жизни по формам самой жизни, и обнаруживает в окружающей социальной действительности вопиющую несправедливость, подавляющую и угнетающую человеческое достоинство. Рассуждения Уцмиева зиждятся на конкретных социально-классовых понятиях, четко обозначившихся в результате расстановки основных сил общества после окончания Кавказской войны: «... с общим умиротворением края, пишет он начальнику Кумыкского округа, – наступил следующий период вследствие обычного исхода вещей; это период слияния местного элемента с элементом владычествующим...». В той краткой формуле высказано очень многое, собственно, все содержание эпохи, которое означало полную ассимиляцию народов Кавказа, в том числе и Дагестана. Х. Уцмиев понимает, что «по образованию и влиянию своему», он в данной ситуации «смог занять принадлежащую» ему «важную роль», которую он также ясно сформулировал в понятии «ставши между таковыми двумя элементами».

Однако он не может ничего предпринять. Почему? Причины трагического неприятия и отчуждения имеют некоторую предысторию. Еще в 1860 году стало явным принципиальное разногласие Х. Уцмиева с официальным курсом кавказской политики царизма, обнаружившим себя, в частности, в книге известного буржуазного историка генерала Р. Фадеева «Шестьдесят лет Кавказской войны. Письма Р. Фадеева», изданные в Тифлисе, в которой декларировалась идея о якобы умственной неполноценности мусульманских народов Кавказа. По поводу этой шовинистической книги Х. Уцмиев пишет: «...в Тифлисе у князя Ираклия Грузинского, когда в обществе многих гостей зашла речь о письмах генерала Фадеева и его суждениях о кавказских мусульманах, я сказал, что иметь подобное мнение и письменно о нем заявить способен только «каналия»...».

Сложившаяся социально-политическая ситуация становится, таким образом, самым важным пунктом в воззрениях и действиях Х. Уцмиева. Было альтернативное решение вопроса? Да, конечно, альтернатива была не только в теоретическом плане, ее генерал Уцмиев представлял вполне реальной. Она для него означала не ущемленное в правах, свободное и равноправное развитие народов Дагестана в системе российской государственности. Этой идее он отдал всю свою сознательно прожитую жизнь, ей готов он отдать без остатка и всю оставшуюся. Об этом он не только говорит в кругу друзей, но официально пишет в инстанции, заявляет открыто, чем заслуживает немилость, гнев и ненависть начальства, которое очень быстро привело в движение, в действие весь свой репрессивный аппарат, чтобы вначале объявить генерала «безумным», «больным», «освистать» его в глазах общества, затем и избавиться от него, «сослав в одну из отдаленных губерний». Всему этому предшествовала глубоко «эшелонированная» профилактическая работа, в ходе которой стороны вполне определились и выявили свое социально-психологическое содержание. Так, на уровне Кумыкского окружного начальника состоялись «образумляющие» беседы, где Уцмиева методично предупреждали о возможных последствиях за взятый им «тон» при обращении к властям. Однако Уцмиева волновало существо вопроса, а не этикет, поэтому он прямо говорит о том, что его «правила и убеждения таковы, что не позволяют вступить в эту роль» посредника или связующего при осуществлении царской администрацией процесса ассимиляции народа, и что это есть часть «натуры его, которую можно уничтожить, но не изменить». Поведением Х. Уцмиева возмутилось Кавказское горское управление в Тифлисе, между начальством Кумыкского округа, Терской области и Кавказского управления завязалась секретная переписка, в которой обсуждался вопрос о мере наказания неукротимого генерала князя Хасайбека Уцмиева. Однако князь тверд. Он заявляет, что в стране попраны права человека, даже в отношении к нему «делается расчет на страх и интерес». Высокое начальство понимает, какой скандал назревает. Поэтому пока не спешит, заигрывает, лицемерит, пытается воздействовать и через родительские чувства, «полагая», что «любовь к детям должна иметь влияние на дальнейшие действия...».

Из ответа Уцмиева видно, какой колоссальный социально-политический опыт накоплен этим человеком и как этот опыт разобщил генерала с царской администрацией: «...Я нахожусь в ровном состоянии человека, сделавшего расчет свой раз навсегда с итогом по опыту многолетнему, разнородному и неопровержимому, обсудивши с совершенною зрелостью, знающего, чего добивается. Я не из тех, кто из любви к детям меняет свои убеждения; как ни сильны во мне эти чувства к ним, но эти убеждения – суть мое Кредо, для которого жертвую всем».

Неравная была идейная схватка Х. Уцмиева с администрацией. 31 мая 1866 года начальник Терской области генерал-адъютант Лорис-Меликов в своей докладной в Кавказское управление выносит суровый приговор: «...Из всего, что в последнее время высказано генералом Уцмиевым, нельзя не заключить, что он по направлению своему не может быть оставлен на родине, что образ мыслей и поступки князя Уцмиева уже давно направлены к фанатичному направлению, достигли крайних пределов, нетерпимых более по дурному влиянию, которое оно может иметь на его соплеменников...».

Восстанавливая правду истории, мы сегодня обязаны глубоко разо¬браться в ее конкретных событийных проявлениях и их философии. В частности, нельзя, на наш взгляд, забывать, что Хасайбек Уцмиев как личность и явление – не ординарный случай. Скорее – исключение из правил. Конечно, такие случаи бывали, и бывали как случаи, исключения. Здесь следует еще обратить внимание на формирование молодого Уцмиева. В 20-30 годах, в тифлисский период, его служба проходила в окружении и под благотворным идейно-политическим влиянием ссыльных декабристов, революционных кругов русского дворянства – людей честных, жертвенно преданных идее и борьбе за освобождение человека от деспотизма, насилия, борьбе за перестройку общества в пользу униженного и оскорбленного простого народа. Затем – Петербург, кадетский корпус, где перед жаждущим интеллектуального развития молодым человеком открываются благоприятные возможности для овладения науками, языками, современной европейской культурой и т.д. Далее, совершенствование и повышение военно-политического образования в Париже, работа за границей (в Египте, во Франции).

Как говорится, нашла коса на камень. «По опыту многолетнему, разнородному и неопровержимому» Хасайбек Уцмиев не мог не предвидеть, что его критика в адрес царского правительства, его курса на дискриминацию национальных меньшинств окажется гласом вопиющего в пустыне. В этом он был вполне убежден, понимал он и то, что не может изменить создавшуюся ситуацию. Путем всестороннего анализа он приходит к осознанию самого себя как «лишнего» человека. Об этом Х. Уцмиев прямо пишет: «...я нахожусь в таком положении, что вреден самому себе, бесполезен народу и властям».

Приведенные выше апелляции Х. Уцмиева к своему «образованию и влиянию», к «важной роли», которую он мог занять в создавшихся новых для края условиях, определяют, на наш взгляд, ход, возможно, интимных, личных, внутренних размышлений, побудивших генерала Уцмиева к столь серьезному судьбоносному шагу. Как свидетельствуют и признают и представители царской администрации, Уцмиев был действительно обласкан правительством, близок к его кругам, т.е. Уцмиев – являлся признанным лидером национальной интеллигенции. Как человек, осознавший свою «важную роль», Х. Уцмиев несомненно отдавал себе отчет и понимал, что его высокое положение следует использовать и в пользу интересов и нужд соотечественников, не противопоставляя их правительственным. В эпитафии на его смерть И. Казак утверждает, что «жизнь одного Хасая необходима была для народа».

Хасайбек Уцмиев считал себя обязанным нести ответственность за благополучие народа. Именно в этом пункте царская администрация увидела в нем достойного партнера и противника. Решив избавиться от него, чиновнии тем самым обезглавили народ, лишив его выдающегося лидера и просветителя.

Между тем, как видно из приведенных данных, Хасайбек Уцмиев был в обществе, в среде, в окружении подобных себе патриотов своего народа. По своим взглядам он так же, как и его единомышленники, был типичным просветителем, убежденным сторонником концепций развития своего народа как субъекта российской государственности.

Светлана АНАНЬЕВА

Кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Министерства Образования Науки Республики Казахстан

Одним из важнейших качеств литературоведа и критика является чуткость профессиональная, умение отозваться на еле заметные вибрации современного литературного процесса. Алматинский литературовед Светлана Ананьева, по мнению Елены Зейферт (г. Москва), наделена такой способностью и окружена людьми, которым с радостью спешит помочь словом или делом, имея адресатов из разных стран. Опекает научную молодежь. Светлана Викторовна – автор многих монографий и сборников статей.

«Светлана Ананьева, – пишет профессор Ливия Которча (Яссы, Румыния), – известный достоевсковед из Казахстана, посвящает Достоевскому содержательные и убедительные литературоведческие страницы в исследовании «Время – пространство – автор» (Kitej-grad, Яссы, ianuarie-februarie 2008).

«Ускорение новому этапу в развитии белорусско-казахстанских литературных связей, – уверен директор редакционно-издательского учреждения «Литература и мастацтво» (г. Минск) Алесь Карлюкевич, - придает литературовед и критик, кандидат филологических наук Светлана Ананьева, которая живет и работает в Алматы» («Нёман», 2009, №8).

Известный издатель и большой друг казахстанской литературы Лео Кошут (Берлин) не представлял себе казахско-украинские литературные связи «такими многогранными – и в смысле обмена, и в «персональном» смысле. Одни сообщения о том, как тесно Шевченко – несмотря на его положение опального – был творчеством и ментально связан с Казахстаном и признан Казахстаном, ценны... Светлана пишет о радостном и трагическом, не избегает и документального, а ее язык достигает порою сам эмоциональность и поэтичность» (письмо от 21 апреля 2009 г.).

«С.Ананьева не только старательно, не пропуская даже крохотной репортерской заметки, отслеживает все местные публикации на пушкинские темы, но и «громогласно» оповещает о них научную и писательскую общественность Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья... «Жизнь и творчество А.С.Пушкина, поэта ренессансного типа, по-прежнему приковывают к себе пристальное внимание современных исследователей, в книгах которых давно известные факты и эпизоды получают принципиально новое толкование и объяснение. Серьезные, разножанровые книги казахстанских пушкинистов Н. Раевского, Н. Гринкевича, К. Гайворонского, К. Кешина введены в научный оборот, их цитируют исследователи творчества поэта» (Голоса Сибири. Кемерово, 2008).

Н. Раевский в своих знаменитых трудах «Когда заговорят портреты» и «Портреты заговорили», созданных в Казахстане, опирался на мемуарную литературу (воспоминания А. Керн, Д. Фикельмон и др.), потому что жанровый центр мемуаров – автор, эволюционирующий во времени. Светлана Ананьева изучает психологию Н. Раевского, автора мемуаров, а приближает нас к пониманию Пушкина. (Зейферт Е. Культурные слои литературы // Знамя. – 2009. – №3).

Память – крылья, дарованные человечеству

В многонациональной литературе Казахстана на рубеже XX-XXI веков происходит переосмысление своего прошлого, писатели пытаются предвидеть будущее в условиях мультикультурного мира, сохранить своеобразие своих национальных литератур.

Проблема соотнесенности художественного мира как динамической целостности и этнокультурного контекста, поэтики и идентичности становится сквозным лейтмотивом книги Казбека Султанова «От Дома к Миру» [1]. Основополагающей идеей книги доктора филологических наук, профессора, заведующего Отделом литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, лауреата Государственной премии Республики Дагестан, заслуженного деятеля науки Республики Дагестан является идея расширяющегося контекста, в котором «идентичность» и «диалог» выступают как взаимодополняющие регуляторы национально-литературной динамики. Интенсивность процесса национальной и личностной самоидентификации активизирует, по мнению Казбека Камиловича, потребность вхождения в расширяющийся контекст межкультурного диалога. Парадокс глобализации заключается в усилении механизма этнокультурной самозащиты на фоне нивелирования национально-культурных различий. Своевременно звучит вывод известного литературоведа о том, что «с позиции каждой национальной культуры, озабоченной самосохранением в усложняющемся мире, с позиции литературы как выразителя и двигателя национального самосознания резонно отстаивать специфику и индивидуальность как исходную предпосылку диалога, непохожесть как условие сближения и межкультурной коммуникации».

Неслучайно в открывающем монографию предисловии «Быть и стать. Вместо вступления» К. Султанов обращается к известной картине Поля Гогена «Кто мы? Откуда? Куда мы идем?», потому что «художественный мир, если он состоялся, разворачивается как воплощенный в слове и по-своему уникальный опыт личностного и национального становления, самопознания и ... самоопределения» [1, с. 11]. Слово и мысль пробиваются к субстанциональному ядру – к идее глубинного родства человеческих душ, к восстановлению единства трагически расколотого мира.

Представляет определенный интерес рассмотрение темы манкуртизма как культурного концепта на примере творчества Ч. Айтматова, А. Кекилбаева, М. Симашко и Г. Бельгера. Фигуры этих авторов значительны. Их произведения, основополагающими принципами которых являются историзм и психологизм, известны как в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Писатели не раз высказывали уверенность в том, что именно здесь, на евразийских просторах, прорастает будущее наших культур. Поэтика памяти в современной прозе Казахстана подразумевает присутствие воспоминания (choes vise), непроизвольно пришедшего воспоминания (воскрешение в памяти, evocation), активного вспоминания – припоминания, включающего узнавание (rememoration, recollection, recollecting reminder, vise, rappel, reminiscience). Воспоминание неизбежно модифицируется во временном интервале, «когда оно все еще принадлежит настоящему» и «уже становится вторичным воспоминанием» [2, с. 13].

Литературные критики Казахстана придерживаются разных точек зрения: одни утверждают, что тема манкуртизма впервые была затронута М. Симашко на примере исторического феномена – «мамлюки» (с арабского – «невольники») [3, с. 4], другие уверены, что А. Кекилбаев впервые запечатлел образ манкурта в повести «Баллада забытых лет» [4, с. 166]. Но и раньше в литературах разных народов она разрабатывалась в той или иной мере. «Разве не об этом, – размышляет М.Симашко в статье «Из эпохи не откочуешь», – «Хаджи Мурат» Л.Толстого или «Еврей Зюсс» Лиона Фейхтвангера?» [5, с.12].

В аспекте теории интертекстуальности интересно сопоставить стихотворение Майкова, строка которого стала эпиграфом к повести М. Симашко «Емшан»: «Степной травы пучок сухой...» и рассказ о белой горькой траве в Волынской летописи. Сухую горькую траву емшан зажигают кипчаки рода Берш после нападения на них монголов. «Когда стала краснеть от вечернего солнца белая трава и почернел красный песок», высокий старик молча уводит

оставшихся в живых на Север. Пространственные границы повести раздвигаются. «В сопоставляемых произведениях главный герой, структура сюжета и отдельные детали совпадают. Финал сюжета Майкова в повести дополнен мотивом служения родному народу, изображением «кровавой» деятельности Бейбарса, а также разработкой проблемы национального беспамятства. В произведении М.Симашко усиливается по сравнению с первоисточником драматизм. «Чужой» текст является в данном случае схемой для построения повести» [6, с. 12-13].

«Куке-е!.. Словом вдруг разорвало ему горло. Горькими сразу сделались губы. И он вспомнил... Это высокая трава пахнет так, красная от вечернего солнца», – пишет М. Симашко в повести «Емшан» [7, с. 256]. Так к главному герою возвращается память. Бейбарс Эль-Мелик-эд-Дагер, четвертый бахритский султан, по прозвищу Абуль-Футух, победитель монголов и крестоносцев, вспомнил свою родину.

В последнем своем произведении «Четвертый Рим» М. Симашко говорит об этом сюжете как странствующем, но имеющем определенные корни. Кое-что рассказал ему писатель Сергей Марков, а Олжас Сулейменов сообщил о могиле султана Бейбарса в Каире, эпитафия на которой гласила, что он был кипчаком из рода Берш. И еще была казахская пословица, что лучше быть подошвой горы на родине, чем вершиной (султаном) горы на чужбине. Так объясняет замысел произведения сам писатель. Повесть «Емшан» М. Симашко имеет посвящение: «Олжасу».

Высказываются предположения, что «источником повести «Емшан» является труд Макризи о султане Бейбарсе, мамлюках, Каире (имеется в виду «Книга поучений и назиданий, содержащихся в описании кварталов и памятников Каира «Таки ад-дин и мамлюки в Египте»). Именно у Макризи можно обнаружить досконального описание структуры мамлюкского войска. Но сам автор в беседе с автором данной статьи утверждал противоположное: научные труды, источники лишь служили подспорьем. Главное было – тот пуд соли, который он съел на земле Казахстана и Туркмении. И горечь полыни на губах... Так обозначен еще один культурный концепт его прозы.

Повесть «Емшан» о том, как вывезенный маленьким ребенком из родных степей прославленный владыка Египта бросает «свой забрызганный кровью трон» и возвращается простым странником к своему народу, чтобы разделить его трагическую судьбу. Писатель считал мамелюков классическими манкуртами, введя в советскую литературу впервые болезненную «для всего государственного устройства» тему [8, с. 38]. М. Симашко никогда не интересовала историческая тема сама по себе. В глубокой, а подчас – и древней истории – он находил параллели с настоящим, постоянно подчеркивая, что история ничему не учит народы: «Коллективная память человечества - до сих пор не изученная наукой категория, как дальние птичьи перелеты к своим гнездовьям...».

Тяжкий жизненный путь султана Бейбарса, правителя Египта, бывшего некогда рабом, – в центре повести М. Симашко «Емшан». Это он остановил гуннов, которые грозили уничтожению египетской цивилизации. Раб, без имени и происхождения, сумел не только утвердиться среди врагов, отвоевать место под солнцем, укрепить свой авторитет, но и свергнуть прежнюю династию правителей, найти себе единомышленников, с которыми впоследствии жестоко расправился. Он сам назвал себя Бейбарсом, чтобы «боялись твердости его имени». Мамелюки поклонялись ему беспрекословно, он сумел навести пошатнувшийся в Египте порядок, правил жестко и жестоко.

М. Симашко всегда экономно расходовал слова. Редко встретишь на страницах его прозы подробные описания, развернутые пейзажные зарисовки. В цветовой гамме «Емшана» преобладают три цвета: желтый, красный и черный. Изредка встречается «синий»: синее море, синие столбы мечетей Эль-Кахиры. Желтой может быть вода в реке, желтый песок, желтая полоса земли, желто-серые оливы, твердая желтая пыль, горячая желтая мгла.

Большую смысловую нагрузку несут эпитеты: твердый песок, по которому ступают копыта коня Бейбарса, словно призван оттенить его непреклонную волю, стальные нервы, умение мыслить с опережением и просчитывать вероятные ходы противника. Прием оксю-

морона подчеркивает душевное состояние героя в решающий момент его жизни, когда он пытается вспомнить слово, услышанное в раннем детстве. Это слово не дает ему покоя, он не может наслаждаться своими безграничными земными радостями. Ему подвластно все, но это больше не радует правителя страны Миср. И тогда он видит перед собой застывшее каменное море. Жизнь замерла, остановилась, он должен принять решение, от которого зависит его дальнейшая судьба.

Основные тона повести: красный и черный. Черное спокойное небо детства; черные перья стрелы, оборвавшей жизнь его отца; черное кожаное седло, на котором его везли; черный мир трюма корабля, в котором Бейбарс плыл в Египет. Красное вино несет смерть бывшим друзьям и соратникам. В сценах отравления появляются оттенки белого цвета: побелели губы. Даже «круглое белое солнце» в сценах расправы становится красным, вечернюю зарю называют «кровью пророка Хусейна». Оттенки красного самые богатые и разнообразные. Этот цвет означает власть и силу (эмиры тысячи разгуливали в «красных» сапогах), ассоциируется с поражением (знамя разгромленных монголов цвета «теплой крови»), символизирует начало переворота («Красное солнце легло в Реку. И красной стала желтая мгла. Желтый песок и камни стали красными. И красной стала Река, и синие минареты Эль-Кахиры были красными от солнца»).

После расправы с Баратом розы в саду – красные, листья – красные, камни на дорожке – красные, Розовый Дом, где жила супруга бывшего правителя страны, – красный. Все словно обагрилось кровью.

Этот цвет долго преследовал Бейбарса, даже тогда, когда вернулся он к своей юной наложнице: «Красное солнце горело в высоких окнах. Стены и потолок были красные. Зеленый ковер на полу был красный. И только красная тахта была черной от вечернего солнца. И всхлипнула во сне девочка…» [7, с. 256]. Таким образом, один день из жизни султана Бейбарса, воссозданный на страницах повести М. Симашко «Емшан», круто перевернул жизнь того, кто презирал слова.

Прием контраста в завершающей сцене повести построен на противопоставлении трех цветов: черного, белого и красного. Ночью чернеет песок, и все вокруг маленького мальчика чернеет. Он – один в степи, рядом с остывающим телом убитого отца. «Горький» запах и «горькая» темнота сменяются утром наступившего дня белым солнцем в белом небе. Даже трава белая, так раскален воздух. И только песок, на котором она растет – красный. Весь мир ассоциируется в восприятии сироты с «твердым красным песком», потрескавшимся от белого солнца. Лишь черные капли на красном песке…

Интертекст всегда имеет свое внетекстовое, реальное окружение – свою «интерсреду». «Общаются не только тексты, общаются – письменно или лично – их авторы, чем и создается «ближайшая литературная среда» [10, с. 5]. О султане Бейбарсе, захваченном в плен и проданном в рабство, размышляют в своей книге-диалоге «Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века)» М.Шаханов и Ч.Айтматов. Он стал забывать родину, стал мудрым властителем.: «…И вот однажды караван, прибывший из дальнего странствия по его родной стране, доставил оттуда небольшой пучок полыни. Запах горькой полыни, сорванной в далеком краю, навеял властителю воспоминания… Спешно оседлав коня, всемогущий властитель отправился на землю своих отцов» [10, с. 190].

Так вступают во взаимодействие тексты Волынской летописи, стихотворения Майкова, казахской пословицы, повести М. Симашко «Емшан» и книги-диалога М. Шаханова и Ч. Айтматова. Ч. Айтматов по-своему интерпретирует возникновение пословицы: «Видимо, в последние мгновения этой бренной жизни, когда он убедился в тщетности и бесполезности всех человеческих устремлений, им были произнесены слова, ставшие потом в народе пословицей: «Чем быть султаном в чужой стране, лучше быть ултаном у себя на родине!»

М. Шаханов со слов Олжаса Сулейменова рассказывает о находке рабочих Подмосковья: три воина мамлюкского отряда, окружавшего Наполеона при его вступлении на Поклонную гору. Мамлюки завершили круг невероятной жизни своих поколений у подножья горы, за которой стоит Москва. На согнутом черном пальце наиболее рослого и пышного в своей одежде мертвеца голубел широкий перстень предков с изображением древней кыпчакской столицы – Отрара. Так, Олжас

Сулейменов в книге «Аз и Я» вернулся к той теме, на разработку которой подтолкнул когда-то русского писателя Казахстана М. Симашко.

В памяти, по мнению современных литературоведов, «концентрируется одна из положительных сил человека, противостоящих началам разрушения, забвения, хаоса» [11, с. 76]. Понятие духовного манкуртизма проходит красной нитью через творчество М. Симашко, А. Кекилбаева, Ч. Айтматова, Г. Бельгера. «Вспомни, чей ты? Как твое имя?», – призывает сына Найман-Ана. После ее гибели ставшая летать в сарозеках птица Доненбай сопровождает путника возгласом: «Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твое имя? Твой отец Доненбай!» [12, с. 148].

С точки зрения воплощения художественного времени в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» обращает на себя внимание следующее: один день человеческой жизни вмещает в себя целые пласты памяти. Отметим еще раз, что один день из жизни Бейбарса избрал объектом художественного изображения М. Симашко. Один день воссоздает Ч. Айтматов. Поэтому и название романа стихотворной строкой Б. Пастернака, в которой сконцентрирован хронотоп, нам кажется более удачным, чем последующее – «Буранный полустанок». Вся жизнь Казангапа и Едигея пролетела как один день, одно мгновение. И в то же время день похорон Казангапа длится не кончаясь. «Лингвистически этот оксюморон прост, но важен», – считает Ж. Бакашова [13, с. 15]. Образная суть оксюморона приобретает архетипическое звучание.

Легенду о Найман-Ане записывали дважды: учитель Абуталип и ученый-археолог Елизаров. Рассказывал ее в обоих случаях Казангап, именно он, по мысли автора, является хранителем народной мудрости позабытой книги степной истории Сарозеков. «Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека?! О господи, если ты есть, − обращается безутешная мать, − как внушил ты такое людям? Разве мало зла на земле и без этого?» [12, с. 144]. Она пытается понять, какая жизнь, какие события привели жуаньжуаней к такой жестокости, дикости − вытравить память раба. Только манкурт мог выдержать в одиночестве бесконечную глушь и безлюдье сарозеков, заменяя один множество работников. «Куда легче снять пленному голову или причинить любой другой вред для устрашения духа, нежели отбить человеку память, разрушить в нем разум, вырвать корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других».

Портрет жуаньжуана нарисован отталкивающим: «Он сидел на мохнатом верблюде, озираясь по сторонам, лицо его было одутловатое, напряженное, на голове черная шляпа, как лодка, с концами, загнутыми вверх, а сзади болталась, поблескивая, черная, сухая коса, плетенная в два зуба». Но и глаза манкурта оставались отрешенными, выражая дремучее отсутствие интереса к чему бы то ни было на свете. Обычно более привычно сочетание «дремучее невежество», но писатель нарушает рамки всего разумного и привычного, так прослеживается в глазах манкурта единственное выражение − выражение дремучего отсутствия интереса ко всему на свете. Лицо изможденное, начерно обветренное, огрубевшее. Смотрит сын «бессмысленно и равнодушно».

Горе матери, давно нависшее над ней, настолько огромно, необъятно и безысходно, что, обрушившись, подминало и погребало ее. Время остановилось: точно она пребывала здесь постоянно, и каждый день навещала его в степи. Тревога матери как «вскрикнувшая раненая птица». Как птица, вспугнутая с гнезда, кружит она по степи. Архетип птицы вновь возродится в конце легенды, когда птица Доненбай будет заклинать манкурта: «Вспомни имя свое!».

Семантика имени героя Жоламан («Будь здоров в пути») не оправдывает себя перед невиданной жестокостью степного племени. Отец манкурта Доненбай, известный, прославленный человек среди найманов, был убит в одном из сражений с жуаньжуанами в сарозекской стороне. Сын не успел отомстить, попал в плен и был превращен в манкурта.

Образ раба − центральный образ легенды о манкурте. Прототип легенды о манкурте встречается у казахского народа. Но «народного, передающегося из уст в уста предания о манкурте именно в том виде, в котором я его изложил, − рассказывает в беседе с Г. Атряном Ч. Айтматов, - не существует... не нужно было эту маленькую искорку прошлого воспламенить, сделать его ярким, горящим огнем, то есть, иными словами, поднять предание на более высокий уровень, для того

чтобы оно нам что-то говорило, чтобы благодаря этой ретроспекции мы бы могли заглянуть в сегодняшний день» [14, с. 372-373].

Мы разделяем точку зрения С. А. Каскабасова на то, что в образе манкурта, с шири на голове, угадываются черты «низкого» героя казахских народных сказок − тазши, образ которого восходит к образу неофита, проходящего инициацию. «Низость» тазши временна [15, с. 130]. Но манкурт находится в состоянии вечного изгоя.

Не только люди могут быть манкуртами. Т. Есембеков [16] вычленяет в структуре романа исключительно важную идею «круга» (округлая форма космодрома, круговой маршрут Каранара, круг жизни Едигея). Даже поезда могут быть манкуртами, они движутся по заказанному кем-то маршруту. Таким образом, реализм Ч. Айтматова драматичен, как драматичны и трагичны легенды и фольклорные образы, потому что писатель знает «жестокость жизни, превращающей человека в манкурта». Обыгрывается значение слова «обруч». Шири из тяжелой, плотной выйной части верблюжьей шкуры, надетое на обритую голову жертвы, «неумолимо сокращаясь под палящими лучами солнца, стискивало», сжимало ее подобно железному обручу. Так уничтожалась память раба.

Но легенда о манкурте выходит на новый уровень обобщения. Шири из верблюжьей кожи вырастает до размеров «Обруча», каким хотят оградить Землю. Цепочка человеческой памяти тянется с Земли в космос. Писатель уверен в том, что «человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем» [12, с.6].

С другой стороны, легенда о манкурте охватывает тему политических репрессий, цель которых заключалась в уничтожении национальной памяти. Ч. Айтматов упоминает на страницах романа ученых Национальной Академии наук, пострадавших в годы репрессий. Трагически гибнет один из героев романа бывший школьный учитель и фронтовик-партизан Абуталип Куттыбаев. По мнению А. Жаксылыкова, высказанному им в блистательном докладе на Евразийских чтениях, посвященных памяти Ч. Айтматова (октябрь 2009 г.), именно Ч.Айтматов очистил сюжет о манкуртах и подарил миру как бриллиант, подобно Шекспиру. Осмыслил, отшлифовал, придал глубочайший смысл – и вернул нам, чтобы помнили, словно говоря: «Посмотрите, кто вы!». Величайшая исповедальность, искренность, психологизм – остаются ведущими чертами айтматовской прозы, как и эпическое, предельно доброжелательное, гуманистическое отношение к человеку.

Тема «окоема», ограничивающего человеческий разум, так мощно звучащая у М. Симашко в романе «Колокол» и у Ч. Айтматова в романах «И дольше века длится день», «Тавро Кассандры», впервые появляется в повести «Хадж Хайяма» М. Симашко. Бабуров, изо дня в день ткавших полотно, сидевших за прилавками, переписывавших законы, «пугали откровения рванувшегося в бесконечность разума». М. Симашко одним из первых затронул тему духовного манкуртизма, написал правду о войне в сочетании с реалиями штрафной роты (повесть «Гу-га»).

В повести А. Кекилбаева «Баллада забытых лет» [17] мотив беспамятства соседствует с темой одиночества: одиноки пленники, одинок высокий курган, словно острый наконечник копья. Тема одиночества дополняется пространственными характеристиками степи, ровной и бескрайней. Пространственные рамки расширяются при описании окоема, который размыт в полуденном мареве. Призрачность, зыбкость происходящего не может смягчить картины реальной жизни. Печальные рабы возвращаются в аул. Пока еще автор не употребляет слово «манкурты», лишь уточняет, что это казахи, год назад попавшие в плен к туркменам. События переносятся на год назад. Страшна месть за убитого Кёкборе («Лютый волк»), младшего брата Жонеута. Казахи-адайцы должны запомнить эту месть. Перед казнью казахские юноши напоминают обессиленных неоперившихся цыплят, а у туркменских воинов лица - обожженные солнцем, сухие, жесткие, бесчувственные. А. Кекилбаев использует интересный прием, приглашая читателей стать участниками происходящего: «Смотрите, смотрите», «глядите» и т.д. Автор постоянно обращается к тем, кто словно наблюдает со стороны, комментирует казнь и подробно описывает её, ставя себя на место казнимых: «Ойбай! Что чувствуют эти юные существа? Им почудилось, наверно, что тот великий небесный окоем, окружавший их в жизни, вдруг сузился, приблизился на расстояние в несколько

шагов и потемнел». Тема окоема – общая для русского писателя Казахстана М. Симашко и известного казахского прозаика и общественного деятеля А. Кекилбаева.

Мотив беспамятства, как и мотив смерти, характерен для романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день», для повестей М. Симашко «Емшан» и А. Кекилбаева «Баллада забытых лет». Мотив смерти возникает в середине сцены казни, когда юноши еще и не подозревали, что ждет их впереди. Под палящими лучами солнца беспомощно обнаженные головы «казались уже *мертвыми*». И сами пленники, голодные и измученные, «готовы были *замертво* свалиться на землю». Напротив, толпа туркмен «жадными очами» наблюдает за происходящим, с жадным любопытством тесно обступает их; гудит тихо, диковато. Усиливает ощущение неотвратимой казни метафора: «Казалось, даже сама глиняная могила Кёкборе – маленький, затерянный среди полынных кустов холмик – сжался в глиняный комок ужаса».

Рассказчик (повествователь) в повести А. Кекилбаева обладает обширными сведениями, он может предугадать, что ждет пленников в дальнейшем («А они не знали, все еще не знали, что собираются с ними сделать!» (хотя уже обриты наголо); «Едва осмелившись поднять глаза, юнцы с ужасом следили за подошедшими – о, все еще не понимая, что с ними будут делать…» или поведать о том, что было. Повествование о подготовке казни сменяется картинами прошлого. Сказочные мотивы («тридевять земель», «беспредельное пространство») так же «работают» на раздвижение пространственных и временных рамок, когда повествуется о прошлых столкновениях соседних племен, о недолгом перемирии туркменов и адайцев у могилы святого Карамана. Но клятва о мире была нарушена обеими сторонами, хотя не так много прошло времени («Мальчишки, что тогда стерегли лошадей, стали отцами семейств, всего-то успело повзрослеть одно поколение»). В поэтику повести включена новелла о том, кто спит вечным сном под глиняным холмиком. За волчьи повадки казахи прозвали младшего брата воителя Жонеута Кёкборе – Лютый Волк.

Мотив волка вновь возникает при описании картины зверской расправы воинов Дюимкары над беззащитными женщинами. Это была ответная месть за нападение и безжалостное надругательство Жонеута над девушками-казашками. Дюимкары выбрал «удачное» время, когда туркмены отправились в соседний аул на конные скачки в честь праздника куйран-ата: «И словно дикие волки ворвались в аул люди Дюимкары во главе со своим атаманом, коварно воспользовавшись отсутствием мужчин в день веселья и женских игрищ».

Кульминационный момент новеллы о воителях – их поединок. Мотив смерти, сменивший мотив мщения, дополняется ужасом, охватывающим всех, кто встречается на пути смертельных врагов, «словно окаменевших всадников». Мотив смерти будет варьироваться в лирическом обращении повествователя к читателям, содержащем призыв стать свидетелями битвы («О, знаете ли вы, как *смерть* холодной рукой прикасается к человеку? Как от корней волос и до самых пят пронизывает холодок *смерти*?»). Последующее описание состояния Дюимкары, в разгар битвы осознавшего, что его оружие *намертво* приклеено смолой к ножнам, содержит степные реалии: «влажная испарина вмиг покрыла широкий, как валун, лоб батыра», а в горле стало «сухо и как-то полынно-горько». «Темнота», «яд» и «смерть» – определяют происходящее. Миг смерти становится все ближе: «На миг, словно от змеиного яда, затмило очи и душу».

Обезумевшие люди продолжают свою *смертельную* возню. И вот уже поверженный Кёкборе «бездвижно» лежит на земле, «в беспамятстве *смертельного* утомления». Сцена гибели туркменского богатыря описана через восприятие его серого аргамака. Конь желает помочь хозяину, но боится подойти к катающимся по земле борющимся телам. Он стоит и смотрит, как погибает побежденный хозяин: «Громадный черный верзила с обнаженной грудью, поросшей верблюжьей шерстью, сидел верхом на его хозяине и вязал ему руки куском отрезанного провода». Связав поверженного противника и окинув взором «пространство видимой степи кругом», Дюимкара придумал страшную казнь: сбросил живого пленника в старую степную могилу и завалил камнями. *«Могильный провал», «мертвая пыль», «смертные вопли», «глухие вопли», «слабый выкрик»* – этими словосочетаниями описаны страшные события совсем недавнего времени. Ужасную весть о гибели своего хозяина принес в аул аргамак, оказавшийся свидетелем казни. Слыша из-под земли глухие вопли («казалось, это вопит *мертвец* с того света»), конь носится, словно «*обезумевший*»

(мотив безумства получит дальнейшее развитие в повести) широкими кругами возле могилы. И лишь когда все стихло, он «заржал дико и тоскливо, на дыбах развернулся, скакнул вперед, поддал воздух задними копытами и помчался в ту сторону, где находился аул его хозяина».

Так сцена поединка степных батыров, включенная в текст повести как воспоминания Жонеута о погибшем брате, помогает разъяснить мотивы расправы над юными пленниками. Прошлое отступает, и Жонеут переключает свое внимание с могилы брата на происходящее в степи. Теперь он выступает в роли повествователя-рассказчика. Действо над пленниками продолжается. Головы их накрыли шкурками (словно круглыми шапочками) и стянули сыромятными ремешками «крепко, словно обручами». Писатель поднимает тему манкуртизма до уровня духовного беспамятства. «Сырая верблюжья шкурка, стягивавшая бритый череп пленника, начинала сжиматься, давить на его мозг, и слышал он, казалось, как трещит сама кость и хрустит сам горячий иссушенный мозг». Рабы-манкурты лишались памяти и человеческого разума. И, казалось, воет и заливается тонким плачем сама черная ночь. Никто в ауле не смог уснуть, слушая крики казнимых.

Тоскливая пустота одиночества станет спутником стареющего Жонеута до последних его дней, а мотив одиночества, прозвучавший в самом начале повести, вновь появляется на ее последних страницах. Казнь кюйши навевает на воина «бездонную черную тоску». Только теперь он понимает подлинное значение слов «месть», «воинская доблесть», «победа», «слава предков». За этими словами – люди, готовые убивать людей, боявшиеся больше всего прослыть слабыми и безвольными. Манкуртизм лишает их всего человеческого.

Так, картины прошлого степной жизни, легенды и предания (о манкуртах, о святом Темирбабе), включенные в текст повести, предостерегают от бессмысленной жестокости и беспощадности правителей двух народов: казахов и туркмен. Жизнь простого воина или известного кюйши не должна быть принесена в жертву степным распрям.

Культурный концепт «Вспомни имя свое» в творчестве Ч. Айтматова, А. Кекилбаева и М. Симашко призывает к незабвению, к пробуждению памяти героев. Он рефреном проходит через проанализированные произведения и своеобразно преломляется в названии сборника статей и выступлений о литературе и культуре российских немцев «Помни имя свое» Г. Бельгера, в котором исследуются важнейшие жизненные проблемы, касающиеся российских немцев, их культуры, литературы, прошлого и настоящего. Сборник открывается статьей «На распутьях бытия и духа», в которой Г.Бельгер пишет о том, что утраченное прошлое не возродит даже самый трагический плач. Это под силу лишь воле, любви и памяти: «Помните, как в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» смертельно раненная своим же сыном-манкуртом Найман-Ана, превратившись в белую птицу и пытаясь «пробиться в глухую дверь сокрушенной памяти» несчастного сына своего, все твердила ему: «Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твое имя? Твой отец Доненбай! Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай!»... Так и нашим деятелям культуры, развеянным по городам и весям необъятного экс-СССР, необходимо ныне постоянно будить, тормошить, теребить своих соплеменников, отторгнутых от своей национальной памяти: «Вспомни, кто ты? Чей ты? Откуда ты? Помни свое имя! Помни своих славных предков. Чти культуру свою. Не дай погаснуть свече души твоей!» [18, с. 12].

Неразумно терять, по мнению Г.Бельгера, связь с творческой интеллигенцией, живущей ныне в Германии: «Основная цель – преодолевая манкуртизм и изоляционизм, строить национальную культуру на своей этнической основе. Только в таком случае мы окажемся в состоянии обогатиться духовно, нравственно, чувственно и интеллектуально» [19, с. 13]. Сам писатель своей гражданской позицией, неуспокоенностью вносит существенный вклад в возрождение исторической памяти своего народа, считая в то же время трагической очевидностью «разрыв национальных традиций и поколений» [20, с. 107].

Интересно, как об этом же пишет российский литературовед К. Султанов. Феномен изгнания («Прошлое как непреходящий феномен») предполагает балансирование на зыбкой границе между памятью, страхом забыть отцовский очаг и забвением. В инонациональной среде, в контексте другой культуры внутренним ответом на это состояние («между», как опре-

деляет его К.Султанов) становится долгая мысль об уникальности и единственности Традиции. Процесс восстановления разорванных связей, воссоединения оборванных струн приобретал отчетливый культурно-возрожденческий смысл.

Совершенный вид глагола «вспомни», требующий ответной, мгновенной реакции, призывающий к действию, у Г. Бельгера заменен несовершенным видом «помни», предполагающим длительный процесс во времени, не ограниченный пространственными рамками. В романе с символическим названием «Дом скитальца» писатель провозглашает главным богатством скитальца - память.

Против духовного манкуртизма предостерегал Ч. Айтматов, сравнивающий память с крыльями, дарованными человечеству: «Это то, что поддерживает наши связи с миром, что помогает преодолеть текучку повседневности и подняться к высотам духа... Человек, у которого нет памяти, нет истории, нет духовной биографии, запечатленной в образах великого искусства – древних мифов, легенд, классики, - обречен на духовную нищету; он не готов к восприятию сложнейшей современной жизни». О памяти как живой субстанции, словно продолжая мысль писателя, говорил его сын – Санжар Айтматов на октябрьских «Евразийских чтениях» (г. Алматы, 2009): «Память должна подпитываться, иначе она бледнеет и оставляет неясные следы».

В истории национальных литератур, таким образом, происходит переосмысливание прошлого народов. Концепт «память», являясь ведущим в современной прозе, помогает проследить связь времен в современной литературе, обратить внимание на узловые моменты истории, сделать прогноз на будущее. Именно Центральная Азия, по мнению Ч.Айтматова, зона евразийского новоэллинистического и гуманистического синтеза культур – наиболее приемлемое типологическое пространство для осмысления новой парадигмы истории духовной эволюции общества. На смену национальной замкнутости, доктрины национального превосходства придет восприятие человечества как «единства в многообразии» (Рабиндранат Тагор). И в этом существенную роль играют национальные литературы.

Литература:

1. Султанов К. От Дома к Миру. – М.: Наука, 2007. – 302 с.
2. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. – 2006. Выпуск 10. – С.10-24.
3. Елеукенов Ш.Р., Ровенский Н.С. Искушение временем // Казахстанская правда, 19 марта 1994. – С.4.
4. Простор. – 1989. - №5. - С.164-167.
5. Мысль. – 1998. - №6. - С.12-15.
6. Ибрашева А.Х. Ориентальная проза М.Симашко (Материал и вымысел, повествовательные формы). Автореферат канд. дисс. - А., 2001. - 25 с.
7. Симашко М. Емшан // Симашко М. Маздак. Повести черных и красных песков. - А.: Жазушы, 1974. - С.229-261.
8. Симашко М. Четвертый Рим // Евразия. – 2003. - №2. - С.32-60.
9. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001, т.60. - №1. - С.3-11.
10. Айтматов Ч., Шаханов М. Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века) // Айтматов Ч. Собр. соч. в 7-ми т. Т.3. - С.137-590.
11. Семенова С.Г. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. - М.: Советский писатель, 1989. - 439 с.
12. Айтматов Ч. И дольше века длится день // Айтматов Ч. Собр. соч. в 7-ми т. Т.3.
13. Бакашова Ж. К. Художественное мастерство Чингиза Айтматова. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора филол. наук. - А., 1998.
14. «...И слово это вместо души моей»: Диалог с Г. Атряном // Айтматов Ч. Собр. соч. в 7-ми т. М., 1998. Т.7. - С.368-389.
15. Каскабасов С.А. Золотая жила. Избранные исследования. - Астана: Елорда, 2000. - Ч.1. - 752 с.
16. Есембеков Т.У. Художественные функции драматических материалов в романе Ч.Айтматова «Буранный полустанок» // Чингиз Айтматов и литература Казахстана. - А., 2003. - С.13-15.
17. Кекилбаев А. Баллада забытых лет // Простор. 2005, ноябрь. - С.42-105.
18. Бельгер Г. На распутьях бытия и духа // Бельгер Г. Помни имя свое. Статьи и выступления о литературе и культуре российских немцев. – А.: Ғылым, 1999. – С.5-13.
19. Бельгер Г. Эволюция национального самосознания в творчестве российских немецких писателей // Бельгер Г. Помни имя свое. Статьи и выступления о литературе и культуре российских немцев. – А.: Ғылым, 1999. – С.150-159.
20. Бельгер Г. По плечу ли нам миссия хоффнунгстрегер? // Бельгер Г. Помни имя свое. Статьи и выступления о литературе и культуре российских немцев. – А.: Ғылым, 1999. – С.107-124.

Фольклор – драгоценная составляющая словесности

«Фольклор для казахов – это и кино, и театр, и книга, и педагогика, и философия, и лечение... Все там есть!» – уверен директор Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова академик Национальной Академии наук Республики Казахстан Сеит Аскарович Каскабасов.

Фольклор – драгоценная составляющая словесности, его золотая жила. Под таким названием и увидел свет двухтомник избранных исследований известного в Казахстане и за его пределами ученого-фольклориста и литературоведа С.А. Каскабасова «Золотая жила», который включает в себя изданные ранее и получившие положительный отклик на страницах научных изданий Казахстана и России монографии «Казахская волшебная сказка» (1972) и «Казахская несказочная проза» (1990). Волшебный сказочный эпос казахов весьма разносторонне отображает жизнь, быт, обычаи и обряды. Необходимость изучения, собирания, издания и популяризации сказок диктуется тем несомненным фактом, что, являясь одним из видов народного творчества, сказка имеет большое значение не только для эстетического и нравственного воспитания трудящихся, но и для изучения духовной культуры народа.

Во второй монографии, удостоенной Государственной премии Республики Казахстан 1992 года, получили дальнейшее развитие многие идеи и проблемы, затронутые в «Казахской волшебной сказке»: вопросы классификации жанров казахской фольклорной прозы, проблемы поэтики мифов, легенд и преданий и др. «Произведения устной прозы, как фольклора в целом, щедро питают все виды современного искусства и литературы, - отмечает автор, – активно функционируют в системе литературы и искусства и тем самым в известной мере оказывают влияние на культуру сегодняшнего дня и общественного сознания в целом» (Алматы, 1992. – С.154).

Во второй том включены исследования по истории духовной культуры казахского народа, по проблемам изучения национального эпоса и литературы: «Верх казахской эпики», «Кыз Жибек» – эпос контаминированный», «Духовная культура казахов в XIII-XV вв.», «Духовная культура казахов в XV- XVIII вв.», «Фольклорный театр казахов», «В поисках бессмертия», «Восток и казахский фольклор», «Песня и история», «Джамбул: его время и поэзия». Они написаны и опубликованы в 1980-90-е годы. Это новое слово в фольклористической науке Казахстана.

Большим событием в казахско-российском научном сотрудничестве стало издание в Москве в 2003 году, в серии «Эпос народов Евразии» отдельного тома, посвященного казахскому романическому эпосу – «Козы-Корпеш и Баян-сулу. Кыз-Жибек» (Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2003. – 493 с.). Ответственные редакторы тома – видные ученые Казахстана и России С. С. Кирабаев и Е. А. Поцелуевский. Открывают данный том тексты самых популярных и любимых романических эпосов казахского народа – «Козы-Корпеш и Баян-сулу» и «Кыз-Жибек» на языке оригинала. Подготовка текста осуществлена видными учеными М. Г. Гумаровой и С. А. Каскабасовым. Далее помещены переводы на русский язык, в которых передана вся красота поэтических сказаний, мастерство при обрисовке главных действующих лиц, описания степных просторов и красот родной земли.

Героические и романические эпические сказания - две основные группы, на которые делятся множество эпических сказаний древней устной поэзии казахского народа. В романических сказаниях, превосходящих по популярности и в количественном отношении другие жанры казахского эпоса, повествуется о трагической судьбе разлученных не по своей воле влюбленных.

«Приложения» включают комментарии к переводам двух эпосов, составленные С. А. Каскабасовым и Н. С. Смирновой; описания их вариантов, выполненные М. Г. Гумаровой и Н. С. Смирновой; словарь, который составили С. А. Каскабасов и Н. С. Смирнова. Большой научный интерес представляют научные статьи-исследования академиков НАН РК З. А. Ахметова и С. А. Каскабасова «Казахский романический эпос» и известного музыковеда, доктора искусствоведения Б. Г. Ерзаковича «Музыкальное воплощение эпоса «Козы-Корпеш и

Баян-сулу» и «Музыкальное воплощение эпоса «Кыз-Жибек».

В обстоятельной статье З. А. Ахметова и С. А. Каскабасова «Казахский романический эпос» прослеживается история его возникновения и функционирования. Как считают ученые, казахский романический эпос как самостоятельный художественный жанр сформировался в период Казахского ханства, но его отдельные сюжеты и мотивы возникли в более отдаленное время. Некоторые из них восходят к эпохе родового строя и древнетюркского государства. Создание крупных эпических романических произведений «Козы-Корпеш и Баян-сулу» и «Кыз-Жибек» ученые относят к XVI -XVIII векам. Любовь Козы Корпеша и Баян, Жибек и Толегена романтична и одухотворенна. Произведения, несмотря на их трагический финал, а может и вопреки, наполнены верой в будущее счастье влюбленных. Романические эпосы «Козы-Корпеш и Баян-сулу» и «Кыз-Жибек» пронизаны оптимизмом и светлыми чувствами.

Казахский романический эпос и его лучшие образцы – «Козы-Корпеш и Баян-сулу» и «Кыз-Жибек», увидевшие свет в серии «Эпос народов Евразии», в XX веке обрели свое второе рождение. Габит Мусрепов создал классическую трагедию «Козы-Корпеш и Баян-сулу» и либретто оперы «Кыз-Жибек». По мотивам эпосов «Кыз-Жибек» и «Козы-Корпеш и Баян-сулу» сняты художественные фильмы. Поэтичные сказания о большой и светлой любви близки читателям всех времен и народов. В наступившем XXI веке знакомство с эпическими произведениями продолжается.

Авторский взгляд на развитие традиционной культуры казахского народа, на ее судьбу в эпоху глобализации и размышления о роли духовного наследия в художественно-творческой жизни современного Казахстана – в центре внимания научного издания С. А. Каскабасова «О фольклоре и не только...» (2005). Читатели разных возрастов найдут ответы на многие вопросы: «Что представляет собой казахский фольклор сегодня? Сохраняется ли в эпоху глобализации традиционная культура казахского народа? Что происходит в сфере семейно-брачных отношений в начале нового тысячелетия? Какие цели преследует Государственная программа «Культурное наследие», и какое участие принимает в ней коллектив Института?»

В книгу включены интервью Сеита Аскаровича, опубликованные на страницах периодических изданий Казахстана в 2004-2005 годах, заголовки которых говорят сами за себя: «Мудрое слово – крылато», «Фольклор – душа народа». Тематика их не ограничивается лишь вопросами развития науки и искусства. Фольклор родного народа – главная забота С. А. Каскабасова. Он неоднократно подчеркивает богатые традиции казахского фольклора, который изучали Ч. Валиханов, Г. Потанин, В. Радлов. В ходе повествования С. А. Каскабасов совершает экскурсы в историю развития казахской культуры и литературы, подкрепляя их суждениями отличными от общепринятых. У ученого-фольклориста свой, устоявшийся взгляд на узловые вопросы развития литературы и искусства, на судьбу казахского аула и многие другие проблемы рубежа веков: «У нас наблюдается чрезмерная идеализация архаизма. Мне кажется, мы слишком увлеклись этнокультурой. Надо жить в новых реалиях, приспособиться к этому миру – тогда нация выживет. А если держаться только за старое – отстанем от цивилизации». И чуть дальше: «Что плакать о старом ауле?.. Если мы хотим выжить как нация, нам необходим новый аул – модернизированный и индустриализированный» (О фольклоре и не только).

Ответы на некоторые вопросы приоткрывают истинные интересы и личные пристрастия автора. Ответы – разные: остроумные, жесткие, ироничные, полемичные, лиричные. С душевной теплотой Сеит Аскарович вспоминает, как сдавал экзамен по фольклору своему педагогу Нине Сергеевне Смирновой, как исполнил по ее просьбе частушки. За последние годы директор Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова МОН РК много сделал для увековечивания памяти своего любимого педагога и научного руководителя доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента АН Казахской ССР Н. С. Смирновой. Обстоятельная научная статья Сеита Аскаровича открывает книгу избранных трудов известного фольклориста «Н. С. Смирнова. Исследования по казахскому фольклору» (А.: Жибек жолы,

2008) под редакцией С. А. Каскабасова. 100-летию со дня рождения ученого-фольклориста была посвящена научная конференция «Фольклорист Н.С. Смирнова и вопросы изучения устного народного творчества» в Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова осенью 2008 года.

Только что вышла из печати книга «Ой рк» («Горизонт мыслей», Астана: Полиграфия, 2009). В новой монографии Сеит Аскарович всесторонне анализирует общие вопросы фольклора: его статус и теоретические основы, исторические пути и этапы развития, теорию фольклорных жанров, типологию, проблемы текстологии фольклора и современный жанровый состав.

Второй раздел книги охватывает прозаические жанры фольклора: миф, хикая (былички), легенды, предания, все виды сказок (волшебные, сказки о животных, богатырские, сатирические, новеллистические).

Третий раздел посвящен эпическим жанрам казахского фольклора – «Кобланды батыр», «Козы-Корпеш – Баян-сулу», «Кыз-Жибек». Автором дается характеристика исторического эпоса, раскрываются особенности казахского дастанного жанра, проанализирован образ Кенесары, введены баллады и т.д. Впервые выделен жанр народной баллады «Айман – Шолпан».

Круг научных интересов академика НАН РК С.А. Каскабасова необычайно широк. Кроме фольклора, это музыкальное, изобразительное искусство Казахстана, диалог культур и литератур, духовная безопасность современного общества и его евразийская ментальность как один из факторов сохранения межэтнического согласия. Суть евразийской ментальности ученый-литературовед видит в следующем: примат коллективного над индивидуальным; духовного над материальным; толерантность и терпимость; открытость и доверчивость; непритязательность и неприхотливость.

Среди научных проектов, которыми руководит профессор С. А. Каскабасов, занимают особое место «Национальная идея и художественная культура» и «100 лучших произведений казахской литературы», призванный познакомить широкую общественность с лучшими творениями казахских классиков. Понятие «национальная идея», по мнению С. А. Каскабасова, исторично и многоаспектно. Национальная идея может меняться в соответствии с развитием общества и государства. В государстве, состоявшемся как национальное и достигшем расцвета в экономической, политической, социальной и культурной сфере, национальной идеей на конкретный отрезок времени могут быть различные актуальные проблемы, имеющие в данный момент большое значение для государства и общества. Казахстан, как определил Президент страны, считает основной национальной идеей сохранение государственной независимости (Предисловие к «Национальной идее и художественной культуре». Рукопись в издательстве).

Из только что завершенных трудов С. А. Каскабасова – солидная вступительная статья «Немеркнущее слово» к казахстанскому тому, выходящему в свет в серии «Классика литератур СНГ» Международного фонда гуманитарного сотрудничества стран – участников СНГ. Тома выходят в издательстве «Художественная литература».

Труды казахского ученого широко известны как в ближнем, так и в дальнем зарубежье. Сеит Аскарович – постоянный участник Международных конгрессов в Турции, Кыргызстане, России. Член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор В.М. Гацак и ученый секретарь Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН доктор филологических наук, профессор А.И. Алиева глубоко уверены в том, что фольклорист С.А. Каскабасов – ученый мирового уровня, много сделавший и продолжающий делать для того, чтобы достойно представить казахскую фольклористику на международной арене.

С. А. Каскабасов всячески содействует развитию и укреплению истинно диалогических отношений между культурами разных народов. В журнале «Керуен», главным редактором которого является С. А. Каскабасов, открыта рубрика «Голоса Сибири». О пропагандистской деятельности директора Института литературы и искусства пишут составители альманаха

«Голоса Сибири»: «Под руководством Сеита Аскаровича Каскабасова Институт литературы и искусства им.М.О.Ауэзова не только регулярно обобщает опыт международного литературного сотрудничества, но и занимается иными масштабными проектами... Думается, бесценный опыт международных связей, накопленный Институтом и постоянно обобщаемый в работах его сотрудников, нуждается в детальном изучении и распространении в традиционных культурных центрах России» (Слово к читателю // Голоса Сибири. Выпуск шестой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – С.10. Ноябрь 2007 г.).

«Получили великолепно изданный фундаментальный труд «Международные связи казахской литературы в период независимости», – сообщают из Кемерово М.М. Кушникова и В.В. Тогулев. – Поздравляем весь

авторский и редакторский коллектив. Для того чтобы выходили книги такого уровня, нужна сумма счастливых условий. Какая удача, что под руководством Сеита Аскаровича в Институте литературы и искусства им. М. О. Ауэзова сложился такой дружный и работоспособный коллектив. Отдельное спасибо за автограф на книге, она будет украшением нашей библиотеки, мы представим ее на презентациях, которые будут проводиться в рамках второго этапа Межрегионального культурно-просветительского проекта Союза российских писателей «Диалог культур и литератур».

Монография содержит богатейший исследовательский материал. Причем каждая представленная в ней глава со временем, будучи дополненной, может стать отдельной книгой... Литературные связи – как дерево: чтобы оно плодоносило, нужен долголетний тщательный уход, мы познаем эту истину на примере кропотливой исследовательской работы Вашего института!

Сердечно приветствуем, Ваши кемеровчане» (Письмо от 12 марта 2009 г.).

Книги С. А. Каскабасова пользуются повышенным спросом у широкой научной общественности, всегда получают высокую оценку на страницах республиканской прессы и в зарубежных изданиях. Они адресованы филологам и искусствоведам, историкам и философам, а также тем, кто занимается сравнительным изучением фольклора, мифологии и литературы, духовной культурой родного народа. В монографиях и научных статьях С. А. Каскабасова казахский фольклор рассматривается как часть общечеловеческой культуры, имеющий не только национальный, но и интернациональный характер. Поэтому так важно продолжить начатое в рамках Государственной программы «Культурное наследие» издание свода казахского фольклора «Слова предков» в 100 томах, ведь вся национальная жизнь казахского народа, этика, эстетика отражены в устном народном творчестве.